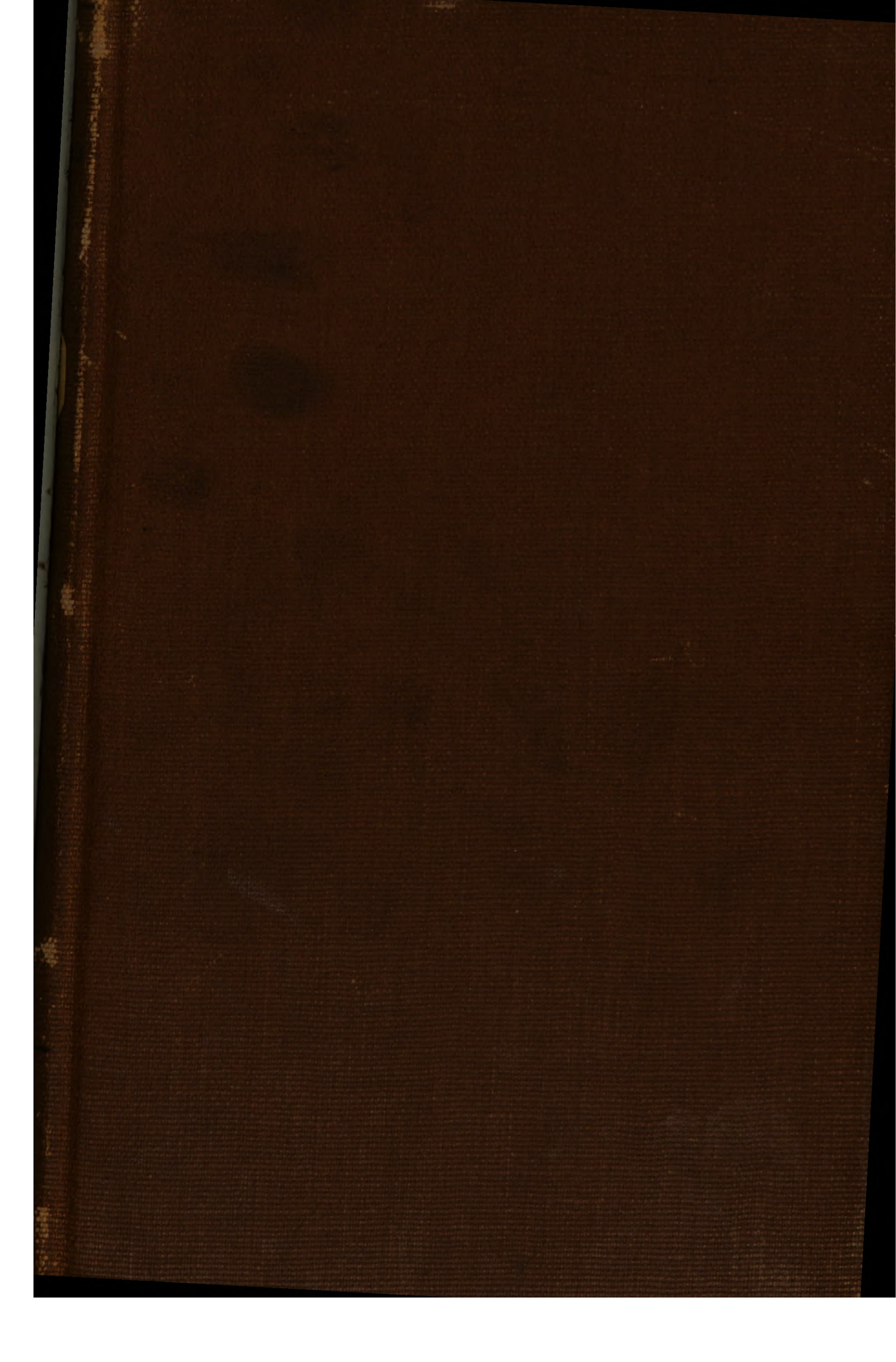
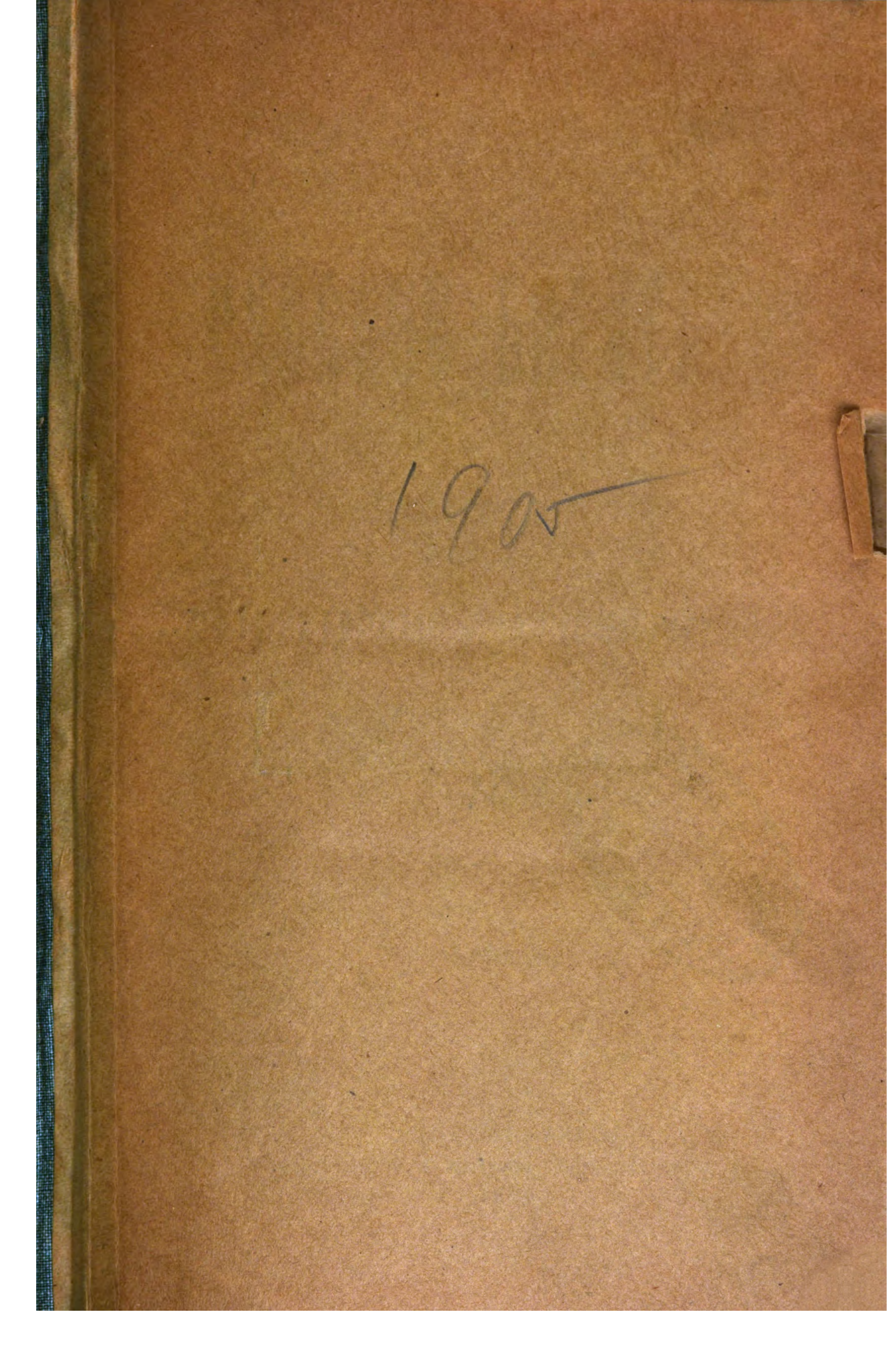
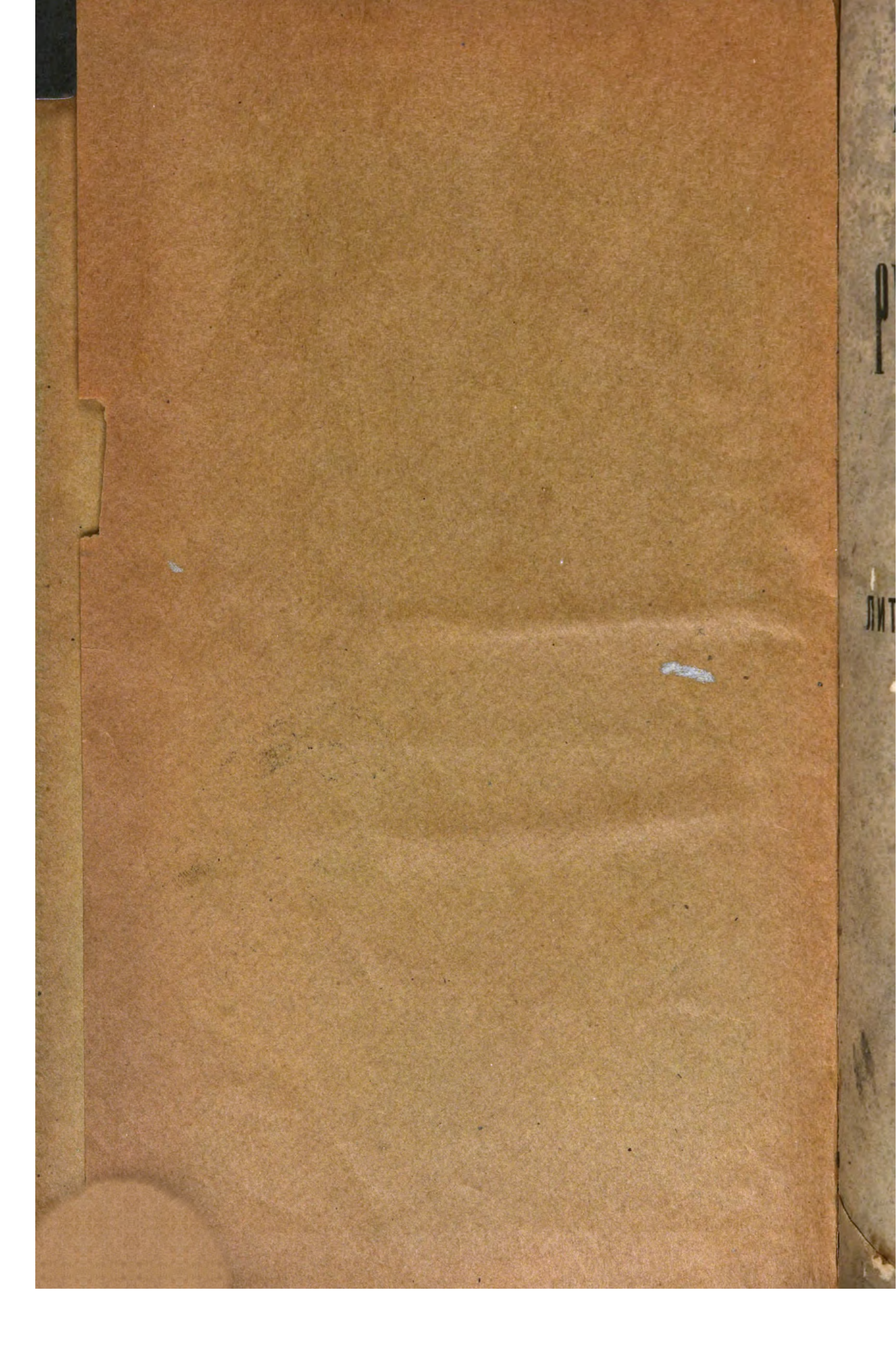

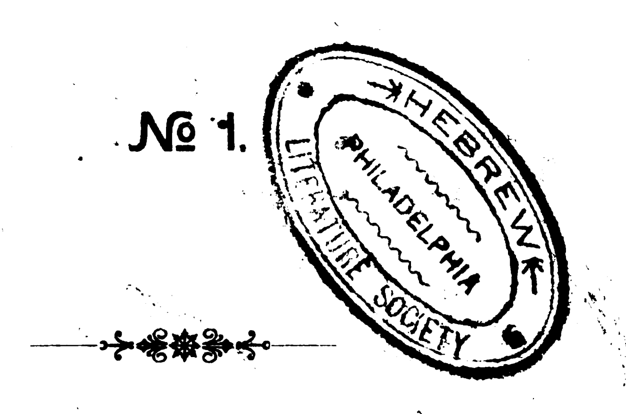
ЯНВАРЬ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

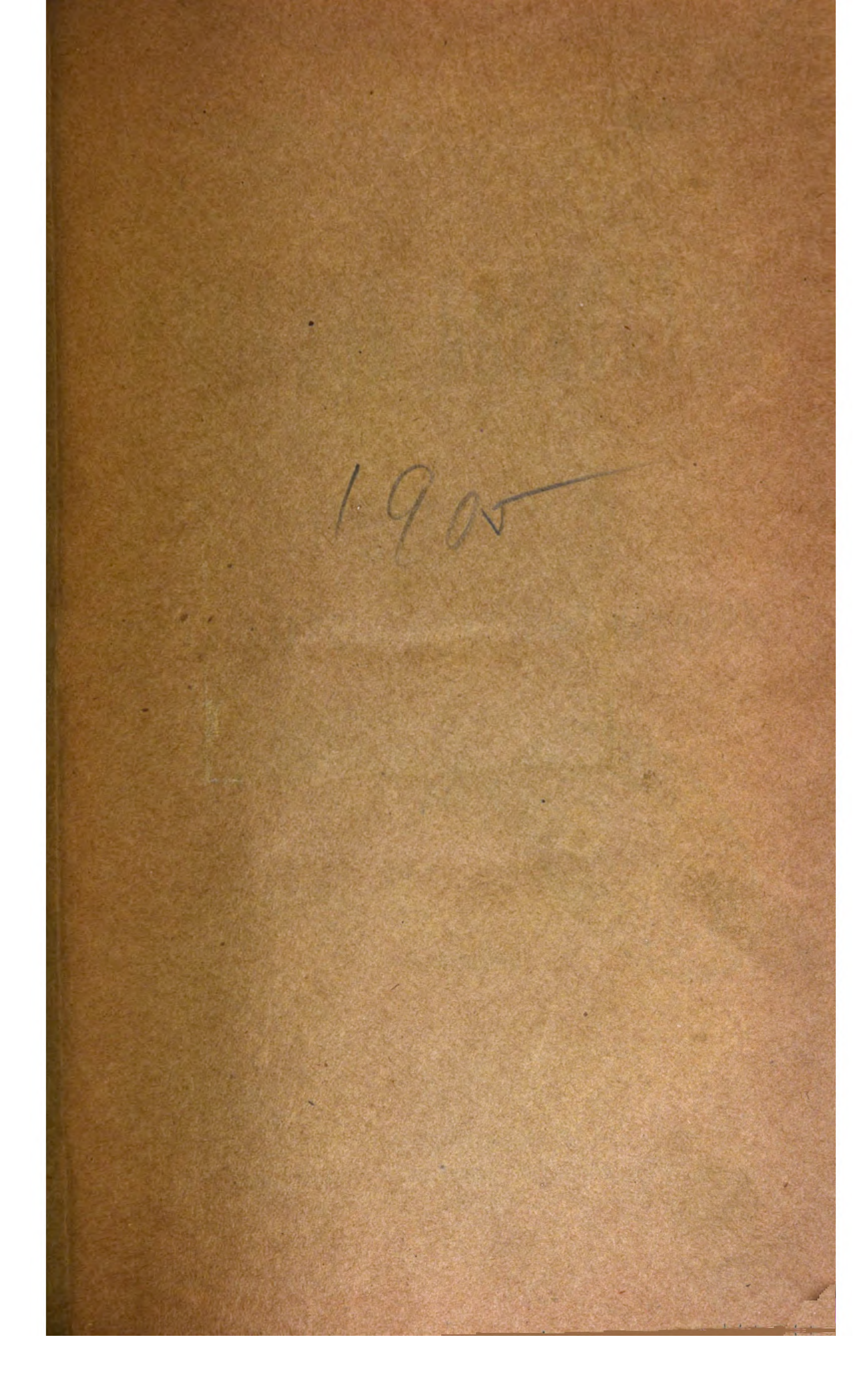
ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.
1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 января 1905 г.

190

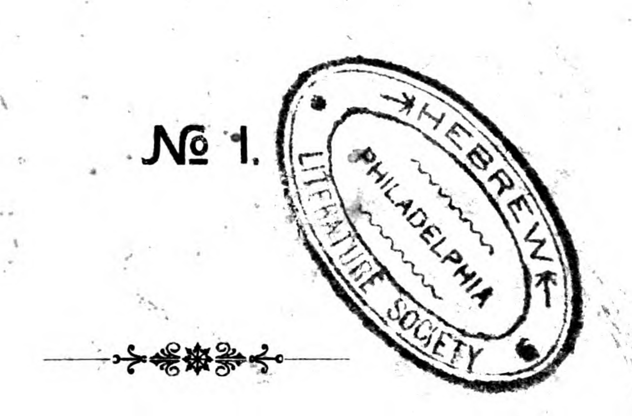
ЯНВАРЬ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

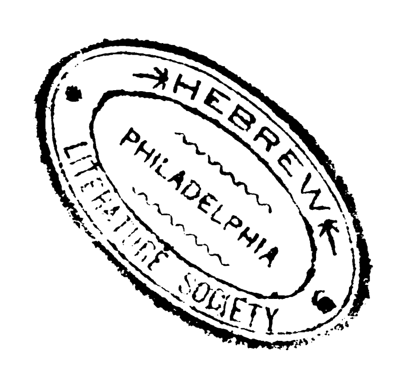
№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.
1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 января 1905 г.

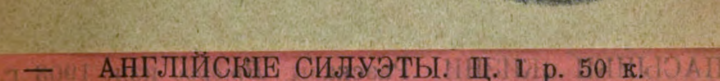
СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

(*С.-Петербургъ*—контора редакціи, Баскова ул., 9; *Москва*—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ „Политика“ *С. Н. Южакова* не могла появиться въ этомъ № „Русскаго Богатства“.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Десятое* изд. 1903 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ дурномъ обществѣ. — Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга II. *Шестое* изд.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни (фантазія).—Судный день (Іомъ Кипуръ). Малорусская сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗКАЗЫ. Книга III. *Третье* изд. 1905 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики“.—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Пятое* изд.—379 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Девятое* изд.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Третье* изд. 1904 г.—218 стр. Ц. 75 к.

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Отъ автора. — I. Народъ и его характеръ. Психологія француза. Французское краснорѣчіе. Цезаризмъ и роль личности во Франціи XIX в. Ренегаты и герои убѣжденія. — II. Общественные классы. Французское крестьянство. Несчастный богачъ и счастливые бѣдняки. Безработные. Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи. — III. Наука, литература и печать. Соціологія человѣка-звѣря. О марксизмѣ вообще, по поводу франц. марксизма въ частности. Натурализмъ на службѣ у утопіи. Французская пресса.—IV. Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ. Современное „чертобѣсіе". Шовинистская и клерикальная реакція. Дѣло Дрейфуса (Торжество военщины. Идейное пробужденіе. Реннскій процессъ и его міровой характеръ). Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи. Французскій парламентаризмъ и его критики. Эволюція политическихъ партій. Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ I. *Второе* изд. 1903 г.— 311 стр. Ц. 1 р.

Мертвая зыбь.—Лушка.—Горе.—Счастье.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ II. *Второе* изд. 1903 г.— 314 стр. Ц. 1 р.

Отдыхъ. — Чудачка. — Бабьи слезы. — Праздники. — Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ III. Изд. 1903 г.— 316 стр. Ц. 1 р.

Рабъ.—Оборванная переписка. — На мельницѣ. — Облачко. — Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Томъ I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ преддверіи. — Шелаевскій рудникъ. — Ферганскій орленокъ.— Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Томъ II. *Второе* изд. 1902 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Post-scriptum (отъ автора).

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.— 367 стр. Ц. 1 р.

Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни. — Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда. — На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г.—406 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).— Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ). — Современныя миніатюры (Гг. Минскій, Андреевскій, Фругъ, Льдовъ, Фофановъ, Коринфскій, Чюмина, Облеуховъ, Бальмонтъ, Брюсовъ, Танъ, Соловьевъ, Allegro, Ѳедоровъ, Бунинъ, Лохвицкая, Щепкина-Куперникъ, Галина). О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Томъ I. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Томъ II. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ.

7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Томъ III. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его „новая наука". 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

Томъ IV. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

Томъ V. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ".

Томъ VI. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ I. Изданіе *второе.* 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р.

Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". Братья Курочкины, Ножинъ, Благосвѣтловъ, Писаревъ, Демертъ, Минаевъ. — „Гласный судъ", „Современ. обозрѣніе", „Отеч. Записки". — Некрасовъ.—Романъ „Борьба" и статья „Что такое прогрессъ". Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Некрасовъ, какъ человѣкъ.— Фетъ о Салтыковѣ. Изъ переписки и дневника Шелгунова. Шелгуновъ и Позднышевъ. „Исторія новѣйшей русской литературы" А. М. Скабичевскаго. — П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч. Запискамъ". — Въ одной изъ толстовскихъ колоній. Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Полемика съ нимъ И. И. Мечникова.—Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ. Толстой и г. Мечниковъ, какъ гигіенисты. О естественномъ и неестественномъ. О задачахъ науки. О будущемъ женщинъ и женскаго вопроса. Люди, владѣющіе перомъ и перомъ владѣемые. Двоякаго рода эпигоны. Г. Сементковскій о нашемъ недавнемъ прошломъ.—„Книга о книгахъ". Воспоминаніе объ одномъ маленькомъ человѣкѣ. Письмо К. Маркса. Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. Ошибки исторической перспективы. „Черезъ сто лѣтъ" Беллами и „Крушеніе цивилизаціи" Буажильбера".—О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства. О мозаичности культуры. Славянофилы, „Моск. Вѣдомости", „Гражданинъ" и благонамѣренность. Изъ поѣздки по Волгѣ и изъ исторіи русской цензуры.— Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе 1900 г.—496 стр. Ц. 2 р.

Оптимистическій и пессимистическій тонъ. Марксъ Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч. Русское отраженіе франц. символизма. О разныхъ типахъ празднословія. Объ исторической критикѣ. Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина". Основы народничества г. Юзова. — Памяти Тургенева. О народничествѣ г. В. В. Братство народовъ. — О молодости. О гг. П. Ковалевскомъ и Сениговѣ.

Смерть Гайдебурова. Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ. Гегелизмъ и гальванизмъ. О діалектическомъ развитіи и тройственныхъ формулахъ прогресса. О разсказахъ гг. Григоровича и Мамина-Сибиряка. О силѣ привычки вообще, у писателей въ частности. О гр. Л. Н. Толстомъ.—Нѣчто о бѣдствіяхъ существенныхъ и красныхъ вымыслахъ. Фламмаріонъ, Мечниковъ и Бертело о грядущихъ судьбахъ человѣчества. Будущія бородатыя женщины г. Брандта. „Выдающаяся женщина" г. Ардова и Раскольниковъ Достоевскаго.—О „Литературномъ обществѣ" и нашихъ литературныхъ нравахъ. О системахъ морали. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Томъ I. Изд. 1904 г.—492 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— ОТКЛИКИ. Томъ II. Изд. 1904 г.—432 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Томъ I. Ц. 1 р. 50 к.

— „ „ Томъ II. Ц. 1 р. 50 к. (Печатает.).

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. В. Пѣшехоновъ. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Изд. 1904 г.—434 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Крестьянскій вопросъ. — Недодѣланное дѣло. — Изъ хроники голодныхъ лѣтъ. — Современные аргонавты. — Торгово-промышленныя дѣла и дѣятели.—По поводу одного аграрнаго закона.—Централизація экономической власти.—Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ. - Неудавшійся праздникъ.—Пора рѣшить. — Уединенная реформа.—Изъ земской жизни: 1) Земцы новой формаціи.—2) Кризисъ въ земской статистикѣ.—Господа ремесленники и ихъ комментаторы.—Самарскій мужикъ въ новомъ освѣщеніи. — Докторъ Штокманъ на русской сценѣ. — Изъ исторіи чести и совѣсти.—Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ. — Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи.

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА». Часть I. *Беллетристика.* Изд. 1899 г.—206 стр. Ц. 2 р.

Изъ романа „Карьера Оладушкина". Въ провинціи. *Н. К. Михайловскаго.*—У святыхъ могилокъ. Эскизъ. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.*—На службѣ обществу. *Л. Мельшина.*—Современная Миньона. *Н. Сѣверова.*—Бѣлыя крылья. Изъ разсказовъ стараго шахтера. *В. І. Дмитріевой.*—Маруся. Разсказъ. *В. Г. Короленко.* — Стихотворенія. *В. Г.* Послѣдній выборъ. Романъ. *Р. Штратца* (съ нѣмецкаго).

— Часть II. *Публицистика.* Изд. 1899 г.—450 стр. Ц. 1 р.

А. С. Пушкинъ. *П. Ф. Гриневича.*—Муки слова. *А. Г. Горнфельда.*—А. С. Пушкинъ и его письма. *Е. А. Ляцкаго.*—Изъ Пушкинской эпохи. *В. А. Мякотина.*—Сербско-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. *П. Н. Милюкова.*—Покупательныя силы крестьянства. *А. В. Пѣшехонова.*—О классицизмѣ филологическомъ и идейномъ. *Н. Е. Кудрина.*—Людвигъ Бюхнеръ. *В. В. Лункевича.* — Неудавшійся праздникъ. *А. В. Пѣшехонова.*—Правители и властители современной Европы. *С. Н. Южакова.*

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II (1898—1902). *Второе* изд. 1902 г.—295 стр. Ц 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. *Второе* изданіе. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Съ приложеніемъ образцовъ юмористической поэзіи. Въ книгѣ больше 30.000 стиховъ. Произведеніямъ почти каждаго поэта предпослана краткая характеристика.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1903 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1904 г., **уничтожены**.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

ВРАГИ.

Разсказъ.

I.

Въ концѣ февраля шестнадцатилѣтній маляръ Мотька бродилъ по окраинѣ городка, неподалеку отъ лѣсныхъ складовъ, и сумрачно думалъ о томъ, что сегодня надо работу найти во что бы то ни стало.

День былъ тусклый, гнилой и мертвый, и если бы художнику вздумалось изобразить разстилавшійся передъ Мотькой пейзажъ, ему пришлось бы употреблять одни только сѣрые да черные цвѣта. Уродливыя лачужки стояли въ безпорядкѣ, какъ попало, и стѣны ихъ, когда-то выбѣленныя, немногимъ свѣтлѣе были полусгнившихъ, разоренныхъ крышъ. Жалкія строенія эти глядѣли какъ-то особенно хмуро и печально, и, казалось, они въ тупой дремотѣ грезятъ устало объ избавительницѣ-смерти, о порѣ, когда, наконецъ, они рухнутъ, разсыпятся и превратятся въ плотную мусорную кучу. Въ лачугахъ и подлѣ нихъ было тихо и мертво, какъ и на старомъ кладбищѣ, лежавшемъ по ту сторону огромной замерзшей лужи, какъ и въ сумрачномъ полѣ, разстилавшемся позади кладбищенской ограды.

И чѣмъ-то страннымъ и нелѣпымъ казался убѣгавшій вглубь поля строй телеграфныхъ столбовъ: кто въ этомъ несчастномъ, подавленномъ краѣ станетъ пользоваться телеграфомъ? А тамъ, въ тѣхъ сторонахъ, гдѣ людямъ живется свободно и хорошо, кто заинтересуется здѣшней тоской и умираніемъ?..

Мотька безпокойно поглядывалъ впередъ, и тяжелыя думы—о заработкѣ, о хлѣбѣ—ни на минуту не оставляли его.

Отецъ Мотьки, музыкантъ Менахемъ, умеръ осенью, и молодой маляръ былъ теперь единственнымъ кормильцемъ семьи, ея защитой и надеждой. Съ озабоченностью, съ угрюмостью стараго, много испытавшаго человѣка, добывалъ онъ

ей пропитаніе. Заработать что-нибудь малярнымъ дѣломъ въ тяжелую зиму этого памятнаго неурожайнаго года нельзя было,—никто въ городѣ не строился, никакого ремонта не производилось. И другую работу, сколько-нибудь вѣрную и продолжительную, также трудно было найти. Каждый заработокъ, какъ бы малъ онъ ни былъ, по недѣлямъ выслѣживался десятками нуждавшихся...

Въ эту мрачную зиму нищета въ городѣ была неслыханная, и она возростала съ каждымъ днемъ. Люди съ измученными больными лицами, оборванные, почти босые, осаждали сѣни „богачей", робко плакали и причитали, молили подобострастно и униженно, и иногда, выведенные изъ себя, въ остервенѣніи, разражались истерическими проклятіями и угрозами...

Богачи ходили смущенные, испуганные, теряли голову, не знали, что дѣлать. Больше тысячи бѣдняковъ надо было кормить ежедневно, а средствъ не хватало и для двухъ сотъ.

И Мотькина семья голодала тоже. Но время отъ времени молодой маляръ приносилъ двугривенный или полтинникъ, приносилъ хлѣбъ или кувшинъ молока, и тогда на окружавшихъ его высохшихъ дѣтскихъ личикахъ появлялось выраженіе праздничное, радостное.

— Какъ-нибудь зиму промаемся, а ужъ весной, Богъ дастъ, дѣла пойдутъ лучше,—говорилъ Мотька своей матери Хасѣ. — Начнутся постройки, будетъ работа... Въ клубѣ ремонтъ, въ городской управѣ... Я разсчитываю Розѣ купить на выплату чулочно-вязальную машину... Это дѣло недурное! Бенюмена, пока что, отдамъ въ талмудъ-тору, а для Берчика возьму учителя, въ гимназію готовить...

— Что это ты, Господь съ тобой?—съ тайнымъ умиленіемъ восклицала Хася.

Гимназія для Берчика, шустраго, видимо очень способнаго десятилѣтняго мальчугана, была лучшей мечтой Хаси. И бѣдная женщина сладко замирала, когда, закрывая глаза, рисовала себѣ своего птенца въ синемъ мундирчикѣ... Отчего бы Берчику и не учиться? Онъ хуже другихъ, что ли? Не такъ уменъ, не такъ красивъ, какъ другіе? Одѣть его, какъ слѣдуетъ, обмыть хорошенько, подкормить съ мѣсяцъ, другой,—еще получше другихъ будетъ. Прямо—генеральское дитя!

— Непремѣнно въ гимназію! — задумчиво говорилъ Мотька. Пусть будетъ образованный. Учителя возьму, книги стану покупать, за все буду платить... На части разорвусь, носомъ землю пахать стану, а его въ люди выведу! — воспламеняясь, добавлялъ онъ.

Увы! свою преданность братишкѣ и готовность разорваться для него на части Моткѣ пришлось доказать еще задолго до прісканія работы,—и совсѣмъ не покупкой книгъ и не приглашеніемъ учителей...

Берчикъ заболѣлъ скарлатиной: надо было его спасать.

Двѣ недѣли Мотька не смыкалъ глазъ, бѣгая по докторамъ, по „благодѣтелямъ", по благотворительнымъ учрежденіямъ... Откуда-то онъ приносилъ и чай, и ромъ, и лѣкарства, и топливо, и даже ванну гдѣ-то добылъ... На Хасю нашло тупое отчаяніе. Она ни во что не вмѣшивалась, ни въ чемъ не помогала сыну, сидѣла въ холодныхъ сѣняхъ и дико водила глазами. А Мотька дѣйствовалъ такъ дѣловито, такъ энергично и неутомимо, что, не смотря на ужасныя условія, отстоялъ таки умиравшаго брата. И когда впослѣдствіи Хася очнулась нѣсколько и пришла въ себя, она смотрѣла на своего первенца съ тайной робостью, съ безконечнымъ почтеніемъ,—какъ на свыше посланнаго ей хранителя и защитника.

Да и въ собственныхъ своихъ глазахъ Мотька сталъ съ тѣхъ поръ выше и важнѣе. Онъ понялъ еще яснѣе, какъ необходимъ онъ семьѣ...

II.

— Эге, малярь, это ты?

Мотька вздрогнулъ и обернулся.

Передъ нимъ стоялъ огромнаго роста человѣкъ въ длинной шубѣ и большой бобровой шапкѣ. Это былъ владѣлецъ пивоваренняго завода, чехъ Кубашъ. Въ прошломъ году, весной, Мотька сумѣлъ такъ ему угодить, что получилъ приглашеніе заходить на пивоварню „каждый разъ" и пить пива „сколько угодно". Но потомъ случилось такъ, что Кубашъ заподозрилъ Мотьку въ кражѣ у дворника Анисима трехъ рублей и жестоко его избилъ. И оттого, завидѣвъ теперь обидчика, Мотька затрепеталъ всѣмъ тѣломъ и въ ужасѣ сталъ пятиться назадъ.

— Слушай,—продолжалъ чехъ, стараясь изобразить на своемъ гладкомъ, бритомъ, съ короткими сѣдоватыми бачками лицѣ ласковую улыбку.—Ты, малярь, тово... Обидѣлъ я тебя, понапрасну обидѣлъ... Деньги-то рыжій Митричъ укралъ, пильщикъ... Потомъ все въ точности раскрылось...

— Ага! — издали вскричалъ Мотька,и глаза его торжествующе засверкали.

— Анисимъ, дуракъ, зналъ, кто укралъ, да молчалъ... выдавать не хотѣлъ... А потомъ... когда... ну, вотъ когда съ

тобой это вышло, пришелъ и разсказалъ... Ну, ты ужъ тово... Ты малярь хорошій, я знаю. Лѣтомъ буду строить флигель, непремѣнно тебѣ работу дамъ, непремѣнно.

— Я-жъ вамъ божился, что я не воръ!

— Ну, что ужъ... кто тебя зналъ... Дѣло прошлое, не вернешь... Жалѣю, а не вернешь... А теперь тебѣ работы не надо?

Мотька молчалъ и хмуро поглядывалъ на чеха.

— У меня на пивоварнѣ ледники набиваютъ; ступай, если хочешь, на рѣчку ледъ колоть.

Мотька продолжалъ молчать. Брать работу у обидчика было тяжело...

— Сорокъ копѣекъ въ день.

Кубашъ распахнулъ шубу, досталъ большіе стальные часы и, поглядѣвъ на нихъ, добавилъ:

— Теперь двѣнадцатый часъ; ну, это ничего, я тебѣ зачту за день... Работы на недѣлю хватитъ.

Мотька стоялъ въ отдаленіи и нерѣшительно озирался.

— Да ужъ ступай, чего тамъ, — настаивалъ Кубашъ. — Знаешь, въ Лозахъ, позади мостковъ. Тамъ ужъ увидишь: люди работаютъ... Скажешь, я прислалъ... Ступай, ничего...

— Хорошо, я пойду,--хриплымъ голосомъ, черезъ силу, пробормоталъ Мотька.

И, поклонившись Кубашу, онъ скорымъ шагомъ сталъ перерѣзывать поле.

Вѣтеръ дулъ съ юга, сырой и рѣзкій. Морозъ упалъ совсѣмъ, верхушки кочекъ слегка оттаяли, и идти было трудно: нога скользила и то и дѣло попадала въ рытвины. Мотька шагалъ межой и смотрѣлъ впередъ себя, гдѣ, верстахъ въ двухъ, за буроватой полосой сухого и мертваго камыша, прятались кривыя извивы широкой рѣки. По черной и крутой дорогѣ, подлѣ телеграфныхъ столбовъ, медленно тащились нагруженныя льдомъ подводы. Лошади были измученныя, жалкія, и карабкались онѣ съ великимъ трудомъ, вытягивая впередъ свои несчастныя головы, уродливо выгибая спины и выдыхая цѣлыя тучи сѣраго, мутнаго пара. Временами, окончательно выбившись изъ силъ, онѣ останавливались, и тогда извозчики принимались ихъ бить ногами и кнутовищемъ, въ животъ и по головѣ, и оглашали угрюмую пустоту дикимъ и мучительнымъ крикомъ...

— Ничего не подѣлаешь,—думалъ Мотька, приближаясь къ камышамъ.—Надо смириться, работать на Кубаша. Онъ все-таки хорошій человѣкъ. Другой обидитъ и никогда не признается, что сдѣлалъ это понапрасну. Вотъ, напримѣръ, мусю Цыпоркесъ: этотъ еще пожаловался бы въ часть и кричалъ бы по всему городу, что я его обокралъ. А Кубашъ

вотъ сегодня за цѣлый день заплатитъ... сорокъ копѣекъ... Ну, и славу Богу! Работы, говоритъ, на недѣлю будетъ. Что-жъ, это деньги: заплачу за квартиру и еще полъ-мѣшка картошки куплю... Дѣти совсѣмъ изголодались... Таки спасибо Кубашу, ей-Богу, спасибо...

И, насвистывая отъ удовольствія, Мотька сталъ спускаться къ камышамъ.

Рѣка, саженъ полтораста въ ширину, вся сплошь затянута была бѣлесоватой ледяной корой. Только въ самой серединѣ тянулось большое прямоугольное темное пятно. Въ этомъ мѣстѣ ледъ былъ уже сколотъ, и вода, сдавленная съ четырехъ сторонъ, ходила въ полыньѣ мелкой рябью, сумрачная и сердитая. Она упорно билась о свою крѣпкую раму и неустанно рокотала, зловѣще и многозначительно... Ближе къ противоположному берегу, покатому и заросшему чахлымъ лознякомъ, стоялъ рядъ черныхъ, ветхихъ баржъ, а нѣсколько влѣво отъ лозняка тянулись огороды, и среди нихъ острымъ горбомъ чернѣла одинокая землянка. Все въ этомъ мѣстѣ было уныло, бѣдно и пусто, и на много верстъ вокругъ не видно было живого существа. Только посреди рѣки, неподалеку отъ темной проруби, стояли три человѣка и вяло постукивали ломами объ ледъ.

Одного изъ нихъ Мотька узналъ еще издали. Это былъ дворникъ Анисимъ, необыкновенно смирное, безсловесное созданіе,—тотъ самый дворникъ Анисимъ, у котораго украденъ былъ кисетъ съ тремя рублями. Теперь на Анисимѣ были бурыя валенки и облѣзшая баранья шапка съ наушниками. Двухъ товарищей его Мотька тоже, какъ будто, встрѣчалъ. У одного была густая желтая борода и такіе же желтые всклокоченные волосы. Онъ былъ невысокъ ростомъ, но широкъ въ плечахъ, кряжистъ и, видимо, очень силенъ. Но лицо было одутловатое, желто-сѣрое, какъ у человѣка съ очень больной печенью. Одѣтъ онъ былъ въ какую-то женскую клѣтчатую фуфайку, перехваченную въ поясѣ синимъ платкомъ, и въ свѣтло-сѣрый котелокъ съ обломанными полями. Лѣтъ ему можно было дать около сорока. Въ человѣкѣ этомъ Мотька скоро узналъ „рыжаго Митрича“,—того самаго, который укралъ у Анисима деньги, и за проступокъ котораго молодой маляръ такъ жестоко поплатился.

Подлѣ Митрича толокся тщедушный, сѣденькій старичокъ, въ безмѣрно широкомъ, рваномъ армякѣ и въ лаптяхъ.

Ты, Ягоръ, ты Ягоръ, ты Ягорушка,
Золотая, золотая ты головушка...—

весело и быстро пѣлъ онъ, приплясывая и постукивая себя небольшими кулачками по сѣдой головѣ...

— Богъ въ помощь, землячки!—крикнулъ Мотька, приближаясь.

— Здорово!—Егорушка пересталъ плясать и дружелюбно уставился на Мотьку.—Здравствуй, малецъ!.. Прогуляться вышелъ? По бульвару пройтиться?

— Пособлять пришелъ... Меня къ вамъ Кубашъ въ товарищи прислалъ.

— Вотъ лиходѣй!

Егорушка хлопнулъ себя по бедрамъ и радостно взвизгнулъ.

— Въ товарищи? Вотъ это, братуха, въ аккуратъ выходитъ, подъ кадрель... Насъ тутъ всего трое, танцовать-то и неспособно... Бери, братуха, ломъ, да и становись сюды... Митричъ, слыхалъ? — обратился онъ къ желтобородому: — вотъ кумпаньонъ къ намъ пришелъ.

Митричъ медленно отвелъ въ сторону ломъ и сумрачно посмотрѣлъ на Мотьку.

— Канпаньонъ?—тусклымъ, простуженнымъ басомъ прохрипѣлъ онъ.—Какой онъ мнѣ канпаньонъ, продово сѣмя?

Брови у Егорушки вдругъ вздернулись кверху, глаза расширились и округлились. Съ наивнымъ непониманіемъ оглядѣлъ онъ Митрича, потомъ Мотьку, потомъ снова Митрича...

— Ты чего это такъ? — не то съ любопытствомъ, не то съ безпокойствомъ воскликнулъ онъ.—Ну, чего ты, га? Ну, зачѣмъ?

— А вотъ затѣмъ,—отрубилъ Митричъ.—„Канпаньонъ"!.. Пархъ, а не канпаньонъ.

Въ голосѣ его слышалась глубокая ненависть и презрѣніе, а по выраженію глазъ и по движенію фигуры было видно, что онъ не прочь бы дать новому компаньону по затылку. Мотька растерянно посмотрѣлъ на этого крѣпкаго, сильнаго человѣка—и поспѣшно отошелъ къ Егорушкѣ...

— Экій ты, Митричъ, га! — съ веселой и вмѣстѣ тревожной ласковостью заговорилъ старикъ. — Лиходѣй вѣдь ты, га?.. Ей, право, лиходѣй!.. Ну, чего серчаешь? Чего къ мальчонкѣ присталъ?

— Сволочь онъ!—зарычалъ Митричъ, и глаза его злобно сверкнули подъ нависшими желтыми бровями. — Зачѣмъ сюда прилѣзъ, жидюга проклятый?

— Я къ вамъ не лѣзу... я васъ не трогаю,—заговорилъ изъ-за спины Егорушки Мотька. И голосъ его, вообще тонкій и слабый, звучалъ теперь, какъ у десятилѣтняго мальчика.—Я вамъ не мѣшаю... Меня прислалъ господинъ Кубашъ.

— Ну, вотъ что,—торопливо подхватилъ Егорушка, и маленькое, бурое лицо его озарилось дѣтски-радостной улыб-

кой.—Прислали тебя работать—ты и работай. Работай себѣ, знай, и не разговаривай. Экій ты какой!.. Не понимаешь дѣла... Когда тебя прислали, такъ ты, стало быть, исполняй... А ты разговаривать. Тутъ, братъ, разговору не надо, тутъ сурьезно надо...

Личико Егорушки сдѣлалось вдругъ дѣловитымъ и важнымъ.

— Потому ледъ это... Его колоть надо. Ну и... и все... Ступай, братуха, на тотъ берегъ, къ огороднику, бери ломъ и валяй... Нечего тутъ...

— Ахъ ты, египетскій! — съ сердцемъ проворчалъ Митричъ, принимаясь снова за работу. — Приползъ, нечистая сила! Онъ тебѣ всюду вползетъ!

— Вползетъ, это правильно,—примирительно согласился Егорушка.

— Сейчасъ тутъ рѣка, поле, степь — чисто, свободно... А приперъ вотъ этакій—Симъ, Хамъ и Яфетъ, все сразу и прокоптитъ!

— „Прокоптитъ"!—подхватилъ Егорушка и отъ удовольствія топнулъ лаптемъ. — Это вѣрно, что прокоптитъ. Ей право! Вишь сказалъ! А?! Прокоптитъ! Ахъ, лиходѣй!

— Племя нечистое.

— О? Нечистое?

— Хуже нечистаго: Іуды, кровососы анаѳемскіе...

Егорушка посмотрѣлъ на Мотьку.

— Эхъ, мальчонка,—сочувственно прокряхтѣлъ онъ,—видишь ты! Вотъ дѣла-то... Дѣла-то, говорю, вотъ какія. А ты ступай, пока что, за ломомъ, ступай, братуха, нечего тутъ.

Мотька обвелъ испуганнымъ взглядомъ и своего врага, и своего защитника, и сохранявшаго все время полное безмолвіе Анисима, и потомъ тихонько, осторожно ступая, поплелся по льду на другой берегъ, гдѣ въ круглой землянкѣ хранились нужныя для колки льда принадлежности.

— И чего отъ меня хочетъ этотъ разбойникъ,—думалъ онъ,—что я ему сдѣлалъ? Такая ужъ наша еврейская доля.

И Мотька сталъ думать о томъ, что его преслѣдовали всю жизнь. Вотъ на эту самую рѣку прибѣгалъ онъ купаться въ дѣтствѣ, и русскіе мальчики жестоко били его и не впускали въ воду... Когда онъ, выкупавшись, выходилъ изъ воды, они швыряли въ него пескомъ и грязью, и онъ вынужденъ бывалъ снова лѣзть въ рѣку. Мальчишки швыряли опять и опять, въ теченіе получаса и больше, и онъ весь синѣлъ отъ холода, коченѣлъ и трясся; а мальчишки издѣвались надъ нимъ и хохотали, завязывали въ тугіе „сухари" рукава его рубахи и смачивали ихъ въ рѣкѣ, чтобы сдѣлать еще болѣе труднымъ распутываніе узловъ...

Плавалъ Мотька неумѣло. Онъ безпорядочно и неловко ударялъ по водѣ сжатыми кулаками, и товарищи говорили, что онъ „мѣситъ булки". И этимъ неумѣньемъ его русскіе мальчики тоже пользовались и часто „топили" его, пригибая къ рѣчному дну... Постоянныя преслѣдованія, постоянная мука!.. Когда, четыре мѣсяца назадъ, отца Мотьки на черныхъ носилкахъ несли на кладбище, какой-то извозчикъ кричалъ во всю глотку: „Жидъ сдохъ, Хайка осталась. Ступай, Хайка, въ казарму, солдатъ вкуснѣе жида"... А прохожіе поощрительно смѣялись...

III.

Мотька вернулся къ мѣсту, гдѣ кололи ледъ, и, устроившись подлѣ Егорушки, принялся за работу.

— Гепъ, гепъ, гепъ! — передразнивалъ его Митричъ, суетливо и неуклюже раскачиваясь всѣмъ тѣломъ.—Гепъ... дохлая морда...

— Ты, мальчонка, не такъ,—училъ Мотьку Егорушка:— гляди-ко сюда, сюда гляди! Ты вотъ какъ: прямо ломъ подымай, да внизъ яво и бухай!.. Да ты не спѣши, не спѣши... Гляди-ко суды, вотъ: рассcъ!.. рассcъ!..

— Ахъ, вей!—кричалъ Митричъ, хватаясь за воображаемые пейсы.—А ловко тебя Кубашъ отколотилъ, да, видно, мало. Небось, опять деньги станешь красть... Жиды на это дѣло мастера здоровые!

При этихъ словахъ, сосредоточенный Анисимъ прервалъ работу и вытаращилъ глаза. Минуты двѣ смотрѣлъ онъ на Митрича пристально, напряженно, словно соображая что-то... Потомъ, не проронивъ ни слова, слегка отвернулся и опять сталъ дѣйствовать ломомъ.

— Кербеле, копекесъ,—продолжалъ Митричъ,—три рубля у человѣка уперъ, а потомъ—„зачиво нападеніе"!..

Мотька молчалъ и дѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ. Егорушка добродушно балагурилъ и всячески старался отвести вниманіе и краснорѣчіе Митрича къ другимъ предметамъ. Дѣлалъ онъ это, однако же, съ большой осторожностью, видимо побаиваясь своего желтобородаго товарища и заискивая въ немъ. Онъ громко смѣялся его остротамъ, иногда и повторялъ ихъ, съ восхищеніемъ, не всегда, впрочемъ, свободнымъ отъ притворства, причмокивалъ губами и притопывалъ лаптемъ.

— Жидовская нацыя — самая подлющая!—докладывалъ Митричъ.

И мысль эту онъ развивалъ подробно и обстоятельно.

Онъ былъ, видно, грамотенъ; тупыя человѣко-ненавистническія фразы изъ уличныхъ газетокъ перемѣшивались съ темнымъ бредомъ невѣжественнаго, одичалаго человѣка, и получалось что-то такое безсмысленно-злобное, гнетущее и тревожное, что наивная душа Егорушки и смущалась, и хмурилась... Егорушка любилъ веселье, любилъ побалагурить, посмѣяться и попѣть, а Митричъ преподносилъ ему мрачныя разсужденія о зловредности и гнусности жидовъ. И Егорушкѣ было неспокойно, тяжело и непріятно, онъ жалѣлъ „страдающаго изъ-за жидовъ“ православнаго человѣка, и ему хотѣлось бы его отъ жидовъ оборонить и за него отомстить, но въ то же время ему какъ-то жаль было и жида, тѣмъ болѣе жаль, что въ длинныхъ разсужденіяхъ Митрича бѣдной головѣ его смутно чуялось что-то нескладное, неправильное и „неподходящее“...

— Э-и-эхъ!—какъ-то неопредѣленно, со странной печалью, кряхтѣлъ онъ, когда Митричъ толковалъ ему объ употребленіи евреями христіанской крови. Онъ косился на Мотьку, бросалъ недовольные, но робкіе взгляды на Митрича и какъ-то особенно гулко и часто стучалъ своимъ ломомъ объ ледъ. Печаль и досада переполняли его сердце...

Но когда Митричъ переходилъ къ передразниванію евреевъ, къ куплетамъ вродѣ

А жа ними вбокъ
Молодой жидокъ,—

онъ вдругъ веселѣлъ и прояснялся. Онъ даже принимался подтягивать Митричу и, бросая время отъ времени дружеское и ободряющее слово безмолвно работавшему Мотькѣ, крякалъ радостно и весело, какъ утка, въ знойный день попавшая въ ручей.

Мотька ни единымъ словомъ не отзывался на всѣ эти глумленія.

Сердце его ныло и дрожало, злоба закипала въ немъ. Крѣпко стискивались зубы, и минутами душила потребность броситься на обидчика и избить его... Но Мотька былъ такъ тщедушенъ и слабъ... и съ утра ничего не ѣлъ... и дома его заработка ожидали голодныя дѣти...

— Онъ, кажется, никогда не перестанетъ,—въ тоскѣ говорилъ себѣ Мотька.

А Митричъ, дѣйствительно, не выказывалъ намѣренія перестать.

Пріѣхали извозчики, стали нагружать на телѣги ледъ, и произошелъ короткій перерывъ. Но вотъ телѣги, скрипя и и раскачиваясь, уѣхали, и Митричъ опять принялся за свое... Его, видимо, бѣсило, что Мотька отмалчивается, и онъ ста-

новился все болѣе и болѣе злымъ. Уже онъ не передразнивалъ евреевъ и не пѣлъ обидныхъ куплетовъ,—обидныхъ, но все же, большей частью, добродушныхъ,—а свирѣпо ругался и временами угрожалъ...

— Ну, что дѣлать, что дѣлать?—мысленно стоналъ Мотька.— Когда Богъ уже благословилъ и работа нашлась, такъ вотъ тебѣ, такой извергъ случился... И завтра опять это же самое будетъ, и послѣ завтра то же...

— А чтобъ онъ пропалъ!—отъ всего сердца взмолился онъ.

— Австріякъ, тотъ, братцы мои, самымъ лучшимъ манеромъ съ жидами со своими справился,—объявилъ Митричъ.— Взялъ да всѣхъ на мерзлый островъ въ Ледовитый океанъ и посадилъ.

— Ахъ, лиходѣй!—одобрилъ Егорушка. И, желая перемѣнить тему разговора, политично спросилъ:—А какая у австріяка форма? Амуницыя, значитъ, какая у яво будетъ, амуницыя?

— Не хотимъ, говорятъ, жидовскаго духа — и шабашъ. Ступай на ледяной островъ... Ни солнца тамъ, ни дерева, ни травки, ни огня,—ничего не видать! Ледъ да бѣлые медвѣди. Молись себѣ своему жидовскому Богу!

— Богъ-то одинъ,—задумчиво произнесъ Егорушка.

— Богъ одинъ, да вѣра разная.

Егорушка помолчалъ.

— Ну, а тово... а уѣхать оттеда, съ острова, развѣ нельзя?— заинтересовался вдругъ Анисимъ.

— У-у-уѣхать?.. Хо-хо-хо... Онъ те уѣдетъ!

Выцвѣтшіе глаза Митрича злорадно забѣгали.

— А миноноски на что? Кругъ острова шестнадцать штукъ миноносокъ стоитъ, караулятъ, чуть кто съ мѣста тронулся— сейчасъ стопъ! Тутъ ему и крышка... Половина жидовъ на острову уже передохла... а доктора разсчитали, что черезъ семь годовъ ни слуху, ни духу отъ нихъ не останется.

Вѣтеръ дулъ теперь сильнѣе, мѣнялъ направленіе и становился суше. Онъ обжигалъ Мотькѣ лицо, упорно разворачивалъ полы его куртки и билъ его по тонкимъ, одѣтымъ въ парусиновые штаны, подогнувшимся ногамъ. Даже усиленныя дѣйствія ломомъ не могли побѣдить холода и не въ состояніи были сообщить гибкость коченѣвшему тѣлу. Мотька весь дрожалъ. Жестокія слова Митрича мучили его,—точно въ уши и въ сердце ему заколачивали длинные гвозди... Онъ бросалъ косые взгляды на Митрича, на его толстый, покрытый растрепанными, желтыми волосами затылокъ и крѣпко стискивалъ зубы. Онъ дрожалъ уже не отъ одного

холода: негодованіе и ненависть вызывали въ немъ частое и мучительное трепетаніе.

— И плодущіе же, сволочи!—продолжалъ Митричъ.—Не надо и сусликовъ. Вотъ, примѣрно, этотъ самый пархъ, что сюда приперъ: ты думаешь, онъ у своего батьки одинъ? Чорта съ два! Сходи-ка къ нему домой, — небось, тамъ ихъ дюжина цѣлая. А то и двѣ...

— Это какъ Господь,—сумрачно нахмурившись, пояснилъ Егорушка.—Господу народъ надобенъ...

— „Надобенъ"... Понимаешь ты!.. А вотъ кабы я надъ жидами главный командиръ былъ, выпустилъ бы я такой указъ, чтобы маленькихъ жиденять за ноги да объ стѣнку. Хопъ—и нѣту! Хопъ—и нѣту!.. Вотъ и къ этому бы халдею заглянулъ,—счетъ бы имъ тамъ подвелъ правильный...

„Извергъ, катъ!"—тихо шепталъ Мотька. И при этомъ самъ становился злымъ и жестокимъ. Онъ представлялъ себѣ, съ какимъ удовольствіемъ онъ ударилъ бы изо всей силы Митрича по лицу... Разъ ударилъ бы, и два раза, и три раза... Билъ бы, пока не хлынула бы кровь, пока не окоченѣлъ бы этотъ мерзкій и злой языкъ...

И уже не было радости въ его душѣ, не было въ ней и безцѣльной жалобы, а все выше и выше поднималась жажда мести и крѣпла потребность расплаты. Ноздри у Мотьки яростно раздувались, глаза горѣли, и щеки дергались въ мелкой и непрестанной судорогѣ...

Митричъ, сосредоточенно возясь, шагахъ въ сорока, съ огромной льдиной, прервалъ на время свои приставанія къ Мотькѣ и всѣ ругательства адресовалъ къ непокорявшейся тяжелой глыбѣ. И Мотькѣ это было непріятно. Теперь ему издѣвательства Митрича были нужны. Они были ему нужны для того, чтобы довершить происходившую въ немъ работу, чтобы довести злобу до ярости, до безумства и швырнуть его—тщедушнаго, голоднаго, измученнаго мальчика—на этого тяжелаго, костистаго и грязнаго здоровяка... Все въ немъ кипѣло и бурлило, хотя и не въ такой еще степени, чтобы расправу начать сейчасъ же. Нужно было новое раздраженіе, необходима была еще новая, послѣдняя обида, чтобы голосъ разума и подлаго разсчета замеръ окончательно, чтобы сердце загорѣлось со всѣхъ сторонъ.

Митричъ побѣдилъ, наконецъ, свою льдину. Послѣднимъ усиліемъ онъ приподнялъ ея край, подсунулъ подъ него ломъ и выпихнулъ тяжелую глыбу наверхъ.

— Тьфу, бей тебя сила Божія! — проворчалъ онъ, отставивъ прочь ломъ и туже стягивая служившій ему поясомъ синій вязаный платокъ. — Заморился, прямо бѣда!.. А ты, послушай-ка, какъ тебя тамъ, свиное ухо? Дай-ка табачку!..

Въ глазахъ Мотьки молніей сверкнула какая-то дикая улыбка. Ломъ выпалъ изъ его рукъ, весь онъ мгновенно выпрямился.

— Холеру я тебѣ дамъ, прохвостъ!

Слова эти прозвучали рѣзко, отчетливо и звонко,—точно тяжелымъ молотомъ ударили въ тонкую серебряную доску.

Митричъ удивленно поднялъ голову.

— Чего?

— Прохвостъ!.. Мучитель!!.. Извергъ!...—истерически кричалъ Мотька:—За что ты меня мучишь?.. Да я теббби, кровопійцу... уббью!

И, поднявъ кверху длинныя, худыя руки, онъ ринулся впередъ.

На одно мгновеніе, всѣхъ — и Митрича, и Анисима, и Егорушку—охватило полное оцѣпенѣніе.

То, что происходило передъ ними, было такъ странно, такъ неожиданно и невѣроятно, что они не могли вѣрить глазамъ. Ошеломленные, они не проронили ни звука. И тяжелую, сумрачную тишину, царившую надъ скованной рѣкой, надъ мертвымъ слоемъ камышей и надъ пустыннымъ, мерзлымъ берегомъ, раздиралъ лишь пронзительный, дикій вопль Мотьки. Словъ Мотька не произносилъ никакихъ, и то, что вылетало изъ его груди, было лишь безсмысленнымъ, ровнымъ и рѣжущимъ ревомъ раненаго на смерть, уже изнемогающаго, истекающаго кровью, но сильнаго яростью и бѣшенствомъ животнаго. Животное это неслось впередъ, къ тому, кто его ранилъ, неслось затѣмъ, чтобы быть раненымъ вторично, еще ужаснѣе,—но и затѣмъ также, чтобы отомстить и въ послѣднемъ предсмертномъ усиліи уничтожить растерзать убійцу-врага!

— Лиходѣй!.. Ахъ, лиходѣй!.. — завизжалъ вдругъ Егорушка. И, подбѣжавъ къ Митричу, онъ обхватилъ его руками. Широкимъ армякомъ своимъ онъ прикрылъ Митрича всего—и этимъ, повидимому, разсчитывалъ оградить его отъ нападенія Мотьки и предотвратить бѣду.

Однако же, катастрофу предупредилъ не онъ, а Анисимъ. Безмолвный дворникъ проворно подскочилъ къ Мотькѣ, схватилъ его за шиворотъ, приподнялъ на полъ-аршина надо льдомъ и, не проронивъ ни слова, какъ котенка, понесъ въ сторону.

— Пусти!—захлебываясь, рычалъ Мотька:—Пусти, сволочь!

Онъ бился и извивался всѣмъ тѣломъ и стучалъ кулаками и ногами по Анисиму, куда попало. Но дворникъ держалъ его крѣпко. Онъ какъ-то такъ ловко обнялъ своего плѣнника, что сковалъ ему и руки, и ноги, и тотъ могъ теперь вздрагивать и колыхаться однимъ только туловищемъ.

Оттащивъ Мотьку саженъ на двадцать, онъ опустилъ его на ледъ и, ставъ впереди, какъ пугало на огородѣ, горизонтально раздвинулъ руки.

— Стой тутъ!..—вяло проговорилъ онъ.—Стой... стой, а то буду бить...

Мотька мутными, непонимающими глазами глядѣлъ на Анисима, на стоявшихъ впереди Митрича и Егорушку... Куртка его разстегнулась; лѣвая пола, въ борьбѣ съ Анисимомъ, распоролась до самаго рукава, и вѣтеръ рвалъ ее и трепалъ, какъ флагъ. Анисимъ, продолжая держать правую руку въ горизонтальномъ положеніи, лѣвой добылъ изъ кармана трубку. Устроивъ трубку во рту, онъ опустилъ и другую руку и, орудуя уже обѣими, сталъ застегивать Мотькину куртку. Мотька безучастно смотрѣлъ на дѣйствія дворника и вертѣлъ головой то вправо, то влѣво. Онъ точно не сознавалъ того, что случилось, и точно искалъ чего-то...

— Скажешь мамкѣ, — бормоталъ Анисимъ, подергивая оторванную полу,—мамка зашьетъ...

И вдругъ Мотька вздрогнулъ, какъ-то странно ахнулъ, и слезы обильно полились по его озябшимъ щекамъ.

А Егорушка, между тѣмъ, схватилъ за обѣ руки Митрича, подпрыгивалъ, семенилъ ногами и, взволнованно заглядывая пріятелю въ лицо, таинственно и внушительно шепталъ:

— Не обижай, не обижай, Митричъ, мальчонку!.. Что будешь дѣлать?.. Жиденокъ онъ, жидъ... а нельзя... нельзя обижать...

Онъ хлопалъ себя руками по бедрамъ, вздрагивалъ плечиками и удивленно озирался.

— Вишь, дѣла какія, а?.. Вѣдь лиходѣи вы, а? Ей-право, лиходѣи, ей-право... А обижать нельзя... не надо...

Митричъ молчалъ.

Отвернувшись отъ того мѣста, гдѣ находились Анисимъ и Мотька, онъ сурово смотрѣлъ себѣ подъ ноги и дышалъ часто и тяжело. Онъ стоялъ неподвижно, какъ и его воткнутый между двумя льдинами ломъ, и лицо его было желто, а глаза тусклы и прищурены. Что происходило въ этомъ человѣкѣ? Все ли еще сковывало его огромное изумленіе? Или его душило оскорбленное самолюбіе? Или зашевелилась въ немъ совѣсть — онъ сознаlъ свою вину, и ему было стыдно этого горестно трепетавшаго надъ мерзлой равниной, безпомощнаго дѣтскаго плача?..

Митричъ молчалъ. Ротъ его перекосился, желтые усы и борода тихо вздрагивали.

И то, что преобладало въ этой темной, огрубѣлой душѣ, вылилось, наконецъ, въ хрипломъ, полномъ желѣзной увѣренности возгласѣ:

— Постой, Іуда! Я еще съ тобою расправлюсь... Не я буду—не утоплю!..

IV.

Минутъ черезъ десять все надъ рѣкой затихло и примолкло, и всѣ четверо опять взялись за работу. Работали хмуро, нехотя, не думая о дѣлѣ. Мысли были о другомъ,— о томъ, что только что произошло, о томъ, чѣмъ случившееся должно завершиться, и настроеніе у всѣхъ было темное, тревожное, выжидающее.

Больной и тусклый день, между тѣмъ, кончался. Холодные, грязно-свинцовые тона сгущались, заполняли унылую глубину и какъ бы надвигали ее на берега. И глубина эта не была плотной и непроницаемой, какъ въ позднія сумерки, а дрожала полупрозрачная и легкая, и напряженный глазъ могъ еще различать въ ней какія-то неясныя очертанія. Неясность и смутность, вмѣстѣ съ царившимъ вокругъ нѣмымъ безмолвіемъ, заключали въ себѣ что-то жуткое, что-то безпокойное и злое, и томило неотступное желаніе, чтобы поскорѣе уже спустилась ночная чернота и похоронила всѣ эти вѣроломныя и мрачныя тѣни.

Митричъ стоялъ спиной къ Мотькѣ, тупо глядя на собственный ломъ, и размышлялъ. Онъ далъ торжественное обѣщаніе, взялъ на себя обязательство, а легкое ли дѣло его выполнить? Тоже вѣдь и за жиденка, будь онъ трижды проклятъ, отвѣтъ давать надо...

Митричъ злобно плюнулъ.

— А и конфуза отъ парха принять нельзя тоже, — продолжалъ онъ свои размышленія. — „Кровопійца... я тебя убью...“ ахъ, идолъ!.. Ну, что ты ему скажешь!.. Кабы гдѣ мелкое мѣсто, можно бы его, чорта, столкануть. Пусть свое жидовское пузо пополощетъ... Да вотъ нѣту такого, вездѣ примерзло... А въ полынью бухнуть—глубоко очень, потонетъ. Что тогда будешь дѣлать?..

— Ты Ягоръ, ты Ягоръ, ты Ягорушка, — вполголоса началъ было Егорушка. Но Анисимъ, вынувъ изо рта трубку, молча подержалъ ее въ рукѣ и снова вложилъ межъ зубами. И Егорушка мгновенно прервалъ свое пѣніе, тяжко завздыхалъ и сталъ оттаскивать въ сторону льдины...

А у Мотьки къ этому времени все его возбужденіе прошло. Не было и тѣни безстрашія въ душѣ, не было и намека на отвагу. Онъ чувствовалъ себя въ опасности, чувствовалъ себя пришибленнымъ, несчастнымъ, безпомощнымъ. Что будетъ? Вѣдь этотъ ужасный человѣкъ не проститъ. Вѣдь благополучно дѣло не кончится. Если бы не было такой великой

нужды въ заработкѣ, Мотька бросилъ бы работу и ушелъ. Но теперь какъ же ее бросить? Другой вѣдь не найдется. А тутъ работы на цѣлую недѣлю... И потомъ, вѣдь отъ этого разъяреннаго, жестокаго человѣка, все равно, не спрячешься: не здѣсь—въ другомъ мѣстѣ, а ужъ онъ отомститъ!

Длинный прямоугольникъ, освобожденный отъ ледяной коры, чернѣлъ, какъ огромная могила, и вода въ немъ, встревоженная вѣтромъ, подкатывалась къ самымъ ногамъ Мотьки съ глухимъ, угрожающимъ рокотомъ... И Мотькѣ страшно было смотрѣть на эту живую, грозную черноту, а еще страшнѣе было оглянуться назадъ, гдѣ стоялъ Митричъ. Ему все чудилось, что ужасный человѣкъ этотъ крадется къ нему... Вотъ онъ подошелъ... совсѣмъ близко... Слышно шлепанье его ногъ, слышно звяканье объ ледъ лома... Онъ злобно и сипло рычитъ, бьетъ Мотьку ломомъ прямо по головѣ, и сталкиваетъ въ воду, и топитъ его...

Что будетъ? Что будетъ? Какъ оставаться въ сосѣдствѣ съ этимъ лютымъ человѣкомъ? О, если бы съ нимъ что-нибудь случилось! Если бы онъ вдругъ заболѣлъ... умеръ... Что-жъ, вѣдь бываетъ иногда, что человѣкъ умираетъ вдругъ, сразу... Или если бы его убило... Вотъ, когда нагружали подводу, большая льдина сползла съ самаго верха и ушибла Анисиму ногу. Если бы льдина упала не на Анисима, а на Митрича, и упала бы не на ногу, а на голову, смерть была бы вѣрная... О, если бы его убило...

Мотька въ этотъ день не ѣлъ съ утра; отъ непривычной и непосильной работы ломило ему всѣ кости; холодъ сковывалъ члены. И страданія физическія, соединяясь съ мукой душевной, доводили его до полубезсознательнаго состоянія; въ темномъ, коченѣвшемъ мозгу мысль тускнѣла и замирала, и только временами вспыхивала все одна и та же неизмѣнная мольба: „о, если бы его убило!..“

V.

Ночь приближалась. Пустынная даль исчезала въ тяжеломъ сумракѣ, и уже трудно было отличить, гдѣ кончается ледъ рѣки и начинается берегъ, а черная землянка огородника почти совсѣмъ слилась съ темнымъ фономъ покатыхъ баштановъ. Далеко далеко, у длинныхъ и уже незамѣтныхъ мостковъ, гдѣ зимовалъ потерпѣвшій осенью крушеніе пароходикъ, зажегся фонарь, и отъ этой желтой лучистой точки здѣсь на льду, гдѣ работали иззябшіе, голодные, усталые люди, все вдругъ сдѣлалось еще болѣе тоскливымъ, еще болѣе недружелюбнымъ и несчастнымъ.

— Ребятушки, милые, пора кончать! — закричалъ Его-рушка.—Ай не пора? Пора! Ей-право, пора! Тащи струментъ къ огороднику, волоки!..

Ты Ягоръ, ты Ягоръ, ты Ягорушка,
Золотая, золотая ты головушка!—

запѣлъ онъ, вскидывая на плечо ломъ.

— Пойдемъ, братцы, къ огороднику, выпьемъ по косушкѣ, по косушечкѣ, по подружечкѣ... Пойдемъ, лиходѣи, пойдемъ... Эхъ, дѣла! Назябся я, страхъ какъ, вó какъ назябся я, ей-право!..

Мотька стоялъ въ сторонѣ, а вѣтеръ билъ его и рвалъ, и снѣгъ, который началъ идти, садился къ нему на голову и на сгорбленную спину.

Слова Егорушки до него не долетѣли, и онъ не зналъ, что можно уже кончать, что надо отнести инструментъ къ огороднику. Онъ стоялъ, не двигаясь, глядя впередъ и ни о чемъ не думая, въ какомъ-то забытьи...

Очнулся онъ только тогда, когда впереди, шагахъ въ пятидесяти, показалась вдругъ широкая, плотная фигура Митрича.

Желтобородый человѣкъ шелъ прямо на Мотьку, шелъ спокойно, не торопясь, заложивъ одну руку за синій платокъ, а въ другой держа на перевѣсъ тяжелый, длинный ломъ...

— Ой!.. Это онъ ко мнѣ... убивать... топить...—огненными языками промчалось въ мозгу Мотьки. И быстро пролетѣла у него мысль о матери, о дѣтяхъ.

— Люди!.. Анисимъ!.. Егорушка!..

Но вопля его никто не слыхалъ... Ибо вопля никакого и не было: окоченѣвшія уста Мотьки были плотно сомкнуты, а кричало одно только охваченное ужасомъ сердце...

Анисимъ съ Егорушкой, ничего не подозрѣвая, нетороп-ливо шли по берегу, подымаясь къ землянкѣ огородника. И къ той же землянкѣ направлялся Митричъ, но вмѣсто того, чтобы огибать узкую, длинную, примыкавшую къ черной проруби полосу недавно образовавшагося тонкаго и не-прочнаго льда, онъ, для сокращенія пути, шелъ прямо че-резъ эту полосу... И стоявшему у темной и глубокой проруби на смерть испуганному, оцѣпенѣвшему Мотькѣ показалось, что врагъ его идетъ къ нему...

Мотька весь скрючился, согнулся, лѣвой рукой стянулъ на груди куртку, правую поднялъ вверхъ, какъ бы для за-щиты.

Прошло мгновеніе, другое...

И вдругъ случилось нѣчто странное, что-то такое, чего Мотька не сумѣлъ сразу понять.

Того, кто на него шелъ, отъ котораго онъ ждалъ муки и смерти,—вдругъ не стало.

Раздался рѣзкій, сухой трескъ, затѣмъ — какое-то странное хлюпанье... и хриплый крикъ, и стонъ, и опять хлюпанье...

И цѣлая вереница необычайныхъ, непонятныхъ и страшныхъ звуковъ забилась и затрепетала надъ безмолвной равниной: взлетали вверхъ фонтаны брызгъ и мелкихъ кусковъ льда, и межъ ними странно и быстро ворочалось что-то широкое, черное...

Поднятая кверху рука Мотьки упала, застывшее лицо дрогнуло.

— Провалился!.. Тонетъ!..

Точно кто-то ударилъ его сзади, по темени и по затылку.

— Тонетъ!.. Спасите!..

И вдругъ Мотька рванулся и побѣжалъ.

Окоченѣлыми, неразгибающимися ногами мчался онъ впередъ, противъ вѣтра, скользя и шатаясь... Вотъ уже несется онъ по длинной полосѣ темнаго, неокрѣпшаго, всего два дня назадъ образовавшагося льда. Ледъ этотъ трещалъ и гнулся, какъ тонкая пароходная сходня, и вода подъ нимъ хлюпала и билась, и мѣстами, сквозь трещины, проступала на верхъ и тихо разливалась широкими, темными пятнами...

— Держись, держись!—какимъ-то страннымъ, не своимъ, а совершенно новымъ, смѣлымъ, звонкимъ голосомъ кричалъ Мотька, напряженно глядя впередъ, на то мѣсто, гдѣ барахтался Митричъ.—Я помогу!.. Держись!..

Но тонкая ледяная скатерть вдругъ злобно заскрежетала подъ нимъ, и лѣвая нога его провалилась. Онъ сильно дернулъ ногой. Сапогъ, задержанный льдомъ, остался въ водѣ, и Мотька, босой, помчался дальше.

А впереди фонтаны брызгъ уже не вздымались, и не летѣли больше кверху обломки льда. Мелькалъ только среди черной воды и сѣрыхъ льдинъ широкій синій поясъ утопавшаго, и чуть свѣтлѣла его крупная, обросшая желтыми волосами голова. Слышно было тяжелое плесканіе, и, не сливаясь съ нимъ, со страшной отчетливостью бился прерывистый, молящій стонъ:—Православные... голубчики... спасите...

— Держись, не бойся! — кричалъ Мотька, подбѣгая къ самому краю льда.—На!.. Хватай... держись крѣпко!..

Онъ быстро сорвалъ съ себя куртку, ухватилъ ее за рукавъ и, взмахнувъ высоко надъ головой, швырнулъ на воду, къ Митричу.

— Хватайся за куртку... я потащу...

Митричъ какъ-то странно закружился и вытянулся. До куртки, мутнымъ, бѣлесоватымъ пятномъ распластавшейся на черной водѣ, оставалось аршина два разстоянія... Ми-

тричъ забарахтался, стараясь подплыть, но силы покидали его: падая, онъ остріемъ лома поранилъ себѣ шею. Теперь кровь обильно лилась изъ раны, окрашивая воду темнымъ багрянцемъ.

— Родненькій... голубчикъ...—прошепталъ Митричъ, узнавая Мотьку:—прости, Христа ради!..

— Держись, хватайся!.. Ну, хватайся же!..

Мотька выдернулъ изъ воды куртку и опять плюхнулъ ее на воду. Теперь она была отъ утопавшаго всего на аршинъ. Митричъ протянулъ къ ней руки, но водой ее относило въ сторону. Тогда Мотька сталъ на колѣни, отвелъ лѣвую руку назадъ и, машинально ища пальцами, за что бы ухватиться, всѣмъ корпусомъ перегнулся къ Митричу и въ третій разъ бросилъ ему куртку. Отъ сильныхъ движеній Мотьки ледъ подъ нимъ поддался и затрещалъ, и на него хлынула вода...

Мотька вскочилъ и сдѣлалъ шагъ назадъ. Но въ эту минуту желтое пятно на водѣ судорожно сверкнуло и погрузилось... И Мотька весь затрепеталъ. Онъ высоко поднялъ обѣ руки и съ размаху бросился въ воду.

Крѣпко и со злобной радостью охватила вода его тощее, хилое тѣло, съ силой ударила по худому лицу. Мотька отвѣтилъ ударами,—яростными, дикими. Онъ билъ воду руками, ногами, дробилъ плававшія по ней сѣрыя льдины и рѣзалъ ее своею узкою грудью. Онъ плавалъ теперь такъ же плохо и неумѣло, какъ и въ дѣтствѣ, когда прибѣгалъ на эту же рѣчку купаться и когда „мѣсилъ булки". Но физическая усталость дѣлала теперь его работу еще болѣе трудной... Онъ билъ воду руками, растрачивая безъ надобности незначительные остатки своихъ небольшихъ силъ, и дѣлалъ какіе-то сложные, удлинявшіе путь зигзаги. Вскорѣ онъ все же добрался до широкаго, черно-багроваго пятна, среди котораго тусклымъ кругомъ свѣтлѣла вновь вынырнувшая голова Митрича.

— Не бойся!.. Не бойся! . Не утонешь...

Мотька протянулъ впередъ лѣвую руку, схватился за синій платокъ, которымъ былъ опоясанъ Митричъ, и, дѣйствуя одной правой рукой и ногами, поплылъ. Багровое пятно около головы Митрича разорвалось и вытянулось въ узкую полосу.

— Доплывемъ... Не бойся!..

Оба подвинулись шага на два. Но синій платокъ на Митричѣ вдругъ развязался, тихо скользнулъ, и Митричъ, отъ потери крови впавшій въ обморочное состояніе, сталъ быстро погружаться. Мотька успѣлъ, однако же, схватить его за фуфайку, и отчаянное барахтанье началось снова...

Брызги подымались бѣлой тучей, падали на Мотьку, на

его лицо, ослѣпляли его, кололи, жгли. Снизу била въ лицо черная вода, и она вливалась въ ротъ, и Мотька захлебывался и давился. Намокшая одежда облѣпляла тѣло, увеличивала его тяжесть и затрудняла движенія. Грузное тѣло Митрича, безмолвное и окаменѣвшее, тянуло назадъ, внизъ... Мотька цѣпко, тонкими пальцами держалъ полу его фуфайки и плылъ. Но плылъ онъ не въ одномъ какомъ-нибудь опредѣленномъ направленіи—къ краю проруби, къ сплошной массѣ крѣпкаго и прочнаго льда,—а кружился и барахтался, какъ попало, и почти не двигался съ мѣста. Силы его падали. Правое плечо стало ломить и жечь, какъ если бы его насквозь проткнули раскаленнымъ желѣзомъ. Мотька дѣйствовалъ теперь почти однѣми только ногами. Но и ноги ослабѣли, и ихъ стала сводить судорога. Онъ не могъ уже бороться, замеръ — и погрузился... Новый послѣдній запасъ силы пролился, однако, въ его мышцы — и онъ выплылъ, извлекая на поверхность и Митрича. Большая трехугольная льдина тихо качалась передъ его лицомъ. Онъ ухватился за ея край и навалился на нее грудью. Нѣсколько мгновеній льдина поддерживала его. Но потомъ стала медленно пригибаться и вдавливаться въ воду. Грудь Мотьки соскользнула, и льдина, освобожденная, отошла въ сторону, приняла опять горизонтальное положеніе и спокойно остановилась. Мотька потянулся къ ней, опять сталъ бить ногами, но въ лѣвомъ колѣнѣ пробѣжала вдругъ невыносимо-острая боль, — точно сразу выдернули изъ него всѣ кости—и нога осталась скрюченной. Глаза Мотьки уже ничего не различали, вода свободно входила къ нему въ ноздри и въ ротъ. Митричъ, какъ гранитная глыба, тянулъ внизъ. И оба они опять погрузились...

Вверху по-прежнему грозно рокотала черно-багровая вода, а большая, сѣрая льдина безучастно дремала въ сторонѣ...

Д. Айзманъ.

„Задача жизни“ у Ибсена.

(Объ Ибсенѣ и о „хмурыхъ людяхъ“ Чехова).

„Жизненная задача“. — Эти два слова формулируютъ суть жизни для избранниковъ художественнаго творчества Ибсена.

Ярлъ Скуле („Претенденты на корону“), провозгласившій себя королемъ Норвегіи XIII столѣтія, предлагаетъ своему другу-соратнику Ятгейру отказаться отъ своего призванія скальда и жить только для его, короля Скуле, жизненной задачи: овладѣть Норвегіей, отнявъ ее изъ рукъ признаннаго уже народомъ законнаго короля Гакона: „Будь мнѣ сыномъ! Ты получишь отъ меня въ наслѣдіе корону Норвегіи, получишь всю страну, если согласишься быть мнѣ сыномъ, жить *ради моей жизненной задачи* и вѣрить въ меня“.

Скальдъ отвѣчаетъ отказомъ. Онъ говоритъ, что не можетъ пожертвовать своими „несложенными еще пѣснями“, которыя для скальда „всегда самыя сладкія“.—Скуле находитъ противорѣчіе между этимъ отказомъ и той готовностью „охотно пасть первымъ“ за мятежнаго короля, которую скальдъ только что обнаружилъ при извѣстіи объ опасности. Скальдъ отвѣчаетъ: „Человѣкъ можетъ *пасть* изъ-за жизненной задачи другого; но, *если онъ остается живъ, онъ долженъ жить ради своей собственной*“.

Смерть скальда въ первомъ же сраженіи разрѣшила по своему вопросъ о „несложившихся пѣсняхъ“, но всетаки отказаться отъ нихъ, этихъ „самыхъ сладкихъ“ пѣсенъ, скальдъ Ибсена не хотѣлъ и не могъ... Жить можно только для своей собственной и при томъ свободно избранной „жизненной задачи“. Это—основной мотивъ въ творчествѣ Ибсена.

Для Шекспира „задача жизни“ составляла только частную тему, разработанную въ „Гамлетѣ“. Для Ибсена это — универсальная тема. Изъ „задачи жизни“ онъ сдѣлалъ солнце, вокругъ котораго, какъ центра психологическаго притяженія, вращается человѣческая жизнь... Только безъ астрономическаго равновѣсія. Его замѣняетъ очень часто тяжелая борьба съ другими властными велѣніями человѣческой души. Должны быть удовлетворены и

совѣсть, которая перестала быть „коренастою", какъ у древнихъ викинговъ, которые грабили, жгли, убивали, а затѣмъ „веселились какъ дѣти"; и чувство справедливости, которое у современнаго культурнаго человѣка можетъ превращаться порой въ „изнурительную лихорадку справедливости", и чувство невольной отвѣтственности за грѣхи предковъ; и, наконецъ, должны быть удовлетворены тѣ темные факторы, которые заложены въ человѣкѣ самой природой и фатально сказываются въ его наслѣдственной организаціи, физической и духовной... Ибсеновское солнце жизни—центръ притяженія, но не центръ равновѣсія. Зачастую около него, для героевъ Ибсена, концентрируются тяжкія муки неустранимаго душевнаго разлада съ самимъ собой.— И всетаки они ищутъ своей „задачи жизни", и, когда она на лицо, находятъ возможнымъ жить.

Иногда они идутъ къ своей задачѣ съ веселой, молодой бодростью, напѣвая, подобно Фальку („Союзъ молодежи"):

Пусть мой челнъ
Станетъ добычей бушующихъ волнъ...
Не дрогну я, любо мнѣ мчаться!

Иногда они вправѣ сказать, подобно нѣмецкому поэту:

Назвавши тягчайшія скорби,
Тебѣ назовутъ и мою...

потому что задача жизни, ради которой они живутъ, подобно Бранду, требуетъ отъ нихъ тяжелыхъ и мучительныхъ жертвъ. Иногда найденная задача жизни осуждаетъ ихъ на непрестанную борьбу съ своей собственной совѣстью, потому что ихъ „задача" требуетъ отъ нихъ, какъ отъ Сольнесса, жертвъ не своимъ только, а и чужимъ счастьемъ... Но всетаки они и при этихъ условіяхъ находятъ возможнымъ жить: лишь бы была для нихъ ясной ихъ „задача жизни"... Кризисъ для героевъ Ибсена начинается только тогда, когда оказывается, что ихъ задача жизни или психологическій самообманъ, или непосильная тяжелая ноша, или, наконецъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, невозможная и неосуществимая идея. Жизнь становится въ этомъ случаѣ ненужною, лишнею, и неудачники Ибсена быстро сводятъ съ нею окончательные разсчеты.

При такихъ условіяхъ естественно, что для героевъ Ибсена ихъ „жизненная задача" является своего рода абсолютомъ, не отчуждаемой и не подлежащей размѣну цѣнностью.

Но понятно и другое. Понятно, что для героевъ Ибсена — въ частности для героевъ современныхъ пьесъ Ибсена—„задача жизни" слишкомъ нерѣдко осложняется элементомъ трагедіи.

II.

Въ судьбѣ Гакона, норвежскаго короля XIII столѣтія, о которомъ упоминалось выше, трагическій элементъ совершенно отсутствуетъ: о немъ не можетъ быть и рѣчи.—Въ исторической дали семи вѣковъ Ибсену посчастливилось найти правдоподобную сказку дѣйствительности—человѣка, который совершенно не знаетъ, что значитъ чувствовать себя раздвоеннымъ и у котораго наличность огромной задачи жизни, требующей тяжелыхъ жертвъ, сказывается только въ исключительномъ подъемѣ душевныхъ силъ.

Сущность драмы („Претенденты на корону") такова.—Королевская власть въ рукахъ Гакона, который, однако, владѣетъ ею по волѣ не всей Норвегіи. Власть оспариваютъ у него нѣсколько претендентовъ, которые подвергаютъ сомнѣнію, между прочимъ, королевское происхожденіе Гакона.

Гаконъ—король „будущей" Норвегіи. Въ Норвегіи XIII столѣтія, только что спаянной изъ отдѣльныхъ, чуждыхъ и взаимновраждебныхъ государствъ, онъ долженъ создать единый *норвежскій народъ*, сплотивъ въ одно цѣлое и „трондцевъ", и ихъ исконныхъ враговъ „викенцевъ".

Гаконъ вѣритъ въ себя и въ то, что за нимъ помощь Божья. Поэтому, чтобы избавить Норвегію отъ страданій междоусобной войны, онъ предоставляетъ вопросъ о коронѣ, которую носитъ, рѣшенію „Божьяго суда" и народнаго голосованія. И то и другое кончается въ его пользу. „Божій судъ" — испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ, которому добровольно подвергается вдова предпослѣдняго короля и мать Гакона,—устанавливаетъ, въ глазахъ народа, королевское происхожденіе Гакона, и народное собраніе вновь признаетъ его королемъ единой Норвегіи.—Счастье продолжаетъ благопріятствовать Гакону, и всѣ его соперники одинъ за другимъ гибнутъ и исчезаютъ, кромѣ одного самаго сильнаго—ярла Скуле, бывшаго опекуна Гакона... Скуле храбръ и даровитъ, властолюбивъ, но честенъ. Скрѣпя сердце, онъ призналъ бы, быть можетъ, власть Гакона, если бы у послѣдняго не было еще одного затаеннаго и умнаго врага. Это — епископъ Николай. Судьба сыграла съ нимъ злую шутку: вложила въ него жажду власти, дала способности государственнаго человѣка и правителя, но не дала способностей солдата. Всѣ сраженія, въ которыхъ онъ принялъ участіе, не оставляли мѣста сомнѣнію, что Николай Арнессонъ (имя епископа) — не воинъ, что онъ — „трусъ". Но — не солдатъ, значитъ — и не король, какъ это ни нелѣпо кажется „трусу", чувствующему себя созданнымъ для роли короля — гражданскаго правителя. Въ результатѣ онъ пре-

вращается въ епископа, который безсильно грезитъ до самой смерти о коронѣ и ненавидитъ Гакона, какъ человѣка, которому *дарована физическая возможность* сдѣлать то, что подсказываетъ внутренній голосъ и призваніе. Но именно поэтому Гаконъ не долженъ имѣть конечнаго успѣха, поскольку это во власти епископа.—Съ этой цѣлью послѣдній внушаетъ Скуле, что судъ Божій ничего не доказалъ въ вопросѣ о происхожденіи Гакона, кромѣ факта добросовѣстнаго убѣжденія со стороны его родной матери, которая могла не подозрѣвать подмѣна ея ребенка, а между тѣмъ этотъ подмѣнъ *возможенъ* и *вѣроятенъ* по условіямъ первыхъ лѣтъ жизни Гакона. Это епископъ *доказываетъ* Скуле за нѣсколько минутъ до своей смерти... Возможенъ, но не несомнѣненъ. Честолюбивый, но честный Скуле не можетъ ни отказаться отъ короны, составляющей его „задачу жизни", ни рѣшиться взять ее силой *по праву*... Наконецъ, рѣшается, но отсутствіе твердой вѣры въ себя и въ свое право приводитъ къ пораженію: онъ никогда не можетъ „сжечь всѣ мосты кромѣ, одного", какъ это дѣлаетъ уравновѣшенный Гаконъ,—не можетъ, въ силу этого, воспользоваться самой благопріятной комбинаціей, когда обстоятельства дѣлаютъ удачу возможной... Душевный разладъ норвежскаго Гамлета—полководца разрѣшается смертью... Не найдя въ себѣ силы жить ради своей „задачи", измученный Скуле рѣшаетъ умереть ради торжества объединительной идеи Гакона, которую онъ самъ признаетъ „истинно-королевскою". „Нельзя жить, повторяетъ онъ слова своего друга-скальда, ради жизненной задачи другого, но можно за нее пасть".

Драма изобилуетъ художественными подробностями. Фигуры „пасынковъ Божьихъ"—Скуле (такъ называетъ его Гаконъ) и епископа—превосходно оттѣняютъ „счастливѣйшаго человѣка"—короля Гакона, которому судьба и природа дали все то, что раздѣлили у пасынковъ. Онъ живетъ въ неизмѣнномъ сіяніи своей истинно-королевской идеи. Онъ нашелъ въ ней одновременно и *жизненный стимулъ*, и *верховный критерій поведенія*. Вопросъ о жертвахъ, разъ рѣчь идетъ объ его „задачѣ", не содержитъ въ себѣ никакихъ мучительныхъ привнесеній ни для Гакона, ни для окружающихъ; даже для тѣхъ, счастьемъ которыхъ ему приходится жертвовать, его поведеніе просто и понятно. Онъ удаляетъ правителемъ на далекую окраину своего ближайшаго друга, отсылаетъ въ почетное изгнаніе свою родную мать, только что выдержавшую „испытаніе желѣзомъ" для подтвержденія его правъ на корону... Потому что, говоритъ онъ, около короля (такого, какъ онъ) не должно быть никого, кто *слишкомъ* ему дорогъ.—Даже та, которую онъ взялъ въ королевы Норвегіи, для него только мудрая совѣтница и дочь побѣжденнаго соперника, которую *нужно* было взять въ жены. Что она любитъ его, что въ ея глазахъ неудачи отца—не неудачи *отца*, а торжество ея *мужа*,—

все это онъ видитъ, но ничего не замѣчаетъ: все это слишкомъ далеко отъ него и скользитъ по душѣ, не оставляя прочнаго слѣда.

По началу пьесы Гаконъ, въ изображеніи Ибсена, настолько жёстокъ и прямолинеенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что читатель не можетъ освободиться отъ впечатлѣнія, что дѣло здѣсь не только въ сіяющей задачѣ, а и въ изрядной черствости души... Только когда читатель убѣждается, при дальнѣйшемъ ходѣ событій, что Гакону *жаль* своего могучаго и опаснаго соперника, что ему тяжело осудить его на смерть и онъ *колеблется* это сдѣлать, пока тотъ самъ не кладетъ конецъ колебаніямъ, отдавши свирѣпое приказаніе убить сына Гакона—младенца: „убить гдѣ бы онъ ни встрѣтился — убить на тронѣ, убить передъ алтаремъ, убить на груди у матери“, только тогда, когда читатель вмѣстѣ съ Гакономъ переживаетъ его радость, что осужденный на смерть Скуле всетаки имѣетъ возможность спастись — эту возможность оставляетъ самъ Гаконъ — образъ Гакона становится человѣчески—привлекательнымъ, и читателю дѣлается яснымъ, что не душевная черствость создаетъ видимую прямолинейность Гакона, а только исключительный характеръ и исключительные размѣры его „жизненной задачи“. Онъ прямолинеенъ потому, что убѣжденъ, что онъ „избранникъ Божій“; прямолинеенъ потому, что не знаетъ коллизіи между внутреннимъ призваніемъ и голосомъ совѣсти... Все, что могли ему дать природа и счастье, онъ получилъ. И все, что получилъ, все сосредоточилъ на одномъ помыслѣ... И совѣсть спокойна даже тогда, когда онъ переступаетъ, „во имя Божіе“—на порогѣ церкви—черезъ трупъ Скуле, соперника, жаждавшаго власти не ради Норвегіи, а для самого себя— хотя и по праву.

Какъ видитъ читатель, Ибсену понадобились полу-сказочныя условія, чтобы помирить душевное равновѣсіе и преслѣдованіе напроломъ поставленной себѣ „задачи жизни“. Понадобились жизненныя условія Норвегіи XIII-го столѣтія. Но и при этихъ условіяхъ художественная задача Ибсена оказалась, какъ мы видѣли, достаточно трудной и сложной. Чтобы сдѣлать своего однодума-короля психологически возможнымъ и понятнымъ для читателя, Ибсенъ долженъ былъ прибѣгнуть, такъ сказать, къ отрицательной манерѣ письма. Онъ выдвинулъ на первый планъ Скуле и епископа и сравнительно на второмъ планѣ оставилъ центральное по смыслу пьесы лицо—Гакона. Съ особой силой и рѣзкостью подчеркивая душевную драму у „пасынковъ Божьихъ“, Ибсенъ заставляетъ читателя руководиться чувствомъ контраста и угадывать то душевное равновѣсіе и покой, которые составляютъ силу и счастье Гакона. Для васъ ясно, что Гаконъ не можетъ быть—по отсутствію причинъ—ни измученнымъ Скуле, ни озлобленнымъ епископомъ. Его портретный контуръ—образъ Гакона

не больше, какъ контуръ — становится для васъ заполненнымъ, значительнымъ и правдивымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ для васъ ощутительно ясно, какъ, въ сущности, онъ мало возможенъ (не „мало вѣроятенъ") и отъ какой путаницы условій зависитъ то, что называется спокойнымъ человѣческимъ счастьемъ, даже и при наличности „истинно-королевской идеи".

Аналогичный образъ увѣреннаго обладателя жизненной задачи Ибсенъ создалъ и при современныхъ условіяхъ. Это — Джонъ Габріэль Боркманъ, бывшій директоръ банка, разорившій вкладчиковъ незаконнымъ расходованіемъ средствъ банка, ради торжества своихъ идей „освободить милліоны" изъ нѣдръ рудниковъ и „облагодѣтельствовать десятки, сотни тысячъ людей". Судебный приговоръ, осудившій его на пять лѣтъ тюрьмы, не измѣнилъ его глубокаго убѣжденія, что онъ *имѣлъ право* такъ поступить, какъ поступилъ, слушаясь своего „непобѣдимаго призванія", и онъ все ждетъ, что къ нему вернутся, станутъ „ползать" передъ нимъ и „умолять" взять снова банкъ въ свои руки...

Въ изображеніи Ибсена получился, однако, *виновный* банковый дѣлецъ, а не привлекательный Гаконъ въ обстановкѣ XIX столѣтія.—Оно и понятно: чтобы шествіе напроломъ въ преслѣдованіи своего „непобѣдимаго призванія" не имѣло отталкивающаго характера, нужна „истинно-королевская" идея,—нужно, чтобы „задача жизни", подобно задачѣ норвежскаго короля XIII столѣтія, имѣла исключительно высокую *моральную* цѣнность, ясную для непосредственнаго чувства читателя. Иначе читатель будетъ реагировать на причиненіе страданій другому только какъ на неоправдываемый моральнымъ чувствомъ проступокъ.

Съ своимъ Гакономъ Ибсенъ *могъ* обратиться къ *непосредственному* чувству читателя. Освободить родную страну отъ братоубійственныхъ междоусобицъ и создать изъ нея одно общее отечество для вчерашнихъ враговъ—идеи, внутренняя цѣнность которыхъ ясна и безспорна для всякаго, и читатель отвѣчаетъ на художественный образъ опредѣленной, исторически сложившейся эмоціей положительнаго характера... Не то съ Боркманомъ. „Освободить милліоны", спрятанные въ землѣ въ видѣ рудъ; на освобожденные милліоны понастроить фабрики, которыя будутъ работать „и днемъ, и ночью"; захватить въ свою власть „всѣ копи, водопады, каменоломни, дороги и пароходныя линіи по всему міру"... Все это очень красиво и интересно, какъ техническій замыселъ (конечно, фантастическій), но все это не безспорная „истинно-гражданская" идея; не та всеобъемлющая идея, которая способна захватить читателя, безъ теоретическихъ разъясненій и умственныхъ усилій; не та ясная, безспорная и чарующая идея, ради которой простительны всякія жертвы. И потому читатель

не въ состоянiи отозваться на грезы Боркмана относительно работающихъ днемъ и ночью фабрикъ сочувственной эмоцiей радостнаго характера, которая могла бы покрыть собою естественную отрицательную реакцiю на тѣ жертвы чужимъ благополучiемъ, которыя разрѣшаетъ себѣ, безъ всякихъ колебанiй, Боркманъ... Вѣрно, скорѣе, обратное: непосредственное чувство все, что отзывается такъ называемымъ „дѣломъ", окрашиваетъ, по традицiи, въ невыгодную для „дѣльца" сторону прежде даже, чѣмъ выяснятся соцiальныя качества красиво задуманнаго „предпрiятiя"... Вотъ почему, повинуясь своему непосредственному чувству (а къ нему только и можетъ обращаться художникъ), читатель *не можетъ* разрѣшить Боркману требовать отъ другихъ жертвы, подобно тому, какъ онъ способенъ это сдѣлать относительно Гакона, и для него (читателя) Боркманъ остается только банковымъ дѣльцомъ, виновнымъ въ нарушенiи довѣрiя вкладчиковъ, а отнюдь не героемъ своей жизненной задачи, переживающимъ трагическую коллизiю между нею и объективными условiями жизни.

III.

Для героевъ современныхъ пьесъ Ибсена жизненная задача, какъ было замѣчено, очень нерѣдко связана съ тяжелой внутренней драмой. Это, однако, не измѣняетъ отношенiя къ ней ни Ибсена, ни его героевъ. „Красота и счастье находятся гдѣ-то внѣ жизни", говоритъ въ одномъ мѣстѣ Чеховъ. Ибсенъ кореннымъ образомъ расходится въ этомъ отношенiи съ нашимъ писателемъ. Правда, счастье—хрупкая и рѣдкая вещь: съ этимъ и онъ вполнѣ согласенъ. Но красота — красота не изгнана изъ жизни; она возможна даже въ мелочахъ жизни. Вмѣстѣ съ энергiей жить она создается наличностью „жизненной задачи", хотя бы по размѣрамъ эта задача была очень далекой отъ „истинно-королевской"... Но создается вмѣстѣ съ тѣмъ—зачастую—и внутренняя драма. У современныхъ героевъ Ибсена не только нѣтъ однодумности и внутренняго равновѣсiя короля Гакона, но, очевидно, и не можетъ быть. Слишкомъ сложною стала жизнь, а совѣсть, которая еще у Гакона была достаточно „коренастою", стала „слишкомъ мягкою". Современному культурному — въ настоящемъ смыслѣ этого слова — человѣку нужно удовлетворить слишкомъ многимъ требованiямъ, выдвинутымъ эволюцiей человѣческаго духа. Вѣдь очень часто удовлетворить *своей* жизненной задачѣ—значитъ растоптать, какъ это дѣлаетъ „во имя Божiе" Гаконъ, жизненную задачу другого, такую же законную, такую же субъективно цѣнную, какъ моя. Въ этомъ отношенiи все преимущество на сторонѣ древнихъ викинговъ: они, какъ простую воду, пили медъ и крѣпкое вино, но и какъ простую воду—

лили человѣческую кровь. Эти представители пережитого прошлаго могли съ легкимъ сердцемъ идти напроломъ, относясь къ окровавленнымъ трупамъ и враговъ, и друзей, какъ къ простой законной подробности жизни.

Но время „коренастой" совѣсти прошло, и жизнь пошла по другому руслу.

Вся исторія сложилась въ сторону развитія моральнаго чувства, повышенія цѣнности жизни и счастья одного въ глазахъ другого и, слѣдовательно, въ сторону „мягкой" совѣсти.

Современному герою Ибсена нужно удовлетворить не только голосу призванія и голосу чести, какъ старымъ викингамъ, но и болѣзненному чувству отвѣтственности за себя (Сольнессъ), за своихъ предковъ (Росмеръ) и даже за особо благопріятныя условія, въ которыхъ проходитъ его личная жизнь (Фьельдбо въ „Союзѣ молодежи").

Каково отношеніе къ этому процессу смягченія „коренастой" совѣсти со стороны самого Ибсена? Для многихъ онъ пѣвецъ „коренастой" совѣсти и обличитель „мягкой": онъ не прочь былъ бы видѣть возрожденіе первой и исчезновеніе—ради счастья личности—второй... Это несомнѣнное недоразумѣніе. Въ пьесахъ Ибсена есть обладатели такой здоровой совѣсти, есть жаждущіе такой здоровой совѣсти, но въ конечномъ результатѣ вопросъ о ней разрѣшается далеко не такъ просто—въ смыслѣ устройства совмѣстнаго существованія на началахъ звѣриныхъ.

Въ этомъ отношеніи представляетъ особый интересъ „Росмергольмъ". Напомнимъ содержаніе этой драмы.

Росмеръ — потомокъ стариннаго рода; бывшій пасторъ. Его предки—все „корректные и честные люди"—представители такъ называемыхъ патріархальныхъ воззрѣній, считали нужнымъ держать окружающее населеніе въ подчиненіи и моральной приниженности. Подъ вліяніемъ перемѣнившагося міросозерцанія, Росмеръ дѣлаетъ себѣ задачу жизни изъ искупленія исторической вины своихъ предковъ. Всѣмъ своимъ вліяніемъ — и личнымъ, и какъ потомка Росмеровъ—онъ долженъ воспользоваться для духовнаго освобожденія приниженныхъ его предками людей. Въ его мечтахъ они живутъ уже „радостными аристократами духа" въ противоположность мрачнымъ аристократамъ духа его предкамъ. Этотъ переворотъ въ душѣ консерватора-пастора совершился подъ вліяніемъ одаренной дѣвушки Ревекки Вестъ. Духовная эмансипація населенія—это собственно ея мысль. Она задумала провести ее въ жизнь руками Росмера (это одна изъ обычныхъ формъ, въ которыхъ отливается „задача жизни" у женщинъ Ибсена) и нашла возможность укрѣпиться въ его домѣ, его семьѣ (Росмеръ женатъ)... Скоро отношенія осложняются страстнымъ чувствомъ Ревекки къ Росмеру. Жена Росмера — хорошій, но консервативный по складу ума человѣкъ — стоитъ, очевидно, на

дорогѣ Ревекки: Ревекки-борца и еще больше Ревекки-женщины.

Въ результатѣ Ревекка, которая сознательно культивируетъ въ себѣ то, что называетъ „безстрашною волей", рѣшаетъ сдѣлать „выборъ между двумя жизнями" (Росмера и его жены) и доводитъ жену Росмера до сознанія, что для мужа она тяжелая помѣха. Какъ преданный и любящій человѣкъ, та находитъ выходъ въ самоубійствѣ.

Дорога къ счастью личному и къ выполненію двойной „задачи психіи" открывается, но вмѣстѣ съ тѣмъ и закрывается. Росмеръ узнаетъ разными путями, что его жена покончила съ собой не въ припадкѣ безумія, какъ онъ полагалъ, а сознательно жертвуя собой; узнаетъ и тѣмъ самымъ теряетъ и вѣру въ свою способность „перерождать" людей, и состояніе „безвинности", въ которомъ онъ находилъ до сихъ поръ необходимую ему бодрость духа... Но это отнюдь не вызываетъ бурнаго протеста со стороны виновницы всего—Ревекки. Она сама уже не прежняя, не „безстрашная". Подъ вліяніемъ совмѣстной жизни съ Росмеромъ, гипнозъ безстрашія утратилъ силу (вмѣстѣ съ чувствомъ бурной страсти). Она невольно поддалась очарованію утонченной душевной организаціи своего друга (онъ остался для нея только другомъ: это высшее, что цѣнитъ въ ихъ отношеніяхъ Росмеръ). Она признается въ своей винѣ относительно его покойной жены и признается, что она не въ силахъ была взять счастье для нихъ обоихъ, которое она такъ „безстрашно" завоевала, потому что у нея исчезла, по ея словамъ, „прежняя, безстрашная воля, которая хотѣла освободиться... у нея теперь нѣтъ больше силы — нѣтъ положительной силы".

Росмеръ. Какъ объясняешь ты, что съ тобой произошло?

Ревекка. Міровоззрѣніе Росмеровъ или, вѣрнѣе, твое міровоззрѣніе—заразило мою волю.

Росмеръ. Заразило?

Ревекка. И сдѣлало ее больной. Поработило ее законамъ, которые прежде не имѣли для меня значенія. Ты и жизнь съ тобой облагородили мою душу.

Нравственный кризисъ, осложненный утратой вѣры въ свѣтившую обоимъ задачу жизни, разрѣшился новымъ двойнымъ самоубійствомъ Ревекки и Росмера.

Такимъ образомъ „хилая" совѣсть въ глазахъ Ревекки является результатомъ привнесенія въ человѣческую жизнь какого-то высшаго начала, которое „заражаетъ" совѣсть, дѣлаетъ ее „больной", но вмѣстѣ съ тѣмъ является чѣмъ-то безспорнымъ и *облагораживающимъ* душу. Перенесеніе морали старыхъ викинговъ въ современную жизнь невозможно не только по объективнымъ, но и по субъективнымъ причинамъ. Хилый совѣстью и обреченный на бездѣйствіе Росмеръ вамъ всетаки — повидимому, и

Ибсену — ближе, чѣмъ даже Гаконъ съ своей коренастой совѣстью и „истинно-королевской идеей". Быть можетъ, виноватъ въ этомъ присущій современному человѣчеству культъ человѣческаго страданія. Давно уже вся коллективная жизнь живетъ насчетъ страданія *лучшихъ*. Въ концѣ концовъ, это страданіе лучшихъ для разума стало не только прочнымъ залогомъ возможности общаго счастья, но и почти синонимомъ этого счастья. Получилось странное противорѣчіе въ душевномъ укладѣ, въ силу котораго современный человѣкъ, жаждующій покоя и счастья, мало понимаетъ спокойную красоту Венеры или, если угодно, понимаетъ ее съ какимъ-то мучительнымъ чувствомъ укора; но понимаетъ Мадонну, которая знаетъ, что Сынъ ея будетъ распятъ на крестѣ... Этотъ культъ страданія, какъ страданія, отмѣтилъ, кажется, Гейне. По его словамъ, умирающей собакѣ страданія придаютъ сходство съ человѣкомъ.

Но мы отклонились въ сторону. Какъ бы ни объяснять исчезновеніе коренастой совѣсти, фактъ тотъ, что ея у современныхъ людей нѣтъ; она замѣнилась до странности болѣе цѣнною— „хилою" совѣстью. А эта „хилая" совѣсть очень часто стоитъ на дорогѣ, когда человѣкъ пытается идти напроломъ къ своей жизненной задачѣ... *). И не только, когда онъ виновенъ — какъ Ревекка и до извѣстной степени Росмеръ — въ *юридическомъ* смыслѣ этого слова, но и тогда, когда никакой вины по существу нѣтъ и человѣкъ только „безъ вины виноватъ" въ своихъ собственныхъ глазахъ.

IV.

Едва ли не самымъ обездоленнымъ въ этомъ отношеніи является „Строитель Сольнессъ". У него есть задача жизни, по своимъ размѣрамъ не уступающая задачѣ Гакона.

Символическій „строитель" въ области человѣческаго духа, онъ въ началѣ своей дѣятельности, по традиціи (онъ — бывшій крестьянинъ), строилъ въ качествѣ высшаго, на что онъ способенъ, церкви и колокольни**). Но церкви и колокольни безсильны дать

---

*) Крупное значеніе вопросовъ о больной совѣсти и чести въ драмахъ Ибсена отмѣтилъ еще покойный Н. К. Михайловскій. Насъ интересуютъ эти элементы только въ отношеніи ихъ къ основной задачѣ — разъясненію вопроса о „жизненной задачѣ" и ея роли.

**) Въ первый періодъ духовнаго строительства Сольнессъ опирается на базу религіозныхъ вѣрованій (постройка церквей и колоколенъ); во второй—перестраиваетъ жизнь, внося въ нее благополучіе, но не выходя изъ сферы прямыхъ и *конкретныхъ* нуждъ людей (постройка уютныхъ домовъ и очаговъ); въ третій—перестраиваетъ повседневную жизнь, внося въ нее *идеальный* элементъ (постройка домовъ съ башнями); въ четвертый—превращаетъ идеалъ въ самостоятельную цѣль жизни (воздушные замки на камен-

человѣку то, что ему больше всего нужно, — красоту человѣческаго счастья; они только прибѣжища для человѣческаго несчастія. „Строитель" рѣшается измѣнить традиціонному строительству. Отнынѣ онъ будетъ строить только свѣтлыя, уютныя жилища для людей, красивыя и веселыя гнѣзда „для дѣтворы, ихъ матерей и отцовъ". Съ увѣреннымъ вызовомъ „строитель" обращается къ Богу, которому служилъ „съ такимъ честнымъ и теплымъ чувствомъ":—„Слушай, Всемогущій! Съ этихъ поръ и я хочу быть свободнымъ строителемъ. Въ своей области. Какъ Ты въ своей. Я никогда не буду больше строить церквей. Только жилища для людей". И такъ же, какъ раньше, когда онъ строилъ церкви и колокольни, его строительная дѣятельность сопровождается успѣхомъ; дальше больше: его почти „преслѣдуетъ" успѣхъ, какъ другихъ преслѣдуютъ несчастье и горе... Но этотъ неизмѣнный успѣхъ не приноситъ ни покоя, ни счастья. „Строитель" вѣчно помнитъ о тѣхъ жертвахъ, которыя связаны — не для него, къ сожалѣнію—съ перемѣной въ его строительной дѣятельности. Въ однѣхъ жертвахъ онъ не повиненъ, какъ не повиненъ, по существу, въ болѣзни и бездѣтности своей жены. Память, однако, не перестаетъ связывать эти несчастья близкаго человѣка съ его первымъ успѣхомъ. Его женѣ такъ легко и привычно жилось въ старомъ домѣ отцовскихъ воззрѣній. Домъ былъ снаружи похожъ на „большой мрачный и безобразный ящикъ", но внутри было „очень хорошо и уютно".

Сольнессу страстно хотѣлось, чтобы этотъ домъ сгорѣлъ и далъ ему случай построить первый настоящій домъ. И домъ дѣйствительно сгорѣлъ, сгорѣлъ по чистой случайности,—не въ силу его попустительства. На его мѣстѣ Сольнессъ выстроилъ то, что хотѣлъ, и на желанной постройкѣ создалъ себѣ славу лучшаго „строителя". А для его жены послѣдствіемъ пожара была болѣзнь, смерть близнецовъ ея, которыхъ она сама кормила и потеря навсегда надежды быть матерью. Сгорѣло ея міросозерцаніе: сгорѣли „кружева" *) жизни, передававшіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе, сгорѣли „куклы" *) ея дѣтскихъ воспоминаній и традиціонныхъ вѣрованій. Алина (жена Сольнесса) признается, что,

---

номъ фундаментѣ). Вліяя на міроразумѣніе окружающихъ и жены, онъ создаетъ въ ихъ душѣ „пожары" и гибель всего, съ чѣмъ они сроднились, чѣмъ жили и были счастливы. Новое міроразумѣніе не даетъ (многимъ) того покоя и счастья, которое давали старыя религіозныя воззрѣнія.—Вотъ общій смыслъ символовъ въ пьесѣ (Какъ извѣстно, Ибсенъ вложилъ въ пьесу много подробностей о себѣ, какъ писателѣ).

Само собой разумѣется, что драма Ибсена имѣетъ характеръ общаго символа, и въ лицѣ Сольнесса мы вправѣ видѣть всякаго новатора, всякаго реформатора, „задача" котораго требуетъ жертвъ во имя идеала.

*) Мы уясняемъ символы. (Въ подлинникѣ—дѣйствительныя „кружева" и „куклы").

когда около нея не было мужа, она никогда не разставалась съ этими старыми „куклами“, и ихъ она оплакиваетъ такъ же неутѣшно, какъ своихъ двухъ малютокъ...

„Пожары“ очень часто предшествуютъ „строительству“ и, нужно думать, „строитель“ видѣлъ не одинъ такой, какой изуродовалъ жизнь его жены. Но тутъ послѣдствія пожара слишкомъ на глазахъ. Слишкомъ близкій человѣкъ (припомните выраженіе Гакона: „около короля не должно быть никого, кто слишкомъ ему дорогъ“) утратилъ навсегда то, чѣмъ живъ самъ Сольнессъ, и жена его за-живо стала „мертвою“, по его выраженію. Когда юная энтузіастка Гильда, во время бесѣды внезапно спрашиваетъ: „Теперь вы думаете о ней“ (объ Алинѣ)? Онъ отвѣчаетъ: „Да. Больше всего объ Алинѣ. Потому что у Алины... у нея тоже было свое жизненное призваніе. *Совершенно такъ же, какъ у меня...* Но ея призваніе *должно* было быть разбито, уничтожено, оттѣснено, для того, чтобы мое повело къ своего рода великой побѣдѣ“, и на недоумѣвающіе вопросы Гильды, „волнуясь и нѣжно“—по авторской ремаркѣ—разъясняетъ сущность „задачи жизни“, какъ она представлялась его женѣ: „Ростить дѣтскія души, Гильда! Воздвигать ихъ такъ, чтобы онѣ могли рости въ уравновѣшенности и благородныхъ, прекрасныхъ формахъ. Чтобы изъ нихъ вышли прямыя взрослыя души. Вотъ къ чему у Алины было призваніе... и все это *пропало безъ употребленія... навѣки...* Точь въ точь какъ пепелъ послѣ пожара“.

Во всемъ этомъ онъ, конечно, не виноватъ, если пользоваться терминологіей юристовъ, но для себя самого онъ виноватъ—виноватъ уже потому, что *хотѣлъ* этого символическаго пожара.

Къ этому присоединяются (у Ибсена драма всегда сложная) еще и сомнѣнія, возникшія у Сольнесса относительно внутренней цѣнности его задачи жизни. — Гаконъ чувствовалъ себя избранникомъ божьимъ; Сольнессъ чувствуетъ себя бунтовщикомъ, взявшимъ на себя всю отвѣтственность за успѣхъ. И вотъ люди, слѣдуя его совѣтамъ, строятъ дома, но не хотятъ имѣть на этихъ домахъ ничего, что уходило бы въ высь къ небу *), подобно старымъ колокольнямъ и церквамъ. Въ концѣ концовъ, оказывается, что, если не давали счастья эти старыя прибѣжища людей, то не больше дали и его символическіе дома безъ башенъ. Онъ чувствуетъ, что все дѣло можно поправить надстройкой этихъ башенъ, но жизненная усталость сказывается и его надорванныхъ силъ уже недостаточно. Съ другой стороны, его „задача жизни“ обошлась ему слишкомъ дорого (по его выраженію), чтобы онъ могъ добровольно уступить ее другому, который оттѣснитъ стараго „строителя“, оставивъ въ его жизни только одну перенесенную муку. Онъ готовъ—на этотъ разъ уже сознательно—растоптать чужое

*) Символъ идеальнаго элемента въ повседневной жизни.

призваніе, лишь бы не пріобрѣсти въ лицѣ Рагнара (его помощника) возможнаго замѣстителя — талантливаго замѣстителя — въ „строительствѣ“. Противорѣчіе между поведеніемъ, основной идеей его строительства и его „задачей жизни“ *) онъ сознаетъ, конечно, когда говоритъ (по ремаркѣ Ибсена, „подавленнымъ голосомъ и съ внутреннимъ волненіемъ“):

„Слушайте внимательно, что я вамъ скажу, Гильда. Все, что мнѣ дано создавать, строить, воздвигать, все прекрасное, уютное, свѣтлое... возвышенное (ломаетъ руки)... все это я долженъ искупать. Платить за это. Не деньгами, а человѣческимъ счастьемъ. И не только своимъ, но и чужимъ... И каждый Божій день я долженъ видѣть, какъ плата все наново вносится. Все вновь, все вновь.. вѣчно вновь!“ Но практическое послѣдствіе этого—только усиленіе душевнаго разлада. Когда при немъ говорятъ объ его счастьѣ, онъ слушаетъ это „съ мрачной улыбкой“, по ремаркѣ Ибсена, и разъясняетъ это „счастье“ Гильдѣ: „...люди называютъ это счастьемъ! Но я вамъ скажу, какъ ощущается это счастье! *Я ощущаю его, какъ больное мѣсто на груди, лишенной кожи.* И вотъ являются помощники и слуги и снимаютъ куски кожи у другихъ людей, чтобы закрыть мою рану! *Но раны этой не залѣчить.* Никогда... никогда! О, если бы знали, какъ иногда это жжетъ и рѣжетъ!“

Устранить душевный разладъ, парализующій „строительство“ Сольнесса беретъ на себя Гильда.—Въ принципѣ она представитель „коренастой“ совѣсти, какъ и Ревекка. Если она и заставляетъ Сольнесса сдѣлать все, что хочетъ для себя Рагнаръ, то только потому, что поступить иначе недостойно *ея* строителя; потому что—въ принципѣ—она не хочетъ считаться ни съ чьимъ горемъ, разъ дѣло идетъ о „строителѣ“ и его „задачѣ“. „У васъ слишкомъ мягкая совѣсть“, говоритъ она Сольнессу, „такъ сказать, нѣжная. Не выноситъ ударовъ, не можетъ ни поднять, ни нести ничего тяжелаго“. И на вопросъ Сольнесса: „Какою же должна быть совѣсть, если можно спросить?“ отвѣчаетъ: „*У васъ* мнѣ бы лучше всего хотѣлось, чтобы совѣсть была... ну... очень крѣпкая“.

Она настаиваетъ на томъ, чтобы Сольнессъ закончилъ все, что задумалъ 10 лѣтъ тому назадъ. Онъ долженъ побороть свои сомнѣнія, принижающія его силы, долженъ чувствовать себя, какъ встарь, долженъ подняться на „головокружительную высоту,“ а затѣмъ онъ долженъ, вмѣстѣ съ нею, приняться за осуществленіе его идеи: за постройку единственнаго, въ чемъ *можетъ* жить человѣческое счастье—„воздушные замки“ человѣческихъ идеаловъ „на каменномъ фундаментѣ“ **) дѣйствительныхъ нуждъ, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ (въ своемъ прошломъ) не считаясь.

---

*) Неуловимый переходъ между тѣмъ, что называется „проступкомъ“ и тѣмъ, что составляетъ „подвигъ“, вообще близкая для Ибсена тема.

**) Отнынѣ идеалъ не „пристройка“ къ жизни, а самостоятельная цѣль.

Попытку подняться на „головокружительную" высоту требований юной дѣвушки ободренный Сольнессъ дѣлаетъ: счастливо поднимается, вѣнчаетъ вѣнкомъ свой символическій домъ съ высокой башней, „уходящей въ небо", но силъ удержаться у него не хватаетъ; онъ падаетъ и разбивается на смерть.

Н. К. Михайловскій назвалъ Сольнесса „изъѣденнымъ совѣстью человѣкомъ". Это совершенно точное опредѣленіе его душевнаго состоянія. И причина, какъ мы видимъ, въ томъ, что ему съ самаго начала не свѣтитъ его „истинно-строительская" идея—такъ же, какъ Гакону свѣтила его „истинно-королевская", когда онъ посылалъ свою мать въ почетное изгнаніе. Для Гакона его „истинно-королевская" идея была одновременно и стимуломъ, и верховнымъ оправданіемъ. Не было никакой другой задачи, которая могла бы сравниться съ его задачей и всякая должна была уступить „во имя Божіе". У Сольнесса такого объективнаго масштаба нѣтъ. Онъ умѣетъ цѣнить задачи только съ объективной точки зрѣнія. „У нея *тоже* было свое жизненное призваніе. *Совершенно такъ же,* какъ и у меня," говоритъ онъ о женѣ.—Между тѣмъ задача Сольнесса обладаетъ несомнѣнной объективной цѣнностью. Ею же живетъ Гильда и изъ моральнаго содѣйствія Сольнессу дѣлаетъ свою собственную „задачу жизни".

Что касается Гильды, въ принципѣ — какъ мы видѣли — она готова ничѣмъ не стѣсняться: дебатируя вопросъ о крѣпкой и нѣжной совѣсти, она говоритъ Сольнессу: „...Да почему мнѣ и не быть хищной птицей! Почему и мнѣ не выходить на добычу? Захватить ту добычу, которая мнѣ нравится? Разъ я могу запустить въ нее свои когти? И удержать ее?" Но лишь только приходится столкнуться съ живымъ человѣческимъ горемъ, какъ дѣломъ ея рукъ, и она превращается въ „хилаго человѣка", не чувствуя, напр., въ себѣ способности добить злополучную жену Сольнесса, отнявъ у нея Сольнесса, хотя бы и въ интересахъ будущихъ „воздушныхъ замковъ"... „Я *не могу* поступить нехорошо съ человѣкомъ, котораго я *знаю*", признается она Сольнессу. „Не могу отнять... чего нибудь"...

Таковы взаимныя отношенія между „задачей жизни" и совѣстью у современныхъ героевъ Ибсена. Имъ не достаетъ того, что было въ пору полу-звѣриныхъ отношеній между людьми и что безвозвратно исчезло въ силу „облагороженія" человѣческой природы. Они уже не способны идти напроломъ къ намѣченной цѣли—спокойные, ясные и уравновѣшенные, не смущаясь чужимъ страданіемъ, подобно старымъ викингамъ. Задача жизни можетъ порою превратить ихъ жизнь въ тяжелое испытаніе. Но все же они будутъ жить, будутъ знать, для чего живутъ и для чего страдаютъ,—пока имъ сіяетъ ихъ задача жизни... Пока она сіяетъ, они не „лишніе" люди. Они только мучащіеся люди.

V.

Мы переходимъ къ анализу душевной драмы у *лишнихъ* людей Ибсена.

„Лишніе“ люди—это, конечно, „не приспособленные“ къ жизни или „не приспособившіеся“. Обыкновенно въ словѣ „лишній“ слышится извѣстный укоръ по отношенію къ тѣмъ, которые *не сумѣли* приспособиться. Объ Ибсенѣ вѣрнѣе было бы сказать обратное.

Какъ психологъ, онъ считаетъ счастье крупнымъ факторомъ не только дѣйствительнаго, но и моральнаго характера: по Ибсену „радость облагораживаетъ“ (Росмеръ), а „горе дѣлаетъ человѣка злымъ и суровымъ“ (Альмерсъ въ „Маленькомъ Эйольфѣ“). Тѣмъ не менѣе авторскія симпатіи его всего меньше принадлежатъ людямъ, которые спокойны и счастливы въ силу присущей имъ нетребовательности, и ни къ кому онъ такъ жестко и пренебрежительно не относится, какъ къ приспособившимся и приспособляющимся—при всякихъ условіяхъ жизни. „Онъ никогда не хочетъ большаго, чѣмъ можетъ“, иронически отзывается объ одномъ изъ своихъ единомышленниковъ неудачникъ Брендель въ „Росмергольмѣ“, и симпатіи Ибсена явно на сторонѣ этого неудачника, въ итогѣ всей своей жизни нашедшаго только „тоску по великому Ничто“, какъ онъ шутитъ на свой счетъ передъ смертью. Въ глазахъ Ибсена люди, которые никогда не хотятъ того, чего не могутъ, никогда, конечно, не могутъ быть безполезными; но за то не въ нихъ и источникъ творческихъ силъ, создающихъ будущее; не въ нихъ *залогъ* этого будущаго и не въ нихъ причина неизбѣжности роста человѣческаго духа и пересозданія жизни на иныхъ началахъ.

Для этого нужны его неуравновѣшенные люди съ безпокойною душой, которые должны неустанно искать и найти... Изъ нихъ вербуются „Строители“, если свою чудотворную жизненную задачу имъ посчастливится найти. Но изъ нихъ же пополняются и ряды лишнихъ людей, если имъ это не удастся... Кто-то сказалъ, что всякій человѣкъ въ чемъ нибудь геніаленъ, только онъ случайно не напалъ на то дѣло, которое обнаружило бы его геніальность.

Героевъ Ибсена то же невѣдѣніе держитъ вдали отъ ихъ „жизненной задачи“, на которую они полностью могли бы отдать свои силы и на которой они могли бы развернуться въ дѣйствительную свою величину. Узелъ ихъ личной драмы всегда въ этомъ удаленіи. У однихъ это удаленіе имѣетъ хроническій характеръ непрерывнаго состоянія; у другихъ результатъ болѣе или менѣе случайной комбинаціи внѣшнихъ условій, разрушившихъ

жизненную „задачу“, которая была или—иногда—казалось, что она была. Психологическая особенность и тѣхъ и другихъ—въ изображеніи Ибсена—это, что они отчетливо сознаютъ свое положеніе и степень его безысходности, отчетливо сознаютъ, чего имъ не хватаетъ и что дѣлаетъ ихъ „лишними“ *въ ихъ собственныхъ глазахъ... Не* въ глазахъ читателя, для котораго они остаются и въ томъ и другомъ случаѣ психологически цѣннымъ матеріаломъ, не реализованнымъ жизнью, какъ она, по тѣмъ или инымъ причинамъ, сложилась. *Для читателя* они не лишніе, а желанные, но *для самихъ себя* они несомнѣнно лишніе: „тринадцатые за столомъ“, по выраженію Грегерса въ „Дикой уткѣ“.

Принять жизнь, какъ простой фактъ существованія въ роли „тринадцатаго“, они не могутъ, даже пытаясь это сдѣлать, какъ пыталась Гедда Габлеръ. Остается выходъ, съ которымъ нельзя примириться, но который логически понятенъ и для нихъ, и для читателя: „добровольно“ уйти и перестать быть „тринадцатымъ“... Такъ они и дѣлаютъ. Такъ развязываютъ свою внутреннюю драму Росмеръ и Брендель въ „Росмергольмѣ“; такъ исправляетъ ошибочное рѣшеніе своей „задачи“ злополучный Грегерсъ въ „Дикой уткѣ“, такъ разрѣшаетъ вопросъ о себѣ блестящая неудачница Гедда Габлеръ.

Эта послѣдняя является типичнымъ лишнимъ человѣкомъ—„хроникомъ“, который всю свою короткую жизнь прожилъ безъ задачи жизни, по личнымъ условіямъ не могъ ея имѣть и напрасно пытался заполнить душевную пустоту эстетическими суррогатами жизненной задачи—внѣшнимъ блескомъ жизни и красотой ея отдѣльныхъ подробностей и мелочей. Жажда настоящаго и крупнаго не покидаетъ ея (по настоящему живетъ она развѣ только нѣсколько часовъ, когда ждетъ духовнаго возрожденія любимаго человѣка) до момента „красиваго“ выстрѣла въ високъ—непремѣнно въ високъ. Подчеркивая эту ультра-эстетичность Гедды вплоть до способа, какимъ надо покончить съ собой, Ибсенъ отнюдь не дѣлаетъ изъ нея прозелитку эстетизма ради самого эстетизма.

Образъ тоскующей и непроизвольно жестокой Гедды Габлеръ далъ бы намъ очень цѣнный матеріалъ для анализа драмы у лишнихъ людей Ибсена, но онъ очень сложенъ и вдобавокъ въ немъ слишкомъ много спорныхъ подробностей (напримѣръ, элементъ несомнѣнной „преступности“ *) въ поведеніи Гедды Габлеръ), которыхъ нельзя устранить въ нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ мимоходомъ. Разсчитывая вернуться къ „Геддѣ Габлеръ“ въ отдѣльномъ очеркѣ, пока ограничимся о ней сказаннымъ и перейдемъ къ другимъ „тринадцатымъ“.

---

*) „Преступность“ въ пьесахъ Ибсена подвергается очень своеобразному толкованію, поскольку рѣчь идетъ о богато одаренныхъ людяхъ.

VI.

Съ фактической стороной душевнаго кризиса у владѣльца Росмергольма мы уже знакомы. Пока драма развернулась передъ нимъ только въ половину и для него остается неизвѣстною роль Ревекки въ самоубійствѣ жены, жить для Росмера тяжело:—потеряно „состояніе радостной безвинности", которое усиливало его работоспособность, но тяжесть была еще въ мѣру силъ. Умная и любящая Ревекка знаетъ это и неизмѣнно напоминаетъ Росмеру, что у него *есть* для чего жить. „О, не думай ни о чемъ, кромѣ твоей прекрасной задачи". Она знаетъ, что въ этихъ словахъ онъ найдетъ достаточную точку опоры для жизни, хотя бы и не „радостной". Но положеніе рѣзко мѣняется, когда Росмеръ узнаетъ изъ устъ самой Ревекки, что самоубійство его жены въ дѣйствительности не самоубійство; что цѣной ея жизни самый близкій ему человѣкъ хотѣлъ обезпечить успѣхъ ихъ общей „задачи жизни" и ихъ собственное счастье. Тогда кризисъ у Росмера пріобрѣтаетъ рѣшительный характеръ. Росмеръ потерялъ послѣднее, что у него оставалось: вѣру въ свою способность перевоспитывать и передѣлывать людей, т. е. въ свою „задачу жизни". Если Ревекка, съ которой онъ цѣлые годы прожилъ, дѣля лучшія, завѣтныя мечты, не поддалась вліянію, то какъ онъ можетъ разсчитывать подчинить своему вліянію другихъ—чужихъ ему людей? заставить ихъ силою своего авторитета и моральнаго воздѣйствія *) передѣлать свою жизнь, приниженную мрачными Росмерами, на новыхъ началахъ, достойныхъ человѣка? Онъ перестаетъ вѣрить въ это, и сторонникамъ сохраненія въ неприкосновенности добраго стараго времени, нетрудно вырвать у него согласіе — оставить жизнь въ покоѣ, какъ она есть. Задача его жизни, въ которую онъ вложилъ свое лучшее *я*, больше не существуетъ и *тѣмъ самымъ* для него безповоротно

О жизни покончен̂ъ вопросъ...

Вотъ діалогъ между нимъ и Ревеккой (Ревекка собирается уѣхать изъ дома Росмера, и онъ считаетъ нужнымъ предупредить ее, что возможныя случайности имъ „уже давно" предусмотрѣны и Ревекка отъ нихъ въ матеріальномъ отношеніи „обезпечена". Ревекка возражаетъ, что это лишнее).

Ревекка. Ахъ, Росмеръ, ты проживешь дольше, чѣмъ я.

Росмеръ. Предоставь ужъ мнѣ распорядиться моей жалкой жизнью.

*) Какъ мы видѣли, это—одно изъ существенныхъ (по замыслу Ибсена) орудій при осуществленіи задачи Росмера.

Ревекка. Что это значитъ? Не думаешь же ты о томъ...

Росмеръ. Нашла бы ты это страннымъ? Послѣ печальнаго жалкаго пораженія, которое я потерпѣлъ! Я, который хотѣлъ осуществить задачу своей жизни... и вотъ сдѣлался перебѣжчикомъ раньше даже, чѣмъ началась битва!

Ревекка. Возобнови борьбу, Росмеръ! Ты увидишь, что побѣдишь,—если ты попытаешься. Ты облагородишь сотни, тысячи душъ. Только попытайся.

Росмеръ. О, Ревекка! Я не вѣрю уже больше въ задачу моей жизни.

Росмеръ оказался неправъ: въ дѣйствительности Ревекка, какъ мы видѣли, „переродилась" подъ его вліяніемъ, и онъ *могъ* вѣрить въ свою „задачу жизни"... Но ему нужно было *чувствовать* это, нужно было несомнѣнное доказательство, которое было бы сильнѣе совершоннаго Ревеккой преступленія. Такое доказательство Ревекка могла дать только въ моментъ ихъ двойнаго самоубійства.

Въ томъ же „Росмергольмѣ" есть еще неудачникъ — бывшій учитель Росмера, Брендель. Эта вводная фигура, мало обрисованная и недостаточно ясная, повидимому, должна оттѣнить, что въ роковомъ исходѣ душевной драмы Росмера не слѣдуетъ ничего относить насчетъ его темперамента. Хотя Росмеръ, какъ и всѣ его предки, „никогда не смѣется",—а Брендель, наоборотъ, всегда смѣется:—даже свою „тоску по великомъ Ничто" онъ мотивируетъ только въ шуточной формѣ, прося Росмера одолжить ему „парочку отжившихъ идеаловъ", которыхъ ему не достаетъ,—но результатъ утраты „парочки идеаловъ" тотъ же, что и у Росмера.

Впервые съ Бренделемъ мы встрѣчаемся въ домѣ Росмера. По ремаркѣ Ибсена, Брендель одѣтъ, какъ „обыкновенный бродяга".

Какъ всегда, небрежный въ передачѣ конкретныхъ подробностей положенія, Ибсенъ останавливаетъ свое вниманіе только на психологической обрисовкѣ. Въ этомъ отношеніи для читателя выясняется, что Брендель стоитъ на поворотѣ своей жизни: ему кажется (не совсѣмъ такъ или—вѣрнѣе—совсѣмъ не такъ, какъ это кажется Росмеру), что наступило уже „бурное время" и для сѣдого бойца мысли и слова пришла пора настоящаго дѣла... Но практическій дѣятель—тотъ самый Моргенсгордъ (онъ—редакторъ мѣстной газеты), который „никогда не хочетъ большаго, чѣмъ можетъ", скоро вернулъ сѣдого идеалиста на землю, уяснивъ ему малую рыночную цѣну его „отжившихъ идеаловъ" — именно здѣсь, на родинѣ его юношескихъ мечтаній... И Брендель, которому легко было занять у стараго ученика, при первомъ же свиданіи послѣ многолѣтней разлуки, „крахмальную сорочку" и

сюртукъ и „пару порядочныхъ сапогъ", не хочетъ пережить необходимость занимать „парочку отжившихъ идеаловъ". Вспоминая по контрасту свое первое появленіе у Росмера съ наружной внѣшностью „обыкновеннаго бродяги", онъ резюмируетъ разницу между тѣмъ, что было, и тѣмъ, что есть, въ слѣдующихъ словахъ: „Когда я вступилъ въ этотъ залъ послѣдній разъ, я стоялъ передъ тобой (Росмеромъ), какъ достаточный человѣкъ и похлопывалъ себя по карману"... А теперь онъ — „банкротъ", „голъ, какъ соколъ" и представляетъ „свергнутаго короля на грудѣ пепла своего сгорѣвшаго дворца".

Такимъ образомъ и этотъ сѣдой неудачникъ, какъ только сгорѣлъ его дворецъ, не хочетъ больше выносить жизнь, обезцѣненную крушеніемъ его личной „задачи жизни", и „добровольно" уходитъ изъ нея, какъ и всѣ неудачники Ибсена.

VII.

Мы остановимся еще на одномъ варіантѣ о лишнемъ человѣкѣ. Это — Грегерсъ въ „Дикой уткѣ", такъ ненужно изувѣченной символизмомъ. Попутно мы получимъ отвѣтъ на одинъ вопросъ, который самъ собой останавливаетъ читателя *) Ибсена: какъ, въ концѣ концовъ, относится къ *правдѣ* этотъ углубленный въ человѣка писатель, если въ одной своей вещи („Столпы общества") онъ провозглашаетъ устами Лоны: „*свобода* и *правда* — вотъ столпы общества!" а въ другой („Дикая утка") устами скептика врача — совершенно обратное: „стимулирующій принципъ—*ложь* жизни".

Мы легко убѣдимся, что въ дѣйствительности противорѣчія нѣтъ. Для самого Ибсена и для избранниковъ его творчества *правда*—верховный критерій жизни. Они жаждутъ этой правды—истины и правды-справедливости, почти какъ страстотерпцы. „Врагъ народа" Штокманъ, не задумываясь, отвѣчаетъ на упрекъ, что своимъ разоблаченіемъ истины онъ можетъ подорвать благосостояніе родного города: „я такъ люблю свой родной городъ, что желалъ бы лучше видѣть его разореннымъ, чѣмъ процвѣтающимъ на почвѣ лжи". Для Штокмана правда выше всего. Но вѣдь та же самая правда не можетъ позволить Ибсену, какъ психологу, скрыть, что это *не для всѣхъ* такъ, что иногда „правда" налагаетъ на человѣка такую тяжелую ношу, что при малыхъ душевныхъ силахъ съ ней не справиться: она не подниметъ, а придавитъ.—Такимъ образомъ философія „Дикой утки" не противорѣчіе съ общей идеей Ибсена о „правдѣ", а дополненіе. Н. К. Михайловскій отмѣтилъ, какъ особенность писательской

*) У насъ этотъ вопросъ былъ, въ извѣстной мѣрѣ, вопросомъ дня, когда ставилась „Дикая утка" на сценѣ Московскаго Художественнаго театра.

манеры Ибсена, что онъ часто беретъ „одни и тѣ же движенія человѣческой души (прибавимъ: важнѣйшія), только въ различныхъ комбинаціяхъ“. Для этого онъ прибѣгаетъ къ „симметричнымъ“ положеніямъ, которыя должны подчеркнуть и рѣзче выдвинуть все существенное. Эта „симметричность“ построеній часто вредитъ художественности впечатлѣнія, — когда она рѣзко и неотступно преслѣдуетъ—такъ сказать—читателя (напримѣръ, въ „Сѣверныхъ богатыряхъ“). Для художественнаго разъясненія вопроса о „правдѣ“ въ жизни, Ибсенъ прибѣгнулъ къ тому же пріему „симметричныхъ“ построеній, но обѣ пары симметричныхъ фигуръ: Лоны и Грегерса, Берника и Гіальмара онъ размѣстилъ въ двухъ разныхъ пьесахъ: въ „Столпахъ общества“ и въ „Дикой уткѣ“. Благодаря этому, выиграла художественность впечатлѣнія: аналогія не навязывается, а естественно раскрывается мысли читателя, но за то является возможность просмотрѣть ее, какъ это мы и видѣли на фактѣ мнимыхъ противорѣчій у Ибсена.

И Лона („Столпы общества“) и Грегерсъ („Дикая утка“) задаются одной и той же цѣлью: имъ нужно, чтобы окружающая жизнь была цѣликомъ основана на „правдѣ“. У близкихъ имъ обоимъ лицъ жизнь основана какъ разъ обратно — на кривдѣ. Они и становятся прежде всего объектомъ для ихъ нравственнаго воздѣйствія. Оба добиваются желаннаго устраненія внѣшнихъ проявленій кривды. Но результатъ совершенно различный въ зависимости отъ того, *къ кому* они адресовались со своими требованіями устранить кривду. Лона имѣла дѣло съ человѣкомъ крупнаго масштаба (Берникъ); Грегерсъ имѣлъ дѣло съ жалкимъ человѣкомъ (Гіальмаръ). Поэтому первая, въ концѣ концовъ, произноситъ знаменитую побѣдную фразу: „свобода и правда — вотъ столпы общества!“ а второй долженъ молчать, когда при немъ говорятъ, что скрасить жизнь Гіальмаровъ можетъ только одна „ложь“ (иллюзія).

Такъ какъ драма въ душѣ „лишняго“ человѣка—Грегерса—станетъ рельефнѣе отъ сопоставленія съ торжествующей Лоной, то мы и станемъ разсматривать ихъ параллельно.

VIII.

Богатый судостроитель, дѣлецъ и общественный дѣятель—консулъ Берникъ когда-то былъ на пути къ разоренію. Больше, чѣмъ когда-либо, онъ нуждался въ довѣріи согражданъ, потому что въ переводѣ на языкъ денежныхъ отношеній „довѣріе“ значитъ „кредитъ“: пусть припомнитъ читатель, какъ Гейне-школьникъ изводилъ своего учителя, упорно переводя слово „вѣра“ французскимъ словомъ —„le credit“. И въ это самое время съ Берни-

комъ приключается любовная исторія въ жанрѣ того же Гейне. Если откроется, что герой ея Берникъ, это подорветъ его солидную репутацію въ глазахъ дѣлового и ханжескаго общества (Ибсенъ очень нерѣдко изображаетъ въ такихъ краскахъ „культурное" общество своей родины). Спасаетъ его другъ Іоганнъ, который бремя „скандала" принимаетъ на себя и на свое имя. Онъ уѣзжаетъ на неопредѣленное время въ Америку вмѣстѣ съ Лоной, бывшей (тайно) невѣстой Берника: послѣдній предпочелъ ей—ради спасенія своей промышленной фирмы, пережившей три столѣтія—нелюбимую дѣвушку, но съ крупнымъ состояніемъ. Отъѣздъ обоихъ освободилъ Берника отъ всякихъ тревогъ и далъ ему возможность встать на ноги. Свѣдѣнія о затрудненныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ старинной фирмы, хотя и сдѣлались достояніемъ молвы, но нашли себѣ легкое объясненіе въ слухѣ, что скрывшійся Іоганнъ обокралъ кассу своего друга. Берникъ слуха не поддерживаетъ, но и не отвергаетъ, пользуясь выгодами такого положенія.

Къ началу пьесы Ибсена, и Лона, и Іоганнъ возвращаются изъ Америки и встрѣчаютъ въ Берникѣ даровитаго дѣльца и уважаемаго общественнаго дѣятеля... Своей Лонѣ Ибсенъ придалъ много чертъ, напоминающихъ ея современницу — русскую нигилистку шестидесятыхъ годовъ. Та же небрежность въ костюмѣ, то же отсутствіе заботы о внѣшней привлекательности, такая же рѣзкость языка вплоть до возраженій: „къ чорту эту глупую исторію" и та же фанатичная преданность правдѣ. Угловатая рѣзкость въ поведеніи Лоны переплетается у Ибсена въ своеобразное гармоничное цѣлое съ обычными особенностями его женщинъ: съ чувствомъ требовательнаго поклоненія любимому человѣку и высокой оцѣнкой нравственнаго элемента въ любви мужчины и женщины. По пьесѣ оказывается, что за 15 лѣтъ разлуки старая любовь Лоны къ Бернику не „заржавѣла", говоря словами пословицы. И внѣ родины, и послѣ разрыва онъ остался для нея тѣмъ, чѣмъ былъ—„героемъ ея юности", заслоненнымъ и затемненнымъ главою „дома Берниковъ", который долженъ по необходимости ежедневно и ежечасно притворяться, молчать и скрывать *).

Естественно, что „задача жизни" для нея прежде всего отлилась въ заботу о нравственномъ освобожденіи любимаго человѣка. Еще въ Америкѣ, когда она узнала отъ Іоганна, что Берникъ малодушно согласился взвалить на своего друга послѣдствія „скандала", она „поклялась себѣ" освободить его отъ безчестящихъ воспоминаній. „Я поклялась себѣ,—говоритъ она впослѣдствіи, — герой моей юности долженъ *свободно и правдиво*

---

*) По пьесѣ Лона права: позорныя для Іоганна обвиненія не забыты, и память о нихъ заботливо культивируется сплетниками мѣстнаго общества.

стоять передъ всѣми"! Ганнибалова клятва не могла, конечно, утратить силу отъ того, что Лона, по своемъ возращеніи, узнаетъ, что „герой ея юности" ради себя и „дома Берниковъ" 15 лѣтъ не мѣшалъ клеветнической молвѣ называть своего великодушнаго друга *воромъ*. Подъ вліяніемъ общаго положенія вещей, Лона рѣшительно становится на сторону „героя ея юности" въ борьбѣ противъ главы уважаемой торговой фирмы.

„Все твое величіе покоится на зыбкомъ болотѣ—и ты вмѣстѣ съ нимъ",—говоритъ Бернику Лона —„Я задумала помочь тебѣ пріобрѣсти твердую почву подъ ногами". Она требуетъ отъ Берника, чтобы онъ открыто признался въ своихъ проступкахъ, очистилъ имя Іоганна отъ клеветы и тѣмъ самымъ пріобрѣлъ „твердую почву подъ ногами", т. е. правду. Берникъ отказывается. У него и Лоны разное пониманіе „правды". Для первой сознаніе своей правоты нужно, какъ гарантія внутренней свободы и чувства обезпеченности отъ возможныхъ случайностей; для второго все дѣло разрѣшается тѣмъ, что онъ чувствуетъ за собой *право* на все, чѣмъ онъ фактически пользуется. „Какъ, чтобы я добровольно пожертвовалъ своимъ семейнымъ счастьемъ и своимъ положеніемъ въ обществѣ!" — восклицаетъ онъ. А на вопросъ послѣдней: имѣетъ ли онъ *право* на это счастье, отвѣчаетъ, что *имѣетъ*, такъ какъ „въ теченіи пятнадцати лѣтъ (разлуки) ежедневно зарабатывалъ себѣ частицу этого права правильной жизнью и той пользой, какую приносилъ". Однако, рядъ событій выясняетъ Бернику, какъ онъ не „свободенъ" въ дѣйствительности и до какой степени онъ можетъ пасть *въ своихъ собственныхъ глазахъ* при защитѣ своего „величія"... И когда ему уже ничто, по внѣшности, не угрожало: Лона намѣренно вернула ему всѣ компрометировавшіе его документы, — онъ рѣшается исполнить то, чего требовала Лона. Въ моментъ общественнаго чествованія его, какъ заслуженнаго и безукоризненнаго человѣка, онъ разъясняетъ истинную роль Іоганна въ его жизни и свою вину передъ нимъ... Лона торжествуетъ.

Ея „задача жизни" завершилась успѣхомъ. Ложь изгнана. Герой ея юности стоитъ передъ всѣми „свободно и правдиво".

Мы значительно отклонились въ сторону отъ лишнихъ людей Ибсена и слишкомъ надолго, быть можетъ, вернулись, къ—не „лишнимъ" людямъ. Но мы считаемъ, что пока вопросъ о правдѣ въ міроразумѣніи Ибсена не будетъ достаточно выясненъ, до тѣхъ поръ „Дикая утка" не освободится отъ неясности, а въ такомъ случаѣ драма въ душѣ послѣдняго лишняго человѣка, которымъ мы займемся, не станетъ отчетливой и доступной анализу.

Въ „Дикой уткѣ" Грегерсъ такой же фанатикъ „правды во всемъ", какъ и Лона, но имѣетъ онъ дѣло не съ крупномасштабнымъ Берникомъ, а съ ничтожнымъ говоруномъ Гіальмаромъ. И это одно опредѣляетъ неудачный исходъ задачи жизни Грегерса.

IX.

Фактическая основа драмы въ „Дикой уткѣ“ слѣдующая.

Заводчикъ Верле зналъ, что планъ, по которому его компаньонъ совершаетъ вырубку купленнаго лѣса, невѣренъ, но не мѣшалъ операціи, которая могла быть очень выгодной. Когда, наконецъ, вмѣшался въ дѣло судъ, оказался виновнымъ одинъ только компаньонъ Верле, лейтенантъ Экдаль. Только онъ и пострадалъ, разоренный и обезчещенный приговоромъ суда. Верле оказался совершенно въ сторонѣ отъ рискованной операціи: въ глазахъ общества, даже въ глазахъ семьи обвиненнаго Экдаля, онъ является не виновнымъ, а пострадавшимъ лицомъ: его доброе имя, по чужой винѣ, чуть было не подверглось судебному опороченію. Отношеній къ семьѣ Экдаля Верле не прервалъ, но придалъ отношеніямъ характеръ покровительства. Это дало ему возможность использовать нищету и позоръ Экдалей какъ нельзя удобнѣе, когда обстоятельства сдѣлали для Верле неизбѣжнымъ удаленіе изъ дому его экономки, чтобы „прикрыть грѣхъ“. Въ качествѣ необходимаго мужа онъ намѣтилъ сына своего бывшаго компаньона Гіальмара и безъ труда добился, что послѣдній на Гинѣ (имя экономки) женился, не догадываясь объ ея прошломъ и очень довольный свадебнымъ подаркомъ Верле—денежной помощью на устройство фотографіи. Относя это, также какъ платную переписку, которую контора Верле обезпечила бывшему лейтенанту, за счетъ доброты сердца заводчика, недалекій Гіальмаръ чувствуетъ къ нему искреннюю признательность.

„Счастье“ улыбнулось ему и съ другой стороны. У него есть „прекрасная задача“. Въ дѣйствительности онъ ни на какую задачу жизни не способенъ, но ему создалъ иллюзію такой задачи нѣкто Реллингъ, благожелательный скептикъ и врачъ по профессіи. По его глубокому убѣжденію, чтобы переносить жизнь, ее надо скрасить „ложью“, и въ качествѣ такой лжи онъ внушаетъ Гіальмару вѣру въ его творческія способности, въ будущее изобрѣтеніе въ дѣлѣ фотографіи, которое онъ непремѣнно сдѣлаетъ, вернувъ имъ своей семьѣ прежній почетъ и уваженіе. И Гіальмаръ, простодушный болтунъ, искренно счастливъ настоящимъ человѣческимъ счастьемъ. Онъ говоритъ товарищу своего дѣтства Грегерсу, сыну Верле: „Передо мной днемъ и ночью стоитъ моя задача жизни“.

Грегерсъ—идейный антогонистъ Реллинга. Если для этого между „ложью жизни“ и человѣческими „идеалами“ такая же разница, какъ „между тифомъ и гнилой горячкой“, то для Грегерса, какъ и для Лоны, не понятна самая возможность существованія

безъ „твердой почвы подъ ногами“—правды въ человѣческихъ отношеніяхъ.

„Если бы я могъ выбирать, то я лучше всего хотѣлъ бы быть быстроногой собакой... Да необыкновенно проворной собакой, такой, которая ныряетъ за дикими утками *), когда они идутъ внизъ и зарываются въ траву и тину!..“ Это говоритъ о себѣ самъ Грегерсъ, слушая разсказъ бывшаго лейтенанта, страстнаго охотника, о дикихъ euткахъ, которыя, когда ранены, всегда „идутъ ко дну, глубоко, какъ могутъ... зарываются крѣпко въ траву—и во всю эту чертовщину, которая лежитъ *тамъ*, и никогда уже не показываются назадъ“.

Такъ же, какъ и для Лоны, для Грегерса характерно *общее* стремленіе быть спасающей „быстроногой собакой“. Въ этомъ его *общая* задача жизни, и содержаніе „Дикой утки“ только частный случай изъ жизни Грегерса, пріобрѣвшій особое значеніе, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ.

Дѣло въ томъ, что Грегерсъ чувствуетъ себя непоправимо виновнымъ передъ Гіальмаромъ: и за отца, и за себя. Въ свое время онъ „предчувствовалъ“ исходъ сотрудничества Верле и Экдаля, но предупредить у него не хватило смѣлости. Когда катастрофа разразилась, Грегерсу остается реагировать на нее только упреками совѣсти. „Тебя я долженъ благодарить за то, что изнываю отъ терзаній нечистой совѣсти“, говоритъ онъ своему отцу... И вотъ Грегерсу улыбается возможность загладить, хоть отчасти, и вину отца, и свое малодушіе. Онъ узнаетъ обстоятельства, при которыхъ женился обманутый его отцомъ Гіальмаръ, и приходитъ въ ужасъ за друга своего дѣтства, вѣрнѣе, за тотъ привлекательный образъ, который жилъ въ его виноватой памяти съ тѣхъ поръ, какъ они разстались (16—17 лѣтъ назадъ). Въ сценѣ съ отцомъ, упрекая послѣдняго во всемъ, что тотъ сдѣлалъ, Грегерсъ восклицаетъ: „И онъ (Гіальмаръ) сидитъ теперь съ великой довѣрчивой дѣтской душой, живетъ подъ одной кровлей съ такой женщиной и не знаетъ, что то, что онъ называетъ своей семьей, основано на лжи!..“ Не менѣе удручаетъ Грегерса та вялость, съ которой его другъ реагируетъ на удары жизни. И вотъ онъ задумываетъ возродить Гіальмара, какъ это

*) *Значеніе символовъ въ пьесѣ.*—Грегерсъ полагаетъ, что Гіальмаръ является какъ разъ такою дикою уткой, которая пошла ко дну, завязла въ тинѣ (несчастныхъ обстоятельствъ жизни) и рвется изъ нея, но не въ силахъ вырваться безъ чужой помощи (собаки). Грегерсъ и долженъ быть такой „собакой“ длл всѣхъ гибнущихъ „утокъ“. Въ этомъ его задача жизни.—По отношенію къ Гіальмару онъ, однако, впалъ въ ошибку. Гіальмаръ—дикая утка другого типа, давно забывшая, что такое „настоящая дикая жизнь“ (на началахъ правды и достоинства), способная жить въ неволѣ, вполнѣ удовлетворяющаяся корзиной, въ которую посажена, и способная даже „жирѣть“ на готовыхъ кормахъ. (Такая „дикая утка“ фигурируетъ въ пьесѣ Ибсена въ качествѣ „дѣйствующаго лица“)... Корень драмы въ этой ошибкѣ Грегерса.

удалось Лонѣ относительно Берника. Никакой внѣшней помѣхи своему намѣренію онъ не видитъ. Жена Гіальмара, какъ убѣдился потомъ Грегерсъ, оказалась простой, но по своему хорошей, любящей женщиной, преданной Гіальмару и стойко выносящей всѣ печали жизни впроголодь. Правда, Грегерсу уже не разъ приходилось убѣждаться, что его „идеальныя требованія", какъ выражается Реллингъ, не встрѣчаютъ сочувствія со стороны придавленныхъ жизнью людей, но ему такъ хочется видѣть себя хоть разъ торжествующимъ въ своей задачѣ жизни и такъ хочется загладить вину, такъ хочется считать Гіальмара способнымъ перенести кризисъ и выйти изъ него съ удесятеренными силами, нужными для перестройки жизни,—что онъ и дѣйствительно видитъ въ Гіальмарѣ то, что хочетъ видѣть: человѣка съ „великою, дѣтской душой", а не празднаго болтуна и никчемнаго человѣка.

Для человѣка, утомленнаго жизнью, какимъ является въ пьесѣ Грегерсъ, созданный имъ самимъ миражъ принялъ формы реальной задачи жизни. Онъ *будетъ* правъ,—жизнь, наконецъ, свела его съ человѣкомъ, которому правда и подвигъ окажутся нужными—больше всего... „Я ужъ постараюсь вытянуть тебя на поверхность,—ободряетъ онъ своего друга,—потому что я тоже нашелъ себѣ задачу жизни".—Вытянуть на поверхность—значитъ пробудить въ немъ дремлющія силы; вызвать въ душѣ спасительный кризисъ Вызвать—полнымъ раскрытіемъ правды, дать возможность пережить чувство совершоннаго „подвига" и затѣмъ фактически помочь Гіальмару перестроить свою жизнь на хорошихъ, честныхъ началахъ труда и любви къ виноватой... Вотъ „задача", которая на нѣсколько дней освѣтила усталую и сумеречную жизнь Грегерса... „Вѣдь въ мірѣ нѣтъ другого столь же высокаго подвига, какъ простить согрѣшившему и любовью поднять его до себя", неизмѣнно убѣждаетъ Гіальмара Грегерсъ.

Положеніе вещей обострилось еще однимъ контрастомъ... Среди окружающихъ, съ которыми долженъ былъ прожить свою жизнь Грегерсъ, нашелся, наконецъ, одинъ, который по собственному почину, устранилъ „ложь". Это—его собственный отецъ, безчестный, но умный человѣкъ. Ему „правда" оказалась нужною. Онъ овдовѣлъ, освободился отъ Гины и теперь женится на женщинѣ тоже съ „прошлымъ". Чтобы обезпечить себя и свое счастье отъ всякаго страха въ будущемъ, они сразу раскрываютъ свое „прошлое" одинъ относительно другого. И это только укрѣпляетъ ихъ будущій союзъ.

Грегерсъ не можетъ допустить и мысли, что его другъ мелочнѣе и въ духовномъ отношеніи ниже *его отца*. Но онъ *оказался* ниже.

Перерожденіе оказалось миражемъ. И „подвигъ" тоже—со всѣмъ подъемомъ нравственныхъ силъ, на который разсчитывалъ Грегерсъ. Когда прошлое жены открылось, его другъ остановился

мыслью не на искупающихъ вину обстоятельствахъ (т. е. совмѣстной жизни, тяжесть которой лежала на Гинѣ), а *только* на самой винѣ. Униженіе въ прошломъ стало явнымъ, но не смѣнилось—для Гіальмара—надеждой на иное будущее.

Не оказалось ни силъ, ни энергіи, о которыхъ мечталъ Грегерсъ... Итакъ, вмѣсто торжества, новое крушеніе задачи жизни Грегерса... И больная совѣсть не излѣчена, и задача жизни разбита: „Если вы правы, а я ошибаюсь,—говоритъ Грегерсъ Реллингу,—тогда не стоитъ и жить на этомъ свѣтѣ.

Реллингъ. О, жизнь на этомъ свѣтѣ можетъ быть и недурной, если только насъ оставятъ въ покоѣ господа, вторгающіеся къ намъ съ идеальными требованіями.

Грегерсъ (смотритъ передъ собой). Въ такомъ случаѣ я радъ, что мое назначеніе таково, какъ оно есть.

Реллингъ. Смѣю спросить—каково ваше назначеніе.

Грегерсъ (собираясь уходить). Быть 13-мъ за столомъ.

Реллингъ. Чортъ вамъ повѣритъ!..

Но Ибсенъ несомнѣнно „повѣритъ" своему лишнему человѣку. Повѣритъ, что „тринадцатымъ" онъ не станетъ жить.

Какъ видитъ читатель, никакого диссонанса въ отношеніи Ибсена къ „правдѣ" человѣческихъ отношеній нѣтъ. Для его *сильныхъ*, одаренныхъ людей, правда признается высшимъ благомъ и на страницахъ „Дикой утки", какъ и во всѣхъ произведеніяхъ... И правда, и „задача жизни".

X.

Но что же представляетъ собою эта всеобъемлющая „задача жизни" въ толкованіи Ибсена? Каково ея конкретное содержаніе?

Ибсенъ не связываетъ этого содержанія съ какой-нибудь опредѣленной категоріей душевныхъ движеній человѣка. Для него задача жизни такой же „постоянный законъ съ непостояннымъ содержаніемъ", какъ и вообще всѣ повелительные нравственные законы, направляющіе жизнь человѣчества при перемѣнныхъ условіяхъ времени и мѣста. Содержаніемъ „задачи жизни" можетъ быть истинно-королевская идея Гакона; можетъ быть освободительное строительство Сольнесса; можетъ быть проповѣдь суроваго, опредѣленнаго, но не спокойнаго душой Бранда. Но содержаніе можетъ не выходить и за предѣлы обыденной жизни. Если у жены Сольнесса, какъ мы видѣли, жизненной задачей было выростить въ своихъ дѣтяхъ „прямыя взрослыя души", выростить ихъ „въ уравновѣшенности и въ благородныхъ, прекрасныхъ формахъ", то для Марты *), сестры Бер-

*) „Столпы общества".

ника, вся жизненная задача исчерпывалась сначала исправленіемъ проступка въ тайнѣ любимаго человѣка: воспитаніемъ брошенной дѣвочки, въ которой она видѣла вмѣстѣ съ молвой—дочь Іоганна отъ „скандальной исторіи, а потомъ, когда эта цѣль была достигнута, вообще въ заботахъ о безпризорныхъ дѣтяхъ. Для Эллиды („Женщина съ моря") задача еще обыденнѣе: будучи мачихой, замѣнить мать для дѣтей своего мужа.

Но есть одна непреложная особенность въ „задачѣ жизни" по Ибсену. Она должна быть свободной: свободно избранной—на свою собственную отвѣтственность". Она должна быть взята на себя совершенно добровольно. Иначе это будетъ уже не „задача жизни", а урочная работа, опредѣленная тюремнымъ уставомъ. Сообразно съ этимъ, то, что взвалили на плечи человѣка внѣшнія условія и личная ошибка, никогда не можетъ стать задачей жизни, какъ ее понимаетъ Ибсенъ. Но не по *внѣшнимъ* признакамъ этой обузы, а только по *внутреннимъ*—по отсутствію во взятой на себя обузѣ признаковъ нравственной свободы. Тѣ же самыя обязанности, которыя такъ тяготятъ, когда онѣ невольно взяты, могутъ быть легко носимы, когда онѣ взяты вольно. Иллюстраціей этого основного свойства Ибсеновской „задачи жизни" служитъ „Женщина съ моря".

Совмѣстная жизнь супруговъ Вангель готова рухнуть: ею тяготится Эллида, вторая жена доктора Вангеля. Не потому, что ее не любятъ въ новой семьѣ или она сама не любитъ мужа и его дѣтей—двухъ дѣвушекъ на возрастѣ... Женщины у Ибсена часто томятся сознаніемъ, что бракъ для нихъ былъ не свободнымъ союзомъ свободныхъ людей, а *самопродажей*, въ качествѣ женщины, за заботы о нихъ мужа. Такое сознаніе тяготитъ и Эллиду, хотя фактической правды въ ея терзаніяхъ нѣтъ... Но самое тяжелое для нея, это—мысль, что она несвободна во всемъ, что она *должна* дѣлать. Такъ какъ „Женщина съ моря", съ нашей точки зрѣнія, представляетъ особый интересъ, то мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ слѣдующій діалогъ между Эллидой и Вангелемъ:

Эллида. Слушай же, Вангель... намъ нельзя долѣе обманывать себя самихъ... и другъ друга.

Вангель. Развѣ мы это дѣлаемъ? Мы обманываемъ себя!

Эллида. Да. Или во всякомъ случаѣ, мы скрываемъ истину. Потому что вѣдь истина... настоящая, прямая истина... состоитъ въ томъ... что ты явился и купилъ меня.

Вангель. Купилъ!.. Ты говоришь... купилъ!

Эллида. Ахъ, вѣдь я была ничѣмъ не лучше тебя. Я согласилась на торгъ. Я продала себя тебѣ.

Вангель (болѣзненно взглянувъ на нее). Эллида... и у тебя хватаетъ сердца называть это такъ?

Эллида. Но развѣ же можно называть это иначе! Ты не могъ

болѣе выносить пустоты въ твоемъ домѣ. Ты сталъ искать себѣ жены.

Вангель. И матери для дѣтей, Эллида!

Эллида. Можетъ быть, и это—между прочимъ. Хотя... ты не зналъ вѣдь, гожусь ли я къ этому. Вѣдь ты только видѣлъ меня... и раза два разговаривалъ со мной. Я стала тебѣ нравиться и...

Вангель. Назови это, какъ думаешь!

Эллида. А я!.. Вѣдь я *была такъ безпомощна и такъ одинока*. Что же тутъ удивительнаго, что я согласилась на сдѣлку, когда ты предложилъ взять на себя заботу обо мнѣ!

Вангель. Увѣряю тебя, дорогая Эллида, что я вовсе не такъ смотрѣлъ на это. Я честно спросилъ тебя, согласна ли ты дѣлить со мною и съ дѣтьми, то немногое, что у меня было.

Эллида. Да, ты правъ. Но я все же не должна была принимать этого! Ни за какія блага въ мірѣ не должна я была принимать этого. Не должна была продавать себя! Лучше самая тяжелая работа... лучше нищета *при свободѣ и по собственному выбору!*

Вангель. Значитъ, тѣ 5—6 лѣтъ, которыя мы провели вмѣстѣ, ничего не стоятъ въ твоихъ глазахъ?

Эллида. О, вовсе нѣтъ, Вангель! Мнѣ было у тебя такъ хорошо, какъ только можно желать. Но я *не свободно* вступила въ твой домъ. Вотъ въ чемъ дѣло!

„Не свободно“ вступила. Въ устахъ Эллиды это значитъ, что между ея душевнымъ строемъ и ея поведеніемъ нѣтъ внутренней свободной и самоопредѣлившейся связи.

Въ одной фантастической сценѣ Перъ Гинтъ оказывается среди троллей, которые его поучаютъ разницѣ между человѣкомъ и троллемъ: для послѣднихъ правило: „будь доволенъ собой“, а для перваго законъ: „будь самимъ собой“. „Быть довольнымъ собой“ значитъ принимать жизнь, какъ она есть. „Быть самимъ собой“ значитъ создавать свою жизнь по собственному „усмотрѣнію“ (слова Росмера).

Душевный разладъ Эллиды и опредѣляется невозможностью, въ силу допущенной ошибки, „быть самой собой“, т. е. вступить въ жизнь, повинуясь только своему собственному внутреннему влеченію. Вся ея жизнь опредѣлилась фактомъ замужества, и она навсегда утратила возможность *выбрать* себѣ „задачу жизни“. Задачу жизни для нея должно замѣнить то, къ чему принудили ее случай и ошибка. Эллида не можетъ освободиться ни отъ чувства тяжелой вины передъ собой, ни отъ чувства какой-то невозвратной потери—потери „несложившихся пѣсенъ“, которыя, по словамъ Ятгейра, всегда бываютъ „самыми сладкими“. То обстоятельство, что ея мужъ, какъ она не сомнѣвается, связанъ съ ней искреннимъ и честнымъ чувствомъ; тотъ фактъ, что отъ нея

ждутъ заботы и ласки дочери этого хорошаго человѣка,—все это только усиливаетъ боль въ душѣ, не заглушая самой тоски по утраченномъ „возможномъ" счастьѣ. „Быть можетъ, *вотъ* гдѣ задача" (фактическое содержаніе задачи),—говоритъ она, когда узнаетъ, съ какой скрытой нѣжностью относится къ ней ея падчерица Гильда (будущая Гильда въ „Строителѣ Сольнессѣ"), но все же не можетъ заглушить щемящее чувство „утраченнаго". „О, не думай,—говоритъ она мужу,—что не бываетъ минутъ, когда я вижу миръ и спасеніе въ томъ, чтобы бѣжать душой къ тебѣ... И бороться со всѣми притягивающими и пугающими меня силами. Но я не могу этого. Нѣтъ,—я не могу."

Власть неизвѣстнаго—того, что могло бы быть, если бы ошибка не лишила свободы—Ибсенъ символизировалъ въ лицѣ „неизвѣстнаго", который является въ пьесѣ—таинственнымъ, неяснымъ, но реальнымъ лицомъ и доводитъ терзанія Эллиды до высшей степени напряженія. Наконецъ, она не въ силахъ бороться съ собой и проситъ Вангеля возвратить ей свободу („Отдай мнѣ назадъ *всю мою* свободу"), чтобы она могла идти, не считаясь больше съ принудительной властью „случайныхъ" обязательствъ. Душевный кризисъ, символизируемый въ появленіи на сценѣ неизвѣстнаго, заставляетъ ее добиваться расторженія тягостной „сдѣлки", *пока еще не поздно.* „Теперь онъ (неизвѣстный—символъ невынужденный жизни) является и предлагаетъ мнѣ... единственный и послѣдній разъ начать жизнь сначала... жить моей собственной *истинной* жизнью... жизнью, которая пугаетъ и влечетъ... и отъ которой я не могу отказаться. *Не могу добровольно*!"

Честный и любящій Вангель считаетъ съ своей стороны преступленіемъ „расторгнуть сдѣлку", обрекши Эллиду всѣмъ случайностямъ неизвѣстнаго. Онъ готовъ прибѣгнуть, хотя бы къ силѣ, лишь бы удержать ее... Все это „ты можешь"... возражаетъ Эллида. „Для этого у тебя есть и власть, и средства!.. Но души моей... всѣхъ моихъ мыслей... всѣхъ моихъ влеченій и стремленій... ты не можешь сдержать! Они будутъ стремиться и мчаться... къ неизвѣстному... которое ты *закрылъ* для меня!"—говоритъ Эллида.

Безысходность положенія становится очевидной и для Вангеля. Души и мыслей, дѣйствительно, нельзя удержать. И какъ врачъ, и какъ любящій человѣкъ, Вангель рѣшается на неизбѣжное...

Съ расторженіемъ Вангелемъ „сдѣлки" въ состояніи Эллиды происходитъ немедленный переломъ въ благопріятную сторону. Кризисъ обострялся увѣренностью, что Вангель не возвратитъ свободу женѣ. Когда Вангель съ тяжелымъ усиліемъ, но все же рѣшается сказать: „И потому... потому я теперь же... уничтожаю сдѣлку... Можешь выбирать свой путь въ полной... полной сво-

бодѣ“,—Эллида, по ремаркѣ Ибсена, „съ минуту смотритъ на Вангеля, широко раскрывъ глаза, не произнося ни слова“... Она уже свободна. Ея прежняя жизнь въ семьѣ Вангеля стала объектомъ свободнаго выбора; она больше не фактъ, который нужно принять не споря. Ничто не затемняетъ больше въ сознаніи дѣйствительной цѣнности тѣхъ людей, съ которыми ее связала „ошибка“. Оставить ихъ оказывается для Эллиды невозможнымъ, и она остается съ ними, но уже „по собственному выбору и подъ своей отвѣтственностью“.

Счастливый Вангель задаетъ ей вопросъ: „А неизвѣстное... не влечетъ тебя болѣе?“ Эллида отвѣчаетъ отрицательно: „Не влечетъ и не пугаетъ. Я получила возможность взглянуть на него... пойти къ нему... если бы захотѣла. Теперь я могла *избрать* его. Теперь я могла *отказаться* отъ него“. Отвѣчаетъ она отрицательно и на вопросъ, что собственно опредѣляло ея тоскливую неуравновѣшенность. „Не знаю“, говоритъ она и утверждаетъ только фактъ, что Вангель примѣнилъ *единственное* средство, которое могло помочь ей: „Да, дорогой мой, вѣрный Вангель, теперь я возвращаюсь къ тебѣ. Теперь я могу сдѣлать это. Теперь я иду къ тебѣ *свободно*... добровольно и подъ своей отвѣтственностью“.

„Задача жизни“ стоитъ теперь передъ Эллидой во всей очевидности—та самая, которую она раньше не „замѣчала“, выражаясь словами Эллиды. Когда Вангель начинаетъ вслухъ мечтать, какъ въ дальнѣйшемъ сложится ихъ совмѣстная жизнь—жизнь *вдвоемъ*, Эллида вноситъ поправку. Вотъ этотъ діалогъ:

Эллида. И для нашихъ дѣтей, Вангель.

Вангель. Нашихъ! *).

Эллида. Тѣхъ, которыя еще не принадлежатъ мнѣ... но которыхъ я *сумѣю* сдѣлать моими“.

Докторъ Вангель оказался хорошимъ врачемъ: благодаря его проницательности на свѣтѣ стало одной счастливой жизнью больше, однимъ лишнимъ человѣкомъ—меньше.

Мы остановились на „Женщинѣ съ моря“ съ особой подробностью, такъ какъ находимъ въ ней глубокое и тонкое освѣщеніе такой стороны въ человѣкѣ, которая меньше всего бросается въ глаза и которая, быть можетъ, больше всего раскрываетъ, почему счастью ведется счетъ на дни и на часы даже и тѣми, у которыхъ въ жизни есть „счетъ счастья“... Если бы не символизмъ, который мѣшаетъ читателю и заставляетъ видѣть символъ даже тамъ, гдѣ Ибсенъ говоритъ безъ всякихъ иносказаній, и если бы не экскурсіи въ область научной психологіи и миро-

*) Курсивъ Ибсена.

выхъ „тайнъ“,—„Женщина съ моря“ была бы по-истинѣ художественнымъ откровеніемъ *). Не говоря уже о насъ, „русскихъ, создавшихъ крылатыя слова объ „ежовыхъ рукавицахъ“.

Итакъ вотъ-что по Ибсену нужно человѣку, чтобы чувствовать себя человѣкомъ. Нужна задача жизни, центрирующая его душевныя силы. Нужна задача жизни свободно избранная,—избранная подъ своей личной отвѣтственностью. Внѣ этихъ условій жизнь можно только переносить,—кто можетъ переносить.

XI.

Нашей непосредственной задачей было изслѣдованіе одного изъ основныхъ мотивовъ творчества Ибсена.

Но русскому читателю невозможно остановиться на этой чисто литературной сторонѣ вопроса. Передъ нимъ встаетъ естественно, хотя, быть можетъ, неожиданно, нашъ собственный вопросъ о лишнихъ людяхъ. Вездѣ возможны лишніе люди, и Ибсенъ думаетъ, что они никогда не исчезнутъ: объ этомъ позаботится усердный поставщикъ драмъ — жизнь, какъ она сложилась, слѣдуя своимъ противорѣчивымъ законамъ.

Но мы, русскіе — какъ цѣлое, сумѣли сдѣлать „лишнихъ“ людей привычными для глаза и обезпечили себѣ первое мѣсто по проценту „лишнихъ“, какъ обезпечили его по проценту слѣпыхъ и умирающихъ.

Трудно представить себѣ двухъ писателей болѣе разныхъ, чѣмъ Ибсенъ и нашъ Чеховъ. Одинъ говоритъ о родныхъ ему людяхъ и другой тоже говоритъ — съ такой искренностью и такой душевной болью — о близкихъ ему людяхъ! Но одного — внѣ родины слушаютъ, какъ *своего* писателя; другого слушаютъ

---

*) Чтобы избѣгнуть упрека въ произвольномъ толкованіи роли „Неизвѣстнаго“ въ пьесѣ Ибсена, оговоримся, что есть и иное толкованіе, не совпадающее съ нашимъ. Именно, по Швейцеру, Ибсенъ въ своей драмѣ „рисуетъ присущую человѣку чувственность, заглушающую въ его душѣ голосъ божественныхъ велѣній, въ видѣ своего рода морского чудовища, въ лицѣ чужеземца, вліяніе котораго на героиню драмы тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе ее отдаляетъ отъ него гнетъ обстоятельствъ“. („Скандинавское творчество новѣйшаго времени“; этюдъ, приложенный къ „Исторіи скандинавской литературы“ Горна. Стр. 337). Но это явное недоразумѣніе, такъ какъ *самъ Ибсенъ,* устами Вангеля, даетъ разъясненіе того, что именно онъ символизировалъ въ „Неизвѣстномъ“... Пытаясь разъяснить душевный процессъ у Эллиды, создавшій почву для драмы, Вангель, въ концѣ пьесы, говоритъ Эллидѣ: „твое влеченіе къ нему... къ этому иностранцу... все это было лишь выраженіемъ пробудившагося въ тебѣ и выросшаго *стремленія къ свободѣ. Вотъ и все*“.

Очевидно, что никакой рѣчи о „чувственности“ не можетъ быть. Ибсенъ самъ далъ то толкованіе, которое мы положили въ основу анализа душевной драмы у Эллиды.

съ оттѣнкомъ недоумѣнія (чтобы не сказать больше), какъ слушаютъ доклады путешественниковъ въ географическихъ обществахъ, когда не вполнѣ вѣрятъ точности сдѣланныхъ наблюденій. — У одного чувствуются люди, ведущіе упорную борьбу за свою жизнь; у другого чувствуется только настроеніе неудачной борьбы: чувствуется побѣдительница—жизнь, а сами побѣжденные съ ихъ душевными ранами остаются какъ-то недоступными для точнаго изслѣдованія... Одинъ—по манерѣ скульпторъ въ старомъ стилѣ, хотя и новаторъ по стремленіямъ: его фигуры отчетливы и рѣзки зачастую; у другого—только намеки на рельефъ и контуры расплывчаты, какъ у Родена.—Одинъ стремителенъ въ своемъ творчествѣ: его драмы цѣлый „водоворотъ"; другой ровенъ, какъ русскія степныя рѣки.—Одинъ все передумалъ, другой все перечувствовалъ, но перечувствовалъ въ какихъ-то тискахъ мысли и сердца.

Быть можетъ, впрочемъ, это-то и заставляетъ думать о нихъ вмѣстѣ. По началу контраста. Заставляетъ вслѣдъ за энергичными строителями жизни Ибсена и не менѣе энергичными его „лишними людьми" вспомнить о „хмурыхъ людяхъ" русскихъ „сумерекъ".

„Каждый человѣкъ созданъ для своего дѣла и *цѣль его жизни—это рай его. Онъ неуклонно долженъ къ ней идти, хотя бы между нимъ и сю лежалъ широкій океанъ*" („Брандъ").

Русскихъ людей отъ ихъ задачи жизни, мало-мальски крупной, всегда отдѣлялъ широкій океанъ, въ родѣ того, о которомъ говоритъ Брандъ. Но всегда находились смѣлые люди, которыхъ океанъ не пугалъ; они уходили изъ нормальной жизни, жили напроломъ—подъ своей собственной отвѣтственностью и погибали... Даже среди героевъ Чехова есть „неизвѣстный человѣкъ", которому символъ вѣры Бранда понятенъ.

Но вѣдь это все то, что называется „подвигомъ" и чему нѣтъ мѣста въ обыденной жизни и для силъ средняго человѣка. Что же они должны были дѣлать — средніе люди, если имъ случалось хотѣть больше, чѣмъ они могутъ? Если *имъ* нужна была, какъ Эллидѣ, хотя и маленькая, но свободно избранная, подъ своей отвѣтственностью, задача жизни?..

...Они пополняли ряды „хмурыхъ людей" Чехова... Объ этихъ злополучныхъ людяхъ сложилось представленіе, какъ о „пустозвонныхъ говорунахъ", нытикахъ и „неврастеникахъ", ни къ чему органически не пригодныхъ. Это, однако, справедливо только въ томъ случаѣ, если справедливо и относительно лишнихъ людей Ибсена.

Что нужно хмурымъ людямъ русскаго писателя? — „Я вѣрю, слѣдующимъ поколѣніямъ будетъ легче и виднѣе, къ ихъ услугамъ будетъ нашъ опытъ. Но вѣдь хочется жить независимо отъ будущихъ поколѣній и не только для нихъ. Жизнь дается одинъ разъ, *и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво. Хочется*

играть видную, самостоятельную, благородную рэль, хочется дѣлать исторію, чтобы тѣ же поколѣнія не имѣли права сказать про каждаго изъ насъ: то было ничтожество, или еще хуже того. Я вѣрю въ цѣлесообразность и въ необходимость того, что происходитъ вокругъ, но какое мнѣ дѣло до этой необходимости, зачѣмъ пропадать моему „*я*"?

Подобно Норѣ Ибсена жаждетъ этотъ „неизвѣстный человѣкъ" чуда, огромнаго чуда: „Что если бы чудомъ настоящее оказалось сномъ, страшнымъ кошмаромъ, и мы проснулись бы обновленные, чистые, сильные, гордые своей правдой?.. Сладкія мечты жгутъ меня и я едва дышу отъ волненія. Мнѣ страстно хочется жить, хочется, чтобы наша жизнь была *свята, высока и торжественна, какъ сводъ небесный*" („Разсказъ неизвѣстнаго человѣка"). Иногда мечта о невозможномъ чудѣ пріобрѣтаетъ характеръ вѣры въ возможное чудо. „Знаете, я съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаюсь, что мы живемъ наканунѣ величайшаго торжества, и мнѣ хотѣлось бы дожить, *самому участвовать*". („Три года"—Ярцевъ). Но участвовать хмурымъ людямъ приходится совсѣмъ въ другомъ, и ихъ тяготитъ ложь и безобразіе жизни—не въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, а какъ общій неустранимый признакъ коллективной жизни, въ которой они должны участвовать. „Я человѣкъ отъ природы неглубокій,—говоритъ о себѣ герой разсказа „Страхъ",—и мало интересуюсь вопросами, какъ загробный міръ, судьбы человѣчества, и вообще рѣдко уношусь въ высь поднебесную. Мнѣ страшна, главнымъ образомъ, обыденщина, отъ которой никто изъ насъ не можетъ спрятаться. Я неспособенъ различить, что въ моихъ поступкахъ правда и что ложь, и они тревожатъ меня, я сознаю, что условія жизни и воспитаніе заключили меня въ тѣсный кругъ лжи, что вся моя жизнь есть не что иное, какъ ежедневная забота о томъ, чтобы обманывать себя и людей и не замѣчать этого, и мнѣ страшно отъ мысли, что я до самой смерти не выберусь изъ этой лжи". Изъ безобразной, ничѣмъ *неприкрашенной* лжи... У Чехова есть маленькій символическій разсказъ: „Знакъ восклицательный". Маленькій чиновникъ неожиданно убѣждается, что на свѣтѣ существуетъ восклицательный знакъ; наводитъ у своей жены, которая „недаромъ 7 лѣтъ въ пансіонѣ была", справку о смыслѣ этихъ невѣдомыхъ знаковъ. Оказывается, что смыслъ грамматическій есть: жена еще не забыла, что „этотъ знакъ ставится при обращеніяхъ, восклицаніяхъ и при выраженіяхъ восторга, негодованія, радости, гнѣва и прочихъ чувствъ". Открытіе оказалось ошеломляющимъ. „Сорокъ лѣтъ писалъ онъ (чиновникъ) бумаги, написалъ онъ ихъ тысячу, десятки тысячъ, но не помнитъ ни одной строки, которая выражала бы восторгъ, негодованіе или что нибудь въ этомъ родѣ". И маленькаго чиновника мучаетъ до

галлюцинацій этотъ „восклицательный знакъ, безъ котораго и жизнь, и онъ сдѣлались „пишущей машиной".

Развѣ все это не то же, чего жаждутъ энергичные герои Ибсена?

Въ противность Ибсену, который всегда является въ роли часовщика: разыскивающимъ, какое именно колесико перестало правильно работать въ душѣ его неудачниковъ: чувство „безвинности", чувство „отвѣтственности", чувство „долга", чувство правды, переходящее въ „изнурительную лихорадку справедливости", жажды и внутренней свободы и самоопредѣленія и т. д.,—Чеховъ передаетъ только фактъ и созданное имъ настроеніе, отказываясь отъ анализа, какой именно психологическій факторъ сдѣлалъ его хмурыхъ людей хмурыми, и *что* именно должно измѣниться въ ихъ личной жизни—какое колесико нужно перемѣнить въ ихъ душевномъ строѣ, чтобы они перестали себя чувствовать хмурыми и лишними. Самое большое, что онъ говоритъ о нихъ, это—что они не виноваты, хотя чувствуютъ себя виноватыми, чувствуютъ себя той травой въ „Степи", сожженной солнцемъ, „странную пѣсню" которой слушалъ Егорушка. „Въ своей пѣснѣ она, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну; она увѣряла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, если бы не зной и не засуха; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощенія и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя".

Пѣсня травы—пѣсня хмурыхъ людей Чехова. Имъ тоже (сравните „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка": почти тождественныя *) выраженія) хочется быть „красивыми", имъ хочется прожить жизнь „бодро, осмысленно, красиво", хочется „дѣлать исторію", но какое-то солнце „выжгло ихъ понапрасну", и имъ, какъ и травѣ, „невыносимо больно, грустно и жалко себя".

Что же выжгла жизнь въ этихъ близкихъ Чехову людяхъ? Отвѣтъ — конечно, не исчерпывающій — мы находимъ у Ибсена. Сравнивая его лишнихъ людей и хмурыхъ людей Чехова, мы убѣждаемся, что наши ненужные люди только варіантъ на общечеловѣческую тему о людяхъ, лишенныхъ задачи жизни,—но варіантъ въ самобытной формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣку для бодрой и сильной жизни нужна, какъ абсолютное условіе, задача жизни свободная, свободно избранная, избранная подъ своей отвѣтственностью,—то, очевидно, что у насъ *не можетъ не быть* лишнихъ людей, не можетъ не быть *массоваго* произ-

---

*) Мы подчеркиваемъ это совпаденіе, въ виду сдѣланныхъ уже попытокъ истолковать Чехова, какъ художника, для котораго символъ вѣры исчерпывается словами: люди дурны, потому что дурны, и никто въ этомъ не виноватъ, кромѣ нихъ самихъ.

водства лишнихъ людей.—Можетъ ли быть рѣчь о „свободномъ выборѣ“ задачи жизни для тѣхъ, кто хотѣлъ бы—хоть немножко хотѣлъ бы,—чтобы жизнь была „свята, высока и торжественна, какъ сводъ небесный“? Задача жизни свободно избираема только для тѣхъ, кто равнодушенъ къ такимъ вещамъ. Но тогда неудивительно, что мы фабрикуемъ лишнихъ людей сотнями, что русская жизнь создала такого исключительнаго художника, какъ Чеховъ, и обезпечила его художественнымъ матеріаломъ на всю жизнь!

Единственное, что самобытно въ этихъ десяткахъ незамѣтныхъ драмъ, въ нѣсколькихъ словахъ, разсказанныхъ Чеховымъ, это—что хмурые люди не знаютъ, отъ чего они страдаютъ и не могутъ указать „единственнаго средства“, подобно Эллидѣ, которое могло бы имъ помочь.

Представители „умѣренности“ не разъ указывали, что русскіе хмурые люди не „занимаются дѣломъ“ *). Указывали на примѣръ „здоровыхъ людей“ за рубежомъ, которые занимаются тѣми же мелкими дѣлами, которыя невозбранны и для хмурыхъ русскихъ людей; занимаются, потому что они здоровые, а не дряблые... Въ этомъ будто бы вся суть нашей хмурости—въ томъ, что мы не способны *здорово* относиться къ жизни... Вопросъ, однако, въ томъ, что люди, ставимые въ примѣръ „хмурымъ“, все, что дѣлаютъ,—дѣлаютъ свободно, *не подъ давленіемъ*. Надъ ними не виситъ сознаніе подневольнаго выбора, не виситъ „притягивающая“ власть того, что нужно и что невозможно. Что это не наша *самобытная* болѣзнь, *не наслѣдственная* болѣзнь русской души.—порукой въ этомъ *общечеловѣческія* драмы Ибсена. И мы вылѣчимся отъ этой болѣзни такъ же внезапно, какъ вылѣчилась Эллида. И хмурые люди такъ же точно возьмутъ на себя черную работу, которой тяготились, когда она была для нихъ обузой факта... Для этого нужно то „единственное средство“, которое примѣнилъ Вангель: нужно, чтобы свобода нравственнаго выбора и самоопредѣленія перестала быть достояніемъ только тѣхъ героевъ русской жизни, которые осмѣливались уходить въ „широкій океанъ“ и тамъ погибали; она должна стать достояніемъ массовой *нормальной* жизни, въ которой гибнущіе теперь герои займутъ мѣсто „строителей“ домовъ съ башнями, „уходящими въ небо“, и „воздушныхъ замковъ на каменномъ фундаментѣ“, въ которыхъ только и можетѣ, по Ибсену, жить „настоящее человѣческое счастье“.

А. Е. Рѣдько.

---

*) Напомнимъ, что Эллида тоже не „занимается дѣломъ“ у Ибсена.

ПРО НОВОЕ *).

Разсказъ.

Изъ дневника стараго нотаріуса.

Да, я хочу писать про скуку, такъ какъ скука была главнымъ настроеніемъ моей жизни, взрослой жизни. Вотъ полгода я сижу прикованный къ креслу, мои ноги не ходятъ и—доктора говорятъ—никогда не будутъ ходить,—я хотѣлъ воспользоваться своимъ большимъ свободнымъ временемъ, чтобы написать, не мудрствуя лукаво, о моей жизни и о той жизни, которая шла рядомъ со мной,—написать про скуку русской жизни, откуда она „пошла и стала есть“...

И вотъ прошло три мѣсяца, и только теперь я рѣшился, наконецъ, писать. Когда я оглянулся назадъ и сталъ подводить итоги, оказалось, что жизни-то и не было. Были дни, были отдѣльные факты, были, такъ сказать, случаи изъ жизни, а жизни не было. Не было жизни, какъ чего-то связнаго, послѣдовательнаго, гдѣ прошлое есть вчерашній день настоящаго, а сегодняшній—завтра будущаго. И не только въ моей личной жизни. Ну что же!—сложилась она не очень складно и связно, быть можетъ, по моей винѣ,—но и въ той жизни, которая шла мимо меня, вообще въ жизни. И что мнѣ писать о себѣ? Довѣренности, запродажныя записи, купчія крѣпости, духовныя завѣщанія, опять довѣренности, опять купчія... Понедѣльникъ, вторникъ, среда, пять лѣтъ, десять лѣтъ, цѣлыхъ тридцать лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ я сѣлъ за столъ нотаріуса, въ тотъ самый день, когда Генрихъ Ѳсиповичъ прибивалъ рядомъ со мной вывѣску надъ своей аптекой... Да, тридцать лѣтъ!.. И выговариваю я это не съ испугомъ, а съ удивленіемъ, недоумѣніемъ: куда они ушли? Мнѣ хочется вспомнить. Довѣренности, крѣпостные акты, ду-

---

*) Было другое заглавіе: „Про скуку“. Оно было зачеркнуто и болѣе свѣжими чернилами написано: Про новое.

ховныя завѣщанія, клубъ, имянины, похороны, кто-то приходилъ, кто-то уходилъ. Вѣдь мы же сходились и видѣлись, разговаривали, спорили... А о чемъ мы говорили, про что спорили,—не помню. Я напряженно всматриваюсь въ прошлое, вслушиваюсь въ тѣ забытые голоса и вспоминаю одно—анекдотъ. И когда я вспоминаю кого-нибудь, съ кѣмъ я десять, пятнадцать лѣтъ игралъ въ винтъ, когда вспоминаю тѣхъ людей, съ которыми встрѣчался на имянинахъ и свадьбахъ, я вспоминаю анекдотъ, анекдоты, которые тѣ люди любили разсказывать. Я теперь вижу, что и разговоры наши имѣли форму анекдотовъ,—связные разговоры такъ быстро утомляли насъ,—и если, бывало, вбѣгалъ кто-нибудь съ оживленнымъ лицомъ въ наше скучающее общество, мы всѣ знали, что онъ принесъ новый анекдотъ—и оживлялись, и нетерпѣливо спрашивали:

— Ну что?—И любили мы въ газетахъ „смѣсь“ и „разныя разности“, и мы смѣялись надъ мужиками, когда они отмѣчали періоды своей исторіи:—„это было еще до первой холеры“...—и сами не замѣчая того, такъ же отмѣчали наше лѣтосчисленіе:—„это было еще при полицiймейстерѣ Храповѣ“...

Да, да я теперь вспоминаю—были только анекдоты. И то, что писалось и пропагандировалось въ газетахъ, представляется мнѣ теперь въ формѣ анекдотовъ, жалкихъ, вульгарныхъ анекдотовъ. Помню анекдотъ про несгораемыя крыши для мужицкихъ избъ... Какъ насъ, хмурыхъ людей, оживлялъ принесенный кѣмъ-нибудь новый анекдотъ, такъ, въ это хмурое время, оживились газеты. Изъ газеты въ газету перекатывалась несгораемая крыша, и была въ ней государственная миссія и основывались или предполагалось основать учебныя заведенія для преподаванія несгораемыхъ крышъ... А потомъ, какъ и въ нашемъ обществѣ, анекдотъ сдѣлался старымъ и скучнымъ, появился новый анекдотъ—древонасажденіе. И это уже старый анекдотъ. А потомъ борьба съ дѣтской смертностью... И не то, что не было исторіи, все горѣли крестьянскія крыши и вырубались лѣса и вымирала дѣтская Россія,—это была настоящая, подлинная исторія, совершенно связная и послѣдовательная, но преломлялась она въ зеркалѣ русской жизни только въ формѣ анекдотовъ. И сколько такихъ анекдотовъ можно вспомнить за тридцать лѣтъ моей жизни!

Быть можетъ, тамъ, въ центрахъ, въ то время, какъ я сидѣлъ въ своей конторѣ нотаріуса, шла жизнь, дѣлалась исторія, развивалось дурное или хорошее, но нѣчто связное, послѣдовательное... Быть можетъ... но пока она доходила къ намъ, въ нашъ городъ, она разрывалась по дорогѣ на клочки

и приходила къ намъ въ разорванномъ видѣ только въ формѣ анекдотовъ, помню,—довольно однообразныхъ, однотонныхъ анекдотовъ.

— А вы знаете, онъ укралъ?—привозилъ возвращавшійся изъ Петербурга обыватель новый анекдотъ и говорилъ, кто „онъ" и что укралъ, и сколько...

— Били...—И опять пріѣхавшій обыватель разсказываетъ, гдѣ били, кого били и сколько народу избили.

Иногда анекдотъ выросталъ до скандала кричащаго, жестокаго, и люди какъ будто пробуждались и начинали кричать и шумѣть, но такъ скоро шумъ кончался и скандалъ становился обыкновеннымъ старымъ анекдотомъ. И вотъ, я стараюсь вспомнить эти анекдоты за тридцать лѣтъ и только вспоминаю, что кто-то воровалъ, кого-то били... И, быть можетъ, только одна эта однотонность анекдотовъ и даетъ нѣчто связное и послѣдовательное, какой-то своеобразный видъ исторіи.

Даже литература...

Я кладу перо и думаю, долго, мучительно думаю. Знаютъ ли въ Петербургѣ, какъ любимъ литературу мы, одинокіе люди, въ нашихъ одинокихъ, заброшенныхъ углахъ? Не я одинъ, я знаю,—вездѣ есть такіе любители, и какъ онъ глубоко неправъ, Щедринъ, когда писалъ: „Читатель почитываетъ"... Знаютъ ли они, съ какой жадностью раскрывается только что полученная книжка любимаго журнала? Я нюхаю ее,—да, нюхаю. Я разрѣзываю въ срединѣ книжку и втягиваю въ себя этотъ странный, непровинціальный запахъ, еще не исчезнувшій запахъ типографіи, печатнаго дѣла. И клубъ отмѣняется въ тотъ день, и читается „книга", и мы пріобщаемся къ культурѣ. Да, да, и это совсѣмъ не смѣшно, это такъ и есть, такъ какъ для насъ, провинціальныхъ любителей литературы, она—вся радость русской жизни, вся надежда, въ ней концентрируется, въ ней развивается единственно связное, послѣдовательное теченіе русской жизни,—будущее ея.

И вотъ книжка только что разрѣзаннаго журнала лежитъ на моихъ колѣняхъ, и я все думаю, думаю. Мнѣ тяжело думать одному, и я начинаю спрашивать себя—ужъ было ли то, что было 30 лѣтъ тому назадъ? И я ѣду съ своимъ кресломъ въ столовую, къ моей сестрѣ и говорю ей:

— Ты не помнишь, что они тогда пѣли?

Она все помнитъ, потому что пѣли наши младшіе братья и сестры, которымъ она замѣнила мать, и поднимаетъ очки на лобъ и говоритъ мнѣ:

— Развѣ ты забылъ? — Саша любилъ „Полоса-ль ты,

моя, полоса“...—Суровое лицо моей сестры становится добрѣе, и она говоритъ:

— Ася все пѣла: „Укажи мнѣ такую обитель“...

Значитъ это было, я тоже помню. И мы говоримъ про Сашу, который тогда рѣшилъ, что докторскій дипломъ отдаляетъ отъ народа, а фельдшерскій приближаетъ, и потому съ пятаго курса бросилъ медико-хирургическую академію и поступилъ фельдшеромъ въ глухой уѣздъ на востокѣ Россіи и тамъ долго работалъ, пока не умеръ отъ тифа. И суровое лицо сестры совсѣмъ доброе, и слезы блестятъ на суровомъ лицѣ.

Да, это все было. Я уѣзжаю въ свою комнату и все вспоминаю и Сашу, и Асю, и ту молодежь, которая собиралась у нихъ, у меня же въ домѣ, и тѣ журналы, которые они читали, и тѣ споры, которые велись при мнѣ.

Да, превыше всего община, а въ переднемъ углу мужикъ сидѣлъ. За тѣмъ же столомъ фабричный человѣкъ сидѣлъ, и полна была горница трудящагося люда... И были долгъ, совѣсть, жалѣющая любовь и покаяніе. И перестройка всего міра, чтобы людямъ жилось просторно въ мірѣ, и борьба на всѣ фронты за достиженіе самаго высокаго, самаго полнаго счастья для всѣхъ людей, на всѣ вкусы... А потомъ оказалось, что у насъ, въ Россіи, слишкомъ много большихъ дѣлъ и въ этомъ зло, и нужно забыть про большія дѣла, а дѣлать маленькія и крыть Россію маленькими несгораемыми крышами.

А потомъ стали говорить, что не нужно ничего перестраивать,—все само перестроится, и не нужно биться ни на какіе фронты, а нужно перестраивать только самихъ себя и удаляться отъ зла. А потомъ община оказалась самымъ страшнымъ зломъ, и мужика изъ горницы выгнали, а посадили туда фабричнаго рабочаго, и въ томъ, что писалось, чувствовались и злоба, и презрѣніе, и ненависть къ мужику за то, что онъ мужикъ и не дѣлается фабричнымъ рабочимъ. А потомъ и такъ случилось, что о долгѣ передъ народомъ, о совѣсти и любви стало не совсѣмъ приличнымъ говорить въ передовомъ обществѣ, и слово „жалость“ сдѣлалось зазорнымъ словомъ. И все это называлось переоцѣнкой всѣхъ цѣнностей.

Удивительнѣе всего, что все это были люди безродные и, когда имъ говорили, что у нихъ есть отцы и родня, Саши и Аси, они обижались и говорили, что они отказываются отъ всякаго родства, отъ всякаго наслѣдства, и говорили со злобой и негодованіемъ люди внутренней перестройки, „фабричные люди противъ народныхъ людей“.

И безродные люди приходили и уходили, и все отказы-

вались отъ наслѣдства, все переоцѣнивали всѣ цѣнности. И забывались тѣ двѣ великія главы новѣйшей русской исторіи, 60-е и 70-е года, и то первое и самое важное, что написано было въ тѣхъ главахъ.

Мы, любители русской литературы, знали и слѣдили за тѣмъ связнымъ и послѣдовательнымъ теченіемъ, которое отправлялось отъ прошлаго и шло въ будущее и неуклонно стремилось къ тому, чтобы не умирали русскія дѣти, какъ мухи, и чтобы всѣмъ было просторно и свѣтло жить въ Россіи. Но такъ часто эта связная и послѣдовательная исторія прерывалась безродными анекдотами.

Случайно, но всетаки мнѣ приходилось встрѣчать за тридцать лѣтъ и въ нашемъ городѣ представителей всѣхъ этихъ анекдотическихъ теченій, и, къ удивленію, всѣ они оказывались незлобными людьми, все это были чудеснѣйшіе, превосходнѣйшіе люди, и, къ удивленію, въ нихъ были всѣ тѣ же цѣнности и долгъ, и совѣсть, и жалость. Только они—русскіе люди, дѣти несвязной русской исторіи, только думали они анекдотами, чувствовали анекдотически. Должно быть, это особенность русской жизни, безродной русской исторіи. Было неизвѣстно, что день грядущій намъ готовитъ, и то, что онъ готовилъ, было неожиданностью для дня настоящаго.

Я вспоминаю: вѣдь было же земство, городское самоуправленіе, вспоминаю судъ, народное образованіе.., Да, именно вспоминаю. Вспоминаю, какъ они явились, какими были, когда были молоды, когда все это—и судъ, и земство, и народное образованіе, все это отливалось въ одну форму и вставало изъ русской жизни цѣльнымъ, одухотвореннымъ, какъ статуя изъ бѣлаго мрамора,—она такъ выпрямила тогда русскихъ людей... Да, вспоминаю—какъ низкіе, грязные негодяи сорокъ лѣтъ ломали руки и тѣло прекрасной статуи, какъ плевали въ бѣломраморное лицо и какъ постепенно та статуя, которая выпрямляла когда-то насъ, обломанная, изуродованная постепенно возвращалась къ той глыбѣ безформеннаго камня, изъ котораго она вышла.

Однажды я испугался, и тогда начался мой ретроспективный взглядъ. То было, когда появилась книга—это недавно было, кажется называлась она „О вредѣ тѣлесныхъ наказаній". Говорятъ,—я увѣренъ въ этомъ—написали ее, толстую книгу, умные люди, чудеснѣйшіе, превосходнѣйшіе люди съ прекраснѣйшими намѣреніями, а я испугался. И сейчасъ помню, какъ приносили ее мнѣ, и я не могъ развернуть ее. Думалъ, — вдругъ я прочитаю, что тѣлесное наказаніе вредно, что пороть людей противно совѣсти, что порка розгами человѣка по обнаженному тѣлу унижаетъ его

человѣческое достоинство,—вдругъ тамъ окажется статистика, свидѣтельства отъ разума, историческія справки? Такъ и не развернулъ... Вѣдь сорокъ лѣтъ прошло съ той весны, съ того освобожденія, а черезъ сорокъ лѣтъ появилась книга о вредѣ тѣлеснаго наказанія... Да. И вотъ тогда-то мнѣ и стало страшно. Тогда показалось мнѣ, что никакихъ нѣтъ статуй и мрамора, а въ результатѣ сорока лѣтъ опять то же старое, вонючее, растрескавшееся пушкинское корыто, предъ которымъ сидитъ старуха, вызывавшая золотую рыбку, а на днѣ корыта, какъ свидѣтельство о корытѣ, толстая книга о вредѣ тѣлесныхъ наказаній для русскихъ людей.

19... года.

Я возвратился къ старинѣ, къ эпосу. Я читаю Гомера, жизнеописанія Плутарха, полюбилъ и перечитываю библію,—то, что я такъ давно не развертывалъ. Мнѣ нравится то связное и послѣдовательное, не анекдотичное, что есть въ старыхъ сказаніяхъ, гдѣ все такъ ясно, такъ невозмутимо просто, всѣ и все имѣютъ свои опредѣленныя мѣста, нравится эпическій тонъ, съ которымъ разсказывается и жестокое, и трогательное, что происходитъ въ жизни. Міръ ушелъ отъ меня съ своей сутолокой и своими анекдотами, для меня осталось мое кресло и четыре комнаты моего домика на окраинѣ города и окно моей спальни, изъ котораго видна изгородь переулка, и за переулкомъ, такъ близко, домикъ Скрипки, стараго сибирскаго исправника, съ которымъ я когда-то учился въ гимназіи, и люди—немного людей, которые толкутся около меня. И газета не такъ жадно развертывается и не всегда прочитывается. Я возвратился къ эпосу.

Ко мнѣ приходитъ Федоръ, мой дворникъ, самый близкій теперь ко мнѣ человѣкъ,—онъ одѣваетъ меня, раздѣваетъ, поднимаетъ на своихъ сильныхъ рукахъ мое грузное тѣло и, когда онъ въ добромъ расположеніи духа, то вывозитъ меня въ креслѣ въ садикъ—„прогуляться", какъ выражается онъ. Глазъ у него подбитъ, лѣвая половина лица распухла, онъ говоритъ, что его зовутъ въ полицію.

— Что это такое у васъ?—спрашиваю я про его глазъ.

— То жъ ночью... Парубки пришли изъ-за рѣчки, ну, мы ихъ били.

И на мое недоумѣніе разъясняетъ, что пришли парубки изъ-за рѣчки къ дѣвушкамъ нашей слободки, и потому надо было ихъ бить.

— Тожъ наши дивчата... — убѣжденно говоритъ Федоръ.

Я напоминаю ему, что мѣсяцъ назадъ онъ ночевалъ въ полиціи послѣ того, какъ забрался къ дивчатамъ другой слободки—къ чужимъ дивчатамъ.

Федоръ пріятно улыбается и говоритъ:

— Мы и тогда ихъ били. Воны дурные.

Я смотрю на него и восхищаюсь нетронутымъ эпосомъ, которымъ вѣетъ отъ него, какъ отъ дикаря, который находилъ, что хорошо все то, что онъ взялъ, и дурно то, что у него взяли. На немъ сапоги, мои почти новые охотничьи сапоги, и я говорю:

— Хорошіе у васъ сапоги, Федоръ!

— Эге, сапоги добри...—И любезно показываетъ мнѣ ярко вычищенныя голенища и новыя подметки,—лицо его эпически ясно, и никакъ не укладывается въ моей головѣ слово „воръ". — Если я напоминаю Федору, что далъ ему пять рублей на покупки и что нужно получить съ него два рубля сдачи, онъ любезно шаритъ въ своихъ карманахъ, бѣжитъ въ дворницкую и приноситъ мнѣ два рубля,—если я скоро вспоминаю. Если же проходитъ недѣльная или десятидневная давность, онъ уже считаетъ себя обиженнымъ и возмущается, и я конфужусь за мое требованіе сдачи.

— Вы зачѣмъ взяли доху у Скрипки?—вспоминаю я вчерашній инцидентъ. Вчера былъ сосѣдъ мой Скрипка и жаловался, что у него пропала доха, и нашелъ онъ ее черезъ мѣсяцъ въ моей дворницкой, на кровати Федора, гдѣ она изображала матрацъ. Лицо Федора полно негодованія, онъ сыплетъ яркими колоритными ругательствами по адресу скаженаго Скрипки и объясняетъ, что доха лежала—думаю, съ основанія города единственная въ немъ — на нашемъ дворѣ, у забора, и что онъ пыталъ у разныхъ свѣдущихъ людей, откуда явилась доха, и никакъ не могъ найти хозяина, а потому и спалъ на ней.

— Та нехай винъ тричи подавится!

Негодующій, онъ уходитъ въ полицію судиться по поводу набѣга парубковъ на дивчатъ нашей слободки, которыхъ онъ считаетъ своею собственностью, а я думаю о Федоровой душѣ.

Онъ принципіальный человѣкъ, и у него есть идея. Онъ „позывается" и, кажется, для того и пришолъ въ городъ, чтобы добыть деньги, чтобы было на что позываться. Онъ только недѣлю назадъ возвратился изъ деревни, куда ѣздилъ позываться съ своимъ дядькомъ и предъ отъѣздомъ взялъ зажитые пятьдесятъ рублей, а когда я спросилъ, зачѣмъ ему такъ много денегъ, онъ подробно объяснилъ, что ему будетъ стоить нанять пару воловъ и нагрузить на нихъ свидѣтелей, сколько могутъ поднять волы, и отвезти ихъ въ городъ на судъ и кормить, и поить ихъ. Онъ и раньше бралъ у меня двадцать пять рублей на то же позыванье и теперь опять проигралъ дѣло, такъ какъ дядько нанялъ двѣ

пары воловъ и привезъ на судъ вдвое больше свидѣтелей. И когда я узналъ, что споръ идетъ изъ-за кусочка земли, который стоилъ много-много пятьдесятъ-сто рублей, и начиналъ доказывать Федору, что они съ дядькомъ уже истратили въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ стоитъ спорная земля, онъ упрямо повторялъ:

— Винъ мини голову морочить. Винъ мене не одурить!

Я увѣренъ, что онъ поѣдетъ въ третій, въ четвертый разъ и истратитъ еще пятьдесятъ и сто рублей, такъ какъ онъ принципіальный человѣкъ, и главная его честь заключается въ томъ, чтобы онъ дурилъ другихъ людей и морочилъ имъ голову, а не они ему. Я любуюсь на его могучія руки, лихо закрученные черные усы, его эпически непоколебимую, круглую, какъ арбузъ, голову и съ завистью слушаю, какъ онъ цѣлыя ночи напролетъ гуляетъ съ принадлежащими ему дивчатами тамъ у рѣчки, такъ недалеко отъ моего окна, и съ полнымъ воодушевленіемъ поетъ про Сагайдачнаго-необачнаго:

„Продавъ свою жинку за тютюнъ та люльку, необачный“...

19... года.

Днемъ заходитъ Скрипка,—какъ всегда выпивши, настоящій хитроумный Одиссей, переплывшій тоже много морей. Онъ огромный, съ сѣдыми усами, и на головѣ сѣрый пухъ вмѣсто волосъ. Когда-то мы росли вмѣстѣ,—онъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ нашего же уѣзда,—изъ тѣхъ, кого въ Малороссіи называютъ „панокъ поганенькій“—онъ недолго учился въ гимназіи и больше 30 лѣтъ прослужилъ въ Сибири. Приходитъ, какъ всегда, выпивши, и какъ всегда разсказываетъ одну и ту же безконечную, какъ дорога въ Сибирь, исторію своихъ служебныхъ подвиговъ; разсказываетъ возмутительныя дѣла невозмутимымъ эпическимъ тономъ,—какъ онъ ѣздилъ въ глухія, пограничныя съ тунгусами и якутами волости, какъ собиралъ тамъ дани, какъ міръ выставлялъ ему угощеніе и посылалъ поочереди на ночь дѣвушекъ и женщинъ,—все тотъ же старый русскій анекдотъ,—какъ онъ воровалъ и какъ билъ... И у меня вырывается восклицаніе:

— Какъ же васъ, Сильвестръ Федоровичъ, въ каторгу не послали?

Онъ отвѣчаетъ, какъ Федоръ:

— Эге! Меня не одурятъ... Ревизоръ пріѣхалъ изъ Питера—такій маленькій.—„Слѣдствіе!“ „Подъ судъ!“ Такій сердитый!

Скрипка смѣется.

— Вся Сибирь знаетъ!—съ гордостью говоритъ онъ,—на пяти подводахъ дѣло везли въ губернію... Разыскивали... Такъ и печатали въ губернскихъ вѣдомостяхъ: „разыскивается коллежскій асессоръ Скрипка...“ Разъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора бумага пришла: „по свѣдѣніямъ“ и прочее, „такой-то Скрипка проживаетъ въ городѣ...“ А я въ губернскомъ правленіи въ это время служилъ,—ну, само собой, по вольному найму—черезъ меня бумага шла; я и подмахнулъ: „по справкѣ коллежскаго асессора Скрипки на жительствѣ въ городѣ не оказалось...“

Онъ кашляетъ, огромный животъ дрожитъ отъ смѣха, и лицо наливается кровью.

— Полиціймейстеръ подписываетъ, говоритъ:—„Ты хоть бы самъ-то не писалъ своей рукой,—чего озоруешь? Айда въ Токмаковку!..“ Деревня была, черезъ рѣку,—станъ, значитъ... Ну, сейчасъ въ Токмаковку съ засѣдателемъ на козъ охотиться. А полиціймейстеръ въ станъ бумагу: „по свѣдѣніямъ проживаетъ...“ а засѣдатель:—„по справкѣ на жительствѣ не оказалось...“ Значитъ, опять въ городъ, въ губернское правленіе. Такъ и ѣздилъ черезъ рѣку,—шесть лѣтъ ѣздилъ...—улыбается Скрипка.—А тамъ пожаръ случился въ губернскомъ правленіи,—и пожаръ-то маленькій, снова улыбается Скрипка,—а что было лишнее,—сгорѣло! И дѣло мое кончилось...

И все тутъ связное и послѣдовательное, и такимъ эпосомъ вѣетъ на меня отъ одиссеи Скрипки...

— Чего же вы не остались тамъ, Сильвестръ Федоровичъ?—снова вырывается у меня.—Вотъ вамъ какъ хорошо въ Сибири жилось... И полную пенсію получили... И пріятелей сколько...

Онъ молчитъ, и на лицѣ его недоумѣніе. Онъ долго смотритъ на меня тусклыми оловянными глазами и медленно говоритъ:

— Тамъ птица мовчить. Не спивае...

Онъ все смотритъ на меня, и что-то бродитъ на его обрюзгшемъ лицѣ, и онъ повторяетъ:

— Не спивае...

Онъ ходитъ по комнатѣ большими грузными шагами, отъ которыхъ гнутся половицы пола и медленно выговариваетъ:

— Сижу тамъ и слышу, какъ у насъ... Помните, въ гимназіи учились—вотъ тутъ, за рѣчкой, удодъ кричалъ: „худо тутъ, худо тутъ“, а мы ему, бывало, говорили: „лети дальше...“ А то еще птица кричала,—у насъ на хуторѣ, въ

Гаю, за шинкомъ Берки: „риба-риба,—ракъ-ракъ-ракъ, тирикъ-тирикъ,—дракъ дракъ-дракъ...“ А тамъ мовчить.

И онъ пріѣхалъ послушать, какъ птица поетъ въ Малороссіи,—онъ, у котораго перемерли всѣ родные, и знакомыхъ, кажется, осталось только я, да старикъ Берко.

Вчера вернулась Елена. Она подошла ко мнѣ и сказала:

— Здравствуйте, баринъ!

Я очень радъ.

190.. года.

Я очень радъ. Она удивительная — эта кухарка Елена. Который разъ поступаетъ она къ намъ на службу,—я ужъ не помню. Она является всегда неожиданно и въ своемъ обычномъ полномъ вооруженіи—съ большимъ томомъ жизнеописанія Петра Великаго, съ Наполеономъ и револьверомъ, который она называетъ „пистолетъ“. Зачѣмъ ей нуженъ былъ пистолетъ, я не знаю, но онъ всегда при ней и, ложась спать, она непремѣнно кладетъ его подъ подушку. Елена читаетъ всякія книги, но время отъ времени возвращается къ Петру Великому и Наполеону и, когда начитается ими въ полной мѣрѣ,—идетъ къ сестрѣ и говоритъ ей:

— Вотъ люди были, барыня! Вотъ жили, вотъ дѣла дѣлали! А теперь что?

И глаза блестятъ у ней, и восторгъ и негодованіе слышатся въ голосѣ. Тогда на нѣкоторое время она проявляетъ въ кухнѣ кипучую дѣятельность, у ней несомнѣнный подъемъ духа, и фантазія работаетъ въ повышенномъ темпѣ,—тогда она угощаетъ насъ своими удивительными экзотическими обѣдами.

— Я завтра, барыня, приготовлю греческій обѣдъ.

И она готовитъ греческій обѣдъ, армянскій, еврейскій, французскій. И весь тотъ кулинарный опытъ, который добыла она въ своихъ вѣчныхъ скитаніяхъ, она претворяла своимъ художественнымъ творчествомъ,—сестра называла ее Наполеономъ кухни—и въ городѣ знали, когда у меня служитъ Елена, и напрашивались на обѣдъ. А потомъ ей вдругъ дѣлалось скучно, глаза становились скучные и злые, она начинала придираться къ намъ и, если я плохо ѣлъ за обѣдомъ,—оскорблялась, являлась въ столовую и говорила:

— Если я барину угодить не могу, — разсчитайте меня. Ни у кого на шеѣ висѣть не хочу...

Я долженъ былъ ѣсть, чтобы не оскорблять Елену. Если сестра спрашивала—почему за рыбу заплачено 25 коп., а не

20 за фунтъ,—тогда Елена подходила вплотную и впивалась своими сѣрыми глазами въ лицо сестры и говорила злымъ голосомъ:

— Вы, барыня, скажите просто,—украла я? Да? Воровка? А то 25 копѣекъ!

Въ такихъ случаяхъ сестра, питавшая слабость къ Еленѣ—поднимала по своей привычкѣ очки на лобъ, всматривалась въ злое лицо Елены и, улыбаясь, говорила:

— Опять ноги зудятъ, Елена? Надоѣло,—бѣжать хочется?

Тогда злость сбѣгала съ лица Елены, и она интимно и таинственно сообщала:

— Родные зовутъ, барыня... Все пишутъ, пишутъ—пріѣзжай, Елена—почему не ѣдешь? Я васъ люблю барыня, только никакъ нельзя,—родные, сами знаете!..

И уходила, и приходила всегда таинственно, и неизвѣстно было, куда уходила и откуда приходила. Все ее звали, все гдѣ-то ждали.

— Такъ ужъ, барыня, отъ васъ уходить не хочется, а нельзя...—объясняла она другой разъ.—Братъ женится, въ Сумахъ. Дворянку беретъ — потомственную... 50 десятинъ собственныхъ, хуторъ — все обзаведеніе, домъ въ городѣ двухъэтажный. Ну, и пишетъ братъ,—одна я у него сестра,—чтобы пріѣзжала,—невѣста познакомиться хочетъ...

Какъ-то разъ она выпросила у сестры рекомендательное письмо къ нашимъ роднымъ, жившимъ на Кавказѣ. Мы скоро получили извѣстіе, что Елена за что-то разсердилась и ушла отъ нихъ, и три года не было объ ней никакихъ вѣстей, а потомъ она снова явилась и, какъ всегда, неожиданно.

Все у нея было таинственно, и все на свой ладъ. Она не признавала модъ, управлявшихъ костюмами городскихъ кухарокъ и горничныхъ, и создала свой собственный стиль,—всегда черное платье и, когда шла въ городъ, надѣвала черную мантилью, и черная кружевная косынка окутывала голову и лицо, такъ что видны были только сдвинутыя брови и угрюмо смотрѣвшіе сѣрые глаза. Когда просилась у сестры въ городъ, говорила повелительно:

— Я, можетъ быть, поздно возвращусь, барыня,—ключъ съ собой возьму. Дѣло у меня, ждутъ тамъ...

И она была только смѣшна мнѣ съ своимъ пистолетомъ, съ своимъ увлеченіемъ Петромъ Великимъ и Наполеономъ, съ своей мрачностью и таинственностью. Раньше она не обращала на меня вниманія, а теперь она подошла ко мнѣ и, облокотившись рукой о мое кресло, близко наклонилась и сказала:

— Здравствуйте, баринъ! — глаза ея были влажные и

блаженные и полны жалости; одѣта она была въ голубую кофточку, и вся она была словно омытая и осіянная тихимъ сіяніемъ,—я тутъ только разсмотрѣлъ, какая она тонкая и худенькая и насколько она моложе своихъ 30 лѣтъ, и какое у ней странное, ни на кого не похожее блѣдное лицо съ сѣрыми глазами. И было что-то новое въ ея голосѣ, отъ чего у меня сдѣлалось горячо въ груди, и я сказалъ:

— Здравствуйте, Елена! Я радъ, что вы пріѣхали...

19.... г.

Она была голубая, омытая, озаренная—эта новая Елена. Она носится по квартирѣ, безшумными шагами, кроткая и умиротворенная, и счастливая, блаженная улыбка не сходитъ съ ея лица. Она часто забѣгаетъ ко мнѣ съ какимъ-нибудь вопросомъ.

— Какъ вамъ, баринъ, рыба больше нравится, — можетъ потушить да проложить щавелемъ?.. тотъ соусъ, знаете, въ родѣ, какъ по-гречески? Или лучше, какъ евреи любятъ,— съ фаршемъ?

Сегодня она забѣжала ко мнѣ предъ обѣдомъ, улыбка у ней особенно радостная и блаженная

— Что я вамъ скажу, баринъ! жила я у помѣщиковъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ. Случай былъ... Тоже вотъ барынинъ отецъ два года на кровати лежалъ,—и въ кресло посадить нельзя было,—и что бы вы думали?—всталъ и—кабы сама не видѣла, не повѣрила бы—и на токъ, и въ поле... А по лѣстницѣ—двухъэтажный у нихъ домъ—черезъ ступеньку...

Она смѣется, и я все смотрю въ ея лицо и вслушиваюсь въ ея странный смѣхъ, надорванный, дрожащій смѣхъ. Вечеромъ опять пришла съ сложнымъ и необыкновеннымъ меню завтрашняго дня, а я сталъ писать мой дневникъ, и все недоумѣваю, что случилось съ Еленой.

Въ спальнѣ у сестры голоса, и опять этотъ странный, надорванный, волнующій меня смѣхъ...

На слѣдующій день.

Дверь въ спальню была полуоткрыта, я безъ шума подкатилъ свое кресло, и мнѣ видно было: сестра на кровати, въ ночномъ чепчикѣ, а предъ нею Елена, трепещущая и говоритъ, волнуясь, спѣша и смѣясь:

— Барыня милая! Все я время вамъ, всю жизнь врала, всѣхъ обманывала, а больше всего себя обманывала, себѣ врала... Безродная, вѣдь, я, подкидышъ, чужіе люди подобрали меня, какъ щенка выкормили, какъ собаку шпыняли. Въ Сумахъ... помните,—про брата врала въ Сумахъ? Нѣтъ ни

брата у меня, ни сестры, ни матери, и никто не звалъ меня, никто, родной, не ждалъ меня,—все-то сочиняла я, для себя сочиняла. Вѣдь думала, пріѣду въ Сумы, и вдругъ братъ найдется,—все про брата думала—и вѣрите ли, барыня, по улицамъ ходила, гдѣ господа гуляютъ, въ лица глядѣла, думаю, узнаю брата, по лицу узнаю, сердце скажетъ. Не нашла. Смѣяться будете, барыня, — она засмѣялась надорваннымъ, рыдающимъ смѣхомъ,—думала часто: благороднаго я рода, можетъ графская дочь, потеряли, дескать, меня и все ищутъ, все ищутъ... Глупая я, все фантазія, все обмануть себя хотѣла. А жизнь-то скучная... скучно жить на свѣтѣ, барыня!

Елена стояла, какъ всегда, вся подавшись къ сестрѣ, и въ свѣтѣ лампы словно тѣни бродили по ея лицу.

— Честная я была, барыня,—вѣрьте слову! А люди-то не честные и не хотятъ, чтобы промежду нихъ честная жила, и непереносно имъ, чтобы человѣкъ на свой строй, самъ по себѣ, не какъ всѣ жилъ... Въ кухарки, помню, къ старому генералу поступила,—соберутся на базарѣ другія кухарки и начинаютъ:—„Ты какіе счета ставишь? До тебя Марья жила,—лавочку на базарѣ открыла—а послѣ тебя какъ служить?“—Такъ выходило, что противъ своихъ товарокъ не хорошо поступаю... Въ больницу разъ поступила, въ сидѣлки. Такъ полюбилось, кажется, и не ушла бы! И кто труднѣе болѣетъ, тотъ мнѣ и любѣе; вечеръ придетъ, книжки имъ читаю разныя,—всѣ рады. Тоже сидѣлки говорить стали:

— „Ты, говорятъ, намъ жить не даешь! Больные какую манеру завели, чтобы мы по ночамъ не спали, этакъ и служить нельзя!“ Прямо говорятъ:—„Ты уходи... какъ ни-какъ изведемъ тебя, подъ статью подведемъ, казенное бѣлье въ сундукъ къ тебѣ подкинемъ“.

— Металась я, металась, гдѣ-гдѣ не была—и бураки рыла, и на табачныхъ фабрикахъ работала, на пароходахъ по Черному морю судомойкой ѣздила,—все скучно, барыня, нѣтъ моей душѣ радости! И на мѣста становилась, — стала выбирать, чтобы не къ своимъ, не къ русскимъ поступать,—у кого, у кого не жила!—и у армянъ, и у грековъ, и у французовъ,—все мнѣ хотѣлось узнать, какъ другіе, не наши люди живутъ, какой законъ у нихъ, какая вѣра... У Гольдберговъ, евреевъ, вотъ какъ у васъ же, нѣсколько разъ служила; какъ тамъ любили меня—особенно ребятишки! Вотъ, барыня, гдѣ дѣтей-то любятъ!—То свѣтлыя, то темныя тѣни мѣнялись на лицѣ Елены.—А не хотѣла, какъ другія жить. Интересу не было: деньги, напримѣръ, или, скажемъ, одежа, или, напримѣръ, хвастаются другія: у меня такой, у меня вотъ какой. Скучно мнѣ... И мечту имѣла... Чтобы что-

нибудь почуднѣе, барыня, — засмѣялась она — понеобыкновеннѣе, ни на кого не похоже... Вотъ на Кавказъ, помните, уѣхала, думала ни вѣсть что. Какой со мной случай былъ! Вѣрите ли—глухимъ шопотомъ заговорила она,—отъ вашихъ тогда ушла, — въ аулѣ жила, съ кабардинцемъ съ Сентъ-Магометомъ, все потому, что джигитъ онъ былъ, конь вороной, съ винтовкой за плечами по ночамъ выѣзжалъ, думала—на темное дѣло, на страшное дѣло, голову сложить... Все себя обманывала. А онъ просто баранту коробчилъ.

И опять засіяло лицо ея, и блаженная улыбка задрожала на губахъ, и зазвенѣлъ голосъ. Говоритъ она:

— Барыня! Барыня! Въ Одессѣ... нашли меня братья, изъ грязи подняли, пріютили меня сирую, одинокую, согрѣли мою душу холодную, свѣтомъ просвѣтили заблудшую, грѣшную... Пришла къ нимъ на собраніе, гимны пѣли, словно про меня пѣли:

Малый свѣточъ пусть ясный
Свѣтъ на море жизни льетъ!
Можетъ быть, изъ тьмы опасной
Онъ кого-нибудь спасетъ.

Стою и слушаю, сама не своя, и слезы во мнѣ, а плакать не могу, никогда не плакала. Посмотрю кругомъ: всѣ-то праведные, всѣ-то добрые.—Барыня, милая барыня!—И восторгомъ и невыплаканными слезами звенѣлъ и рыдалъ голосъ:

— Нашла я свой родъ, племя свое! Есть у меня братья родные, сестры милыя! Домой пришла, подъ кровъ родимый.

Я безшумно откатился съ своимъ кресломъ къ себѣ въ спальню.

Да, я проглядѣлъ Елену.

190... г.

— Съ добрымъ утромъ, баринъ!

Она приходитъ всякое утро поздравлять меня, и я люблю слушать, какъ она поздравляетъ. Что-то кроткое, ласковое и радостное наполняетъ домъ, и мнѣ не такъ скучно и одиноко жить. Случается, когда я читаю Гомера и Плутарха,—гимнъ доносится изъ кухни,—любимый гимнъ Елены:

Есть для плачущихъ земли
Мѣсто у Креста!
Братъ мой страждущій, займи
Мѣсто у Креста.

Вѣчная любовь зоветъ
Всѣхъ насъ со Креста,
И для каждаго найдетъ
Мѣсто у Креста...

Тогда я оставляю Гомера и начинаю перелистывать книжку со стихами и гимнами, принесенную мнѣ Еленой, перечитываю наивные, складные и нескладные, но всегда трогательные стихи и съ удивленіемъ встрѣчаю среди новыхъ незнакомыхъ гимновъ—стихи Козлова и Тютчева и старыхъ русскихъ поэтовъ. И начинаю думать не о старомъ эпосѣ, а о новой лирикѣ, идущей въ русскую жизнь...

Въ моемъ домѣ происходятъ удивительныя дѣла. Въ кухнѣ клубъ и всегда люди. Мнѣ видно изъ столовой въ открытую дверь,—тамъ нѣтъ черныхъ и рыжихъ усачей, какіе бывали у Елены раньше, — приходятъ какіе-то новые люди, бородатые, съ медлительными движеніями, съ задумчивыми лицами. Тутъ и кухарки, и прачки, и дивчата изъ нашей слободки, которыя распѣвали съ Федоромъ по ночамъ: „продавъ свою жинку за тютюнъ та люльку“, и землекопы, работающіе надъ прокладкой водопроводныхъ трубъ... Разъ видѣлъ лавочника, у котораго нѣсколько лѣтъ покупалъ табакъ, и моего бывшаго посыльнаго изъ конторы, и старшаго садовника изъ городского сада. А вечеромъ тихій говоръ идетъ въ моемъ садикѣ. Иногда зазвонитъ гимнъ въ вечерней тишинѣ, и я слышу, какъ робко и неувѣренно присоединяются одинъ за другимъ мужскіе и женскіе голоса.

На дняхъ у сестры вышло недоразумѣніе съ Еленой. Позвонилъ полковникъ, котораго сестра не любитъ—горничной дома не было.—Сестра приказала Еленѣ сказать, что ея дома нѣтъ, а братъ спитъ.

— Я не могу. Вы же барыня дома, и баринъ книжку читаетъ...—И на великое изумленіе сестры Елена пояснила:

— Мнѣ нельзя неправду говорить...—Но ей очевидно не хотѣлось огорчать барыню, и она предложила:

— Я могу доложить, что вы приказали сказать, что васъ дома нѣтъ, а баринъ книжку читаетъ.

Сестра не признала комбинацію удачной, и ей пришлось принять полковника. Повидимому инцидентъ не испортилъ ихъ отношеній, и разговоры по ночамъ въ спальной все продолжаются.

А Федоръ сумрачный, съ нимъ что-то дѣлается, и усы у него повисли, ходитъ онъ медленно, все въ землю смотритъ и о чемъ-то думаетъ. И не слышу я больше пѣсенъ за рѣчкой, по ночамъ Федоръ дома и большую книгу читаетъ.

19... года.

Все новое кругомъ меня, удивительное. Я начинаю думать, что я проглядѣлъ жизнь, и должно быть нужно было, чтобы у меня отнялись ноги, чтобы я пристальнѣе вглядѣлся въ то, что происходитъ кругомъ меня,—чтобы я разглядѣлъ жизнь. И еще болѣе удивительная вещь,—я начинаю думать, что то время, которое я сижу въ моемъ креслѣ,—въ собенности тѣ два мѣсяца, которые прошли съ пріѣзда Елены—полнѣе, разностороннѣе, богаче впечатлѣніями, чѣмъ многіе годы, которые я ходилъ мимо жизни.

Какъ-то на дняхъ я поздно проснулся, и долго звенѣлъ въ моихъ ушахъ знакомый, давно забытый мотивъ и даже, когда проснулся, я долго лежалъ въ постели и старался вспомнить, гдѣ я слышалъ то, что неслось ко мнѣ изъ дома Скрипки, гдѣ со вчерашняго дня работаютъ маляры.

Я разобралъ наконецъ слова:

Укажи мнѣ такую обитель...

Да, это то самое, что я слышалъ тридцать лѣтъ назадъ, когда у меня гостили Саша и Ася, и я съ удивленіемъ вслушиваюсь: та-же интонація, та-же манера пѣть и такъ-же, какъ тогда, женскій голосъ врывается въ сильные мужскіе голоса. Я сидѣлъ у окна и съ страннымъ, необыкновенно радостнымъ чувствомъ слушалъ то, что неслось изъ оконъ Скрипки. А потомъ пробило двѣнадцать часовъ, и вышли они, маляры, семь человѣкъ и съ ними дѣвушка, я узналъ ее—какъ-то разъ она мыла у насъ полы. Были они въ темныхъ шляпахъ съ широкими полями, въ сѣрыхъ и темныхъ пиджакахъ—и слѣды краски придавали имъ артистическій видъ—и были всѣ они молодые и веселые, какъ тѣ студенты, что собирались тридцать лѣтъ назадъ. И лица такія же—тонкія, худыя, интеллигентныя.

Эти дни я сижу у окна въ своей спальнѣ и слушаю—иногда доносятся цѣлыя фразы,—что дѣлается въ домѣ Скрипки.

— Вы, милостивый государь, мажете, какъ теленокъ хвостомъ...—Здоровенный хохотъ доносится до меня. Я знаю,—это говоритъ старшой, въ этой артели въ семь человѣкъ,—такой же молодой, какъ всѣ остальные, съ темной бородкой эспаньолкой, съ веселыми, насмѣшливыми глазами, въ самой широкополой шляпѣ.

Въ двѣнадцать часовъ „милостивые государи" уходятъ обѣдать всѣ вмѣстѣ—артисты, джентльмэны съ джентльмэнскими лицами. Въ два часа они собираются на работу и должно быть не всѣ вмѣстѣ живутъ, —не сразу приходятъ. Случается, дожидаются опоздавшихъ, стоятъ въ переулочкѣ

противъ моего окна. И должно быть всегда у нихъ есть новости, — они развертываютъ газеты, кто-нибудь читаетъ вслухъ и, изъ за хмѣля, окутывающаго изгородь, мнѣ видно, какъ развертываются бѣленькіе листочки. Иногда къ изгороди подходятъ Федоръ и Елена, здороваются съ малярами за руку и долго слушаютъ, что написано въ газетахъ, въ бѣленькихъ листочкахъ.

А потомъ маляры уходятъ въ домъ Скрипки, и несутся оттуда въ мое окно старыя, давно неслышанныя пѣсни.

Бываетъ такъ, что въ то же время несутся гимны изъ кухни и слова и мотивъ сливаются, перебиваютъ другъ друга, и странное, никогда не испытанное ощущеніе въ моей душѣ. Иногда у изгороди появляется Скрипка. Онъ въ недоумѣніи и, когда онъ въ недоумѣніи, онъ похожъ на большую ночную птицу, спугнутую ночью, растерянную и безтолково мечущуюся.

— Що се таке воны спиваютъ?

Я смѣюсь и говорю, что это новыя птицы прилетѣли въ Малороссію и поютъ новыя пѣсни. Должно быть, онъ не понимаетъ, онъ трезвъ и потому у него трясется голова — онъ долго слушаетъ и медленно выговариваетъ:

— Не чувъ...

Я тоже не чуялъ.

190... г. Май.

Вотъ и весны давно такъ не чувствовалъ,—тоже, должно быть, некогда было разглядѣть. Хмѣль,—буйный и зеленый, и сухая, темная, шершавая изгородь стоитъ пышная и нѣжно зеленая; подъ окномъ сирень, — вся лиловая, и запахъ ея льется въ мое окно, густой и сладкій, какъ сиропъ. Я начинаю разбираться въ этомъ сложномъ ароматѣ: вотъ сирень, жасминъ, кажется и бѣлая акація... Закаты улыбающіеся, вечера тихіе, томные, ночи кроткія. Люди приходятъ и уходятъ въ тихій вечеръ, въ безмолвный вечеръ, въ потухающій свѣтъ, и голоса ихъ осторожны и тихи, и слова у нихъ кротки и застѣнчивы. Старая яблонь облита бѣло-розовымъ цвѣтомъ, какъ невѣста покрываломъ. Она волнуетъ и умиляетъ меня,—она старая и не цвѣла уже нѣсколько лѣтъ, и мнѣ думается, цвѣтетъ послѣдній разъ, и послѣдній разъ слышу я ея тонкій трогательный ароматъ...

Подъ яблоней столъ, вынесенный изъ кухни, покрытый бѣлой скатертью, маленькая жестяная лампочка привѣшена къ стволу старой яблони, на столѣ большая книга,—старая книга въ толстомъ переплетѣ, а за столомъ Елена въ голубой кофточкѣ съ непокрытыми волосами и Федоръ въ бѣлой

рубашкѣ, въ чистой, недавно вымытой, рубашкѣ. Она читаетъ развернутую толстую книгу—я слышу, какъ тихо шелестятъ листы и радость въ голосѣ Елены—каждое слово толстой книги—счастье для нея,—а онъ сидитъ большой, нескладный, поникшій... И когда она перестала читать, онъ вздохнулъ медленно и глубоко и тихо выговорилъ:

— Трудно мнѣ это, Олена! трудно...

Изъ-за зеленой изгороди слышится веселый голосъ:

— Добрый вечеръ!—въ калитку входитъ тотъ старшой съ эспаньолкой, въ широкополой шляпѣ.

— Добрый вечеръ!.. — говоритъ Елена и освобождаетъ мѣсто на скамейкѣ.

— Садитесь!..

И опять идетъ тихій говоръ. И мнѣ видно, какъ листъ за листомъ тяжело и медленно переворачиваются, большіе листы толстой книги, и быстро переворачиваются звонкіе бѣленькіе листочки въ рукахъ человѣка въ широкополой шляпѣ. Я не слышу словъ, но я вижу, я чувствую,—старая большая книга побѣдила новенькіе бѣленькіе листочки.

— Добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ!

Онъ уходитъ, человѣкъ съ темной эспаньолкой, и снова возвращается, стоитъ у стола и, улыбаясь, говоритъ веселымъ, увѣреннымъ голосомъ:

— Къ намъ придете!.. У насъ свѣтлѣе...

Тогда отъ книги поднимается бѣлокурая голова и говоритъ съ ласковой, счастливой улыбкой:

— Мы пришли... Нужно и вамъ придти... Миръ съ вами...

И они остаются опять двое, и радостный голосъ медленно выговариваетъ радостныя слова изъ старой книги. А небо бездонное, широкозвѣздное и безмолвное, и льется волнами густой и сладкій ароматъ, и нѣжные лепестки бѣленькихъ цвѣточковъ падаютъ съ старой яблони на раскрытую старую книгу, на бѣлокурую голову, на поникшаго человѣка. Я вижу, какъ она, голубая и свѣтлая, подъ бѣлой яблоней цѣлуетъ его темнаго и поникшаго и говоритъ:

— Будь ты братомъ мнѣ роднымъ, милымъ братомъ...

И уходитъ. А онъ остается одинъ, большой, сильный и нескладный, и шевелитъ губами, и тяжко вздыхаетъ. Я вижу, какъ онъ трудно, неслушающимися руками разстегиваетъ воротъ своей рубашки, медленно снимаетъ крестъ съ своей шеи, бережно кладетъ его на листы раскрытой книги и прислоняется къ стволу старой яблони, и поднимаетъ къ небу широкооткрытыя, молящіеся глаза. И лепестки бѣленькихъ цвѣточковъ старой яблони, какъ бѣлыя бабочки, медленно и

безшумно падають на листы старой книги, на темноволосую голову, на бѣлое тѣло раскрытой груди.

А молящіеся глаза все смотрятъ въ небо, я слышу глубокій, тяжкій вздохъ, и глухой голосъ говоритъ:

— Трудно мнѣ, Господи! Трудно...

---

190 . . . г. май.

Теперь я часто „гуляю". Какъ только погода хорошая, Федоръ самъ является ко мнѣ и говоритъ:

— Поѣдемте, баринъ, гулять.

И мы ѣдемъ и, когда переѣзжаемъ порогъ выходной двери, черезъ который раньше такъ бурно перескакивало мое кресло, мы перебираемся мягко и осторожно. И „гуляемъ" не только въ садикѣ, а выѣзжаемъ за ворота и спускаемся къ рѣчкѣ, и любуемся на зеленый лѣсокъ...

— Правда, Федоръ—какъ-то разъ спрашиваю я его:—вамъ нельзя ужъ пѣсни спивать?

— Ни... Молитвы можно, гимны.

— И табакъ бросили?

— Кинувъ.

— Трудно вамъ, Федоръ?

Онъ нѣкоторое время молчитъ.

— Трудно...—и добавляетъ:—было...

Я оборачиваю назадъ голову и убѣждаюсь, что—было. У него нѣтъ того восторженно счастливаго выраженія Олены, лицо у него задумчивое, но ясное, спокойное. И что-то новое въ немъ, неуловимо новое, нѣтъ той старой лихости, той ежечасной готовности къ бою,—было новое тонкое, интеллигентное.

Нѣтъ моего стараго Федора. Онъ до крайности щепетиленъ въ нашихъ финансовыхъ отношеніяхъ, у него новыя манеры, сдержанныя и корректныя, онъ иначе причесывается, иначе носитъ усы, надѣлъ широкополую шляпу и, когда вынимаетъ меня изъ кресла и кладетъ въ постель, я чувствую, что другія руки берутъ меня,—тѣ же сильныя, но осторожныя и ласковыя. И новый голосъ, сильный баритонъ, поетъ гимны въ моемъ домѣ.

Продолженіе.

Федоръ любитъ, и драма—любовь его. Оксану подобрала Олена, какъ подбираютъ бездомныхъ собакъ, плачущую, въ базарной толпѣ, босоногую, полуголую и привела къ намъ. Былъ у нея мужъ, и была у нея сестра, старшая сестра, овдовѣвшая казачка, и стали они, мужъ и сестра, жить, какъ мужъ

и жена, и ночью выгнали ее, босоногую, полуголую, какъ пришла она къ намъ. И должно быть жизнь испугала ее, и ужасъ жизни все стоялъ въ ея черныхъ, какъ маслины, глазахъ и, когда сестра,—она добрая, но у ней громкій голосъ,— спрашивала Оксану: почему она не вытерла окна, полуребенокъ, полуженщина съ блѣднымъ смуглымъ лицомъ Миньоны прижимала крѣпко свои маленькія руки къ груди и говорила:

— Барыня, не говорите со мной крѣпко, не можу я... Сердце дрожитъ у меня... Я всю ночь буду работать, только не говорите со мной крѣпко.—И испуганные, черные, какъ маслины, глаза полны слезами, и молящій голосъ повторяетъ:

— Не можу я, сердце дрожитъ у меня!..

Такъ скоро запѣла она:

Есть у плачущихъ земли мѣсто у креста...

Не было счастья и радости въ ея голосѣ и, когда она начинала пѣть, сестра приходила ко мнѣ въ спальню, садилась у меня на постель и плакала, и сѣдая голова качалась, и говорила сестра:

— Не могу ее слушать, не могу...

И „плачущая земли"—говорила мнѣ объ Осѣ, такъ рано и такъ далеко погибшей.

Я вижу, какъ неотступно провожаетъ ее глазами Федоръ и, когда она несетъ отъ колодца ведро воды, онъ осторожно беретъ его изъ ея рукъ и бережно несетъ въ кухню, какъ хрустальный сосудъ. А вчера подъ той же отцвѣтшей бѣлой яблоней онъ сказалъ ей тихимъ, глухимъ голосомъ:

— Чего вы журитесь, Оксана?

Она отвѣтила, и испугъ послышался въ ея голосѣ:

— Важко мини... Недужная я.

Ничего не выйдетъ у Федора.

---

19 . . . года.

У насъ новая горничная. Сестра не могла больше слушать, какъ поетъ-плачетъ степная Миньона, и устроила ее няней къ своимъ знакомымъ въ деревню. Новую звать Горпина. Она совсѣмъ удивительная, и я все думаю, откуда приходятъ эти новые люди, которыхъ я не зналъ раньше. Кажется, она малограмотная, книгъ и газетъ не читаетъ, и должно быть въ городѣ нѣтъ у нея родныхъ и знакомыхъ,—никто къ ней не ходитъ, и она ни къ кому. Я смотрю на ея лицо и никакъ не могу рѣшить, очень ли она глупая, или очень умная. Она некрасивая, у ней упрямые малороссійскіе глаза и странно изогнутыя губы, словно она хочетъ расхохотаться и съ трудомъ удерживается.

— Что вы за человѣкъ, Горпина?—какъ-то вырвалось у меня.

— Перевертень...

И не смѣется. И на мои дальнѣйшіе вопросы объясняетъ, что отецъ у нея былъ кацапъ, а мать хорольская и что жили они сначала въ Хоролѣ, а когда мать умерла, перебрались въ Орловскую губернію, и такъ какъ она не можетъ рѣшить—кацапка она или малороссіянка, то и думаетъ, что она „перевертень". Я опять всматриваюсь въ ея лицо и все не могу рѣшить, умная ли она, или глупая.

Сестра скоро прозвала ее нигилисткой за ея полное равнодушіе къ тѣмъ вопросамъ, которые волновали мою кухню, и за ту непоколебимо отрицательную, ко всему отрицательную позицію, которую она заняла среди волнующихся людей. Разъ до меня донеслись отрывки разговора въ кухнѣ. У Горпины, очевидно, сократовская манера ставить вопросы.

— А вы его бачили?—спрашиваетъ она и сама отвѣчаетъ: Ни... И я не бачила.—А вы купуете?—И опять сама отвѣчаетъ:—Купуете.—Продаете?—Продаете... Ну и разговаривать нечего.

Послышались голоса Олены и Федора, горячіе, повышенные голоса, но голоса Горпины больше не было слышно.

Но что-то было въ ней, въ ея манерахъ, въ ея странныхъ вопросахъ. Разъ Олена и Федоръ ушли въ городъ, у насъ были гости, и сестра распорядилась зарѣзать цыплятъ. Горпина рѣшительно отказалась рѣзать и пояснила:

— Живые они, душа у нихъ есть...

— Да вѣдь вы же сами ѣдите цыплятъ?

— Такъ мнѣ что! Они мертвые,—не я ихъ рѣзала. Меня бы вотъ мертвую съѣли, да сколько угодно!

И опять ея странные вопросы:

— А можетъ моя душа раньше въ цыпленкѣ была?

Это было такъ неожиданно, что сестра и про гостей забыла и спрашиваетъ:

— Что такое вы говорите?

— А то и говорю... Вы, барыня, знаете,—гдѣ мы съ вами были, когда не родились?

— Что же по вашему? — недоумѣваетъ сестра,—и у дерева душа есть?

— А вы знаете, что нѣтъ?—опять вопросомъ отвѣчаетъ странная женщина. Такъ и остались цыплята въ тотъ вечеръ не зарѣзанными.

И опять у меня вопросъ: откуда она пришла,—эта нигилистка и отрицательница съ вѣрой въ переселеніе душъ?

Продолженіе.

Откуда она пришла? Откуда оно приходитъ?—Все то оно, новое, удивительное, что вошло въ жизнь нашего города, гдѣ нѣтъ ни „узловъ, ни портовъ, ни фабрикъ ни заводовъ“,—ничего подвижного, мѣняющагося, быстро живущаго, гдѣ все та же вѣковѣчная степь, тѣ же волы, та же скифскаго типа упряжка, гдѣ, казалось мнѣ, все такъ же неподвижно, какъ въ глубокихъ геологическихъ пластахъ? Откуда? кое-что рисуется мнѣ... Тамъ, на горѣ, высоко и далеко, дождь выпалъ, и вода просочилась въ землю и долго пробиралась въ подземной тьмѣ между геологическими пластами, и вышла далеко - далеко источникомъ живой воды... И другое „оно“... Я знаю, вода идетъ въ землю не только изъ тучи, ее даютъ осѣдающіе на землю гнилые туманы, и изъ вонючихъ клоакъ, вонючая жидкость просачивается тоже въ землю и тоже идетъ неизвѣстными подземными путями и заражаетъ воздухъ далеко отъ мѣста клоакъ. Да, я знаю, откуда пришла пѣсня: „Укажи мнѣ такую обитель“...—Благодаря неотступному наблюденію надъ кухнями, узнаю и многое другое, чего я не зналъ раньше такъ близко, такъ непосредственно реально...

Сегодня утромъ въ кухнѣ Скрипки поднялся шумъ,—обычный тамъ шумъ не галантнаго Опанаса и требующей культурнаго обращенія кухарки. Въ этотъ разъ онъ шелъ въ повышенномъ темпѣ,—по переулку бѣжала съ ревомъ и крикомъ кухарка, съ подбитымъ глазомъ, а за ней Опанасъ съ круглыми и глупыми глазами, какіе дѣлались у него во время гнѣва. Убѣжище кухарка нашла въ нашемъ садикѣ, у моего окна. Оказалось, что она назвала дворника „ферліянецъ“. Я достаточно изучилъ преломленіе культурныхъ терминовъ въ народной средѣ и былъ увѣренъ, что она назвала дворника „вольтерьянецъ“. Оказалось, дѣло стояло еще сложнѣе. Когда Опанасъ былъ водворенъ Федоромъ въ его мѣстожительство, я сказалъ кухаркѣ:

— Какъ это вы нехорошо ругаетесь, Настасья! Вдругъ ферліянецъ...

— Ферліянецъ и есть...—настойчиво повторяла Настасья, и морда-то у него ферліянская...

— Какая такая ферліянская?

— Какъ же баринъ! Небось читаете газеты? Народъ такой есть,—самый пакостный,—ферліянцы... Вотъ я у ротмистра служила, садовникъ у него былъ, мать-то у него природная ферліянка... тоже видѣла... И на базарѣ сказывали, что про нихъ пишутъ,—все противъ насъ бунтуютъ...

Я стараюсь вспомнить хоть одного „природнаго“ фин-

ляндца „съ отцомъ и съ матерью“—въ нашемъ городѣ и не могу вспомнить.

— А просочилось... Пахнетъ.

190... г. іюнь.

Боже мой! Боже мой! Опять „жидъ“, опять погромъ носится въ воздухѣ!.. Я не могу, совсѣмъ не могу переносить этого. Мнѣ нужно бѣжать на улицы, въ дома, къ людямъ, взывать къ нимъ, умолять, а я долженъ сидѣть и ждать, сидѣть и смотрѣть. Все, все, война, грабежъ въ темномъ лѣсу, только не это,—не погромъ, не избіеніе гражданами гражданъ, вчера еще дружившихъ,—только потому, что одни христіане—христіане!—а другіе евреи. У меня еще стоятъ передъ глазами кровавыя пятна отъ того погрома, который я видѣлъ—сколько?—двадцать, двадцать пять лѣтъ назадъ. Четверть вѣка!... Я былъ увѣренъ, что все это прошло, такъ мирно жили бокъ о бокъ портные, переплетчики, слесаря, доктора, купцы,—былъ увѣренъ, что все это забылось, стерлось, устранено изъ жизни, какъ отжившее, чуждое, невозможное. И въ газетахъ, и въ жизни продолжали встрѣчаться антисемиты, но я думалъ, что это не серьезно, что все это мелкіе негодяи, не стоющіе серьезнаго вниманія. Я не вѣрилъ, что найдутся негодяи—уже потому негодяи, что осмѣливаются называться христіанами,—которые отъ словъ перейдутъ къ дѣлу и со столбцовъ газетъ выйдутъ на улицу.

Негодяи... Вотъ я провѣряю себя, стараюсь вспомнить всѣхъ зараженныхъ антисемизмомъ людей, какихъ я встрѣчалъ въ обществѣ, и не могу припомнить, чтобы я встрѣтилъ хоть разъ вполнѣ порядочнаго, добраго и умнаго человѣка антисемита. Все это были или умные негодяи, или добрые дураки,—другихъ не припомню. Были средніе—люди недомыслія, люди съ зарубками, съ шорами, люди„ „умѣющіе считать только до тысячи“. Были и глупые негодяи, и злые дураки, но вполнѣ порядочнаго, умнаго и добраго человѣка между ними не встрѣчалъ. И всѣ они зараженные, вотъ какъ бываетъ чесотка на рукахъ, трахома, дурная болѣзнь, и не всѣ, конечно, виноваты, что заразились.

А *оно* опять идетъ. Я уже читалъ о начавшихся погромахъ и волновался, но всетаки думалъ, что это далеко отъ насъ, вотъ какъ холера, гдѣ-то тамъ, на границѣ, и думалъ, что до насъ не дойдетъ. А оно дошло, оно просочилось.

Первый принесъ вѣсть Опанасъ. Идетъ съ базара и улыбается.

— Жидовъ будутъ бить, баринъ! — здоровается онъ со мной.

— Какъ жидовъ бить? Скоро?

— Тамъ скажутъ...—бросилъ онъ мнѣ и пошелъ дальше.

Пришелъ старикъ Берка, блѣдный, дрожитъ, глаза у него расширены и остановившіеся, какъ у лунатика, и должно быть онъ ничего не видитъ. И дрожитъ его голосъ.

— Вы слышали, господинъ нотаріусъ? Вы знаете? Вы вѣруете въ Бога, господинъ нотаріусъ? Въ вашего Бога?

Онъ изъ тѣхъ же Балокъ, гдѣ я родился, и прожилъ тамъ, какъ и я, свое дѣтство, торговалъ въ отцовскомъ шинкѣ, въ отцовской лавкѣ, и былъ пріятелемъ всѣхъ жителей Балокъ. А потомъ, 20 лѣтъ назадъ, пришла къ нему громада и сказали, что приказано жидовъ бить, а они не хотятъ его бить по дружбѣ, потому что не видали обиды отъ него, и отвезутъ его въ городъ. И нагрузили на мірскія подводы его семью и имущество и, какъ ни протестовалъ онъ, отвезли его въ городъ. А въ городѣ били и, быть можетъ, убили бы, если бы не заступились тѣ же люди изъ Балокъ—они не желали возвращаться изъ города съ пустыми телѣгами. Тогда сошла съ ума его жена и умерла въ сумасшедшемъ домѣ, и сынъ, когда подросъ, не пожелалъ жить въ Россіи, а уѣхалъ въ Америку, и должно быть умеръ тамъ. И мнѣ кажется, что одинокій Берка все забылъ—и жену, и сына и помнитъ только тотъ ужасъ, и должно быть такъ же тогда расширенные глаза были полны ужаса. Кажется, онъ не слышитъ, что я ему говорю, и шепчетъ про себя свои неслышныя слова,—должно быть мольбы къ своему Богу, въ Котораго онъ вѣритъ.

Мимо окна идетъ,—онъ утромъ уходитъ въ городъ—Скрипка, видитъ Берку и заходитъ ко мнѣ.

— Будутъ васъ бить, Берка,—это вѣрно... Завтра будутъ на 15 іюня.

Онъ тоже съ дѣтства знаетъ Берку и расположенно говоритъ ему:

— Ты, Берка, ко мнѣ приходи съ утра... У меня не тронутъ. Я мундиръ надѣну, регаліи...

Онъ веселъ и благодушенъ, и нѣтъ недоумѣнія на лицѣ его. Онъ знаетъ старую исторію Берки, но желаетъ снова слушать и смѣется, гдѣ ему кажется смѣшно въ разсказѣ Берки.

— Такъ и говоритъ громада, — хохочетъ и переспрашиваетъ Скрипка:—казали бить?

— Казали бить...—какъ эхо отвѣчаетъ Берка.

— Да кто казалъ? Они дурные...

Очевидно Берка не знаетъ, кто „казалъ“, и, какъ эхо, повторяетъ:

— Казали бить...

— Да, будутъ бить,—успокоительно говоритъ Скрипка,—это вѣрно. Ничего не подѣлаешь... Ты приходи...

И не было недоумѣнія въ лицѣ Скрипки, — эпически ясно было его лицо и эпически просты были его слова, какъ „казали бить“,—которыя такъ упорно повторялъ Берко...

А потомъ ночь пришла, — та же сладко-пахнущая, кроткая, бездонно-глубокая, многозвѣздная ночь, которую люди любятъ, ночь, въ которую люди молятся... А въ открытыя окна несся шумъ изъ города, тревожный, настороженный. За воемъ собакъ, за умиравшимъ шумомъ экипажей вставали звуки, пугающіе, смутные, какъ шорохъ ночью въ лѣсу,—словно крадется кто-то жестокій, злобный, ненавидящій...

Въ переулкѣ показались люди. Темныя, безмолвныя тѣни вырывались изъ густой тьмы ночи, смутными силуэтами вставали въ свѣтѣ моего окна и снова погружались въ густую плотную тьму. Одинъ, еще одинъ, трое, опять одинъ, огромный и темный съ медлительными тяжелыми шагами. Все идутъ, какъ много идетъ ихъ туда въ настороженную тьму! Чиркнула спичка, и желтой точкой мелькнула закуренная папироска, кто-то что-то сказалъ, и мнѣ на мгновеніе показалось, что я узналъ голосъ маляра съ эспаньолкой. А потомъ опять стало тихо и безмолвно. Отцвѣли жасминъ и сирень, облетѣли бѣленькіе цвѣточки со старой яблони, и осталась одна акація, и изъ городского сада, съ площадей и бульваровъ, и садовъ несся однотонный, тяжелый и душный запахъ бѣлой акаціи. А съ темнаго неба смотрѣли звѣзды, далекія, чуждыя, безучастныя... Мнѣ показалось,—прошло ужасно долго, когда снова показались люди. Они шли назадъ по моему переулку быстрыми, рѣшительными шагами и слышенъ былъ смутный говоръ въ толпѣ...

На слѣдующій день.

Я почти не спалъ ночью и проснулся поздно. На крыльцѣ своего дома стоялъ Скрипка въ отрепанной тужуркѣ съ погонами, съ разстегнутой волосатой грудью и говорилъ уходившимъ завтракать малярамъ:

— Ну что, хлопцы, скоро будете жидовъ бить?

Они остановились, всѣ семь человѣкъ, и молчали и только одинъ старшій съ темной эспаньолкой сказалъ—и смѣхъ дрожалъ въ его голосѣ:

— Скоро... Тѣхъ, кто будетъ жидовъ бить...

Скрипка долго стоялъ на крыльцѣ, недоумѣлый, съ растопыренными руками и опять былъ похожъ на большую ночную птицу, спугнутую огнемъ... А маляры смѣялись и шли

веселой толпой, съ сдвинутыми на затылокъ черными шляпами.

Пришла Елена съ базара.

— Ну, баринъ, ничего не будетъ...

Она стоитъ передо мной съ той радостной, счастливой улыбкой, которая не сходитъ съ ея лица, и разсказываетъ базарныя новости. Она говоритъ, что подрядчикъ Федоръ Ивановичъ, у котораго больше ста человѣкъ рабочихъ, два дня поилъ ихъ и 1-го іюня обѣщалъ отпустить на два дня, безъ вычета жалованья,—евреевъ бить, и ночью у нихъ сходка была за старымъ кладбищемъ.

— Только маленечко прошиблись...—улыбаясь, говоритъ Елена,—думали: землекопы съ ними заодно будутъ—вотъ что трубы прокладываютъ,—вѣдь ихъ сколько!—а тамъ нашихъ братьевъ много, а наши несогласны.

— И *они*—Елена указала глазами на домъ Скрипки,—этотъ Калюжный тоже сходку собиралъ ночью за нами, за рѣчкой, въ лѣсу,—много народу было,—Федоръ былъ, сказывалъ. Порѣшили,—городъ на участки раздѣлить промежду себя, и къ еврейскимъ домамъ сторожу поставить и—въ случаѣ, будутъ громить—громилъ бить...

Будьте благословенны—старая большая книга и тонкіе, звенящіе листочки, и „братья“, и маляры, и студенты!..

Черезъ полгода.

Шесть мѣсяцевъ я умиралъ. Доктора говорятъ, что мой артритъ распространился на руки и шейные позвонки, что немножко „шалитъ“ сердце, и сидятъ во мнѣ какіе-то цилиндры. Скрюченная рука не держитъ перо, не могъ уже я сидѣть въ креслѣ и не видѣлъ моего окна, изъ котораго открывался такой широкій міръ, и я думалъ, что навсегда закрывается окно моей жизни. Доктора отдумали и разрѣшили мнѣ еще поглядѣть на Божій міръ, и старый пріятель докторъ Черкесовъ на мой вопросъ отвѣтилъ:

— Въ вашемъ обвинительномъ актѣ, милостивый государь, значится, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ вы разрушите вашъ существующій строй. Имѣются и вещественныя доказательства—цилиндры. Есть остроумные доктора и остроумныя изобрѣтенія человѣческаго разума! И за то спасибо, я снова могу писать.

Зима. Все бѣлое кругомъ, спокойное и задумчивое. Мягкій бѣлый саванъ покрылъ и жасмины, и акаціи, и старую яблонь. Елена все у насъ и была трогательно ласкова за время болѣзни, но опять суровая морщина легла на лобъ, и сбѣжала

съ губъ блаженная улыбка. Какъ быстро облетаютъ цвѣты, какъ скоро проходятъ медовые мѣсяцы!

Праздникъ кончился, начались будни, и Елена—будничная, озабоченная, нетерпимая. Я слышу гнѣвный голосъ въ кухнѣ, властный, укоряющій. Сестра приходитъ ко мнѣ и, улыбаясь, разсказываетъ, что дивчата нашей слободки совершили великое преступленіе,—была чья-то свадьба, и дивчата спивали свои старыя пѣсни и даже танцовали „метелицу"—и гнѣвная Елена теперь отчитываетъ грѣшныхъ дивчатъ. И второй мѣсяцъ въ нашемъ околодкѣ—драма. Сестра Федора полюбила одного изъ веселыхъ маляровъ и хочетъ непремѣнно выйти за него замужъ. Елена и Федоръ негодуютъ, что она полюбила „чужого", а сестра Федора плачетъ,—она не хочетъ уходить отъ „своихъ" и не можетъ уйти отъ возлюбленнаго. Медовый мѣсяцъ кончился, Елена „пришла въ свой домъ" и отгораживаетъ себя стѣнами отъ чужихъ домовъ и кроетъ его крышей, и укутываетъ его. Она — домостроительница и домоправительница. У насъ образовалось что-то въ родѣ справочной конторы, и сестра моя во главѣ ея. Она пишетъ по просьбѣ Елены безчисленныя письма и въ городъ, и въ уѣздъ, и ѣздитъ хлопотать лично,—все рекомендуетъ тѣхъ, кого нужно устроить Еленѣ,—и садовниковъ, и дворниковъ, и управляющихъ, и кухарокъ. И у Елены становится суровое лицо, когда она узнаетъ, что мѣсто занято другими—случается, знакомыми тѣхъ же маляровъ.

А Федоръ „позывается". Онъ ушелъ отъ меня—и именно потому, что со мной много было возни, и у него не было времени позываться.

Отношенія у насъ остались прежнія дружескія, и изрѣдка онъ заходитъ ко мнѣ. Лицо Федора вытянулось и обострилось, говоритъ онъ торопливо и напряженно, весь онъ точно собирается бѣжать, и старая вызывающая готовность къ бою на его лицѣ. Онъ позывается не съ дядькомъ,—съ тѣми же малярами, со всѣми, кто пребываетъ въ заблужденіи, участвуетъ во всякихъ собраніяхъ и вездѣ вступаетъ въ пренія. И очевидно много читаетъ,—запасается капиталомъ, чтобы было чѣмъ позываться,—у него появились другія слова и другіе обороты,—обороты литературной рѣчи. Нѣтъ стараго Федора, нѣтъ и недавняго Федора.

Только маляры по прежнему веселы и жизнерадостны и даже, кажется, стали веселѣе, чѣмъ были раньше. У насъ завязалось знакомство и Калюжный, тотъ старшой съ эспаньолкой, бываетъ у меня. Онъ говоритъ, что кругъ знакомыхъ у него сталъ шире и больше друзей, и что имъ вообще веселѣе жить на свѣтѣ. Онъ приходитъ утромъ по воскресеньямъ и копается въ моихъ книгахъ,—въ старыхъ книгахъ,

которыми я зачитывался во времена моей юности. Прошлый разъ онъ пояснилъ мнѣ, что у нихъ былъ споръ и что для рѣшенія спора ему нужно просмотрѣть „Отечественныя Записки“ за 70-й годъ. Это трогаетъ меня и волнуетъ. Онъ беретъ у меня новые журналы, артель выписываетъ въ складчину двѣ газеты и толстый журналъ—мой любимый журналъ—имѣетъ два абонемента въ городской библіотекѣ,—но Калюжный говоритъ, что новые журналы доставать трудно—такъ много развелось желающихъ читать новые журналы. И все въ немъ трогаетъ меня и волнуетъ,—и то, что онъ здѣшній—и отецъ его былъ маляръ—окончилъ только городское училище и никуда не выѣзжалъ изъ нашего города—мѣщанскаго города, и что онъ пилъ воду изъ того же источника, изъ котораго пилъ и я, что онъ пришелъ къ тѣмъ же журналамъ и газетамъ и къ тѣмъ же мыслямъ и что вотъ рядомъ со мной проходила невѣдомая мнѣ духовная жизнь, такая чистая и свѣтлая, развертывалась исторія—совершенно связная и послѣдовательная.

И весь онъ—омытый, чистый и радостный, и у меня становится горячо въ груди и свѣтлѣе дѣлается въ комнатѣ, когда онъ уходитъ отъ меня, и я остаюсь одинъ съ своими новыми мыслями, съ новымъ ретроспективнымъ взглядомъ.

Въ послѣднее время онъ приходитъ чаще и разсказываетъ мнѣ разныя исторіи про другіе города,—удивительныя и все радостныя исторіи, которыхъ я не зналъ, и говоритъ онъ такъ увѣренно о будущемъ,—менѣе отдаленномъ будущемъ.

Иногда заходитъ Скрипка,—недоумѣніе сдѣлалось постояннымъ выраженіемъ его лица—и спрашиваетъ:

— Що се таке пишутъ?

Я снова говорю ему, и мнѣ весело говорить, что новыя птицы прилетѣли въ Украйну и поютъ новыя пѣсни. И когда я остаюсь одинъ и читаю новыя газеты и вспоминаю веселыя исторіи, разсказанныя Калюжнымъ, я говорю себѣ: неужели?..

Мой артритъ становится мнѣ легче, и мнѣ веселѣе жить. Я никогда не принадлежалъ къ людямъ, которымъ обидно и непереносно, что послѣ нихъ и безъ нихъ будетъ „равнодушная природа красою вѣчною сіять“, всегда казалось мнѣ это плоско и низменно—и трогала, и волновала другая строчка:

„И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть“.

Пусть не для меня будетъ менѣе отдаленное будущее, но я безмѣрно счастливъ той молодой жизнью, которая развер-

тывается предо мной. Я безмѣрно счастливъ, яко видѣста очи мои...

---

19. . . . г. декабрь.

Да, у меня другой ретроспективный взглядъ... Я не понялъ жизни, не такъ истолковалъ ее,—проглядѣлъ жизнь. Вотъ теперь предо мной ярко вспыхнула давняя-давняя картина. Мнѣ было девять-десять лѣтъ, я ѣхалъ степью къ тетѣ Лизѣ. Помню, кругомъ была черная вспаханная земля, ровная, какъ полъ, и синее небо, и не было начала и конца черной землѣ и синему небу. Было пусто и безмолвно. Поднимались суслики изъ своихъ норъ и становились по краямъ дороги и, сложивши лапки, удивленно смотрѣли на меня. Тамъ, изъ-за края земли, гдѣ сходятся черный пологъ и синее небо, и за которымъ уже ничего нѣтъ, кто-то медленно поднимается надъ землей, темный, безмолвный и смотритъ въ черную степь и снова опускается за край земли и снова летаетъ... Все звенѣлъ печальный колокольчикъ, ровной рысью бѣжали лошади, я спалъ и просыпался, — ничто не приходило, ничто не уходило,—синее небо, черная земля, кругомъ все было также пусто и безмолвно, стояли съ сложенными лапками все тѣ же удивленные суслики, все также чье-то темное крыло медленно поднималось тамъ, вдали, надъ землей, словно кто-то хотѣлъ подняться изъ-за края земли, и не было у него силъ, и снова опускался онъ за край земли... А потомъ была усадьба, старая дворянская усадьба и тетя Лиза,—та Лиза изъ дворянскаго гнѣзда—съ клавикордами и романсами. Давно умерла старая усадьба, и казаки Порубаи распахали землю, гдѣ стоялъ Екатерининскій домъ, умерла тетя Лиза, и прахъ ея давно покоится въ стихахъ Пушкина, въ эпопеѣ Тургенева, въ музыкѣ Чайковскаго, а степь все стояла предо мной также эпически безмолвная и недвижная, эпически грустная старая степь. Оттуда приходили люди—это объекты обложенія, объекты попеченія, пресѣченія и... тѣлесныхъ наказаній — Федоры, Горпины и Елены, я жилъ съ ними бокъ о бокъ, я видѣлъ ихъ въ моей кухнѣ, въ дворницкой, но я думалъ, что они все тѣ же эпическіе люди, недвижимые, какъ геологическіе пласты, залегающіе въ степи. Въ мою нотаріальную контору являлись новые люди, осѣдавшіе въ степи,—великороссы, болгаре, нѣмцы; они дѣлили старыя усадьбы, мѣрили и рѣзали степь, а я думалъ, что измѣняется только поверхность, а геологическіе пласты неподвижны. Кругомъ меня билась городская, обывательская, мѣщанская жизнь, и я думалъ, что она такая же мѣщанская, какъ была тридцать лѣтъ на-

задъ, и что все такъ же неподвижны обывательскіе геологическіе пласты. Я думалъ, что русская жизнь анекдотъ,—собраніе анекдотовъ...

Я проглядѣлъ жизнь, я не сумѣлъ разглядѣть, что рядомъ со мной, бокъ о бокъ, шла жизнь связная и послѣдовательная, отправлявшаяся отъ прошлаго къ настоящему и съ такой логической ясностью предопредѣляющая будущее, что за тридцать лѣтъ совершалась исторія, настоящая, огромная исторія, и Елена, и Федоръ, и маляры—новыя главы этой исторіи,—я не разглядѣлъ, что геологическіе пласты сдвинулись.

Вотъ я взглянулъ въ лицо жизни и, оглядываясь на прошлое и на этотъ послѣдній прожитый въ креслѣ годъ жизни, я вижу, что анекдотическая часть русской исторіи кончилась, и началась настоящая исторія, что кончился эпосъ русской жизни и начались другіе роды литературы. Я не знаю, что войдетъ въ жизнь,—лирика, драма, быть можетъ, трагедія, но я безмѣрно счастливъ. Видѣста очи мои.

С. Елпатьевскій.

Сонъ.

Въ небѣ странно-высокомъ, зловѣще-нѣмомъ
Гасъ кровавый вечерній закатъ.
Умиралъ я отъ ранъ,—въ гаолянѣ густомъ
Позабытый своими солдатъ.
Какъ ребенокъ, затерянный въ чащѣ лѣсной,
Я кричалъ, я отчаянно звалъ—
И на помощь ни свой не пришелъ, ни чужой,
Гаолянъ только глухо шуршалъ!
Да орелъ цѣлый день надъ горою парилъ,—
Хищный клёкотъ носился кругомъ...
Все на сѣверъ, въ безвѣстную даль уходилъ
Затихающихъ выстрѣловъ громъ.
И скользилъ угасающій взоръ мой, въ тоскѣ,
По мѣнявшимъ нарядъ облакамъ:
Что́ тамъ парусомъ бѣлымъ стоитъ вдалекѣ—
Не села ли родимаго храмъ?

Вонъ старуха съ клюкой... Не моя-ль это мать
„По кусочки“ съ сумой побрела?
Горегорькая! Сына тебѣ не дождать—
Ты на муку его родила!
Злобно лязгаютъ цѣпи... Въ дыму и въ огнѣ,
Будто стая вспололошенныхъ птицъ,
Вьется лента вагоновъ,—и въ каждомъ окнѣ
Сколько блѣдныхъ, измученныхъ лицъ!
Безконеченъ вашъ путь, и тяжелъ, и суровъ:
Мертвой степи пустынная гладь,
Выси грозныя горъ, темень дикихъ лѣсовъ...
Васъ въ чужбину везутъ умирать!..
. . . .
Умиралъ я отъ ранъ на чужой сторонѣ...
Такъ хотѣлось мучительно жить,—
О проклятой, безумно-кровавой войнѣ,
Какъ о грёзѣ больной позабыть!
. . . .
Ночь сошла. Или смерть? Сѣть тумановъ сырыхъ
Поползла надъ ущельями горъ;
Въ черномъ небѣ невиданно-яркихъ, большихъ,
Странныхъ звѣздъ засвѣтился узоръ.
И въ зловѣщей тиши, мнѣ казалось, не я—
Кто-то чуждый безсильно стоналъ...
И отъ жалости въ сердцѣ больномъ у меня
Слезъ кипучихъ родникъ клокоталъ!

П. Я.

Литературно-художественная критика Н. К. Михайловскаго.

Черезъ литературно-художественную критику Михайловскаго проходитъ идея въ основѣ своей чрезвычайно простая, которая, однако, получила у него очень оригинальное развитіе. Идея эта обнимаетъ собой, съ одной стороны, отношенія художника къ тому, что онъ изображаетъ, т. е. его способность изображать дѣйствительность правдиво; а съ другой стороны — его способность вліять на насъ, „заражать“ насъ своими впечатлѣніями.

Въ самомъ общемъ видѣ идея эта сводится къ тому, что „необходимо извѣстное соотвѣтствіе между наблюдателемъ и наблюдаемымъ явленіемъ“. Элементарно это можно себѣ представить, напримѣръ, такъ. Наблюдатель, страдающій дальтонизмомъ, краснаго цвѣта не увидитъ. Глухой можетъ превосходно наблюдать, какъ разѣваются рты и шевелятся языки поющихъ, но пѣсни не услышитъ. Въ этомъ элементарномъ видѣ вполнѣ ясно, что въ подобныхъ условіяхъ наблюдатель получаетъ впечатлѣнія неправильныя. Это впечатлѣнія, извращающія дѣйствительность, и притомъ извращающія въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ: они въ сравненіи съ дѣйствительностью упрощены. Они умаляютъ сложность ея состава, представляютъ ее въ поблекломъ и плоскомъ видѣ.

При болѣе сложныхъ обстоятельствахъ это же самое не такъ бросается въ глаза, но тѣмъ не менѣе положеніе остается по существу такое же.

Когда романистъ, какъ это было у натуралистовъ, изображаетъ любовныя отношенія между мужчиной и женщиной въ видѣ чего-то по преимуществу скотскаго, то онъ не имѣетъ права называть свое изображеніе правдой. Это — не правда, говоритъ Михайловскій, а свинство. Это одностороннее, упрощенное и огрубѣлое представленіе о дѣйствительности, а не „правда“.

Возможно, однако, задаться вопросомъ, слѣдуетъ ли дѣйствительно считать такое представленіе одностороннимъ? Если Тур-

геневъ (которому одинъ изъ натуралистовъ посвятилъ томъ своихъ твореній съ восклицаніемъ salve, frater!) любилъ изображать женщину въ хорошіе, чистые моменты ея жизни, доводя эту чистоту до особенной возвышенности и благородства, то не имѣетъ ли такое же основаніе Зола изображать въ женщинѣ моменты ея паденія, чисто животной низости и извращеннаго разврата? Вѣдь въ жизни существуютъ какъ чистыя, возвышенныя полосы, такъ и грязныя и низменныя. И какъ тѣ, такъ и другія заслуживаютъ правдиваго изображенія. И то, и другое правда. Даже бываютъ эпохи, когда одно болѣе правда, чѣмъ другое. А во всякомъ случаѣ можно сказать, что и Тургеневъ правъ, и Зола правъ. „Нѣтъ,—говоритъ Михайловскій,—правъ кто-нибудь изъ нихъ“. Они оба художники и у обоихъ процессъ творчества въ своихъ главныхъ и общихъ чертахъ одинъ и тотъ же, но только до извѣстной степени. Въ отношеніи Зола къ своей героинѣ Нана не достаетъ элементовъ, которые имѣются у Тургенева по отношенію къ Еленѣ и которые прибавляютъ къ ея образу нѣчто очень цѣнное и существенное. Тургеневъ любитъ Елену, любуется ею и насъ заставляетъ любоваться. А Зола равнодушенъ къ своей Нана и даже возводитъ свое равнодушіе въ принципъ. Онъ „натуралистъ“, „химикъ“, и поэтому долженъ быть безучастенъ. Конечно, онъ не можетъ любить свою Нана; но онъ могъ бы ее презирать, чувствовать отвращеніе, питать хоть жалость, какъ къ „человѣкообразному всетаки существу, обезчеловѣченному какими-то темными общественными или природными силами“. И тогда его собственныя впечатлѣнія отъ Нана обогатились бы добавочными элементами, они „окрасились бы и расцвѣтились комбинаціями чувствъ и впечатлѣній, отсутствіе которыхъ сообщаетъ образамъ его такую угрюмость и холодность“. Изображенная такъ безучастно дѣйствительность, въ лицѣ Нана, теряетъ часть своей сложности — совершенно такъ же, какъ если бы картина была изображена художникомъ, который страдаетъ дальтонизмомъ. И при томъ, это очень существенная часть,— это тѣ ея элементы, которые заставляютъ насъ принимать въ человѣкѣ наиболѣе живое участіе—негодованіемъ, жалостью, смѣхомъ, презрѣніемъ и т. п.

Это обѣднѣніе и эта упрощенность дѣйствительности не есть просто извѣстный минусъ. Сокращеніе поля зрѣнія сопровождается тутъ ненормальной гипертрофіей тѣхъ частей дѣйствительности, которыя остались въ полѣ зрѣнія художника. Эти части подчеркиваются и это даетъ извращенное представленіе объ ней: въ цѣломъ оно грубѣе, элементарнѣе, а въ излюбленныхъ художникомъ частяхъ, подвергшихся гипертрофіи, — чрезмѣрно загромождено излишними тонкостями. И то, и другое даетъ представленію о дѣйствительности отпечатокъ грубости, рѣзкости, нарушаетъ нормальную, дѣйствительную мѣру вещей и тѣмъ самымъ

нарушаетъ правдивость изображенія. Это — результатъ того, что Михайловскій любитъ называть „поглощеніемъ тучныхъ коровъ тощими"—сложнаго цѣлаго его частью.

Существуетъ взглядъ, что такое сокращеніе и упрощеніе дѣйствительности необходимо для чистоты эстетическаго впечатлѣнія. Для того, чтобы мы могли, по выраженію Фета, „благоговѣть богомольно передъ святыней красоты", изъ искусства должны быть устранены всѣ цѣли, которыя способны осложнить наслажденіе красотой, — все, что не относится къ красивымъ формамъ, къ тонкости и изяществу исполненія. Но можетъ ли, при подобныхъ условіяхъ, быть рѣчь о „святынѣ" искусства, можно ли тутъ говорить о правдѣ художественной?

Въ той степени, въ какой возможно сколько нибудь приблизиться къ такого рода художественнымъ задачамъ, получается вотъ что.

На одной изъ академическихъ выставокъ Михайловскій отмѣчаетъ бронзовую группу подъ названіемъ „Бѣдствіе" *). На какомъ-то фантастическомъ звѣрѣ, составленномъ на манеръ химеры, только еще посложнѣе, изъ частей разныхъ звѣрей, скачетъ традиціонная смерть, въ видѣ скелета, прикрытаго мантіей, съ традиціонной же косой въ рукахъ; рядомъ бѣжитъ другой, тоже фантастическій составной звѣрь, ростомъ поменьше". — „Глядя на эту группу,—говоритъ Михайловскій,—поневолѣ думается: не очень-то „бѣдствіе" страшно! И это объясняется тѣмъ, что олицетворить нынѣ бѣдствіе въ области какой нибудь химерической фантазіи довольно мудрено: у насъ и водосточныя трубы дѣлаются нынѣ, съ цѣлью украшенія, въ видѣ разныхъ страшныхъ составныхъ звѣрей - крылатыхъ змѣй съ пѣтушиными гребнями и т. п.; на каминахъ, этажеркахъ, письменныхъ столахъ стоятъ многоголовые идолы, разжалованные изъ своего божескаго достоинства на степень украшенія и проч. Не страшно это даже для дѣтей. Цѣль якобы страшной драконьей морды, которою оканчивается водосточная труба, совсѣмъ не передача или внушеніе впечатлѣнія ужаса, а просто украшеніе. Таково же и положеніе группы „Бѣдствіе", которая съ успѣхомъ займетъ мѣсто гдѣ-нибудь въ салонѣ, подъ тропическими растеніями, столь же мало возбуждая представленіе о бѣдствіи, какъ и это тропическое растеніе".

Художникъ въ этомъ случаѣ задался мыслью „изобразить не ту или другую опредѣленную бѣду, а бѣдствіе вообще, бѣдствіе абстрактное, бѣдствіе an sich. Поэтому онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ квази-миѳологическимъ комбинаціямъ страшныхъ звѣрей и къ традиціонному образу смерти съ косой. Онъ выбиралъ для своего вымысла все, что ему казалось наиболѣе страшнымъ,

*) Лит. восп. II, 327.

наиболѣе приближающимся къ впечатлѣнію бѣдствія. Но изъ набранныхъ имъ элементовъ страшное давно выдохлось. Они были страшны въ своей комбинаціи впечатлѣній, которыя ихъ сопровождали и осложняли когда то въ воображеніи людей. Они были страшны и захватывали всей суммой сопровождавшихъ ихъ чувствъ и страстей. А лишенные всего этого, упрощенные образы—уже больше не захватываютъ и годны только для роли комнатныхъ „украшеній“. Ими „любуются“, не чувствуя въ нихъ ни правдивости сложной дѣйствительности, ни ея способности увлекать и волновать. Сложное впечатлѣніе сократилось и сложное отношеніе къ нему выдохлось, обратившись въ любованіе украшеніемъ. Искусство тутъ есть, но это низшій родъ искусства.

Такое же отношеніе къ себѣ вызвало у Михайловскаго „пано“ художника К. Маковскаго, помѣщенное на одной выставкѣ въ центрѣ его остальныхъ картинъ *). На этомъ пано былъ изображенъ великолѣпный павлинъ съ распущеннымъ радужнымъ хвостомъ. Михайловскому очень понравилась мысль помѣстить это пано въ самомъ центрѣ группы картинъ Маковскаго. Павлиній хвостъ, какъ украшеніе—можетъ служить эмблемой всей художественной дѣятельности Маковскаго. Маковскій рисовалъ ширмы, носилки вродѣ паланкина, расписанныя амурами и букетами. Все это украшенія — простыя безхитростныя украшенія. Но къ искусству, когда оно исполняетъ эту роль, никто не предъявляетъ требованій художественной правды, никто не ожидаетъ, чтобы оно захватывало. Оно обратилось въ невинное украшеніе—украшеніе площади, комнаты, мебели.

Однако, противники всего, что осложняетъ эстетическія впечатлѣнія всякими элементами идейными, нравственными и общественными, поднимаются нѣсколько выше. Искусство, по ихъ мнѣнію, должно быть украшеніемъ, если не прямо площади, комнаты, мебели, то — украшеніемъ жизни. Но осуществленіе этой программы встрѣчаетъ непреодолимыя затрудненія. Какъ украшать жизнь, устранивъ изъ „украшенія“ все, что входитъ въ содержаніе интересовъ жизни, то-есть все, что задѣваетъ за живое, волнуетъ, радуетъ, влечетъ къ себѣ?

Есть, однако, одна область живыхъ интересовъ, для которой въ этомъ отношеніи допускается, какъ замѣчаетъ Михайловскій, „странное исключеніе“. Это — область любви. Когда Маковскій изображаетъ на своихъ картинахъ наядъ, русалокъ, вакханокъ и прочихъ раздѣтыхъ и неодѣтыхъ дамъ, то это, говоритъ Михайловскій, украшеніе уже осложненное, о которомъ можно сказать словами школьника въ „Фаустѣ“: das sieht schon besser aus! man sieht doch wo und wie! „И я васъ спрашиваю—восклицаетъ Михайловскій:—если пьяная нѣга вакханки съ глазами, отуманенными

*) Лит. восп. II 324.

жаждой любви, не выходитъ изъ предѣловъ компетенціи „чистаго“ искусства, то почему, напримѣръ, голодъ нищаго или, съ другой стороны, юношеская жажда подвига, или хоть та же молодая женщина, но не раздѣтая и жаждущая не любви, а, положимъ, знанія, могутъ стать предметомъ только не чистаго „искусства?“

Съ своей точки зрѣнія Михайловскій признаетъ за любовнымъ чувствомъ и тѣми впечатлѣніями красоты, которыя связаны съ нимъ, право на наше вниманіе, — хотя, на его взглядъ, могущество этого чувства какъ въ грубѣйшихъ, такъ и въ тончайшихъ его проявленіяхъ, едва ли достаточно для оправданія того множества произведеній всѣхъ отраслей искусства, которыя ему посвящены. Но, главное, вотъ что. Когда это чувство и связанныя съ нимъ представленія красиваго обращаются въ предметъ „украшенія“ жизни, въ объектъ для любованія, тогда получается очень странный результатъ: изъ состава даннаго чувства (и это относится не только къ нему) исчезаютъ существенныя составныя части, дѣлающія его живымъ цѣлымъ, согрѣтымъ внутренней жизнью. И остается спеціальное—холодное, отчасти „жестокое“—удовольствіе, особенно излюбленное „художественными натурами“ своеобразнаго склада. Это — художественныя натуры, про которыя нельзя сказать, что между ними и тѣмъ, чѣмъ они любуются, есть „соотвѣтствіе“. Напротивъ, соотвѣтствія этого очень мало.

Къ этого рода „художественнымъ“ натурамъ принадлежалъ Неронъ, который въ этомъ смыслѣ былъ чистый художникъ. Разсказываютъ, что, разсматривая тѣло убитой по его приказанію Агриппины, онъ любовался ея красивымъ тѣлосложеніемъ. „Агриппина,—говоритъ Михайловскій,—была, съ его чисто художественной точки зрѣнія, не мать его, не убитая имъ женщина, а только красивое женское тѣло“. Сложное, полное драматическаго содержанія впечатлѣніе въ его художественномъ воображеніи сокращалось до красивыхъ формъ женскаго тѣла. Въ такомъ же родѣ внезапно прославившійся декадентъ Лоранъ Тальядъ видѣлъ въ картинѣ динамитнаго взрыва не смерть, не раны и страданія, не страшную смѣсь жестокости и самопожертвованія, а только красивый жестъ человѣка, бросившаго бомбу. Такого же рода чувства свойственны были Іоанну Грозному. Михайловскій *) приводитъ изъ замѣчательной въ этомъ отношеніи характеристики Іоанна, сдѣланной Константиномъ Аксаковымъ, между прочимъ, слѣдующее: „Іоаннъ IV былъ природа художественная, художественная въ жизни. Образы являлись ему и увлекали его своею внѣшнею красотою; онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести и, наконецъ, самые ужасы влекли его къ себѣ своею страшною картинностью“.

*) V, 835; VI, 747.

„Онъ любилъ красоту,—говоритъ Михайловскій *),—картинность во всемъ—въ добрѣ и злѣ, не различая добра и зла. Въ его воображеніи постоянно носились разныя картины, которыя онъ стремился немедленно осуществлять. То ему представлялась площадь, полная присланныхъ всей землей представителей, и онъ, царь, стоитъ въ средоточіи этой толпы и въ торжественной обстановкѣ говоритъ рѣчь. То та же площадь рисовалась, уставленная орудіями пытки и казни, и опять же—царь, но гнѣвный и страшный въ своемъ всемогущемъ гнѣвѣ. И ту, и другую картину Грозный торопится осуществить въ жизни. А то ему представляется монастырь, черныя одежды, покаянныя молитвы, земные поклоны, и, увлеченный этою картиной, онъ обращаетъ себя и опричниковъ въ монаховъ".

Такое же отношеніе къ своимъ образамъ, впечатлѣніямъ и представленіямъ бываетъ и у настоящихъ художниковъ слова, живописцевъ и другихъ, если у нихъ ослаблена естественная здоровая связь ощущеній. Примѣромъ можетъ служить картина Новоскольцова, которую Михайловскій подробно разбираетъ **). Картина эта изображаетъ опричниковъ, хозяйничающихъ въ домѣ опальнаго боярина. Въ центрѣ огромнаго холста лежитъ нагая дѣвушка. Это—обезчещенная боярышня. Слѣва сидитъ самъ бояринъ, привязанный къ стулу; немного дальше лежитъ, въ полуоборотъ къ зрителямъ, его жена, тоже связанная. Справа на заднемъ планѣ два опричника: одинъ, сидя, допиваетъ вино, другой куда-то зоветъ или тащитъ его. Михайловскаго „особенно поразили двѣ фигуры въ этой картинѣ: голая дѣвушка и одинъ изъ опричниковъ. Дѣвушка лежитъ въ безчувственномъ состояніи, надъ нею только что совершено гнусное насиліе, но она такъ спокойно и условно красиво лежитъ, такъ полно отсутствіе какихъ бы то ни было знаковъ насилія или сопротивленія на ея красивомъ бѣломъ тѣлѣ, — ни царапинки, ни синячка, — что точь въ точь наяда или русалка г. Маковскаго. А опричникъ, такой красивый и симпатичный молодецъ съ весело сверкающими глазами и зубами, въ такомъ чистенькомъ, новенькомъ съ иголочки щегольскомъ кафтанѣ, безъ капли крови и безъ единой оторванной пуговицы, что хоть сейчасъ его въ маскарадъ отправляй, веселыя любезности дамамъ говорить. Этому соотвѣтствуетъ и чисто, такъ сказать, бутафорскій безпорядокъ обстановки: мебель и утварь разбросаны съ такою аккуратностью, что ни малѣйше не напоминаютъ о разгромѣ, происходившемъ тутъ сію минуту. Все дѣло, очевидно, въ красивомъ голомъ женскомъ тѣлѣ и въ красивомъ нарядномъ молодцѣ". Красотой можно любоваться,—говоритъ Михайловскій,—но когда васъ заставляютъ любоваться кра-

*) VI, 167.
**) Лит. восп. II. 327.

сотой подъ фирмой страшной драмы вторженія злодѣевъ въ мирный домъ, всяческихъ насилій и оскорбленій, совершаемыхъ негодяями надъ беззащитными людьми, то изъ сложной, захватывающей драмы выбрасывается все ея живое содержаніе. Любуясь красотой такого сюжета, художникъ „сдѣлалъ изъ крови и слезъ конфетку". И въ результатѣ — сложная, содержательная драма, обращенная въ предметъ „украшенія" или хотя бы „красоты"— не даетъ ни художественной правды, ни силы захвата, на которую она способна.

Вообще, когда художникъ склоненъ относиться къ своимъ образамъ, какъ къ предметамъ одной только красоты, то для Михайловскаго не было сомнѣнія, что это стремленіе къ неосуществимой задачѣ **). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ той степени, въ какой задача эта осуществима, она является покушеніемъ на сложность жизни и на ея цѣльность: въ ней кроется склонность низвести жизнь до уровня комбинацій однихъ низшихъ ощущеній. Низшими же Михайловскій ихъ называетъ не произвольно, не изъ аскетическаго презрѣнія къ физической природѣ человѣка. Они низшія въ томъ смыслѣ, что, предоставленныя самимъ себѣ, сокращаютъ объемъ жизни и ослабляютъ ея цѣльность.

Въ этомъ отношеніи типичное явленіе представляютъ французскіе символисты *). Ихъ признанный теоретикъ, Шарль Морисъ, въ своей книгѣ La litérature de tout à l'heure, говоритъ: „въ глубинѣ души молодыхъ поэтовъ лежитъ жажда *всего* (онъ это слово подчеркиваетъ); эстетическій синтезъ — вотъ чего они ищутъ... Современная литература синтетична; она мечтаетъ *воздѣйствовать на всего человѣка всѣмъ искусствомъ*" (курсивъ Мориса). Въ этомъ же смыслѣ г. Мережковскій говоритъ о литературѣ символистовъ, что она „расширила художественную впечатлительность". Но это расширеніе, это стремленіе къ цѣльной гармонической жизни всѣмъ существомъ, всѣми доступными человѣку сторонами жизни—осуществляется у нихъ въ спеціальной и при томъ ограниченной области. Сенъ Поль Ру заявляетъ, что „поэзія, синтезъ различныхъ искусствъ, есть единовременно вкусъ, запахъ, звуки, свѣтъ, форма. Поэтическое произведеніе есть пятигранная призма—sapide—odorante—sonore—visible—tangible. И именно въ этомъ и состоитъ ихъ „синтезъ", въ этомъ и заключается воздѣйствіе „всего" искусства на „всего" человѣка. Для нихъ весь человѣкъ—это существо слышащее, видящее, обоняющее, осязающее и вкушающее; въ соединеніе этихъ пяти чувствъ они хотятъ воплотить безъ остатка всего человѣка. А между тѣмъ

*) Къ этой темѣ Михайловскій возвращался много разъ. См., между прочимъ, Соч. I, 122 и д., 839; II, 529—532, 609—612, 639; V, 530—6; 719—23, 733; VI, 386—7, 452—3; Литер. восп. I, 158, II, 92, 323—330; Отклики II, 302—3.

**) См. Лит. восп. II, гл. 1, 2 и 3.

весь человѣкъ, дѣйствительно весь, — Михайловскій настойчиво это напоминаетъ,—есть существо мыслящее, чувствующее и дѣйствующее. Но символисты всѣмъ своимъ душевнымъ строемъ далеки отъ пониманія этой нормальной комбинаціи элементовъ. Они — продукты совсѣмъ особенной и очень печальной эпохи въ исторіи Франціи. „Безпримѣрныя несчастія, — говоритъ Михайловскій, — одно за другимъ обрушившіяся на эту страну, начиная съ кровавой декабрьской ночи 1851 г., наконецъ, придавили ее. Ея лучшіе, наиболѣе энергическіе слуги цѣлыми горстями выбрасывались за бортъ, то наполеоновскимъ режимомъ, то войной, то внутренними кровавыми расправами. Остальныхъ несчастія ошеломляли до растерянности и безучастія. Цѣль и смыслъ жизни затерялись въ этомъ калейдоскопѣ разгромовъ. На что надѣяться? во что вѣрить? чего желать? къ чему стремиться? Все разбито, раздавлено... „О, поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями?" *) Въ такія эпохи,—говоритъ онъ,—„вслѣдствіе отсутствія равновѣсія, жизнь утрачиваетъ смыслъ, когда цѣлымъ обществомъ овладѣваетъ атмосфера безцѣльности существованія. Для такого удрученнаго положенія нѣтъ надобности, чтобы всѣ и каждый ясно сознавали, въ чемъ состоитъ бѣда; бѣда въ воздухѣ носится, какъ невидимая зараза, и минуетъ лишь тѣхъ, конечно, очень многочисленныхъ, кто живетъ изо дня въ день исключительно животною жизнью. Всѣми же остальными либо неисходная, хотя бы и совершенно безпредметная, тоска овладѣваетъ, либо жажда, хотя бы безсознательная, исхода" **).

Среди искавшихъ такого исхода была въ семидесятыхъ годахъ кучка молодыхъ поэтовъ, собиравшихся въ кабачкахъ Латинскаго квартала. Дѣти эпохи, въ которой были разбиты всѣ одушевлявшія общество высшія идейныя задачи, они интересовались только художественной и, именно, стихотворной формой. И она должна была дать имъ все—„всего человѣка". Что же давала она имъ на самомъ дѣлѣ?

Стремленіе найти въ формѣ все, но при томъ помимо содѣйствія идейныхъ элементовъ, наталкивало символистовъ на непреодолимыя затрудненія художественной техники. Это выразилось въ обиліи вычурныхъ, вымученныхъ выраженій, въ сопоставленіяхъ, въ которыхъ чувствуется стремленіе выразить какіе-то образы и настроенія, видимо не поддающіеся выраженію данными пріемами. Вотъ стихотвореніе Метерлинка „Скука": „Беззаботные павлины, бѣдные павлины улетѣли отъ скуки пробужденія; я вижу бѣлыхъ павлиновъ, сегодняшнихъ павлиновъ, павлиновъ, улетѣвшихъ во время сна, беззаботныхъ павлиновъ, сегодняшнихъ павлиновъ, безпечно долетѣвшихъ до пруда безъ солнца, я слышу бѣлыхъ павлиновъ,

---

*) VI, 684.

**) Лит. восп. II, 88.

павлиновъ скуки, безпечно ожидающихъ времени безъ солнца". При этомъ, французскій оригиналъ этого стихотворенія отличается обиліемъ носовыхъ звуковъ, сообщающихъ ему еще болѣе скудно-монотонный характеръ. Самъ по себѣ этотъ пріемъ не представляетъ ничего особеннаго. Имъ пользовались всѣ поэты. Но здѣсь, кромѣ звуковыхъ эффектовъ, художникъ видимо тянется возложить на словесную форму какую-то особую задачу. Какія-то сложные и деликатные оттѣнки чувствъ и настроеній онъ старается уловить при помощи болѣе чѣмъ загадочныхъ „сегодняшнихъ павлиновъ", „беззаботныхъ павлиновъ", летающихъ во время сна, и тому подобныхъ безсмысленныхъ сопоставленій. Тутъ явное безсиліе формы совладать съ содержаніемъ настроеній, которыя она должна выразить. И безсиліе это усугубляется пристрастіемъ къ сопоставленіямъ образовъ внѣ всякой логической нити, внѣ реальной связи вещей. Нордау въ своемъ „Вырожденіи" отмѣчаетъ въ этомъ отношеніи болѣзненную настойчивость, съ какой у Метерлинка повторяются, помимо логической связи, нѣкоторые образы: „каналы", „корабли", больницы", „стада", „овцы", „принцессы". Въ общемъ это создаетъ очень узкій кругозоръ. То же самое значеніе имѣетъ отмѣчаемая Михайловскимъ другая любопытная черта стихотвореній Метерлинка — характеристика предметовъ, чувствъ и идей различными цвѣтовыми ощущеніями. У него попадаются: „бѣлая бездѣятельность", „лиловые сны", „голубая скука", „голубыя мечты", „голубые мечи сладострастія въ красномъ тѣлѣ гордости", „фіолетовыя змѣи мечтаній", „красные стебли ненависти среди зеленаго траура любви", „бѣлая молитва", „голубой духъ", „зеленый покой", „голубые бичи воспоминаній", „желтыя стрѣлы сожалѣній", „желтыя собаки моихъ грѣховъ" и т. п. Рядомъ съ этимъ у символистовъ замѣчается пристрастіе къ воплощенію сложныхъ душевныхъ настроеній „музыкой", вообще звуками. Рене Гиль пишетъ: „Для выраженія извѣстнаго состоянія духа нужно заботиться не о точномъ лишь значеніи слова, о чемъ до сихъ поръ только и думали: эти слова должны выражаться съ точки зрѣнія ихъ звучности, такъ, чтобы ихъ цѣлесообразное, разсчитанное сочетаніе давало математическій эквивалентъ того музыкальнаго инструмента, который былъ бы пущенъ въ ходъ въ оркестрѣ для выраженія даннаго состоянія духа". Третій символистъ, Рембо, придаетъ особое значеніе связи между звукомъ и цвѣтомъ. Онъ написалъ сонетъ подъ заглавіемъ Voyelles (гласныя), гдѣ излагается, что звукъ А вызываетъ ощущеніе чернаго цвѣта, Е—бѣлаго, I—краснаго, U—зеленаго, O—голубого. И на эту тему у символистовъ было не мало разговоровъ.

Все это, независимо отъ преувеличеній, явленія не безызвѣстныя въ поэзіи вообще. Всѣ мы говоримъ „черная неблагодарность", „розовыя надежды", „зеленая молодость". У гр. Л. Н. Толстого въ „Войнѣ и Мирѣ" Наташа Ростова говоритъ, что Борисъ Дру-

бецкой узкій, сѣрый, свѣтлый, а Безуховъ—синій, темно-синій съ краснымъ и четвероугольный. Некрасовъ говоритъ: „Идетъ, гудетъ зеленый шумъ, зеленый шумъ, весенній шумъ“. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ подобные оригинальные эпитеты обогащаютъ общее представленіе, прибавляя нѣчто добавочное къ суммѣ прочихъ признаковъ, потому что они связываются логически и реально съ остальнымъ. Некрасовъ даже считаетъ нужнымъ въ приведенномъ случаѣ, во избѣжаніе недоразумѣній, сдѣлать поясненіе—„такъ народъ называетъ пробужденіе природы весной“. Символисты же, въ увлеченіи культомъ формы, т.-е. технической стороны искусства, стремятся выдѣлить комбинаціи ощущеній цвѣтныхъ и слуховыхъ изъ всего прочаго—изъ комбинацій реальныхъ, логическихъ, идейныхъ. Вслѣдствіе этого онѣ оказываются въ какой-то духовной пустынѣ. При такихъ условіяхъ дѣйствительность отражается въ ихъ образахъ не въ ея полнотѣ и цѣльности, а въ укороченномъ видѣ и разорванная. Разорвана она потому, что комбинаціи звуковыя или цвѣтныя разрываютъ связь логическую и реальную. Когда у Метерлинка „беззаботные павлины, бѣлые павлины, улетѣли отъ скуки пробужденія“, то логическая и реальная связь вещей тутъ порвана. Произошло это очень просто. Метерлинкъ искалъ такихъ звуковъ (даже не словъ) и такого ихъ расположенія въ ритмическихъ строчкахъ чтобъ они внушали читателю настроеніе скуки, и достигъ этого однообразіемъ носовыхъ звуковъ. Стихотвореніе это непереводимо на иностранные языки, потому что въ результатѣ такого перевода останется только безсмыслица содержанія, а комбинація носовыхъ звуковъ, свойственныхъ французскому языку, пропадетъ. Мало того, стихотвореніе это не только непереводимо, но и не нуждается въ переводѣ, потому что и для французовъ входящія въ его составъ слова не имѣютъ самостоятельнаго значенія. „Прудъ безъ солнца“ (l'etang sans soleil) и „времена безъ солнца“ (les temps sans soleil) не имѣютъ смысла ни по-русски, ни по-французски. Они только звучатъ по-французски совершенно одинаково. Точно также, когда авторъ „слышитъ“, какъ чего-то ожидаютъ бѣлые павлины, то въ этомъ нѣтъ смысла. Слышать ожиданіе нельзя; можно видѣть ожидающихъ. Но если сказать je vois, вмѣсто j'entends, то пропадетъ два носовыхъ звука, которые ему нужны. Благодаря этому пріему, съ одной стороны, ограничивается кругъ воздѣйствія стихотворенія на публику: оно говоритъ только французскому уху и имѣетъ, такъ сказать, исключительно мѣстное значеніе. „Если бы великіе поэты такъ писали, говоритъ Михайловскій, то Шекспиръ, Гете, Байронъ и проч. не были бы всемірнымъ достояніемъ“. А съ другой стороны, еще вопросъ, дѣйствительно ли оно внушаетъ и французскому уху идею или настроеніе скуки. Врядъ ли возможно достичь полнаго соотвѣтствія съ такой сложной вещью, какъ настроеніе скуки, одними

звуками, да еще въ поэзіи, въ которой міръ звуковъ ограниченъ. Это задача, въ концѣ концовъ, того же порядка, какъ изобразить красочную картину, не имѣя въ своемъ распоряженіи всей гаммы красокъ, все равно какъ и страдающему дальтонизмомъ представить себѣ хотя бы радугу. Вообще, комбинаціямъ зрительныхъ впечатлѣній, излюбленнымъ поэтами-символистами, безъ содѣйствія комбинацій идей и чувствъ, доступна только очень ограниченная часть дѣйствительности, или, вѣрнѣе, часть дѣйствительности, искусственно ограниченная въ своемъ объемѣ. Въ примѣненіи къ сколько-нибудь сложнымъ явленіямъ онѣ даютъ образы представляющія дѣйствительность въ обуженномъ и поэтому извращенномъ видѣ. Говоря о цвѣтномъ слухѣ, который такъ интересовалъ символистовъ, Михайловскій замѣчаетъ:

„Цвѣтной слухъ, равно какъ и другія комбинаціи и трансферты нашихъ внѣшнихъ чувствъ, несомнѣнно существуютъ, какъ психо-физіологическій фактъ, и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, поэзія всегда пользовалась имъ, какъ дополнительнымъ техническимъ средствомъ. Можно думать о расширеніи этихъ предѣловъ, но никоимъ образомъ нельзя согласиться на пожраніе тучныхъ коровъ тощими, на поглощеніе мысли поэтическаго произведенія звуками, красками, запахами, вкусами. Если же мы присутствуемъ при такомъ поглощеніи въ твореніяхъ символистовъ, то это не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ „расширилась художественная впечатлительность“, а потому, что оскудѣла область высшихъ комбинацій—область мысли, чувства, воли. Ощущенія, даваемыя органами зрѣнія, слуха, осязанія, обонянія и вкуса, это вѣдь низшія ступени душевной жизни, находящіяся на границѣ физіологіи и психологіи, и уже одно то характерно, что символисты такъ упорно засиживаются на этихъ низшихъ ступеняхъ“.

Въ этомъ отношеніи характерной иллюстраціей служитъ ихъ отношеніе къ общему, свойственному французамъ—какъ въ литературѣ, такъ и въ живописи—культу женскаго тѣла. Михайловскій отмѣчаетъ ту любопытную черту, что нынѣшніе французскіе поэты часто употребляютъ слово „chair“ въ тѣхъ случаяхъ, когда старый поэтъ сказалъ бы corps. Даже слова эти, пожалуй, однозначущи, но chair гораздо грубѣе, оно собственно значитъ „мясо“; оно соотвѣтствуетъ не столько зрительному впечатлѣнію формы, сколько впечатлѣніямъ осязательнымъ и обонятельнымъ.

Михайловскій въ данномъ случаѣ смотритъ не съ какой-нибудь спиритуалистической точки зрѣнія, побуждающей относиться съ презрѣніемъ къ низшимъ чувствамъ. Они для него низшіе только до тѣхъ поръ, пока они не разрѣшились въ сколько-нибудь опредѣленныя чувства, настроенія, мысли. Пока этого нѣтъ, они даютъ очень мало связующаго между художникомъ и остальнымъ міромъ. Когда Некрасовъ говоритъ о „зеленомъ шумѣ“, то

это понятно вездѣ, гдѣ есть весна и лѣсъ. И при томъ, понятно не только организаціямъ, обладающимъ цвѣтнымъ слухомъ, а всѣмъ, кто способенъ получать ощущенія зеленаго цвѣта и лѣсного шума. А что такое бѣлый павлинъ по прикосновенности къ скукѣ? Это тайна Метерлинка, для котораго, вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ намъ личныхъ, случайныхъ обстоятельствъ, эти два представленія ассоціировались, а намъ, читателямъ, образъ бѣлаго павлина рѣшительно ничего не говоритъ о скукѣ. Точно также для Рене Гиля азбука имѣетъ не тѣ цвѣта, что для Рембо, Метерлинку скука кажется бѣлой, а иному желтой и т. д. Словомъ, кто во что гораздъ.

Мало того, даже въ предѣлахъ одной личности „низшимъ“ ощущеніямъ не хватаетъ связующей силы, способной дать душевному строю отпечатокъ цѣльности—цѣльной простоты и ясности. Они по самой природѣ своей слишкомъ отрывочны, чтобы позволить душевнымъ силамъ отдохнуть на нихъ и чтобы дать достаточно матеріала для здоровой—разносторонней и связной душевной работы. Усиленное сосредоточеніе на нихъ, нарушая связность и притупляетъ нервы, и жестоко терзаетъ ихъ, отнимая у ощущеній ихъ непосредственность, правдивость и вообще цѣльность. Въ связи съ этимъ мы видимъ у поэтовъ-символистовъ „утомительную вымученность языка, пріискиваніе рѣдкихъ, старинныхъ или вновь сочиненныхъ выраженій, непонятные обороты рѣчи, эквилибристику версификаціи“. Въ „пустынѣ“ низшихъ ощущеній душевнымъ силамъ негдѣ разойтись и, внѣ поддержки опредѣленныхъ чувствъ и мыслей, онѣ теряютъ въ правдивости, искренности и непосредственности. Это отражается особенно на ослабленіи чувства мѣры. Недостатокъ же его лишаетъ образы художника какъ отпечатка правдивости, такъ и силы убѣдительности. Чувства мѣры, вообще можно сказать, не хватаетъ художнику во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда большой кругъ жизни онъ мѣритъ маленькимъ аршиномъ элементарныхъ ощущеній и когда элементарнымъ ощущеніямъ не соотвѣтствуетъ достаточно широкій кругъ опредѣленныхъ чувствъ, идей и настроеній. Въ то же положеніе попадаетъ иногда и большой художникъ, когда его идеи, задачи и настроенія, хотя бы случайно или временно, слишкомъ узки по отношенію къ трактуемымъ сюжетамъ.

II.

Изъ художниковъ, у которыхъ недостатокъ чувства мѣры даетъ себя знать, съ особенной силой Михайловскій отмѣтилъ двухъ болѣе крупныхъ—Лѣскова и Григоровича. Остановимся на Лѣсковѣ *).

*) См. Отклики, II, 100—120, также сочин. IV 796 и д.

Лѣскова Михайловскій опредѣляетъ вообще какъ писателя, у котораго „безмѣрность“ составляетъ наиболѣе выдающуюся черту. Михайловскій иллюстрируетъ эту особенность Лѣскова многими примѣрами. У него былъ колоритный и оригинальный языкъ. Но и то, и другое качество были испорчены отсутствіемъ чувства мѣры. Цѣлые разсказы у него сплошь написаны „выдѣланнымъ, искусственнымъ, утрированнымъ простонароднымъ говоромъ“. Вообще, „онъ точно избѣгалъ обыкновенной живой русской рѣчи и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ подмѣнялъ ее или утрированно-простонародною, или смѣсью обыкновеннаго разговорнаго языка съ церковно-славянскимъ“. Съ другой стороны, онъ выработалъ себѣ совсѣмъ особенный, ни на что не похожій языкъ, которымъ тоже злоупотреблялъ сверхъ всякой мѣры. Затѣмъ, у него была страсть ко всевозможнымъ смѣшнымъ словамъ, въ которыхъ онъ былъ мастеромъ, значительно превзошедшимъ Лейкина. И этими смѣшными словами онъ надѣлялъ безъ мѣры массу лицъ, часто не разбирая, соотвѣтствуетъ ли это природѣ даннаго лица, или нѣтъ. У него было неисчерпаемое богатство фабулы. Но „богатство фабулы, замѣчаетъ Михайловскій, требуетъ еще многихъ прибавокъ для того, чтобы получилось истинно-художественное произведеніе, и прежде всего требуетъ отсутствія пестроты или ея незамѣтности“. Но здѣсь ему опять поперекъ дороги его безмѣрность стала, недостатокъ пропорціональности, соотвѣтствія между частями и сконцентрированности. По богатству фабулы самое замѣчательное изъ его произведеній—это „Очарованный странникъ“. „Но въ немъ же, говоритъ Михайловскій, особенно бросается въ глаза отсутствіе какого бы то ни было центра, такъ что и фабулы въ немъ, собственно говоря, нѣтъ, а есть цѣлый рядъ фабулъ, нанизанныхъ, какъ бусы, на нитку; и каждая бусина сама по себѣ и можетъ быть очень удобно вынута и замѣнена другою, а можно и еще сколько угодно бусинъ нанизать на ту же нитку“.

То же отсутствіе чувства мѣры сказывается и въ пристрастіи Лѣскова къ изображенію, съ одной стороны, „праведниковъ“ (онъ ихъ иногда такъ и называетъ), а съ другой—злодѣевъ, превосходящихъ всякое вѣроятіе. „Вообще, заключаетъ Михайловскій, въ какомъ бы направленіи или отношеніи мы ни изслѣдовали этого плодовитаго писателя,—въ отношеніи ли языка, или характера дѣйствующихъ лицъ, или архитектуры фабулы,—мы вездѣ встрѣтимся съ однимъ и тѣмъ же его кореннымъ свойствомъ: безмѣрностью, отсутствіемъ чувства мѣры“ (Отклики II, 120).

И эта безмѣрность связана была у него съ отсутствіемъ элементовъ, способныхъ поднять его образы выше значенія анекдота. Лѣсковъ былъ по преимуществу разсказчикъ анекдотовъ. „Даже его большія произведенія представляютъ собою, собственно го-

воря, цѣпь анекдотовъ, болѣе или менѣе прямолинейную, какъ въ „Очарованномъ странникѣ“, „Запечатлѣнномъ Ангелѣ“, „Полунощникахъ“, „Смѣхѣ и горѣ“, „Печерскихъ антикахъ“, и проч., или же чрезвычайно запутанную, какъ въ „Соборянахъ“, „Захудаломъ родѣ“, „Некуда“, „На ножахъ“. Анекдотъ же, какъ нѣчто отрывочное и случайное, серьезно самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ призванъ не характеризовать извѣстное лицо или положеніе, а лишь дополнять или иллюстрировать характеристику. Въ большинствѣ же случаевъ анекдотъ цѣнится ради его мимолетной занимательности: анекдотъ выслушанъ, произвелъ извѣстное впечатлѣніе, трогательное или комическое, и съ васъ этого довольно, вы не очень задумываетесь надъ тѣмъ, сколько въ немъ были и сколько небылицы“.

Отрывочность „анекдота“ дѣлаетъ изъ каждаго явленія, котораго онъ касается, мелкій фактъ безъ перспективы, отнимаетъ у явленія, входящаго въ составъ сложныхъ совокупностей, окружающую его перспективу вещей. И въ результатѣ—мелочь и мелкое преходящее впечатлѣніе заслоняетъ собой сложное и интересное содержаніе жизни. Пользуясь выраженіемъ одного лица въ одномъ изъ разсказовъ Лѣскова, Михайловскій говоритъ, что девизомъ или художественной программой Лѣскова служитъ формула: „сейчасъ смѣшно и сейчасъ жалобно“. Онъ то смѣшитъ читателя всякими „пупонами“, „инпузоріями“, „монументальными фотографіями“, „блеярдными шарами“ и т. п., то разжалобливаетъ его. Но хотя смѣшное столь же законно въ искусствѣ, какъ и жалобное, законны и смѣшныя слова, но не тогда, когда они заслоняютъ собою и смѣшное, и жалобное въ жизни. Михайловскій приводитъ, между прочимъ, такой примѣръ. Есть разсказъ о томъ, что будто бы на Никейскомъ соборѣ Николай Чудотворецъ, пылая религіознымъ рвеніемъ, ударилъ еретика Арія. Въ разсказѣ „Полунощники“ добродушный, но безпутный купецъ Селезневъ узнаетъ, что никогда этого не было, что Николай Чудотворецъ не только не давалъ пощечины Арію, но и на соборѣ не присутствовалъ. Степеневъ освѣдомляется объ этомъ у „профессора“ и потомъ, пьяный, разсказываетъ: „Представьте, я вчера съ профессоромъ на блеярдѣ игралъ и сдѣлалъ ему постановъ вопроса объ Аріи, а онъ дѣйствительно подтверждаетъ, что наша ученая правду говоритъ—угодника на этомъ соборѣ, дѣйствительно, совсѣмъ не было. Мнѣ это большая непріятность, со мной чрезъ это страшный переломъ религіи долженъ выйти, потому что я этотъ фактъ больше всего обожалъ и такъ этого забыть не могу. А вчера профессору блеярдный шаръ въ лобъ пустилъ; теперь или онъ на меня жалобу подастъ, и я долженъ въ тюрьмѣ сидѣть, или надо ѣхать къ нему прощады просить“.

„Въ такомъ видѣ,—говоритъ Михайловскій,—хотя и подкрашенное блеярдными шарами и прощадами, но всетаки выдѣленное изъ

всей массы инпузорій, пупоновъ, костюмовъ „а-ла морда“ и животовъ „а-ла пузе“—въ такомъ видѣ огорченіе Степенева представляетъ собою благодарнѣйшій мотивъ для настоящаго комизма,—того комизма, къ которому всегда примѣшивается извѣстная доля горечи. Вглядитесь въ самомъ дѣлѣ въ эту достойную всякаго вниманія фигуру. Человѣкъ „больше всего обожалъ тотъ фактъ, что Св. Угодникъ прибилъ еретика, и когда узналъ, что этого факта не было, то почувствовалъ, что съ нимъ „долженъ выйти страшный переломъ религіи“. Какая глубоко комическая и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко жалостная психологія. Разработка ея, замѣчаетъ Михайловскій, могла бы сдѣлать большую честь г. Лѣскову, но онъ предпочелъ, какъ снѣгомъ въ полѣ, засыпать ее пупонами, такъ что изъ подъ нихъ не видны очертанія засыпаннаго“.

И всесторонняя безмѣрность Лѣскова всегда сводилась къ тому, что, такъ или иначе, сложная совокупность явленій заслоняется у него отрывочнымъ, случайнымъ фактомъ, пригоднымъ для анекдота, но непригоднымъ для освѣщенія совокупности и связи вещей; „смѣшное“ и „жалостное“ настроенія, способныя освѣтить жизненныя положенія, заслоняются смѣшными и жалкими словами. Когда связь между вещами мала или ничтожна, охватывая только небольшой ея кругъ, въ такомъ случаѣ мелкое, отрывочное и незначительное поневолѣ выдвигается впередъ. Въ этомъ и выражается всегда всякій недостатокъ чувства мѣры

III.

Обратимся теперь къ тому, какое освѣщеніе съ этой же точки зрѣнія внесено Михайловскимъ въ пониманіе такихъ крупныхъ писателей-художниковъ, какъ Чеховъ и Тургеневъ.

Нѣкоторые почитатели Чехова утверждали, что Михайловскій неправильно цѣнилъ Чехова, предъявляя ему—этому художнику по преимуществу—требованіе идейности и опредѣленнаго направленія. На самомъ же дѣлѣ для отношенія Михайловскаго къ Чехову характерно одно обстоятельство, рисующее его пріемы вообще, а въ частности—его неспособность, такъ сказать, навязывать писателю что-нибудь чуждое ему, предъявлять ему чуждыя ему требованія отъ себя. Любопытно именно, что требованія опредѣленности направленія, какія Михайловскій предъявлялъ Чехову, онъ бралъ цѣликомъ у него же самого, изъ его собственныхъ произведеній. Онъ ихъ искалъ въ произведеніяхъ молодого художника, любовно останавливаясь на задаткахъ, которые считалъ благопріятными для достиженія полноты художественнаго впечатлѣнія и для того, чтобы талантъ Чехова могъ развернуться во всю мѣру своей силы.

Въ произведеніяхъ Чехова въ первую половину его дѣятельности Михайловскій останавливался съ чувствомъ скорби предъ фактомъ неразборчивой растраты большого таланта. Его удивляло „то безразличіе и безучастіе, съ которымъ Чеховъ направлялъ свой превосходный художественный аппаратъ на ласточку и самоубійцу, на муху и слона, на слезы и на воду“. Часть поклонниковъ Чехова видѣла именно въ этомъ новое откровеніе, называя его „реабилитаціей дѣйствительности“ и „пантеизмомъ“. „Все въ природѣ равноцѣнно,—говорили они,—все одинаково достойно художественнаго воспроизведенія, все можетъ дать одинаковое художественное наслажденіе, а сортировку сюжетовъ съ точки зрѣнія какихъ бы то ни было принциповъ надо бросить, что и дѣлаетъ Чеховъ“.

Михайловскій, съ своей стороны, высоко цѣня большой талантъ Чехова, думалъ, что, если бы Чехову удалось измѣнить этому пріему, то „русская литература имѣла бы въ его лицѣ не только большой талантъ, а и большого писателя“. И его большой талантъ давно уже подсказывалъ ему это А именно, когда онъ вложилъ въ „Скучной исторіи“ Николаю Степановичу слѣдующія слова: „Каждая мысль и каждое чувство живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка; а коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего“.

Въ картинѣ, въ которой все равноцѣнно, не можетъ быть художественной цѣльности, и впечатлѣнія разбрасываются и слабѣютъ. Иллюстрацію того, чего собственно хотѣлъ Михайловскій отъ Чехова, онъ далъ по поводу кое-какихъ картинокъ въ „Мужикахъ“. Разбирая эту повѣсть, онъ дѣлаетъ изъ нея большую выписку съ описаніемъ пожара и подчеркиваетъ въ ней слѣдующія фразы... „Старыя бабы стояли съ образами... Вороной жеребецъ, котораго не пускали въ таборъ, такъ какъ онъ лягалъ и ранилъ лошадей, теперь, пущенный на волю, топоча, со ржаньемъ пробѣжалъ по деревнѣ разъ и другой и вдругъ остановился около телѣги и сталъ бить ее задними ногами“. Затѣмъ идетъ рядъ образовъ, въ которыхъ Михайловскій подчеркиваетъ фразу—„на лысинѣ его (старика) отсвѣчивалъ огонь“.

Картина вышла яркая, но Михайловскій вспоминаетъ по ея поводу картину, бывшую на одной передвижной выставкѣ. На ней изображена была освѣщенная близкимъ пламенемъ пожара часть избы, у дверей которой стоитъ старая баба съ иконой въ рукахъ. „Ничего больше, никакихъ другихъ подробностей. Но въ физіономію бабы,—вспоминаетъ Михайловскій,—художникъ вложилъ столько спокойной увѣренности, что икона оградитъ избу отъ огня, который, однако, вотъ-вотъ отгонитъ бабу, — что передъ вами раскрывается цѣлая сложная сторона мужицкой жизни. Въ

картинѣ Чехова старыя бабы съ образами—мелкая деталь, занимающая ровно столько же мѣста, сколько отраженіе огня на лысинѣ старика. При томъ же записана эта деталь такъ небрежно, что не всякій и пойметъ, въ чемъ тутъ дѣло: можетъ быть бабы просто спасали образа. За то мы узнаемъ не только какъ велъ себя на пожарѣ вороной жеребецъ, но и какой у него вообще дурной характеръ".

При такой „равноцѣнности" впечатлѣній, образы Чехова въ первый періодъ его творчества въ большинствѣ случаевъ производили впечатлѣніе ряда прекрасно ограненныхъ бусъ, механически нанизанныхъ на нитку, а не цѣльнаго самородка. Это произведенія очень талантливаго и наблюдательнаго художника. Но такъ какъ авторъ безпрестанно переноситъ свое художественное вниманіе съ одного предмета на другой, то въ результатѣ получились отрывочныя наблюденія. Они, при всей своей мѣткости, заставили французскаго критика Мельхіора де Вогюе сравнить Чехова съ тѣмъ офицеромъ-любителемъ фотографіи, который въ „Трехъ Сестрахъ" постоянно носитъ съ собой и постоянно пускаетъ въ ходъ аппаратъ для моментальныхъ фотографическихъ снимковъ. Михайловскій отмѣчаетъ въ этомъ отношеніи еще слѣдующее любопытное впечатлѣніе.

„Во всемъ, что я слышалъ и читалъ о „Мужикахъ", — говоритъ онъ, — меня поразило то, что, восхищаясь талантливостью этого произведенія, талантомъ Чехова вообще, никто не попытался вспомнить хоть одно какое-нибудь изъ прежнихъ произведеній Чехова. А вѣдь это такъ естественно, когда рѣчь идетъ о произведеніи талантливаго писателя, имѣющаго болѣе или менѣе долгое литературное прошлое. Читая, напримѣръ, не то что такую грандіозную работу, какъ „Война и миръ", а даже такой незначительный разсказъ, какъ „Хозяинъ и работникъ", вы невольно вспоминаете рядъ образовъ и картинъ изъ другихъ произведеній Толстого, ищете въ нихъ дополненій, разъясненій, параллелей, контрастовъ; вамъ открываются такія или иныя перспективы въ творческій міръ Толстого вообще. Возьмите любого другого беллетриста, привлекающаго къ себѣ вниманіе публики: Тургенева, Салтыкова, Успенскаго, Достоевскаго; вездѣ вы получите то же самое: столь тѣсную связь между если не всѣми, то большинствомъ ихъ произведеній, что даже при желаніи изолировать какое-нибудь одно изъ нихъ, сдѣлать это трудно. Это, напротивъ, очень легко относительно Чехова. Трудно, напротивъ, найти какую-нибудь связь между „Мужиками" и „Ивановымъ", „Степью", „Палатой № 6", „Чернымъ монахомъ", водевилями вродѣ „Медвѣдя", многочисленными мелкими разсказами" (Отклики II, 125-6).

Но въ 1902-мъ году Михайловскій отмѣчаетъ въ этомъ отношеніи крутую перемѣну въ Чеховѣ. „Трудно сказать,—оговари-

вается онъ,—когда эта перемѣна произошла, да она во всякомъ случаѣ не вдругъ совершилась. Но, несомнѣнно, въ его настроеніи произошелъ переломъ или, вѣрнѣе, онъ „нажилъ себѣ опредѣленное настроеніе". И благодаря этому, между ранними и позднѣйшими его произведеніями получилась огромная разница. Это сказалось даже во внѣшней формѣ его произведеній — въ переходѣ отъ маленькихъ картинокъ къ большимъ произведеніямъ. Тутъ сказалась та же потребность обобщить, объединить случайные осколки жизни, которая выразилась у стараго профессора „Скучной исторіи" тоской по „общей идеѣ". Въ то же время у него сложился и извѣстный общій взглядъ на изображаемую имъ дѣйствительность. Попытку сформулировать его Михайловскій дѣлаетъ, видоизмѣняя мысль Вогюэ по поводу „Дяди Вани". Вогюэ представляется смыслъ этой комедіи такъ. „Жили были люди мирно, тихо, спокойно, но въ среду ихъ вторгнулись выдающійся умъ въ лицѣ профессора и выдающаяся красота въ лицѣ его жены. Это вторженіе ума и красоты произвело трагическій кавардакъ, благополучно окончившійся, какъ только профессоръ и его жена удалились". Съ этой точки зрѣнія „лучи ума и красоты не освѣщаютъ жизни, по крайней мѣрѣ, русской жизни, а лишь безнужно взбудораживаютъ ее". Признавая все остроуміе этого объясненія, Михайловскій видитъ его ошибку въ томъ, что профессоръ въ „Дядѣ Ванѣ" въ дѣйствительности не лучъ свѣта, не представитель ума, а надутый и самодовольный педантъ. „Но въ мысли Вогюэ,—говоритъ онъ,—есть косвенный намекъ на истину. Съ точки зрѣнія Чехова, въ изображаемой имъ дѣйствительности нѣтъ мѣста героямъ,—ихъ неизбѣжно захлестнетъ грязная волна пошлости. Нужна какая-то рѣзкая перемѣна декорацій, чтобы эти отношенія измѣнились. И Чеховъ провидитъ ее въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ". Это выражено въ заключительныхъ словахъ въ „Дуэли" и съ большею увѣренностью въ словахъ героинь комедій „Дядя Ваня" и „Три сестры".

Благодаря присутствію этой „идеи" и этого общаго настроенія, талантливый разсказчикъ анекдотически интересныхъ картинокъ обратился въ „большого русскаго писателя", у котораго мелкія пошлости и вообще мелочи жизни становятся знаменательнымъ отраженіемъ значительныхъ явленій русской дѣйствительности.

Если мы, однако, примемъ во вниманіе, что Михайловскій, по его собственному свидѣтельству, „всегда любовался талантомъ Чехова", стало быть, и тогда, когда Чеховъ еще не успѣлъ нажить себѣ опредѣленное настроеніе, то является такой вопросъ: что же означало его огорченіе относительно того, какъ этотъ талантъ примѣнялся? Имѣло ли оно какое-нибудь отношеніе къ художественнымъ достоинствамъ произведеній Чехова? Или же это было просто сожалѣніе о томъ, что такой художественный талантъ не

служитъ идеямъ и интересамъ жизни, которымъ Михайловскій сочувствовалъ и которые его занимали?

Въ отвѣтѣ на эти вопросы заключается основное воззрѣніе Михайловскаго на искусство. Пока большой талантъ Чехова дѣйствовалъ безъ содѣйствія опредѣленныхъ настроеній, онъ схватывалъ въ жизни только случайные осколки, объединялъ ея мелочи въ маленькія отрывочныя картинки. Вѣрнѣе, и тогда у него были опредѣленныя настроенія,—но ихъ хватало только на мелочи. Душевный міръ художника при такихъ условіяхъ соотвѣтствуетъ не дѣйствительности въ ея большомъ объемѣ, а только маленькимъ кругамъ этой дѣйствительности. И поэтому она получается у него какъ бы схваченная фотографическимъ аппаратомъ, улавливающимъ отрывочныя ея части, плохо связанныя другъ съ другомъ. Широкую же связь между этими частями дѣйствительности можетъ дать не безстрастное отраженіе ея, не простое художественное созерцаніе ея, не элементарныя нервныя ощущенія, ею возбуждаемыя, а живое участіе въ ней мыслью и настроеніями. При этомъ художникъ не просто смотритъ и слушаетъ, а реагируетъ на впечатлѣнія высшими проявленіями духовной жизни. И такое отношеніе дѣлаетъ изъ художественнаго созерцанія и воспроизведенія—художественное толкованіе дѣйствительности. Оно представляетъ особую цѣну не только въ виду интересовъ, лежащихъ внѣ задачъ искусства. И въ смыслѣ художественнаго удовлетворенія оно даетъ нѣчто болѣе значительное и болѣе цѣнное во всѣхъ отношеніяхъ. Прекрасную картину и формулировку такого отношенія къ дѣйствительности Михайловскій нашелъ у самого Чехова. Въ „Палатѣ № 6" докторъ Андрей Ефимычъ уговариваетъ больного: „При всякой обстановкѣ вы можете находить успокоеніе въ самомъ себѣ. Свободное и глубокое мышленіе, которое стремится къ уразумѣнію жизни, и полное презрѣніе къ глупой суетѣ міра,—вотъ два блага, выше которыхъ никогда не зналъ человѣкъ. И вы можете обладать ими, хотя бы вы жили за тремя рѣшетками". На это сумасшедшій Иванъ Дмитричъ рипостируетъ доктору такъ: „Я знаю только, что Богъ создалъ меня изъ теплой крови и нервовъ, да-съ. А органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздраженіе. И я реагирую. На боль я отвѣчаю крикомъ и слезами, на подлость—негодованіемъ, на мерзость — отвращеніемъ. По-моему, это собственно и называется жизнью. Чѣмъ ниже организмъ, тѣмъ онъ менѣе чувствителенъ и тѣмъ слабѣе отвѣчаетъ на раздраженіе, и чѣмъ выше, тѣмъ онъ воспріимчивѣе и энергичнѣе реагируетъ на дѣйствительность".

Приведя эти слова, Михайловскій восклицаетъ: „А то выдумали на все сущее отвѣчать однимъ художественнымъ созерцаніемъ и воспроизведеніемъ".

И именно съ этой точки зрѣнія онъ радовался, когда художникъ Чеховъ, не переставая быть художникомъ, реагировалъ

на дѣйствительность не просто созерцаніемъ и воспроизведеніемъ, а и опредѣленнымъ настроеніемъ. Тѣмъ самымъ онъ раздвигалъ кругъ своихъ впечатлѣній, расширялъ ихъ смыслъ и содержаніе, пріобщая ихъ къ болѣе широкому и болѣе человѣчному кругу дѣйствительности. И въ искусствѣ это „называется жизнью", когда художникъ „болѣе воспріимчивъ и энергичнѣе реагируетъ на дѣйствительность". И въ искусствѣ это „называется жизнью", когда маленькое явленіе становится отраженіемъ и представителемъ большихъ совокупностей дѣйствительности. Тогда образъ не только даетъ непосредственное удовольствіе, не только раздражаетъ нервы и взбудораживаетъ душу, но служитъ проводникомъ мыслей и чувствъ.

У художника съ дѣйствительнымъ даромъ проникновенія, даже тогда, когда нѣтъ опредѣленныхъ широкихъ идей и настроеній, есть что-то другое, что по-своему распредѣляетъ, связываетъ и по-своему истолковываетъ явленія. Но до тѣхъ поръ, пока къ этимъ пріемамъ распредѣленія не присоединились опредѣлившіяся мысли и чувства и сложившіяся настроенія, до тѣхъ поръ между наблюдателемъ и наблюдаемымъ не можетъ быть дѣйствительнаго соотвѣтствія. Это все равно, какъ если впечатлительный человѣкъ, но при этомъ нервно развинченный и съ неустойчивымъ душевнымъ строемъ, при видѣ сильныхъ страданій приходитъ въ такое возбужденіе, что начинаетъ подражать страдающему. Тутъ „соотвѣтствіе" хотя и есть, но оно настолько капризно, что мало чего стоитъ. Такъ, напримѣръ, извѣстные случаи, что, при видѣ казни, зритель иногда чувствуетъ потребность подражать преступнику, а иногда—палачу. Здѣсь можно сказать, что соотвѣтствіе между видомъ смертной казни и душевнымъ настроеніемъ зрителя есть:—зритель обнаруживаетъ склонность уподобляться дѣйствительности,—но какой части дѣйствительности? какой ея сторонѣ? какому ея объему?—это ужъ дѣло случая. Если подражаніе палачу есть душевное соотвѣтствіе съ палачомъ, то по отношенію къ преступнику это ужъ не соотвѣтствіе, а отчужденность. Точно такъ же и въ искусствѣ. Когда художникъ реагируетъ на впечатлѣніе дѣйствительности только низшими ощущеніями и неопредѣленнымъ трепетаніемъ нервовъ, тогда въ его „созерцаніи" нѣтъ живого осмысленнаго участія. И этотъ характеръ отношенія передается зрителю и вообще публикѣ. Когда художникъ только зрительный и слушающій аппаратъ, когда онъ только воспринимаетъ впечатлѣнія, то и въ его воспріятіяхъ маленькіе, узенькіе составные уголки жизни способны заслонять собой сложныя и обширныя стороны дѣйствительности, тѣмъ самымъ нарушая правду. Художникъ-наблюдатель при этихъ условіяхъ видитъ тѣ или другія группы фактовъ, но не оцѣниваетъ ихъ значенія въ общей совокупности явленій, потому что не улавливаетъ связи ихъ между собой и съ этой совокупностью. Его впе-

чатлѣнія выходятъ отъ этого элементарнѣе, проще, и если не всегда грубѣе, то болѣе сѣрыми и болѣе плоскими, чѣмъ дѣйствительность. Это тѣмъ больше даетъ себя знать, чѣмъ крупнѣе по своему объему кругъ захватываемыхъ изображеніемъ явленій. Потому что тѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать безсвязность, чѣмъ больше кругъ явленій, на которыя она распространяется.

Интересно въ этомъ отношеніи впечатлѣніе Михайловскаго по поводу перваго сборника вещей Чехова. Онъ говоритъ, что, читая этотъ сборникъ, намѣренно откладывалъ подъ конецъ самый большой разсказъ „Скучная исторія". И откладывалъ потому, что боялся того непріятнаго впечатлѣнія, которое разсчитывалъ получить. Въ мелкихъ разсказахъ ему бросились въ глаза поэтическія милыя штришки, въ родѣ, напримѣръ, такой картинки: „Два облачка уже отошли отъ луны и стояли поодаль съ такимъ видомъ, какъ будто шептались о чемъ-то такомъ, чего не должна знать луна. Легкій вѣтерокъ пробѣжалъ по степи, неся глухой шумъ ушедшаго поѣзда". Или въ разсказѣ „Почта": „Колокольчикъ что-то прозвякалъ бубенчикамъ, бубенчики ласково отвѣтили ему. Тарантасъ взвизгнулъ, тронулся, колокольчикъ заплакалъ, бубенчики засмѣялись". И такихъ милыхъ штриховъ, — говоритъ Михайловскій, — всегда много разбросано въ разсказахъ Чехова. Все у него живетъ: облака тайкомъ отъ луны шепчутся, колокольчики плачутъ, бубенчики смѣются. Эта своего рода пантеистическая черта очень способствуетъ красотѣ разсказа и свидѣтельствуетъ о поэтическомъ настроеніи автора. Но „этотъ странный переплетъ хорошенькихъ колокольчиковъ съ убійцами (въ разсказѣ „Спать хочется") и людей съ быками,—говоритъ Михайловскій,—не особенно утомляетъ, когда онъ разбитъ на маленькіе, оборванные клочки. А въ „Степи", первой большой вещи Чехова, самая талантливость этого переплета является уже источникомъ непріятнаго утомленія: идешь по этой степи, и, кажется, конца ей нѣтъ". Именно поэтому Михайловскаго пугала „Скучная исторія". Къ счастью, этотъ разсказъ, напротивъ, оказался лучшимъ и значительнѣйшимъ изо всего написаннаго Чеховымъ до того времени. Въ немъ Михайловскій нашелъ вышеприведенную фразу объ отсутствіи „общей идеи", и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи этого разсказа онъ счелъ возможнымъ высказать насчетъ Чехова такое пожеланіе: „Пусть онъ (Чеховъ) будетъ хоть поэтомъ тоски по общей идеѣ и мучительнаго сознанія ея необходимости". „Въ этомъ случаѣ, говоритъ Михайловскій, онъ проживетъ недаромъ и оставитъ свой слѣдъ въ литературѣ. А то, что хорошаго: читатель, подобно Катѣ (въ „Скучной исторіи"), ждетъ отклика на свои боли, а ему говорятъ: „пойдемъ завтракать". Или даже еще того хуже: вонъ быковъ ведутъ, вонъ почта ѣдетъ, колокольчики съ бубенчиками пересмѣиваются, вотъ человѣка задушили, вотъ шампанское пьютъ".

Безысходность какихъ бы то ни было впечатлѣній и ощущеній представлялась Михайловскому чѣмъ-то мучительнымъ вообще. Ощущеніе безысходности естественно тамъ, гдѣ объемъ воспринимаемыхъ впечатлѣній ненормально суженъ и гдѣ односторонне укороченъ нормальный кругъ тѣхъ душевныхъ силъ, которыми личность реагируетъ на внѣшнія впечатлѣнія. Этотъ нормальный кругъ образуется изъ комбинаціи основныхъ элементовъ личности—чувства, мысли и воли (или практической дѣятельности). А когда человѣкъ отвѣчаетъ на впечатлѣнія однимъ созерцаніемъ, одними только чувствами, однимъ мышленіемъ, тогда этого нормальнаго круга нѣтъ. И какъ въ жизни, такъ и въ мысли и въ искусствѣ—это положеніе даетъ ощущеніе чего-то мучительно безысходнаго. Борясь противъ этого пріема во всѣхъ сферахъ, въ искусствѣ Михайловскій считалъ, что онъ не даетъ ни художественной правды, т. е. соотвѣтствія съ дѣйствительностью, ни внутренней правдивости, ни силы воздѣйствія, т. е. „соотвѣтствія" съ людьми. И элементы художественнаго воздѣйствія—наблюдательность, впечатлительность, чувство, юморъ, талантъ—только тогда являются источникомъ художественной правды и художественной силы, когда они примыкаютъ къ законченному кругу жизни. Для этого они должны охватить сумму основныхъ элементовъ нормальнаго душевнаго строя—мысль, чувство и волю. А на такую всеохватывающую роль способны только высшія душевныя комбинаціи; только онѣ заключаютъ въ себѣ достаточно связующей силы. Внѣ той связи, которую онѣ даютъ, требованія художественной правды нарушаются. Они искажаются по отношенію къ тому, что заключаетъ въ себѣ жизнь въ ея здоровомъ соотвѣтствіи частей: искажаются во всякомъ случаѣ въ смыслѣ большей обрывочности впечатлѣній и „упрощенности" ихъ. Это выражается то чрезмѣрной блѣдностью и сѣростью образовъ, то ихъ грубостью.

При извѣстныхъ комбинаціяхъ грубость осложняется элементами мучительства жестокости *). Это мучительно жестоко, когда въ дѣйствительной жизни лучи ума и красоты—какъ предположилъ Вогюэ о русской жизни,—только безнужно взбудораживаютъ ее. И когда художникъ такъ поступаетъ съ жизнью, то его образы безцѣльно жестоко терзаютъ нервы и мучатъ душу. Это утомительно и безотрадно, когда жизнь состоитъ изъ скучнаго набора случайныхъ впечатлѣній: она грубѣетъ и тускнѣетъ, когда въ ней нѣтъ широкихъ перспективъ. И то же самое впечатлѣніе производятъ

*) Въ своей характеристикѣ Аракчеева (Соч., III, глава 12-ая) Михайловскій рисуетъ любопытную картину душевнаго строя „упрощеннаго" и—именно вслѣдствіе упрощенности—грубаго и жестокаго. Точно также онъ обращаетъ вниманіе на грубость и жестокость Базарова и аналогичныхъ съ нимъ натуръ Тургенева, въ тѣсной связи съ прозаической скудостью и безцвѣтностью ихъ натуръ. Въ представленіи Михайловскаго скудость душевнаго строя чрезвычайно характерно связывалась съ грубостью, жесткостью и жестокостью. Именно такимъ онъ представлялъ себѣ также всякій аскетизмъ.

образы искусства, когда они выхватываютъ отдѣльныя явленія, но не даютъ имъ ни ширины, ни глубины перспективы. Ихъ можетъ дать воображеніе художника только тогда, когда онъ участвуетъ въ своихъ образахъ полной, законченной жизнью. Художникъ теряетъ эту способность, когда онъ, по выраженію Михайловскаго,—„такъ себѣ, гуляетъ мимо жизни и, гуляючи, ухватитъ то одно, то другое. Почему именно это, а не то? почему то, а не другое?“ (VI, 777).

IV.

Формы и степень участія художника въ томъ, что онъ изображаетъ, могутъ быть очень разнообразны. И дѣло критики (въ томъ числѣ и публики, способной отдавать себѣ сознательный отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ)—въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разобраться въ этомъ. Дѣло критическаго разбора выяснить, насколько внутренній строй художника позволяетъ ему мысленно принимать участіе въ изображаемой имъ дѣйствительности,—участвовать въ ней полной, законченной жизнью. Задача критики—не простой анализъ, а оцѣнка. Она имѣетъ оцѣнить, въ чемъ выразилось отношеніе художника къ дѣйствительности,—какую онъ создаетъ перспективу жизни, въ которую онъ вставляетъ свои впечатлѣнія, и чего эта перспектива стоитъ. Для сужденія объ этомъ у критика должна быть своя перспектива. У Михайловскаго она сводилась къ мысли о томъ, какимъ образомъ явленія жизни располагаются по отношенію къ личности и ея человѣческому достоинству. Другими словами, она заключалась въ вопросѣ: какъ поставлена личность по отношенію къ тѣмъ стихійнымъ процессамъ, которые стремятся изломать, поработить и изуродовать ее, ослабить ея способность отстаивать себя. Отношеніе художника къ этой перспективѣ было въ глазахъ Михайловскаго тѣмъ пунктомъ, исходя изъ котораго онъ оцѣнивалъ художника въ его цѣломъ. Отсюда онъ заключалъ о его пріемахъ располагать явленія и распредѣлять на нихъ свѣтъ и тѣни.

Въ этомъ отношеніи въ творчествѣ Тургенева онъ подчеркиваетъ, въ качествѣ замѣчательнаго обстоятельства, глубокое различіе въ его отношеніи къ двумъ психологическимъ типамъ. Оно бросаетъ характерный свѣтъ на все содержаніе его творчества.

Одинъ изъ этихъ типовъ—это типъ дѣятельный, рѣшительный, смѣло берущій на себя отвѣтственность (какъ Донъ-Кихотъ); а другой—колеблющійся, рефлектирующій, несмѣющій сдѣлать то, что по совѣсти обязанъ сдѣлать (каковъ Гамлетъ). Первому изъ нихъ Тургеневъ былъ меньше всего родственъ, но люди этого типа занимали его. И поэтому, рисуя ихъ, онъ поневолѣ отра-

жалъ въ рисункѣ свою имъ чуждость. „Конечно,—говоритъ Михайловскій,—онъ былъ слишкомъ уменъ и чутокъ къ художественной правдѣ, чтобы дѣлать изъ этихъ антипатичныхъ ему фигуръ сплошныхъ злодѣевъ, извергов рода человѣческаго или дураковъ, точно такъ же, какъ и любимцевъ своихъ онъ не обращалъ въ рыцарей безъ пятна и порока. Напротивъ, онъ ставилъ иногда ихъ въ унизительнѣйшія положенія, а чужимъ, непріятнымъ людямъ предоставлялъ даже истинный героизмъ. Но истинныя отношенія автора къ своимъ созданіямъ всетаки чувствуются, и не просто чувствуются, а могутъ быть указаны и анализированы" (V, 813—4).

Такъ, напримѣръ, Инсаровъ, обладающій опредѣленной жизненной задачей и вѣрой въ нее—узокъ, сухъ, жестокъ, даже тупъ. Между тѣмъ онъ вовсе не необходимо долженъ быть такимъ. Онъ могъ бы быть „пламеннымъ, экспансивнымъ энтузіастомъ, съ глубокимъ поэтическимъ чутьемъ, съ широкими политическими планами, краснорѣчивымъ ораторомъ, какъ колоколъ, будящимъ своихъ порабощенныхъ единоплеменниковъ и т. п. Но Тургеневъ пожелалъ лишить болгарскаго агитатора всѣхъ яркихъ красокъ, не далъ ему ни одного цвѣтка жизни изъ своего богатаго поэтическаго букета". И Инсаровъ далеко не одинокъ въ этомъ отношеніи. Базаровъ—человѣкъ того же душевнаго типа. Онъ—„человѣкъ, идущій напроломъ, безъ малѣйшихъ сомнѣній и колебаній, смѣло, даже дерзко берущій на себя отвѣтственность за презрѣніе ко многому, по мнѣнію окружающихъ, святому и неприкосновенному". И опять-таки „онъ жестокъ, сухъ, черствъ, узокъ, хотя и уменъ. Онъ лишенъ самомалѣйшей искры поэтическаго чувства. Словомъ, говоритъ Михайловскій, ни одной яркой краски, ни одного жизненнаго цвѣтка въ этой сильной, но скудной и пустынной натурѣ. Онъ вольный или невольный аскетъ". И Михайловскій указываетъ у Тургенева на цѣлый рядъ фигуръ того же типа—Маркелова, Остродумова и прочую „безыменную Русь" въ „Нови", Лучинова въ „Трехъ портретахъ", Лучкова въ „Бреттерѣ" и на другихъ еще. Не въ томъ дѣло, чтобы Тургеневу, какъ человѣку извѣстнаго образа мыслей, были симпатичны однѣ жизненныя цѣли и антипатичны другія. Нѣтъ, ему былъ чуждъ и антипатиченъ самый типъ, самая душевная механика этихъ людей, все равно, какія цѣли они бы ни преслѣдовали. Михайловскому это кажется страннымъ. Ему представлялось, что художнику, какъ художнику, должно бы быть очень соблазнительно расцвѣтить возможно ярко человѣка не колеблющагося, твердаго умомъ, чувствомъ и волей. Эта задача должна бы предоставить писателю цѣлый рядъ совершенно особыхъ художественныхъ эффектовъ. Но Тургеневу точно представлялось, что „вообще, скудость, сухость, обдѣленность дарами природы

необходимые спутники или даже условія непреклонной личной силы".

Еще явственнѣе это становится, если обратить вниманіе, какъ онъ разрабатывалъ противоположный типъ—мягкаго, колеблющагося, не смѣющаго человѣка. Здѣсь у него богатая коллекція— всякіе Гамлеты, лишніе люди и имъ подобные. Этихъ людей, при всѣхъ ихъ слабостяхъ онъ надѣлялъ такимъ поэтическимъ ореоломъ, которымъ вполнѣ искупалъ эти слабости. Рудинъ обладаетъ многими непривлекательными свойствами, но, не смотря на это, что это за блестящій образъ! По поводу его дара слова Михайловскій замѣчаетъ: „если бы этотъ роскошный даръ природы въ другія руки, напримѣръ, Инсарову или Базарову, такъ они не такія дѣла обдѣлали бы. Но нашъ художникъ позаботился, какъ гласитъ нѣмецкое изреченіе, чтобы деревья не доросли до неба. Сильнымъ людямъ онъ не далъ талантовъ и вообще блеску, а слабому далъ и таланты, и поэтическій ореолъ" (Ѵ, 818—9).

Смерть Рудина прибавляетъ къ этому ореолу новые лучи, и, кромѣ смерти„—скорбный разсказъ старому пріятелю о томъ, по какимъ онъ дорогамъ мыкался, и какія бываютъ дороги грязныя. Много мягкости душевной и теплоты, говоритъ Михайловскій, внесъ сюда нашъ знаменитый романистъ, и именно по такимъ страницамъ надо цѣнить глубокую гуманность его натуры. Но замѣчательно, что эта душевная теплота проявлялась во всей своей полнотѣ только при обрисовкѣ слабыхъ характеровъ". То же самое и въ изображеніи женщинъ. Здѣсь его больше всего привлекалъ одинъ мотивъ—моментъ возникновенія сердечнаго романа дѣвушки при томъ моментъ, облагороженный совершенно особеннымъ, чисто тургеневскимъ способомъ. У него эта любовь не кладетъ на дѣвушку печати чего-нибудь узко эгоистическаго, какъ это часто бываетъ въ дѣйствительности. Напротивъ, она какъ бы расширяетъ ея душу, открываетъ ей далекія перспективы. „И при этомъ замѣчательно,—говоритъ Михайловскій,—что необходимымъ условіемъ этой влюбленности была неопредѣленная свѣтозарность или свѣтозарная неопредѣленность идеаловъ женщины" (Ѵ, 824). Но какъ только женщина выбираетъ опредѣленный путь, такъ она переставала интересовать Тургенева, или становилась ему непріятной, и онъ изображалъ Кукшиныхъ и Машуриныхъ. Въ женщинахъ, не тронутыхъ опредѣленными, ясными идеями, онъ выбиралъ исключительно свѣтлыя и возвышенныя полосы жизни, а у задѣтыхъ чѣмъ нибудь опредѣленнымъ,—напротивъ, исключительно темныя и низменныя. Михайловскій при этомъ не предъявляетъ художнику требованій, которыя не лежатъ въ его натурѣ и во всемъ его строѣ. Тургеневъ, на его взглядъ, „не могъ творить иначе, и его такъ же мало можно судить за это, какъ больного дальтонизмомъ за то, что онъ не умѣетъ различать красный и зеленый цвѣтъ". Но, говоритъ онъ, „отъ него можно было

только требовать, чтобы, сознавъ особенный характеръ своего творчества, онъ не брался за задачи, при выполненіи которыхъ упомянутая ассоціація можетъ привести къ тяжелымъ и непріятнымъ общественнымъ послѣдствіямъ. Все равно, какъ отъ больного дальтонизмомъ можно требовать, чтобы онъ не служилъ на желѣзной дорогѣ, гдѣ смѣшеніе зеленаго и краснаго сигналовъ ведетъ къ погибели многихъ жизней". И въ примѣненіи этого соображенія къ Тургеневу Михайловскій видѣлъ наиболѣе вѣрный путь къ надлежащей оцѣнкѣ его творчества,—тотъ пріемъ, который даетъ возможность поставить совокупность его образовъ въ соотвѣтственную перспективу. Исходя изъ этого и высоко цѣня художественный талантъ Тургенева, Михайловскій считалъ совершенно ошибочнымъ ходячіе взгляды на Тургенева. Его считали, во-первыхъ, ловцомъ моментовъ русскаго общественнаго развитія, изобразителемъ новыхъ людей. А, во-вторыхъ, спеціалистомъ по изображенію русской женщины. На основаніи вышеприведеннаго Михайловскій считалъ и то, и другое совершенно невѣрнымъ. Странно навязывать художнику, какъ бы ни были велики его художественныя силы, изображеніе новыхъ людей и роль ловца момента, когда онъ душевно близокъ типу людей колеблющихся, рефлектирующихъ. Это неправильная оцѣнка его творчества и невѣрное освѣщеніе изображаемой имъ дѣйствительности. Точно также и въ томъ же смыслѣ странно приписывать ему значеніе спеціальнаго изобразителя русской женщины.

Изъ основныхъ элементовъ, составляющихъ полный кругъ жизни личности, — мысли, чувства и воли — послѣдній былъ душевно чуждъ Тургеневу по свойствамъ его природы. Поэтому весь запасъ своего душевнаго участія и всѣ краски своей поэзіи онъ отдавалъ людямъ безвольнымъ, стремленіямъ, неопредѣленно возвышеннымъ. Его идеалы были неопредѣленные, но свѣтлые идеалы свободы и просвѣщенія. Въ этомъ смыслѣ Михайловскій называетъ „несравненный" талантъ Тургенева (независимо отъ другихъ его свойствъ) музыкальнымъ: „музыка, какъ извѣстно, вызываетъ неопредѣленныя, но хорошія, пріятныя, свѣтлыя волненія". Тѣ явленія жизни, которыя соотвѣтствовали этому основному свойству таланта Тургенева, нашли въ немъ превосходнаго изобразителя, достойнаго славы не только русской, а и европейской; въ этой области онъ — „краса и гордость русской литературы". Но то, что лежало внѣ этого круга, было ему далекимъ и чуждымъ.

V.

Для сколько нибудь знакомыхъ съ литературной дѣятельностью Михайловскаго „литературно-художественная критика"—терминъ слишкомъ затертый и безцвѣтный для обозначенія того, что вкладывалъ Михайловскій въ это дѣло. Когда онъ говорилъ, что Тургеневъ, какъ человѣкъ и художникъ, былъ чуждъ „новымъ людямъ" и потому не могъ ихъ изображать, для Михайловскаго это былъ не просто литературно-художественный фактъ. У него съ этимъ связывалось живое представленіе о новыхъ общественныхъ силахъ, выступившихъ на арену жизни и требовавшихъ вниманія къ себѣ. Въ сферѣ реальной дѣятельности они тоже предъявляли свои особыя требованія—во имя элементарныхъ практическихъ нуждъ и интересовъ, во имя практическихъ общественныхъ задачъ. Но Михайловскому была дорога мысль, что люди, врывавшіеся на арену исторіи съ прозаически скучными требованіями справедливости и участія въ благахъ жизни, были не просто представителями грубой и тупой силы. Ему была дорога мысль, что та сила, которой не было раньше на аренѣ—разночинецъ и народъ — несетъ съ собой свою красоту и свою поэзію. И эта красота и эта поэзія требуютъ вниманія къ себѣ и заслуживаютъ его въ высокой степени, такъ какъ имъ суждено смѣнить собой или, по крайней мѣрѣ, обновить прежнія формы красоты. Онъ не говорилъ, что старыя формы ничего не стоятъ, онъ не говорилъ о разрушеніи старой эстетики. Нѣтъ, старыя формы красоты онъ считалъ заслуживающими полнаго уваженія въ той мѣрѣ, въ какой онѣ опирались на вѣру во что-то высшее, вѣру во всю ту общественную и жизненную обстановку, въ которой возникли и существовали эти формы, и которая ихъ освящала. Шестидесятые и семидесятые года были эпохой, когда вся жизненная обстановка подвергалась существеннымъ коренным измѣненіямъ и когда на смѣну прежнихъ шатающихся вѣрованій появились новыя. Какъ они должны были повліять на представленія о прекрасномъ, этой темѣ Михайловскій посвятилъ нѣкоторую часть своихъ полубеллетристическихъ очерковъ „Въ перемежку". Въ нихъ онъ, и въ формѣ разсужденій, и въ образахъ предъявилъ русскому читателю тѣ измѣненія, которыя должны бы внести въ формы поэзіи и красоты новыя комбинаціи жизни. Разсказавъ кое-что изъ жизни нѣкоего Бухарцева (въ дѣйствительности онъ назывался Ножинымъ, о чемъ см. Лит. восп. I, 17), Михайловскій говоритъ: „Вы, пожалуй, удивитесь, что ничего не слыхали о такомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Да мало ли вѣдь вы чего не слыхали? Вѣрно только то, что благонамѣренные творцы „новыхъ людей"

прозѣвали много любопытнѣйшихъ типовъ и что, хоть тема эта и надоѣдала порядочно, но вовсе не потому, что она исчерпана. Нетронутой красоты тутъ вдоволь" *).

„Вы, вѣроятно, и о Далматовѣ ничего не слыхали",—прибавляетъ онъ, и затѣмъ приведя краткія свѣдѣнія объ этой замѣчательной личности заключаетъ **):

„Вотъ фигура. Конечно, это еще не фигура, а только остовъ, скелетъ, формулярный списокъ. Пусть художникъ одѣнетъ его плотью, пусть онъ реставрируетъ его жилы и погонитъ по нимъ горячую алую кровь, пусть разгадаетъ его душу и разскажетъ, какъ и что двигало Далматова; пусть художникъ сдѣлаетъ все это—и вы должны будете преклониться предъ красотою этого образа".

Остановившись затѣмъ на вопросѣ, почему беллетристика не умѣетъ изображать положительные типы, Михайловскій приходитъ къ заключенію, что самая распространенная, если не самая важная тому причина заключается въ существованіи шаблоновъ красоты. Эти заѣзженные образцы, „откровенно говоря, надоѣли хуже горькой рѣдьки. Надоѣли даже самимъ писателямъ, которые ихъ эксплоатируютъ. Какъ хотите, говоритъ онъ, а я не могу повѣрить, чтобы Тургеневъ свои „Вешнія воды", напримѣръ, или Левъ Толстой добрыя семь восьмыхъ „Анны Карениной" писалъ съ удовольствіемъ. Скучно имъ было". И, какъ на выходъ изъ этого, Михайловскій указываетъ на необходимость „искать новыхъ образцовъ тамъ, гдѣ ихъ до сихъ поръ совсѣмъ не искали или

---

*) IV, 272.

**) „Приведемъ ихъ здѣсь вкратцѣ. Далматовъ родился въ 1842 г. въ Пермской губерніи. Служилъ въ военной службѣ, гдѣ отличался гуманностью и добрымъ отношеніемъ къ солдатамъ и заслужилъ ихъ искреннюю любовь, не смотря на то, что былъ строгъ. Онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ подпоручика. Въ 1859 г. онъ получилъ, по духовному завѣщанію матери, 1,000 десятинъ земли съ крестьянами. Не заключая никакихъ условій, онъ далъ крестьянамъ волю и всю землю, не оставивъ себѣ ничего, за что получилъ высочайшую благодарность. Затѣмъ онъ поступилъ въ Петровско-разумовскую академію, служилъ контролеромъ на заводѣ въ сѣверо-западномъ краѣ, служилъ на Маріинской системѣ, былъ на ковровскихъ заводахъ, откуда, услыхавъ, что подготовляется болгарское возстаніе (въ концѣ 60-хъ годовъ), отправился черезъ Одессу въ Болгарію. Въ Одессу онъ уже прибылъ безъ копѣйки. Кое-какъ удалось ему поступить матросомъ на купеческое судно и такимъ образомъ достигнуть цѣли путешествія. Прибывъ на мѣсто, онъ получилъ было командованіе надъ однимъ изъ сформировавшихся отрядовъ; но возстаніе не состоялось, и ему пришлось искать работы. Онъ поступилъ рабочимъ на казенный пулелитейный и патронный заводъ въ Бѣлградѣ, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ. Потомъ вернулся въ Россію, переходилъ въ разныхъ должностяхъ (больше въ качествѣ рабочаго) съ одного мѣста на другое. Попалъ рабочимъ на механическій заводъ, потомъ слесаремъ въ канаточную мастерскую. Здѣсь его застало герцеговинское возстаніе. Онъ немедленно поѣхалъ туда и въ сраженіи подъ Карагуевацомъ, 8 января 1877 года, былъ убитъ.

искали очень мало". Онъ указываетъ на образцы этихъ поисковъ у Щедрина, Златовратскаго и Успенскаго, и, между прочимъ, приводитъ изъ Успенскаго фигуру дѣда Пармена, ходока, который ужъ побывалъ и въ острогѣ, и въ Сибири, и еще разъ рѣшилъ: „коли такъ, такъ, стало, Божья воля мнѣ потерпѣть еще на старости лѣтъ!.. Видно ужъ Господь-батюшка, Никола милостивый такъ осудилъ меня вѣнцомъ—иду!"—И старый дѣдъ, съ котомкой за плечами, съ длинной палкой въ сухой рукѣ, неровной поступью худыхъ тонкихъ ногъ, обутыхъ на мірской счетъ въ новые лапти, пошелъ воевать за свое дѣло" *).

Во всѣхъ фигурахъ этого рода главная черта ихъ душевнаго склада и вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ ихъ душевнаго величія — есть простота. „Эта-то простота, говоритъ Михайловскій, и есть, я думаю, камень, на которомъ должно построиться зданіе новой красоты". Въ чемъ же, спрашивается, состоитъ эта простота?

Для Пармена мірское дѣло есть его личное дѣло, срослось съ нимъ; онъ никого не благодѣтельствуетъ, никому не приноситъ жертвы. Если смотрѣть со стороны, то онъ, конечно, совершаетъ подвигъ. Но для него это просто защита своего собственнаго дѣла. То же самое и Бухарцевъ. „Если бы,—говоритъ Михайловскій,—я осмѣлился, въ художественномъ смыслѣ, поднять руку на дорогую мнѣ память Бухарцева, я, конечно, не скрылъ бы истинно героическихъ его чертъ. Но онъ самъ не подозрѣвалъ бы даже этого; онъ дѣлалъ бы свое дѣло". Михайловскій считалъ Бухарцева личностью геніальной, способнымъ, если бы онъ захотѣлъ и если бы онъ не умеръ совсѣмъ въ молодые годы, быть ученою знаменитостью на всю Европу. Но „у самого Бухарцева никогда, ни въ серьезнѣйшихъ интимныхъ разговорахъ, ни среди самой необузданной шутливости, не прорывалось тяготѣнія къ этой перспективѣ... Онъ любилъ свою спеціальность и былъ полонъ жажды знанія вообще, и даже говаривалъ, что охотно поселился бы навсегда на берегу моря или въ тропическихъ лѣсахъ, единственно для того, чтобы отдаться жаждѣ знанія, если бы... если бы не чувствовалъ обязанности, „повинности" жить въ обществѣ и направлять свою эрудицію извѣстнымъ образомъ. Но съ этой обязанностью онъ также сросся, какъ дѣдъ Парменъ охотно лежалъ бы на печи и грѣлъ свои старыя кости, если бы мірское дѣло не было его собственнымъ дѣломъ. Оттого и Бухарцевъ, говоритъ Михайловскій, былъ такъ простъ. Самая его дерзость (рѣчь идетъ объ эпизодѣ на ученомъ диспутѣ, описанномъ раньше) была не что иное, какъ простота. Говоря свою рѣчь на диспутѣ, онъ былъ прекрасенъ именно своей простотой, именно тѣмъ, что онъ дѣлалъ собственное свое дѣло, собственную свою душу

*) IV, 275.

выкладывалъ, предлагая ученому ареопагу связать „генезисъ въ типѣ пальмовидныхъ водорослей“ (что-то въ этомъ родѣ составляло тему диссертаціи) съ разрѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ; самъ постоянно работая мыслью въ этомъ направленіи, онъ вовсе не думалъ предлагать или совершать что-нибудь достойное благодарности. Нѣтъ, онъ исполнялъ только свою обязанность и при томъ такую, которая облегчала его личное существованіе“ (IV, 276).

Въ томъ же смыслѣ Михайловскій предполагалъ, что̀ художникъ долженъ бы изобразить въ Далматовѣ. Слѣдуя старымъ образцамъ, его бы изобразили героемъ, сознательно приносящимъ жертвы, благодѣтельствующимъ, освобождающимъ и т. п. Но можно бы его изобразить иначе. „Можно представить дѣло такъ, говоритъ Михайловскій (какъ оно навѣрное и было въ дѣйствительности), что онъ никого не благодѣтельствуетъ, никакихъ жертвъ не приноситъ. Пусть воочію развертывается и облекается плотью и кровью весь прекрасный формулярный списокъ Далматова, пусть всѣмъ читателямъ будетъ ясенъ его героизмъ, но пусть самъ онъ дѣлаетъ свое личное дѣло. Повидимому, тутъ всего одну маленькую передвижечку въ старомъ шаблонѣ красоты надо сдѣлать. Но сдѣлайте ее — и васъ обдастъ ароматомъ совершенно новой красоты“ (IV, 277).

Михайловскому представлялось, что художникъ долженъ быть особенно чутокъ къ обаянію этой „простоты“. Ему должно быть особенно свойственно сочувствовать способности съ непринужденной естественностью переживать, въ видѣ своего собственнаго личнаго дѣла, общіе интересы и задачи.

Въ одной своей старой статьѣ (въ 1874 г. по поводу Щербины) Михайловскій предлагаетъ такое опредѣленіе поэта или художника: это — „человѣкъ, умѣющій говорить и за себя, и за другого“. Пройдитесь,—говоритъ онъ,—по заламъ любой художественной выставки, и вы убѣдитесь, что предлагаемая мною простая мѣрка вполнѣ приложима и здѣсь, что здѣсь есть люди, умѣющіе и не умѣющіе говорить красками и образами за другихъ, за молящагося, негодующаго, ненавидящаго, страдающаго, радующагося человѣка. Относительно жанра, исторической живописи, портретовъ — въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣній, но та же мѣрка приложима и къ ландшафтной живописи и къ музыкѣ. Поэзія, и лирика, и эпосъ, и драма, несомнѣнно, вся построена на умѣніи говорить за другихъ. Въ этомъ,—говоритъ Михайловскій,—заключается и неотразимая сила поэзіи въ принципѣ, и ея великое соціальное значеніе“ (II, 601).

Съ этой точки зрѣнія неотразимая сила поэзіи и искусства коренится въ способности говорить одновременно и за себя, и за другихъ. Между „другими“ и собственной личностью тутъ устанавливается соотвѣтствіе и своеобразное проникновеніе. И

именно поэтому художественному чувству должны быть близки красота и поэзія той душевной простоты, той цѣльной убѣжденности, на которую указывалъ Михайловскій, какъ на характерную особенность большихъ людей шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Сила и красота ихъ духа зависѣла отъ того, что одушевлявшія ихъ нравственныя побужденія были не отвлеченнымъ участіемъ въ общихъ интересахъ и дѣлахъ при помощи идей. Личность у нихъ служила не чему-то внѣ ея лежащему. Она проникалась участіемъ къ этому внѣшнему все равно, какъ къ своему личному, и при томъ всей совокупностью душевнаго строя. Вслѣдствіе этого, душевныя побужденія, которыя при этомъ руководили личностью, были такъ просты, такъ непринужденны, что съ точки зрѣнія Михайловскаго ими можно любоваться не только со стороны ихъ нравственнаго обаянія. Они заслуживаютъ этого со стороны душевной красоты вообще—красоты личнаго достоинства. Если это звучитъ, пожалуй, нѣсколько отвлеченно, то достаточно прочесть литературныя характеристики, посвященныя Михайловскимъ Гаршину, Успенскому и Щедрину, чтобы это впечатлѣніе исчезло.

Имѣя въ виду именно эту его точку зрѣнія, мы говорили выше о томъ, что „литературно-художественная критика“ слишкомъ шаблонное выраженіе для идей Михайловскаго въ этой сферѣ. Его идеи въ этомъ направленіи были настолько широки, что выходили далеко за предѣлы обыденныхъ представленій о „красотѣ“. Однако въ нихъ въ то же время не было ничего, претендующаго на что нибудь исключительное. Михайловскій не „разрушалъ эстетику“; онъ не думалъ отрицать полнаго права художника „воспѣвать звѣздочки и цвѣточки, ландыши и кудри, пурпурный закатъ и столь же пурпурный восходъ“. Пусть художникъ „говоритъ“ за всѣ эти прекрасные предметы и за тѣхъ, кого они радуютъ. Но Михайловскій всѣмъ своимъ существомъ протестовалъ противъ возможности, чтобы человѣкъ способенъ былъ весь уйти въ цвѣточки и звѣздочки. Какъ выражается Михайловскій, ростъ поэта опредѣляется не только его умѣньемъ говорить за другихъ, но и количественнымъ и качественнымъ значеніемъ этихъ другихъ (II, 602). И онъ достигаетъ наивысшаго даже въ смыслѣ красоты, когда говоритъ за красоту душевную,—за требованія человѣческаго достоинства. Дѣло не непремѣнно въ тѣхъ или другихъ частныхъ идеяхъ и убѣжденіяхъ, не въ какихъ-нибудь спеціальныхъ общественныхъ, нравственныхъ, политическихъ задачахъ даннаго историческаго момента, а въ общихъ требованіяхъ человѣческаго достоинства. Когда поэтъ „говоритъ“ именно за нихъ—за эти требованія—онъ говоритъ за такія сферы жизни, которыя охватываютъ собой все остальное, и съ человѣческой точки зрѣнія все остальное подчинено этому верховному мотиву жизни.

Рядъ литературныхъ характеристикъ, которыя Михайловскій посвятилъ такимъ выдающимся писателямъ, какъ Гаршинъ, Щедринъ, Успенскій, Островскій, Ибсенъ, Горькій, иллюстрируетъ эту точку зрѣнія и обнаруживаетъ ту перспективу интересовъ и то обширное содержаніе жизни, которое открываетъ именно это воззрѣніе. Мы остановимся на Гаршинѣ и Успенскомъ.

VI.

Въ своемъ разборѣ произведеній Гаршина Михайловскій поставилъ себѣ цѣлью выяснить, какія полосы жизни его занимали по преимуществу, что онъ въ нихъ выбиралъ для поэтическаго воспроизведенія, а главное—что во всемъ характерѣ творчества Гаршина привлекло къ себѣ усиленный интересъ читателя и сдѣлало его любимцемъ читающей публики.

Въ одномъ изъ разсказовъ Гаршина изъ военной жизни онъ говоритъ отъ имени своего героя, отправившагося на войну: „огромному, невѣдомому тебѣ организму, котораго ты составляешь ничтожную часть, захотѣлось отрѣзать тебя и бросить. И что можешь сдѣлать противъ такого желанія ты... ты палецъ отъ ноги“? (VI, 313). Въ другомъ разсказѣ, тоже изъ военной жизни, эта же идея варьируется такъ: „Насъ влекла невидимая тайная сила: нѣтъ силы большей въ человѣческой жизни. Каждый отдѣльно ушелъ бы домой, но вся масса шла, повинуясь не дисциплинѣ, не сознанію правоты дѣла, не чувству ненависти къ неизвѣстному врагу, не страху наказанія, а тому невидимому и безсознательному, что долго еще будетъ водить человѣчество“. Тотъ же мотивъ встрѣчается и въ другихъ его произведеніяхъ.

Эта мысль о безвольномъ орудіи нѣкотораго огромнаго сложнаго и чуждаго цѣлаго преслѣдуетъ Гаршина вездѣ, постоянно являясь источникомъ пессимизма и грусти, проникающихъ всѣ его произведенія. И грусть у него не безпредметная. Это не грусть настроенія; она проникнута опредѣленными запросами и требованіями отъ жизни. Человѣкъ у него страдаетъ особенно отъ того, что онъ одинокъ. По словамъ Михайловскаго, „не вообще страданіями занятъ нашъ авторъ; съ его точки зрѣнія отчего бы и не пострадать, но на людяхъ и съ людьми, а не въ одиночку“. А одиноки его люди совсѣмъ по особому. Его „одинокіе люди окружены толпой и всетаки они одиноки, потому что узы, связывающія ихъ съ людьми, насильственны, лживы, и они вполнѣ сознаютъ эту лживость и оттого мучатся. Они ищутъ выхода, то есть такихъ формъ общенія съ людьми, которыя не налагали бы на нихъ ненавистнаго ярма, не дѣлали бы ихъ „пальцами отъ ноги“, „клапанами“, „безвольными орудіями сложнаго цѣлаго“. Есть у Гаршина и такіе, которыхъ это положеніе не

смущаетъ, они къ нему приспособились. Таковъ Дѣдовъ въ „Художникахъ“, или инженеръ Кудряшевъ во „Встрѣчѣ“. Но другіе понимаютъ и страдаютъ отъ сознанія, въ какую пропасть ихъ влечетъ стихійный процессъ. И они либо „безпомощно бьются въ той клѣткѣ, въ которую они загнаны, безсильно топорщатся, когда огромная машина зубцами и колесами втягиваетъ ихъ въ свою пасть и перемалываетъ“. Или—видятъ исходъ и рвутся къ иной жизни.

Въ этой точкѣ зрѣнія, въ качествѣ центра всѣхъ образовъ Гаршина, Михайловскій видѣлъ объясненіе его особой симпатичности и его особаго права на наше вниманіе. „Такъ неотступно преслѣдующій его вопросъ—кто побѣдитъ: человѣческое достоинство или стихійный процессъ, превращающій человѣка въ клапанъ,—это,—говоритъ Михайловскій,—всѣмъ вопросамъ вопросъ. Всѣ наши маленькія житейскія драмы, а, пожалуй, и водевили, всѣ крупнѣйшія историческія событія укладываются въ рамки этого огромнаго и рокового вопроса“ (VI, 332).

Можетъ быть, Гаршину эта основная идея не была такъ ясна, какъ ее сформулировалъ Михайловскій. Но этой формулировкой Михайловскій только имѣлъ въ виду помочь молодому писателю и въ то же время помогалъ читателю разобраться въ образахъ художника. Пусть читатель возьметъ на себя трудъ перечитать произведенія Гаршина, имѣя въ виду приведенную перспективу, и онъ ясно убѣдится, какая это широкая перспектива и сколько цѣннаго она даетъ. „Вездѣ или почти вездѣ,—говоритъ Михайловскій,—вы найдете, можетъ быть, не такъ ясно подчеркнутое, но все одно и то же: лучи все той же скорби о томъ спеціальномъ и высшемъ оскорбленіи, которое наносится человѣческому достоинству превращеніемъ человѣка въ тѣ или другіе клапаны, въ „пальцы отъ ноги“ (VI, 327).

Это освѣщеніе идеи человѣческаго достоинства открываетъ перспективы на общественную сторону дѣла, — на тотъ общій строй, который обращаетъ личность въ маленькое колесо механизма, который не только вдвигаетъ ее въ огромный чуждый ей потокъ и даетъ ей сосѣда справа и слѣва, но даже навязываетъ ей самыя цѣли жизни. Къ этому примыкаетъ художественно-психологическая сторона дѣла,—то всестороннее оскудѣніе жизни, та обезцвѣченность ея и та разорванность ея, которыя въ этомъ положеніи поражаютъ личность и все ея существованіе.

Самого художника творца этотъ процессъ обращаетъ въ болѣе или менѣе обезличеннаго исполнителя „чужихъ заказовъ“, о цѣли и смыслѣ которыхъ ему не полагается заботиться. Ему полагается создавать красивыя комбинаціи красокъ и линій, красиво и интересно выражать мысли и образы, которые должны развлекать и услаждать публику. Онъ только художникъ и больше ничего,—такой же „палецъ отъ ноги“, такой же „клапанъ“, какъ

и всѣ остальные. Поэтому ему, какъ и всѣмъ прочимъ, полагается участвовать въ общей, совокупной жизни цѣлаго не всей душой безъ остатка, съ сохраненіемъ всего человѣческаго достоинства, а одной только спеціальной стороной безразличнаго, т. е. обезличеннаго художественнаго творчества. Онъ художественное орудіе, инструментъ. Противъ такой роли возмущается въ разсказѣ Гаршина „Художники“ живописецъ Рябининъ, чувствующій себя „одинокимъ въ толпѣ“ и протестующій противъ жестокаго обязательства вѣчно и неизмѣнно писать ходкія на рынкѣ картины на „невинные сюжеты“: „полдни“, „закаты“, „дѣвочка съ кошкой“ и проч. (см. VI, 325 — 6). Въ подобномъ положеніи художникъ, какъ и всегда, „говоритъ за другихъ“. Но эти „другіе“ отражаются не въ душѣ личности, чувствующей себя человѣкомъ, а въ „пальцѣ отъ ноги“, въ „клапанѣ“. Они отражаются въ обезличенномъ механизмѣ, отправляющемъ свои маленькія функціи, по-своему, можетъ быть, исправно, но въ цѣломъ не соотвѣтственно дѣйствительному содержанію и объему жизни. Возставая противъ этого отношенія художника къ дѣйствительности съ общественной точки зрѣнія, Гаршинъ въ качествѣ тонкаго и чуткаго художника ощущалъ въ оскорбленіи человѣческаго достоинства также нарушеніе и требованій художественнаго чувства. Онъ чувствовалъ всю недостойность и гибельность положенія художника, находящагося въ положеніи „ничтожной“ части невѣдомаго ему огромнаго механизма, отъ котораго онъ всетаки зависитъ. Въ подобномъ положеніи художникъ обреченъ на одно изъ двухъ. Либо на творчество по трафаретамъ; такого рода творчества придерживаются, напримѣръ, живописцы — исполнители „невинныхъ сюжетовъ“. На немъ всегда лежитъ отпечатокъ грубости и плоскости, всегда принижающихъ смыслъ и содержаніе жизни. Или же, если такой художникъ творитъ болѣе или менѣе искренно, кругъ его образовъ замыкается въ очень узкіе предѣлы; онъ не выходитъ изъ области тоже „невиннаго“ подражанія дѣйствительности въ ея мелочахъ, изъ области забавнаго анекдота и т. п. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ — между художникомъ и дѣйствительностью нѣтъ истиннаго соотвѣтствія, и въ результатѣ нѣтъ истиннаго искусства.

VII.

Относительно манеры Успенскаго писать, Михайловскій говоритъ *): „Едва ли найдется много писателей, которые расходовали бы столько крови сердца, какъ Успенскій. Онъ не пишетъ, не „сочиняетъ“, а живетъ съ перомъ въ рукахъ. Читатель

*) См. Соч. V, 77—137.

воочію видитъ, какъ писатель ищетъ чего-то—сегодня въ русскомъ мужикѣ, завтра въ Венерѣ Милосской, сегодня въ Сербіи, завтра въ Новгородской, въ Самарской губерніи, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Сибири, сегодня въ только что прочитанной книгѣ, завтра въ крестьянской свадьбѣ—ищетъ, надѣется, разочаровывается, опять поднимается, опять ищетъ, тутъ же дѣлясь съ вами тѣми житейскими впечатлѣніями, подъ которыми сложились его образы" (V, 74). И чрезъ всю эту чисто субъективную душевную работу проходитъ одно теченіе, одинъ порывъ—не только субъективный, но и общій по своему направленію. Основной характеръ этого порыва выразился, довольно неожиданно для иного читателя Успенскаго, въ его извѣстныхъ восторженныхъ страницахъ, посвященныхъ не болѣе и не менѣе, какъ статуѣ Венеры Милосской въ Луврѣ. Казалось бы, Успенскій, этотъ народникъ, толковавшій все объ мужикѣ, да о болѣзни совѣсти, и Венера Милосская... Что тутъ общаго? А между тѣмъ, „и тутъ Успенскій остается все тѣмъ же Успенскимъ и ни на волосъ не измѣняетъ своему всегдашнему задушевному". При этомъ оказывается, что Успенскій замѣтилъ у Венеры Милосской „право, сказать совѣстно, почти мужицкіе завитки волосъ по угламъ лба". Въ отличіе отъ другихъ Венеръ, она не есть олицетвореніе „женскихъ прелестей". Напротивъ, художникъ для созданія этой „каменной загадки" бралъ то, что для него было нужно, и въ мужской красотѣ, и въ женской, не думая о полѣ, а, пожалуй, и о возрастѣ". Вообще, для Успенскаго Венера Милосская есть „человѣкъ", идеалъ человѣческой личности въ смыслѣ цѣлостнаго сочетанія отдѣльныхъ человѣческихъ чертъ, разбросанныхъ нынѣ какъ попало и куда попало. Художникъ, создавшій Венеру, хотѣлъ познакомить человѣка „съ ощущеніемъ счастья быть человѣкомъ, показать всѣмъ намъ и обрадовать насъ видимой для всѣхъ возможностью быть прекрасными". При этомъ замѣчательно, что въ памяти Тяпушкина, которому Успенскій приписалъ такое воспоминаніе о Венерѣ Милосской, образъ ея возникъ не сразу. Ему предшествуютъ два какъ бы подготовительныя воспоминанія. Во-первыхъ, ему вспомнилась деревенская баба, которую онъ когда-то видѣлъ во время сѣнокоса. Баба была самая обыкновенная. Но— „вся она, вся ея фигура съ подобранной юбкой, голыми ногами, краснымъ повойникомъ на маковкѣ, съ этими граблями въ рукахъ, которыми она перебрасывала сухое сѣно справа налѣво, была такъ легка, изящна, такъ жила, а не работала, жила въ полной гармоніи съ природой, съ солнцемъ, съ вѣтеркомъ, съ этимъ сѣномъ, со всѣмъ ландшафтомъ, съ которымъ были слиты и ея тѣло, и ея душа (какъ я думалъ), что я долго-долго смотрѣлъ на нее, думалъ и чувствовалъ только одно: „какъ хорошо!"

Затѣмъ, Тяпушкину вспомнилась другая фигура—„фигура дѣвушки строгаго, почти монашескаго типа".

„Глубокая печаль, печаль о не своемъ горѣ, которая была начертана на этомъ лицѣ, на каждомъ ея малѣйшемъ движеніи, была такъ гармонически слита съ ея личною, собственною ея печалью, до такой степени эти двѣ печали, сливаясь, дѣлали ее одну, не давая ни малѣйшей возможности проникнуть въ ея душу, въ ея сердце, въ ея мысль, даже въ сонъ ея чему-нибудь такому, что могло бы не „подойти", нарушить гармонію самопожертвованія, которую она олицетворяла, что, при одномъ взглядѣ на нее, всякое „страданіе" теряло свои пугающія формы, дѣлалось простымъ, легкимъ, успокаивающимъ и вмѣсто словъ „какъ страшно!" заставляло сказать: „какъ хорошо! какъ славно!"

Во всѣхъ этихъ образахъ представленіе о красотѣ является составной частью чего-то болѣе обширнаго—„ощущенія счастья быть человѣкомъ", ощущенія „простоты", „легкости" — вообще какой-то гармонической цѣльности, которая даже на страданія проливаетъ что-то успокаивающее, заставляющее воскликнуть: „какъ хорошо! какъ славно!"

И въ это ощущеніе на первомъ планѣ входитъ гармоническое соотвѣтствіе между личнымъ и прочимъ міромъ—между работницей и природой, солнцемъ, вѣтеркомъ, сѣномъ и прочимъ, между личной печалью и „не своимъ" горемъ. Это соотвѣтствіе такого рода, при которомъ личность участвуетъ въ томъ мірѣ, съ которымъ она соприкасается,—цѣликомъ, всей совокупностью своей личности.

Самъ Успенскій, какъ художникъ, въ этомъ отношеніи представлялъ типичный примѣръ именно такого душевнаго склада. Михайловскій очень тонко характеризуетъ съ этой стороны комизмъ Успенскаго. Не говоря о томъ, что у него нѣтъ безпредметнаго зубоскальства, это,—говоритъ онъ,—и не рѣзкіе удары сатирическаго бича, и не капризныя кокетливо истерическія арабески изъ грусти и веселья, слезъ и смѣха, какія бываютъ у чисто художественныхъ натуръ типа Гейне" (V, 98). Смѣхъ Успенскаго органически просто и естественно сочетается съ глубоко искреннимъ, вдумчивымъ участіемъ къ тому, надъ чѣмъ онъ смѣется. Его смѣхъ постоянно переходитъ въ драму, или въ грустное раздумье. Это постоянный пріемъ его творчества. „Вы видите рядъ комическихъ подробностей пиро- и гидро-техника съ „чревоувѣщаніями", „обезглавленіями головы и прочихъ частей тѣла", „индійскими эскамотированіями" и проч., потомъ другія подобныя смѣшныя мелочи. Но, — говоритъ Михайловскій, — по мѣрѣ того, какъ эти комическія черты скопляются въ достаточномъ количествѣ, вы чувствуете, что вступаете въ кругъ вещей, совсѣмъ не смѣшныхъ и не мелкихъ. Вамъ становится жутко, вы ощущаете въ себѣ какой-то сложный и все болѣе усложняющійся процессъ". И этотъ процессъ вездѣ ведетъ васъ отъ смѣшного къ грустному раздумью, заставляющему васъ съ глубокою пе-

чалью переживать драму и трагедію. Личное предрасположеніе автора схватывать комическія мелочи жизни не замыкается въ себѣ, не отрѣзываетъ художника отъ того, надъ чѣмъ онъ смѣется (у Гейне художникъ-юмористъ постоянно даже на самого себя смотритъ со стороны и, по выраженію Михайловскаго, „кокетливо истерически“ смѣется надъ самимъ собой). Это у Успенскаго чисто субъективная душевная складка—его пріемъ подходить ко всему непремѣнно со стороны смѣшныхъ мелочей. Но, въ комбинаціи съ столь же субъективной склонностью къ грусти, у него неизмѣнно получается нѣчто очень многозначительное въ смыслѣ общей интересности. И тотъ, и другой мотивъ захватывали всю его личность настолько всесторонне и глубоко, что не давали ему отвлечься какъ-нибудь въ сторону, не позволяли увлечься обаяніемъ художественнаго творчества ради комическихъ или драматическихъ коллизій и эффектовъ, которыя сколько-нибудь позволили бы трактовать дѣйствительность со стороны. Успенскому была чужда самая манера любоваться чѣмъ-нибудь безъ полнаго интимнаго участія. Въ этомъ смыслѣ онъ какъ-то, со свойственнымъ ему юморомъ, посмѣивается надъ стихотвореніемъ Лермонтова „Когда волнуется желтѣющая нива“. Ему кажется, что поэтъ является въ немъ „случайнымъ знакомцемъ природы, съ которой у него нѣтъ кровной связи“. „Онъ оскорбленъ той изысканностью, съ которой въ стихотвореніи собраны и размѣщены лучшіе дары природы, и считаетъ себя въ правѣ заподозрить искренность поэта: если бы поэтъ, приходя въ общеніе съ природой, дѣйствительно „въ небесахъ видѣлъ Бога“ и „постигалъ что такое счастье“, то онъ не сталъ бы искать въ природѣ непремѣнно „отборныхъ фруктовъ“ въ родѣ „малиновыхъ сливъ“ и т. п., а удовольствовался бы болѣе простымъ, не сочиненнымъ пейзажемъ. Успенскій противопоставляетъ въ этомъ отношеніи Лермонтову Кольцова, у котораго „и природа, и міросозерцаніе человѣка, стоящаго къ ней лицомъ къ лицу, до поразительной прелести неразрывно слиты въ одно поэтическое цѣлое“. Пейзажъ, самъ по себѣ отдѣльно взятый, какъ бы онъ ни былъ красивъ, не имѣетъ цѣны для Успенскаго; въ него должна быть вложена душа художника, его подлинное „міросозерцаніе“, то, что его дѣйствительно въ данную минуту занимаетъ вообще и въ житейскихъ дѣлахъ въ частности“.

Не понимая иного отношенія художника къ дѣйствительности, Успенскій въ самой дѣйствительности съ особенной, усиленной чуткостью относился ко всему, что нарушаетъ соотвѣтствіе между личностью и остальной жизнью, ко всему, что заставляетъ личность участвовать въ жизни какъ нибудь однобоко. Все, нарушающее гармонію именно этого рода соотвѣтствія, оскорбляло его далеко не съ одной только точки зрѣнія нравственно чуткаго человѣка, болѣющаго нравственными и общественными противорѣчіями жизни. Зрѣлище нарушенной гармоніи обижало его глазъ худож-

ника. Оно обижало въ немъ чувство художника-человѣка, которому тяжело всякое несоотвѣтствіе между личностью и стихійнымъ ходомъ вещей. Такъ, напримѣръ, въ одномъ очеркѣ. Успенскаго поражаетъ общая физіономія современнаго губернскаго города вотъ съ какой стороны: „Нѣчто неуклюжее, разношерстное, какая-то куча, свалка явленій, не имѣющихъ другъ съ другомъ никакой связи и, не смотря на это, дѣлающихъ безплодныя усилія ужиться вмѣстѣ“. Прежде „гармонія была во всемъ полная: тряпье, дикость, невѣжество, хрюканье и прочее—все это было пригнано и прилажено все къ тому же невѣжеству, тряпью, хрюканью и дикости и стало быть не могло не только поражать вашъ глазъ, но даже ни на волосъ не обижало его. Теперь не то. Гармонія подлиннаго тряпья нарушена пришествіемъ рѣшительно несовмѣстныхъ съ нимъ явленій. Изъ превосходнаго вагона желѣзной дороги пассажиръ вылѣзаетъ прямо въ лужу грязи, грязи непроходимой, изъ которой никто не придетъ васъ вынуть, потому что машина прошла въ такомъ мѣстѣ, гдѣ отъ роду не было ни народу, ни дороги“.

Михайловскому кажется особенно примѣчательнымъ, что Успенскій не могъ не видѣть, что „гармонія невѣжества, тряпья и дикости слагается всетаки изъ дикости, тряпья и невѣжества, а слѣдовательно не привлекательна и не желательна“. И всетаки эта гармонія его влекла къ себѣ. Еще рѣзче это выражено въ слѣдующемъ. Въ „Запискахъ маленькаго человѣка“ авторъ, приведя нѣсколько разговоровъ, случайно услышанныхъ имъ на пароходѣ, тоскливо замѣчаетъ: „Все это надоѣло мнѣ до такой степени, что я Богъ знаетъ что-бы далъ въ эту минуту, если бы мнѣ пришлось увидѣть что нибудь настоящее, безъ подкраски и безъ фиглярства—какого нибудь стариннаго станового, вѣрнаго искреннему призванію своему бросаться и обдирать каналій, какого нибудь подлиннаго шарлатана, полагающаго, что съ дураковъ слѣдуетъ хватать рубли за заговоръ отъ червей, словомъ, какое нибудь подлинное невѣжество—лишь бы оно считало себя справедливымъ“.

Этимъ, на первый взглядъ страннымъ разсужденіямъ, особенно для Успенскаго, Михайловскій даетъ объясненіе такое *). У Успенскаго было „условное почтеніе ко всякой гармоніи и безусловное отвращеніе ко всякой расколотости“. „Онъ, говоритъ Михайловскій, постоянно метался по всей Россіи и за-границей съ цѣлью найти отдыхъ глазу отъ терзавшихъ его обнаженные нервы впечатлѣній двоедушія, двоевѣрія, лицемѣрія, сознательной и безсознательной лжи“. Всякая такая расколотость раздражала и возмущала его всегда и во всякомъ случаѣ. А гармонія, даваемая убѣжденностью въ своихъ поступкахъ, соотвѣтствіемъ

*) См. „Рус. Бог.“ 1900, декабрь.

мысли и дѣйствій, каковы бы они ни были, привлекала его, но условно. Относительно самого Михайловскаго характерно то, что при сочувствіи въ данномъ случаѣ Успенскому, его глубоко возмущало восхищеніе, съ которымъ, напримѣръ, Лѣсковъ изображалъ по-своему гармоническую среду рабьихъ чувствъ и основанную на нихъ гармонію отношеній. Подобныя картинки Лѣскова коробили Михайловскаго тѣмъ, что въ нихъ онъ видѣлъ безраздѣльный восторгъ предъ мерзостью, въ которой тонетъ все человѣческое. У Успенскаго же его своеобразное „почтеніе" предъ „подлиннымъ невѣжествомъ" или предъ стариннымъ становымъ было явно условнымъ. Это „почтеніе" заключало въ себѣ зародышъ другого чувства—основаннаго на сознаніи, что, съ измѣненіемъ данныхъ условій, человѣческое достоинство, столь явно попираемое гармоніей невѣжества, произвола и дикости, одержитъ верхъ, лишь бы только не было этой безысходной расколотости, лишь бы избавиться отъ двоедушія и двоевѣрія, отъ которыхъ разлагается все человѣческое. Убѣжденность въ своихъ поступкахъ это только первый шагъ къ тому, чего требуетъ человѣческое достоинство. Но первый шагъ имѣетъ смыслъ только тогда, когда на немъ не останавливаются. Поэтому, когда Успенскій во „Власти земли" восхищался въ мужикѣ той правдой, которою освѣщена въ его жизни самая ничтожнѣйшая жизненная подробность, то Михайловскій спрашиваетъ: „Можетъ ли глазъ, оскорбленный дисгармоническими явленіями и жаждущій видѣть хоть какую нибудь гармонію, успокоиться на этой, какъ говоритъ самъ Успенскій, „зоологической", „лѣсной", „звѣриной" „правдѣ"? Она вѣдь представляетъ полную уравновѣшенность понятій и поступковъ, въ ней нѣтъ мѣста „больной совѣсти" и другимъ болѣзненнымъ продуктамъ нарушенной гармоніи"? — И отвѣчаетъ на это Михайловскій такъ: „Отдохнуть глазъ можетъ, но успокоиться—нѣтъ. Такъ какъ этотъ трудъ весь въ зависимости отъ законовъ природы, то и жизнь мужика гармонична и полна, но безъ всякаго съ его стороны усилія, безъ всякой своей мысли. Вынуть изъ этой гармонической, но подчиняющейся жизни хоть капельку, хоть песчинку, и уже образуется пустота, которую надо замѣнить своей человѣческой волей, своимъ человѣческимъ умомъ, а вѣдь это какъ трудно! какъ мучительно"!

Отсутствіе въ этой гармоніи „своей" мысли, своего личнаго—есть то, чего ей не хватаетъ. По этой же причинѣ и для батрака-земледѣльца, который нанятъ за деньги, совершенно такъ же, какъ нанята швея, кормилица, ходатай по дѣламъ и т. п., земледѣльческій трудъ вовсе не такое ужъ гармоническое существованіе. „Всѣ они, говоритъ Михайловскій, живутъ своимъ трудомъ, но всѣ дѣлаютъ чужое, лично имъ не нужное дѣло, въ которое они поэтому не могутъ вложить душу свою, не могутъ связать

съ нимъ свое духовное существованіе въ одно гармоническое цѣлое“.

Въ дальнѣйшія детали этой темы намъ здѣсь не мѣсто входить. Но приведеннаго достаточно, чтобы видѣть, что, съ точки зрѣнія Михайловскаго, въ творчествѣ Успенскаго художественныя требованія гармонической цѣльности получаютъ смыслъ только въ качествѣ составной части цѣлаго міросозерцанія. Тутъ цѣлая перспектива жизни, въ которой освѣщаются отношенія человѣческой личности къ тому, что нарушаетъ гармонію ея существованія. Человѣческое достоинство личности требуетъ прежде всего „гармоніи“—устраненія двоедушія, двоевѣрія и всякой вообще расколотости. Но это только первая переходная ступень. На слѣдующей ступени человѣческое достоинство требуетъ, чтобъ гармонія достигалась не цѣною подчиненія личности внѣшнему строю. Оно требуетъ, чтобы соотвѣтствіе между личностью и ея образомъ дѣйствій, между ею и внѣшнимъ строемъ жизни основывалось на участіи ея въ стихійномъ ходѣ вещей силой личнаго сознанія и личной воли. Только участвуя въ жизни такой цѣлостной личностью, человѣкъ достигаетъ высшаго соотвѣтствія съ дѣйствительностью и тѣмъ самымъ высшей гармоніи существованія.

Точно также и въ искусствѣ. Одно дѣло — соотвѣтствіе съ дѣйствительностью, при которомъ художникъ рабски подражаетъ тому или другому уголку этой дѣйствительности или столь же рабски угождаетъ шаблоннымъ вкусамъ грубой толпы. И другое дѣло—то соотвѣтствіе, когда дѣйствительность находитъ откликъ въ душевномъ строѣ художника, который, даже подражая ей, сохраняетъ свою живую личность,—и, по выраженію Чехова, „реагируетъ“ на впечатлѣнія: „на боль отвѣчаетъ крикомъ и слезами, на подлость—негодованіемъ, на мерзость—отвращеніемъ“. Такой художникъ не только созерцаетъ и наблюдаетъ, а дѣйствительно участвуетъ своей жизнью въ своихъ образахъ, всѣми сторонами своего существа, всей своей душой. Для него гармонія и красота его образовъ основаны на высшемъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью—на умѣньи принимать въ ней участіе всѣмъ строемъ своей личности. И въ этомъ параллелизмѣ художественныхъ побужденій съ требованіями цѣльной человѣческой личности и ея достоинства заключается объясненіе того, какимъ образомъ художественнымъ впечатлѣніямъ дано открывать такія широкія перспективы на общія задачи жизни.

Успенскій какъ-то выразилъ свои впечатлѣнія отъ Венеры Милосской слѣдующимъ образомъ: „Я стоялъ передъ ней, смотрѣлъ на нее и непрестанно спрашивалъ самого себя: что такое со мной случилось?—Что-то, чего я понять не могъ, дунуло въ глубину моего скомканнаго, искалѣченнаго, измученнаго существа и выпрямило меня, мурашками оживающаго тѣла пробѣжало тамъ,

гдѣ уже, казалось, не было чувствительности, заставило всего „хрустнуть“ именно такъ, какъ человѣкъ растетъ, заставило такъ же бодро проснуться, не ощущая даже признаковъ недавняго сна, и наполнило расширившуюся грудь, весь выросшій организмъ свѣжестью и свѣтомъ“.—Михайловскому то же самое представляется нѣсколько иначе и при томъ точнѣе и опредѣленнѣе.

Въ его глазахъ, художественное впечатлѣніе даетъ ощущеніе цѣльности существованія и опредѣляется тѣмъ, что въ стихійныя комбинаціи вещей вступаетъ наивысшее изо всего, что заключаетъ въ себѣ жизнь—личный элементъ. Вступаютъ требованія человѣческой личности, во всей своей совокупности—со всей присущей ей „многогранностью и многоцвѣтностью“, со всей своей удивительной способностью объединять всѣ элементы дѣйствительности въ одно совокупное цѣлое. Подъ вліяніемъ инстинктивной потребности въ цѣлостномъ существованіи, личность борется противъ стремленія стихійныхъ элементовъ разбить ея существованіе на оторванные другъ отъ друга элементы, на обособленныя частицы жизни, суженной въ своемъ объемѣ, поблеклой въ своей одноцвѣтности. При этомъ въ практической дѣйствительности личности приходится больше всего бороться противъ теченій, обращающихъ ее въ безсознательную и безвольную дробь посторонняго ей цѣлаго. Въ художественной сферѣ на ея долю выпадаетъ борьба противъ впечатлѣній, стремящихся нарушить „многогранность“ и „многоцвѣтность“ жизни, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ всего, что способно низвести ее на степень органа, только созерцающаго и только испытывающаго пріятныя, яркія и сильныя ощущенія. Смѣна ощущеній, освѣжающихъ впечатлительность, красивыя пятна, ритмъ, пестрота и яркость впечатлѣній—все это входитъ въ составъ искусства, но какъ элементъ чего-то болѣе значительнаго и широкаго. Это болѣе значительное есть перспектива совокупности жизненныхъ мотивовъ, доступныхъ человѣку, перспектива всей лѣстницы душевныхъ силъ, присущихъ личности. Здѣсь могутъ быть и пріятныя ощущенія красоты, и не всегда пріятныя ощущенія всякихъ страданій, драматическихъ коллизій и т. п. Но вся сила ихъ въ томъ, что въ данной перспективѣ они открываютъ личности выходъ на всю ширь жизни, доступной человѣку, на все содержаніе человѣческаго существованія въ его цѣломъ.

Въ своемъ разборѣ романовъ Муравлина (кн. Голицына), Михайловскій, отмѣтивъ ихъ жизненность и правдивость, называетъ Муравлина художникомъ погребной психологіи: „Произвожу погребной,—говоритъ онъ,—отъ погреба, отъ того мрачнаго, запертого, непровѣтриваемаго помѣщенія, куда не проникаютъ ни солнечные лучи, ни струи свѣжаго воздуха, гдѣ полъ, потолокъ, стѣны, углы покрыты плѣсенью и затянуты паутиной, гдѣ во всѣхъ направленіяхъ ползаютъ, добываютъ себѣ пищу, посягаютъ, плодятся и

множатся разныя безобразныя твари съ атрофированными зрительными и дыхательными органами". Въ качествѣ спеціалиста погребной психологіи, авторъ, на взглядъ Михайловскаго, отличается одной слабостью. Она состоитъ „въ томъ страстномъ отношеніи къ своему спеціальному предмету, которое заставляетъ его смотрѣть на весь Божій міръ подъ угломъ зрѣнія своей спеціальности, и въ стремленіи расширить ея компетенцію далеко за законные предѣлы". Въ связи съ этимъ, Михайловскій, въ отвѣтъ на слова нѣкоей Саши (героини романа „Мракъ"): „глупо быть честной одной, среди нечестныхъ людей"—обращается къ ней съ рѣчью, которую кончаетъ такъ: „Пожалуйте на вольный воздухъ себя показать и людей посмотрѣть. Не только свѣта, что въ окошкѣ, есть солнце на небѣ. Заинтересуйтесь хоть чѣмъ-нибудь, кругомъ люди живутъ,—живутъ и думаютъ, и чувствуютъ, и страдаютъ, и умираютъ, и любятъ, и радуются" (VI, 345). И эту же примѣрную тираду, говоритъ онъ, не мѣшало бы принять къ свѣдѣнію и самому автору.

Съ этимъ свѣтлымъ по настроенію и яснымъ по смыслу призывомъ Михайловскій постоянно обращался къ художникамъ.

Это приглашеніе выйти „на вольный воздухъ" и убѣдиться въ томъ, что есть „солнце на небѣ", сводилось къ предложенію взглянуть на дѣйствительность съ такой точки зрѣнія, чтобы человѣкъ въ его цѣломъ и весь Божій міръ не заслонялись отъ взора какой-нибудь спеціальной, узкой полосой дѣйствительности, тѣсно отгороженной отъ остального міра. Онъ считалъ, что искусство тогда только въ самомъ дѣлѣ отражаетъ жизнь и является вѣрнымъ ея представителемъ, когда оно примыкаетъ къ наивозможно широкой совокупности интересовъ жизни. Для этого оно должно говорить и за личность въ ея цѣломъ—во всемъ объемѣ того, что доступно природѣ человѣка,—и за общество въ его цѣломъ, во всей ширинѣ того, что свойственно всѣмъ его классамъ, взятымъ вмѣстѣ. Когда оно этого не дѣлаетъ, оно впадаетъ въ односторонность и мелочность изображенія, въ поверхностность и грубость образовъ.

Иллюстраціей односторонняго отлученія эстетическихъ интересовъ отъ остальныхъ интересовъ жизни можетъ служить дэнди, когда онъ наслаждается видомъ египетскаго саркофага, который онъ ставитъ въ видѣ пресспапье на свой письменный столъ, или дама, которая восхищается французской поддѣлкой подъ турецкую шаль. „Мы смѣемся надъ дикарями,—говоритъ Михайловскій,—которые съ гордостью носятъ европейскій мундиръ на голомъ тѣлѣ или цилиндрическую шляпу при костюмѣ Адама". Но эти европейскія вещи говорятъ дикарямъ о величіи, могуществѣ европейцевъ, о необходимости усвоить себѣ ихъ преимущества и т. п. И мундиръ, и цилиндрическая шляпа для нихъ представляютъ нѣкоторые символы. Мы же окружаемъ себя вещами, имѣющими для

насъ исключительно эстетическое значеніе" (II, 529–30). И въ этихъ случаяхъ наши эстетическіе интересы и искусство, которое стремится имъ служить, запечатлѣны характеромъ поверхностности. При первомъ же соприкосновеніи съ дѣйствительными духовными интересами человѣка, созданія такого искусства получаютъ принадлежащее имъ болѣе чѣмъ скромное мѣсто. Къ этой же категоріи, хотя всетаки не въ такой степени, Михайловскій относитъ и такія разновидности эстетическихъ наслажденій, какъ впечатлѣнія отъ красоты женскаго тѣла, изящнаго или богатаго наряда, а отчасти даже и отъ пейзажа *).

Однако эстетическіе интересы могутъ даже тогда, когда они довольно полно отвѣчаютъ суммѣ интересовъ личности, всетаки быть узкими и не соотвѣтствовать высшимъ требованіямъ эстетическаго вкуса. То, что было такъ широко для древней Греціи, говоритъ Михайловскій по поводу „греческихъ" стихотвореній Щербины, было слишкомъ узко для второй половины XIX вѣка, и талантливый, чуткій человѣкъ не могъ навѣки погрязнуть въ красотахъ древне-греческой поэзіи. И въ поясненіе этого Михайловскій приводитъ слѣдующія соображенія.

„Древній грекъ, художникъ по преимуществу, преклоняясь предъ красотою Фидіева созданія, преклонялся не передъ одной красотой, и дрожала въ немъ не только эстетическая струнка. Онъ преклонялся въ статуѣ, въ картинѣ, въ поэтическомъ произведеніи передъ всѣмъ строемъ античной жизни. Онъ чуялъ въ нихъ и отблескъ своей гражданской и политической свободы, и рабства 4/5 населенія всей Греціи. Да, въ статуѣ Фидія и въ картинѣ Апеллеса отразилось это рабство, ибо оно составляло одно изъ условій ихъ созданія. Отсюда слѣдуетъ, что Фидій и Апеллесъ умѣли говорить за другихъ, но эти другіе составляли лишь одну пятую долю ихъ соотечественниковъ. Мысли, чувства и, главное, интересы только этой дроби формулировали они въ своихъ прекрасныхъ образахъ. Рабъ ихъ не понималъ, не могъ понимать, не хотѣлъ, да и они не хотѣли, чтобы онъ ихъ хоть когда-нибудь понялъ, потому что, пойми онъ ихъ, греческой культурѣ конецъ. Пойми онъ, какое оскорбленіе, какая несправедливость въ нему кроется въ каждомъ изгибѣ тѣла прекрасной статуи,—эту статую постигла бы участь Вандомской колонны. Божественный ликъ Сикстинской Мадонны вонючій и развратный рабъ изрѣжетъ ножомъ,—съ негодованіемъ говоритъ одинъ изъ героевъ „Бѣсовъ" Достоевскаго. „Я понимаю — говоритъ Михайловскій—это негодованіе, но понимаю и раба, хоть, конечно, не этимъ путемъ достигнется его нравственная и физическая чистота.

*) Относительно пейзажа у Михайловскаго былъ, однако, особенный взглядъ. Онъ видѣлъ въ немъ „символъ и одно изъ условій одиночества". См. Соч. VI, 942.

Но всетаки его движенія такъ понятны. Ламартинъ еще въ сороковыхъ, помнится, годахъ предсказывалъ разрушеніе, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, Вандомской колонны. А вѣдь не Богъ знаетъ какой пророкъ былъ. А Прудонъ по этому поводу спокойно замѣтилъ: да, вотъ тоже ваши произведенія будутъ изорваны" (II, 610).

Какъ видитъ читатель, передвиженіе и расширеніе общественнаго круга, въ которомъ отражается творчество художника, является коррективомъ—иногда, можетъ быть, своеобразнымъ по формѣ, но далеко не лишеннымъ значенія, — въ оцѣнкѣ эстетическихъ вкусовъ и тенденцій. Положительное значеніе этого корректива заключается въ расширеніи круга, за который и къ которому говоритъ художникъ. И именно съ этой точки зрѣнія Михайловскаго такъ настойчиво интересовали въ художественномъ творчествѣ мотивы „чести" и „совѣсти", „отвѣтственности" и человѣческаго достоинства. Къ нимъ его влекла не точка зрѣнія моралиста, котораго мало трогаетъ все прочее въ жизни. Имъ руководила точка зрѣнія человѣка, который выше всего цѣнитъ полноту и цѣлостность человѣческаго существованія. А требованія человѣческаго достоинства являются силами, которымъ свойственно раздвигать предѣлы сочувственнаго опыта и тѣмъ самымъ объемъ личнаго существованія. Они дѣлаютъ личную жизнь полнѣе, ярче, богаче, многостороннѣе. Они одновременно и судятъ, и освѣщаютъ личное существованіе при содѣйствіи перспективы общественныхъ интересовъ. И въ этомъ заключается ихъ значеніе для искусства.

Любопытная въ этомъ смыслѣ формула дана Михайловскимъ въ очеркахъ „Въ Перемежку". „Искусство, говоритъ онъ здѣсь, есть своего рода гласный нравственный судъ" (IV 277). Къ этой формулировкѣ въ ея общемъ видѣ онъ вернулся черезъ двадцать лѣтъ, найдя себѣ поддержку у Ибсена. Ибсенъ въ одномъ стихотвореніи говоритъ: „творить—значитъ совершать судъ надъ собой". И объясненіемъ этой мысли является слѣдующее его заявленіе въ рѣчи къ норвежскимъ студентамъ: „частью мое творчество направлялось тѣмъ, что шевелилось во мнѣ лишь минутами и въ лучшіе мои часы, какъ нѣчто великое и прекрасное. Я влагалъ въ свое творчество то, что, такъ сказать, стояло выше моего обыденнаго „я", и я прибѣгалъ къ этому для того, чтобы лучше сохранить его внѣ себя и въ себѣ самомъ. Но въ свое творчество я вкладывалъ и какъ разъ противоположное, то, что при углубленіи въ себя самого представляется намъ отбросами и подонками собственной души. Въ этомъ случаѣ я смотрѣлъ на творчество, какъ на омовеніе, послѣ котораго чувствовалъ себя чище, здоровѣе и свободнѣе". (Отклики, II, 34).

Михайловскій, сопоставляя эти слова Ибсена съ нѣкоторыми фактами русской литературы, съ своей стороны выражаетъ ту же

мысль такъ: „художникъ сознательно или безсознательно отмѣчаетъ высшіе и низшіе моменты своей собственной души, оттѣняя ими обыденную жизнь, отдыхая на высшихъ и казнясь на низшихъ“.

Въ этомъ освѣщеніи художественнаго творчества получается интересное переплетеніе нравственныхъ мотивовъ съ художественными, сопоставленіе мотивовъ личной психики на фонѣ требованій и запросовъ общественной жизни. Съ этой точки зрѣнія, въ искусствѣ общія условія жизни освѣщаются и оттѣняются интимными, живыми ощущеніями личности. А личность, въ свою очередь, стремится провѣрить себя общими условіями жизни, подвергаетъ себя ихъ суду. И комбинація этихъ двухъ стремленій обладаетъ способностью дѣлать содержаніе жизни „чище, здоровѣе и свободнѣе“.

Именно это ощущеніе въ полной мѣрѣ испытываетъ каждый, кто ближе ознакомится съ совокупностью литературныхъ и художественно-критическихъ работъ Михайловскаго, или хотя бы съ такими крупными критическими статьями, какъ статьи объ Успенскомъ или Щедринѣ. Къ нимъ примыкаютъ въ этомъ отношеніи высоко-интересныя воспоминанія и характеристики, посвященныя такимъ лицамъ, какъ Успенскій же и Салтыковъ, Елисеевъ, Некрасовъ, Шелгуновъ, Ярошенко, Манассеинъ, и другія. Съ ними же близко соприкасается по своему общему смыслу рядъ замѣчательныхъ образовъ въ очеркахъ подъ заглавіемъ „Въ Перемежку“. Во всѣхъ этихъ фигурахъ примѣчательно то, что въ нихъ рисуется душевная красота, какъ нѣчто очень высокое, оригинально-личное, и въ то же время — очень простое и естественное, настолько непринужденное, что кажется чѣмъ-то само собой понятнымъ. Это ощущеніе есть то самое впечатлѣніе „простоты“ и „легкости“, о которомъ, какъ приведено выше, — говорилъ Успенскій. И въ это ощущеніе, въ качествѣ глубоко оригинальной и въ то же время естественной составной части, входитъ гармоническое соотвѣтствіе между личнымъ міромъ и остальной дѣйствительностью, тѣсное переплетеніе и проникновеніе между „своимъ“ и „не своимъ“.

А. Красносельскій.

Памяти Н. К. Михайловскаго.

I.

Безумная надежда въ грудь стучится,
Что ты опять появишься средь насъ...
Съ тяжелой думою, что ты навѣкъ угасъ,
Не хочетъ сердце помириться!

На мигъ хоть ласковой мечтою
Больное сердце обмануть,
Что ты, измученный борьбою,
Прилегъ на время отдохнуть.

Я напрягаю слухъ болѣзненно и страстно,
Я жду съ мучительной тоской—
Не прозвучитъ ли вдругъ, какъ прежде, смѣло, ясно
Вновь вдохновенный голосъ твой!
Въ святой борьбѣ за счастіе отчизны
Съ могучимъ гнетомъ злобныхъ силъ
Тебя не слышу я, учитель свѣтлый жизни,—
И жду, и жду, родной, чтобъ ты заговорилъ!..

С. Синегубъ.

II.

Мгла и ненастье... Равнина безъ края...
—Пахарь и сѣятель мысли свободной!
Не отдыхая, прошелъ ты свой путь,
Грудью больной на соху налегая.
Отъ каменистой пустыни холодной
Много толчковъ приняла твоя грудь!

Рано ты вышелъ и долгіе годы
Шелъ все впередъ. И давно уже иней
Посеребрилъ твои кудри... И вотъ—
Радостный видъ!—изобильные всходы
Зашелестѣли надъ мертвой пустыней...
Съ свѣтлой улыбкой пошелъ ты впередъ.

Чудилось—близко ужъ.. Прибыло силы...
Съ трепетныхъ устъ „отпущаеши нынѣ“
Было готово сорваться... Увы!
Мигъ—и покрылъ тебя сумракъ могилы...
Поздно! Великая вѣсть благостыни
Не приподыметъ твоей головы!

Вновь небеса потемнѣли надъ нивой,
Туча ее облегла грозовая...
Холодомъ вѣетъ и градомъ грозитъ...
Мрачно и жутко... О, Боже правдивый!
Пусть непогода развѣется злая,
Всходы живые пускай пощадитъ!

А. Гуковскій.

Н. К. Михайловскій, какъ публицистъ-гражданинъ.

Прошелъ уже годъ, какъ смерть сломала перо одного изъ величайшихъ сыновъ пореформенной Россіи. Теперь мы отошли на достаточное разстояніе отъ свѣжей могилы Михайловскаго, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ значеніе покойнаго и, стало быть, тяжесть потери, понесенной русскою литературою и русскою общественною жизнью. Какъ чувствуется отсутствіе этого удивительно сильнаго писателя, чувствуется особенно въ послѣдніе мѣсяцы, когда нашей печати стало возможнымъ хоть отъ времени до времени издавать, не скажу вполнѣ, но, по крайней мѣрѣ, полу-членораздѣльные звуки. Михайловскому было бы что сказать, а русской публикѣ было бы что послушать. Мысленно представляешь себѣ, какія сверкающія энергіей ума и чувства статьи вылились бы изъ подъ пера Михайловскаго теперь, когда Россія переживаетъ безпримѣрные по историческому значенію дни, напоминающіе крымскую войну и Севастополь, когда „молчаніе твари на всѣхъ языкахъ“ становится невозможнымъ даже въ нашей жалкой подневольной прессѣ...

Чѣмъ больше я вдумываюсь въ личность такъ не ко времени исчезнувшаго писателя, тѣмъ сильнѣе она поражаетъ меня своею многосторонностью и вмѣстѣ единствомъ, дѣлающимъ изъ нея великолѣпный образчикъ человѣка въ лучшемъ смыслѣ этого слова, какъ понималъ его хотя бы великій Шекспиръ:

His life was gentle; and the elements
So mix'd in him, that Nature might stand up,
And say to all the world—This was a man!

Да, „прекрасна была жизнь“ Михайловскаго въ его вѣрномъ и неустанномъ служеніи идеѣ! И „въ немъ элементы были такъ гармонично смѣшаны“, что „природа“, создавшая эту разностороннюю и въ то же время цѣльную личность, „могла бы“ съ гордостью „подняться и сказать всему свѣту: то былъ человѣкъ!“ Этотъ писатель наложилъ яркую печать своей индивидуальности

на всѣ сферы своей литературной дѣятельности: философскую, научную, критическую, публицистическую. И всѣ эти области были у него связаны одною идеею: культомъ человѣческой личности, всесторонне развивающейся внутри солидарнаго общества. Однако само разнообразіе писательской дѣятельности покойнаго заставляетъ меня въ этой статьѣ остановиться лишь на одной изъ такихъ сферъ. Я разсматриваю здѣсь Михайловскаго исключительно какъ „публициста-гражданина", т. е. оцѣниваю его значеніе для общественно политической жизни страны.

Два соображенія побудили меня взяться за тему статьи. Во первыхъ, самая важная вещь для общества людей это жить, т. е. вырабатывать возможно совершенныя формы коллективнаго союза между членами, а затѣмъ уже философствовать, заниматься наукой, предаваться эстетическому творчеству, — словомъ, primum vivere, deinde philosophari. Во-вторыхъ, на общественно - политической сторонѣ литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго останавливались, какъ мнѣ кажется, очень мало; а между тѣмъ часто ли встрѣчаются писатели, которыхъ бы болѣе проникало горячее трепетаніе жизни даже въ самыхъ отвлеченныхъ и философскихъ вопросахъ?

Задача моя будетъ выполнена, если читатель, кончивъ эту статью, раздѣлитъ мое чувство идейнаго энтузіазма къ человѣку, который, не выходя изъ предѣловъ литературы, сумѣлъ всю свою жизнь служить высшимъ цѣлямъ своей родной страны и всего человѣчества.

Лично я обязанъ очень многимъ Н. К. Михайловскому: на его сочиненіяхъ я пробуждался къ сознательной жизни; и онъ былъ, на ряду съ Чернышевскимъ, Лавровымъ, Лассалемъ, Марксомъ, однимъ изъ немногихъ „добрыхъ учителей", которые оставили наиболѣе прочный слѣдъ на моемъ міровоззрѣніи въ періодъ его выработки. Немудрено, что и позже, когда подробности этого міровоззрѣнія выяснялись путемъ болѣе обширнаго чтенія и прямого наблюденія надъ жизнью, я много разъ возвращался мыслію къ человѣку, бывшему однимъ изъ моихъ духовныхъ отцовъ. Въ особенности часто меня занималъ при этомъ вопросъ: что было бы съ Михайловскимъ и чѣмъ былъ бы онъ, если бы родился и дѣйствовалъ не въ Россіи, а въ Западной Европѣ? Всегда, конечно, есть много гипотетическаго въ варіаціяхъ на тему:

„Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесъ"...—

Но одно можно предположить съ значительною вѣроятностью: въ противоположность поговоркѣ о безрыбьѣ и безлюдьѣ, настоящій свой ростъ и освѣщеніе фигура Михайловскаго получила бы лишь при болѣе развитыхъ условіяхъ общественности, лишь тамъ, гдѣ пульсъ коллективной жизни бьется скорѣе и полнѣе, гдѣ больше личностей участвуютъ въ сознательномъ процессѣ

соціальнаго творчества. Человѣкъ, въ которомъ такъ тѣсно и оригинально сплелись интересы отвлеченной мысли и интересы непосредственной жизни, произвелъ бы неизмѣримо большее дѣйствіе на общечеловѣческій прогрессъ, живи онъ среди такой дѣйствительности, которая позволила бы ему вполнѣ удовлетворять двумъ основнымъ потребностямъ своей натуры. Помните могучія и благородныя слова литературной исповѣди, къ которой Михайловскій былъ вынужденъ прибѣгнуть въ отвѣтъ на нападенія одного сердитаго, но слабосильнаго критика:

Разно меня называютъ, но меня самого никогда не интересовало, къ какому я вѣдомству причисленъ. Тѣ небольшія достоинства, которыя признаетъ за мной критикъ, конечно, позволили бы мнѣ... успокоиться на области теоретической мысли. Къ этому, признаться, и тянуло меня часто; потребность теоретическаго творчества требовала себѣ удовлетворенія, и въ результатѣ являлось философское обобщеніе или соціологическая теорема. Но тутъ же, иногда среди самаго процесса этой теоретической работы, привлекала меня къ себѣ своею яркою и шумною пестротой, всею своею плотью и кровью житейская практика сегодняшняго дня, и я бросалъ высоты теоріи, чтобы черезъ нѣсколько времени опять къ нимъ вернуться и опять бросить. Но все это росло изъ одного и того же корня, все это связалось такъ жизненно-тѣсно въ одно, можетъ быть, странное и неуклюжее цѣлое, что вотъ я не могу исполнить желаніе критика: „распредѣлить матеріалъ по предметамъ и исключить все лишнее“.. Отсюда же и вся моя неумѣренность и неаккуратность... *)

Я думаю, трудно срисовать съ самого себя болѣе вѣрный психологическій портретъ. Дѣйствительно, что оскорбляетъ, возмущаетъ, сбиваетъ съ толку умѣренныхъ и аккуратныхъ критиковъ Н. К. Михайловскаго, это сильный, какъ стихія, но и какъ стихія же непокорный потокъ мысли, въ которомъ борются, временно соединяются и снова вступаютъ въ борьбу за преобладаніе два одинаково могучія теченія: ясный океанъ теоретической мысли, заключающій въ своей безбрежной поверхности отраженіе всѣхъ явленій жизни и идеи, и бурливо вливающаяся въ него исполинская рѣка дѣйствительности, которая прорѣзываетъ въ своемъ бѣгѣ все разнообразіе, всю толщу житейскихъ вопросовъ, задачъ и коллизій и катитъ свои волны, замутненныя кровью, грязью, слезами, потомъ живыхъ людей, но и скрашенныя цѣлыми островами, цѣлыми оазисами цвѣтовъ поэзіи и идеала. И вотъ, только что усядется въ бумажномъ корабликѣ умѣренное и аккуратное существо и вооружится различными инструментами для опредѣленія цвѣта воды, глубины, содержанія соли въ океанѣ — вдругъ трахъ! — своевольный потокъ дѣйствительности ворвался, шумя, сверкая и гнѣвно пѣнясь, въ еще столь недавно спокойное море. И — смотришь—къ чорту корабликъ, ко дну инструменты, а самъ изслѣдователь барахтается въ

*) См. стр. VI предисловія къ первому тому „Сочиненій“ (изд. „Русскаго Богатства“).

волнахъ, проклиная ихъ капризный, неразмѣренный, — однимъ словомъ, „ненаучный“ бѣгъ...

Впрочемъ, надо разсуждать по человѣчеству: если умѣренные и аккуратные критики грѣшатъ противъ основного требованія литературной оцѣнки, отказываясь прежде всего войти, проникнуть въ характеръ разбираемаго ума, то мы-то, наоборотъ, можемъ понять ихъ затрудненія и даже принять болѣе или менѣе близко къ сердцу ихъ горести, стараясь перенестись въ ихъ душу и понять ихъ психологію. Дѣйствительно, заключивъ себя въ рамки этого узкаго, но строго опредѣленнаго горизонта, мы можемъ признать, что литературная дѣятельность Михайловскаго носила бы болѣе законченный, болѣе стройный характеръ, если бы этотъ авторъ могъ отказаться отъ свойственной ему манеры обрабатывать одновременно, „въ перемежку“ и въ переплетъ, двѣ стороны „правды“, правду-истину и правду-справедливость... *) Да, но какъ „мочь“, когда, по волѣ богини Необходимости, Н. К. Михайловскому суждено было жить и дѣйствовать среди русскихъ общественныхъ условій, которыя фатально способствуютъ развитію у всякаго писателя-человѣка публицистической стороны и примѣшиванію ея къ самымъ, казалось бы, отвлеченнымъ вопросамъ мысли и требованіямъ эстетическаго творчества.

У Анатоля Леруа-Вольё, рядомъ со многими поверхностными, плоско-либеральными и неумными замѣчаніями о Россіи, встрѣчаются, однако, вѣрныя мысли, подсказываемыя наблюдателю самымъ контрастомъ русской жизни и западно-европейской. Въ числѣ этихъ замѣчаній находится объясненіе публицистическаго, „политическаго“ элемента, встрѣчаемаго столь часто въ русской беллетристикѣ: по мнѣнію Леруа-Больё иначе и быть не можетъ при нашихъ условіяхъ дѣйствительности, мѣшающихъ писателю проводить свои идеалы непосредственно въ жизнь. Но желаніе видѣть свои стремленія осуществленными въ процессѣ общественнаго творчества есть одно изъ законнѣйшихъ желаній всякаго живого человѣка:

Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно,

и русскій писатель, часто даже безсознательно,—не говоря уже о сознательномъ планѣ,—гораздо охотнѣе, чѣмъ западно-европеецъ, превращаетъ своихъ героевъ и героинь (или, если то мыслитель, свои общія идеи) въ носителей своихъ политическихъ идеаловъ.

---

*) Я замѣтилъ какъ-то въ одномъ изъ писемъ къ Николаю Константиновичу, что близкое родство истины и справедливости схвачено уже въ античномъ мірѣ Присціаномъ, который прямо говоритъ, что римляне часто употребляютъ justum и verum одно вмѣсто другого, какъ греческіе аттики δίκαιον и ἀληθές. Въ отвѣтѣ мнѣ Михайловскій обѣщалъ коснуться при случаѣ этого любопытнаго, по его мнѣнію, сближенія въ пріемахъ античнаго и русскаго мышленія. Но, если не ошибаюсь, не привелъ въ исполненіе этого намѣренія.

Какъ же могло быть иначе съ Михайловскимъ, у котораго работа мысли направлена по преимуществу въ сторону общественно-философскихъ построеній? Тутъ-то будетъ какъ нельзя болѣе кстати нарисовать гипотетическій образъ нашего автора, родившагося и дѣйствующаго среди западно-европейскихъ условій. Настоящая сознательная жизнь Н. К. Михайловскаго начинается, судя по его литературнымъ воспоминаніямъ, съ первой половины шестидесятыхъ годовъ, къ концу которыхъ онъ вырабатываетъ въ общихъ чертахъ все свое міровоззрѣніе, отличающееся уже въ этотъ моментъ такою опредѣленностью, что дальнѣйшая умственная дѣятельность пойдетъ лишь на выясненіе второстепенныхъ частностей. Но этотъ періодъ характеризуется въ экономической жизни западной Европы небывалымъ расцвѣтомъ капиталистическаго производства, лихорадочной спекуляціей господствующихъ классовъ, которая была прервана лишь на время хлопчатобумажнымъ кризисомъ; а въ политической и идейной, — послѣ реакціи начала 50-хъ годовъ,— отмѣчается выработкой мѣщанскаго міросозерцанія на основѣ успѣховъ естествознанія и перенесенія теоріи борьбы за существованіе изъ міра зоологіи въ міръ соціологіи, равно какъ половинчатой борьбой противъ клерикализма и цезаризма со стороны третьяго сословія, которое боится слишкомъ далеко зайти въ этой либеральной кампаніи, безпокойно вглядываясь въ смѣлые аллюры слѣдующаго за нимъ сословія. Между тѣмъ этотъ послѣдній классъ вноситъ больше сознанія въ свое міровоззрѣніе, заполняя болѣе реальнымъ пониманіемъ экономическихъ и политическихъ условій развитія въ общемъ вѣрныя, но черезчуръ абстрактныя формулы соціализма 40-хъ годовъ; а въ практической жизни впервые создаетъ организацію всеміpнаго труда, не обращающаго вниманія на цвѣтъ пограничныхъ столбовъ и языкъ людей...

Какую крупную роль могъ бы сыграть при этихъ условіяхъ молодой Михайловскій, направляя могучій потокъ своей мысли по двумъ сообщающимся, но различнымъ каналамъ, т. е. и работая на поприщѣ абстрактной науки, и цѣлесообразно тратя свой общественный пылъ, свой гражданскій энтузіазмъ на аренѣ политической борьбы! Въ самомъ дѣлѣ, возьмите сферу отвлеченной науки: въ то время, какъ буржуазная интеллигенція,—въ лицѣ г-жъ Ройе, Густавовъ Іегеровъ, Геккелей, Спенсеровъ,—то съ какимъ-то свирѣпымъ кокетствомъ исповѣдуетъ евангеліе зоологической грызни между людьми, то, сыто улыбаясь, развиваетъ теорію объективнаго прогресса на основаніи безконечной „эволюціи“ и „перехода отъ простого къ сложному“, теоретическіе выразители четвертаго сословія разрабатываютъ почти исключительно экономическіе и соціально-политическіе вопросы и за малыми исключеніями неохотно и лишь мимоходомъ ступаютъ на почву естественныхъ наукъ. Но именно здѣсь-то,—здѣсь, говорю я,—Михай-

ловскій поднялъ бы брошенную буржуазіей перчатку мнимой научности и въ рядѣ строго научныхъ, цѣльныхъ, исполненныхъ фактами и оригинальными идеями трудовъ развилъ бы то, что лишь обозначено глубоко прорѣзанными, но прерывающимися контурами въ его этюдахъ „Что такое прогрессъ“, „Теорія Дарвина и общественная наука“, „Борьба за индивидуальность“ и т. д.,—этюдахъ, испещренныхъ всевозможными жизненными отступленіями, экскурсіями, зигзагами нетерпѣливой, столь же теоретизирующей, сколько практически-воинствующей мысли. Такимъ образомъ, уже въ шестидесятыхъ годахъ четвертое сословіе Европы знало бы, что именно строгое естествознаніе осуждаетъ всѣ эти „эволюціи“ и „прогрессы“, увѣковѣчивающіе современное раздѣленіе труда между индивидуумами и классами, низводящіе живого человѣка на степень простой безсмысленной гайки въ сложной машинѣ общественнаго организма. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно знало бы, что выставленная его истолкователемъ объективная формула общественнаго прогресса—цѣлостность личности, орудующей всѣми своими органами, и солидарность общества, сводящаго до минимума раздѣленіе труда между своими членами—есть вмѣстѣ съ тѣмъ субъективная истина даннаго періода, „господствующая идея“ четвертаго сословія, являющагося центромъ и фокусомъ современной жизни. Безсовѣстнымъ дарвинятамъ и „спенсеровымъ дѣтямъ“, кокетничающимъ звѣриной борьбой между людьми и яко бы необходимой кристаллизаціей занятій въ обществѣ, былъ бы зажатъ ротъ соціальныхъ авгуровъ и выщипаны крылья лже-науки именно въ той области, которую они избрали ареной своихъ буржуазныхъ подвиговъ. И центромъ жизненной философіи явилась бы современная человѣческая „индивидуальность“, борющаяся въ союзѣ съ подобными себѣ за идеалы справедливѣйшаго общежитія и знающая, что въ концѣ концовъ ея нормальныя личныя стремленія найдутъ удовлетвореніе на объективной основѣ развитія технологіи, которая именно и дастъ возможность осуществиться „прогрессу“, этому,—согласно формулѣ Михайловскаго,—„постепенному приближенію къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми“. Я, конечно, отказываюсь продолжать въ деталяхъ это гипотетическое построеніе научной дѣятельности Михайловскаго въ Европѣ; не могу, однако, не указать, какимъ цѣннымъ вкладомъ въ общественную психологію была бы хотя теорія „героевъ и толпы“, лишь одинъ обломокъ которой—„подражаніе“—доставилъ такую извѣстность Тарду, какъ соціологу...

Но выработка научныхъ теорій, критически связывающихъ естественныя и общественныя науки, заняла бы лишь одну часть жизни Михайловскаго. Другая—и, вѣроятно, не меньшая—доля его существованія прошла бы въ кипучей политической дѣятельности,

среди разнообразныхъ комбинацій которой онъ могъ бы удовлетворить всевозможнымъ велѣніямъ того демона или, если хотите, того генія общественности, что своимъ властнымъ голосомъ заставлялъ писавшаго въ Россіи Михайловскаго прерывать строго-научную статью или изукрашать ее причудливыми арабесками гнѣва, любви, проклятій, благословеній, трактуя съ тѣмъ же идейнымъ паѳосомъ о малѣйшемъ жизненномъ фактѣ, какъ и о носящемся въ воображеніи мыслителя грандіозномъ научномъ обобщеніи.

Перомъ и словомъ Михайловскій служилъ бы доблестно и неустанно той политической партіи, которую бы онъ сознательно избралъ во имя своего теоретическаго міровоззрѣнія и общественныхъ идеаловъ и въ рядахъ которой онъ занималъ бы исключительное мѣсто. Дѣло шло бы о приложеніи къ практикѣ тѣхъ могучихъ теоретическихъ идей, которыя въ строго научной формѣ мыслитель развилъ бы въ своихъ многочисленныхъ трудахъ, ибо много—увы!—„ненаписанныхъ книгъ“ было бы тогда написано. Дѣло шло бы о томъ, чтобы ежедневно, ежечасно откликаться на запросы дѣйствительности и активно вмѣшиваться въ ея ходъ, защищать друга, нападать на врага, проводить политическую партію цѣлою, невредимою и все усиливающеюся среди подводныхъ камней, враждебныхъ теченій, обманныхъ знаковъ пиратовъ. Тотъ неподражаемый талантъ полемиста, который испытали на своихъ доспѣхахъ, а то и просто бокахъ, безчисленные теоретическіе и жизненные противники Михайловскаго, получилъ бы надлежащее приложеніе и развернулся бы во всей полнотѣ на широкой аренѣ политической дѣятельности, которая только и позволяетъ большому кораблю большое плаваніе. А то извольте воевать съ гг. Бурениными, Марковыми и Аверкіевыми, и при этомъ воевать не въ открытомъ бою, а гдѣ-то въ закоулкѣ, въ глухую осеннюю ночь, когда какой нибудь бдительный стражъ, вмѣсто внѣпартійнаго безпристрастія, самъ отъ времени до времени подаетъ своей алебардой знакъ къ нападенію на васъ же разныхъ „средиземныхъ эскадръ“ и одомашненныхъ жучекъ съ ошейниками или добровольно свирѣпствующихъ псовъ.

И, однако, воздадимъ благодарность богинѣ Необходимости, заставившей Михайловскаго родиться, жить и дѣйствовать не въ западной Европѣ, а въ Россіи: тѣмъ хуже было для него, но тѣмъ лучше для насъ! Пусть тѣсно становилось этому крупному человѣку въ дѣтскихъ латахъ, которыя подавали поводъ умѣреннымъ и аккуратнымъ критикамъ совѣтовать задыхавшемуся порою борцу за правду обрубить все, что не вмѣщалось въ доспѣхахъ ребенка. Намъ долго еще будутъ нужны большіе люди, страдающіе за насъ и поучающіе насъ... Посмотримъ же, чему училъ насъ не гипотическій западно-европейскій, а живой русскій Михайловскій въ теченіе чуть не сорока пяти лѣтъ, т. е. трижды того великаго въ жизни человѣка промежутка времени—grande mortalis aevi spa-

tium,—о которомъ говоритъ Тацитъ. Какова была роль Михайловскаго, какъ публициста-гражданина?

Для удобства изложенія я сейчасъ же отвѣчу на этотъ вопросъ, а затѣмъ лишь перейду къ подробностямъ. Н. К. Михайловскій являлся все время чуткимъ выразителемъ и философскимъ обоснователемъ общественныхъ стремленій наиболѣе передовой части русской интеллигенціи, активно вліяющей на ходъ прогресса. При этомъ онъ смотрѣлъ настолько шире и дальше всей этой группы, взятой въ ея цѣломъ, что въ данный моментъ та или другая фракція ея—иногда меньшая, иногда большая—считала своимъ долгомъ быть несогласной съ Михайловскимъ, ополчалась, по недоразумѣнію, противъ мыслителя-публициста и той группы, которую онъ ближе выражалъ; а потомъ, послѣ нѣсколькихъ эпизодовъ этой братоубійственной „вражды войны“, оказывалась присоединившейся къ авангарду прогрессивной арміи, уже подвергающейся новымъ „разногласіямъ“. Я говорю это не съ чужого голоса, а по собственному опыту и личнымъ воспоминаніямъ: и мнѣ казалось, что въ тѣ или другія времена Михайловскій не выражалъ вполнѣ моихъ желаній и идеаловъ; это же, хотя пріурочивая къ инымъ временамъ, скажутъ другіе русскіе люди, принимавшіе живое участіе въ общественной жизни.

Не надо только забывать, что, если мыслитель-публицистъ выражалъ и философски обосновывалъ стремленія людей прогресса, то первоначальный толчокъ къ этой руководительной дѣятельности онъ получалъ именно отъ общаго настроенія слѣдующаго за нимъ авангарда. Н. К. Михайловскій былъ человѣкомъ, какъ и всѣ мы, и какъ таковой не творилъ изъ ничего; но, словно увеличительное стекло, онъ концентрировалъ разсѣянные въ обществѣ лучи сознанія и, словно увеличительное же стекло, зажигалъ... Хотя литература являлась, по русскимъ политическимъ условіямъ, исключительною и любимою цѣлью существованія Михайловскаго, силу и идейный огонь энтузіазма этотъ писатель бралъ у всѣхъ насъ, у меня, у васъ, дорогой читатель и единомышленникъ, у всякаго, кто стремится сознательно участвовать въ исторической жизни страны, а не метаться изъ стороны въ сторону и не вертѣться, какъ флюгеръ, по волѣ капризныхъ вѣтровъ Сѣвера, навѣвающихъ оттепели за мятелями и мятели за оттепелями. Корни литературы Михайловскаго лежатъ въ „жизни“, или, употребляя извѣстную формулу, его „сознаніе“ вытекаетъ изъ нашего „бытія“. Поэтому я попрошу читателя, когда я буду говорить о той или другой полосѣ литературной дѣятельности публициста-гражданина, постоянно держать въ умѣ, передъ своими духовными очами, картину соотвѣтствующаго общественнаго движенія, и не только картину вообще, а и ея детали, въ которыя я, къ сожалѣнію, не

могу входить здѣсь. Пусть читатель и для своего собственнаго поученія обращаетъ вниманіе на эпоху написанія той или другой статьи Михайловскаго и мысленно заглядываетъ при этомъ въ мартирологъ русской общественной жизни. Говорю „мартирологъ" потому, что человѣческая исторія вообще есть до сихъ поръ повѣсть о страданіяхъ безсмертной Идеи общественной солидарности, ищущей все болѣе и болѣе подходящихъ формъ и носителей для своего окончательнаго выраженія и торжества. А мы, русскіе, не только не составляемъ исключенія изъ этого общаго правила, какъ бы ни лгали на этотъ счетъ наши націоналисты, самобытники и торгаши „потреотическимъ" дурманомъ, но истязаемъ Идею скорпіонами тамъ, гдѣ другіе истязали ее лишь бичами...

Мы во второй половинѣ 60-хъ годовъ... Тяжелая пора! „Аннибалова клятва" освобожденія крестьянъ перестала служить объединяющимъ знаменемъ для лучшихъ русскихъ людей, которые всего нѣсколько времени тому назадъ забывали изъ за этого великаго общаго дѣла разъединявшіе ихъ сѣрые, розовые, красные оттѣнки общественно-политическихъ идеаловъ. Рабство пало,— слишкомъ поздно, по мнѣнію однихъ, слишкомъ рано, по мнѣнію другихъ. Связь съ рухнувшимъ крѣпостничествомъ была порвана,—не достаточно рѣзко, по мнѣнію первыхъ, черезчуръ радикально, по мнѣнію вторыхъ. Народная жизнь была переставлена съ фундамента подневольнаго труда на фундаментъ труда свободнаго. Но увы! какъ сильно была сужена при этомъ экономическая поверхность этого фундамента: идеалъ передовыхъ людей—„освобожденіе крестьянъ съ землей"—перешелъ въ дѣйствительность съ такими урѣзками и искаженіями, что сейчасъ же началась борьба между правымъ и лѣвымъ крыльями освободительной арміи за наилучшее устройство жизни освобожденнаго народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ знамена различныхъ фракцій развернулись и стали враждебно другъ противъ друга, а оттѣнки общаго міровоззрѣнія каждой фракціи пріобрѣли болѣе яркій и опредѣленный колоритъ: сѣрые такъ посѣрѣли, что ихъ знамя трудно было отличить отъ грязнаго знамени мракобѣсцевъ и крѣпостиковъ; розовые или перешли въ сѣрые, или приблизились къ краснымъ; красные вызывали своимъ рѣзкимъ цвѣтомъ бѣшенство защитниковъ стараго строя, и изъ устъ тѣхъ борцовъ лѣваго крыла, что были послабѣе, вырывалось нѣчто чрезвычайно похожее на припѣвъ баллады:

Enfants, voici les boenfs qui passent,
Cachez vos rouges tabliers!..

И поколебалось передовое знамя, и было сломано лѣвое крыло... Какъ только еще столь недавно цѣльная оппозиція распа-

лась на враждовавшія части, сторонники павшаго режима подняли голову. Изъ экономически-соціальной посылки раскрѣпощенія народа и превращенія всего населенія въ людей не были сдѣланы обще-политическіе выводы. На новомъ гражданскомъ фундаментѣ стѣны были выведены едва до половины, а отсутствіе крыши, этого „увѣнчанія зданія", дѣлало тѣмъ чувствительнѣе переходы отъ еле-еле пригрѣвающихъ лучей высокаго, далекаго— и, охъ! какого своевольнаго солнца сѣвера къ сѣвернымъ же свирѣпымъ бурямъ и ливнямъ. Къ тому же историческая Немезида снова бросила въ кровавый семейный споръ близкихъ родственниковъ, „кичливаго Ляха" и „вѣрнаго Росса", и дала поводъ общественной реакціи перейти отъ окраинъ къ центру; а вскорѣ пронесся и по всей Россіи мрачный ураганъ взаимнаго недовѣрія, подозрѣній, обвиненій, срывая „невѣрные звуки" даже со струнъ глубоко демократической лиры Некрасова. То было время, когда передовая интеллигенція, лишенная „общенароднаго дѣла", шла въ розсыпь и въ разбросъ, уныло дотягивая оставшуюся ей отъ блестящаго періода дѣятельности Писарева пѣсню о „личномъ совершенствованіи молодыхъ русскихъ людей обоего пола" *), между тѣмъ, какъ самъ вождь „мыслящаго пролетаріата" и „трезвыхъ реалистовъ" уже переживалъ новый нравственный кризисъ и, какъ кажется, задумывался надъ безплодностью проповѣди того, если можно такъ выразиться, буржуазно-индивидуалистическаго радикализма, не имѣющаго широкихъ соціальныхъ цѣлей, который характеризуетъ „писаревщину". Мнѣ, по крайней мѣрѣ, пришлось слышать отъ одного изъ старыхъ знакомыхъ Писарева разсказъ о попыткѣ знаменитаго популяризатора изложить въ полубеллетристической формѣ содержаніе только что вышедшаго въ то время перваго тома „Капитала". И мой собесѣдникъ передавалъ съ волненіемъ чарующее впечатлѣніе, которое производила на него теорія Маркса, неподражаемо переданная Писаревымъ въ „Разговорахъ въ зеленой комнатѣ",— такъ назывался этотъ этюдъ, недоконченный и, повидимому, уничтоженный самимъ авторомъ въ припадкѣ меланхоліи...

Какъ бы то ни было, активная часть интеллигенціи переживала въ то время тяжелые дни, стараясь выработать соотвѣтствующее общественнымъ задачамъ эпохи міровоззрѣніе, которое бы соединяло въ одно цѣлое мысль и жизнь, требованія строгой науки и проснувшуюся снова безмѣрную жажду жить и умереть за нравственно-соціальный идеалъ. Для выполненія этой задачи надо было связать тогдашнюю работу мысли съ лучшими традиціями „Современника", продѣлать операцію возвращенія къ дѣятельности Чернышевскаго и Добролюбова, но на основаніи увеличившейся и расширившейся потребности къ фактическому

*) Я беру нѣкоторыя выраженія у Михайловскаго (т. I, стр. 817—818).

знанію, особенно въ области естественныхъ наукъ, которыя были тогда въ такомъ почетѣ среди „мыслящихъ реалистовъ“. Эту задачу блистательно разрѣшилъ Н. К. Михайловскій, явившись въ 1869 г. передъ читателями съ совершенно опредѣленной и оригинальной физіономіей писателя, столь же знакомаго съ выводами естествознанія, сколько и съ результатами современныхъ общественныхъ наукъ, столь же жадно стремившагося къ познанію истины, сколько и къ воплощенію справедливости,—словомъ, удачно сочетавшаго требованія развитія личности и служенія общественной солидарности.

Къ этому-то періоду и можно отнести возникновеніе своеобразной и очень замѣчательной „русской соціологической школы“, школы субъективизма, которая начинаетъ возбуждать теперь интересъ и на Западѣ, и къ которой тяготѣютъ — правда, на половину безсознательно—выдающіеся ученые въ родѣ (нынѣ покойнаго) юриста Іеринга и историка Майера. Михайловскій раздѣляетъ заслугу и честь быть творцомъ ея наравнѣ съ другимъ русскимъ мыслителемъ Лавровымъ, авторомъ „Теоріи личности“, „Историческихъ писемъ“ и „Опыта исторіи мысли“. Такъ смотрѣлъ, по крайней мѣрѣ, и самъ этотъ мыслитель, съ которымъ судьба поставила меня въ близкія отношенія, продолжавшіяся болѣе пятнадцати лѣтъ до самой смерти Лаврова, и который неоднократно говорилъ мнѣ, что онъ считаетъ Н. К. Михайловскаго хотя и очень родственнымъ по міровоззрѣнію писателемъ, но формулировавшимъ основанія соціологическаго субъективизма съ другой стороны и совершенно независимо отъ него.

Какъ бы то ни было, міровоззрѣніе Михайловскаго не только разрѣшало въ теоретической области проклятую, мучительную антиномію, надъ которой и у насъ, и на Западѣ „билось въ слезахъ столько головъ“, антиномію между категоріей необходимаго и категоріей нравственнаго, между естественнымъ ходомъ вещей и идеаломъ. Оно, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовало и удовлетворяло настроенію и жаждѣ дѣятельности двухъ группъ тогдашней интеллигенціи, составившихъ прогрессивную армію эпохи: „кающихся дворянъ“ (великолѣпный терминъ, изобрѣтенный Н. К. Михайловскимъ), вскормленныхъ крѣпостными хлѣбами или остатками проѣдавшихся выкупныхъ свидѣтельствъ; и „разночинцевъ“, составлявшихъ переходъ отъ имущихъ, — если не правящихъ — сословій къ великой массѣ трудящихся. До какой степени передовой отрядъ интеллигенціи переживалъ именно такое настроеніе, можно заключить изъ поразительнаго успѣха, который выпалъ приблизительно въ это же время на долю одного небольшого, но замѣчательнаго сочиненія, принадлежащаго перу уже упомянутаго нами родственнаго по духу съ Михайловскимъ автора, а именно—„Историческихъ писемъ“, гдѣ говорилось о безконечной „цѣнѣ прогресса“, стоившаго столько труда, слезъ и

лишеній массамъ, которыя поддерживаютъ зданіе современной цивилизаціи, и о неоплатномъ долгѣ „критически мыслящей личности“ передъ этими массами, передъ народомъ, которому можно хоть нѣсколько помочь, лишь перерабатывая въ его интересахъ данныя формы „культуры“...

Послѣ двухъ-трехъ лѣтъ броженія, тяжелаго нравственнаго кризиса и строжайшаго пересмотра своего умственнаго и нравственнаго багажа, активная часть интеллигенціи поняла свою историческую роль: къ началу 70-хъ годовъ относится возникновеніе того могучаго движенія, которое лишь во второй половинѣ этого десятилѣтія получитъ названіе „народничества“,—названіе, увы! вскорѣ захватанное столькими нечистыми руками и сдѣлавшееся въ слѣдующемъ десятилѣтіи знаменемъ реакціонной демагогіи, а еще позже, въ устахъ „Неистовыхъ орландовъ“ нашего марксизма 90-хъ годовъ, общей презрительной кличкой для всѣхъ тѣхъ, кто не раздѣлялъ всѣхъ членовъ ихъ символа вѣры. Но начало 70-хъ годовъ было героическимъ періодомъ упомянутаго идейнаго теченія; и кто былъ самомалѣйшей частицей въ его молодыхъ, веселыхъ и брызжущихъ жизнью волнахъ, надъ которыми горѣла яркая радуга идеала, тотъ, навѣрное, скажетъ, что оно являлось наиболѣе реальнымъ и насущнымъ движеніемъ тогдашней русской дѣйствительности. Интересы народа и борьба во имя ихъ съ врагами трудящихся массъ стали общимъ лозунгомъ передовой интеллигенціи. Къ тому времени уже выяснилось, что экономическое положеніе освобожденнаго народа далеко не соотвѣтствуетъ оптимистической картинѣ, которую развертывали передъ своей аудиторіей борзописцы и говоруны умѣренно-либеральнаго лагеря. Надъ сѣрымъ мужицкимъ царствомъ, кромѣ тяготѣвшихъ наслѣдій прошлаго гнета, стали нависать силы новой крѣпи, новой экономической эксплуатаціи. То былъ медовый мѣсяцъ нашего капиталистическаго „первоначальнаго накопленія“, устроенія нашей капиталистической храмины съ верховъ, со средствъ перемѣщенія и обмѣна скудно производимыхъ, а то и просто гипотетическихъ продуктовъ. Проводились желѣзныя дороги, по большей части не тамъ и не такъ, какъ слѣдуетъ, но къ вящшей выгодѣ концессіонеровъ. Устраивались банки и кредитныя общества, и ходко циркулировали дутыя бумаги разныхъ учрежденій, взывавшихъ къ правительству о воспособленіяхъ. Между старымъ и новымъ міромъ народной эксплуатаціи выростала, какъ посредствующее звено, цѣлая туча облѣпившихъ народъ кулаковъ и міроѣдовъ, роль которыхъ заключалась въ накопленіи, путемъ ростовщичества, первыхъ капиталовъ и подготовленіи ихъ къ будущему производству, а пока въ питаніи ими ажіотажа и спекуляціи. То было время, когда даже пресловутые сорокъ-сороковъ славянофильства явственно и оживленно выговаривали: жарь-грабь, жарь-грабь; когда тароватые ораторы вос-

вѣвали на нескончаемыхъ обѣдахъ доблести Поляковыхъ и Губониныхъ; когда сіяніе „мѣднаго таза либерализма“ (выраженіе Михайловскаго) лишь отражало сіяніе серебрянаго цѣлковика; когда негодующая муза Некрасова иронически взывала къ художнику:

Будешь въ славѣ равенъ Фидію,
Антокольскій! изваяй
„Гарантію“ и „Субсидію“...

Передъ мыслящею частію русскаго общества возставалъ грозный вопросъ: должна ли Россія среди этого опьяненія буржуазнымъ либерализмомъ упустить единственный въ своемъ родѣ моментъ для того, чтобы рѣшительно сойти съ торнаго пути капиталистической эксплуатаціи, на которомъ она стояла уже одной ногой, и вступить на трудную, но все еще исторически возможную для нея дорогу народнаго производства? И, въ дополненіе къ этому „матеріальному“ вопросу, возникалъ вопросъ „идеологическій“: какую цѣну въ этотъ моментъ для насъ могли имѣть требованія свободы и гражданственности, которыя столь часто повертывались на капиталистическомъ Западѣ противъ трудящагося большинства и на пользу привилегированныхъ классовъ?

Я не берусь здѣсь за разсмотрѣніе того, въ какой степени заднимъ числомъ и на разстояніи тридцати лѣтъ можно отыскать изъяны въ этихъ вопросахъ. Такъ во всякомъ случаѣ они формулировались въ сознаніи тогдашнихъ дѣятелей прогресса, дѣлая величайшую честь самостоятельности, — не употребляю пошлаго слова „самобытности“, — ихъ мышленія и энергіи ихъ практической дѣятельности.

А теперь разверните статьи Михайловскаго, относящіяся къ началу 70-хъ годовъ, и вы увидите, что онъ являлся именно выразителемъ и обоснователемъ историческихъ идеаловъ тогдашней интеллигенціи; но опять таки съ нѣкоторыми поправками и ограниченіями, указывающими на то, что лично онъ смотрѣлъ шире и дальше, хотя, подъ давленіемъ общаго энтузіазма прогрессивнаго авангарда, и не считалъ удобнымъ, что называется, бить всегда по забралу своихъ же единомышленниковъ, уже завязавшихъ на всемъ фронтѣ борьбу во имя интересовъ народа.

Въ виду того, что изъ лагеря русскихъ марксистовъ раздавались нѣсколько лѣтъ тому назадъ упреки по адресу Михайловскаго, какъ фантазера-идеалиста, не понимающаго значенія матеріальныхъ потребностей, я начну съ слѣдующей цитаты, въ которой мыслитель-публицистъ не только борется противъ близорукихъ идеалистовъ, но даетъ одновременно, можно сказать, философію и поэзію матеріальныхъ потребностей, дѣлая ихъ отправнымъ пунктомъ для крупнаго общественнаго переустройства. Итакъ, слушайте, читатель (дѣло идетъ о Ренанѣ и его русскомъ сумбурномъ комментаторѣ, Н. Страховѣ):

Ренанъ самъ не знаетъ, съ чѣмъ онъ борется. Въ числѣ атрибутовъ политическаго матеріализма онъ желаетъ видѣть стремленіе надѣлять всѣхъ и каждаго матеріальнымъ благосостояніемъ. Онъ полагаетъ, и г. Страховъ съ нимъ соглашается, что здѣсь играетъ главную роль *зависть*. Не говоря уже о томъ, что всѣ желающіе равномѣрнаго распредѣленія матеріальнаго благосостоянія желаютъ и равномѣрнаго распредѣленія духовныхъ благъ и наслажденій; не говоря о томъ, что странно называть завистью желаніе снабдить сосѣда тѣмъ, чего у него нѣтъ; не говоря обо всемъ этомъ, — развѣ желаніе надѣлить всѣхъ и каждаго матеріальнымъ благосостояніемъ не способно составить идеалъ, вызвать высокія чувства, великія мысли? Развѣ, наконецъ, мы не видимъ этого и въ дѣйствительности, хотя бы и въ слабомъ размѣрѣ? *).

Мало того, неоднократно Михайловскій развиваетъ и ту мысль, что извѣстная форма удовлетворенія матеріальныхъ потребностей, опредѣляющая общественное положеніе человѣка, его принадлежность къ той или другой соціальной группѣ, классу, сословію, отражается на его воззрѣніяхъ, его умѣ, его характерѣ. А вѣдь это, согласитесь сами, та самая идея, которую — съ каррикатурными нерѣдко преувеличеніями — развиваютъ сторонники экономическаго матеріализма. Опять таки, послушайте:

...Если для изслѣдователя есть хотя бы малѣйшая выгода въ существованіи того или другого факта, то пріемы естествознанія (замѣтьте, читатель, даже естествознанія, а что ужъ говорить объ общественныхъ наукахъ! Н. К.) всегда готовы къ его услугамъ. Нѣтъ даже надобности, чтобы выгода эта преслѣдовалась совершенно сознательно. Общественное положеніе человѣка всегда подсказываетъ ему рѣшеніе, выгодное если не прямо для него лично, то для той соціальной группы, которой онъ состоитъ членомъ **).

Или еще вотъ:

...Когда извѣстная доктрина, извѣстный строй мысли преломляются въ *общественной средѣ* извѣстнымъ образомъ, то это фактъ соціологическій... Возьмемъ, напр., Геккеля или Спенсера. Это ученѣйшіе люди, вдобавокъ люди, которые въ частностяхъ не прочь щегольнуть демократизмомъ. Но они отстаиваютъ презрѣнную и при томъ ошибочную соціальную доктрину, и ученость ихъ въ этомъ направленіи служитъ только ко вреду общества. Почему они это дѣлаютъ? Потому, что ихъ положеніе въ обществѣ и ихъ обычныя занятія не даютъ имъ нужнаго въ такомъ дѣлѣ нравственнаго чутья. Чѣмъ ученѣе они, тѣмъ хуже, разъ остальныя условія остаются нетронутыми ***).

Совѣтую также читателю просмотрѣть поистинѣ замѣчательную и по мысли, и по разнообразію содержанія, и по формѣ статью Михайловскаго, появившуюся въ февралѣ 1874 г. и заключающую въ себѣ, между прочимъ, соціальное объясненіе типовъ людей сороковыхъ годовъ и пришедшаго затѣмъ въ литературу разночинца ****).

---

*) Соч., т. I, стр. 731—732 (статья напечатана въ сентябрѣ 1872 г.).

**) Ibid., стр. 796 (изъ статьи, появившейся въ декабрѣ 1872 г.).

***) Ibid., стр. 805.

****) Т. II, особенно стр. 628—639 (нѣсколько раньше на стр. 617 авторъ

Вообще же можно сказать, что большинство текущихъ статей нашего публициста-гражданина въ этотъ періодъ посвящено самому жгучему вопросу тогдашней дѣйствительности, вопросу экономическому. Не разъ и не два, но постоянно, но придираясь къ каждому предлогу, но прибѣгая къ общественно-научной полемикѣ, къ беллетрической критикѣ, Михайловскій развиваетъ и положительно и отрицательно „идею труда". Вооруженный этимъ критеріемъ, онъ безстрашно обнажаетъ противорѣчивый характеръ цивилизаціи, неустанно указываетъ на противоположность „націи" и „народа", богатства первой и нищеты второго, пронзая острой иглой критики гордо надутые пустотой пузыри грошоваго либерализма и стяжательнаго славянофильства, пѣвшихъ гимны „національному преуспѣянію отечества". Неоднократно же онъ ставитъ въ различныхъ — одна другой рельефнѣе, одна другой ярче — формахъ проклятый вопросъ о возможности для Россіи сознательно выбирать между двумя путями прогресса, капиталистическимъ и народнымъ. Помните, читатель, хотя бы объясненіе безсилія тогдашней либеральной печати изъ самаго характера ея идеаловъ:

Колесо національнаго богатства только-что начинаетъ вертѣться въ Россіи и при томъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Во-первыхъ, огромная часть производительныхъ силъ страны находится въ рукахъ народа, т. е. трудящихся классовъ. Значитъ, для созданія національнаго богатства по программѣ отечественной журналистики надо отодрать громаду народа отъ земли и орудій производства. Во-вторыхъ, отодраніе это надо производить сознательно, потому что прислушиваемся же мы къ тому, что дѣлается и дѣлалось въ Европѣ; знаемъ же мы, что національное богатство есть нищета народа. Въ третьихъ, отодраніе это должно быть произведено въ пользу лицъ и интересовъ еще не существующихъ, а только имѣющихъ образоваться самымъ процессомъ отодранія. Сознательное, но безцѣльное преступленіе — вотъ что приходится дѣлать современной журналистикѣ при нынѣшнемъ ея направленіи. Что можетъ быть ужаснѣе такой задачи, такого положенія? И мудрено ли, что эти люди ходятъ и пишутъ, какъ тѣни, что грозный приговоръ потомства, подсказываемый имъ по временамъ совѣстью, связываетъ имъ языкъ и руки, отгоняетъ образы отъ воображенія, мысли отъ разума *).

Но интересно, что, если не прямо, то косвенно, а порою и довольно опредѣленно, Н. К. Михайловскій вводилъ уже въ это время элементъ „политики" въ наше міровоззрѣніе, черезчуръ исключительно пропитанное вѣрой въ народную „экономику",

---

говоритъ о коренной причинѣ перемѣны мнѣній людьми: „подобнаго коренного факта, коренной причины я всегда склоненъ искать въ соціальныхъ отношеніяхъ". Я умышленно оставляю здѣсь въ сторонѣ научные этюды Михайловскаго въ родѣ „Что такое прогрессъ", гдѣ настойчиво проводится мысль, что форма общественныхъ отношеній и, прежде всего, лежащая въ основѣ ихъ такая или иная форма коопераціи членовъ общества опредѣляютъ характеръ міровоззрѣнія данной эпохи. О Михайловскомъ, какъ о соціологѣ, надо говорить особо и вплотную.

*) Т. I, стр. 837 (изъ статьи отъ января 1873 г.).

естественная игра которой въ нѣдрахъ трудящихся массъ, благодаря—самое бóльшее — уясняющему или подталкивающему процессу съ нашей стороны, должна была, по нашему имѣнію, вывести Россію на путь заправскаго народнаго производства. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, рисуя двѣ перспективы историческихъ возможностей, раскрывавшихся въ то время передъ Россіей, авторъ говоритъ о „преніяхъ", о борьбѣ между „двумя діаметрально противоположными политическими программами" *). Въ другомъ мѣстѣ онъ ставитъ передъ „публицистами", т. е., значитъ, вообще передъ людьми, желающими сознательно участвовать въ исторической жизни страны, требованіе цѣлесообразно организованной дѣятельности въ пользу народа, дѣятельности, которая не ограничивается одной вѣрой въ народную экономику, но пытается создать благопріятное послѣдней теченіе въ сферѣ государственной политики:

...Представимъ себѣ, что публицисты наши завтра измѣнятъ свою точку зрѣнія и объявятъ себя служителями непосредственно народа, только народа. Представимъ себѣ, что они не только не провоцируютъ учрежденія акціонерныхъ компаній, развитія отечественной промышленности, кредита и пр., но постоянно обращаютъ вниманіе общества на оборотную сторону этихъ явленій. Представимъ себѣ далѣе, что публицисты вырабатываютъ широкую систему спеціально-народнаго кредита; что вмѣсто всевозможныхъ субсидій, гарантій и привилегій частнымъ предпринимателямъ и обществамъ они требуютъ государственной помощи для сохраненія въ народѣ имѣющихся уже у него орудій производства и пріобрѣтенія новыхъ; что нормальнымъ сочетаніемъ экономическихъ силъ они признаютъ не акціонерныя компаніи, а производительныя артели; что успѣховъ земледѣлія они не отдѣляютъ отъ условій благопріятнаго положенія земледѣльца, свободы труда—отъ самостоятельности рабочаго и проч., и проч. Что будетъ, если всѣ эти домогательства публицистовъ осуществятся или приблизятся къ осуществленію? **).

Авторъ отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что тогда, молъ, будутъ развиваться и производство, и потребленіе, но не въ ущербъ, а благодаря благосостоянію народа. И, однако, въ данномъ случаѣ интересенъ не самъ этотъ отвѣтъ, а тотъ фактъ, что публицистъ-гражданинъ видѣлъ въ „государственной помощи", въ организованной дѣятельности на пользу народа надлежащій путь для осуществленія народныхъ идеаловъ въ то время, какъ мы во имя этихъ идеаловъ были, если можно такъ выразиться, рѣшительными „аполитиками". Я не хочу, впрочемъ, перелицовывать Михайловскаго начала 70-хъ годовъ въ прямолинейнаго выразителя взглядовъ, къ которымъ лучшая часть русской интеллигенціи придетъ лишь въ самомъ концѣ десятилѣтія. Онъ былъ бы не человѣкомъ, а ангеломъ или звѣремъ, — простите подвернувшееся мнѣ подъ перо выраженіе Паскаля,—если бы не раздѣлялъ тогда хотя отчасти нашихъ молодыхъ народническихъ иллюзій. Наобо-

*) Т. I, стр. 807 (статья отъ декабря 1872 г.).
**) Ibid., стр. 834 (январь 1873 г.).

ротъ, оцѣнивая съ точки зрѣнія „идеи труда“ различныя драгоцѣнныя вещи въ родѣ науки, свободы, Михайловскій, подобно всѣмъ намъ, опасался, какъ бы достиженіе этихъ благъ цивилизаціи лишь привилегированными классами и даже пропитанной любовью къ народу интеллигенціей не усилило классового характера цивилизаціи, не увеличило разстоянія между нами и трудящимися массами, не легло лишнимъ гнетомъ на плечи мужика. Яркая фраза „пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же“,—фраза, которою въ началѣ 80-хъ годовъ Михайловскій характеризуетъ крайнее настроеніе интеллигенціи 70-хъ годовъ и надъ которой начнутъ точить зубы разные пошляки,—эта фраза въ той или иной формѣ являлась однимъ изъ опредѣляющихъ элементовъ нашей дѣятельности въ то, казалось бы, и недавнее, и далекое время. Но у самого истолкователя нашихъ думъ и стремленій колючесть этой фразы, жгучесть этого жертвеннаго настроенія завертывалась въ ограниченія, условія и смягченія, которыя рѣшительно дѣлаютъ честь политическому чутью писавшаго. Я позволю себѣ процитировать одно изъ наиболѣе характерныхъ мѣстъ его полемики противъ Достоевскаго по поводу „Бѣсовъ“ и „Дневника писателя“:

...Мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій и ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, какъ нѣчто фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ... Мы пришли къ мысли, что мы—должники народа. Можетъ быть, такого параграфа и нѣтъ въ народной правдѣ, даже навѣрное нѣтъ, но мы его ставимъ во главу угла нашей жизни и дѣятельности, хоть, можетъ быть, не всегда сознательно. Мы можемъ спорить о размѣрахъ долга, о способахъ его погашенія, но долгъ лежитъ на нашей совѣсти, и мы его отдать желаемъ. Вы смѣетесь надъ нелѣпымъ Шигалевымъ и несчастнымъ Виргинскимъ за ихъ мысли о предпочтительности соціальныхъ реформъ передъ политическими. Это характерная для насъ мысль, и знаете ли, что она значитъ? Для „общечеловѣка“, для citoyen'a, для человѣка, вкусившаго плодовъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла, не можетъ быть ничего соблазнительнѣе свободы политической, свободы совѣсти, слова устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мыслей (политическихъ сходокъ) и проч. И мы желаемъ этого, конечно. Но если всѣ связанныя съ этою свободой права должны только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка, — мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы! Да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ! А, г. Достоевскій, вы сами citoyen, вы знаете, что свобода вещь хорошая, очень хорошая, что соблазнительно даже мечтать объ ней, соблазнительно желать ея во что бы то ни стало для нея самой и для себя самого. Вы, значитъ, знаете, что гнать отъ себя эти мечты, воздерживаться отъ прямыхъ и, слѣдовательно, болѣе или менѣе легкихъ шаговъ къ ней—есть нѣкоторый подвигъ искупительнаго страданія... *).

Итакъ, наше презрѣніе къ общественной „политикѣ“ во имя

*) Т. I, стр. 868—869 (статья отъ февраля 1873 г.).

народной „экономики“ смягчается у Н. К. Михайловскаго всякій разъ ограниченіемъ, выясненіемъ задачъ момента, вздохомъ искренняго сожалѣнія. Станетъ ли онъ опредѣлять условія, способствующія у насъ развитію стремленій къ рѣшенію „соціальнаго вопроса“, и въ числѣ ихъ онъ не забудетъ указать на то обстоятельство, что

широкая и заманчивая область собственно политическихъ, конституціонныхъ вопросовъ, поглощающая столько литературныхъ силъ въ Европѣ, для насъ заперта на замокъ, ключъ отъ котораго заброшенъ чуть не за тридевять земель, въ тридесятое царство *).

Придется ли ему констатировать, что

самая видная сторона нынѣшней общественной жизни есть несомнѣнно экономическая. Сюда устремлены всѣ помышленія и аппетиты. Поэтому отношеніе литературы къ экономическимъ вопросамъ уже опредѣляетъ до извѣстной степени общую физіономію литературы **),

онъ тутъ же ставитъ зависимость преобладающей „струны“ въ литературѣ „отъ разныхъ обстоятельствъ, опредѣляемыхъ самой жизнью“, и не исключаетъ изъ своего разсужденія той гипотезы, что

такою струною въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ могутъ стать политическіе вопросы ***).

Противопоставитъ ли онъ, по поводу извѣстной иронической параллели Успенскаго (въ „Больной совѣсти“) между западомъ и Россіей, наши „зародышевыя“, безсознательныя добродѣтели яркимъ общественнымъ проявленіямъ добра и зла въ Европѣ, нашу бюрократическую цензуру плутократической европейской, нашего солдатика Кудиныча, который машинально перебилъ на своемъ вѣку много народу, лично очень ему симпатичнаго, версальскому судьѣ, который сознательно пригибаетъ право, чтобы раздавить своего общественнаго врага, коммунара, — и это противопоставленіе нисколько не мѣшаетъ ясной логикѣ и общественному чутью публициста-гражданина вскрыть недоразумѣніе и предостеречь читателя противъ идеализаціи домашнихъ незлобивыхъ, но и невѣжественныхъ потемокъ:

Дѣло въ томъ, что и Прудонъ, и Вильмесанъ, и фигурирующіе въ „Запискахъ“ Успенскаго версальскій неправедный судія и свирѣпый берлинскій побѣдитель,—всѣ эти люди живутъ по совѣсти и шибко живутъ: каково бы ни было дѣло, которому они отдались, но они ему отдались цѣликомъ, совѣстью не болѣютъ, ненавидятъ сильно и сильно любятъ, смѣло заявляютъ, чего они хотятъ, и дѣлаютъ только то, во что вѣрятъ, что хотятъ дѣлать. Въ Европѣ дѣйствуютъ и величіе и подлость, и скромность и наглость, и само-

*) Ibid., стр. 753 (октябрь 1872 г.).
**) Ibid., стр. 838 (январь 1873 г.),
***) Ibid., нѣсколько выше.

отверженіе и эгоизмъ, и продажность и неподкупность, но каждый шагъ тамъ во всякомъ случаѣ сознателенъ. А у насъ?.. Хорошо, конечно, что Кудинычъ добрый, и не хорошо, что версальскій несправедливый судья—злой. Но хорошо ли, что Кудинычъ перебилъ ни въ чемъ неповиннаго, съ его, Кудиныча, точки зрѣнія, черкеса? И такъ ли ужъ дурно то, что версальскій судья бьетъ коммунара, который есть въ его глазахъ дикій звѣрь и врагъ человѣческаго рода? Вообще, что лучше, или пожалуй, что хуже,—врага-ли человѣческаго рода бить, или чудеснѣйшаго человѣка, какого другого не сыщешь? *).

Вдумайтесь въ эти разсужденія, въ эту полушутливую, полутрагическую дилемму, и вы подивитесь той смѣлости, съ какою Михайловскій сводилъ на очную ставку западную классовую цивилизацію и нашу зародышевую, и чуть-чуть не отдавалъ преимущества первой, отдавалъ, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ свѣта, опредѣленности и познанія добра и зла, въ то самое время, какъ большинство изъ насъ, въ пику буржуазности запада, черезчуръ поделащивало и подкрашивало соціальную сторону народныхъ русскихъ инстинктовъ.

Но особенно въ срединѣ 70-хъ годовъ Н. К. Михайловскій сослужилъ замѣчательную службу общественному движенію, взявъ надлежащую среднюю ноту между двумя враждебными теченіями, выработавшимися среди народничества. Собственно говоря, эти два теченія существовали и въ періодъ первоначальнаго молодого энтузіазма, направленнаго въ сторону народа; но на этомъ идейномъ пиру ихъ разница не особенно замѣчалась и по большей части могла объясняться различіемъ въ темпераментахъ. А когда за пиромъ наступило похмѣлье, пора подведенія итоговъ, подсчитыванія успѣховъ и неудачъ, — словомъ, критическій періодъ, слѣдующій, какъ полагается по штату, за органическимъ,—о, тогда большія или меньшія различія въ тактикѣ и самая психологія темпераментовъ вылились въ два особыя міровоззрѣнія, объединенныя между собою лишь не изсякавшею струею любви къ народу. Одна часть активной интеллигенціи дѣйствовала во имя „интересовъ" народа, но къ значительной части его „мнѣній" *)—можетъ быть, за исключеніемъ нѣкоторыхъ экономическихъ традицій, какъ-то общины, артели и т. п.—относилась отрицательно. Она старалась распространять свои, основанные на „знаніи", идеалы среди трудящихся массъ и постепенно замѣнить ими мнѣнія этой среды. Катясь по наклонной плоскости постепеновскаго распространенія этихъ идеаловъ, она скоро изъ группы общественныхъ дѣятелей превратилась въ группу, такъ сказать, соціальныхъ педагоговъ; перестала удовлетворять жаждѣ дѣятельности наиболѣе живыхъ сторонниковъ, оскудѣла, изсякла

*). Т. I, стр. 895—897, passim (мартъ 1873 г.).

*) Терминологія эпохи, слѣдъ которой остался въ тогдашней печати, и которая встрѣчается и въ сочиненіяхъ Михайловскаго.

и выродилась въ неподвижное доктринерство, съ которымъ долженъ былъ, наконецъ, порвать какъ разъ одинъ изъ главнѣйшихъ инициаторовъ этого направленія.

Другая часть активной интеллигенціи ставила своей программой дѣятельность не только во имя „интересовъ", но и во имя „мнѣній" народа, беря и тѣ, и другія исходной точкой своего участія въ общественномъ прогрессѣ. Но такъ какъ значительная доля мнѣній, воззрѣній, стремленій народа поражала ее своею неосмысленностью, а порою чудовищностью, то эта горячая и нетерпѣливая интеллигенція принуждена была, для поддержанія своего энтузіазма къ народу въ его цѣломъ, усиленно предаваться процессу идеализаціи народнаго міровоззрѣнія, стараясь, насколько возможно, приблизить его по содержанію и по цвѣту къ своимъ сознательнымъ идеаламъ. Не умышленно, конечно, производилась эта операція растягиванія, расширенія или, наоборотъ, обрубанія и вообще подкрашиванія. Но въ результатѣ пылкая интеллигенція добилась таки совпаденія — въ своей, разумѣется, горячей головѣ и нетерпѣливомъ сердцѣ — своихъ собственныхъ идеаловъ съ мнѣніями народа, и не только въ сферѣ экономической, но и въ сферахъ философской, общественной и т. п. И чего-чего только мы не идеализировали въ то время: деревенскіе сходы, на которыхъ, молъ, нѣтъ ни подавляющаго большинства, ни подавляемаго меньшинства, а царитъ трогательное единодушіе, до котораго, какъ до звѣзды небесной, далеко всякимъ буржуазнымъ парламентаризмамъ; вольные казацкіе круги, которые въ нашемъ воображеніи охватывали истинно-демократическіе принципы прошедшаго, настоящаго и будущаго и затыкали за поясъ даже „анархію" Прудона; русскій расколъ, приверженцевъ котораго мы цѣликомъ перекрашивали въ нашихъ братьевъ по раціонализму и свободной критикѣ, насчитывая 13 милліоновъ — такъ и говорилось: три-на-дцать милліоновъ!— независимыхъ мыслителей; „трудовое начало", которое, молъ, проникаетъ всю психологію народа. Словомъ, всѣ явленія народной жизни были для насъ предметомъ упоительной фантасмагоріи, заволакивавшей своимъ радужнымъ туманомъ различія между нашими идеалами и народными идолами. Для насъ народъ былъ настоящимъ геніемъ по части соціальнаго творчества; а извѣстно, что

Геній, не учась,
Ученъ, коль придетъ въ восхищенье!..

Не учить, значитъ, должны мы были народъ, а приводить его въ состояніе „восхищенія", за которымъ должно было естественно послѣдовать и дѣйствіе. И тутъ былъ единственный пунктъ, гдѣ грубая и жесткая дѣйствительность разрывала нашу золотую фантасмагорію и заставляла насъ дѣлать уступки реальному міру. Народъ не приходилъ въ состояніе восхищенія: ему

недоставало, — думали мы,—для этого именно лишь иниціативы. „активности". Мы должны были, значитъ, развить въ немъ это чувство активности, помогая ему постоянно „упражняться" въ немъ, создавая предлоги для такого упражненія и вызывая въ немъ сознаніе постоянно ростущей собственной силы. И мы торжественно ссылались на такую-то страницу сочиненій Спенсера, страницу, на которой находили слѣдующую не особенно мудреную мысль: „мускулъ отъ упражненія дѣлается сильнѣе, и въ мышечномъ ощущеніи элементъ усталости играетъ все меньшую и меньшую роль", или что-то въ родѣ этого. Народъ, привыкшій упражнять свою психологію по Спенсеру, сдѣлается, наконецъ, активнымъ дѣятелемъ прогресса и разомъ, однимъ могучимъ напоромъ на несправедливый строй, осуществитъ то „обобществленіе труда", которое на западѣ будетъ вызвано лишь діалектическимъ процессомъ капитализма,—и опять цитата изъ заграничной книги, на сей разъ „Капитала" Маркса...

Пусть читатель не подумаетъ, что я умышленно занимаюсь каррикатурами на прошлое и предаюсь осмѣянію такъ называемыхъ „увлеченій молодости". Во-первыхъ, съ этимъ прошлымъ я связанъ кровными узами глубокой и непоколебимой вѣры въ торжество общечеловѣческой солидарности, и сомнѣнію для меня могутъ подлежать лишь пріемы, лишь тактика дѣятельности, ведущей къ этому торжеству. Во-вторыхъ, не злорадный смѣхъ вызываютъ во мнѣ эти „увлеченія", а — немножко стыдно признаться — неудержимо набѣгающія слезы идейнаго энтузіазма, когда я вспоминаю, какое мужественное сердце билось въ юношеской, почти дѣтской груди моихъ сверстниковъ. Какъ бы то ни было, наши „ученыя" цитаты въ спорахъ о программѣ были, можно сказать, единственною умственною роскошью, которую мы позволяли себѣ въ дѣятельности во имя „интересовъ" и „мнѣній" народа. Въ пику группѣ, названной мною соціальными педагогами, мы очень недовѣрчиво относились къ „наукѣ" и главную роль въ общественномъ прогрессѣ приписывали не „уму", а „чувству" активности. Педантичное и безталанное эхо этого настроенія,—этой—какъ бы сказать?—соціологической вѣры, читатель можетъ найти въ тогдашнихъ статьяхъ (въ „Недѣлѣ") Юзова-Каблица, который, благодаря своему преклонному — какъ казалось намъ тогда—возрасту (ему было, кажется, въ то время лѣтъ около 35) и терпѣливому, чисто начетчицкому корпѣнію надъ русскими переводами Спенсера, Милля, Бэна, а также трудолюбивому выписыванію цитатъ изъ отечественныхъ сочиненій по расколу, народнымъ движеніемъ и т. п., игралъ среди насъ роль авторитетнаго старшаго брата, совѣтника, руководителя, а главное, печатнаго выразителя нашихъ воззрѣній.

И вотъ между этими-то двумя группами передовой интеллигенціи — сторонниками пропаганды знаній и развивателями чув-

ства активности—и сталъ во второй половинѣ 70-хъ годовъ Михайловскій, сталъ, вооруженный настоящею „наукою" и въ то же время понимающій общественное значеніе „чувства", и пытался примирить односторонности обоихъ направленій, призывая обѣ группы къ болѣе трезвому истолкованію тогдашнихъ задачъ. Въ какой степени была важна эта полоса литературной дѣятельности Михайловскаго, видно изъ самой судьбы, постигшей не малую долю приверженцевъ того и другого прогрессивнаго міровоззрѣнія. Большинство руководителей первой группы—за исключеніемъ наиболѣе сильнаго теоретика ея—превратилось въ скоромъ времени въ самыхъ заурядныхъ небокоптителей и въ погонѣ за общественнымъ положеніемъ и „жирными кусками" побросали свой прежній умственный и нравственный багажъ. Да и въ средѣ сторонниковъ „активности" неудачи въ области упражненія чувства вызывали порою очень сильное разочарованіе, особенно у слабыхъ душой. Я помню, какъ, послѣ одной такой очень ужъ наглядной и обидной неудачи, одинъ изъ наиболѣе пылкихъ партизановъ „чувства" — изящная, артистическая, но кисельная натура—изобразилъ свое настроеніе въ красивомъ, но крайне унылому и по существу фальшивомъ стихотвореніи:

Были дни у насъ шумные, бурные,
Звуки чудные всюду неслись,—
Колыхаясь, знамена мишурныя
Надъ ребячьей толпою взвились...
И иного не слышалось голоса,
И другихъ не кричалося словъ:
„Въ Днѣпръ Перуна, Стрибога и Волоса,
Въ воду старыхъ отжившихъ боговъ!..
. . . .
Но на мѣсто разбитаго идола
Не пришелъ воскрешающій Богъ...

Съ другой стороны, я попрошу читателя припомнить, что тотъ самый Юзовъ-Каблицъ, который во второй половинѣ 70-хъ годовъ вырабатывалъ свое мозаичное, но очень бунтарское соціологическое міровоззрѣніе, скоро передвинулся съ своей идеализаціей народа такъ далеко вправо, что въ 80-хъ годахъ, самъ того не замѣчая, очутился среди народничествующей демагогіи. Вотъ какіе подводные камни лежали, и не особенно глубоко, въ руслѣ того теченія, которое сливало въ одно „интересы" и „мнѣнія" народа, и во имя яко бы безошибочнаго соціальнаго инстинкта, во имя „упражненія чувства", пренебрегало „умомъ" и „критическою мыслію".

Въ русской печати едва-ли не первымъ явственнымъ выраженіемъ идеализаціи народа, выраженіемъ, которое было бы несправедливо смѣшивать съ простымъ славянофильствомъ,—явилась въ то время „Недѣля" и именно въ статьяхъ П. Ч. во второй половинѣ 1875 г. Самъ П. Ч., — тогда, если не ошибаюсь, очень

почтенный земецъ изъ молодыхъ, — былъ чуждъ воинственныхъ элементовъ міровоззрѣнія той интеллигенціи, которая шла въ сторону упражненія чувства и уже стала вырабатывать въ эту пору соотвѣтствующую доктрину. Но съ П. Ч. упомянутую интеллигенцію сближали принятіе къ свѣдѣнію и исполненію не только интересовъ, но и мнѣній народа и рѣшительное предпочтеніе деревни городу. И, однако, именно противъ этой огульной идеализаціи, горѣвшей яркимъ пламенемъ въ душѣ наиболѣе передовой интеллигенціи того времени, не побоялся возстать Михайловскій, обращаясь черезъ голову П. Ч. къ молодой, энергичной и страстной, но увлеченной на скользкій путь аудиторіи. Вспомните горячія строки, съ которыми къ намъ обращался публицистъ-гражданинъ и которыя въ извѣстной части авангарда движенія вызывали временно не только разочарованіе въ любимомъ писателѣ, но прямой гнѣвъ, чуть не идейную ненависть къ предостерегавшему:

Можетъ быть, г. П. Ч., основательно изучивъ „русскую жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями", убѣдился, что она не выражаетъ ничего иного, какъ принципъ солидарности и нравственной связи? Въ такомъ случаѣ ему жить просто, и я ему глубоко завидую, какъ вообще ученымъ людямъ. Я—профанъ и тутъ. У меня на столѣ стоитъ бюстъ Бѣлинскаго, который мнѣ очень дорогъ, вотъ шкафъ съ книгами, за которыми я провелъ много ночей. Если въ мою комнату вломится русская жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями и разобьетъ бюстъ Бѣлинскаго и сожжетъ мои книги, я не покорюсь и людямъ деревни; я буду драться, если у меня, разумѣется, не будутъ связаны руки. И если бы даже меня осѣнилъ духъ величайшей кротости и самоотверженія, я все таки сказалъ бы, по малой мѣрѣ: прости имъ Боже истины и справедливости, они не знаютъ, что творятъ! Я всетаки, значитъ, протестовалъ бы. Я и самъ сумѣю разбить бюстъ Бѣлинскаго и сжечь книги, если когда-нибудь дойду до мысли, что ихъ надо бить и жечь, но, пока они мнѣ дороги, я ни для кого ими не поступлюсь. И не только не поступлюсь, а всю душу свою положу на то, чтобы дорогое для меня стало и другимъ дорого, вопреки, если случится, ихъ бытовымъ особенностямъ *).

Припомните также ту многозначительную програму, которую Михайловскій противопоставлялъ нашему крайнему народничеству:

Безспорно, что у мужика есть чему поучиться, но есть и намъ что ему передать. И только изъ взаимодѣйствія его и нашего и можетъ возникнуть вожделѣнный новый періодъ русской исторіи. Голосъ деревни слишкомъ часто противорѣчитъ ея собственнымъ интересамъ, и задача состоитъ въ томъ, чтобы искренно и честно, признавъ интересы народа своею цѣлью, сохранить въ деревнѣ, какъ она есть, только то,что дѣйствительно этимъ интересамъ соотвѣтствуетъ. Дѣло идетъ объ обмѣнѣ между нами и народомъ, обмѣнѣ честномъ, безъ шулерства и заднихъ мыслей, въ результатѣ котораго получается равенство обмѣненныхъ цѣнностей. О, если-бы я могъ утонуть, расплыться въ этой сѣрой, грубой массѣ народа, утонуть безповоротно, но сохранивъ тотъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть насчетъ того же

---

*) Т. III, стр. 692 („Записки профана". декабрь, 1875 г.).

народа! О, если бы и вы всѣ, читатели, пришли къ такому же рѣшенію, особенно у кого свѣточъ горитъ ярче моего и вообще свѣтло и безъ копоти.. Какая бы это вышла иллюминація и какой великій историческій праздникъ она отмѣтила бы собою! Нѣтъ равнаго ему въ исторіи *)...

Минуя рядъ статей, въ которыхъ въ теченіе цѣлаго 1876 г. Михайловскій боролся съ идеализаціей деревни и „провинціи", нравственнаго элемента и соціальнаго „чувства", доставшагося якобы на долю чуть не одного только мужика, я перехожу къ той группѣ статей 1877—1878 гг., которая была направлена противъ односторонности міровоззрѣнія, основаннаго исключительно на упражненіи активности и которая возбудила опять таки рѣзкое неудовольствіе, какъ среди крайнихъ выразителей этого теченія, такъ и среди умиравшей уже фракціи соціальныхъ педагоговъ, — тамъ и здѣсь по совершенно противоположнымъ, конечно, причинамъ. Скромное и слегка маниловствующее „чувство" П. Ч. превратилось въ бунтарское „чувство" Юзова и противопоставило себя „уму" не только какъ тактическій пріемъ, но и какъ исключительный источникъ общественнаго міровоззрѣнія. И вотъ, когда Михайловскій рѣшилъ поднять противъ этой односторонности знамя цѣльнаго двуединаго человѣка, вооруженнаго нравственнымъ стремленіемъ къ добру, но и критической оцѣнкой этого добра, съ крайнихъ крыльевъ передовой интеллигенціи на него посыпались упреки противоположнаго характера: сторонники активности негодовали за то, что онъ недостаточно сокрушилъ „умъ" во славу „чувства"; соціальные педагоги укоряли, наоборотъ, мыслителя за то, что онъ призналъ правомѣрность чувства на ряду съ умомъ.

Я разумѣю, во-первыхъ, его страстно читавшіяся „Письма о правдѣ и неправдѣ", гдѣ онъ призывалъ насъ къ одновременному служенію правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости, и гдѣ онъ выставилъ верховнымъ критеріемъ идейной жизни и дѣятельности очень важный для того историческаго момента принципъ „личности". Помните его очень смѣлыя по тому времени строки, въ которыхъ онъ, вмѣсто того, чтобы строить себѣ народническаго идола изъ общины,—а вѣдь его въ 90-хъ годахъ упрекали въ этомъ марксисты, вылупившіеся изъ запамятовавшихъ народниковъ,—вмѣсто того, говорю я, чтобы растекаться вмѣстѣ съ нами въ безусловномъ умиленіи передъ общиной, онъ развивалъ слѣдующую мысль:

Сторонники общины, по крайней мѣрѣ благоразумные, не дѣлали себѣ, однако, изъ нея фетиша, передъ которымъ надо лбы разбивать. Они не говорили, что община дорога, потому что она—община. Они видѣли въ ней лишь надежное убѣжище для крестьянской личности отъ грядущихъ бѣдъ капиталистическаго порядка. Правда была на ихъ сторонѣ, потому что съ

*) Т. III, стр. 707.

распущеніемъ общины, если не явится какой нибудь противовѣсъ со стороны, у насъ долженъ повториться процессъ европейскаго экономическаго развитія *).

Но въ особенности я обращу вниманіе читателя на полемику Н. К. Михайловскаго противъ уже упомянутыхъ крайностей направленія сторонниковъ активности и въ частности противъ статей Юзова „Умъ и чувство, какъ факторы прогресса" и т. п. Теперь весь этотъ споръ можетъ показаться академическимъ; но тогда Юзовъ выговаривалъ суконнымъ языкомъ лишь то, что кипѣло и бурлило въ нашемъ молодомъ сердцѣ, во имя чего мы хотѣли жить и ради чего готовы были сложить голову. Какое намъ дѣло было до того, что нашъ адвокатъ не блисталъ талантомъ и завертывалъ въ безконечныя, до комичности точныя цитаты наше міровоззрѣніе, разъ онъ провозглашалъ главный членъ нашего тогдашняго символа вѣры, неизмѣримое преимущество „дѣла" и „примѣра" надъ „словами" и „книжкой"! „Не распространеніе идей о независимости, а только поступки, внушаемые чувствомъ независимости, развиваютъ и усиливаютъ это чувство"— выговаривалъ суконный языкъ Юзова; и мы готовы были прижать къ сердцу нашего истолкователя, который проводитъ въ печати наше практическое міровоззрѣніе. Можете себѣ представить, какимъ негодованіемъ пылали наши сердца на любимаго—да, всетаки на любимаго писателя (о, тайна юношескаго энтузіазма, сотканнаго изъ противорѣчій!), на писателя, говорю я, который обливалъ насъ ушатомъ холодной воды и обидно-презрительно отзывался объ упражненіяхъ Юзова, стараясь въ то же время присоединить къ нашимъ парусамъ „чувства" и необходимый грузъ „ума":

Читатель можетъ сказать, что статья „Умъ и чувство, какъ факторы прогресса" совсѣмъ не требовала столь длиннаго объ ней разговора. Это отчасти—правда, но только отчасти. Не въ самой статьѣ тутъ дѣло, а въ читателяхъ, въ тѣхъ особенностяхъ нашего темперамента, о которыхъ рѣчь шла выше. Если авторъ перегибаетъ лукъ въ извѣстную сторону, то читатели, при извѣстныхъ условіяхъ, перегибаютъ его еще сильнѣе. Хорошій поступокъ прекрасенъ и желателенъ, хорошее чувство тоже прекрасно и желательно, но предавать изъ-за этого всесожженію мысль, знаніе, логику, „голову", „книжку"—отнюдь не приходится. Это совсѣмъ не такіе предметы, которые не могутъ ужиться рядомъ. Тяжба между умомъ и чувствомъ безобразна и не имѣетъ рѣшительно никакого raison d'être **).

Я лишь мимоходомъ упомяну, что конецъ этой статьи былъ посвященъ защитѣ Иванова (Успенскаго), который усмотрѣлъ изъяны въ нашемъ идолѣ-мужикѣ, при чемъ Н. К. Михайловскій доказывалъ, что тутъ дѣло не въ самомъ „мужикѣ", а въ „пагубныхъ условіяхъ"... Это я къ слову и въ назиданіе читателямъ,

*) Т. IV, стр, 452 (январь 1878 г.).
**) Т. IV, стр. 545—546 (апрѣль 1878 г.).

которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ могли присутствовать п перелицовываніи нашего автора противниками въ типичнаго якобы народника.

И снова, скрипя и лязгая, развертывается желѣзная цѣпь исторической необходимости. И новыя звенья ея проходятъ передъ глазами, приковывая вниманіе и сердце участниковъ въ русскомъ прогрессѣ. На рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ, въ это и трагически-печальное, и хорошее время, все общество какъ будто просыпается, и было отчего: герцеговинское возстаніе, а затѣмъ освободительная война, стоившая стольких жертвъ, приведенная къ болѣе или менѣе благополучному концу лишь цѣною очень значительныхъ усилій и оставившая по себѣ глубокое недовольство въ обществѣ; безстыдная эпопея хищенія, продѣланная нашими рыцарями первоначальнаго накопленія и тепличнаго производства, такъ сказать, въ самомъ пылу борьбы, по пятамъ, а то и внутри арміи, служившей экспериментомъ для грандіозныхъ продѣлокъ подрядчиковъ, поставщиковъ, интендантовъ, желѣзнодорожниковъ; явные признаки истощенія платежныхъ силъ народа, въ особенности въ связи съ введеніемъ новыхъ, вызванныхъ войною налоговъ; рядъ политическихъ процессовъ,—все это создавало нервную, насыщенную электричествомъ атмосферу, въ которой барометръ общественной жизни, отражая вліяніе надвигавшихся и удалявшихся грозъ, неистово прыгалъ, то внизъ, то вверхъ, и разные авгуры въ бюрократіи, обществѣ и печати старались тщетно предугадать завтрашнюю погоду...

Всѣхъ чуче отражала на себѣ, по обыкновенію, задачи современности передовая интеллигенція, которая принуждена была подъ давленіемъ обстоятельствъ значительно видоизмѣнить и расширить свое міровоззрѣніе. Ея идеализація народа сильно поколебалась. Присматриваясь къ деревенской дѣйствительности, она видѣла, что усердно насаждавшійся послѣ крестьянской реформы капитализмъ уже дѣлалъ свое дѣло. Перелистывая наивныя и горячія статьи этой эпохи, читатель встрѣтитъ въ иныхъ изъ нихъ довольно интересную амальгаму народничества и марксизма, — констатированіе разложенія общины и одновременное приглашеніе бороться „противъ капитализма“ во имя интересовъ народа, опираясь отчасти и на зарождающагося пролетарія. Такова одна изъ статей исчезнувшаго съ тѣхъ поръ изъ литературы сотрудника „Дѣла“, Н. Русанова, писавшаго „противъ экономическаго оптимизма“ г. В. В. и обронившаго фразу насчетъ того, что если не всякой общинѣ, то русской придется, вѣроятно, „пойти на выучку къ капитализму“, — фразу, которая 15 лѣтъ спустя подхвачена марксистами и выставлена уже чуть не какъ лозунгъ партійной дѣятельности.

Съ другой стороны, наиболѣе активная часть интеллигенціи,

сознательно обрекавшая себя въ теченіе 70-хъ годовъ на жертву народной „экономики", не могла, наконецъ, не убѣдиться, что даже во имя этой экономики она должна была внести въ свою программу и одновременное преслѣдованіе задачъ гражданственности или, выражаясь возвышенно, „политики", какъ общественныхъ условій или какъ общей арены, въ широкихъ барьерахъ которой могли бы заявлять о своей правомѣрности не только земельные идеалы народа, но и всяческія проявленія народной души, энергіи, чувства, народной воли... Въ самомъ дѣлѣ, мы всѣ готовы были и въ эту пору раствориться въ народѣ съ „свѣточемъ истины и идеала" въ рукахъ; но что было дѣлать, когда бури и ливни гасили этотъ свѣточъ. Поневолѣ вопросъ становился не только народнымъ, а и общественнымъ, можно сказать, общечеловѣческимъ вопросомъ русскихъ людей. Центръ тяжести переносился изъ деревни въ городъ; и авангарду интеллигенціи приходилось брать на себя не только роль искренняго защитника народа, но и ускорителя, упредителя естественнаго развитія русской цивилизаціи. Снова, со времени отмѣны крѣпостного права, передъ всѣми хорошими русскими людьми ставился общенародный великій вопросъ, на почвѣ котораго могли въ данный моментъ сойтись люди различныхъ направленій, за исключеніемъ, конечно, прямыхъ наслѣдниковъ крѣпостническаго міровоззрѣнія. И въ первыхъ рядахъ новой освободительной арміи естественно должна была очутиться та часть интеллигенціи, которая всегда отличалась способностью приносить историческія жертвы и которая цѣлое десятилѣтіе подавляла свои естественныя стремленія къ широкой гражданственности во имя сѣраго, трудомъ и лишеніями жившаго, но кровно дорогого ей народа... Какимъ блестящимъ выраженіемъ и объясненіемъ перелома въ нашемъ міровоззрѣніи были огнемъ писанныя въ то время статьи Н. К. Михайловскаго! Перечитайте хоть нѣкоторые отрывки ихъ: неизмѣримо лучше, чѣмъ могу это сдѣлать я, они передаютъ и обосновываютъ новую историческую программу, выводя ее изъ недостатковъ прошлой:

Скептически настроенные по отношенію къ принципу свободы, мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя...„Пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же" — вотъ какъ, примѣрно, можно выразить это настроеніе въ его крайнемъ проявленіи. И все это ради одной возможности, въ которую мы всю душу клали; именно возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства. Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь... Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо своею многочисленностью, возьмутъ на себя починъ проложенія этого пути. Это была возможность. Теоретическою возможностью она остается въ нашихъ глазахъ и до сихъ поръ. Но она убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безпощадно, сообразно чему наша программа осложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства... Та теоретическая возможность, въ кото-

рую мы всю душу свою клали, только на этихъ элементахъ... и могла быть построена... Но если между этими элементами протискивается всемогущій братскій союзъ мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ, то наша теоретическая возможность обращается въ простую иллюзію, а вмѣстѣ съ тѣмъ отреченіе отъ элементарныхъ параграфовъ естественнаго права теряетъ всякій смыслъ. Очевидно, никому отъ этого отреченія ни тепло, ни холодно, кромѣ отрекающихся, которымъ холодно, и всемогущаго братскаго союза, которому тепло. Да, ему тепло, и въ этомъ корень вещей. Оказывается, что если европейскія учрежденія не гарантируютъ народу его куска хлѣба, и есть тамъ „милліоны голодныхъ ртовъ отверженныхъ пролатеріевъ" (выраженіе Достоевскаго, съ которымъ здѣсь, между прочимъ, полемизируетъ Михайловскій, Н. К.), рядомъ съ тысячами жирныхъ буржуа, то наши наличные порядки фактически тоже ничего не гарантируютъ, кромѣ акридъ и дикаго меду для желающихъ и не желающихъ ими питаться. Грубѣе, разумѣется, у насъ все это выходитъ, наглѣе, безформеннѣе, но, спрашивается, какого добраго почина не задавитъ всемогущій братскій союзъ, пока мы только себя въ себѣ искать будемъ? Пусть-ка г. Достоевскій попробуетъ, ну хотъ въ сельскіе учителя поступить, да тамъ поговорить, напр., о томъ, что, дескать, „не можетъ одна малая часть человѣчества владѣть всѣмъ человѣчествомъ, какъ рабомъ". Пусть попробуетъ въ этомъ направленіи поработать на родной нивѣ, а мы посмотримъ, въ какомъ видѣ онъ оттуда выскочитъ. Вотъ о себѣ, въ себѣ, надъ собой, это точно что вездѣ и всегда можно, на виду у всякаго союза, потому что это союзу на руку... Въ отношеніи аппетита, наглости и фактическаго могущества, нашъ союзъ никакимъ европейскимъ буржуа не уступитъ. И какъ же, значитъ, запоздалъ г. Достоевскій и комп. съ своимъ хихиканьемъ надъ западомъ! Вотъ, если бы онъ протестовалъ тогда, когда нашъ союзъ только еще слагался — то другое дѣло, а онъ хладнокровно присутствовалъ при снятіи головы и теперь плачетъ по волосамъ... Ахъ, господа, дѣло, въ сущности, очень просто. Если мы, въ самомъ дѣлѣ, находимся наканунѣ новой эры, то нуженъ прежде всего свѣтъ, а свѣтъ есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна безъ личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требуетъ гарантій. Какія это будутъ гарантіи — европейскія, африканскія, „что Литва, что Русь ли"—не все ли равно, лишь бы онѣ были гарантіями? Надо только помнить, что новая эра очень скоро обветшаетъ, если народу отъ нея не будетъ ни тепло, ни холодно *).

Такъ само историческое развитіе Россіи сближало разорванныя половины одного великаго цѣлаго, „экономику" и „политику", соединявшіяся въ живое и могучее тѣло общественнаго прогресса. И въ печати роль главнаго объединителя родственныхъ, но враждовавшихъ стремленій принадлежала Н. К. Михайловскому...

Событіе 1-го марта 1881 г. легло трагическою гранью между начавшимся было здоровымъ общерусскимъ движеніемъ и рефлективными, чаще всего попятными, а въ лучшемъ случаѣ односторонними попытками двухъ послѣдующихъ десятилѣтій. Прежде всего надъ страной пронесся ураганъ общественной реакціи: общество и печать, потерявъ въ моментъ бури и компасъ, и грузъ

*) Т. IV, стр. 952, 957—958, passim („Литературныя замѣтки" отъ сентября 1880 г.).

общерусскаго дѣла, и чувство самообладанія, побросавъ въ одинъ мѣшокъ и больныя, и здоровыя головы, самообвиняли, самозаушали, самоуничтожали себя, приготовляя для самихъ же себя власяницу и неудобоносимыя вериги. Въ ночи, наступившей за потерей яснаго сознанія въ обществѣ, царили безраздѣльно фантасмагоріи, ходили призраки болѣзненнаго воображенія и чудовищныя созданія страха и ненависти. А скоро, на почвѣ, подготовленной галлюцинаціями, появились и настоящіе выходцы съ того свѣта. Тѣ самые злые колдуны и вампиры, которыхъ само общество всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ похоронило, казалось, безвозвратно, выходили изъ своихъ гробовъ, съ необсохшей еще исторической кровью на губахъ и требовали свѣжей горячей крови и новыхъ жизней. Проснулись въ развалинахъ дореформенныхъ храминъ сычи и нетопыри, тяжело ширяя крыльями. Пришелъ и пресловутый страшный „Вій“ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (этимъ выраженіемъ Михайловскій заклеймилъ Каткова), пришелъ и показалъ своимъ желѣзнымъ пальцемъ на всю Россію. И произошло то, что читаешь съ замирающимъ сердцемъ у Гоголя. Мы такъ и не дождались освободительнаго пѣнія пѣтуха...

Въ эту-то тяжелую ночь Н. К. Михайловскій стоялъ, какъ отважный левъ, на „славномъ посту“ цивилизаціи, защищая грудью общество и нашу печать противъ шакаловъ, псовъ и ядовитыхъ змѣй,—стоялъ, презирая и волчьи пасти, и обезьяньи гримасы, и ослиныя копыта. Нельзя читать безъ волненія эти то негодующія, то саркастическія, то исполненныя глубокой печали статьи, въ которыхъ свѣтлая мысль и гражданское мужество философа-публициста боролись противъ хаотическаго смѣшенія понятій и возмутительнѣйшей исторической подтасовки, продѣлываемой общественными шулерами на спинѣ народа, но яко бы во имя интересовъ его. То была, дѣйствительно, пора разцвѣта народничествующей демагогіи, которая, каррикатурно исказивъ наслѣдіе 70-хъ годовъ, „высаживала днище“ у цивилизаціи во имя будто бы истинныхъ идеаловъ мужика. Я напомню лишь ожесточенную полемику, завязавшуюся въ литературѣ по поводу опредѣленія слова „интеллигенція“ и имѣвшую, вопреки своему на первый взглядъ схоластическому характеру, глубоко жизненный, историческій и, если хотите, трагическій смыслъ. Шулерамъ-демагогамъ надо было, дѣйствительно, во что бы то ни стало, выдать передовую часть интеллигенціи за злѣйшаго врага русскаго народа и, раздавивъ ее во имя этого народа, расправиться затѣмъ съ послѣднимъ уже по своему, не смущаясь отнынѣ предостереженіями и негодующими криками авангарда прогрессивной арміи.

Споръ о значеніи слова „интеллигенція“ былъ, такимъ образомъ, въ сущности, отраженіемъ въ литературѣ жизненной борьбы между истинными друзьями народа и рядившимися въ маску народолюбія господами его и эксплуататорами. Слишкомъ извѣстны

перипетіи этой полемики и слишкомъ памятна роль въ ней Михайловскаго, чтобы я могъ подробно остановиться на этомъ эпизодѣ литературной дѣятельности нашего автора. Я напомню лишь кой-какія мысли одной изъ самыхъ многозначительныхъ статей его:

...Мы можемъ съ чистою совѣстью сказать: мы—интеллигенція, потому что мы многое знаемъ, обо многомъ размышляли, по профессіи занимаемся наукой, искусствомъ, публицистикой: слѣпымъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы—чужіе ему, какъ и всѣ такъ называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разумъ нашъ съ нимъ... Русской интеллигенціи стыдно и должно быть стыдно идти нога въ ногу съ буржуазіей, потому что ей, этой интеллигенціи, извѣстно то, что не было въ свое время извѣстно европейской... Мы не можемъ призвать къ себѣ буржуазію не то что съ энтузіазмомъ, а даже просто безъ угрызеній совѣсти, ибо знаемъ, что торжество ея равносильно отобранію у народа его хозяйственной самостоятельности... Въ противность той дружбѣ интересовъ, какая существовала одно время въ Европѣ между интеллигенціей и буржуазіей, наша интеллигенція съ буржуазіей дружить не можетъ. Но можетъ ли въ свою очередь *наша* буржуазія дружить съ интеллигенціей? Тоже нѣтъ. Интеллигенціи, по самой ея сущности, нужна свобода мысли и слова... А между тѣмъ буржуазіи нашей совершенно не нужны ни эти прекрасныя вещи, ни сопредѣльныя съ ними... Нашъ капитализмъ въ настоящую минуту нуждается не въ свободѣ, а напротивъ, въ привилегіи, покровительствѣ, регламентаціи, правительственныхъ гарантіяхъ, субсидіяхъ. А, не нуждаясь въ свободѣ вообще, онъ всего менѣе нуждается въ свободѣ мысли и слова *).

Возвращаясь еще разъ къ жгучему вопросу тогдашней дѣйствительности, Н. К. Михайловскій ставитъ такъ дилемму внутренней „политики“:

Русская интеллигенція и русская буржуазія не одно и то же и до извѣстной степени даже враждебны и должны быть враждебны другъ другу; предоставьте русской интеллигенціи свободу слова и мысли—и, можетъ быть, русская буржуазія не съѣстъ русскаго народа; наложите на уста интеллигенціи печать молчанія—и народъ будетъ навѣрное съѣденъ **)...

Читатель схватитъ сейчасъ же центръ аргументаціи этихъ по необходимости отрывочныхъ мыслей, заключенныхъ въ отрывочныхъ цитатахъ, если не упуститъ изъ вниманія, что, въ сущности, подъ интеллигенціей здѣсь разумѣется не группа ученыхъ мандариновъ, измѣряющихъ свою умственность количествомъ полученныхъ дипломовъ, и даже не просто такъ называемые культурные люди, могущіе членораздѣльно выражать аппетиты различныхъ привилегированныхъ классовъ, но то, все ростущее по мѣрѣ прогресса, ядро служителей убѣжденія, значеніе котораго постоянно увеличивается среди современнаго общества. Въ тотъ моментъ, когда Михайловскій писалъ упомянутыя строки, этимъ ядромъ являлся авангардъ русской прогрессивной арміи, прочно

*) Т. V, стр. 538—544, passim („Записки современника“ отъ декабря 1881 г.).

**) Ibid., стр. 566 (январь 1882 г.).

объединившій въ своемъ міровоззрѣніи народную „экономику“ и общерусскую „политику“...

И потянулись надъ русскимъ обществомъ сѣрые, нескончаемые дни прозябанія, дни

Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви...

Приходилось вооружиться героизмомъ терпѣнія и, когда болотные огоньки мнимо-народной политики завели пятившуюся назадъ страну въ трясину возобновлявшагося крѣпостничества, вести скучную, но необходимую борьбу за каждый маленькій клочекъ остававшейся еще подъ ногами твердой почвы, отстаивать по самомалѣйшему поводу интересы мысли и развитія, снова и снова возвращаться къ запамятованнымъ рѣшеніямъ общественныхъ задачъ, снова и снова повторять „забытыя слова“. Такова была въ 80-хъ годахъ роль Н. К. Михайловскаго, которому пришлось перемѣнить тяжелую палицу на простую азбучную указку и повторять зады короткопамятнымъ ученикамъ. Послѣ одной изъ попытокъ практическаго напоминанія „забытыхъ словъ“—на этотъ разъ „совѣсти“ и „чести“,—публицистъ-гражданинъ превращается въ „Посторонняго“, письма котораго свидѣтельствуютъ, не смотря на забавно контрастирующій съ ними характеръ литературнаго псевдонима, о живѣйшемъ, о кровномъ интересѣ писавшаго ко всѣмъ задачамъ тогдашней современности.

Обычная чуткость и обычная дальновидность Михайловскаго ставятъ порою и на этотъ разъ его взгляды не то что въ прямое противорѣчіе, а въ самостоятельную позицію по отношенію къ господствующимъ воззрѣніямъ передовой интеллигенціи. Я разумѣю хотя бы очень интересную оцѣнку Михайловскимъ выводовъ, заключенныхъ въ извѣстной книгѣ г. В. В. Большинство изъ насъ слишкомъ безусловно принимало всѣ заключенія этого умнаго, но односторонняго писателя. Дѣйствительно, автору „Судебъ капитализма въ Россіи“ принадлежитъ честь чуть ли не наиболѣе самостоятельной попытки рѣшить вопросъ объ экономической будущности Россіи, исходя изъ анализа экономическихъ же условій ея. Но ироніи исторіи было угодно, чтобы въ тотъ самый моментъ, когда его взгляды пользовались среди насъ наибольшею популярностью, факты и цифры, заключенные въ его книгѣ и послѣдующихъ статьяхъ и по необходимости передававшіе положеніе вещей, бывшее нѣсколько лѣтъ назадъ, стали отставать отъ дѣйствительности, которая именно въ эту пору начала обнаруживать, наконецъ, могущественное вліяніе „политики“ на „экономику“. Субсидіи и гарантіи произвели, наконецъ, свое дѣйствіе; и тепличное растеніе капитализма, поливаемое въ оградѣ покровитель-

ственныхъ тарифовъ золотымъ дождемъ всяческихъ воспособленій, отнынѣ могло быть пересажено на болѣе или менѣе вольный воздухъ, подъ болѣе или менѣе открытое небо и здѣсь расцвѣсти и войти въ силу, хотя бы лишь въ извѣстныхъ отросляхъ промышленности.

Какъ бы то ни было, забывая именно тѣсное взаимодѣйствіе между политикой и экономикой и могущественное вліяніе первой на вторую въ эту эпоху, мы черезчуръ вѣрили въ невозможность развитія русскаго капитализма. Но посмотрите, какія ограниченія уже въ первой половинѣ 80-хъ годовъ вносилъ Михайловскій въ эту абсолютную теорію и съ какимъ мастерствомъ онъ изъ самыхъ выводовъ г. В. В. извлекалъ дополняющія ихъ возраженія. Я не могу, къ сожалѣнію, входить въ подробности и отсылаю читателя къ самой статьѣ Михайловскаго, изъ которой я позволю себѣ сдѣлать лишь слѣдующія, по необходимости отрывочныя выдержки:

...Вотъ, значитъ, въ чемъ дѣло. У насъ, значитъ, возможно въ обширныхъ размѣрахъ и уже практикуется: во-первыхъ, отлученіе производителей отъ силъ природы и орудій производства, каковое отлученіе есть неизбѣжный спутникъ и даже фундаментъ капиталистическаго строя; возможно то, что сейчасъ казалось невозможнымъ—законченныя формы капитализма; только онѣ безсильны охватить все производство страны. Этого онѣ не могутъ. Ну, а въ Европѣ могутъ? До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, тоже не могли... Для истиннаго пониманія его (г. В. В.) оригинальнаго тезиса о невозможности у насъ капиталистическаго строя, въ противоположность Европѣ, гдѣ онъ имѣетъ свои raisons d'être; для правильнаго пониманія этого тезиса надо имѣть съ виду, что капиталистическій строй въ Европѣ не такъ ужъ господствуетъ, а у насъ не такъ ужъ отсутствуетъ, чтобы даже для отдаленнаго будущаго можно было противополагать наши экономическіе порядки европейскимъ. Безъ сомнѣнія, нашъ капитализмъ находится еще въ зачаточномъ состояніи, и въ данный историческій моментъ мы можемъ съ сравнительно большимъ удобствомъ выбирать характеры своей экономической политики. Но положеніе о невозможности, химеричности нашего капитализма надо понимать съ тѣми ограниченіями, которыя я сейчасъ заимствовалъ у самого г. В. В.: эта невозможность далеко не абсолютная, и, можетъ быть, даже не совсѣмъ правильно называть ее невозможностью *).

Послѣдующіе годы показали проницательность и дальновидность этихъ дополняющихъ и ограничивающихъ возраженій: именно въ то самое время, какъ шулера народничествующей демагогіи старались отводить глаза публики криками и изліяніями нѣжныхъ чувствъ къ народу, къ нему, доброму, вѣрному, любимому и въ свою очередь „любящему“, на подобіе карасей, быть подаваемымъ на столъ господамъ подъ соусомъ изъ сметаны,—именно въ это самое время практиковалась система самаго послѣдовательнаго водворенія капитализма. Интересы фабрикантовъ и заводчиковъ становились центромъ національнаго производства. Все выше и выше подни-

*) Т. V, стр. 781—782 (іюль 1883 г.).

мались стѣны охранительныхъ, „раціональныхъ“—о, иронія названія!—тарифовъ. Изъ „зачаточнаго состоянія“ капиталъ быстро переходилъ въ состояніе жизнеспособнаго, жаднаго, прожорливаго чудовища, которое и здѣсь, и тамъ впустило свои цѣпкіе присоски въ тѣло труда и принялось его „организовать“ по-своему, вознаграждая интенсивностью выкачиванія прибавочной стоимости спорадичность этого процесса.

Но эти годы „здравой, бодрой и истинно-русской“ политики... капиталистовъ были вмѣстѣ съ тѣмъ—и отчасти по тому самому—годами отсутствія всякой настоящей политики, если разумѣть подъ этимъ словомъ то, что разумѣлъ подъ нимъ старикъ Аристотель, а именно—общеніе людей, имѣющее цѣлью удовлетвореніе коллективной потребности „жить и хорошо жить“ (τό ζῆν καί τό εὖ ζῆν). Общественная реакція, обнаруживая поразительную слабость положительной мысли, занималась жалкимъ подогрѣваніемъ остатковъ и отбросовъ крѣпостнической кухни. Съ количественнымъ, а главное качественнымъ ослабленіемъ переводой интеллигенціи, мѣсто здоровыхъ соціальныхъ стремленій заняли болѣзненные личные идеалы не связанныхъ ничѣмъ между собою людей, уныло или комично-самоувѣренно бредшихъ куда попало. Ренегаты, измѣнившіе своему прошлому ради пироговъ, спокойной жизни и дѣтишекъ, нуждавшихся въ молочишкѣ, не ограничивались ролью Ивановъ, не помнящихъ родства, но еще требовали себѣ почета, уваженія и прочихъ „вещественныхъ знаковъ невещественныхъ отношеній“, требовали какъ разъ за это самое запамятованіе и за каждый плевокъ въ своихъ бывшихъ, живыхъ и мертвыхъ товарищей. Порядочные слабые люди и просто непорядочная шушера занялись различными операціями „надъ собой, о себѣ, въ себѣ“, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Михайловскій охарактеризовалъ дѣятельность Достоевскаго. Г. Минскій хоронилъ „при свѣтѣ совѣсти“ свой недавно еще свѣжій, гуманный и симпатичный талантъ и, въ потугахъ полуторавершковаго титанизма, гримасничалъ и мэонилъ Богъ знаетъ что. Г. Волынскій, стоя передъ зеркаломъ своего самомнѣнія, усердно трепанировалъ собственную голову и безъ всякой жалости—къ читателямъ—„обнажалъ“ тамъ „новыя мозговыя линіи“ и „новыя душевныя складки“. Гг. Дистерло и Единицы—мели Емеля, твоя „Недѣля“—взяли на себя подрядъ поставлять „новыя слова“. Добросовѣстные, но измельчавшіе, выродившіеся „народники“ 80-хъ годовъ приставали къ Михайловскому съ микроскопическими недоумѣніями и вопросиками, какъ же, наконецъ, имъ быть „съ интересами“ и „мнѣніями“ народа. Гг. Ясинскіе, не довольствуясь своими беллетристическими лаврами, въ значительной мѣрѣ подтибренными у французскихъ натуралистовъ, закладывали основаніе той претенціозной эстетической галиматьѣ, которая должна была расцвѣсти и принести свой плодъ въ 90-хъ годахъ...

И соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей,—

ну, соловей, не соловей, а цѣлый хоръ поэтиковъ и виршеплетовъ, пѣвшихъ, впрочемъ, хуже не только Щербины, но и обыкновеннаго соловья...

И на всю эту пустопорожнюю, самоувѣренную, лишенную настоящихъ идей и просто здраваго смысла дребедень долженъ былъ критически откликаться Н. К. Михайловскій, пытаясь сохранить душу живу у своихъ читателей и довести ихъ людьми среди тяжелаго путешествія сквозь бурю и мракъ реакціонной ночи въ направленіи къ солнцу общечеловѣческаго идеала. И если невольная гордость охватываетъ душу единомышленниковъ Михайловскаго, когда они оглядываются на героическую кампанію, веденную имъ противъ могущественныхъ и безстыдныхъ враговъ съ конца 60-хъ и до половины 80-хъ годовъ, то горячая идейная любовь къ публицисту-гражданину загорается въ сердцѣ этихъ людей, когда они ясно отдаютъ себѣ отчетъ, какую бездну терпѣнія и самоотверженной преданности правдѣ обнаружилъ Михайловскій во второй, трижды ненавистной половинѣ 80-хъ годовъ, когда крупная идейная борьба должна была по необходимости размѣняться на рядъ безконечныхъ мелкихъ стычекъ, съ безчисленными мелкими, зачастую даже не вѣдающими что творятъ противниками.

Вотъ, ужъ можно сказать, было время, когда другой, даже менѣе крупный, но болѣе эгоистичный, чѣмъ Михайловскій, писатель ушелъ бы въ область чисто теоретическаго мышленія и внѣшней чисто литературной обработки своего міровоззрѣнія. Заманчива была эта задача и легокъ былъ этотъ трудъ: роль мыслителя ограничивалась лишь чисто формальнымъ сведеніемъ воедино его столь цѣльнаго и такъ давно выработаннаго въ общихъ чертахъ міросозерцанія. Въ эту никчемную пору Н. К. Михайловскій могъ бы, несомнѣнно, „заново написать книгу“, о которой онъ говоритъ въ уже цитированномъ мною отвѣтѣ сердитому, но слабосильному критику; и лично его научная репутація ужасно выиграла бы. Говорю это, обращая вниманіе читателей на то обстоятельство, что очень многіе изъ насъ до сихъ поръ черезчуръ увлекаются внѣшнимъ, порою лишь голо формальнымъ и педантическимъ распредѣленіемъ элементовъ данной системы по томамъ, книгамъ, главамъ, параграфамъ, подпараграфамъ и разсыпающимся въ пыль микроскопическимъ рубрикамъ. Однако, и на этотъ разъ, Михайловскій устоялъ передъ эгоистическимъ искушеніемъ составить себѣ репутацію записного ученаго у многочисленныхъ, если не читателей, то писателей объемистыхъ и симметрично расчлененныхъ трудовъ. Дѣло въ томъ, что въ это время дѣйствительность подтверждала все болѣе и болѣе опасеніе, выраженное Михайловскимъ еще въ самомъ началѣ обще-

ственной реакціи: „вша заѣстъ“ русскую жизнь. Вотъ противъ этой-то „вши“, этихъ-то „безконечно-малыхъ“, но опасныхъ своею многочисленностью враговъ общественнаго организма и направилъ свою уничтожающую и оздоровляющую дѣятельность Михайловскій. И эту печально-героическую, но необходимую роль надо не упускать ни на мигъ изъ вниманія, когда подводишь итоги этой полосѣ жизни писателя.

Лишь одинъ разъ за это время судьба ставитъ публициста-гражданина лицомъ къ лицу съ достойнымъ его противникомъ: я разумѣю блистательную аттаку Михайловскаго противъ Л. Н. Толстого, который, благодаря самой силѣ, искренности и энергіи своей выходящей изъ ряду личности, явился выразителемъ, а въ значительной мѣрѣ и созидателемъ одной изъ опаснѣйшихъ формъ общественной реакціи. Смѣлость отрицательной критики Толстого, его оригинальный „аполитизмъ“, который заставляетъ иныхъ непроницательныхъ анархистовъ на Западѣ считать его своимъ, его могучее стремленіе связать въ одно цѣлое сферу своей мысли и сферу своей личной жизни, слово и дѣло, ученіе и примѣръ,— все это мѣшало усталой, разочарованной, обезсиленной русской интеллигенціи понять противообщественный характеръ проповѣди новаго апостола. Въ сущности, еще разъ дѣло общерусскаго и, если хотите, въ извѣстномъ смыслѣ общечеловѣческаго прогресса тормазилось перенесеніемъ центра тяжести съ соціальной почвы преобразованія условій на узко-индивидуальную почву личнаго усовершенствованія. Личность снова стала занимать непомѣрно большое мѣсто въ міровоззрѣніи интеллигенціи,—не та живая, активная, глубоко общественная личность, о которой говорилъ намъ Н. К. Михайловскій въ концѣ 70-хъ годовъ и которая потому только и „разсѣивала вокругъ себя лучи Правды“ *), что предварительно концентрировала въ себѣ лучшія стремленія всего общества; но та пассивная, созерцательная, копающаяся въ себѣ, разсматривающая въ микроскопъ свои грѣхи и грѣшки личность, которая, словно паукъ, тянула изъ себя нескончаемую моральную нить-канитель и думала на этой тонкой-претонкой нити вытащить погрязшій въ сквернѣ міръ...

Снова операція „надъ собой, въ себѣ, о себѣ“ замѣняла воздѣйствіе на внѣшнюю среду. Возрождалась новая писаревщина съ узко-личными задачами индивидуума и ближайшихъ единомышленниковъ-сектантовъ, и писаревщина съ тѣмъ усугубленіемъ, что мѣсто черезчуръ наивнаго восхищенія „наукою“ заняло еще болѣе наивное отрицаніе науки, а „борьба противъ авторитетовъ“ смѣнилась „непротивленіемъ злу“. Ахъ, это непротивленіе! Какою горькою ироніею надъ русскою жизнью была проповѣдь его, когда и безъ того тогдашняя интеллигенція не могла даже отвѣчать

*) Т. IV, стр. 460 (январь 1878 г.).

простыми рефлексами на дальнѣйшіе удары судьбы! Какой манной небесной и лѣкарствомъ противъ внутренняго стыда была толстовщина для тѣхъ людей, у которыхъ „совѣсть“ такъ же не знала, куда дѣлась ея сестра—„честь“, какъ Каинъ игнорировалъ судьбу брата Авеля! А вѣдь это были еще лучшіе люди! Что же сказать о большинствѣ другихъ?..

Въ это то тяжелое время философія и поэзія борьбы нашли яркое выраженіе въ пламенныхъ статьяхъ Михайловскаго противъ Толстого. Никому, какъ выражался самъ публицистъ-гражданинъ, никому онъ не уступалъ въ уваженіи къ талантамъ, къ геніальности Толстого. Онъ давно изучалъ эту могучую индивидуальность и внимательно слѣдилъ за различными переливами ея. Онъ защищалъ, между прочимъ, автора оригинальныхъ статей о народной педагогикѣ еще въ срединѣ 70-хъ годовъ противъ воинственнаго грома и блеска „мѣднаго таза либерализма“. Онъ цѣнилъ въ немъ перваго, „великаго художника земли русской“ (выраженіе Тургенева). Но уже тогда онъ ясно видѣлъ и отмѣтилъ одновременное существованіе у Толстого „десницы“ и „шуйцы“, смѣлаго, безстрашнаго полета мысли, глядящей орлинымъ окомъ прямо на солнце Правды, и вдругъ наступающаго затѣмъ робкаго переминанья на мѣстѣ, чуть не ползанья передъ обычными формами культуры, и т. п. А когда эта „шуйца“ указала русскому обществу на фальшивый путь безплоднаго морализированія и стала заводить интеллигенцію все дальше и дальше въ пески и болота, Михайловскій всталъ во весь ростъ на защиту лучшихъ идеаловъ и здоровыхъ традицій, и изъ подъ пера его вылились, какъ лава, горячія строки. Помните эту глубоко правдивую и вмѣстѣ негодующую оцѣнку психологіи Толстого:

Онъ такъ занятъ происходящимъ въ немъ самомъ душевнымъ процессомъ, такъ прислушивается къ шуму въ своихъ собственныхъ ушахъ, что внѣшніе предметы теряютъ для него свое самостоятельное, живое значеніе... Завидна участь гр. Толстого. Завидны это спокойствіе сердца, приставшаго къ странѣ, гдѣ рѣки въ кисельныхъ берегахъ молокомъ текутъ; эта чистота совѣсти передъ любовной и радостной дѣятельностью; эта ясность разума, который говоритъ: я все понялъ! Да, это завидно. Но мы, мятущіеся, мы, ищущіе, мы, не сумѣвшіе выскочить изъ водоворота жизни ни на кисельный берегъ молочной рѣки, ни на облака, вѣнчающія вершины Олимпа, мы не вѣримъ гр. Толстому! Онъ, конечно, говоритъ правду: онъ спокоенъ, счастливъ, онъ достигъ того душевнаго состоянія, которое даже не всѣмъ угодникамъ усвоиваютъ житія святыхъ. Но это только потому, что графъ прислушивается къ шуму въ собственныхъ ушахъ. Отверзи онъ ихъ на минуту для воспріятія живыхъ внѣшнихъ впечатлѣній, и онъ долженъ ужаснуться того страннаго, противорѣчиваго положенія, въ которомъ онъ находится *).

Или хотя бы эта великолѣпная отповѣдь, брошенная въ лицо теоріи „непротивленія злу“:

*) Т. VI, стр. 369—370 (изъ „Дневника читателя“ отъ мая 1886 г.).

...Какая, однако, все это удивительная путаница! Какое возмутительное презрѣніе къ жизни, къ самымъ элементарнымъ и неизбѣжнымъ движеніямъ человѣческой души! Какое холодное, резонерское отношеніе къ людскимъ чувствамъ и поступкамъ! И этому съ сочувствіемъ внимаютъ, говорятъ, молодые люди, у которыхъ естественно „кровь кипитъ" и „силъ избытокъ"... Я не понимаю этого. Это какое-то колоссальное недоразумѣніе, возможное только въ такія мрачныя, тусклыя времена, какія переживаемъ мы. Пусть ломятся къ вамъ въ домъ, пусть бьютъ отцовъ и дѣтей вашихъ,—такъ надо, убійцы спасаютъ вашихъ близкихъ и кровныхъ отъ вящшихъ грѣховъ; но горе вамъ, если вы сами пальцемъ коснетесь убійцъ! Увы, гр. Толстой является въ этомъ случаѣ даже не учителемъ, онъ съ улицы поднялъ свое поученіе, ибо вся улица поступаетъ именно такъ, какъ желательно гр. Толстому. Но зачѣмъ же онъ иронизируетъ надъ „философіей духа", „по которой выходило, что все, что существуетъ, то разумно, что нѣтъ ни зла, ни добра, и что бороться со зломъ человѣку не нужно". Зачѣмъ издѣвается онъ надъ Спенсеромъ, который, въ другихъ только терминахъ, тоже требуетъ невмѣшательства и непротивленія злу и въ „Соціальной статикѣ" рекомендуетъ отнюдь не критиковать божій міръ „съ точки зрѣнія своего кусочка мозга", ибо, дескать, вы думаете поправить зло, а выходитъ еще хуже *).

И, можно сказать, Михайловскій ни на минуту не перестаетъ слѣдить за литературно-общественной дѣятельностью Толстого, зорко вглядываясь въ малѣйшія перипетіи ея, съ радостью останавливаясь на здоровыхъ проявленіяхъ художественнаго творчества этого геніальнаго писателя, со скорбью констатируя противо-общественные подвиги его „шуйцы", предостерегая читателей не увлекаться силою и переливами этой обаятельной, но порою увы! столь опасной для слабыхъ людей личности. Въ отрезвленіи русскаго общества отъ наркотическаго дѣйствія толстовщины одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ принадлежитъ Михайловскому, который и въ 90-ые годы переноситъ свою проницательную и нелицепріятную критику Толстого, прибѣгая къ собственнымъ „литературнымъ воспоминаніямъ", объясняющимъ нѣкоторыя стороны толстовскаго міровоззрѣнія, или же стараясь внести свѣтъ мысли и сознанія въ „современную смуту". Я отсылаю читателя къ статьямъ, появившимся, въ числѣ прочихъ, въ двухъ томахъ „Литературныхъ воспоминаній и современной смуты".

Придвигаясь къ изображенію литературной дѣятельности Михайловскаго за послѣднее десятилѣтіе, я испытываю немалое затрудненіе: мы всѣ еще стоимъ въ потокѣ движущейся, дѣлающейся исторіи; у насъ нѣтъ еще окончательно пройденнаго твердаго пункта, стоя на которомъ, мы могли бы съ достаточнымъ для общаго взгляда удаленіемъ окинуть историческую перспективу послѣднихъ лѣтъ. Какъ же оцѣнить руководящую дѣятельность человѣка, который плылъ вмѣстѣ съ нами въ общемъ историческомъ потокѣ и старался пока лишь оріентировать наше движеніе въ наиболѣе благопріятномъ для прогресса направленіи? Заднимъ числомъ оглядываясь уже на пройденный, отмѣченный неизгла-

*) Ibid., стр. 398 (статья отъ іюня 1886 г.).

димыми вѣхами путь, мы могли съ достаточной точностью опредѣлить, взвѣсить общественныя заслуги Михайловскаго въ концѣ 60-хъ годовъ, въ 70-хъ, на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ, въ теченіе 80-хъ, въ первой половинѣ 90-хъ. Но что касается дальнѣйшаго времени, то можно ли съ такою же опредѣленностью установить роль публициста-гражданина за послѣднее десятилѣтіе исторической жизни, когда мы лишь наканунѣ подведенія крупнѣйшихъ общественно-политическихъ итоговъ ея?

Я попытаюсь, однако, указать на двѣ три черты въ литературной дѣятельности Михайловскаго за этотъ періодъ времени, черты, которыя свидѣтельствуютъ, что и тогда, какъ раньше, общественная роль этого писателя состоитъ въ обоснованіи и выясненіи стремленій лучшей части интеллигенціи. Такъ, рядомъ съ борьбою противъ толстовщины, противъ нанесеннаго изъ Западной Европы пустопорожняго декадентства и ничшеанства, противъ россійскаго не то изувѣрства, не то религіознаго паясничества гг. Розановыхъ и комп., противъ узкаго народничества г. В. В. и Юзова (совсѣмъ присмирѣвшаго въ послѣдніе годы своей жизни), Михайловскій велъ борьбу противъ односторонностей русскаго марксизма. И по всѣмъ этимъ пунктамъ, насколько настоящее позволяетъ судить о будущемъ, публицистъ-гражданинъ съ честью и успѣхомъ отстоялъ интересы нормальнаго общественнаго развитія.

Толстовщина отмираетъ, если не совсѣмъ умерла, и наиболѣе энергичные ученики Толстого самою логикою дѣйствительности толкаются съ пути непротивленія злу на путь противленія. Кому не извѣстны громкіе примѣры этого душевнаго превращенія именно въ самые послѣдніе годы? Ребяческая золотуха декадентства, обезобразившая одно время своею сыпью часть молодежи и перезрѣлыхъ юношей лѣтъ этакъ сорока пяти съ хвостикомъ, шелушится и исчезаетъ: гг. декадентовъ и ничшеанцевъ, по собственному ихъ признанію, теперь человѣкъ семь въ pendant къ семи мудрецамъ Греціи; и что бы они тамъ ни бальмонствовали, этого достаточно для образованія общества взаимнаго обожанія, но черезчуръ мало для общественно-литературнаго теченія. Религіозное паясничество школы г. Розанова, хотя и выражаетъ претензію держаться на неистребимомъ будто бы порывѣ духа купаться въ глубокомъ океанѣ замоскворѣцкой лампадки, на самомъ-то дѣлѣ держится на регламентахъ управы благочинія и исчезнетъ безповоротно, какъ только скромная „вѣтка Палестины" перестанетъ играть передъ „символомъ святымъ" обидную для самихъ искренно вѣрующихъ роль властной лозы. Кстати сказать, самъ основатель школы теперь, нѣкогда „отказавшійся отъ наслѣдства 70-хъ годовъ", отказался въ значительной степени и отъ наслѣдства катковцевъ, возбуждая даже въ нихъ обычную страсть къ доносительству—на сей разъ на новаго „еретика".

Такъ что розановщина или умираетъ и окончательно умретъ, или превратится въ нѣчто, совсѣмъ непохожее на взгляды г. Розанова первой половины 90-хъ годовъ. Преувеличенія узкаго народничества тоже, кажется, навсегда отходятъ въ область исторіи; и вдунуть духъ жизни и активности въ эту полинялую и выдохшуюся формулу не способенъ, не смотря на свой оригинальный умъ, и самъ г. В. В., единственно крупный человѣкъ этого направленія, при томъ, повидимому, начинающій уходить все дальше отъ злополучныхъ идей „Нашихъ направленій".

Что касается до марксизма, то онъ заслуживаетъ, чтобы на немъ остановиться нѣсколько дольше, и заслуживаетъ именно потому, что, не смотря на свои преувеличенія, явился единственнымъ здоровымъ общественнымъ теченіемъ среди перечисленныхъ нами выше элементовъ „современной смуты".

Приступая къ изображенію роли Михайловскаго въ борьбѣ съ тѣмъ направленіемъ, которое рѣзко прокинулось на русской почвѣ въ срединѣ 90-хъ годовъ подъ общимъ наименованіемъ „марксизма", я долженъ сдѣлать надъ собою нѣкоторое усиліе, чтобы отнестись къ этой задачѣ, если не съ невозможнымъ для живого человѣка безпристрастіемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ достаточной объективностью. Въ борьбѣ съ „русскими учениками" Михайловскому принадлежало одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ; но въ ней, этой борьбѣ, участвовали люди гораздо меньшаго значенія, зачастую простые рядовые той арміи, духовнымъ вождемъ которой былъ Михайловскій. Самъ пишущій эти строки счелъ нужнымъ, въ предѣлахъ своихъ силъ и пониманія, представить нѣсколько критическихъ замѣчаній на произведшую въ самой срединѣ 90-хъ годовъ большую сенсацію книгу г. Бельтова (см. мой этюдъ „На высотахъ объективной истины", въ майской книжкѣ „Русскаго Богатства" за 1895 г.). А двумя годами позже, въ самомъ концѣ 1897 г., авторъ же настоящей статьи повторилъ критическую попытку коснуться марксизма вообще, придравшись къ нѣкоторымъ литературнымъ явленіямъ французскаго марксизма. Эта моя статья предназначалась также для „Русскаго Богатства". И такъ какъ къ тому времени „Новое Слово" было закрыто, то Михайловскій направилъ мое письмо изъ Франціи: „О марксизмѣ вообще по поводу французскаго марксизма въ частности") въ корректурѣ г. Струве съ предложеніемъ отвѣтить на него на столбцахъ же „Русскаго Богатства".

Не могу ясно представить себѣ, по какимъ мотивамъ г. Струве,— какъ мнѣ писалъ о томъ Михайловскій, — отказался отъ этого предложенія, дававшаго ему возможность противоставить моему тезису свой антитезисъ въ органѣ честнаго идейнаго противника, который для этого спеціальнаго вопроса открывалъ ему двери своего дома, въ то время, какъ капризный Аллахъ разрушалъ

до основанія идейный очагъ г. Струве и его единомышленниковъ...

Я упомянулъ объ этомъ эпизодѣ изъ исторіи нашей идейной борьбы, во-первыхъ, потому, что онъ рисуетъ намъ Михайловскаго послѣдовательнымъ защитникомъ свободы печати, который не на словахъ только, а на дѣлѣ вѣритъ въ великое значеніе откровенной борьбы мнѣній и, не смотря на цѣльность своего міровоззрѣнія, соглашается въ извѣстныхъ случаяхъ сдѣлать изъ своего органа свободную трибуну, лишь бы не была удушена грубой силой мысль противника. Во-вторыхъ, я счелъ нужнымъ совершить это небольшое отступленіе въ сферу личныхъ воспоминаній вовсе не затѣмъ, чтобы занимать своей персоной публику, когда дѣло идетъ о такомъ первоклассномъ писателѣ, какимъ былъ Михайловскій, но съ цѣлью напомнить читателю, что оговорки, которыя мнѣ придется сдѣлать сейчасъ по поводу полемики Михайловскаго противъ русскихъ марксистовъ, цѣликомъ касаются и всѣхъ насъ, его учениковъ или его идейныхъ товарищей. Пишущій эти строки, напримѣръ, желая указать на нѣкоторые пробѣлы или даже, пожалуй, на нѣкоторыя чисто тактическія ошибки, допущенныя Михайловскимъ въ его борьбѣ съ отечественнымъ марксизмомъ, не только не думаетъ выгораживать себя самого отъ критики, основанной на такихъ соображеніяхъ, но готовъ признать себя сугубо виноватымъ въ этой ошибочной тактикѣ по отношенію къ противникамъ. Только откровеннымъ признаніемъ нѣкоторыхъ тактическихъ заблужденій въ прошломъ,—читатель сейчасъ увидитъ, какихъ — авторъ предлагаемаго этюда можетъ найти въ себѣ достаточно свободы мысли, чтобы оцѣнить ту сторону литературной дѣятельности знаменитаго писателя публициста, о которой теперь пойдетъ рѣчь и большая часть которой выражается въ статьяхъ, перепечатанныхъ, вмѣстѣ съ другими этюдами 1895—1898 г., въ двухъ томахъ недавно вышедшихъ „Откликовъ".

Общая ошибка Михайловскаго и его идейныхъ друзей и учениковъ заключалась, по моему личному глубокому убѣжденію, въ томъ, что наше направленіе недостаточно серьезно отнеслось къ марксизму, какъ къ новой соціологической гипотезѣ; и, раздраженное доходящими до странностей преувеличеніями „русскихъ учениковъ", вступило въ борьбу почти исключительно съ этими странностями, ведшими въ общественно-политическомъ отношеніи, дѣйствительно, къ заключеніямъ, отъ которыхъ должны были рано или поздно отшатнуться наиболѣе здоровые элементы марксизма. Этотъ процессъ очищенія марксистскаго міровоззрѣнія отъ шлаковъ и изгари, внесенныхъ въ него большинствомъ совершенно несамостоятельныхъ учениковъ, еще далеко не кончился. Но онъ уже во второй половинѣ 90-хъ годовъ произвелъ ту разслойку струй внутри этого идейнаго теченія, которая превратила лагерь марк-

систовъ въ раздираемый несогласіями лагерь короля Аграманта. И какую искреннюю жалость приходится испытывать заднимъ числомъ, что неподражаемый философъ-публицистъ, который въ лицѣ Михайловскаго господствовалъ въ русской литературѣ не одинъ десятокъ лѣтъ, не пожелалъ сыграть въ разрѣшеніи идейнаго кризиса послѣдняго времени всей приличествующей ему роли! О марксизмѣ и противъ марксизма этотъ умнѣйшій человѣкъ пореформенной Россіи писалъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Слишкомъ много, если вспомнить тѣ полемическія статьи, въ которыхъ онъ безжалостно высмѣивалъ явныя несообразности и преувеличенія „русскихъ учениковъ“, ибо однѣ странности идейнаго увлеченія взаимно покрывались и нейтрализовались другими странностями, выходившими изъ того же лагеря, и драгоцѣнный полемическій талантъ тратился нерѣдко по мелочамъ. Слишкомъ мало, если сообразить, что Михайловскій ни разу не пожелалъ вплотную приложить свою рѣдкую силу критическаго анализа къ здоровому ядру марксовскаго ученія, ибо тогда оказалось бы, что суть этой доктрины не такъ далека, какъ то могло представляться въ пылу полемики, отъ центральнаго пункта соціологическаго міросозерцанія автора „Что такое прогрессъ“ и „Борьба за индивидуальность“.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ чемъ нужно искать основного ядра ученія Маркса, такъ это въ преобладающемъ значеніи развитія производительныхъ силъ общества, т. е. соціальной технологіи, для психической эволюціи людей, т. е. ихъ коллективной психологіи, на которой опираются или, лучше сказать, частными выраженіями которой являются соціально-экономическія, правовыя, политическія, религіозныя, философскія, эстетическія представленія членовъ даннаго общежитія. Но спрашивается, такъ ли далеко отъ этого основного пункта марксизма отстоятъ существенныя идеи того мыслителя, который,—какъ въ порывѣ временной справедливости признавали иногда сами „русскіе ученики“,—объяснялъ характеръ міровоззрѣнія даннаго общества характеромъ господствующей въ немъ формы „кооперацій“; который центральнымъ элементомъ человѣческой личности считаетъ „трудъ“ и который, въ частности, устанавливаетъ зависимость между субъективными взглядами извѣстнаго человѣка и его „принадлежностью къ соціальной группѣ“?

Кстати сказать, этотъ вопросъ такъ сильно тревожилъ меня, что совсѣмъ незадолго до смерти Михайловскаго я обратился къ нему за разъясненіемъ, не считаетъ ли онъ возможнымъ установить свою, столь всѣмъ извѣстную, но вызвавшую столько недоразумѣній и неумныхъ возраженій „формулу прогресса“ на основѣ ученія о значеніи постоянно развивающейся человѣческой технологіи. Ибо, продолжалъ я, лишь высоко развитый машинный способъ производства переложитъ бремя раздѣленія труда съ че-

ловѣка на искусственные органы его, „проектирующіеся во внѣшнемъ мірѣ“, т. е. на орудія и инструменты труда, и дастъ возможность человѣку синтетически работать, переходя при помощи усовершенствованныхъ машинъ ко всевозможнымъ занятіямъ и оставаясь цѣльнымъ существомъ, упражняющимъ наибольшее число своихъ физическихъ и умственныхъ способностей. Тогда какъ общество, взятое въ его цѣломъ, будетъ наиболѣе однородно, такъ какъ будетъ слагаться изъ индивидуумовъ, отличающихся общимъ гармоничнымъ развитіемъ мускульной и нервно-мозговой системы. Въ отвѣтъ я получилъ письмо отъ Михайловскаго,—увы! послѣднее, которое было мнѣ написано имъ,—и въ немъ заключались, между прочимъ, слѣдующія многозначительныя строки: „вполнѣ согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ. Обѣими руками подписываюсь подъ вашимъ истолкованіемъ“. На это письмо я смотрю, какъ на завѣщаніе Михайловскаго, какъ на задачу, которую мнѣ указывалъ славный русскій мыслитель. И такому сближенію точки зрѣнія Михайловскаго и центральнаго пункта марксистской доктрины будутъ отчасти посвящены уже довольно давно задуманные мною „Соціологическіе очерки“. Но я счелъ долгомъ еще ранѣе выполненія своего плана упомянуть объ этомъ письмѣ. Ибо оно показывало, что, примись Михайловскій за обстоятельную критику ученія Маркса, отвлекись онъ отъ полемики съ „русскими учениками“, или удѣли онъ ей въ вопросѣ лишь совершенно подчиненное значеніе, и сама мощь его ума была бы порукой, что онъ окажетъ существенную помощь нашей интеллигенціи въ выработкѣ міровоззрѣнія, вышелушивъ здоровое зерно изъ хаотической оболочки русскаго марксизма и устранивъ тѣмъ самымъ самую возможность возникновенія тѣхъ странностей, которыя пропагандировались адептами доктрины на русской почвѣ въ пору наибольшаго увлеченія ею...

Сдѣлавъ эту оговорку, касающуюся Михайловскаго скорѣе, какъ философа и соціолога, я перехожу къ его гражданско-публицистической дѣятельности въ эпоху не-критическаго господства марксизма въ Россіи. Разъ мы допустили, что, въ силу тѣхъ или иныхъ условій момента, напр., излишняго догматизма и запальчивой односторонности „учениковъ“, Михайловскій уклонился отъ оцѣнки по существу самой доктрины и вступилъ въ борьбу съ ея русскими проповѣдниками и комментаторами, то придется признать, что эту задачу онъ выполнилъ съ своею обычною силою и успѣшностью. Перечитайте, дѣйствительно, статьи Михайловскаго, направленныя противъ нашего марксизма, и вы убѣдитесь, что въ нихъ отмѣчены тѣ самыя больныя мѣста этого направленія, отъ которыхъ оно все болѣе и болѣе отдѣлывается,—но далеко еще не окончательно отдѣлалось,—путемъ разслойки, внутренняго броженія, а нѣкоторые говорятъ, прямого „разложенія“. „Разложеніе марксизма“—таково, дѣйствительно, названіе одной

изъ статей послѣдней книжки „Новаго пути", выходящаго подъ новой редакціей, въ которой играютъ выдающуюся роль такіе ех-эпигоны марксизма, какъ гг. Булгаковъ, Бердяевъ и К°...

Такъ Михайловскій полемизировалъ противъ ненаучнаго объясненія всѣхъ жизненныхъ явленій „экономическимъ факторомъ", въ особенности если разумѣть подъ послѣднимъ такъ называемый вопросъ желудка. И уже тогда же изъ среды русскихъ учениковъ раздались рѣзкія обличенія этой теоріи „факторовъ", и была сдѣлана попытка разсматривать общественный организмъ, какъ цѣлое, но, къ сожалѣнію, попытка на словахъ. Ибо возстававшіе противъ выдѣленія „факторовъ", послѣ нѣсколькихъ словесныхъ кунстштюковъ, успокаивались все на той же экономикѣ, только растворяя всѣ общественныя явленія въ ея „діалектическомъ" потокѣ. А нынѣ не только русскіе, но и заграничные марксисты различными оговорками, допущеніями и истолкованіями такъ распространили первоначальный смыслъ ученія, что эта доктрина поистинѣ превратилась въ теорію „всего во всемъ".

Эти столкновенія между „экономическимъ матеріализмомъ" и „діалектическимъ матеріализмомъ" вызываютъ въ памяти другую антимарксистскую кампанію Михайловскаго, а именно по поводу развитія всѣхъ явленій жизни и мысли гегельянскимъ методомъ противорѣчій.

Михайловскій съ блистательнымъ остроуміемъ показалъ, что пресловутое діалектическое развитіе есть лишь пустая формула, façon de parler, пріемъ изложенія; и что оно, какъ объективный законъ дѣйствительности, не существуетъ, а какъ чисто логическій способъ мышленія вовсе не связано необходимо съ теоріей Маркса. Современное состояніе марксизма показываетъ, въ какой степени это было вѣрно. И, не говоря уже о нашихъ прямыхъ нео-метафизикахъ, вылупившихся изъ русскаго марксизма, даже „правовѣрные" ученики прицѣпливаются нынѣ ко всевозможнымъ философскимъ системамъ, и въ частности „эмпиріо критицизмъ" Авенаріуса начинаетъ, повидимому, брать рѣшительный перевѣсъ надъ гегельянской діалектикой, хотя и „переставленной съ ногъ на голову".

Но насъ ждутъ такіе вопросы, гдѣ общее міровоззрѣніе тѣсно связывается съ жгучими злобами дня, и гдѣ Михайловскій своей полемикой противъ странностей русскаго марксизма сыгралъ въ высокой степени оздоровляющую роль. Вы помните, съ какой помпой марксисты 90-хъ годовъ провозглашали незыблемость положенія „политика слѣдуетъ за экономикой", „намъ всего важнѣе объективное, фатальное, стихійное развитіе массъ"; съ какой рѣзкостью они возставали противъ значенія „личности" и организаціи личностей; какъ высокомѣрно они третировали „сознаніе", третировали „интеллигенцію", заколачивая ее, словно тяжко преступнаго каторжника, въ кандалы язвительныхъ кавычекъ. По всѣмъ этимъ

вопросамъ Михайловскій велъ безпощадную полемику противъ „русскихъ учениковъ“. И онъ могъ еще при жизни наблюдать, съ какой энергіей наиболѣе активные марксисты стали отказываться отъ прежнихъ странностей, въ особенности, когда они увидѣли воочію, къ чему ведутъ на практикѣ эти мнимыя „новыя слова“, и когда передъ ними сталъ дѣйствительно грозный вопросъ „что дѣлать“?

„Экономизмъ“ въ связи съ постепеновской „теоріей стадій“ подверглись жесточайшему нападенію активныхъ марксистовъ, которые объявились теперь ревностными политиками. Въ „приниженіи инициативы и энергіи сознательныхъ дѣятелей“ было усмотрѣно не практическое заключеніе изъ прежней претенціозной фразы „въ соціологіи личность ничто“, но—„клевета на марксизмъ“, злостная каррикатура, сочиненная на марксистовъ „народниками“. Организація личностей, и не просто организація, а „могучая, концентрирующая въ своихъ рукахъ всѣ нити дѣятельности“ организація ставилась нынѣ основной жизненной задачей активныхъ личностей. Реабилитирована была и закованная дотолѣ въ кандалы кавычекъ интеллигенція, которая была не только освобождена отъ такого duri carceris, не только освобождена отъ суда и слѣдствія, но и признана невинною въ взводившихся на нее „субъективныхъ“ преступленіяхъ, мало того, возстановлена въ своихъ прежнихъ правахъ и даже удостоилась настоящаго тріумфа. Ибо, при пособіи кстати вспомянутыхъ разсужденій Каутскаго насчетъ того, что „соціалистическое сознаніе есть нѣчто извнѣ внесенное въ классовую борьбу пролетаріата, а не нѣчто первоначально изъ нея выросшее“; и что это нѣчто есть результатъ „науки“, которая „возникла въ головахъ отдѣльныхъ членовъ буржуазной интеллигенціи“, а только затѣмъ уже могла быть „сообщена выдающимся по умственному развитію пролетаріямъ“,—при пособіи, говорю, такихъ „ортодоксальныхъ“ мыслей Каутскаго, на русскую интеллигенцію была возложена миссія совлечь трудящіяся массы съ пути стихійной экономической борьбы на путь сознательной политической дѣятельности. Правда, противъ этихъ ортодоксальныхъ марксистовъ выступили еще болѣе ортодоксальные марксисты; и въ результатѣ борьбы этихъ друго-вражескихъ элементовъ, носящихъ почти клиническія названія „твердыхъ“ и „мягкихъ“, обнаружилась снова нѣкоторая реакція противъ „организаціи“ въ пользу „стихійности“ и противъ „интеллигенціи“ въ пользу „массъ“. Но можно надѣяться, что односторонности и преувеличенія русскаго марксизма 90-хъ годовъ, противъ которыхъ была направлена полемика Михайловскаго, въ общемъ перешли въ область исторіи, и что здоровая общественная дѣятельность произведетъ тотъ необходимый синтезъ активныхъ фракцій не только правовѣрно-марсистскаго, но и соціально-дѣйственнаго направленія,

который составлялъ идеалъ великаго публициста-гражданина во все время его литературной дѣятельности.

Надъ свѣжей могилой Михайловскаго раздалось годъ тому назадъ изъ рядовъ марксистовъ нѣсколько искреннихъ оцѣнокъ крупнѣйшаго писателя. И партійная страсть все меньше и меньше рѣшается отрицать общественную роль славнаго борца за идею.

Въ одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ моментовъ реакціи, наканунѣ общественнаго пробужденія на рубежѣ XX-го столѣтія, у Михайловскаго вырвалось въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ горькое восклицаніе: старое старится, молодое не растетъ! Съ тѣхъ поръ дѣло пошло иначе. И, доживи великій русскій человѣкъ до нашего времени, онъ увидѣлъ бы, какъ гніетъ и рушится все старое, и какъ молодая жизнь бьетъ повсюду неудержимымъ ключемъ. Михайловскій, какъ Моисей, умеръ у порога обѣтованной земли. Вдохновленные благороднымъ образомъ нашего вождя, мы вступаемъ въ нее, не боясь предстоящихъ битвъ съ филистимлянами и твердо вѣруя, что побѣда наша... Слава же тому, кто сорокъ лѣтъ велъ русскую общественность по пустынѣ и не зналъ ни колебаній, ни отступленій отъ свѣтившаго ему идеала. Слава—и вѣчная память въ сердцахъ всѣхъ истинно свободныхъ людей...

Н. Е. Кудринъ.

АЛИКАЕВЪ КАМЕНЬ.

Разсказъ.

I.

Солнце садилось за горы. Послѣдніе багряные лучи его медленно угасали на крестѣ виднѣвшейся изъ-за лѣса колокольни. Надъ прудомъ поднимался тонкій и прозрачный, какъ дымка, туманъ. Лучи потемнѣли. Сосновый боръ, не задолго передъ тѣмъ сверкавшій яркими красками, потухъ, потускнѣлъ, сталъ какъ будто меньше и ниже, казался нахмуреннымъ и печальнымъ.

Павелъ Петровичъ Агатовъ, отставной заводскій лѣсничій и мѣстный историкъ, собиратель старинныхъ грамотъ и рукописей, сидѣлъ за письменнымъ столомъ на своей „заимкѣ" и черезъ раскрытое окно наблюдалъ, какъ постепенно мѣнялись краски въ саду, и все тускнѣло кругомъ. Съ дальняго конца сада доносились веселые дѣтскіе голоса. Со двора слышалось мелодическое треньканье балалайки. Изъ-за цвѣточной клумбы виднѣлась красивая русая головка,—это взрослая племянница Павла Петровича, Катя, дочь его покойной сестры, лежа въ травѣ, читала книгу.

Агатовъ только что окончилъ докладную записку о нуждахъ уральской горной промышленности, составленную имъ по порученію управляющаго Бардымскими заводами Конюхова, и, чрезвычайно довольный своей работой, улыбался и весело потиралъ руки.

„Тонко подведено", размышлялъ онъ, вглядываясь въ порозовѣвшее небо: „стройно, логично,—комаръ носа не подточитъ... Историческое освѣщеніе даетъ широту, перспективу... И анекдотцы-то ктати пришлись... Концы съ концами сведены, одно само собой вытекаетъ изъ другого... И тонъ благородный... главное, благородный тонъ... Да-съ, старикъ Агатовъ еще постоитъ за себя, не совсѣмъ еще вышелъ въ тиражъ погашенія... Въ немъ заискиваютъ, да-съ... самъ

управляющій пріѣзжалъ—это что нибудь значитъ!.. Самолично просилъ, даже выражалъ комплименты: „у васъ, говоритъ, имя, опытность, знаніе мѣстныхъ условій и литературный навыкъ"... Вотъ какъ!.. а то фу-ты, ну-ты! полное невниманіе, точно передъ пустымъ мѣстомъ... мертвый, де, отжившій человѣкъ... Ха, ха! а на повѣрку выходитъ, что еще живъ курилка... Да-съ!"...

— Катя!—закричалъ онъ въ окно:—Конецъ и Богу слава! Поставилъ послѣднюю точку.

Катя подняла голову, обнаруживъ тонкое, красивое лицо съ большими черными глазами.

— Не хочешь ли, прочту, а?

— Нѣтъ,—отвѣчала Катя, съ дѣтской суровостью сдвигая брови:—я не одобряю вашихъ намѣреній, поэтому и слушать не хочу.

— Ну, ну!.. еще бы!.. Вѣдь вы—народники, или какъ васъ тамъ... Матушка моя! я самъ за народъ, только съ другой точки зрѣнія... Вы-то ужъ Богъ знаетъ куда заноситесь... неосуществимо-съ.

— То есть, кто мы?

— Ну, вообще, современная молодежь... народники тамъ и прочее...

— Вы ошибаетесь, дядя: мы не народники.

— Господь васъ разберетъ!.. Если хочешь, душа моя, я тоже народникъ и даже сортомъ повыше... Изъ народа вышелъ, изъ крѣпостныхъ! и знаю, что ему нужно... А нужна ему прежде всего хорошая палка, ежевыя рукавицы... вотъ!.. Повѣрь, что онъ самъ это отлично понимаетъ,—поговори-ка съ нимъ!.. и жаждетъ палки, которую отъ него отняли, жаждетъ!.. Такъ то, мать, моя.

— Перестаньте, дядя!.. Хоть вы и шутите, а всетаки непріятно... А ужъ эта записка ваша... я не знаю... не могу понять, не могу вообразить...

— Чего, собственно, душа моя?

— Какъ могли вы на себя такое порученіе, и при томъ добровольно, изъ любви къ искусству!.. Эдакую... извините... я не знаю... эдакую подлость!..

— Милая моя, я старый человѣкъ.

— Что жъ, дядя... я серьезно говорю. Сочинить завѣдомо фальшивую, облыжную записку! И для кого? Для заводовладѣльцевъ! Для чего? Чтобъ обездолить и безъ того обездоленныхъ! Чтобъ выудить изъ казны въ пользу хищничества еще нѣсколько милліонныхъ подачекъ!.. И вѣдь все это изъ народныхъ средствъ—не забывайте!..

— Вздоръ, вздоръ!.. вздоръ городишь!.. Экъ тебя подмываетъ!..

— Нѣтъ, не вздоръ. И безъ тебя все къ ихъ услугамъ, сверху до низу... А кто мужикамъ записку напишетъ? Ахъ, дядя, дядя! вотъ если бы ты помогъ мужикамъ!..

— Матушка моя! я старый служака, я тридцать пять лѣтъ его сіятельству прослужилъ, понимаешь ты это или нѣтъ? Отъ него жить пошелъ,—какъ же мнѣ идти противъ его сіятельства?.. Вздоръ, вздоръ!.. да и вообще вздоръ!.. Ты не понимаешь главнаго, не понимаешь того, что заводы и населеніе—одна душа и одно тѣло, что они связаны общими интересами... Да-съ, вотъ чего ты не хочешь понять, потому что у васъ умъ за разумъ зашелъ... Вы смотрите на журавля въ небѣ и не видите синицы въ рукахъ, а журавль-то еще Богъ его знаетъ... въ облакахъ онъ, душа моя, въ облакахъ... въ томъ-то и дѣло-съ...

— Это какая же синица?

— А такая! И диви бы только вы, лоботрясы, но вѣдь и мастеровые такое-же дурачье!.. Подкапываются подъ заводы, рубятъ тотъ сукъ, на которомъ сами сидятъ! Что можетъ быть глупѣе этого?.. Хоть лобъ разбей — не понимаю!.. И ничему не вѣрятъ! ничего не хотятъ знать!..

— Еще бы, когда ихъ цѣлые десятки лѣтъ обманывали!.. Они не вѣрятъ, потому что вы все лжете...

— Экъ тебя разбираетъ!.. Перекрестись, мать моя... о чемъ ты?..

— Да, лжете направо и налѣво... И вы, дядя, лгали и лжете... да, вы, вы... развѣ это неправда?

— Нѣтъ-съ, неправда. Комбинировать факты, давать имъ то или иное освѣщеніе—развѣ это ложь?

— Но для чего? Чтобы скрыть истину, запрятать ее подальше, напустить туману, ввести въ заблужденіе?

— Мать моя! что есть истина? какая? гдѣ она? для кого? для чего?... Хе, хе!.. мы знаемъ только человѣческія заблужденія и чловѣческіе аппетиты... Истина! она всегда имѣетъ двѣ стороны...

— Если такъ, то о чемъ же намъ говорить? Не о чемъ.

— А я и не навязываюсь, душа моя, какъ тебѣ угодно... Мнѣ, видишь ли, не въ чемъ оправдываться...

— Однако, вы сами начали разговоръ.

— Я предложилъ только прочесть записку — больше ничего.

— А я отвѣтила, что не желаю.

Катя сердито уткнулась въ книгу. Агатовъ, слегка надувшись, умолкъ, собралъ свои бумаги, исписанныя мелкимъ бисернымъ почеркомъ, и вышелъ на терассу.

— Къ намъ кто-то ѣдетъ,—сказалъ онъ, увидѣвъ скачущаго по дорогѣ всадника.

— Гдѣ?—спросила Катя, отрываясь отъ книги.

— Посмотри.

Катя, поднявшись на цыпочки, заглянула черезъ плетень.

— Это Петя,—сказала она равнодушно.

— О?.. въ самомъ дѣлѣ?—обрадовался Павелъ Петровичъ и, въ знакъ привѣтствія, махнулъ платкомъ.

Петя, шестнадцатилѣтній мальчикъ, поднявъ высоко надъ головой свою гимназическую фуражку, сломя голову проскакалъ мимо изгороди. Черезъ минуту онъ былъ въ саду.

— Катя, собирайся!—еще издали закричалъ онъ:—скорѣе!

— Куда? въ чемъ дѣло?—остановилъ его Павелъ Петровичъ.—Чаю не хочешь ли?

— Ахъ, какой чай! что вы, дядя!.. Катя, пожалуйста, поскорѣе!..

— Да что скорѣе-то? Скажи, сдѣлай милость.

— Ахъ, дядя, вы, ей-Богу, всегда... Во-первыхъ, Катя пусть собирается... Во-вторыхъ, ѣдемъ на Аликаевъ—вотъ и все!.. Но только, пожалуйста, тамъ ждутъ... поѣхали прямой дорогой...

— Кто? когда? зачѣмъ? Не захлебывайся, объясни толкомъ.

— Чего-жъ еще объяснять? Вѣдь я же сказалъ: на Аликаевъ камень... Ахъ, Господи! но вѣдь тамъ ждутъ! и самое интересное мы пропустимъ... Вотъ вы, дядя, всегда, ей-Богу..

Павелъ Петровичъ захохоталъ.

— Ладно,—сказалъ онъ,—я буду допрашивать тебя по пунктамъ. Ты говоришь—на Аликаевъ камень, зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ?.. Странное дѣло!.. такъ просто... странное дѣло!..

— Ну, однако?

— Да что, ей-Богу... ну, для прогулки... для развлеченія...

— Такъ-съ. Съ кѣмъ?

— Со мной.

— Съ тобой? Но какого чорта вы тамъ будете дѣлать ночью-то?

— Ну, ей-Богу!.. да вѣдь я же говорилъ, что тамъ ждутъ.. Цѣлое общество: папа, мама, Анна Ивановна, Софья Петровна... Надя, Митя... Иванъ Петровичъ... человѣкъ тридцать... Тамъ и ночуемъ... огни зажжемъ... пушку увезли... пѣсни будемъ пѣть... Мнѣ еще утромъ велѣли съѣздить за Катей, да я опоздалъ...

— Ну, глупости и больше ничего!

— Что глупости?

— А то, что, на ночь глядя, ѣхать за десять верстъ... лѣсъ, глушь... Работнику недосугъ, а ты дороги не знаешь.

— Я не знаю? Отлично знаю: ѣхать прямо, потомъ направо, потомъ...

— Ну, ладно. Катю я не отпускаю—поѣзжай одинъ.

Петя вытаращилъ глаза и, заикаясь, съ запальчивостью заговорилъ:

— Ну, это ерунда, это глупости!.. Вы всегда такъ, вы просто деспотъ, эгоистъ... и, наконецъ, тамъ ждутъ... и, наконецъ, это я не знаю что... Это, наконецъ, ерунда...

— Чудакъ! да ты спроси Катю, поѣдетъ ли она... къ обманщикамъ и эксплуататорамъ народа...

— Не все обманщики,—улыбнувшись, отвѣчала Катя:—кажется, тамъ будутъ и честные люди...

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, Иванъ Петровичъ Свѣтлицынъ, Николай Кленовской и многіе другіе.

— Не знаю-съ... можетъ быть... Можетъ быть, пока они и честные люди... до поры до времени.... Впрочемъ, твое дѣло.

Петя захлопалъ въ ладоши.

— Браво!—закричалъ онъ:—значитъ, рѣшено и подписано! Ну, Катя, живо!.. Ай-да дядя!.. Вотъ это хорошо!..

Но Павелъ Петровичъ недовольно нахмурился.

— И всетаки тамъ будетъ заводская челядь,—сказалъ онъ,—имѣй это въ виду.

— Ахъ, да!—вскричалъ Петя, — забылъ сказать: вѣдь тамъ будетъ еще этотъ... какъ его?.. Ну, этотъ извѣстный геологъ или химикъ... чортъ его знаетъ!.. Генералъ... бывшій профессоръ Полянскій... онъ съ управляющимъ пріѣдетъ...

— Какъ? Развѣ онъ уже здѣсь?—воскликнулъ Павелъ Петровичъ.

Онъ весь всполошился и сталъ разспрашивать Петю: когда, съ кѣмъ и на долго ли пріѣхалъ генералъ Полянскій. Петя ничего не зналъ и давалъ самые безтолковые отвѣты.

— Но, по крайней мѣрѣ, кто эту прогулку устраиваетъ? Кто именно?

— Какъ кто?.. Всѣ... мало ли... я не знаю...

— Но кто тебя послалъ?

— Ахъ, ей-Богу!.. Ну, мама... ну, Иванъ Ивановичъ...

— Почему же такъ поздно?

— Господи! да вѣдь я же говорю, что опоздалъ... и, вообще, вышла тутъ ерунда...

— А про меня тебѣ ничего не говорили?

— Ничего.

— Не упоминали о запискѣ?

— О какой запискѣ?

— Ну, вообще...

— Нѣтъ, не упоминали.

Павелъ Петровичъ пожалъ плечами.

— Ну, Господь съ тобой! Катя, вели заложить Голубчика. Да вотъ что: скажи Конюхову, что записка готова, остается только переписать. Я думаю, въ день, самое большее—въ два ее перепишутъ.

II.

Петя энергически воспротивился, чтобы съ ними ѣхалъ работникъ Андрюшка. Онъ божился, что знаетъ дорогу, какъ свои пять пальцевъ, что до Аликаева камня не десять, а всего восемь верстъ, и что они доѣдутъ отлично. Павелъ Петровичъ не возражалъ. Когда лошадь была готова, Катя помѣстилась въ телѣжкѣ, а Петя взобрался на козлы. Павелъ Петровичъ, держась за желѣзную скобку облучка, озабоченно давалъ послѣднія наставленія, которыя Петя легкомысленно прерывалъ нетерпѣливыми восклицаніями:

— Вотъ странно!.. будто я не знаю!.. Ну, дядя, чего еще разговаривать!..

Наконецъ, телѣжка бойко покатилась по дорогѣ, оставляя за собой тяжелое облако пыли.

— Подъ гору осторожнѣе!—кричалъ вдогонку Павелъ Петровичъ.

— Ладно, ладно!—отвѣчалъ Петя, ухарски задравъ фуражку на затылокъ и какъ бы говоря: „разговаривай теперь!"

— Охъ, ужъ это мнѣ старичье!—продолжалъ онъ, обращаясь къ Катѣ:—чудаки, право! Дядюшка еще туда-сюда, а вотъ моя почтенная мамаша...

— Ну, Петя!—укоризненно остановила его Катя.

— Да что, право... точно Богъ знаетъ что!.. ей-Богу!..

Миновавъ поле, они спустились въ оврагъ, пересѣкли выкошенную лощину и вступили въ лѣсъ, гдѣ охватило ихъ теплой, пахучей сыростью. Сумерки быстро сгущались. Въ лѣсу было уже почти темно. Телѣжка неровно катилась по извилистой, узкой дорогѣ, натыкаясь на кочки и пни. Вѣтви деревьевъ сходились надъ ними, образуя темный узорчатый сводъ, и сквозь просвѣтъ его виднѣлось блѣдно-голубое небо съ слабо мерцавшими рѣдкими звѣздами. Катя смотрѣла то на небо, пронизанное отблескомъ потухавшей зари, то въ сумракъ лѣса. Въ лѣсу все было загадочно и странно, а небо казалось веселымъ, понятнымъ и знакомымъ.

— Ну, ну, милая!—покрикивалъ Петя на лошадь.

— Да ты, Петя, въ самомъ дѣлѣ, знаешь ли дорогу?

— Ну, вотъ! отлично знаю. Сначала Крутой логъ, потомъ Майданова гора, потомъ повернуть направо. Я знаю.

— Но здѣсь ты никогда не бывалъ? Да? Правда?

— Положимъ. Да это глупости! Крутой логъ, повернуть направо—вотъ и все.

Лошадь пугливо фыркала, натыкаясь на вѣтви. Дорога круто пошла подъ гору. Впереди показалась мутная бѣлесоватая полоса.

— Это вода?—спросила Катя.

— Нѣтъ, это туманъ. Это и есть Крутой логъ... а тамъ и Майданова гора.

— Какъ славно!—сказала Катя.

— То-то и есть!—хвастливо возразилъ Петя.—Я говорилъ, что будетъ хорошо.

— А если разбойники нападутъ?

— Ахъ, вотъ бы отлично! Задалъ бы я имъ жару!..

— Ну, ужъ...

— Ты что думаешь? У меня съ собой револьверъ. Вотъ онъ. Ты не думай.

Невидимая дорога шла все подъ гору. Бѣлая полоса растянулась и ушла вправо. Впереди виднѣлись какія-то неясныя, расплывающіяся, сѣрыя и темныя пятна, тучи, деревья или горы—нельзя было понять.

„Гдѣ мы ѣдемъ?" думала Катя: „можетъ быть, здѣсь никто никогда не бывалъ, и мы сейчасъ увидимъ что-нибудь необыкновенное". У Пети было совсѣмъ другое направленіе мыслей. Онъ прежде всего полагалъ, что ему рѣшительно все извѣстно. „Крутой логъ проѣхали", размышлялъ онъ, „сейчасъ должна быть Майданова гора, потомъ повернуть направо, а тамъ и Аликаевъ камень".

— Ахъ... зарница!—сказала Катя.

— Гроза,—поправилъ Петя.—Зарница та же гроза, только отдаленная,—такъ въ физикѣ сказано.

— А Матрена говоритъ, что это калина зрѣетъ.

— Ну, что Матрена!.. Смотри, вонъ Майданова гора, видишь?

— Да это туча.

— Нѣтъ, это Майданова гора... Ахъ, мѣсяцъ! Посмотри, посмотри!

— Гдѣ? гдѣ?..

— Вонъ... ну, теперь ужъ не видно... красный, красный... Вонъ, вонъ, смотри...

Изъ-за темной массы показался мѣсяцъ, огромный, багровый, безъ блеска и безъ лучей. Онъ висѣлъ въ крас-

новато-буромъ туманѣ, гдѣ-то значительно ниже горизонта. Это казалось очень страннымъ.

— Посмотри, онъ точно въ водѣ плаваетъ... какъ низко!..

— Мы на горѣ, оттого такъ,—пояснилъ Петя.—Ну, дорогу мы теперь найдемъ!

Катя съ тревожнымъ любопытствомъ глядѣла на странную луну, и ей казалось, что она вспоминаетъ какую-то давно позабытую волшебную сказку.

— А я сегодня въ Верхній заводъ ѣздилъ,—сказалъ Петя съ выраженіемъ хвастливой таинственности.

— Зачѣмъ?

— Такъ. Къ рабочему одному. Отъ студента Кленовского съ запиской.

— И Кленовской, конечно, не велѣлъ тебѣ говорить объ этомъ?

— Да, не велѣлъ.

— Зачѣмъ же ты говоришь?

— Ну!.. тебѣ-то чего же!.. вотъ еще!

— И мнѣ не нужно было говорить... вообще не нужно болтать.

— Вотъ! развѣ я не знаю!.. Рабочаго зовутъ Иваномъ Костаревымъ. Онъ очень образованный, ей-Богу, хотя весь въ сажѣ и лицо испеклось отъ огня... И не молодой ужъ, лѣтъ подъ сорокъ... Знаешь, они что-то затѣваютъ, но Костаревъ говоритъ, что все это чепуха... Не съ того конца, говоритъ...

— То есть, что именно?

— Я не знаю. Все, говоритъ, уповаютъ на милость... остатки, говоритъ, рабскаго состоянія...

— Это онъ тебѣ говорилъ?

— Нѣтъ, не мнѣ, а тутъ другому какому-то. Я слышалъ ихъ разговоръ.

— Однако ты, Петрушка, болтливъ, какъ баба.

— Странное дѣло! но вѣдь это я тебѣ... Я понимаю, что дѣло секретное.

Гора кончилась, телѣжка плавно покатилась по ровному дну ложбины. Бѣлая полоса исчезла. Мѣсяцъ спрятался. Опять обступилъ ихъ со всѣхъ сторонъ лѣсъ, высокій, темный, загадочный... Опять ни впереди, ни по сторонамъ ничего нельзя было понять въ живомъ колеблющемся мракѣ, и только вверху, высоко-высоко, съ темно-синяго неба любовно и кротко сіяли звѣзды.

— Здѣсь все горы кругомъ—страсть! Дикое мѣсто,—сказалъ Петя.

— Ты поворотъ не прозѣвай.

— Я и то смотрю, да плохо видно. Должно быть, поворотъ еще впереди.

Выѣхали на какую-то прогалину, окруженную темными массами, непохожими ни на деревья, ни на кусты. Снова показалась луна, все такая же красная, но уже значительно выше.

— Тпру!..—крикнулъ Петя, внезапно сдерживая лошадь.

— Что случилось?

— Въ гору пошло: неладно ѣдемъ.

Соскочивъ съ облучка, онъ сталъ шарить руками по землѣ.

— Дороги нѣту... цѣликомъ ѣдемъ... вотъ оказія!..—говорилъ онъ и вдругъ замолкъ. Его поразила странная, необычайная тишина. Было такъ тихо, что слышалось біеніе пульса и, казалось, воздухъ съ жадностью ловилъ малѣйшій звукъ. Все кругомъ было странно и необыкновенно: и пестрая, переливающаяся, точно живая темнота, и чуткій воздухъ, влажный и ароматный, и дыханіе лошади, и небо со звѣздами, и трепетное біеніе сердца, и тотъ загадочный, едва уловимый шорохъ, какой бываетъ слышенъ въ лѣсу въ тихія іюльскія ночи... Вдругъ оба вздрогнули отъ внезапнаго испуга.

— О-го-го-го-ооо!.. — дико и страшно нарушилъ тишину чей-то нечеловѣческій голосъ. О-го!.. о-го!.. у-у-у!.. — гулко пошло по лѣсу, замирая и снова откликаясь уже откуда-то изъ необъятной дали.

— Что это? — нѣсколько мгновеній спустя, послѣ страшной паузы, прошепталъ Петя, чувствуя, что именно теперь настало время проявить все свое мужество.

— Не знаю, — вся похолодѣвъ, такимъ же трепещущимъ шепотомъ отвѣчала Катя.

— Это птица такая есть...

— Не знаю, только это не человѣкъ.

Черезъ минуту другой голосъ и уже съ другой стороны снова прервалъ воцарившееся безмолвіе, и опять ему отвѣтило эхо и разнесло по всѣмъ концамъ лѣса: у!.. у.. у-у-у!..

— Это люди, конечно, люди...

— Да, кажется...

Потомъ первый голосъ крикнулъ что-то протяжно, ему отвѣтилъ второй, но уже не такъ громко, послѣ чего въ лѣсу послышался гулъ обыкновеннаго разговора.

III.

Успокоившись, Петя и Катя сѣли въ телѣжку и поѣхали наугадъ. Отъѣхавъ съ полверсты, они увидѣли въ сторонѣ огонекъ.

— Надо спросить дорогу,—сказала Катя.

— А если разбойники?

— Ну, какіе здѣсь разбойники!

— А вотъ посмотримъ! — отвѣчалъ Петя и побѣжалъ на огонь.

Пробѣжавъ подъ-гору шаговъ сто, онъ замѣтилъ, что разстояніе, какъ будто, не уменьшается. Онъ оглянулся назадъ. Позади былъ одинъ мракъ: ни телѣжки, ни Кати не было видно. Онъ побѣжалъ еще прытче, попалъ въ лужу и промочилъ ноги. Луна скрылась, вскорѣ и огонекъ исчезъ. Спотыкаясь, Петя все бѣжалъ по одному направленію и, наконецъ, поднявшись на какой-то бугоръ, вдругъ очутился у костра, вокругъ котораго сидѣли и лежали люди. Кто-то съ сальной свѣчкой въ рукахъ громко читалъ. Остальные внимательно слушали.

„Это разбойники", — подумалъ Петя и ощупалъ въ карманѣ револьверъ. Приблизившись къ костру, онъ театральнымъ жестомъ приподнялъ фуражку и сдѣлалъ общій поклонъ.

— Здравствуйте, добрые люди!—сказалъ онъ, едва переводя духъ отъ волненія и усталости.

Двое или трое испуганно вскочили; другіе, оставшись лежать и сидѣть на землѣ, оглянулись на него сурово и подозрительно.

— Постой ка-сь, что это?.. Подожди! — обращаясь къ чтецу, тревожно проговорилъ черный мужикъ въ красной рубахѣ, атаманъ, какъ подумалъ Петя. — Откудова эдакой взялся?..

Снова вѣжливо приподнявъ фуражку и отставивъ одну ногу назадъ, какъ это дѣлаютъ пѣвцы на сценѣ, когда имъ приходитъ время пѣть, Петя объяснилъ, что онъ путешественникъ, съ товарищами (это слово онъ подчеркнулъ), сбился съ дороги и принужденъ обратиться къ великодушію добрыхъ людей, которые, конечно, не откажутъ указать ему путь.

— Да ты откудова? — спросилъ его тотъ же черный мужикъ.

— Изъ завода.

— А куда тебѣ надо?

— На Аликаевъ камень.

— Зачѣмъ?

— Такъ... нужно...

— Для разгулки, стало быть? Съ господами?

— Да...

— Крюку дали... верстъ пять.

— Да вы не Петръ ли Миколаичъ будете? Чего-то, гляжу я, ровно вы? — спросилъ молодой бѣлокурый парень, въ которомъ Петя тотчасъ же узналъ знакомаго Николку-охотника.

Петя хотѣлъ было спросить его, зачѣмъ онъ ушелъ въ разбойники, но изъ деликатности удержался. Николка, между тѣмъ, дружески тряхнулъ ему руку и вызвался быть провожатымъ. Онъ объяснилъ, что они стерегутъ лошадей, и Петя, въ самомъ дѣлѣ, увидѣлъ выступавшіе изъ мрака лошадиные головы и хвосты.

— А кто тутъ кричалъ давеча?

— Это наши въ лѣсу ходили.

Между тѣмъ, чтецъ, вскочивъ на ноги, хлопнулъ Петю по плечу.

— Петрушка!—закричалъ онъ:—Сбившійся съ дороги путешественникъ! Ты зачѣмъ здѣсь?

— Господи!.. это вы?..—съ изумленіемъ отвѣчалъ Петя:—какъ вы это?.. зачѣмъ?

— По кляузнымъ дѣламъ, въ родѣ подпольнаго адвоката. А ты заблудился, бѣдняга?

— Да, темно... сбились съ дороги.

— Ты туда, на пикникъ, что ли?

— Да, да.

— Подожди, и я съ тобой, только вотъ съ кліентами раздѣлаюсь. Ну-съ, господа, прошу вниманія: будемъ продолжать,—сказалъ Кленовской мужикамъ, которые все еще косо и недружелюбно посматривали на Петю.

— Вотъ что... послушай-ко-сь... не погодить ли, Миколай Миколаичъ?..—послышались нерѣшительные голоса.

— Чего погодить? Зачѣмъ?

— До предбудущаго времени... переждать малость...

— Да вы его, что ли, боитесь? Петьки-то?.. Ха,ха!.. О, вы сермяжные конспираторы! Собирающіеся ниспровергнуть существующій строй!.. Чудаки! да вѣдь вы только прошеніе подаете, самое простое прошеніе,—къ чему же вся эта таинственность?

— Эхъ, Миколай Миколаичъ!.. какъ ты, ей-Богу... самъ хорошо понимаешь... говорили мы тебѣ... Дѣло требуетъ аккурату...

— Ну, ладно. Петьки, во всякомъ случаѣ, стѣсняться

нечего: не выдастъ Петька! Обо всемъ, что ты здѣсь видишь и слышишь, никому ни гугу!.. Ну, слушайте!..

Кленовской сталъ читать.

— Ну, что-же? Ладно, что ли? Правильно?—спросилъ онъ, окончивъ чтеніе.

— Все правильно... какъ есть... — заговорили мужики: — Спасибо! Господь тебя не оставитъ... Ужъ ежели и это не въ силу закона, то ужъ и не знаемъ...

— Хорошо. Подписывайтесь.

Первымъ подошелъ высокій, худой мастеровой въ пиджакѣ, тотъ самый Иванъ Костаревъ, которому Петя отвозилъ записку. Примостившись у доски, положенной на землю, онъ бойко подмахнулъ свою фамилію и передалъ перо сосѣду. Тотъ недовѣрчиво осмотрѣлъ перо, вздохнулъ, перекрестился, сказалъ: „въ добрый часъ!.. благослови, Царица Небесная!“ потомъ легъ животомъ на землю и медленно сталъ выводить безобразныя каракули, напрасно стараясь удержать судорожныя движенія руки. За нимъ, такъ же крестясь, серьезно и степенно, по очереди, стали одинъ за другимъ подходить остальные. Среди ночной тишины слышались только сокрушенные вздохи и пыхтѣнье подписывавшихся.

— Итакъ, значитъ, сегодня, на Аликаевомъ камнѣ,—нарушая напряженное безмолвіе, заговорилъ Кленовской: — черезъ депутацію и при самой торжественной обстановкѣ... Вотъ-то, я думаю, удивится ученый генералъ!.. Ну, не чудаки ли вы? Не проще ли было придти на квартиру, по-человѣчески поговорить и по-человѣчески передать прошеніе?

— Не допустятъ насъ... Господи Боже мой! развѣ мы не знаемъ!.. Обыщутъ, просьбу отберутъ, въ чижовку посадятъ... Это бы наплевать, да просьба пропадетъ безъ послѣдствія... Только бы въ руки ему передать, а тамъ ужъ... чего-жъ... наше дѣло правое!..

— Пошлите почтой.

— Ну! почтой!.. знаемъ мы... Сколько разовъ по почтѣ-то посылали, все безъ послѣдствія... Не доходитъ!.. Писали, писали, а все либо становой, либо писарь постановляютъ рѣшеніе: безъ послѣдствія и все тутъ!.. Извѣстно, у нихъ и на почтѣ свои люди... рука руку моетъ...

— Дайте мнѣ, я передамъ.

— Нѣтъ ужъ, зачѣмъ же... не ладно... надо намъ поговорить съ имъ... не повѣритъ еще тебѣ... молоденекъ ты...

— Гмъ!... А по почтѣ не дойдетъ?

— Не дойдетъ. Пробовали.

— Все это, други мои, чепуха! Неправдоподобно!... А просто на просто просьбы ваши оставляются безъ вниманія. И я вамъ объяснялъ—почему... И теперь ничего не выйтдетъ,

ужъ это какъ Богъ святъ. Законъ на вашей сторонѣ, да что толку! Не въ законѣ сила... Вы должны, наконецъ, понять, что вамъ надѣяться не на кого... только на себя надѣйтесь... Ну, да объ этомъ уже было говорено двадцать разъ... Вы представляете себѣ какого-то сказочнаго генерала, отца-благодѣтеля, который, какъ только узнаетъ правду, сейчасъ же пожалѣетъ васъ, осчастливитъ, облагодѣтельствуетъ... Такихъ генераловъ, други мои, не бываетъ, не было никогда и не будетъ, а если и случился бы такой, такъ ничего онъ не сдѣлаетъ, потому что много другихъ, и все генералы... Во всякомъ случаѣ, желаю успѣха. До свиданія!... Петька, идемъ.

— Гдѣ у васъ лошадь?—спросилъ Николай, когда они втроемъ, оставивъ за собой освѣщенное огнемъ пространство, вошли въ темноту.

Петя крикнулъ:—Катя, а-у!

— Здѣсь!—отвѣтилъ звонкій дѣвичій голосъ изъ непроглядной тьмы.

— Вонъ гдѣ,—сказалъ Петя.

Спотыкаясь о неровности почвы, они торопливо побѣжали на голосъ.

— Кто это?—вдругъ остановившись, испуганно закричалъ Петя.

— Гдѣ? Кого ты увидалъ?..—спросилъ Кленовской.

— Вонъ тамъ... кто-то загородилъ мнѣ дорогу... Человѣкъ какой-то, ей-Богу... Я видѣлъ, какъ онъ бросился туда, въ кусты...

— Погодите... я сейчасъ...—произнесъ Николай и исчезъ въ темнотѣ.

Петя и Кленовской слышали нѣкоторое время его торопливо удаляющіеся шаги, потомъ все смолкло. Кругомъ была тьма, только костеръ ярко горѣлъ позади; передъ нимъ, заслоняя его, безпокойно бѣгали тѣни.

— Нѣту!—сказалъ внезапно вынырнувшій изъ темноты Николай:—притаился гдѣ-то подлецъ. Всѣ кусты обшарилъ.

— Кто-жъ это, ты думаешь?

— Кто? Извѣстно кто.

— Да тебѣ, можетъ быть, Петька, показалось?

— Нѣтъ, нѣтъ, я видѣлъ фигуру человѣка... она юркнула туда... ей-Богу...

— Ну, наплевать!.. Кто бы ни былъ... эка важность, наплевать!

Вскорѣ Николка сидѣлъ на козлахъ рядомъ съ Петей, а Кленовской въ телѣжкѣ съ Катей. Кленовской оживленно разсказывалъ Катѣ о предпріятіи мужиковъ.

— Ну, Петръ Миколаичъ,—говорилъ, между тѣмъ, Никол-

ка,—важно ѣхать теперь: мотри, мѣсяцъ изъ-за горы лѣзетъ.

Минутъ пять спустя, когда выѣхали на дорогу, онъ вдругъ придержалъ лошадь.

— Поѣзжайте одни,—сказалъ онъ, понижая голосъ:—дорога прямая, а я побѣгу... надо нашимъ сказать...

— Что сказать?.. О чемъ?

— Глянь-ко-сь вонъ туды... кто-то за нами на вершной слѣдитъ... урядникъ, либо не знаю кто... вонъ за кустомъ притаился...

Однако ни Петя, ни Кленовской не могли ничего разсмотрѣть... Вдругъ свистящій ударъ нагайки прорѣзалъ воздухъ, и кто то поскакалъ подъ гору вправо отъ дороги... На мигъ что-то металлическое сверкнуло при лунѣ; дробный топотъ копытъ отдался въ горахъ и замолкъ... Снова все стало тихо. Николка, соскочивъ съ козелъ, скрылся.

— Фу ты!.. неужели, въ самомъ дѣлѣ, полиція?—проговорилъ Кленовской:—чего ей надо?

Петя и Катя молчали. Лошадь сама тронулась и лѣниво поплелась въ гору.

— Однако, что же это?..—продолжалъ Кленовской:—неужели ужъ до такой степени?.. Неужели жалобы нельзя написать безъ выслѣживанія?..

— У нихъ своя сыскная полиція, а кромѣ того, и такая всегда къ услугамъ,—сказала Катя.

— Ахъ, чортъ возьми!.. Напугаютъ мужиковъ... Но, въ концѣ концовъ, что же они могутъ сдѣлать? Чего они хотятъ? Чего имъ надо?..

— Можно всего ожидать...

— Ну, чортъ ихъ бей!.. Увидимъ, узнаемъ.

Вдругъ опять послышался конскій топотъ. Всѣ насторожились. Кто-то скакалъ имъ навстрѣчу. Темный силуэтъ всадника промелькнулъ черезъ мертвенно-освѣщенную луной поляну и скрылся въ тѣни.

— Петруха, это ты?—раздался вслѣдъ затѣмъ изъ темноты чей-то густой, очень пріятный голосъ.

— Я, я!—отвѣчалъ Петя и прибавилъ, обращаясь къ Катѣ:—это Иванъ Петровичъ Свѣтлицынъ.

— Ага!—проворчалъ Кленовской,—господинъ химикъ и лаборантъ... маркизъ Поза, Донъ-Жуанъ... Знаете что,—обратился онъ къ Катѣ:—вы не очень-то довѣряйтесь этому франту...

— Почему это?

Въ голосѣ Кати слышалось негодованіе.

— Да ужъ такъ... нестоющій человѣкъ!..

— Кленовской! стыдитесь!..

— А что?

— Вы попробуйте сказать ему это въ глаза.

— Говорилъ ужъ...

— И что же?

— Да ничего... соглашается...

— Вы заблуждаетесь, Кленовской... онъ хорошій, хотя, можетъ быть, и безхарактерный человѣкъ...

— Положимъ, я хватилъ черезъ край, но всетаки онъ ненадежный... не твердъ въ упованіяхъ и, притомъ, въ плѣну у царицы Тамары.

— Здравствуйте! Гдѣ вы пропадали?—выдвигаясь изъ тѣни, заговорилъ всадникъ.

— Это вы, Иванъ Петровичъ?

— Я. Живы ли?

— Какъ видите.

— Слава Богу!.. Тамъ изъ-за васъ переполохъ. Меня командировали учинить розыскъ. Что случилось?

— Заблудились.

Иванъ Петровичъ засмѣялся.

— Я такъ и зналъ,—продолжалъ онъ,—а все Петька... Мы ужъ давно тамъ. И ученый генералъ пожаловалъ. Сидитъ, какъ сычъ, молчитъ, а наши вкругъ него увиваются... Посмотрите, какая ночь!..

— Да, да... собственно, мы чудо какъ прокатились.

— А это кто съ вами? Кленовской ты?..

— Собственной персоной.

— Ты-то какъ здѣсь? Я думалъ, ты давно уже тамъ, на камнѣ.

— Буду и тамъ.

— Гдѣ-жъ ты былъ?

— На митингѣ. Петицію мужики подаютъ. Но ты уже, конечно, знаешь объ этомъ.

Свѣтлицинъ нѣкоторое время, молча, ѣхалъ рядомъ съ телѣжкой.

— Знаю, — наконецъ, промолвилъ онъ: — слышалъ отъ Конюхова.

— Ага! ему, стало быть, уже извѣстно?

— Извѣстно.

— Какимъ образомъ?

— Не знаю.

— Что же, именно, извѣстно?

— Да, кажется, все извѣстно.

— Такъ-съ.

Сквозь чащу сосенъ и елей замелькали огни; высоко, точно повиснувъ въ воздухѣ, показался ярко горѣвшій костеръ;

послышался издалека серебристый женскій смѣхъ и веселый говоръ, потомъ вдругъ грянула пѣсня.

— Наши поютъ!—закричалъ Петя и, приподнявшись на козлахъ, погналъ лошадь. Вскрикивая и дрожа отъ нетерпѣнія, онъ оглядывался назадъ и, захлебываясь, говорилъ:

— Ну, ребята, славно прокатились!.. ей-Богу!... отлично!.. Эхъ, катай-валяй, Ивановна!.. А вѣдь молодцы мы, ей-Богу, право!

Пѣсня звучала очень стройно, но Петѣ было досадно, что тамъ поютъ безъ него, и онъ все продолжалъ нахлестывать лошадь.

— Петька! тише! голову сломишь, сумасшедшій!—кричалъ ему Клеповской. Но Петя не слушалъ и гналъ, какъ на пожаръ.

Вдругъ надъ вершинами темныхъ елей показался Аликаевъ камень, дикая скала, у подножія которой съ мелодическимъ журчаньемъ несется по камнямъ горная рѣчка Саранка. Весь облитый луннымъ свѣтомъ, онъ казался призрачнымъ воздушнымъ замкомъ на черномъ фонѣ хвойнаго лѣса. На вершинѣ его и ниже, на одномъ изъ уступовъ, горѣли костры, и оттуда-то неслась пѣсня.

Петя круто сдержалъ лошадь передъ темными высокими воротами, за которыми виднѣлись страннаго вида постройки съ остроконечными крышами. Ворота отворились, и они въѣхали во дворъ, усыпанный мелкимъ пескомъ и обсаженный кругомъ кустами акаціи. Здѣсь стояли экипажи и лошади, ходили какіе-то люди.

— Возьмите лошадей,—распорядился Свѣтлицынъ, послѣ чего всѣ трое вышли за ворота.

Петя совсѣмъ потерялъ голову и метался, какъ угорѣлый. Когда пѣсня смолкла, онъ, приставивъ руку ко рту, закричалъ, что было силы:

— Эй, вы!.. господа!.. ого-го!..

Вверху на камнѣ заговорили:—Вѣдь это Петя?.. Онъ, онъ... – и чей-то зычный голосъ крикнулъ: „ты Петя?" такъ, что эхо въ горахъ повторило разъ пять: Петя... Петя... ты Петя...

Петя звонко отвѣтилъ:—Я!—и эхо также отвѣтило: я, я, я!.. Вверху раздались аплодисменты и крики „браво, браво!".. Въ горахъ также зааплодировали и закричали: браво, браво!..

— Идемъ!—сказалъ Свѣтлицынъ, и они пошли сначала лощиной въ тѣни кустовъ, потомъ круто въ гору по узкой каменистой тропинкѣ.

IV.

На широкомъ уступѣ скалы, подъ соснами, лѣпившимися въ разсѣлинахъ камней, была раскинута большая пестрая палатка съ флагами и разноцвѣтными фонариками. Подъ ея полотнянымъ сводомъ и кругомъ разставлены были столы съ самоварами, винами и закусками, разбросаны попоны и ковры. Здѣсь размѣщалась исключительно солидная часть общества. Молодежь, какъ стадо дикихъ козъ, ползала по камнямъ, оглашая воздухъ веселымъ шумомъ свѣжихъ, молодыхъ голосовъ.

Въ центрѣ палатки, окруженный плотнымъ кольцомъ нарядныхъ дамъ и почетнѣйшихъ лицъ, потурецки подобравъ подъ себя ноги, сидѣлъ генералъ Полянскій. Его обрюзгшее бритое лицо съ потухшими глазами, легкій клѣтчатый пиджачекъ и пестрая шапочка на головѣ дѣлали его похожимъ на стараго, но еще молодящагося актера. Онъ разсѣянно слушалъ управляющаго заводами Конюхова и смотрѣлъ внизъ, въ просвѣтъ палатки, гдѣ сквозь лилово-голубую мглу виднѣлось дно освѣщенной луною долины и наполовину серебряная, наполовину темная извилина рѣки. Хотя онъ путешествовалъ инкогнито, въ качествѣ простого туриста, но было извѣстно, что ему поручено выяснить на мѣстѣ кой-какія важныя обстоятельства, собрать свѣдѣнія, въ чемъ-то лично убѣдиться и представить свои соображенія. Населеніе вездѣ ожидало его съ нетерпѣніемъ и возлагало на него несбыточныя надежды. Поэтому по всѣмъ заводскимъ округамъ даны были въ отношеніи его указанія и соотвѣтствующія инструкціи. Утомленный суетливо проведеннымъ днемъ и, вообще, своимъ путешествіемъ по Уралу, Полянскій былъ весьма недоволенъ настоящей прогулкой по дикимъ мѣстамъ къ дикому мѣсту, отъ которой онъ не имѣлъ мужества отказаться. Его очень тяготили почести, которыя ему оказывались. Вездѣ, куда онъ ни пріѣзжалъ, ему устраивались неоффиціальныя, но весьма торжественныя встрѣчи, съ рѣчами, съ хлѣбомъ-солью, съ воскуреніемъ фиміама его ученой и административной дѣятельности, въ его распоряженіе отводились княжескіе аппартаменты съ многочисленной прислугой, высылались навстрѣчу рессорные экипажи, давались въ честь его обѣды, балы, вечера, устраивались экскурсіи и увеселительныя прогулки. Онъ жилъ, какъ въ чаду, не имѣя времени ни для отдыха, ни для работы, и не разъ бранилъ въ душѣ чрезмѣрность русскаго гостепріимства.

— У насъ, ваше превосходительство, край патріархальный,—говорилъ Конюховъ, и его длинная, сухая фигура съ деревяннымъ неподвижнымъ лицомъ и солдатскими усами изображала собой окоченѣвшую почтительность.—Пресловутая конкурренція, эксплуатація труда и тому подобное—для насъ пустыя слова. У насъ нѣтъ ни эксплуатаціи, ни конкурренціи, а есть вотъ что. Выростаетъ дѣтина въ сажень ростомъ, и сейчасъ же подавай ему работу: онъ лѣзетъ за ней, какъ въ собственный свой карманъ,—давай! И даютъ. Если нѣту,—придумывай! И придумываютъ. Всѣ отношенія, такимъ образомъ, построены на филантропическихъ началахъ. На первый взглядъ это кажется невѣроятнымъ, а между тѣмъ это фактъ!.. Осмѣлюсь спросить, какое у вашего превосходительства сложилось представленіе?

Генералъ тускло посмотрѣлъ на собесѣдника сквозь золотыя очки и ничего не отвѣтилъ.

— При томъ же, конкурренцію у насъ немыслимо допустить,—продолжалъ Конюховъ,—потому что, помилуйте! тогда мастеровые очутились бы въ безвыходнѣйшемъ положеніи, могу васъ увѣрить! То есть, если на заграничный образецъ... и могло бы выйти Богъ знаетъ что... У насъ же, благодаря патріархальности, слава Богу, все спокойно... Посмотрите, рабочіе ѣдятъ пшеничный хлѣбъ, молоко, мясо; у всѣхъ по праздникамъ пироги, у каждаго парня непремѣнно гармоника... всѣмъ назначается безобидная божеская плата... Однимъ словомъ, могу засвидѣтельствовать, что, благодаря непрестаннымъ попеченіямъ владѣльца, населеніе ни въ чемъ не терпитъ нужды... Напримѣръ, такой фактъ...

Остальные гости погружены были въ благоговѣйное безмолвіе и, почтительно слушая разговоръ, не спускали глазъ съ генерала. Одинъ только главный лѣсничій, сѣдовласый старикъ, похожій на Дарвина, Николай Ипполитовичъ Кленовской, человѣкъ честолюбивый и злобный, котораго боялись всѣ за доносы и интриги, позволялъ себѣ изрѣдка односложныя реплики.

Дамы, окоченѣвшія отъ скуки, тоскливо переглядывались и украдкой шептались, неодобрительно посматривая на хозяйку, Анну Ивановну Конюхову, которая, по ихъ мнѣнію, приняла съ генераломъ слишкомъ непринужденный тонъ. Анна Ивановна, молодая, красивая брюнетка, съ черными ласкающими глазами, стройная и граціозная, не смотря на свою полноту, въ противоположность супругу, отличалась необыкновенной подвижностью, рязвязными манерами и неистощимымъ весельемъ.

— Фактъ тотъ,—засмѣявшись и перебивая мужа, заговорила она,—что его превосходительству смертельно надоѣли

твои факты: все факты да факты—безъ конца... Надо же, наконецъ, отдохнуть и поговорить о чемъ нибудь человѣческомъ... Ваше превосходительство, какъ вамъ нравятся наши сѣверные пейзажи? Не правда ли, дико, сурово, но не лишено своеобразной прелести?

— О, да! — благодарно улыбаясь, отвѣтилъ генералъ:— чудныя мѣста!.. Да вотъ хоть бы это, гдѣ мы теперь... я все смотрю внизъ, въ долину—какая прелесть!.. Извините, я позабылъ, какъ называется этотъ утесъ?

— Аликаевъ камень.

— Да, да... Почему онъ такъ называется?

— Былъ атаманъ разбойниковъ Аликай, по его имени названъ этотъ камень. О немъ существуютъ въ народѣ сказанія и легенды. Говорятъ, напримѣръ, что онъ влюбился въ жену тогдашняго управляющаго и похитилъ ее.

— А! это весьма интересно,—промолвилъ генералъ.

— Говорятъ еще, что здѣсь гдѣ-то зарытъ кладъ, десять боченковъ съ золотомъ,—вступился Конюховъ, — только онъ никому не дается: слова не знаютъ. То свѣча горитъ, то казакъ стоитъ съ ружьемъ на часахъ, то черная собачка бѣгаетъ, а подойдутъ ближе—ничѣмъ-ничего! Станутъ рыть— плита, подъ плитой десять боченковъ; какъ жаръ, горитъ золото, а взять его нельзя: чуть притронутся—оно въ землю уходитъ.

— Очень любопытно.

— Такъ и до сихъ поръ кладъ лежитъ. Тамъ внизу, у рѣчки все изрыто, роются, говорятъ, еще и теперь, но пока безуспѣшно.

— А какія же существуютъ сказанія?

— Если вамъ не будетъ скучно, я могу кое-что разсказать.

— Пожалуйста, будьте добры.

Конюховъ, усердно занимавшійся археологіей, раскопками кургановъ и чудскихъ городищъ, разборкою заводскихъ архивовъ, кромѣ того, собиралъ сказки и народныя пѣсни и очень гордился этими своими занятіями. Какъ самоучка, непричастный къ школьной наукѣ и вышедшій въ люди изъ конторскихъ писцовъ, онъ любилъ щегольнуть при случаѣ своими занятіями и знакомствомъ съ исторіей мѣстнаго края.

— Сказаніе состоитъ, собственно, въ слѣдующемъ, — началъ Конюховъ.

Въ это время, цѣпляясь за камни, со смѣхомъ и шумомъ, спустились на площадку Свѣтлицынъ, Петя, Катя и студентъ Кленовской. Приблизившись, они примолкли и, чтобъ не мѣшать разговору, тихонько сѣли въ сторонкѣ позади

Анны Ивановны. Слѣдомъ за ними спустились еще двѣ дѣвицы и другой студентъ и также скромно усѣлись въ сторонкѣ.

Анна Ивановна жестами пригласила ихъ пересѣсть поближе и распорядилась дать имъ чаю.

V.

— Сказаніе заключается въ слѣдующемъ, — повторилъ Конюховъ, строго посмотрѣвъ на молодежь. — Впрочемъ, прежде надо сказать нѣсколько словъ о фактической или, вѣрнѣе, исторической его подкладкѣ. Во-первыхъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что Аликай лицо вовсе не миѳическое, а дѣйствительное. Во-вторыхъ, и жилъ-то онъ не такъ давно, не болѣе шестидесяти лѣтъ назадъ, слѣдовательно, старики должны его помнить. Въ то время заводами управлялъ знаменитый на Уралѣ Спиридонъ Карповичъ Золинъ изъ вольноотпущенныхъ, человѣкъ огромнаго ума, непреклонной воли и необычайной энергіи, прославившійся небывалой даже для тогдашняго времени жестокостью въ обращеніи съ рабочимъ людомъ. Это былъ звѣрь въ полномъ смыслѣ слова, не знавшій ни жалости, ни пощады. Онъ на смерть засѣкалъ людей, бросалъ ослушниковъ въ доменныя печи, сгонялъ за сотни верстъ приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ, и тѣ гибли въ рудникахъ и куреняхъ отъ голода, лишеній и непосильной работы. За то въ нѣсколько лѣтъ онъ увеличилъ выдѣлку желѣза вдвое, а добычу золота въ пять разъ. Въ 1824 году Уралъ посѣтилъ императоръ Александръ Благословенный. Двое мастеровыхъ возымѣли неслыханную дерзость подать жалобу государю, но Золинъ приказалъ разстрѣлять ихъ. Мастеровыхъ казнили на площади въ присутствіи горнаго исправника и взвода казаковъ. Это была настоящая публичная казнь со всѣми аттрибутами тогдашнихъ казней: былъ священникъ съ крестомъ, эшафотъ, позорная колесница, палачъ въ красной рубахѣ. Разумѣется, послѣ этого уже никто не дерзалъ помышлять о жалобахъ. Золина представили государю въ качествѣ выдающагося дѣятеля горнопромышленности, и онъ очаровалъ его умомъ, краснорѣчіемъ, смѣлостью и благородствомъ сужденій. Государь совѣтовался съ нимъ о приведеніи казенныхъ заводовъ въ такое же цвѣтущее состояніе, какъ Бардымскіе, и говорилъ потомъ, что часовая бесѣда съ Золинымъ была поучительнѣе для него, чѣмъ все путешествіе по Уралу. Золинъ былъ обласканъ, осыпанъ милостями и щедро награжденъ. Однако, вскорѣ случилось одно обстоятельство, которое повлекло за собой неожиданныя послѣд-

ствія. Штейгеръ Волковъ случайно проговорился объ разстрѣляніи мастеровыхъ чиновнику, командированному изъ Петербурга. Объ этомъ было сказано къ слову, вскользь, между прочимъ, но чиновникъ заинтересовался, навелъ справки и обо всемъ написалъ въ Петербургъ. Сообщеніе это произвело большое впечатлѣніе, и для раскрытія злодѣяній Золина командированъ былъ флигель-адъютантъ графъ Костровъ. То, что обнаружилось на мѣстѣ, превзошло всякое вѣроятіе. Графъ Костровъ пришелъ въ ужасъ и круто принялся за дѣло. Сгоряча онъ приказалъ арестовать Золина и самъ началъ слѣдствіе. Однако, очень скоро дѣло застряло въ трясинѣ канцелярской волокиты. Мѣстное чиновничество, начиная съ губернатора и главнаго начальника Уральскихъ заводовъ, оказывало графу открытое противодѣйствіе: его распоряженія не исполнялись, выкрадывались изъ-подъ печатей бумаги и компрометирующіе документы, исчезали вещественныя доказательства, перехватывались переписки; самый арестъ Золина существовалъ только на бумагѣ: въ дѣйствительности, Золинъ проживалъ въ своемъ городскомъ палаццо, принималъ гостей, задавалъ пиры, отдавалъ распоряженія и даже ѣздилъ на заводы. Графъ горячился, терялъ голову, выходилъ изъ себя, писалъ донесенія въ Петербургъ. На него, въ свою очередь, сыпались жалобы отъ главнаго начальника, съ предупрежденіемъ, что легкомысленное поведеніе графа можетъ поднять весь Уралъ. Разумѣется, не дремали и вліятельные покровители Золина. Кончилось тѣмъ, что графа отозвали въ Петербургъ, и дѣло пошло обычнымъ приказнымъ порядкомъ. Въ разслѣдованіи Кострова усмотрѣны были какія-то упущенія, началась нескончаемая переписка по поводу разныхъ второстепенныхъ обстоятельствъ, арестъ Золина былъ признанъ преждевременнымъ, а вслѣдъ затѣмъ и самое дѣло, наполовину утерянное, за недостаткомъ уликъ было прекращено. Золинъ снова воцарился на заводахъ. Тогда началась расправа съ недовольными. Десятки людей были засѣчены до смерти, многихъ сдали въ солдаты, другихъ сослали въ Сибирь. Каждый изъ уцѣлѣвшихъ дрожалъ за свою судьбу. Въ это-то время и выступаетъ на сцену Аликай.

— Отсюда, стало быть, начинается уже легенда?

— Да... или, вѣрнѣе, изустная исторія... Аликай считался въ народѣ колдуномъ, про него говорили, что онъ „знаетъ"; лѣтъ десять онъ находился въ бѣгахъ и въ послѣдній разъ пришелъ откуда-то съ Волги. По разсказамъ, появленіе его было очень эффектно. Онъ пришелъ утромъ въ праздникъ, когда наказывали конокрада Степана Баталова. Въ красной кумачной рубахѣ, въ плисовыхъ шароварахъ, въ шляпѣ съ

алою лентой, здоровый, бравый, саженнаго роста, черный, какъ жукъ, вышелъ онъ на средину площади передъ народомъ и весело, соколомъ, осмотрѣлся кругомъ. Его узнали, и гулъ радостнаго изумленія прокатился въ толпѣ. Исправникъ приказалъ взять его, но никто не тронулся съ мѣста: всѣ, даже казаки, стояли въ оцѣпенѣніи, какъ очарованные. Аликай, растолкавъ людей, стоявшихъ въ строю съ шпицрутенами, вошелъ въ зеленую улицу, отвязалъ Баталова отъ крестовины и голаго безъ рубахи повелъ за собой въ толпу. Народъ молча улицей разступился передъ нимъ. Едва онъ исчезъ, произошла невообразимая суматоха. Обыскали весь заводъ, но Аликай, какъ въ воду канулъ. Впрочемъ, черезъ недѣлю его вмѣстѣ съ Баталовымъ накрыли въ кабакѣ, заковали въ цѣпи и посадили въ конторскій казематъ. На другой день утромъ нашли въ казематѣ только брошенные въ уголъ кандалы, кисетъ съ табакомъ да вывороченную изъ окна рѣшетку,—заключенные исчезли. Говорятъ, Аликаю понравилась эта скала, и онъ здѣсь поселился. Къ нему собралось десятка два головорѣзовъ, и они устроили настоящую молодецкую заставу, откуда держали въ повиновеніи всю округу. Случалось, что разбойниковъ ловили, но благодаря „знанію“ Аликая, ихъ не держали никакіе затворы Разсказываютъ, что однажды Аликая посадили въ каменный мѣшокъ. Онъ ослабѣлъ и попросилъ напиться. Ему дали ковшъ съ водой. Аликай перекрестился, нырнулъ въ воду и вынырнулъ уже версты на три ниже завода изъ рѣчки Саранки и скрылся въ горахъ. Другой разъ онъ начерталъ мѣломъ на полу лодку: откуда ни возьмись весла, разбойники сѣли, запѣли пѣсню и уплыли. По требованію Золина противъ Аликая было выслано войско. Солдаты три дня плутали въ лѣсу, ночью ихъ напугалъ лѣшій, и когда они, наконецъ, добрались до камня, тамъ никого не оказалось. Золинъ, не боявшійся ни Бога, ни людей, но страшившійся чорта, рѣшительно спасовалъ передъ Аликаемъ. Онъ присмирѣлъ, окружилъ себя стражей, никуда не показывался. Населеніе въ первый разъ вздохнуло свободно. Аликай открыто появлялся въ народѣ, гарцевалъ передъ господскимъ домомъ, переругивался съ казаками. Дѣло дошло до того, что ему приносились жалобы, онъ вмѣшивался въ распоряженія конторы, диктовалъ условія, наказывалъ ослушниковъ. Въ одно прекрасное утро исчезла у Золина молодая жена, которую онъ вывезъ откуда-то издалека. Она жила затворницей, какъ птица въ клѣткѣ, не видя людей. Рѣшили, что она утопилась, и долго искали ее въ пруду, но Аликай прислалъ сказать, что она жива и находится въ сохранномъ мѣстѣ. Тутъ Золинъ еще разъ проявилъ свою страшную

энергію: сбилъ до тысячи человѣкъ народу и устроилъ на Аликая облаву. Десять дней люди не выходили изъ лѣсу, голодали, не спали ночей; самъ Золинъ похудѣлъ, одичалъ, волосы его побѣлѣли. Обыскали всѣ окрестности, но Аликая не нашли. Когда вернулись домой, оказалось, что управительскій домъ сгорѣлъ до тла. Тогда Золинъ, въ припадкѣ бѣшенства, поджегъ фабрику, магазины и контору. Огонь перебросило на обывательскіе дома, и къ вечеру отъ селенія осталось только черное дымящееся поле. Золинъ скрылся и больше никогда уже не возвращался въ заводы. Разсказываютъ, что онъ поселился въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ въ 1843 году.

— А что же Аликай?

— Онъ тоже прожилъ недолго. По разсказамъ, значительную часть своихъ сокровищъ онъ роздалъ народу. Но вскорѣ и его постигла Божья кара: захворала и умерла его любовница, жена Золина. Схоронивъ ее подъ камнемъ, Аликай посѣдѣлъ въ одну ночь и цѣлыя сутки лежалъ на ея могилѣ, какъ мертвый, потомъ распустилъ шайку, щедро надѣлилъ ее деньгами, остальное зарылъ, затѣмъ поднялся на вершину, бросился внизъ и разбился о камни.

— Гмъ!.. да, были нравы!—сказалъ генералъ и поднялся съ мѣста.

— Да, было да прошло... и слава Богу!..

VI.

Слегка прихрамывая на лѣвую ногу, генералъ вышелъ изъ палатки. За нимъ потянулось все общество.

— Какая прелесть!—сказалъ онъ, осматриваясь кругомъ.

— Да, да.!.. прелестно!..

Дамы кокетливо взвизгивали, заглядывая въ пропасть, на днѣ которой бѣлѣли крупные и мелкіе камни, и чернѣла узкая излучина рѣки.

— Ухъ, костей не соберешь!.. Ринуться съ такой высоты — это ужасно!..

— А ночь-то, ночь!.. Ваше превосходительство, посмотрите, отъ росы лугъ кажется бѣлымъ...

— А слышите, какъ журчитъ рѣка... она точно лепечетъ о чемъ-то...

Горѣвшій неподалеку костеръ то вспыхивалъ яркимъ пламенемъ, освѣщая колеблющимся свѣтомъ деревья и камни, то разливая вокругъ себя ровный, багрово-зловѣщій свѣтъ. Около него копошились подростки и прислуга, приготовлявшая ужинъ. На вышкѣ скалы опять хоромъ запѣли пѣсню,

отъ которой все ожило и мерцавшая въ лунномъ сіяніи даль получила какой-то загадочный смыслъ.

— Очень, очень мило,—говорилъ генералъ. — Это молодежь поетъ? Очень, очень мило!..

— У насъ по лѣтамъ иногда составляется большой хоръ... Сегодня еще не всѣ.

Конюховъ, заложивъ за спину руки, длинный и прямой, какъ палка, стоялъ почти у самаго обрыва и смотрѣлъ въ даль своими безцвѣтными оловянными глазами.

— Дядя просилъ передать вамъ, — обратилась къ нему Катя,—что записка готова, остается только переписать.

Конюховъ, не мѣняя позы и все смотря куда-то въ даль, слегка качнулъ головой въ знакъ того, что онъ слышитъ. Это была его обычная манера обращенія въ разговорѣ съ людьми низшаго ранга.

— Завтра или послѣ завтра перепишутъ, — прибавила Катя.

— Надо прежде прочесть, что онъ тамъ написалъ,—процѣдилъ Конюховъ сквозь зубы.

— Но дядя хочетъ подать записку отъ себя.

Конюховъ удивленно приподнялъ брови, помолчалъ и, наконецъ, все смотря куда-то въ даль, произнесъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ:

— Старикъ съ ума спятилъ. Записка должна быть подана отъ меня. Передайте ему это.

— Пожалуйста, потрудитесь передать ему сами,—сказала Катя сердито и отошла.

Конюховъ, не сдѣлавъ никакого движенія, продолжалъ стоять все въ той же позѣ.

Кто-то нашелъ большую, засохшую на корню пихту съ красной хвоей и поджегъ ее. Ослѣпительно-бѣлое пламя вихремъ взвилось кверху и съ шумомъ обняло дерево, освѣтивъ все далеко кругомъ. Небо вдругъ стало темнымъ, луна поблѣднѣла. Неожиданно и странно измѣнилась вся картина, обнаруживъ невидимыя до тѣхъ поръ подробности: сидящую въ травѣ собаку, бѣлые камни въ ложбинѣ, громаднаго роста сосну по другую сторону рва... Катя замѣтила внизу, по ту сторону ущелья, недалеко отъ тропинки, какихъ-то людей полувоеннаго покроя и между ними въ бѣломъ кителѣ офицера. Очевидно ихъ испугалъ внезапный свѣтъ: они безпокойно задвигались и стали прятаться въ низкорослые кусты можжевельника... Пока пламя съ ревомъ пожирало сухую хвою, молодежь въ восторгѣ кричала и хлопала въ ладоши, подростки визжали, прыгали и кружились вокругъ огня. Но хвоя быстро сгорѣла, свѣтъ погасъ, и только раскаленные сучья слабо свѣтились, жалобно потрескивая, отламываясь и

падая внизъ. Кругомъ опять все потемнѣло, небо стало голубымъ, и на немъ съ прежнею яркостью свѣтила луна.

Конюховъ предложилъ подняться на самую вершину камня, откуда открывался видъ во всѣ четыре стороны. Генералъ выразилъ согласіе и, хромая, но стараясь ступать твердо, пошелъ рядомъ съ нимъ. Общество зашевелилось, всѣ стали осторожно подниматься вверхъ по тропинкѣ, по осыпающимся мелкимъ камнямъ, между уродливыми глыбами скалъ, освѣщенныхъ луной.

— Подождите! — шепнула Свѣтлицыну Анна Ивановна, тихонько касаясь его руки и вглядываясь въ его лицо, покрытое черной тѣнью:—намъ надо поговорить.

Свѣтлицынъ, нахмурившись, замедлилъ шаги и пошелъ вслѣдъ за нею. Нѣсколько минутъ они шли молча, прислушиваясь къ удаляющимся голосамъ гостей. Когда голоса смолкли, Анна Ивановна остановилась, прячась въ тѣни.

— Ты сердишься? да? — сказала она, привлекая его къ себѣ.

Свѣтлицынъ молчалъ.

— Ты сердишься и нарочно ухаживаешь за Катей, чтобъ позлить меня? да? Но я никогда не повѣрю, чтобъ тебѣ могла нравиться эта ходячая пропись.

— Почему же?

— Фи!.. что въ ней?..

— Она мила, умна, образованна, красива...

— Она невоспитанна, груба... ведетъ себя, какъ семинаристъ въ юбкѣ... Но не въ этомъ дѣло... На что ты сердишься?

— Могу тебя увѣрить, нисколько.

— Развѣ я не вижу!.. Надо тебѣ сказать, что уже всѣ замѣчаютъ и говорятъ про насъ Богъ знаетъ что...

— Гмъ!.. и тебя это безпокоитъ?

— Еще бы!... Ты странный человѣкъ! Я не понимаю, чего ты отъ меня хочешь?

— Ничего... ровно ничего.

— Нельзя же компрометировать себя...

— Конечно!

— Съ тобой невозможно говорить!.. Мы слишкомъ у всѣхъ на виду, и простая осторожность требуетъ, чтобъ свиданія наши были какъ можно рѣже. Ты долженъ это признать.

— Охотно признаю.

— Перестань!... не злись!.. въ чемъ же ты меня обвиняешь?

— Ни въ чемъ... я вполнѣ съ тобой согласенъ...

— Говори тише... вездѣ народъ... Тогда въ чемъ же дѣло?

— Не знаю... кажется, ни въ чемъ.

— Это несносно!... пожалуйста, не ломайся!.. Ты ревновалъ меня къ этому уроду—вотъ въ чемъ дѣло!.. Не отпирайся, не отпирайся!.. къ этому разслабленному баричу...

— Это къ которому же?

— Ахъ, отстань!... ты отлично знаешь, о комъ я говорю... Но долженъ же ты понять, что это нужно было для дѣла... Мой Петръ Саввичъ такой опѣхтюй, а тутъ нужна дипломатія... Нужный человѣкъ... какъ же иначе?... Онъ личный секретарь князя...

Свѣтлицынъ засмѣялся.

— Чему ты?—удивилась Анна Ивановна.

— Меня забавляетъ твоя наивность... какъ все это просто: нужный человѣкъ!..

— Пожалуйста, не продолжай: я напередъ знаю, что ты скажешь... Но только это глупости... вѣдь не влюбилась же я въ этого идіота!.. Поухаживалъ да уѣхалъ... экая важность!.. За то теперь наше положеніе такъ прочно, какъ никогда... Милый мой! ты самыхъ простыхъ вещей не понимаешь, а умный человѣкъ... Всѣ такъ дѣлаютъ... чего тутъ особеннаго?... Надо умѣть жить... Ну, не сердись же, милый...

— Ей-богу, я нисколько не сержусь.

— Нѣтъ, нѣтъ! ты злишься, развѣ я не вижу?..

Она стала ласкаться къ нему, но онъ вяло и неохотно принималъ ея ласки.

— О чемъ ты думаешь, милый?

— Ни о чемъ... никакихъ думъ въ головѣ... скоро совсѣмъ оглупѣю... ей-Богу... Скука, все надоѣло... Я серьезно подумываю бѣжать отъ васъ.

— Какъ?—удивилась Анна Ивановна:—бѣжать? зачѣмъ?.. что значитъ бѣжать?

— Такъ... уѣхать.

— Куда?

— Куда глаза глядятъ.

— Какія глупости!

— Не вѣкъ же мнѣ здѣсь оставаться... надо жить, работать, учиться, пробивать дорогу... Я еще молодъ, вся жизнь впереди, а оставаться здѣсь—значитъ заплеснѣвѣть, обрости мохомъ...

Анна Ивановна вдругъ замолчала.

— Скучно, здѣсь,—продолжалъ Свѣтлицынъ,—и, знаешь, противно... Удивляюсь, какъ здѣсь съ ума не сходятъ... пьяницъ много, а сумасшедшихъ нѣтъ... удивительно!.. Не жизнь

у васъ, а тюрьма... и нравы каторжные... Воздуху нѣтъ, дышать нечѣмъ...

— Ты меня не любишь — вотъ что! — прошептала Анна Ивановна.—Ты разлюбилъ меня?

— Не знаю... не въ этомъ дѣло.

— Нѣтъ, въ этомъ, въ этомъ!.. Я не вѣрю тебѣ... ни одному твоему слову!.. Чѣмъ здѣсь нехорошо? Чего еще надо?.. Ты можешь сдѣлать карьеру... Скука... но вездѣ скука... Можетъ быть, гдѣ-нибудь въ Парижѣ... но и тамъ скучаютъ... И что это за вздоръ: воздуха нѣтъ? Какого воздуха?.. Нѣтъ, нѣтъ! никуда ты не поѣдешь!.. Куда? Зачѣмъ?.. Какъ это глупо!.. И не отпущу я тебя, такъ и знай!

— Будто? но къ чему тебѣ меня удерживать?.. Мѣсто мое недолго останется пустымъ, я и теперь тебѣ почти не нуженъ.

— Нѣтъ, нуженъ, нуженъ...

Свѣтлицынъ пожалъ плечами. Анна Ивановна неожиданно заплакала.

— Я безъ тебя жить не могу...

— Какой вздоръ!.. перестань, что за новости!..

— Нѣтъ, не вздоръ... не вздоръ!.. Милый!.. прости меня.,. Ну, я виновата... ну, я винюсь передъ тобой... чего же еще!.. Ахъ, эти идутъ сюда, противные!.. Отойди отъ меня... шляются, шляются—нѣтъ ни минуты покоя!.. Но видѣться намъ необходимо сегодня же...

— А гдѣ-жъ его превосходительство? — пыхтя, какъ паровикъ, кричалъ поднимавшійся въ гору заводскій лѣкарь Ожеговъ. За нимъ тяжело тащился земскій врачъ Веретенниковъ. Оба были уже на второмъ взводѣ.

— Эки чортовы горы!—пробасилъ Веретенниковъ и плюхнулся на землю въ совершенномъ изнеможеніи. — Уфъ!.. больше не могу!.. ноги подкашиваются... сердце стучитъ, какъ молотъ... А гдѣ же генералъ и прочіе?

— Впереди. Мы идемъ на вершину камня.

— Добре, добре!.. А мы съ Иваномъ Осипычемъ кладъ искали... чортъ знаетъ! И вѣдь не нашли!.. И свѣчку видѣли, и солдата на часахъ, а клада нѣтъ, какъ нѣтъ!.. Отложили до другого раза.

— Да, не везетъ намъ,—вздохнувъ, подтвердилъ Ожеговъ и сѣлъ рядомъ съ Веретенниковымъ.—Ну, и хорошо же, чортъ побери!..

— Вы не пойдете дальше?—спросила Анна Ивановна.

— Нѣтъ, куда тутъ!.. Сердца у насъ съ Иваномъ Осипычемъ не въ порядкѣ...

— Ну, тогда до свиданія. Идемте, Иванъ Петровичъ.

— Опять воркуютъ голубки, — сказалъ Ожеговъ, когда Свѣтлицынъ и Анна Ивановна скрылись.

— Да... лафа этому парню... какъ сыръ въ маслѣ катается... даже зависть беретъ... Пріѣхалъ на практику, да вотъ и застрялъ... второй годъ околачивается... и вѣдь мѣсто хорошее, подлецъ, занимаетъ... Рожа смазливая и ловкачъ!.. Что значатъ бабы-то, а?

— Да, братъ, бабы—онѣ того... имѣютъ свое значеніе... А барынька объяденье!.. ай люли!.. и умна же... проведетъ и выведетъ... А тотъ пентюхъ ничего не видитъ... А впрочемъ, чортъ его разберетъ!.. Ты не смотри, что онъ истуканъ... тонкая штука!..

— Ну, гдѣ тамъ!.. просто оселъ!.. Ну-ка, не осталось ли еще пороху въ пороховницѣ?

— Есть!

— Давай!.. Выпить на чистомъ воздухѣ да при эдакой декораціи — это, братъ, я тебѣ скажу, цѣлая поэма... Ишь луна-то, чортъ ее побери! хоть письма пиши... Небось, оттуда стянулъ?

— Само собой. Какъ ушли, я сейчасъ цапъ! чорта ли на нихъ смотрѣть! Не ихнія, заводскія денежки плачутъ... На генерала три тысячи ассигновано... Хо, хо!.. По крайней мѣрѣ, на свободѣ съ пріятелемъ выпить... чорта ли!.. При публикѣ-то, оно не того... важничаютъ... терпѣть не могу!.. И генералъ этотъ... чучело гороховое...

— Шутъ съ нимъ! ему важничать можно: генералъ да еще съ особыми полномочіями...

— Изобиходятъ его въ лучшемъ видѣ!

— Конечно!.. вокругъ пальца обернуть... Ну-ка, еще по единой... Эка благодать-то, а?.. Посмотри вонъ тамъ... фу-ты, какая роскошь!..

— Да, братъ... и погода кстати пришлась... для генерала-то... еще одно пріятное впечатлѣніе...

— Хе, хе!.. а и вѣрно... Сегодня утромъ его въ больницу ко мнѣ привозили... для пріятнаго-то впечатлѣнія... Хо, хо!..

— Ну, и что же?

— Ничего. Бутафорія у насъ чудесная: блескъ, чистота, паркетъ, простыни, орѣховая мебель... Умилился: „превосходно, говоритъ, — но почему же, такъ мало больныхъ?“ Время, говорю, такое, ваше превосходительство...

— Значитъ, больные-то всетаки были?

— А какъ же! нарочно для этого случая приспособили... долго ли!.. живымъ манеромъ... „Какой, говоритъ, у нихъ здоровый видъ!“ Выздоравливающіе, говорю, ваше превосходительство. А у нихъ и дощечка и скорбный листъ—все какъ слѣдуетъ!..

— Молодцы! умѣете товаръ лицомъ показать...

— Мы мастера на это... Ну-ка, остатки сладки, допивай, а пустую бутылку къ чорту! что въ ней въ пустой-то?.. терпѣть не могу!..

Описавъ въ воздухѣ полукругъ, бутылка съ жалобнымъ звономъ покатилась внизъ. Пріятели долго прислушивались къ ея паденію.

— Ну, а воинство это зачѣмъ?—помолчавъ, спросилъ Веретенниковъ.

— Какое воинство?

— Какъ же!.. Развѣ ты не замѣтилъ?..

— Не знаю... должно быть, на всякій случай... мало ли... кляузный у насъ народъ, озорной... Генерала охраняютъ... а впрочемъ, не знаю... дѣло не наше...

— А не пойти ли намъ къ студентамъ? Пѣсни больно хорошо поютъ, шельмецы.

— Что же, къ студентамъ, такъ къ студентамъ. Пѣсенки-то они воспѣваютъ, да и еще кой-чѣмъ занимаются... да-съ... извѣстно объ этомъ, извѣстно-съ...

А. Погорѣловъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ТЕРЗАНІЯ СОВѢСТИ.

Августа Стриндберга.

Переводъ S. W.

Это было черезъ двѣ недѣли послѣ Седана, то есть въ половинѣ сентября 1870 года. Геологъ прусскаго геологическаго бюро, въ то время лейтенантъ запаса фонъ-Блейхроденъ, сидѣлъ безъ сюртука за письменнымъ столомъ въ клубномъ казино, помѣщавшемся въ лучшей гостиницѣ маленькой деревушки Марлоттъ.

Свой военный мундиръ съ жесткимъ воротникомъ онъ сбросилъ на спинку стула, гдѣ тотъ и висѣлъ теперь, вялый, безжизненный, точно трупъ, судорожно обхвативъ своими пустыми рукавами ножки стула, какъ будто защищаясь отъ нападенія. У таліи виднѣлся слѣдъ, натертый портупеей, лѣвая пола лоснилась отъ ноженъ, а спина была запылена, какъ столбовая дорога. По вечерамъ господинъ лейтенантъ-геологъ по каймѣ своихъ изношенныхъ брюкъ съ успѣхомъ могъ бы изучать третичныя отложенія почвы, а по слѣдамъ, оставленнымъ на полу грязными сапогами ординарца, рѣшить,—прошли ли они эоценовую или пліоценовую формацію.

По существу фонъ-Блейхроденъ былъ болѣе геологъ, чѣмъ военный; въ данную же минуту онъ просто писалъ письма.

Сдвинувъ на лобъ очки, онъ остановился съ перомъ въ рукѣ и смотрѣлъ въ окно. Передъ нимъ разстилался садъ во всемъ своемъ осеннемъ великолѣпіи: вѣтви яблонь и сливъ клонились до земли подъ бременемъ роскошныхъ плодовъ; оранжевыя тыквы грѣлись на солнцѣ рядомъ съ колючими сѣровато-зелеными артишоками; огненно-красные томаты, обвиваясь вокругъ своихъ подпорокъ, подползали къ бѣлоснѣжнымъ головкамъ цвѣтной капусты; подсолнечники, величиной съ тарелку, поворачивали свои диски къ востоку, откуда солнце появлялось въ долинѣ. Маленькіе лѣса георгинъ бѣлыхъ, какъ только что выбѣленное полотно, пурпу-

ровыхъ, какъ кровь, грязновато-красныхъ, какъ свѣжее мясо, ярко-желтыхъ, пестрыхъ, пятнистыхъ — представляли цѣлую симфонію красокъ. За георгинами шла аллея, усыпанная пескомъ и охраняемая двумя рядами гигантскихъ левкоевъ; блѣдно сиреневые, ослѣпительные, голубовато-бѣлые, золотисто-палевые, — они уходили далеко въ перспективу, замыкавшуюся темной зеленью виноградниковъ, съ цѣлымъ лѣсомъ подпорокъ и наполовину скрытыми въ листвѣ, краснѣвшими гроздьями. А тамъ вдали бѣлесоватые стебли не сжатыхъ хлѣбовъ, съ налитыми колосьями, печально склонившимися къ землѣ, съ растрескавшейся кожицей, при каждомъ порывѣ вѣтра возвращавшіе кормилицѣ—землѣ то, что получили отъ нея; зрѣлая нива,—точно переполненная грудь матери, которую дитя перестало сосать. А въ глубинѣ, на заднемъ планѣ темнѣли верхушки дубовъ и буковые своды лѣса Фонтенебло, очертанія котораго вырисовывались тончайшими фестонами, точно старыя брабантскія кружева; косые лучи заходящаго солнца золотыми нитями пробивались сквозь ихъ узоръ. Нѣсколько пчелъ вились вокругъ цвѣтовъ; красношейка щебетала на яблонѣ; рѣзкій запахъ левкоевъ доносился порывами, точно изъ внезапно открываемой двери парфюмернаго магазина.

Лейтенантъ сидѣлъ, задумавшись, съ перомъ въ рукѣ, очарованный прелестью картины:—„Какая чудная страна“,— думалъ онъ, и мысль его невольно переносилась къ пескамъ его родины, съ ея чахлыми, низкими соснами, простиравшими къ небу свои корявыя вѣтви, какъ бы умоляя пески не затопить ихъ.

Чудная картина, обрамленная окномъ, время отъ времени, съ равномѣрностью маятника, затѣнялась ружьемъ часового, блестящій штыкъ котораго пересѣкалъ ее посрединѣ; солдатъ дѣлалъ поворотъ у большой груши, усѣянной прекрасными „наполеонами“. Лейтенантъ подумалъ было предложить часовому перемѣнить мѣсто, но не рѣшился. — Чтобы не видѣть сверкающаго штыка, онъ отвелъ глаза влѣво, въ сторону двора. Тамъ желтѣла стѣна кухни безъ оконъ, увитая старой узловатой виноградной лозой, которая была привязана къ ней, точно скелетъ какого нибудь млекопитающагося въ музеѣ; лишенная листьевъ и гроздьевъ, она была мертва и, точно къ кресту крѣпко пригвожденная къ подгнившимъ шпалерамъ, стояла, вытянувъ свои длинныя жесткія руки, какъ бы пытаясь схватить въ свои призрачныя объятія часового, когда тотъ дѣлалъ поворотъ недалеко отъ нея.

Лейтенантъ отвернулся, и взоръ его упалъ на письменный столъ. На немъ лежало недописанное письмо къ его молодой женѣ, съ которой онъ обвѣнчался четыре мѣсяца

назадъ, за два мѣсяца до начала войны... Рядомъ съ французской картой генеральнаго штаба лежали: „Философія безсознательнаго“, Гартмана и „Парерга и Паралипомена“, Шопенгауера.

Лейтенантъ порывисто всталъ изъ-за стола и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Это былъ залъ, служившій мѣстомъ сборищъ художниковъ, въ настоящее время обратившихся въ бѣгство. Стѣны были украшены ихъ произведеніями,—воспоминаніями о чудныхъ дняхъ, проведенныхъ въ прекрасномъ гостепріимномъ уголкѣ, столь великодушно открывшемъ чужестранцамъ свои художественныя школы и выставки. Здѣсь были другъ подлѣ друга танцующія испанки, римскіе монахи, морскіе берега Нормандіи и Бретани, голландскія вѣтряныя мельницы, норвежскія рыбачьи деревушки и швейцарскіе Альпы. Въ углу зала пріютился орѣховый мольбертъ и, казалось, старался укрыться въ тѣнь отъ угрожавшихъ ему штыковъ. Надъ нимъ висѣла палитра, съ пятнами полузасохшихъ красокъ, имѣвшая видъ бычачьей печени въ окнѣ мясной лавки. Огненно-красные береты, любимый головной уборъ художниковъ, выцвѣтшіе отъ пота, дождя и солнца, висѣли на вѣшалкѣ.

Лейтенантъ чувствовалъ себя здѣсь неловко, какъ будто онъ забрался въ чужую квартиру и каждую минуту ждалъ возвращенія изумленнаго хозяина. Онъ скоро прекратилъ свою прогулку и сѣлъ доканчивать письмо. Первыя страницы были готовы. Онѣ заключали сердечныя изліянія горя, печаль о разлукѣ и нѣжныя заботы; недавно онъ получилъ извѣстіе, подтвердившее его радостныя надежды стать отцомъ.

Онъ снова взялся за перо, скорѣе изъ желанія просто поговорить съ женою, чѣмъ сообщить ей что-нибудь опредѣленное или спросить у нея о чемъ-нибудь. Онъ писалъ:

„Такъ, напримѣръ, когда однажды, послѣ четырнадцатичасоваго перехода безъ пищи и питья, я подошелъ со своею ротой къ лѣсу, гдѣ мы наткнулись на покинутую повозку съ провіантомъ, — знаешь ли ты, что произошло тогда? Изголодавшіеся до послѣднихъ предѣловъ люди пришли въ неистовство и, какъ волки, набросились на пищу, а такъ какъ ея едва могло хватить на двадцать пять человѣкъ, то у нихъ дошло до рукопашной. Моей команды никто не слушалъ, а когда фельдфебель съ саблей въ рукахъ наступалъ на нихъ,—они ружейными прикладами сшибали его съ ногъ. Шестнадцать человѣкъ раненыхъ и полумертвыхъ осталось на мѣстѣ. Тѣ же, кому досталась пища, ѣли такъ жадно, что падали на землю, гдѣ тотчасъ засыпали. Это были люди, шедшіе противъ людей, дикіе звѣри, дравшіеся изъ-за пищи.

„Или въ другой разъ: получили мы приказъ немедленно устроить палисадъ.

„Въ безлѣсной странѣ мы не располагали ничѣмъ, кромѣ виноградныхъ лозъ и ихъ подпорокъ. Возмутительная картина! Въ одинъ часъ были опустошены всѣ виноградники; чтобы связать фашины, вырывались лозы съ листьями и гроздьями, совсѣмъ мокрыя отъ раздавленнаго, полуспѣлаго винограда. Говорятъ, это были сорокалѣтніе виноградники. А мы въ одинъ часъ уничтожили результаты сорокалѣтнихъ трудовъ! И это для того, чтобы, находясь въ безопасности, стрѣлять въ тѣхъ, кто развелъ эти виноградники!..

„А когда мы перестрѣливались на не скошенномъ пшеничномъ полѣ,—зерна сыпались къ нашимъ ногамъ, а колосья приминались къ землѣ, чтобы сгнить при первомъ дождѣ... Какъ по твоему, моя дорогая,—можно ли послѣ такихъ поступковъ уснуть спокойно? Между тѣмъ, вѣдь я только исполнялъ свой долгъ. А вѣдь есть люди, которые осмѣливаются утверждать, что лучшей подушкой служитъ сознаніе исполненнаго долга?!..

„Но мнѣ предстоитъ нѣчто лучшее! Ты, можетъ быть, слыхала, что французскій народъ для усиленія своей арміи поднялся массами и образовалъ вольные отряды, которые подъ именемъ „вольныхъ стрѣлковъ“ стараются охранять свои дома и поля. Прусское правительство не захотѣло признать ихъ солдатами и угрожало при встрѣчѣ разстрѣливать ихъ, какъ шпіоновъ и измѣнниковъ! Оно основывается на томъ, что войну ведутъ государства, а не индивидуумы. Но развѣ солдаты не индивидуумы? И развѣ эти стрѣлки не солдаты? У нихъ сѣрая форма, какъ у стрѣлковъ, а вѣдь солдатомъ дѣлаетъ мундиръ. „Но они не состоятъ въ спискахъ арміи“—возражаютъ на это! Да, они не состоятъ въ спискахъ арміи, потому что у правительства не было времени записать ихъ. Трехъ такихъ стрѣлковъ я держу сейчасъ подъ арестомъ въ сосѣднемъ билліардномъ залѣ и каждую минуту ожидаю изъ главнаго штаба рѣшенія ихъ судьбы!..“

На этомъ лейтенантъ прервалъ свое письмо и позвонилъ къ ординарцу, находившемуся на посту въ трактирѣ. Черезъ минуту ординарецъ предсталъ предъ лейтенантомъ.

— Что плѣнные?—спросилъ фонъ-Блейхроденъ.

— Ничего, господинъ лейтенантъ; они играютъ на билліардѣ и въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

— Дайте имъ нѣсколько бутылокъ бѣлаго вина, только самого легкаго! Все въ порядкѣ?

— Все, господинъ лейтенантъ. Не будетъ ли приказаній?

Фонъ-Блейхроденъ продолжалъ письмо:

„Что за странный народъ эти французы! Три стрѣлка, о

которыхъ я упоминалъ и которые, вѣроятно (говорю вѣроятно, потому что еще надѣюсь на лучшій исходъ), черезъ нѣсколько дней будутъ приговорены къ смерти,—спокойно играютъ на билліардѣ въ сосѣдней комнатѣ, и я слышу удары ихъ кіевъ о шары. Какое веселое презрѣніе къ жизни! Но вѣдь въ сущности это прекрасно—умѣть такъ умирать! Или, быть можетъ, это доказываетъ только, что жизнь имѣетъ слишкомъ мало цѣны, если такъ легко разстаться съ ней.

„Я думаю, что если бы не было такихъ дорогихъ узъ, какъ у меня, заставляющихъ дорожить существованіемъ... Но ты, конечно, поймешь меня и вѣришь, что я считаю себя связаннымъ... Впрочемъ, я самъ не понимаю, что пишу, — я уже много ночей не спалъ, и голова у меня...“

Кто-то постучалъ въ дверь. На отвѣтъ лейтенанта „войдите“, дверь отворилась, и вошелъ деревенскій священникъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти съ печальнымъ и привлекательнымъ, но въ высшей степени рѣшительнымъ лицомъ.

— Господинъ лейтенантъ,—началъ онъ,—я пришелъ просить разрѣшенія поговорить съ плѣнными.

Лейтенантъ всталъ и, приглашая священника занять мѣсто на диванѣ, надѣлъ свой военный мундиръ. Но когда онъ застегнулъ свой узкій сюртукъ, и шею его сжалъ, какъ въ тискахъ, тугой воротникъ, онъ почувствовалъ, что всѣ его благородные порывы стѣснены, и кровь въ своихъ таинственныхъ путяхъ къ сердцу остановилась.

Прислонившись къ столу и положивъ руку на Шопенгауера, онъ сказалъ:

— Къ вашимъ услугамъ, господинъ кюрэ, но я не думаю, чтобы плѣнные удѣлили вамъ много вниманія: они очень заняты своей партіей.

— Я думаю, господинъ лейтенантъ, что я лучше васъ знаю свою паству! Одинъ только вопросъ: намѣрены ли вы разстрѣлять этихъ юношей?

— Разумѣется!—отвѣтилъ фонъ-Блейхроденъ, совершенно входя въ свою роль. — Вѣдь войну ведутъ государства, господинъ кюрэ, а не отдѣльныя личности.

— Извините, господинъ лейтенантъ, стало быть, вы и ваши солдаты не отдѣльныя личности?

— Извините, господинъ кюрэ, въ настоящую минуту — нѣтъ!

Онъ положилъ письмо къ своей женѣ подъ бюваръ и продолжалъ:

— Въ настоящую минуту я только представитель союзныхъ государствъ Германіи.

— Вѣроятно, господинъ лейтенантъ, ваша милостивая ко

ролева, да хранитъ ее Господь вовѣки, тоже была представительницей союзныхъ государствъ Германіи, когда обратилась къ нѣмецкимъ женщинамъ съ воззваніемъ оказывать помощь раненымъ? И я знаю тысячи французскихъ отдѣльныхъ личностей, благословляющихъ ее, въ то время, какъ французская нація проклинаетъ ея націю. Господинъ лейтенантъ, во имя Христа (при этихъ словахъ священникъ всталъ, схватилъ руки врага и продолжалъ со слезами въ голосѣ): представьте это дѣло на ея усмотрѣніе!

Лейтенантъ былъ смущенъ, но вскорѣ оправился и сказалъ:

— У насъ женщины еще не вмѣшиваются въ политику.

— Жаль,—отвѣтилъ священникъ, выпрямляясь.

Лейтенантъ, казалось, прислушивался къ чему-то за окномъ и потому не обратилъ вниманія на отвѣтъ священника. Онъ былъ взволнованъ и блѣденъ, и даже тугой воротникъ не могъ болѣе вызвать прилива крови.

— Садитесь, пожалуйста, господинъ кюрэ, — говорилъ онъ машинально.—Вы можете, если вамъ угодно, говорить съ плѣнными; но посидите, пожалуйста, еще одну минуту!— Онъ снова прислушался: теперь уже отчетливо раздавались удары копытъ лошади, приближавшейся рысью.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходите еще, господинъ кюрэ, — говорилъ онъ, задыхаясь. Священникъ стоялъ. Лейтенантъ высунулся, насколько могъ, въ окно. Топотъ копытъ все приближался, замедляясь, переходя въ шагъ и, наконецъ, прекратился. Звяканье сабли и шпоръ, стукъ шаговъ — и фонъ-Блейхроденъ держитъ въ рукахъ пакетъ. Онъ вскрылъ его и прочелъ бумагу.

— Который часъ? — проговорилъ онъ, спрашивая самого себя.—Шесть! Итакъ, черезъ два часа, господинъ кюрэ, плѣнные будутъ разстрѣляны безъ суда и слѣдствія.

— Это невозможно, господинъ лейтенантъ, такъ не отправляютъ людей на тотъ свѣтъ!

— Такъ или не такъ,—приказъ гласитъ: все должно быть покончено до вечерней молитвы, если я не хочу, чтобы меня сочли за соучастника вольныхъ стрѣлковъ. Я уже получилъ строгій выговоръ за то, что не исполнилъ приказа еще 31 августа. Господинъ кюрэ, идите, объявите имъ... избавьте меня отъ непріятности...

— Вамъ непріятно сообщить имъ законный приговоръ?

— Но вѣдь я тоже человѣкъ, господинъ кюрэ! Вы не вѣрите?

Онъ сорвалъ съ себя сюртукъ, чтобы свободнѣе дышать, и быстро зашагалъ по комнатѣ.

— Почему не можемъ мы всегда оставаться людьми? От-

чего мы должны быть двойственными? О! Господинъ пасторъ, пойдите и объявите имъ! Семейные они люди? Есть у нихъ жены, дѣти? Быть можетъ, родители?..

— Всѣ трое холосты,—отвѣтилъ священникъ.—Но, по крайней мѣрѣ, эту ночь вы можете имъ подарить?!

— Невозможно! приказъ гласитъ: до вечера, а на разсвѣтѣ мы должны выступить. Идите къ нимъ, господинъ кюрэ, идите!

— Я пойду! Но не забудьте, господинъ лейтенантъ, что вы безъ сюртука, не вздумайте выйти: васъ можетъ постичь участь тѣхъ троихъ, потому что вѣдь только мундиръ дѣлаетъ солдатомъ.

Священникъ вышелъ.

Фонъ Блейхроденъ въ возбужденномъ состояніи дописывалъ послѣднія строки письма.

Затѣмъ, запечатавъ его, онъ позвонилъ вѣстового.

— Отправьте это письмо,—сказалъ онъ вошедшему, — и пошлите ко мнѣ фельдфебеля.

Фельдфебель вошелъ.

— Трижды три—двадцать девять, нѣтъ, трижды семь...— Фельдфебель, возьмите трижды... возьмите двадцать семь человѣкъ и черезъ часъ разстрѣляйте плѣнныхъ. Вотъ приказъ!

— Разстрѣлять?..—нерѣшительно переспросилъ фельдфебель.

— Да, разстрѣлять! Выберите людей похуже, уже бывшихъ въ огнѣ. Понимаете? Напримѣръ № 86 Бесселя, № 19... и потише! Кромѣ того, немедленно снарядите мнѣ отрядъ въ шестнадцать человѣкъ. Самыхъ лучшихъ ребятъ! Мы отправимся на рекогносцировку въ Фонтенебло, и къ нашему возвращенію все должно быть кончено. Вы поняли?

— Шестнадцать человѣкъ для господина лейтенанта, двадцать семь—для плѣнныхъ. Счастливо оставаться, господинъ лейтенантъ!

Онъ вышелъ.

Лейтенантъ тщательно застегнулъ сюртукъ, надѣлъ портупею, сунулъ въ карманъ револьверъ. Затѣмъ зажегъ сигару, но рѣшительно не въ силахъ былъ курить: онъ задыхался, ему не хватало воздуха.

Онъ тщательно вытеръ пыль съ письменнаго стола, обмахнулъ носовымъ платкомъ большія ножницы и спичечницу; положилъ параллельно линейку и ручку, подъ прямымъ угломъ къ бювару. Потомъ сталъ приводить въ порядокъ мебель. Покончивъ съ этимъ, онъ вынулъ гребенку, щетку и причесалъ передъ зеркаломъ волосы. Онъ снялъ со стѣны палитру, изслѣдовалъ краски; разсматривалъ красныя шапки

и попробовалъ поставить поустойчивѣе двуногій мольбертъ. Къ тому времени, когда на дворѣ послышалось бряцанье ружей, въ комнатѣ не оставалось ни одного предмета, который не побывалъ бы въ рукахъ лейтенанта. Затѣмъ онъ вышелъ. Онъ скомандовалъ: „Налѣво-кругомъ" — и направился изъ деревни... Онъ точно бѣжалъ отъ настигавшаго его непріятеля, и отрядъ съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ. Выйдя въ поле, онъ приказалъ своимъ людямъ идти гуськомъ другъ за другомъ, чтобы не топтать травы. Онъ не поворачивался, но шедшій позади его могъ видѣть, какъ судорожно съеживалось сукно на спинѣ его сюртука, какъ онъ вздрагивалъ, точно ожидая удара сзади.

На опушкѣ лѣса онъ скомандовалъ: стой! — и приказалъ солдатамъ не шумѣть и отдохнуть, пока онъ пройдетъ въ лѣсъ.

Оставшись наединѣ и убѣдившись, что его никто не видитъ, онъ перевелъ духъ и повернулся къ лѣсной чащѣ, сквозь которую узкія тропинки вели къ „Волчьему ущелью". Низкая лѣсная поросль и кусты были уже окутаны мракомъ, а вверху, надъ макушками дубовъ и буковъ, еще сіяло яркое солнце. Фонъ-Блейхродену казалось, что онъ лежитъ на мрачномъ днѣ озера и сквозь зелень воды видитъ дневной свѣтъ, до котораго ему ужъ не добраться никогда. Величественный чудный лѣсъ, дѣйствовавшій прежде такъ цѣлительно на его больную душу, былъ сегодня не гармониченъ, непріятенъ, холоденъ.

Жизнь представлялась теперь фонъ-Блейхродену такой жестокой, противорѣчивой, полной двойственности, безрадостной даже въ безсознательной природѣ. Даже здѣсь, среди растеній, велась та же страшная борьба за существованіе, хотя и безкровная, но не менѣе жестокая, чѣмъ въ одушевленномъ мірѣ. Онъ видѣлъ, какъ маленькіе буки разростались въ рощицы, чтобы убить нѣжную поросль дубка, которая теперь ничѣмъ инымъ, кромѣ поросли, не можетъ быть. Изъ тысячи буковъ едва одному удастся пробраться къ свѣту и, благодаря этому, превратиться въ великана, чтобы въ свою очередь отнимать жизнь у другихъ. А безпощадный дубъ, протягивавшій свои узловатыя грубыя руки, какъ бы желая захватить все солнце для себя одного, — изобрѣлъ еще подземную борьбу. Онъ разсылалъ свои длинные корни по всѣмъ направленіямъ, подрывалъ землю, поглощая всѣ питательныя вещества и, если ему не удавалось уничтожить своего противника лишеніемъ свѣта,— онъ умерщвлялъ его голодной смертью. Дубъ убилъ уже сосновый лѣсъ; за то букъ являлся мстителемъ, дѣйствовавшимъ медленно, но вѣрно: его ядовитые соки убивали все тамъ, гдѣ онъ царилъ.

Онъ изобрѣлъ непреодолимый способъ отравленія: никакая трава не могла рости въ его тѣни, земля вокругъ него была мрачна, какъ могила, и потому будущее принадлежало ему.

Фонъ-Блейхроденъ шелъ все дальше и дальше. Безсознательно сбивалъ онъ саблей молодую поросль вокругъ себя, не думая о томъ, какъ много юныхъ надеждъ разбивалъ онъ, сколько обезглавленныхъ калѣкъ оставлялъ за собой. Едва ли онъ даже способенъ былъ о чемъ-нибудь думать: такъ глубоко потрясена была вся его душа. Мысли его, пытавшіяся сосредоточиться, прерывались, расплывались.

Воспоминанія, надежды, злоба, различныя смутныя чувства и единственное яркое — ненависть къ предразсудкамъ, которые необъяснимымъ путемъ управляютъ міромъ, — расплавлялись въ его мозгу, объятомъ внутреннимъ огнемъ.

Вдругъ лейтенантъ вздрогнулъ и остановился: отъ деревни Марлоттъ долеталъ шумъ, разносившійся по полямъ и усиливавшійся въ подземныхъ ходахъ Волчьей долины. Это былъ барабанъ! Сначала продолжительная дробь: трррррррррромъ! И затѣмъ ударъ за ударомъ, тяжелые, глухіе, разъ-два,—какъ будто заколачивали крышу гроба. — Трррро-трррромъ. Тромтррромъ! Онъ вынулъ часы. Три четверти восьмого... Черезъ четверть часа все будетъ кончено. Онъ подумалъ было вернуться и увидѣть все своими глазами. Но вѣдь онъ убѣжалъ! Ни за что на свѣтѣ онъ не могъ бы видѣть это. Онъ взлѣзъ на дерево.

Онъ увидалъ деревню, такую привѣтливую съ ея маленькими садиками и съ колокольней, возвышавшейся надъ крышами домовъ. Больше онъ ничего не видѣлъ. Онъ держалъ въ рукахъ часы и слѣдилъ за секундной стрѣлкой. Пикъ, пикъ, пикъ, пикъ! Она бѣгала вокругъ циферблата такъ быстро, быстро. Длинная минутная стрѣлка, пока маленькая описывала кругъ, дѣлала только толчекъ, а часовая казалась совсѣмъ неподвижной.

Было безъ пяти минутъ восемь. Фонъ-Блейхроденъ крѣпко ухватился за обнаженный черный сукъ бука. Часы дрожали у него въ рукахъ, пульсъ громко стучалъ, отдаваясь въ ушахъ, и онъ чувствовалъ жаръ у корней волосъ. — Крр-рахъ! — раздалось вдругъ, точно треснула доска, и надъ деревней, поверхъ черныхъ шиферныхъ крышъ и бѣлой яблони, поднялся синеватый дымокъ, прозрачный, какъ весеннее облачко, а надъ нимъ взвилось кольцо, два кольца, много колецъ, какъ будто стрѣляли въ голубей, а не въ стѣну.

— Они не такъ жестоки, какъ я думалъ,—подумалъ онъ, спускаясь съ дерева и нѣсколько успокоившись послѣ того, какъ все уже было кончено. Теперь раздался звонъ малень-

каго деревенскаго колокола, заупокойный звонъ за души умершихъ, которые исполнили свой долгъ, а не за живыхъ. исполняющихъ его.

Солнце сѣло, и блѣдный мѣсяцъ, стоявшій въ небѣ, начиналъ уже краснѣть, становясь все ярче и ярче, когда лейтенантъ со своимъ отрядомъ зашагалъ къ Монкуру, преслѣдуемый звономъ маленькаго колокола. Солдаты вышли на немурское шоссе, и эта дорога, съ двумя рядами тополей, казалась нарочно устроенной для похода. Они продолжали свой путь, пока не спустилась густая тьма, а въ небѣ ярко не заблестѣлъ мѣсяцъ. Въ послѣдней шеренгѣ начали уже перешептываться, тихонько совѣщаясь, не попросить ли унтеръ-офицера намекнуть лейтенанту, что мѣстность не безопасна и что необходимо вернуться на квартиры, чтобы успѣть завтра съ разсвѣтомъ выступить,—какъ вдругъ фонъ-Блейхроденъ совершенно неожиданно скомандовалъ остановиться. Расположились на возвышенности, съ которой можно было видѣть Марлоттъ. Лейтенантъ остановился, какъ вкопанный, точно охотничья собака, наткнувшаяся на стаю куропатокъ. Снова раздался барабанный бой. Затѣмъ въ Монкурѣ пробило девять часовъ; потомъ часы пробили въ Грецѣ, Бурѣ, въ Немурѣ; всѣ маленькіе колокола звонили къ вечернѣ, одинъ звонче другого, но всѣхъ ихъ заглушалъ колоколъ Марлотта, какъ бы крича: помогите! помогите! помогите! Блейхроденъ не могъ помочь. Теперь раздавался гулъ вдоль земли, какъ будто выходя изъ ея нѣдръ: это была ночная перестрѣлка въ главной квартирѣ близь Шалона.

А сквозь легкій вечерній туманъ, разстилавшійся, точно вата, вдоль маленькой рѣчки, прорывался лунный свѣтъ и, освѣщая рѣчку, бѣгущую изъ темнаго лѣса Фонтенебло, который возвышался подобно вулкану, дѣлалъ ее похожей на потокъ лавы.

Вечеръ томительно жаркій, но лица людей такъ блѣдны, что летучія мыши, снующія вокругъ, задѣваютъ ихъ, какъ онѣ обыкновенно дѣлаютъ при видѣ чего-нибудь бѣлаго.. Всѣ знали, о чемъ думаетъ лейтенантъ, но они никогда не видали его такимъ страннымъ и боялись, что не все обстоитъ благополучно съ этой безцѣльной рекогносцировкой на большой дорогѣ.

Наконецъ, унтеръ-офицеръ рѣшился подойти къ лейтенанту и отрапортовать, что уже пробили зорю; Блейхроденъ покорно выслушалъ донесеніе, какъ принимаютъ приказы, и скомандовалъ возвращеніе.

Когда, часъ спустя, они вошли въ первую улицу деревни Марлоттъ, унтеръ-офицеръ замѣтилъ, что правая нога лей-

тенанта не сгибается въ колѣнѣ, и онъ идетъ не ровно, точно слѣпой.

На площади люди были распущены по домамъ безъ молитвы, и лейтенантъ исчезъ.

Ему не хотѣлось сейчасъ же идти къ себѣ. Что-то влекло его, куда?—онъ самъ не зналъ... Онъ ходилъ кругомъ, какъ ищейка, съ широкораскрытыми глазами и раздутыми ноздрями. Онъ осматривалъ стѣны и слышалъ хорошо знакомый ему запахъ.

Но онъ ничего не видѣлъ и не встрѣтилъ никого. Онъ хотѣлъ и вмѣстѣ боялся увидѣть, гдѣ *это* произошло.

Наконецъ, онъ почувствовалъ усталость и направился къ себѣ. На дворѣ онъ остановился, затѣмъ обошелъ вокругъ кухни. Тамъ онъ наткнулся на фельдфебеля и, при видѣ его, до того испугался, что долженъ былъ ухватиться за стѣну. Фельдфебель тоже былъ испуганъ, но скоро оправился и сказалъ:

— Я искалъ господина лейтенанта, чтобы доложить...

— Хорошо, хорошо! Все въ порядкѣ?.. Отправляйтесь къ себѣ и ложитесь спать!—отвѣтилъ фонъ-Блейхроденъ, боясь услышать подробности.

— Все въ порядкѣ, господинъ лейтенантъ, но...

— Хорошо! Ступайте, ступайте, ступайте!..—онъ говорилъ такъ торопливо, что фельдфебель не имѣлъ возможности вставить слово: каждый разъ, какъ онъ раскрывалъ ротъ,—цѣлый потокъ рѣчей лейтенанта выливался на него. Въ концѣ концевъ фельдфебелю это надоѣло, и онъ пошелъ къ себѣ.

Фонъ-Блейхроденъ перевелъ духъ, и ему стало весело, какъ мальчишкѣ, который избѣжалъ наказанія... Теперь онъ былъ въ саду. Мѣсяцъ ярко освѣщалъ желтую кухонную стѣну, и виноградная лоза вытягивала свою изсохшую костлявую руку. Но что это? Часа два тому назадъ она была совсѣмъ мертва, лишена листьевъ; торчалъ одинъ только сѣрый остовъ, изгибавшійся въ конвульсіяхъ, а теперь на ней висѣли чудныя красныя гроздья и стволъ позеленѣлъ? Онъ подошелъ поближе, чтобы убѣдиться, та ли это лоза. Подходя къ стѣнѣ, онъ ступилъ во что-то мягкое и узналъ удушливый, противный запахъ, напоминавшій мясную лавку. Теперь онъ увидѣлъ, что это та самая виноградная вѣтвь, но только штукатурка па стѣнѣ надъ ней пробита и обрызгана кровью. Такъ это было здѣсь! Здѣсь произошло *это*!..

Онъ сейчасъ же ушелъ. Войдя въ сѣни, онъ споткнулся: что-то скользкое пристало къ его ногамъ. Онъ снялъ въ сѣняхъ сапоги и выбросилъ ихъ на дворъ. Затѣмъ онъ отправился въ свою комнату, гдѣ на столѣ былъ приготовленъ

ему ужинъ. Онъ чувствовалъ страшный голодъ, но не могъ ѣсть: онъ стоялъ и пристально смотрѣлъ на накрытый столъ. Все было такъ аппетитно приготовлено: комъ масла такой нѣжный, бѣлый, съ красной редиской, воткнутой посрединѣ; ослѣпительной бѣлизны скатерть, красная мѣтка которой,—онъ это замѣтилъ,—не соотвѣтствовала именамъ его и его жены; круглый козій сыръ такъ заманчиво красовался на темныхъ виноградныхъ листьяхъ, какъ будто рукой, приготовлявшей все это, водилъ не одинъ только страхъ; прекрасный бѣлый хлѣбъ, красное вино въ граненомъ графинѣ, тонкіе ломтики розоватаго мяса,—все, казалось, было разставлено дружеской, заботливой рукой. Но фонъ-Блейхроденъ не рѣшался прикоснуться къ пищѣ.

Вдругъ онъ схватилъ колокольчикъ и позвонилъ. Тотчасъ же вошла хозяйка и молча остановилась у двери. Она смотрѣла себѣ подъ ноги и ждала приказаній. Лейтенантъ не зналъ, что ему надо было, и не помнилъ, зачѣмъ онъ позвонилъ. Но нужно было что-нибудь сказать.

— Вы сердитесь на меня?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сударь,—спокойно отвѣтила женщина.—Вамъ что-нибудь угодно?—И она снова смотрѣла себѣ подъ ноги.

Лейтенантъ посмотрѣлъ внизъ, желая узнать, что привлекаетъ ея вниманіе, и замѣтилъ, что онъ стоитъ въ однихъноскахъ, а полъ испещренъ пятнами, красными пятнами съ отпечаткомъ пальцевъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ носки были прорваны, отъ продолжительной ходьбы въ теченіе дня.

— Дайте мнѣ вашу руку, добрая женщина,—сказалъ онъ, протягивая ей свою.

— Нѣтъ!—отвѣтила она, смотря ему прямо въ глаза, и вышла.

Послѣ этого оскорбленія къ лейтенанту, казалось, вернулось мужество; онъ взялъ стулъ, рѣшившись приняться за ѣду. Онъ придвинулъ къ себѣ блюдо съ мясомъ, но отъ одного его запаха—ему стало тошно. Онъ всталъ, открылъ окно и выбросилъ на дворъ все блюдо. Дрожь охватила всѣ его члены, и онъ чувствовалъ себя совершенно больнымъ. Глаза его были такъ чувствительны: свѣтъ безпокоилъ ихъ, и яркіе цвѣта раздражали. Онъ выбросилъ графины съ виномъ, вынулъ красную редиску изъ масла; красные береты художниковъ, палитры, рѣшительно все красное полетѣло за окно. Затѣмъ онъ легъ на кровать. Глаза его, не смотря на усталость, не смыкались Такъ пролежалъ онъ нѣкоторое время, пока не послышались чьи-то голоса въ трактирѣ. Онъ не хотѣлъ вслушиваться, но слухъ его невольно улавливалъ разговоръ двухъ унтеръ-офицеровъ за пивомъ.

Они говорили:

— Два, что пониже, были молодцы, а длинный—слабъ.

— Нельзя еще сказать, что онъ слабъ потому только, что онъ свалился, какъ снопъ; вѣдь онъ же просилъ привязать его къ шпалерамъ, такъ какъ ему хотѣлось умереть стоя,—говорилъ онъ.

— Но другіе стояли же, чортъ побери, скрестивъ на груди руки, точно съ нихъ портретъ писали!

— Да, но когда священникъ вошелъ къ нимъ въ билліардную и объявилъ, что все кончено,—всѣ трое такъ и упали среди комнаты; такъ фельдфебель говорилъ... Но они не проронили слезы и не заикнулись о помилованіи!

—Да, молодцы были... Твое здоровье!

Блейхроденъ зарылъ голову въ подушки и заткнулъ уши простыней. Но тотчасъ же онъ снова всталъ. Какая-то сила влекла его къ двери, за которой сидѣли собесѣдники. Онъ хотѣлъ слышать дальше, но теперь люди говорили тихо. Онъ прокрался впередъ и, упершись спиною въ правый уголъ, приложилъ ухо къ замочной скважинѣ и слушалъ.

— А смотрѣлъ ты на нашихъ ребятъ. Лица у нихъ стали сѣрыя, вотъ какъ пепелъ въ моей трубкѣ? Многіе стрѣляли на воздухъ. Но, нечего ужъ говорить: тѣ всетаки получили, что имъ слѣдовало. Теперь они вѣсятъ на нѣсколько фунтовъ больше прежняго! Право, мы, точно по дроздамъ, стрѣляли въ нихъ.

— Видѣлъ ты этихъ птичекъ съ красными шейками? Когда раздавался выстрѣлъ, ихъ шейки мелькали, какъ пламя, когда снимаютъ со свѣчки, и онѣ катались по грядамъ гороха, хлопая крыльями и вытаращивъ глаза! А потомъ эти старухи! О!.. Но... но ничего не подѣлаешь — война! Твое здоровье!

Этого было достаточно. Мозгъ, переполненный кровью, усиленно работалъ, и фонъ-Блейхроденъ не могъ уснуть. Онъ вышелъ въ столовую и попросилъ солдатъ уйти. Затѣмъ онъ раздѣлся, окунулъ голову въ умывальный тазъ, взялъ Шопенгауэра, легъ и началъ читать. Съ лихорадочно бьющимся пульсомъ читалъ онъ: „рожденіе и смерть одинаково принадлежатъ жизни и сохраняютъ равновѣсіе, какъ взаимный договоръ, или какъ противоположные полюсы всей совокупности жизненныхъ явленій. Мудрѣйшая изъ миѳологій—индійская, выражаетъ это тѣмъ, что именно богу, символизирующему разрушеніе, смерть, — именно Шивѣ, вмѣстѣ съ ожерельемъ изъ мертвыхъ головъ, даетъ, какъ атрибутъ, эмблему творческой силы. Смерть, это—мучительное распутываніе узла, завязаннаго при зачатіи въ наслажденіи; она—насильственное разрушеніе коренной ошибки нашего существованія; она—освобожденіе отъ иллюзіи“.

Онъ выронилъ книгу, услышавъ вдругъ, что кто-то кричитъ и бьется въ его постели.

Кто это лежитъ на кровати? Онъ увидѣлъ фигуру, у которой животъ былъ сведенъ судорогой и грудная клѣтка сжата вчетверо; странный глухой голосъ раздавался изъ подъ простыни.

Но вѣдь это было его тѣло. Развѣ онъ раздвоился, что онъ видитъ и слышитъ себя самого, какъ постороннее лицо? Крикъ продолжался.

Дверь отворилась, и вошла женщина, вѣроятно, постучавшись предварительно.

— Что прикажете, господинъ лейтенантъ?—спросила она съ горящими глазами и особенной усмѣшкой на губахъ.

— Я?—отвѣтилъ больной,—ничего! Но *онъ*, кажется, очень боленъ, и ему нуженъ докторъ.

— Здѣсь нѣтъ доктора, но господинъ кюрэ помогаетъ намъ въ случаѣ надобности,—отвѣтила женщина, переставъ улыбаться.

— Въ такомъ случаѣ пошлите за нимъ,—сказалъ лейтенантъ,—хотя *онъ* не любитъ поповъ.

— Но когда онъ боленъ — онъ ихъ любитъ! — сказала женщина и скрылась.

Священникъ вошелъ и, подойдя къ постели, взялъ руку больного.

— Какъ вы думаете, что съ нимъ?—спросилъ больной.— Чѣмъ онъ боленъ?

— Мученіями совѣсти, — былъ короткій отвѣтъ священника.

Блейхроденъ вскочилъ.

— Мученіями совѣсти, оттого что онъ исполнилъ свой долгъ?!

— Да,—сказалъ священникъ, обвязывая мокрымъ полотенцемъ голову больного.—Выслушайте меня, если вы еще въ состояніи это сдѣлать. Вы приговорены. Васъ ждетъ жребій, болѣе ужасный, чѣмъ тотъ, который выпалъ на долю тѣхъ троихъ! Слушайте хорошенько! Мнѣ знакомы эти симптомы: вы на границѣ безумія. Попытайтесь продумать эту мысль до конца! Вдумайтесь пристально, и вы почувствуете, какъ мозгъ вашъ проясняется, приходитъ въ порядокъ. Смотрите мнѣ прямо въ лицо и слѣдите, если можете, за моими словами. Вы раздвоились! Вы разсматриваете часть себя, какъ другое, или третье лицо! Какимъ образомъ пришли вы къ этому? Видите ли, это *общественная ложь раздваиваетъ насъ*. Когда вы сегодня писали къ вашей женѣ, вы были одинъ человѣкъ, настоящій, простой, добрый, а когда говорили со мной—вы были совсѣмъ другой! Какъ актеръ утрачиваетъ

свою индивидуальность и становится конгломератомъ ролей,— такъ общественный человѣкъ представляетъ собою, по меньшей мѣрѣ, два лица. И пока душа не разорвется отъ какого-нибудь внутренняго потрясенія, возбужденія, — обѣ природы живутъ въ человѣкѣ бокъ о бокъ... Я вижу на полу книгу, которая мнѣ тоже знакома. Это былъ глубокій мыслитель, быть можетъ, самый глубокій, какой былъ на свѣтѣ. Онъ постигъ зло и ничтожество земной жизни, какъ будто бы самъ Богъ вразумилъ его, но это не помѣшало ему стать двойственнымъ, потому что жизнь, рожденіе, привычки, человѣческія слабости — влекутъ назадъ. Вы видите — я читалъ и другія книги, кромѣ моего требника. И я говорю, какъ врачъ, а не какъ священникъ, потому что мы оба—слѣдите за мной хорошенько—понимаемъ другъ друга! Вы думаете, я не чувствую проклятія двойственной жизни, которую я веду? Правда, меня не обуреваютъ сомнѣнія въ религіозныхъ вопросахъ, потому что религія вошла въ плоть и кровь мою. Но, милостивый государь, я знаю, что, говоря такъ, я говорю не во имя Божье. Ложью заражаемся мы еще въ утробѣ матери, впитываемъ ее съ материнскимъ молокомъ, и кто при современныхъ условіяхъ захочетъ сказать правду, всю правду, тотъ... да... да... Въ состояніи вы слѣдить за мной?

Больной жадно вслушивался и, въ продолженіе всей рѣчи священника, не спускалъ съ него глазъ.

— Теперь перейдемъ въ вамъ,—продолжалъ кюрэ,—есть на свѣтѣ маленькій предатель съ факеломъ въ рукахъ, амуръ съ корзиной розъ, сѣющій ложь жизни; это ангелъ Лжи и имя его—Красота. Язычники въ Греціи почитали его, цари всѣхъ временъ и народовъ поклонялись ему, потому что онъ ослѣпляетъ людей, не позволяя видѣть вещи въ настоящемъ ихъ видѣ. Онъ проходитъ черезъ всю жизнь и обманываетъ,—обманываетъ безъ конца.

Зачѣмъ вы, воины, одѣваетесь въ красивыя одежды съ позолотой, въ яркіе цвѣта? Для чего дѣлаете вы свое страшное дѣло подъ музыку и съ развѣвающимися знаменами? Не для того ли, чтобы скрыть то, что остается позади васъ? Если бы вы любили истину, вы бы носили бѣлыя блузы, какъ мясники, для того, чтобы кровавыя пятна были замѣтнѣе; вы бы ходили съ топорами и ножами, какъ рабочіе на бойняхъ, съ ножами, липкими отъ жира, съ которыхъ каплетъ кровь. Вмѣсто оркестра музыки, вы гнали бы передъ собой толпу воющихъ людей, обезумѣвшихъ отъ одного вида поля сраженія; вмѣсто знаменъ, вы носили бы саваны, возили бы за собой обозы гробовъ!..

Больной, корчась въ напряженіи, судорожно складывалъ руки, грызъ пальцы. Лицо священника приняло грозный

видъ; суровый, неподвижный, исполненный ненависти, онъ продолжалъ:

— По натурѣ, ты человѣкъ добрый, и я не хочу покарать въ тебѣ злого, нѣтъ,—я наказываю тебя, какъ „представителя", какъ ты себя назвалъ, и да послужитъ твое наказаніе предостереженіемъ другимъ! Хочешь ли ты взглянуть на эти трупы? Хочешь?

— Нѣтъ! ради Бога, не надо! — закричалъ больной, у котораго выступилъ холодный потъ, и взмокшая рубашка пристала къ плечамъ.

— Твой испугъ доказываетъ, что ты человѣкъ и труслива, какъ ему подобаетъ.

Точно отъ удара бича, вскочилъ больной, обливаясь потомъ; но лицо его было спокойно, грудь дышала ровно, и холоднымъ увѣреннымъ голосомъ совсѣмъ здороваго человѣка онъ сказалъ:

— Уходи вонъ отсюда, проклятый попъ, не то ты доведешь меня до какой-нибудь глупости!

— Но я ужъ не приду, если ты меня снова призовешь,— отвѣтилъ тотъ. — Подумай объ этомъ! Когда сонъ покинетъ тебя, подумай о томъ, что это не моя вина, а скорѣе вина тѣхъ троихъ, что лежатъ въ билліардной на столѣ...

И онъ растворилъ дверь въ билліардный залъ, откуда въ комнату больного ворвался запахъ карболовой кислоты.

— Нюхай, нюхай! Это пахнетъ не пороховымъ дымомъ, это не то, что телеграфировать домой о подобномъ случаѣ: „Слава Богу,—большая побѣда: трое убитыхъ и одинъ сумасшедшій". Это не то, что сочинять привѣтственные стихи, усыпать улицы цвѣтами, проливать слезы въ церкви. Это — кровопролитіе, убійство, слышишь ты, палачъ!

Блейхроденъ вскочилъ съ постели и бросился въ окно, гдѣ былъ подхваченъ людьми; онъ пытался кусать ихъ, но былъ связанъ и отправленъ въ походный лазаретъ главной квартиры, а оттуда—въ виду выяснившагося остраго помѣшательства — препровожденъ въ больницу.

Было солнечное утро въ концѣ февраля 1871 г. На крутой холмъ въ окрестностяхъ Лозанны медленно поднималась молодая женщина объ руку съ мужчиной среднихъ лѣтъ.

Она была въ послѣднемъ періодѣ беременности и тяжело опиралась на руку своего спутника.

Лицо молодой женщины было мертвенно блѣдно, она была въ черномъ. Господинъ, шедшій рядомъ съ ней, не былъ въ траурѣ, изъ чего прохожіе заключали, что онъ не мужъ ея.

Онъ имѣлъ печальный видъ; отъ времени до времени онъ наклонялся къ маленькой женщинѣ, произносилъ нѣсколько словъ и снова возвращался къ занимавшимъ его мыслямъ. Достигнувъ площади, у старой таможни, передъ гостиницей они остановились.

— Еще одинъ подъемъ?—спросила женщина.

— Да, сестра, — отвѣтилъ онъ. — Отдохнемъ здѣсь немного.

И они сѣли на скамьѣ передъ гостиницей. У нея замирало сердце; она дышала съ трудомъ.

— Бѣдный мой,—сказала она, —я вижу, тебя тянетъ домой, къ своимъ.

— Ради Бога, сестра, не говори объ этомъ!—отвѣтилъ онъ.—Правда, душою я порой далеко отсюда, и присутствіе мое было бы полезно дома во время посѣва, но вѣдь ты же моя сестра, нельзя отречься отъ своей плоти и крови.

— Охъ, — продолжала г-жа Блейхроденъ, хоть бы принесли ему пользу здѣшній воздухъ и лѣченіе. Какъ ты думаешь, онъ выздоровѣетъ?

— Навѣрное, — отвѣтилъ братъ, отворачивая лицо, чтобы не выдать своихъ сомнѣній.

— Какую ужасную зиму пережила я во Франкфуртѣ. Какіе жестокіе удары посылаетъ иногда судьба! Я думаю, мнѣ легче было бы примириться съ его смертью, чѣмъ съ этимъ погребеньемъ заживо.

— Но вѣдь есть еще надежда,—сказалъ братъ безнадежнымъ тономъ.

И снова мысли его перенеслись къ его дѣтямъ и полямъ. Но тотчасъ же онъ устыдился своего эгоизма и разсердился на свою неспособность всецѣло отдаться чужому горю.

Въ эту минуту съ высоты донесся рѣзкій продолжительный крикъ, похожій на свистъ локомотива; за первымъ крикомъ послѣдовалъ второй.

— Неужели это поѣздъ здѣсь, на такой высотѣ? — спросила г-жа Блейхроденъ.

— Должно быть, — отвѣтилъ братъ, тревожно прислушиваясь.

Крикъ повторился. Теперь, казалось, что это вопль утопающаго.

— Вернемся домой, — сказалъ Шанцъ, страшно поблѣднѣвъ.—Сегодня ты не въ состояніи подняться выше, а завтра мы будемъ догадливѣй и возьмемъ экипажъ.

Но она, во что бы то ни стало, хотѣла идти дальше.

Въ зеленой изгороди боярышника прыгали черные дрозды съ желтыми клювами; по стѣнамъ, обвитымъ плющемъ, бѣгали взапуски сѣрыя ящерицы, скрываясь въ трещинахъ.

Весна была въ полномъ разгарѣ, и по краямъ дороги цвѣли примулы. Но все это не привлекало вниманіе страдальцевъ, шедшихъ на Голгофу. Когда они поднялись еще въ гору,— таинственные крики возобновились.

Охваченная внезапнымъ подозрѣніемъ, г-жа Блейхроденъ повернулась къ брату и, своимъ помутившимся взоромъ, взглянула ему прямо въ глаза, какъ бы ища въ нихъ подтвержденія своихъ догадокъ. Затѣмъ, не произнося ни слова, она упала на дорогу, поднявъ цѣлое облако желтой пыли.

Прежде чѣмъ братъ успѣлъ опомниться, какой-то услужливый путникъ бросился за экипажемъ, и когда молодая женщина была перенесена въ него, — въ нѣдрахъ ея тѣла началась та мучительная работа, которая предшествуетъ появленію на свѣтъ новаго человѣка.

А наверху, въ больничной комнатѣ съ видомъ на Женевское озеро сидѣлъ фонъ-Блейхроденъ. Стѣны комнаты были обиты войлокомъ и окрашены въ блѣдно-голубой цвѣтъ; сквозь окраску просвѣчивали легкіе контуры пейзажа. Потолокъ былъ разрисованъ на подобіе шпалеръ, обвитыхъ виноградомъ; полъ покрытъ ковромъ поверхъ толстаго слоя соломы. Мягко обитая мебель скрывала углы и края дерева.

Изнутри нельзя было догадаться, гдѣ скрыта дверь, и этимъ отвлекались мысли больного о заключеніи, являющіяся самыми опасными при возбужденномъ состояніи духа.

Окна были снабжены рѣшеткой, сдѣланной въ видѣ цвѣтовъ и листьевъ, изъ-за которыхъ сама рѣшетка не была видна.

Форма помѣшательства фонъ-Блейхродена извѣстна подъ именемъ терзаній совѣсти. Онъ убилъ одного виноградаря при какихъ-то таинственныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ никакъ не могъ рѣшиться сознаться, по той простой причинѣ, что онъ ихъ не помнилъ. Теперь онъ сидѣлъ въ заключеніи и ждалъ исполненія приговора, такъ какъ былъ присужденъ къ смертной казни.

Но у него бывали свѣтлые промежутки.

Тогда онъ развѣшивалъ по стѣнѣ большіе листы бумаги и исписывалъ ихъ силлогизмами. Онъ вспоминалъ иногда о приказѣ разстрѣлять вольныхъ стрѣлковъ, но то обстоятельство, что онъ былъ женатъ, совершенно изгладилось изъ его памяти. Свою жену, навѣщавшую его, онъ принималъ за ученика, которому давалъ уроки логики.

Онъ ставилъ первую посылку: вольные стрѣлки — предатели, и приказъ гласилъ—разстрѣлять ихъ.

Однажды жена его имѣла неосторожность поколебать его увѣренность въ правильности этой посылки; тогда онъ со-

рвалъ со стѣнъ всѣ заключенія и заявилъ, что употребитъ двадцать лѣтъ на то, чтобы доказать ихъ вѣрность. Кромѣ того, у него были грандіозные проекты осчастливить все человѣчество.

— Отчего происходитъ наша смерть здѣсь, на землѣ? — задавалъ онъ вопросъ. — Для чего король управляетъ, священникъ проповѣдуетъ, поэтъ творитъ, художникъ рисуетъ? Для того, чтобы доставить организму азотъ. Азотъ, это—разумъ, и народы, употреблявшіе въ пищу мясо, — разумнѣе употреблявшихъ углеводы. Въ настоящее время начинаетъ ощущаться недостатокъ въ азотѣ, и отсюда возникаютъ войны, стачки, государственные перевороты. Необходимо отыскать новый источникъ азота. Блейхроденъ нашелъ его, и теперь всѣ люди будутъ равны. Свобода, равенство и братство станутъ, наконецъ, дѣйствительностью. Въ этомъ проблема будущаго, съ разрѣшеніемъ которой земледѣліе и скотоводство окажутся излишними, и на землѣ воцарится золотой вѣкъ.

Но затѣмъ имъ снова овладѣвала мысль о совершенномъ убійствѣ, и онъ становился глубоко несчастнымъ.

Въ то самое февральское утро, когда г-жа Блейхроденъ, направлявшаяся въ лѣчебницу, вынуждена была вернуться домой, — мужъ ея сидѣлъ въ своей комнатѣ и смотрѣлъ въ окно. — Сначала онъ разсматривалъ потолокъ и пейзажъ на стѣнахъ, затѣмъ пересѣлъ къ свѣту на удобный стулъ, откуда видна была широко даль, разстилавшаяся передъ нимъ.

Сегодня онъ былъ спокоенъ: наканунѣ вечеромъ онъ принялъ холодную ванну и хорошо спалъ ночь... Онъ не могъ дать себѣ отчетъ въ томъ, гдѣ онъ находится. Въ окно видны были совсѣмъ зеленые кусты, олеандры, усѣянные бутонами, лавровыя деревья съ ихъ блестящими листьями, буксусы, тѣнистый вязъ, весь обвитый плющемъ, скрывавшимъ его голыя вѣтви и придававшимъ ему видъ дерева, покрытаго зеленой листвой. По лужайкѣ, усѣянной желтыми примулами, шелъ человѣкъ, косившій траву, а маленькая дѣвочка сгребала ее въ кучи. Фонъ-Блейхроденъ взялъ календарь и прочелъ: февраль.

— Въ февралѣ сгребаютъ сѣно. Гдѣ я?

Взоръ его устремился вдаль, за садъ, и онъ увидѣлъ глубокую долину, постепенно спускавшуюся къ зеленымъ лугамъ; тамъ и сямъ мелькали разбросанныя маленькія деревушки, церкви, свѣтло-зеленыя плакучія ивы. — „Февраль!" подумалъ онъ снова.

А тамъ, гдѣ кончались луга, — разстилалось спокойное, голубое, какъ воздухъ, озеро, по ту сторону его темнѣла земля съ возвышавшеюся грядою горъ. Надъ горной цѣпью

лежало что-то похожее на зубчатыя облака, легкія, пушистыя, нѣжныя, съ чуть замѣтными тѣнями на зубцахъ.

Блейхроденъ терялся въ догадкахъ о томъ, куда онъ попалъ; но здѣсь было такъ чудно хорошо, какъ не могло быть на землѣ. Не умеръ ли онъ и не перенесся ли въ другой міръ? Но только это не была Европа. Должно быть, онъ умеръ! Онъ погрузился въ тихія мечты, пытаясь вникнуть въ свое новое положеніе, и вдругъ почувствовалъ необыкновенный приливъ радости, а въ головѣ его пронеслось какое-то освѣжающее ощущеніе, точно мозговыя извилины, перепутанныя раньше, начали расправляться, приходить въ порядокъ. Ему стало безконечно весело, а въ груди зазвучала ликующая пѣсня; но онъ никогда въ жизни не пѣлъ, и потому это были крики, крики восторга, тѣ самые крики, которые, разносясь въ окно, привели его жену въ отчаяніе.

Просидѣвъ такъ еще съ часъ, онъ вспомнилъ вдругъ старинную картину, видѣнную имъ въ какомъ то кегельбанѣ, въ окрестностяхъ • Берлина; она представляла швейцарскій пейзажъ, и теперь онъ понялъ, что онъ — въ Швейцаріи, а остроконечныя облака—Альпы.

Дѣлая второй обходъ, докторъ нашелъ фонъ-Блейродена спокойно сидѣвшимъ передъ окномъ и напѣвавшимъ про себя: не было никакой возможности оторвать его отъ чудной картины.

Но онъ былъ совершенно спокоенъ и ясно сознавалъ свое положеніе.

— Докторъ, — сказалъ онъ, указывая на желѣзную рѣшетку въ окнѣ,—зачѣмъ вы портите такой чудный видъ, закрывая его желѣзомъ? Не позволите ли вы мнѣ сегодня выйти на воздухъ? я думаю, это было бы мнѣ полезно, и я обѣщаю не убѣжать!

Докторъ взялъ его руку, чтобы незамѣтно изслѣдовать пульсъ.

— Пульсъ у меня всего 70, дорогой докторъ, — сказалъ, улыбаясь, паціентъ,—и эту ночь я спалъ спокойно. Вамъ нечего бояться.

— Меня очень радуетъ, —сказалъ докторъ,—что повидимому лѣченіе имѣетъ на васъ хорошее дѣйствіе. Вы можете выйти.

— Знаете, докторъ, — оживленно заговорилъ больной, — мнѣ кажется, что я умеръ и снова ожилъ на другой планетѣ: до того здѣсь хорошо. Никогда я не представлялъ себѣ, что земля такъ прекрасна!

— Да, земля еще прекрасна тамъ, гдѣ ея не коснулась культура; а здѣсь природа такъ могущественна, что справилась со всѣми попытками человѣка.

— Вы послѣдователь Руссо, докторъ? — замѣтилъ паціентъ.

— Руссо былъ женевецъ, господинъ лейтенантъ! Тамъ, на берегу озера, въ глубокомъ заливѣ, который вы видите прямо противъ этого вяза, тамъ онъ родился, тамъ страдалъ, тамъ были сожжены его «Emile» и «Contrat social», это евангеліе природы; а тамъ, влѣво, у подножія Валлисскихъ Альпъ, гдѣ лежитъ маленькій Кларанъ, тамъ написалъ онъ книгу любви, «La nouvelle Heloise». Озеро, что вы видите внизу,— Женевское озеро!

— Женевское озеро!—повторилъ фонъ-Блейхроденъ.

— Въ этой тихой долинѣ,—продолжалъ докторъ,—гдѣ живутъ мирные люди, искали душевнаго исцѣленія и покоя всѣ потерпѣвшіе жизненное крушеніе. Взгляните туда, направо, на эту узкую полоску земли съ башней и тополями: это Ферней. Туда бѣжалъ Вольтеръ, осмѣявъ Парижъ, тамъ обработывалъ онъ землю и выстроилъ храмъ въ честь верховнаго существа. А дальше—Коппэ. Тамъ жила госпожа Сталь, злѣйшій врагъ Наполеона, предателя народа, та самая госпожа Сталь, которая имѣла мужество учить французовъ, своихъ соотечественниковъ, что нѣмецкая нація вовсе не жестокій врагъ Франціи, потому что націи вообще не питаютъ ненависти другъ къ другу.

Сюда,—посмотрите теперь влѣво,—сюда, на это озеро бѣжалъ измученный Байронъ, точно титанъ, вырвавшійся изъ сѣтей реакціоннаго времени, въ которыя оно хотѣло поймать его могучій духъ, и здѣсь, въ своемъ „Шильонскомъ узникѣ", вылилъ онъ всю свою ненависть къ тираніи. У подножія высокаго Граммона противъ рыбачьей деревушки Сенъ-Жэнгольфъ онъ чуть не утонулъ однажды... Здѣсь искали убѣжища всѣ, кто не въ силахъ былъ выносить воздухъ плѣна, подобно холерѣ, носившагося надъ Европой послѣ посягательства священнаго союза на права человѣчества. Здѣсь, тысячу футовъ ниже, слагалъ Мендельсонъ свои грустныя мечтательныя пѣсни; здѣсь Гуно написалъ своего Фауста. Здѣсь, въ безднахъ Савойскихъ Альпъ онъ черпалъ вдохновеніе для „Вальпургіевой ночи". Отсюда Викторъ Гюго громилъ декабрьскихъ предателей своими обличительными стихами. И здѣсь же, по удивительной ироніи судьбы, внизу, въ маленькомъ скромномъ Веве, куда не проникаетъ сѣверный вѣтеръ, здѣсь вашъ государь искалъ забвенія отъ ужасовъ Садовы и Кенигреца... Сюда укрылся русскій Горчаковъ, почувствовавъ, что почва стала колебаться подъ его ногами. Здѣсь Джонъ Рэссель смывалъ съ себя всѣ политическія прегрѣшенія и вдыхалъ чистый воздухъ. Здѣсь Тьеръ пытался привести въ порядокъ свои спутанныя постоянными политиче-

скими бурями, не рѣдко противорѣчивыя, но, на мой взглядъ, благородныя мысли. А тамъ внизу, въ Женевѣ, господинъ лейтенантъ! Тамъ нѣтъ короля съ пышной свитой, но тамъ впервые зародилась мысль, великая, какъ христіанство, апостолы которой тоже носятъ крестъ, красный крестъ на бѣломъ полѣ, и симъ знаменіемъ, я убѣжденъ, она побѣдитъ грядущее!

Паціентъ, спокойно слушавшій эту необычную рѣчь, свойственную скорѣе священнику, чѣмъ врачу,—чувствовалъ себя неловко.

— Вы—мечтатель, докторъ,—сказалъ онъ.

— И вы будете имъ, проживъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ,—отвѣтилъ докторъ.

— Значитъ, вы вѣрите въ лѣченіе? — спросилъ паціентъ нѣсколько менѣе скептично.

— Я вѣрю въ безконечную силу природы, способную излѣчить болѣзнь культуры,—отвѣтилъ онъ.

— Чувствуете ли вы себя достаточно сильнымъ, чтобы услышать пріятную вѣсть? — продолжалъ онъ, пристально вглядываясь въ больного.

— Совершенно, докторъ!

— Миръ заключенъ!

— Боже... какое счастье!—произнесъ паціентъ.

— Да, конечно,—сказалъ докторъ.—Однако не задавайте вопросовъ; на сегодня довольно. Теперь вы можете выйти. Будьте готовы къ тому, что выздоровленіе ваше не пойдетъ такъ неуклонно впередъ, какъ вы ожидаете. Возможенъ рецидивъ. Воспоминаніе—нашъ злѣйшій врагъ...

Докторъ взялъ больного подъ руку и повелъ въ садъ... Тутъ не было ни рѣшетокъ, ни стѣнъ; только зеленая аллея приводила гуляющаго черезъ лабиринтъ въ то же мѣсто, откуда онъ вышелъ; позади аллеи лежали рвы, черезъ которые нельзя было перешагнуть.

Лейтенантъ молчалъ, вслушиваясь въ странную музыку своихъ нервовъ. Всѣ стороны его души точно зазвучали снова, и онъ ощутилъ покой, котораго не испытывалъ давно.

Они находились теперь передъ небольшимъ сводчатымъ зданіемъ, сквозь которое проходили паціенты въ сопровожденіи служителей.

— Куда идутъ эти люди?—спросилъ больной.

— Ступайте за ними, увидите.

И, подозвавъ одного изъ служителей, докторъ сказалъ ему:

— Спуститесь въ отель «Faucon» къ госпожѣ Блейхроденъ, кланяйтесь ей и скажите, что мужъ ея на пути къ выздоровленію, но... онъ еще не спрашивалъ о ней... Когда онъ спроситъ,—онъ будетъ спасенъ.

Блейхроденъ вошелъ въ большую залу, не походившую ни на одну изъ видѣнныхъ имъ до сихъ поръ. Это не была ни церковь, ни школа, ни залъ засѣданій, ни театръ, но все это отчасти совмѣщалось въ ней. Въ глубинѣ ея были хоры, освѣщаемыя тремя окнами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ; нѣжныя сочетанія ихъ цвѣтовъ очевидно были подобраны большимъ художникомъ; свѣтъ преломлялся въ нихъ гармоническимъ аккордомъ. Это производило на больныхъ такое же впечатлѣніе, какъ единичный аккордъ, которымъ Гайднъ разрѣшаетъ тьму хаоса, когда Господь въ „Сотвореніи міра" повелѣваетъ хаотическимъ силамъ природы придти въ порядокъ, восклицая: „да будетъ свѣтъ"! и въ отвѣтъ ему раздаются хоры херувимовъ и серафимовъ.

Колонны вокругъ хоръ не имѣли никакого опредѣленнаго стиля; темный мягкій мохъ обвивалъ ихъ до самаго потолка. Нижнія панели стѣнъ украшены были ельникомъ, а большіе простѣнки—вѣтвями вѣчно зеленыхъ лавровъ, плюща, омелы! Они представляли собой орнаментъ безъ всякаго стиля: порою они какъ будто начинали принимать форму буквъ, но затѣмъ расплывались въ мягкихъ очертаніяхъ фантастическихъ растеній. Надъ окнами висѣли большіе вѣнки, какъ на праздникѣ весны...

Блейхроденъ оглядѣлся кругомъ; паціенты сидѣли на скамьяхъ въ нѣмомъ изумленіи. Онъ занялъ мѣсто на одной скамьѣ и услышалъ вздохъ.

Рядомъ съ собой онъ увидѣлъ человѣка лѣтъ сорока, который плакалъ, прикрывъ лицо руками. У него былъ носъ съ горбиной, усы и остроконечная бородка, а профиль его напоминалъ изображенія, видѣнныя Блейхроденомъ на французскихъ монетахъ.

Повидимому, это былъ французъ. Итакъ, имъ суждено было встрѣтиться здѣсь; здѣсь сидѣлъ врагъ подлѣ врага, оплакивая что-то. Но что же именно? Исполненіе долга передъ отечествомъ?

Блейхроденъ почувствовалъ волненіе, когда вдругъ послышалась тихая музыка: органъ игралъ хоралъ.

Больному казалось, что онъ слышитъ слова, полныя утѣшенія и надежды... Но вотъ, на хоры взошелъ человѣкъ. Это не былъ священникъ: на немъ былъ сѣрый сюртукъ и синій галстухъ. Книги у него тоже не было. Онъ говорилъ.

Онъ говорилъ кротко и просто, какъ говорятъ среди друзей; онъ говорилъ о простомъ ученіи Христа, о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ, о терпѣніи, миролюбіи и прощеніи врагамъ; онъ говорилъ о томъ, что Христосъ во всемъ человѣчествѣ видѣлъ одинъ народъ, но злая природа человѣка противится этой великой идеѣ, и люди группиру-

ются въ націи, секты, школы; но онъ высказывалъ также твердую увѣренность въ томъ, что принципы христіанства скоро осуществятся на землѣ. И, проговоривъ съ четверть часа, онъ снова сошелъ съ хоръ...

Блейхроденъ точно очнулся отъ сна.

Такъ онъ былъ въ церкви! Онъ, которому скучны были всякіе споры о вѣроисповѣданіяхъ, онъ, — въ теченіе пятнадцати лѣтъ не посѣщавшій ни одной церковной службы... И именно здѣсь, въ домѣ умалишенныхъ, онъ долженъ былъ найти осуществленіе свободной церкви. Здѣсь сидѣли рядомъ католики, православные, лютеране, кальвинисты, цвинглисты, англичане — и возносили свои общія молитвы общему Богу.

Какая безпощадная критика способствовала возникновенію этого общаго молитвеннаго зала, объединившаго всѣ секты, и примирила многочисленныя религіи, враждовавшія, уничтожавшія и осмѣивавшія другъ друга?..

Чтобы отогнать волнующія мысли, Блейхроденъ сталъ разглядывать залъ. Долго блуждавшій взоръ его остановился на стѣнѣ противъ хоръ. На ней висѣлъ огромный вѣнокъ, внутри котораго изъ вѣтвей ельника было изображено одно только слово.

Онъ прочелъ французское слово: „Noёl“ и повторилъ про себя: „Рождество“.

Какой поэтъ создалъ эту комнату? Какой глубокій знатокъ человѣческой души сумѣлъ пробудить здѣсь самое прекрасное, самое чистое воспоминаніе, воспоминаніе о дѣтствѣ, далекомъ отъ всякихъ религіозныхъ споровъ и суетныхъ грезъ, омрачающихъ въ чистыхъ душахъ чувство справедливости... Это—какъ будто мелодія, пробивающаяся сквозь звѣриный вой жизни, сквозь крики борьбы изъ-за куска хлѣба или, еще чаще, изъ-за почестей!

Размышляя объ этомъ, онъ задалъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ человѣкъ, родясь невиннымъ и кроткимъ, становится постепенно звѣремъ?..

И не представляетъ ли весь міръ дома умалишенныхъ, въ которомъ мѣсто, гдѣ онъ сейчасъ находится,— самое разумное?

И онъ снова смотрѣлъ на это единственное во всей церкви начертанное слово, разбирая его по буквамъ; а въ тайникахъ его воспоминанія, какъ на пластинкѣ проявляемаго негатива, вырисовывались картины прошлаго. Онъ увидѣлъ послѣдній рождественскій сочельникъ. Послѣдній? Тогда онъ былъ во Франкфуртѣ. Значитъ, предпослѣдній. Это былъ первый вечеръ, проведенный имъ у невѣсты, такъ какъ наканунѣ онъ былъ помолвленъ. Онъ видитъ домъ стараго па-

стора, своего тестя; низкую залу съ бѣлымъ буфетомъ и фортепьяно, чижа въ клѣткѣ, бальзамины на окнахъ, шкафъ съ серебряной чашей, коллекцію пѣнковыхъ трубокъ. А вотъ и она, дочь пастора, убирающая елку золотыми орѣхами и яблоками.

Дочь пастора!... Мгновеннно, точно молнія, пронзила мракъ, но только чудная, безопасная молнія, лѣтняя зарница, которой любуются съ веранды, не боясь ея удара. Онъ былъ помолвленъ, женатъ! у него была жена, способная снова привязать его къ жизни, которую онъ презиралъ и ненавидѣлъ. Но гдѣ же она? Онъ долженъ видѣть ее сейчасъ же, немедленно! Онъ долженъ летѣть къ ней,—иначе онъ умретъ отъ нетерпѣнія.

Онъ поспѣшно вышелъ и тотчасъ же столкнулся съ докторомъ. Блейхроденъ схватилъ его за плечи, посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и спросилъ прерывающимся голосомъ:

— Гдѣ моя жена? Ведите меня къ ней! Сейчасъ же! Гдѣ она?

— Она и ваша дочь,—спокойно отвѣтилъ докторъ,—ожидаютъ васъ внизу, въ улицѣ Бургъ.

— Моя дочь? У меня есть дочь?—вымолвилъ паціентъ, разражаясь рыданіями.

— Вы очень чувствительны, господинъ фонъ-Блейхроденъ,—сказалъ съ улыбкой докторъ.—Пойдемте со мной, одѣньтесь. Черезъ полчаса вы будете среди своихъ и снова станете самимъ собой!

И они скрылись въ большомъ подъѣздѣ.

Фонъ-Блейхроденъ представлялъ собою совсѣмъ современный типъ. Правнукъ французской революціи, внукъ священной лиги, сынъ 1830 года, онъ потерпѣлъ крушеніе, разбившись о скалы революціи и реакціи.

Когда, къ двадцати годамъ, онъ началъ жить сознательною жизнью, съ глазъ его упала повязка, и онъ увидѣлъ, какими сѣтями лжи былъ онъ опутанъ, начиная съ протестанства и кончая прусскимъ династическимъ фетишизмомъ. Ему представилось, что онъ очнулся отъ долгаго сна, или, что онъ, единственный здравый человѣкъ, былъ заключенъ въ домъ умалишенныхъ. А когда онъ убѣдился, что въ стѣнѣ, окружающей его, нѣтъ ни одной бреши, сквозь которую онъ могъ бы выйти, не наткнувшись на угрожающій штыкъ или дуло оружія,—имъ овладѣло отчаяніе. Онъ перересталъ вѣрить во чтобы то ни было, даже въ спасеніе и отдался во власть пессимизма, чтобы, по крайней мѣрѣ, заглушить боль, если ужъ нельзя было найти исцѣленія.

Шопенгауэръ сталъ его другомъ, а впослѣдствіи онъ нашелъ его и въ Гартманѣ, этомъ суровѣйшемъ изъ всѣхъ провозвѣстниковъ правды.

Но общество призывало его и требовало избранія какой-нибудь дѣятельности. Фонъ-Блейхроденъ отдался наукѣ и выбралъ изъ нихъ ту, которая наименѣе соприкасалась съ современностью—геологію или, скорѣе, отрасль ея, занимающуюся изученіемъ жизни животныхъ и растеній исчезнувшаго міра—палеонтологію. Когда онъ задавалъ себѣ вопросъ, какая отъ этого могла быть польза для человѣчества?—то могъ только отвѣтить: польза для меня—средство заглушить... Онъ не могъ читать газеты, не чувствуя, какъ въ немъ, подобно грозному безумію, поднимается фанатизмъ, и потому онъ старательно отдалялъ отъ себя все, что могло напомнить современность и современниковъ. Онъ начиналъ надѣяться, что въ этомъ покоѣ, купленномъ такою дорогой цѣною, сможетъ прожить до конца своихъ дней, не утративъ разсудка.

Затѣмъ онъ женился. Онъ не могъ противостоять непреодолимому закону природы—сохраненію вида. Въ женѣ своей онъ надѣялся вновь пріобрѣсть ту задушевность, отъ которой ему удалось освободить себя, и жена стала его прежнимъ, многостороннимъ *я*, которому онъ могъ радоваться, не разставаясь съ своимъ одиночествомъ. Въ ней нашелъ онъ свое дополненіе и началъ уже успокаиваться; но онъ сознавалъ также, что вся его жизнь была теперь построена на двухъ основахъ, изъ которыхъ одною была жена; упади этотъ краеугольный камень,—и самъ онъ, со всѣмъ своимъ зданіемъ, неминуемо рушится. Оторванный отъ нея черезъ два мѣсяца послѣ женитьбы,—онъ ужъ не былъ болѣе самимъ собой. Ему точно не доставало глазъ, руки, языка, и потому-то онъ при первомъ ударѣ такъ легко поддался ему и раздвоился.

Съ появленіемъ дочери, казалось, поднялось что-то новое въ томъ, что Блейхроденъ называлъ природной душой, въ отличіе отъ общественной, образующейся путемъ воспитанія. Онъ сознавалъ теперь свою связь съ семьей, чувствовалъ, что онъ не умретъ съ прекращеніемъ жизни, но душа его будетъ продолжать свое существованіе въ его ребенкѣ. Однимъ словомъ, онъ почувствовалъ, что душа его безсмертна, даже если тѣло погибнетъ. Онъ сознавалъ свою обязанность жить и надѣяться, хотя порою имъ овладѣвало отчаяніе, когда онъ слышалъ своихъ соотечественниковъ, въ понятномъ опьяненіи побѣдой, описывающихъ счастливый исходъ войны. Они видѣли поле сраженія только изъ кареты, въ подзорную трубу...

Пессимизмъ, не допускавшій развитія изъ дурного начала, новаго болѣе совершеннаго міра, началъ представляться ему несостоятельнымъ, и онъ сталъ оптимистомъ изъ чувства долга. Но вернуться на родину онъ все же не рѣшался, изъ опасенія снова впасть въ уныніе. Онъ подалъ въ отставку и, реализовавъ свой небольшой капиталъ, поселился въ Швейцаріи.

Былъ чудный теплый осенній вечеръ въ Веве 1872 года. Обѣденный колоколъ въ маленькомъ пенсіонѣ „Le cédre" пробилъ семь часовъ, сзывая къ обѣду.

За табльдотомъ собрались пенсіонеры, знакомые другъ съ другомъ и близко сошедшіеся, какъ обыкновенно бываетъ, когда люди находятся на нейтральной почвѣ.

Сосѣдями фонъ-Блейхродена и его жены были: печальный французъ, котораго мы видѣли въ церкви, одинъ англичанинъ, двое русскихъ, нѣмецъ съ женой, испанское семейство и двѣ тирольки.—Разговоръ шелъ по обыкновенію спокойно, миролюбиво, тепло, порою игриво, затрогивая самые жгучіе вопросы.

— Я никогда не представлялъ себѣ, что природа можетъ быть такъ прекрасна, какъ здѣсь,—сказалъ фонъ-Блейхроденъ, любуясь видомъ сквозь открытую дверь веранды.

— Природа всегда была прекрасна,—сказалъ нѣмецъ,—но я думаю, что глаза наши были слѣпы.

— Правда,—подтвердилъ англичанинъ,—но всетаки здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

— Слыхали вы, господа, что случилось съ варварами, кажется, съ аллеманнами или венграми, когда они пришли на гору Данъ-де-Жаманъ и увидѣли съ нея Женевское озеро? Они подумали, что небо упало на землю, и въ испугѣ разбѣжались. Объ этомъ, навѣрное, упоминается въ путеводителѣ...

— Я думаю,—замѣтилъ одинъ изъ русскихъ,—что чистый, свободный отъ всякой лжи, воздухъ, вдыхаемый нами здѣсь,—является причиной того, что мы находимъ все прекраснымъ; та же самая прекрасная природа оказываетъ благотворное дѣйствіе на нашу мысль, отвращая ее отъ предразсудковъ. Подождите, когда исчезнутъ наслѣдники священной лиги, тогда и трава зазеленѣетъ на ясномъ солнышкѣ.

— Вы правы,—сказалъ фонъ-Блейхроденъ,—но нѣтъ необходимости обезглавливать деревья. Есть другіе болѣе человѣческіе способы борьбы. Путь законной реформы. Не правда ли, господинъ англичанинъ?

— Совершенно вѣрно!—отвѣтилъ англичанинъ.

— Но войны, войны прекратятся ли онѣ когда-нибудь?—воскликнулъ испанецъ.

— Когда женщина получитъ право голоса, армія будетъ распущена, — сказалъ фонъ-Блейхроденъ. — Неправда ли, жена?

Госпожа Блейхроденъ одобрительно кивнула головой.

— Потому что,—продолжалъ Блейхроденъ,—какая мать захочетъ послать своего сына, сестра своего брата, жена мужа на поле битвы? А когда никто не станетъ подстрекать людей другъ противъ друга—исчезнетъ такъ называемая рассовая ненависть. Человѣкъ добръ, но люди злы, думалъ нашъ другъ Жанъ-Жакъ,—и онъ былъ правъ.

Почему здѣсь, въ этой прекрасной странѣ люди такъ миролюбивы? Почему они имѣютъ болѣе довольный видъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Они не чувствуютъ надъ собой власти учителя точно школьники. У нихъ нѣтъ ни королевской свиты, ни военныхъ смотровъ, ни парадныхъ представленій, гдѣ бы слабому человѣку являлся соблазнъ продпочесть блескъ справедливости. Швейцарія представляетъ собой миніатюрную модель, по которой Европа современемъ построитъ свое будущее.

— Вы оптимистъ, милостивый государь, — сказалъ испанецъ.—Неужели вы полагаете, что то, что годится для маленькой страны, какъ Швейцарія, съ тремя милліонами жителей и только тремя языками,—пригодно такъ же и для всей громадной Европы?

Разговоръ закипѣлъ. Говорили о Швейцаріи, объ Америкѣ, о будущемъ Европы и человѣчества. Англичанинъ наполнилъ стаканъ и собирался произнести тостъ, когда вошла прислуживавшая дѣвушка и подала ему телеграмму.

Разговоръ на минуту прервался; англичанинъ съ видимымъ волненіемъ читалъ телеграмму... Между тѣмъ надвигались сумерки. Блейхроденъ тихо сидѣлъ, погрузившись въ созерцаніе чуднаго ландшафта.

Вершины Граммона и сосѣднихъ горъ были залиты пурпуромъ заходящаго солнца, бросавшаго розоватый отблескъ на виноградники и каштановыя рощи Савойскаго берега; Альпы блестѣли въ сыромъ вечернемъ воздухѣ и казались сотканными изъ той же воздушной ткани, какъ свѣтъ и тѣни. Онѣ стояли, подобно гигантскимъ безплотнымъ существамъ, мрачныя сзади, грозныя и пасмурныя въ разсѣлинахъ, а съ передней стороны, обращенной къ солнцу,—свѣтлыя, улыбающіяся, веселыя.

Темно-синее вечернее небо вдругъ прорѣзала яркая по-

лоса свѣта, и надъ низкимъ Савойскимъ берегомъ взвилась огромная ракета; она поднялась высоко, высоко, казалось, коснулась самого Данъ д'Ошъ, остановилась и заколебалась, точно въ послѣдній разъ окидывая взглядомъ прекрасную землю, прежде чѣмъ разсыпаться; это продолжалось нѣсколько секундъ, затѣмъ она начала спускаться, но, не пройдя и нѣсколькихъ метровъ, лопнула съ грохотомъ, достигшимъ Веве, и вдругъ, точно большое четырехугольное облако,— развернулся бѣлый флагъ, а вслѣдъ затѣмъ послышался новый выстрѣлъ, и на бѣломъ фонѣ вырисовался красный крестъ.

Сидѣвшіе за столомъ вскочили и поспѣшили на веранду.

— Что это такое? — воскликнулъ встревоженный фонъ-Блейхроденъ. Никто не хотѣлъ или не могъ отвѣтить, потому что въ эту минуту взвился цѣлый рой ракетъ, точно изъ кратера вулкана, и по небу разсыпался огненный букетъ, отразившійся въ необъятномъ зеркалѣ спокойнаго Женевскаго озера.

— Лэди и джентльмены!—возвысилъ голосъ англичанинъ, въ то время, какъ лакей ставилъ на столъ подносъ съ бокалами шампанскаго.

— Лэди и джентльмены!—повторилъ онъ,—это означаетъ, какъ я узналъ изъ полученной телеграммы, что первый международный третейскій судъ въ Женевѣ окончилъ свои занятія; это значитъ, что война между двумя народами предотвращена, что сто тысячъ американцевъ и столько же англичанъ должны благодарить этотъ день за то, что они остались въ живыхъ. Алабамскій вопросъ разрѣшенъ не въ пользу американцевъ или англичанъ,—а въ пользу справедливости и будущаго. Думаете ли вы всетаки, господинъ испанецъ, что войны неизбѣжны? Я, какъ англичанинъ, сегодня долженъ бы быть огорченъ, но я горжусь своей родиной (положимъ, англичане, какъ вамъ извѣстно, всегда гордятся ею), а сегодня я имѣю на это право, потому что Англія — первая европейская держава, обратившаяся къ суду честныхъ людей, а не къ желѣзу и крови! И я желаю вамъ всѣмъ такихъ же пораженій, какое мы понесли сегодня, потому что они научатъ насъ побѣждать...

Блейхроденъ остался въ Швейцаріи. Онъ не могъ оторваться отъ этой дивной природы,— перенесшей его въ иной міръ, безконечно прекраснѣе того, который онъ покинулъ.

Порою снова овладѣвали имъ припадки терзаній совѣсти, но докторъ приписывалъ это исключительно нервности, присущей въ наше время большинству культурныхъ людей.

Блейхроденъ рѣшилъ выяснить свои мысли о вопросахъ совѣсти въ небольшой статьѣ, которую намѣренъ былъ опуб-

ликовать. Его конспектъ, прочтенный раньше въ кругу друзей, заключалъ въ себѣ довольно интересныя вещи. Со свойственнымъ нѣмцу глубокомысліемъ, онъ проникъ въ сущность вещей и пришелъ къ заключенію, что существуютъ два рода совѣсти: 1) природная и 2) искусственная. Перваго рода совѣсть, полагалъ онъ — есть прирожденное чувство справедливости. И оно-то было у него удручено приказомъ разстрѣлять вольныхъ стрѣлковъ. Только разсматривая себя, какъ жертву высшей власти, — онъ могъ освободиться отъ терзавшихъ его угрызеній.

Искусственная совѣсть въ свою очередь состоитъ изъ a) силы привычки и b) требованія высшей власти. Сила привычки настолько еще тяготѣла надъ Блейхроденомъ, что нерѣдко, въ особенности въ часы предобѣденной прогулки, ему представлялось, что онъ манкируетъ службой, и онъ становился угрюмымъ, недовольнымъ собою, испытывалъ чувства школьника, пропускающаго уроки. Ему надо было употребить невѣроятныя усилія, чтобы оправдать свою совѣсть тѣмъ, что онъ получилъ законную отставку.

По прошествіи двухъ съ половиною лѣтъ, проведенныхъ Блейхроденомъ въ Швейцаріи, онъ получилъ однажды приказъ вернуться на родину, ввиду носившихся слуховъ о войнѣ. На этотъ разъ дѣло касалось отношеній Пруссіи къ Россіи, той самой Россіи, которая три года тому назадъ оказала пруссакамъ „моральную“ поддержку противъ Франціи. Блейхроденъ не считалъ добросовѣстнымъ идти противъ друзей, понимая хорошо, что обѣ націи ничего не имѣютъ другъ противъ друга.

Зная по опыту, что совѣсть женщины ближе къ законамъ природы, онъ обратился къ своей женѣ за совѣтомъ, какъ поступить ему въ виду подобной дилеммы. Послѣ минутнаго размышленія жена его отвѣтила:

— Быть нѣмцемъ — больше, чѣмъ быть пруссакомъ; потому-то и образовался нѣмецкій союзъ; но быть европейцемъ—больше, чѣмъ быть нѣмцемъ. Быть же человѣкомъ— еще больше, чѣмъ быть европейцемъ. Ты не можешь перемѣнить своей національности, потому что всѣ „націи“—враги и нельзя переходить на сторону враговъ, если ты не монархъ, какъ Бернадоттъ, или генералъ-фельдмаршалъ, какъ графъ Мольтке. Слѣдовательно, тебѣ остается только одно—нейтрализоваться. Сдѣлаемся швейцарцами! Швейцарія не имѣетъ національности!

Блейхродену вопросъ показался такъ правильно и просто разрѣшеннымъ, что онъ немедленно сталъ собирать свѣдѣнія, какимъ образомъ онъ могъ „нейтрализоваться“.

По справкамъ оказалось, что, проживя здѣсь два года, онъ этимъ уже исполнилъ всѣ условія для того, чтобы стать швейцарскимъ „гражданиномъ“: въ этой странѣ нѣтъ „подданныхъ“.

Въ настоящее время Блейхроденъ „нейтрализовался“, и хотя въ общемъ онъ счастливъ — все же порою ему приходится вести войну со своей „искусственной“ совѣстью.

---

* * *

Уйти... Отъ сѣрыхъ стѣнъ, гдѣ тусклый небосклонъ
Ложится крышею замкнувшейся темницы,
Гдѣ спятъ во мглѣ дома, какъ темныя гробницы,
Какимъ-то тягостнымъ и безконечнымъ сномъ!
Гдѣ чудится душѣ—жизнь не проснется вновь
Въ затишьи мертвенномъ, безъ солнца и свободы,
Какъ будто каменные своды
Убили счастье и любовь!
Уйти... Туда уйти, гдѣ травы на зарѣ
Разсвѣту молятся блестящими слезами,
Гдѣ смотрятъ вдаль цвѣты лазурными глазами,
Гдѣ темный хвойный лѣсъ сбѣгаетъ по горѣ...
И кажется—онъ весь однимъ желаньемъ полнъ,
Спускаясь внизъ къ рѣкѣ задумчивой и чистой—
Коснуться вѣткою смолистой
Ея играющихъ посеребренныхъ волнъ...

Г. Галина.

На старой дорогѣ.

Веселыя нивы по холмамъ зеленѣли,
И березы кивали вѣтвями густыми;
А теперь только темныя сосны да ели,
Да блѣдное небо съ облаками сѣдыми.
Тамъ, за лѣсомъ, еще куковала кукушка
И дергачъ свою пѣсню тянулъ монотонно,
Но едва миновала лѣсная опушка—
Стало въ чащѣ деревьевъ безмолвно и сонно.
Уныло заглянетъ съ неба мѣсяцъ двурогій
И увидитъ опять сонъ давно позабытый:
Рядъ столбовъ верстовыхъ на пустынной дорогѣ
И чахлый малинникъ у канавы размытой.
Ждешь, въ тревогѣ щемящей, послѣдняго крика,
Унесеннаго эхомъ въ пустыню далеко,
И усталому взору все кажется дико,
Какъ-то жутко-безцѣльно и странно-жестоко...

В. Башкинъ.

«ТРУЖЕННИКИ».

Романъ *Александра Килланда.*

Переводъ **К. И. Саблиной.**

I.

На юго-западѣ и вдали надъ фіордомъ стояло ясное, голубое небо. Яркіе солнечные лучи играли на поверхности воды, въ легкой зыби, и длинными полосами ложились въ мѣстахъ, гдѣ господствовало полное затишье.

Опредѣленнаго направленія вѣтра не было. Порою онъ вѣялъ съ юга, порою, словно горячее дыханіе, лѣниво проносился изъ долинъ Христіаніи надъ городомъ, прямо на главный островъ и тамъ замиралъ отъ невыносимой жары.

На востокѣ виднѣлась грозовая туча: каждый день послѣ полудня она появлялась, чтобы къ вечеру снова скрыться.

„Что бы ей ужъ разразиться!“ говорили люди; а она все лишь показывалась изо дня въ день, въ продолженіе цѣлаго августа мѣсяца.

Солнце пекло, вѣтеръ дулъ то оттуда, то отсюда, не уменьшая жары, но производя только колебаніе воздуха; непогода висѣла, такъ сказать, надъ природой, заставляя послѣднюю томиться въ трепетномъ ожиданіи,—но оставалась пока пустой угрозой.

Всѣ широкія улицы, ведущія къ югу и къ юго-западу, залиты были солнечнымъ свѣтомъ. Тѣнь подползла совсѣмъ вплотную къ стѣнамъ домовъ и легла тонкой, узенькой полоской, такъ что на нее нельзя было и наступить.

Въ улицѣ Карла-Іоганна до полудня было терпимо: по ней можно было дойти, безъ риску повредить себѣ, до того помѣщенія, гдѣ собирался стортингъ; но надъ „Eidsvoldsplatz“ и повыше противъ дворца солнце сосредоточило свои лучшія силы. Молодыя деревья, съ покрытой сѣрою пылью листвой, поникли своими вершинами и вѣтвями; тополя стояли, вытянувшись во весь ростъ, и словно косились на

свою тѣнь. Люди же шмыгали отъ куста къ кусту, точно птицы; а птицы, со своей стороны, бросили пѣть, забрались въ самую чащу вѣтвей и хлопали глазами на солнце, или же купались въ пыли и засохшихъ цвѣточныхъ клумбахъ.

Нѣсколько злополучныхъ пѣшеходовъ пыхтѣли, взбираясь на Дворцовую гору, съ раскрытыми зонтиками и шляпами въ рукахъ, а ихъ носовые платки уподобились мокрымъ тряпкамъ. У университета стояла группа тощихъ студентовъ, изнемогавшихъ отъ жары и латыни. Внизъ по Университетской улицѣ пронесся неожиданно порывъ вѣтра, взвилъ облако пыли и разсѣялъ его по площади; вода отъ поливки улицъ слоемъ сѣрыхъ жемчужинъ ложилась на горячую пыль.

Глазамъ становилось больно при взглядѣ на залитый солнцемъ дворецъ, съ его спущенными занавѣсками. Передъ нимъ красовался Карлъ-Іоганнъ на бронзовомъ конѣ. Онъ держалъ шляпу въ рукѣ,—какъ бы для того, чтобы обмахиваться ею ради прохлады.

Но надъ городомъ воздухъ висѣлъ неподвижно и рябилъ въ глазахъ, точно надъ пожарищемъ. Дымъ изъ трубъ спускался въ видѣ коричневаго облака, а на востокѣ снова начали сгущаться грозовыя тучи, на подобіе сплошныхъ, золотистыхъ круговъ, напоминавшихъ дымъ изъ тяжелыхъ орудій.

Большіе, солидные, разсчитанные на сибирскую зиму, дома, накалились не хуже печей. Въ узенькихъ дворикахъ, гдѣ, чтобы увидать небо, надо было лечь на спину,—жара стояла невообразимая. Оттуда проникла она черезъ черные ходы и кухонныя окна, выползала по ступенькамъ и встрѣчалась съ солнцемъ, которое уже поспѣвало со стороны улицы сквозь раскаленныя стѣны и многочисленныя окошки. Нигдѣ не находилось прохладнаго мѣстечка, если не считать ледниковъ. Продолжительная жара такъ плотно засѣла въ стѣнахъ, что даже ночи были невыносимы. Воздухъ стоялъ удушливый, и все, что до того обладало лишь наклонностью дурно пахнуть, теперь воспользовалось случаемъ и издавало положительное зловоніе. Во всемъ городѣ не было ни глотка чистаго воздуха.

— Чѣмъ сѣвернѣе заберешься, тѣмъ хуже жара!—сказалъ канцеляристъ Мортенсенъ и разстегнулъ воротникъ; онъ сидѣлъ безъ сюртука и въ жилеткѣ на распашку.

Молодой секретарь Хіортъ, который помѣщался тутъ же и клеилъ бумажныя папки на случай какой-либо надобности въ министерствѣ, обернулся съ кислой миной. Мортенсенъ дѣйствительно представлялъ изъ себя довольно некрасивое зрѣлище, обливаясь потомъ въ своей рубашкѣ изъ суро-

ваго полотна. Но секретарь Хіортъ ничего не сказалъ: онъ былъ новичекъ въ министерствѣ, а Мортенсенъ умѣлъ импонировать товарищамъ.

Всѣ окна въ большомъ министерскомъ зданіи были открыты настежь, равно какъ и двери между комнатами и въ корридоры. Канцеляристы дѣлали другъ другу визиты и жаловались на жару—они всегда имѣли нѣсколько „дѣлъ“ въ рукахъ, на случай „нежелательной встрѣчи“. Секретари, еще не привыкшіе къ „работѣ“, томились у столовъ, видомъ своимъ напоминая увядающія „рыцарскія шпоры“; порой они спохватывались и принимались съ напускнымъ усердіемъ рыться въ бумагахъ.

Кстати, бумаги тамъ было вездѣ много. Она переполняла полки и большими кипами лежала у чиновниковъ и передъ ними, и сбоку.

Здѣсь была и сѣрая, и желтая, и бѣлая, и оберточная, и почтовая, и пропускная, и гербовая бумага; бумага новая и совсѣмъ старая, съ ветхими краями. Она была разбросана вокругъ отдѣльными листами, въ оберткахъ, или въ пакетахъ, перевязанныхъ бичевочкой—на полу, на стульяхъ, на столахъ. Бумага буквально наводняла комнату, такъ что несчастные, которымъ суждено было вращаться среди нея, должны были инстинктивно опасаться, какъ бы не утонуть въ этомъ морѣ бумаги, если не сумѣешь спастись вплавь.

Въ комнатѣ рядомъ съ Мортенсеномъ сидѣлъ канцеляристъ Эрсетъ, маленькій подвижной человѣчекъ, съ черной бородой. Онъ вбѣжалъ съ газетнымъ листомъ въ рукѣ:

— Читали вы, Мортенсенъ? Вѣдь это перешло всякія границы! Прочтите-ка статейку по поводу избирательнаго права для рабочихъ! И подобную статью написали, отпечатали и открыто распространяютъ! Нѣтъ! Ихъ всѣхъ повѣсить мало!!

Мортенсенъ равнодушно взглянулъ на листокъ.

— Я читалъ ее еще сегодня утромъ. Глупость. Старо.

— Глупость, Мортенсенъ? Хуже того. Она призываетъ къ безпорядкамъ! Къ возмущенію! Опасная вещь, лживая! Подумать только,—Эрсетъ иронически захохоталъ:—что они всюду шныряютъ, дѣлаютъ глазки всякой сволочи, заигрываютъ и братаются съ рабочими, держатъ рѣчи по поводу этого честнаго рабочаго класса, какъ будто поденщики трудятся, а всѣ мы, остальные, такъ себѣ... только... только...

— Дневные грабители!—пояснилъ Мортенсенъ.

— Вотъ именно!—продолжалъ Эрсетъ.—А мнѣ хотѣлось бы знать, кто больше работаетъ: каменотесъ или одинъ изъ насъ?

Между тѣмъ въ комнату проскользнулъ маленькій сѣдой человѣкъ. Никто никогда не зналъ, откуда онъ появится.

Подъ его рукой двери безшумно распахивались, и онъ имѣлъ обыкновеніе ходить въ валенкахъ.

— Эге! Мо!—обратился къ нему Мортенсенъ, недовѣрчиво мигая глазами:—ушелъ онъ?

— Господинъ министръ на минуту выѣхалъ съ негоціантомъ Фалькъ-Ольсеномъ, — откликнулся Мо и снова выскользнулъ изъ комнаты.

Эрсетъ давно уже водворился на свое мѣсто, въ сосѣдней комнатѣ. Канцеляристы и докладчики съ большимъ рвеніемъ нагнулись надъ своими дѣловыми бумагами, пока маленькій человѣчекъ проходилъ мимо.

Эо былъ министерскій курьеръ, по имени Андерсъ Мо. Онъ носилъ длиннополый коричневый сюртукъ, стоячій воротничекъ и бѣлый галстухъ, подпиравшій ему подбородокъ. Костюмъ придавалъ ему значительный видъ, — обликъ квакера. Блѣдное лицо было кротко и привѣтливо, бѣлоснѣжные волосы такъ низко спускались на шею, что изящно вились по воротнику сюртука. Когда благообразный курьеръ безшумно скрылся въ сосѣдней комнатѣ, Мортенсенъ заговорилъ, понижая голосъ:

— Эй, Эрсетъ! Не можемъ ли мы улетучиться по примѣру начальства и отвѣдать свѣжаго пивка, а?

— Хорошо бы!—неожиданно отозвался секретарь Хіортъ и уронилъ ножницы на полъ. Мортенсенъ хладнокровно поглядѣлъ на молодого человѣка; но вдругъ въ умѣ его блеснула идея: Хіортъ былъ сынъ уѣзднаго судьи съ запада, имѣлъ очень хорошія связи и, вѣроятно, въ деньгахъ не стѣснялся. Поэтому онъ отвѣчалъ ему дружелюбно:

— Молодо—зелено! А надежды большія подаетъ.

Секретарь намека не понялъ, но зналъ, что въ министерствѣ принято считать Мортенсена остроумнымъ, а потому на всякій случай осклабился и заявилъ:

— Чего мнѣ больше всего недостаетъ, съ тѣхъ поръ какъ я служу въ министерствѣ, такъ это завтраковъ въ Грандъ-Отелѣ! Въ эти часы тамъ подаютъ чудесныя бараньи котлеты, жареныя на рашперѣ, и свѣжій салатъ съ огурцами! Ахъ!!

Изъ комнаты Эрсета послышалось неопредѣленное хрюканье, а Мортенсенъ заявилъ:

— Салата изъ огурцовъ я никогда не ѣмъ за завтракомъ, отъ него дѣлается отрыжка. А вотъ голландскій бифштексъ съ жареннымъ картофелемъ, рюмка водки, да кружка пива,— самый настоящій завтракъ!

— Все это вы можете получить въ Грандъ-Отелѣ!..

— Да? Я не думалъ, что тамъ такъ хорошо кормятъ, — вставилъ Мортенсенъ.

— Увѣряю васъ! Если вы сдѣлаете мнѣ честь позавтракать со мною, то я ручаюсь вамъ...

Опять изъ сосѣдней комнаты послышался какой-то звукъ, и Мортенсенъ отвѣтилъ:

— Большое спасибо. Но мы вотъ намѣревались съ Эрсетомъ...

— Если вы полагаете,—смущенно предложилъ секретарь Хіортъ:—что господинъ Эрсетъ также окажетъ мнѣ честь...

— Онъ чертовски гордъ... Но я попробую уломать его...—отвѣчалъ Мортенсенъ, подтянулъ брюки и прошелъ въ сосѣднюю комнату.

Тамъ, рядомъ съ Эрсетомъ, сидѣлъ пожилой господинъ нагнувшись надъ своей конторкой. Его-то и окликнулъ Эрсетъ, когда пошептался съ Мортенсеномъ.

— Ганзенъ! Мнѣ надо бы на короткое время отлучиться передъ завтракомъ. Если Мо спроситъ, скажите ему, голубчикъ, что меня вытребовали на конференцію въ ревизіонную камеру. Слышите, папаша Ганзенъ?

Тотъ кивнулъ головой.

— Старъ сталъ! —понизивъ голосъ, замѣтилъ Мортенсенъ:— пора ему была отступиться отъ газеты!

Мортенсенъ говорилъ о „Другѣ народа“, изъ редакціи котораго „старому Ганзену“—какъ его прозвали,—пришлось удалиться, такъ какъ направленіе, которое онъ давалъ газетѣ, показалось его начальству опаснымъ. Теперь редакторомъ былъ Мортенсенъ.

Когда Эрсетъ уже готовился идти, Мортенсенъ напомнилъ, что имъ неудобно удалиться раньше, чѣмъ они убѣдятся, что начальникъ бюро самъ отправился завтракать. Но тутъ какъ разъ дверь внутренняго помѣщенія распахнулась, и директоръ департамента, Дельфинъ, вышелъ и сталъ спускаться съ лѣстницы.

Мортенсенъ вернулся на свое мѣсто и шепнулъ Хіорту: „я уломалъ его!“ А затѣмъ, напѣвая пѣсенку, началъ одѣваться.

Немногіе дерзали вести себя такъ непринужденно въ министерствѣ, какъ канцеляристъ Мортенсенъ. Но когда узнали, что онъ дружитъ со всемогущимъ Андерсомъ, какъ прозвали Мо, то стали поговаривать, что министръ Беннехенъ пользуется „Другомъ народа“ для своихъ цѣлей.

Поэтому положеніе Мортенсена въ министерствѣ было гораздо выше его чина, и совсѣмъ начало уже позабываться то обстоятельство, что онъ, въ качествѣ провинціальнаго адвоката, былъ замѣшанъ въ какой-то мошеннической продѣлкѣ на одной спичечной фабрикѣ.

Когда Мортенсенъ застегнулъ сюртукъ поверхъ своей су-

ровой рубашки, всѣ трое взяли шляпы и собирались выйти; но въ дверяхъ Мортенсенъ обернулся и воскликнулъ:

— Боги мои, онъ не прихватилъ никакихъ бумагъ! Молодо — зелено, собирается выйти на улицу безо всякихъ бумагъ!

— Что?—спросилъ Хіортъ, готовый расхохотаться, какъ только онъ пойметъ соль остроты Мортенсена.

— Развѣ вы не замѣчаете?—обратился къ нему Эрсетъ, и тутъ только Хіортъ обратилъ вниманіе, что у каждаго изъ двухъ торчатъ подъ мышкой бумаги.

— А!.. Да... Но что же мнѣ взять? — недоумѣвалъ онъ, глядя на кипу своихъ дѣловыхъ бумагъ.

— Заступница, святая Магдалина!—возопилъ Мортенсенъ, устремляя взоръ въ потолокъ: — онъ спрашиваетъ, что ему взять! Какъ будто не всякая тетрадь бумаги годится, чтобы имѣть ее при себѣ на улицѣ!

Наконецъ Хіортъ догадался, въ чемъ дѣло, приготовилъ себѣ пакетъ, какъ у другихъ—и всѣ трое тихонько спустились съ лѣстницы.

Въ воротахъ съ ними столкнулся, бѣжавшій навстрѣчу, долговязый малый, въ костюмѣ рабочаго.

— Ахъ, господинъ редакторъ, а я было къ вамъ!—обратился онъ къ Мортенсену, утирая потъ съ лица холщевымъ передникомъ:—намъ необходимъ портретъ генерала Робертса.

— Помѣстите Гладстона съ окладистой бородой,—не задумываясь, распорядился редакторъ.

— Но вѣдь у Гладстона огромная лысина!.. — возразилъ рѣзчикъ по дереву.

— Надѣньте ему шляпу Стэнли, — спокойно приказалъ Мортенсенъ.

Рабочій побѣжалъ обратно черезъ улицу, а Хіортъ въ изумленіи покатился со смѣху.

— Прекрасно вышли изъ затрудненія, господинъ редакторъ! — сказалъ онъ и даже осмѣлился фамильярно потрепать Мортенсена по плечу (не даромъ же онъ собирался угощать пріятелей)!—Но имѣете ли вы понятіе о наружности генерала Робертса.

— Ни малѣйшаго! — былъ хладнокровный отвѣтъ Мортенсена.

— Но представьте себѣ, что у генерала вовсе нѣтъ бороды, или, напримѣръ, только усы, какъ у меня?

— Ну, значитъ, генералъ обрился послѣ интервью съ нами, очень просто!

— Господа, теперь намъ надо раздѣлиться на двѣ партіи,—сказалъ Эрсетъ:—вы, Мортенсенъ, идите на ту сторону...

Въ этотъ моментъ Мортенсенъ испустилъ энергичное ру-

гательство: навстрѣчу имъ шелъ начальникъ ихъ, Дельфинъ, элегантный и спокойный, со свойственной ему ядовитой усмѣшечкой на губахъ.

— Теперь надо ждать передряги!—пробурчалъ Эрсетъ.

Докладчикъ Хіортъ затрессся отъ испуга. Всѣ трое поклонились, видимо смущенные. Георгъ Дельфинъ небрежно кивнулъ головой и, повидимому, намѣревался пройти мимо; но вдругъ остановился передъ Мортенсеномъ и изысканно вѣжливо спросилъ:

— Господинъ Мортенсенъ, не найдется ли у васъ спичекъ?

Мортенсенъ засуетился, отыскивая спички, а директоръ департамента, съ невозможнымъ спокойствіемъ, закуривъ свою сигару, поблагодарилъ и пошелъ дальше.

— На этотъ разъ мы дешево отдѣлались! — наивно воскликнулъ Хіортъ.

— Ну, это еще неизвѣстно! — возразилъ Эрсетъ, злобно косясь на Мортенсена.

— Проклятый болтунъ!—выругался редакторъ.

— У Фалькъ-Ольсеновъ въ воскресенье говорили, что его вскорѣ сдѣлаютъ камергеромъ! — сообщилъ Хіортъ, довольный, что ему удалось таки упомянуть про свои аристократическія знакомства.

Но распространиться насчетъ важной новости ему не пришлось; собесѣдники разстались по совѣту Эрсета, чтобы вновь соединиться въ Грандъ-Отелѣ.

Солнце пекло. По узкой тѣневой полоскѣ, ложившейся теперь вдоль тротуара, шла густая масса народу; нашимъ тремъ чиновникамъ пришлось волей-неволей идти по самому припеку; встрѣчные знакомые, не останавливаясь, привѣтствовали ихъ. Всѣ видѣли, что они торопятся, а пакеты подъ мышками усиливали впечатлѣніе дѣловитости.

Между тѣмъ въ комнатахъ министерства жара становилась все удушливѣе. Надъ бумагами сиротливо дремалъ старый Гапзенъ.

II.

Въ уѣздномъ судѣ чинили судъ и расправу. На краю Почтамской улицы, у дворовъ тѣснились распряженныя телѣги, омнибусы и другіе экипажи всевозможныхъ родовъ; передъ самымъ подъѣздомъ зданія суда стояла большая коляска, въ которой пріѣхали уѣздный и окружной судьи, городской голова. Вокругъ экипажа столпились мальчишки и глазѣли, тѣснясь другъ за другомъ и засунувъ руки въ карманы. Взрослые разсѣялись вдоль улицы и подъ окнами суда. Женщинъ не было видно. Взрослые меньше зѣвали по сторонамъ,

но руки также засунули въ карманы. Собрались кучки тамъ и сямъ, шла болтовня; ходившіе вдоль домовъ попарно тоже работали языками. Встрѣчались и тревожныя, напряженныя лица,—то были люди, прибывшіе издалека узнать о своихъ „дѣлахъ“.

Между послѣдними находился маленькій, худенькій человѣчекъ, судя по его виду, пріѣзжій изъ глубины страны. Онъ ѣхалъ всю ночь, чтобы поспѣть къ засѣданію; лошадиный барышникъ обманулъ его съ буланой кобылой. Дѣло было давно; болѣе года тому назадъ онъ побывалъ въ городѣ у адвоката Бойезена, просилъ его ходатайства; много свѣтлыхъ шиллинговъ утекло на повѣстки и на всякій вздоръ,—а тѣмъ временемъ барышникъ вмѣстѣ съ буланкой исчезли невѣдомо куда. Но на сегодняшній день адвокатъ обѣщалъ ему „рѣшеніе дѣла“. И потерпѣвшій ждалъ, что барышника заставятъ вернуть ему буланую кобылу и уплатить судебныя издержки.

Только бы ему поймать адвоката Бойезена. Цѣлое утро караулитъ онъ у зданія суда, а адвоката все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Люди входили и выходили; кому надо было поговорить съ старшиной, кому — заплатить подати, кому — навести справки у окружного судьи. Приближался полдень. Ожидающій людъ принялся закусывать стоя, доставъ привезенную съ собою ѣду; иные усѣлись рядами на краю шоссейной канавы. Временами въ дверяхъ суда показывался одинъ изъ писцовъ и выкликалъ чье-нибудь имя; присутствующіе оборачивались и повторяли имя, пока нужный субъектъ не отыскивался гдѣ-нибудь и не начиналъ медленно идти на призывъ; тогда писецъ нетерпѣливо покрикивалъ, рекомендуя „пошевеливаться“, а вѣтеръ игралъ его завитыми волосами и обдувалъ ему лицо.

На большомъ камнѣ, у забора сидѣлъ человѣкъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ. Онъ снялъ шляпу и задумчиво уставился глазами вдаль, на море. То былъ коренастый, высокій мужчина, слегка сгорбившійся отъ тяжелыхъ деревенскихъ работъ и пребыванія въ низкой избѣ. У него было строгое лицо съ рѣзкими чертами и рыжая, густая, кудрявая растительность на головѣ и лицѣ. Онъ смахивалъ на лѣсное страшилище, но глаза у него были ясные, правдивые, голубые, какъ у ребенка.

Отъ одной изъ ближайшихъ группъ отдѣлился другой мужчина, подошелъ къ забору и поздоровался.

— Здравствуй, Ньэдель!

Ньэдель полуобернулся и отвѣтилъ на привѣтствіе.

— Хорошо, что я здѣсь сегодня тебя засталъ! — произнесъ первый:—мы можемъ потолковать съ тобой о нашемъ

дѣлѣ и услышимъ, что добрые люди на этотъ счетъ думаютъ.

— Мнѣ до другихъ дѣла нѣтъ, Серенъ,—отвѣчалъ Ньэдель:—да если-бъ и ты оставлялъ ихъ въ покоѣ, то мнѣ не пришлось бы сегодня торчать передъ судомъ, всѣмъ на посмѣшище.

— Мы должны быть готовы, что то, въ чемъ мы согрѣшили втайнѣ, сдѣлается явнымъ, разъ въ мірѣ возбуждается соблазнъ...

— Какой тамъ соблазнъ! Когда каждый знаетъ только самого себя, рѣчи не можетъ быть о соблазнѣ!

— Соблазнъ всегда будетъ... Но горе тому человѣку...

Ньэдель вытянулся во весь ростъ и отрывисто оборвалъ рѣчь словами:

— Что ты хотѣлъ мнѣ сказать о нашемъ дѣлѣ?

Серенъ Беревигъ былъ высокій сутуловатый мужчина, съ прямыми, желтыми, какъ солома, волосами и бѣлыми рѣсницами. Разговаривая, онъ глядѣлъ искоса и исподлобья, а также имѣлъ привычку потирать руки.

— Ты роешь большую канаву внизъ, къ самому морю, Ньэдель?

— Совершенно вѣрно.

— И ты доведешь ее до самаго тростника?

— Я иду вдоль границы своего поля.

— Такъ... поддакнулъ Серенъ и покосился черезъ дорогу:—но вѣдь тебѣ придется не по вкусу, если другіе станутъ вторгаться въ твою землю?

— Пусть только попробуютъ!

— Но послушай, Ньэдель! Какъ же мнѣ иначе добраться до берега, если ты проведешь свою канаву? Подумалъ ты объ этомъ?

— Тебѣ туда вовсе не къ чему и добираться, Серенъ. Тамъ тебѣ дѣлать нечего.

— Гм! гм! — захихикалъ Серенъ: — больно скоръ ты на языкъ, Ньэдель!

— Какъ бы скоро я ни говорилъ, я всегда могу дать отчетъ въ своихъ словахъ.

— Ты, пожалуй, скажешь, что я не добывалъ оттуда тростника, съ тѣхъ поръ какъ владѣю Беревигсъ-гофомъ?

— Добывать-то ты не добывалъ, Серенъ,—отвѣчалъ Ньэдель, послѣ нѣкотораго размышленія.—Думается мнѣ, ты дѣлалъ и многое другое, чего не слѣдовало бы дѣлать.

— Ты, можетъ быть, воображаешь, что это хорошо загораживать старыя, утвержденныя дороги? — съ разстановкой спросилъ Серенъ:—какъ ты полагаешь, Ньэдель?

— У меня есть купчая крѣпость въ полномъ порядкѣ. Я

купилъ церковную землю и плачу подати епископу Христіанзанда. Но въ бумагѣ ни слова не сказано о томъ, чтобы обитатели Беревига имѣли право ходить по моему полю, а потому я полагаю, что могу рыть канавы, гдѣ мнѣ вздумается.

Съ этими словами Ньэдель началъ подвигаться къ домамъ.

— Но тростникъ, тростникъ... — ввернулъ Серенъ Беревигъ и еще сильнѣе потеръ руки.

— Руда находится въ горахъ, тростникъ въ водѣ. Если у тебя нѣтъ горъ, нѣтъ у тебя и руды. Не имѣя берега, нельзя разсчитывать на тростникъ. Ты бы долженъ это понять, Серенъ,—ты такой умный человѣкъ, говорятъ.

— Но... но... — не унимался тотъ:—надо Божьи дары дѣлить между собою, Ньэдель... Всѣ мы братья...

— Твоимъ братомъ я не желалъ бы быть, Серенъ, ни за двѣсти возовъ тростника! — отрѣзалъ Ньэдель и посмотрѣлъ на собесѣдника сверху внизъ.

— Такъ, такъ...—смиренно поддакнулъ Серенъ.—А насчетъ дороги мы потягаемся... Я переговорю съ адвокатомъ Тофте, какъ только онъ придетъ.

— Попробуй только, Серенъ!! Купчая-то вѣдь у меня! Я...— Ньэдель не докончилъ и отошелъ прочь.

Посреди улицы собралась кучка народу вокругъ подъѣхавшей телѣжки. Изъ нея вылѣзъ маленькій, толстенькій человѣчекъ съ краснымъ лицомъ, сѣдой бородой, и въ мѣховой шапкѣ.

— Не знаетъ ли кто-нибудь изъ васъ,—обратился онъ къ окружающимъ зѣвакамъ:—какому негодяю принадлежитъ клочекъ земли, черезъ которую идетъ дорога отъ Беревигсгринда до Свартемоора? Мнѣ бы хотѣлось съ этимъ владѣльцемъ обмѣняться парой теплыхъ словъ!

Никто этого не зналъ, но одинъ изъ стариковъ подтвердилъ:

— Да, господинъ староста правъ,—на всемъ берегу нѣтъ хуже дороги.

— Это не дорога, а болото, трясина! Да еще съ огромными камнями. Посмотрите, на что мы похожи!—онъ указалъ на себя, на лошадь и на телѣжку: всѣ были забрызганы грязью.

— Пожаловаться бы вамъ въ судъ!—посовѣтовалъ кто-то.

— Понятно, если бы это только принесло какую-нибудь пользу! — сказалъ лоцманскій староста и почесалъ голову подъ мѣховой шапкой.

Въ тотъ же мигъ онъ увидалъ Ньэделя Фатнемо, который приближался. Староста поманилъ его.

Одинъ изъ лоцмановъ принялъ его лошадь. Староста подошелъ къ Ньэделю и шепнулъ ему:

— Она уже на пароходѣ.

— Заручилась ли хорошимъ мѣстомъ?—спросилъ Ньэдель.

— Отличнымъ, старина! Все равно что на американскомъ пароходѣ. Ѣдетъ во второмъ классѣ. Завтра вечеромъ будетъ въ Христіаніи.

— Ужасно жаль, что она прiѣдетъ въ сумерки! Только бы нашла Андерса!

— Да, я долженъ тебѣ сказать, Ньэдель, что я послалъ твоему брату телеграмму, отъ твоего имени. Онъ встрѣтитъ Христину на пристани.

— И какъ ты обо всемъ заботишься!—обрадовался Ньэдель:

— Это тебѣ дорого стоило?

— Одну крону, ни болѣе, ни менѣе.

— Дешевле нельзя было?

— Нельзя, старина. Такса!

— Понятно... И то хорошо, что все устроилось!—замѣтилъ Ньэдель и началъ отыскивать крону.—Большое спасибо!

— Ну, что за благодарность! Ты былъ уже на судѣ, Ньэдель?

— Нѣтъ. Говорятъ, что до полудня больше не будетъ разбираться дѣлъ.

— Поѣлъ чего-нибудь?

— Нѣтъ. Дома некому было позаботиться о моемъ завтракѣ,—коротко пояснилъ Ньэдель.

— Гм... И то правда!—пробормоталъ смотритель.—Пойдемъ-ка къ лоцману Тобiасу, да закусимъ чего-нибудь.

Толпа разступилась; лоцманскому старостѣ всѣ кланялись, а спутника его, шедшаго позади, даже не замѣчали.

Собирался дождь. Песчаныя мели на морѣ казались совершенно темными, а вода—сѣрой, съ бѣлой пѣной на поверхности. Поднялся свѣжiй юго-западный вѣтеръ, и прибой ударялся о большiе, круглые камни, оставляя за собой длинныя, скользкiя полосы на берегу—то наступая, то отступая, образуя небольшой валъ у самыхъ дворовъ, плотно жавшихся другъ къ другу на набережной.

Между домами тянулись узкiе, грязные проходы, засоренные навозомъ и всякимъ мусоромъ: вилами, ржавыми сошниками, сломанными колесами, обломками корабельныхъ снастей, накоплявшихся годами, по мѣрѣ того, какъ море выбрасывало ихъ на берегъ. Передъ жилыми помѣщенiями попадались иногда и расчищенныя мѣстечки, гдѣ, во время скопленiя народа, люди присаживались на ступенькахъ или на камняхъ у стѣнъ.

Хотя стоялъ свѣтлый день въ самой серединѣ лѣта, но на всемъ лежалъ какой-то сѣрый, мрачный колоритъ. Небо низко нависло со своими сѣрыми облаками, да и море отливало чѣмъ-то сѣрымъ. Также и коричневые дома, которые

въ солнечный день радуютъ глазъ своими бѣлыми окнами, занавѣсками и цвѣточными горшками, при теперешнемъ освѣщеніи казались темными и унылыми. Даже бѣлый домъ старшины казался печальнымъ и непригляднымъ.

Густая толпа простолюдиновъ вполнѣ подходила къ окружающей обстановкѣ. Всѣ эти толстыя, темно-синія жилетки, шерстяныя рубашки и шерстяные же галстухи только усиливали лежавшій на всемъ отпечатокъ унылости. Въ группахъ не замѣчалось жизни; одинъ скользилъ туда, другой сюда; здоровались, глядя по сторонамъ и бормоча неясныя привѣтствія; толстыя, влажныя руки нехотя протягивались, прикасались одна къ другой, безъ дружескаго пожатія; при этомъ пальцы не сгибались, что считалось особенно учтивымъ. Ни возгласа, ни громкаго слова, уже не говоря о смѣхѣ. И надъ всѣмъ этимъ господствовалъ запахъ овечьей шерсти, окрашенной въ цвѣтъ, который почему-то называется „горшковымъ".

Ровно въ часъ закрылось утреннее засѣданіе, и, пока въ помѣщеніи суда приготовляли все къ завтраку, чиновники и адвокаты прогуливались по улицѣ взадъ и впередъ, курили, болтали.

Нѣкоторые изъ простолюдиновъ, у которыхъ хватило храбрости, крѣпко уцѣпились за своихъ ходатаевъ,—но хмурый, сосредоточенный крестьянинъ изъ Хальде такъ и не могъ найти своего.

Уѣздный начальникъ Хіортъ, отличавшійся большою снисходительностью, ходилъ среди народа, примѣчая, кто ему кланяется. Когда ему казалось, что онъ видитъ знакомое лицо, онъ останавливался и говорилъ два-три фамильярныхъ слова; руки, впрочемъ, онъ держалъ за спиною, подъ фалдами сюртука, чтобы никому не вздумалось пожать ихъ.

Старшина и его сынъ какъ разъ вели черезъ дворъ арестанта; для безопасности на него надѣли кандалы: деревенская тюрьма не надежна, да и сторожамъ такъ спокойнѣе.

— Кто-нибудь изъ присутствующихъ знаетъ этого человѣка?—спросилъ уѣздный начальникъ.

— Да, господинъ начальникъ, онъ изъ Кридсвдига,—отвѣчалъ смотритель, который въ эту минуту вышелъ изъ дома.

— Здравствуйте, господинъ лоцманскій староста Зеегусъ! — произнесъ уѣздный начальникъ и снисходительно протянулъ два пальца правой руки.—Итакъ, вы знаете преступника? Воръ, должно быть?

— Да, бѣдняга! Онъ взломалъ замокъ у деревенской лавочки и стащилъ мѣшокъ муки, да кружку патоки.

— Эти учащенные случаи воровства,—строго замѣтилъ уѣздный начальникъ Хіортъ, обводя глазами присутствую-

щихъ:—вызываютъ опасенія. Они, повидимому, стоятъ въ тѣсной связи съ другими пагубными вѣяніями, которыя, къ сожалѣнію, за послѣднее время усиленно распространяются въ народѣ. Находится ли виновный въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ? Большая у него семья? Много дѣтей?

— Много, и все малыши, какъ кругляшки на сковородѣ, господинъ начальникъ!—отвѣчалъ смотритель.

— Кругляшки?—переспросилъ начальникъ, съ недоумѣніемъ, поднявъ брови.

Адвокатъ Тофте, неизмѣнно торчавшій подъ рукой у начальства, горя желаніемъ быть ему полезнымъ, вкрадчиво хихикнулъ и пояснилъ:

— Извините, господинъ начальникъ,—это означаетъ, такъ сказать, ломтики картофеля!

— А, картофельные ломтики!—снисходительно пробормоталъ начальникъ и пошелъ дальше.

Окружающіе переглянулись, нѣкоторые осклабились; но всѣ вообще изумлялись, что лоцманскій староста такъ независимо говоритъ съ высшими; онъ сразу очутился, такъ сказать, на особомъ положеніи.

Луритцъ Больдеманъ Зеегусъ былъ сынъ мелкаго таможеннаго чиновника въ Флеккефіордѣ, изрядно любившаго выпить. Въ юности онъ былъ морякомъ, но съ годами купилъ часть Кридсвиггофа, построилъ себѣ домъ, откуда могъ любоваться моремъ и видѣть, что на немъ дѣлается; такимъ образомъ, онъ сдѣлался лоцманскимъ старостой.

Зеегусу могло быть около шестидесяти лѣтъ. Онъ былъ холостъ, не то морякъ, не то мужикъ. У начальства онъ былъ не на особенно хорошемъ счету. Уѣздный судья Хіортъ считалъ его даже почти опаснымъ, такъ какъ онъ, не смотря на свое полуоффиціальное положеніе, мало отличался отъ крестьянъ, отчего легко могло пострадать узаконенное вѣками уваженіе крестьянъ къ чиновникамъ.

Между тѣмъ Зеегусъ дѣлалъ свое дѣло и пользовался среди крестьянъ популярностью, такъ что добиться его смѣщенія разсчитывать было трудно. Онъ самъ и не подозрѣвалъ, что возбуждаетъ подозрѣнія въ неблагонадежности; свободный тонъ онъ усвоилъ себѣ на морѣ и, когда уѣздный судья удостоилъ его двумя пальцами и холоднымъ взглядомъ, онъ, въ своей наивной почтительности, подумалъ, что господинъ Хіортъ чертовски благовоспитанный человѣкъ.

Ближайшій сосѣдъ смотрителя былъ Ньэдель Фатнемо. Онъ, собственно говоря, былъ пришлецъ на берегу, такъ какъ родомъ былъ изъ горной мызы, далеко въ глубинѣ страны. Но, послѣ того, какъ мыза много лѣтъ кряду страдала отъ обваловъ, однажды весной скатилась каменная лавина, ко-

торая такъ основательно смела человѣческую работу, что Ньэдель въ одной рубашкѣ остался на верху скалы, а дома со всѣмъ содержимымъ рухнули. Между развалинами, на другое утро, отыскали трупы его жены и двоихъ дѣтей; одна старшая дочь какимъ-то чудомъ была еще жива.

Тогда Ньэдель рѣшился отказаться отъ родовой мызы Фатнемо.

Онъ продалъ все, что уцѣлѣло послѣ обвала, и переселился на морской берегъ. Онъ не перемѣнилъ прозвища, сообразно съ новымъ владѣніемъ, какъ принято; онъ пріобрѣлъ часть той же мызы, что купилъ Зеегусъ незадолго до него.

Кридсвигъ было большое выморочное имѣніе, принадлежавшее епископству Христіаніи. Ньэдель вынесъ изъ своего пребыванія въ горахъ склонность къ одиночеству, а потому выбралъ себѣ самое низмѣнное мѣстечко совсѣмъ у берега, съ песчаной пустынной площадью.

Много лѣтъ прожилъ онъ съ дочкой Христиной и работницей, обрабатывая свою полосу земли и кое-что откладывая про черный день. Единственно съ кѣмъ онъ знался, такъ это со старшиной Зеегусомъ, а этотъ послѣдній искренно привязался къ добродушному великану и его красивой дочкѣ.

Вообще же Ньэделя сосѣди не долюбливали, какъ чужого; находили что-то отталкивающее въ высокомъ, коренастомъ мужикѣ, съ шапкой рыжихъ лохматыхъ волосъ. Когда онъ стоялъ или копался на своемъ болотистомъ полѣ, онъ смахивалъ на великана, вылѣзшаго изъ земли. Его взъерошенная, обнаженная голова всегда опускалась на грудь, когда кто нибудь проѣзжалъ мимо; а чужестранцы непремѣнно спрашивали сторожа, что это за великанъ. Но Ньэдель за работой не обращалъ ни на что вниманія; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые словно ведутъ борьбу со своей работой. Стиснувъ зубы, наморщивъ брови, ворочалъ онъ лопатой или желѣзнымъ ломомъ, и тащилъ, и рвалъ, и топталъ, такъ что земля только стонала; когда же какой-нибудь камень оказывалъ ему сопротивленіе, онъ бросался на него, собравъ всѣ свои исполинскія силы, и расправлялся съ нимъ, рыча, какъ разсвирѣпѣвшій медвѣдь.

Когда наступало время ѣды, или становилось слишкомъ темно, онъ вылѣзалъ изъ канавы и чистилъ свои деревянные башмаки, затѣмъ ставилъ желѣзный ломъ на мѣсто и провѣрялъ результатъ своихъ трудовъ. Если ему казалось, что работа шла успѣшно, онъ запускалъ пальцы себѣ въ волосы, такъ что они становились дыбомъ, и посмѣивался себѣ въ носъ.

Въ избѣ, среди женщинъ, онъ бывалъ тихъ, какъ ягненокъ, низко нагибался и двигался съ большою осторож-

ностью, какъ будто боялся поднять крышу головою, если расправить свои могучіе члены.

Пока судейскій персоналъ завтракалъ, пошелъ дождь. Облака опустились еще ниже, и дождикъ моросилъ мелкій и частый, какъ и всегда, когда онъ намѣревается зарядить надолго.

Многіе изъ пріѣхавшихъ простолюдиновъ попрятались по домамъ и сараямъ, но большинство осталось на улицѣ, не взирая на дождь. Они нагибались и уклонялись то въ одну сторону, то въ другую, такъ что струйки воды текли съ полей ихъ шляпъ; но въ общемъ они такъ привыкли къ неудобствамъ и сырости, что не особенно смущались тѣмъ, что промокли до костей. Они даже не высказывали нетерпѣнія: всѣмъ было извѣстно, что судейскій завтракъ требуетъ продолжительнаго времени.

III.

Въ верхнемъ концѣ стола сидѣлъ уѣздный начальникъ; по правую руку отъ него—судья; по лѣвую—голова; дальше слѣдовали по старшинству адвокаты, уполномоченные, по чину своихъ довѣрителей; писцы въ томъ же порядкѣ мѣстничества и, въ заключеніе, двое крестьянъ, мѣщанскій староста и другіе приглашенные. Староста сидѣлъ въ нижнемъ концѣ стола.

— Замѣтно, что у г. старосты городская кухарка,—замѣтилъ старый адвокатъ Карсъ и причмокнулъ губами.— Прошли тѣ времена, когда мы осуждены бывали поглощать ушатъ шведскаго супа съ корицей и патокой.

Онъ сказалъ это вполголоса головѣ: подавали первое блюдо—рыбный пуддингъ съ вареными морскими раками. Разговаривалъ больше всѣхъ уѣздный судья. Красное вино было слишкомъ кисло, но очень крѣпко, кромѣ того, поданы были водка и пиво, такъ что настроеніе вскорѣ повысилось.

Уѣздный начальникъ умѣлъ дать тонъ общей бесѣдѣ, и начало завтрака прошло торжественно.

Сосѣди переговаривались полушопотомъ; на обращеніе судьи отвѣчали, но съ вопросами и замѣчаніями къ нему никто не лѣзъ. Онъ же старался быть со всѣми привѣтливымъ, въ особенности дружелюбно заговаривалъ съ крестьянами. Ему ужасно хотѣлось казаться ласковымъ и популярнымъ.

За жаркимъ онъ по обыкновенію провозгласилъ тостъ за здоровье его величества, затѣмъ, какъ водится, сказалъ коротенькій спичъ. Сегодня онъ обратился къ помощнику окруж-

ного судьи, кандидату Альфреду Беннехену, который вскорѣ долженъ былъ ихъ покинуть.

— Такъ какъ вы, господинъ кандидатъ Беннехенъ,—такъ началъ онъ свою рѣчь,—покидаете дѣятельность, которой вы посвятили часть лучшихъ годовъ вашей юности, и переходите къ инымъ трудамъ,—быть можетъ, болѣе отвѣтственнымъ, болѣе тяжкимъ, болѣе возвышеннымъ,—то позвольте намъ пожелать вамъ всего хорошаго и поблагодарить васъ за то время, которое вы провели въ совмѣстной работѣ съ нами. Но, хотя мы и будемъ раздѣлены пространствомъ, мы все же останемся собратьями по труду. Надѣюсь, вы не сочтете за нескромность, если я сообщу собранію, что вы намѣреваетесь перейти въ министерство,—по всей вѣроятности, въ министерство вашего батюшки?

Альфредъ Беннехенъ вѣжливо поклонился.

— Итакъ, я говорилъ, — продолжалъ уѣздный начальникъ: — что мы остаемся собратьями по труду. Развѣ бюрократія, это—не великое, общее дѣло всей страны? Развѣ дѣятельность нашихъ чиновниковъ не охватываетъ народъ неразрывнымъ кольцомъ? Такъ какъ вы, выражаясь образно, мѣняете ваше мѣсто въ общей цѣпи, позвольте попросить васъ передать вашему достоуважаемому батюшкѣ наше нижайшее почтеніе съ просьбою всеподданнѣйше доложить его величеству, что мы трудимся... въ этомъ вся суть, господа... что мы трудимся среди народа, какъ вѣрноподданные его величества. А вамъ, господинъ кандидатъ, намъ остается пожелать, чтобы вы, имѣя передъ глазами доблестный примѣръ вашего батюшки, достигли самаго виднаго положенія и, опять таки какъ вашъ батюшка, сдѣлались бы гордостью и украшеніемъ вашей родины! Господинъ кандидатъ Беннехенъ! Господь да пребываетъ съ вами!

— Надъ этой рѣчью онъ изрядно попотѣлъ, увѣряю васъ!—шепнулъ адвокатъ Карсъ сосѣду по лѣвую руку, такъ какъ спичи уѣзднаго судьи не блистали краснорѣчіемъ.

Окружной судья тоже произнесъ коротенькое слово, обращаясь полушутливо къ своему помощнику. Альфредъ Беннехенъ въ свою очередь отвѣтилъ, такъ что вообще за завтракомъ въ этотъ день говорено было не мало. Какъ разъ, когда шумъ оживленныхъ голосовъ достигъ крайнихъ предѣловъ, волостной писарь подавился кускомъ жаркого. Бѣднякъ совсѣмъ было задохнулся, и дѣло, казалось, готово было принять трагическій оборотъ, но сосѣдъ писца такъ усердно колотилъ его по хребту, что кусокъ, попавшій не въ то горло, наконецъ, выскочилъ изо рта и вылетѣлъ на середину стола.

Уѣздный начальникъ закрылся салфеткой; старшина нѣ-

сколько разъ извинился за своего писца; только адвокатъ Карсъ, внимательно разсмотрѣвъ кусокъ мяса, началъ клясться, что онъ вѣситъ не менѣе четверти фунта.

Этотъ инцидентъ совершенно испортилъ настроеніе духа уѣзднаго начальника.

Младшіе адвокаты начали смѣяться и переговариваться черезъ столъ; оживленіе начало брать верхъ надъ почтительностью. Самъ уѣздный начальникъ былъ такъ напуганъ непріятнымъ случаемъ, что вскакивалъ съ мѣста и хватался за очки, стоило только кому-нибудь кашлянуть; что же касается до злополучнаго писаря, то судья убѣдительно, хотя и въ предѣлахъ деликатности, просилъ его не торопиться и разрѣзать кусочки жаркого помельче.

— Много дѣлъ осталось еще на сегодня?—спросилъ уѣздный начальникъ судью, убѣдясь, что ему больше не завладѣть разговоромъ.

— Право, не знаю,—простодушно отвѣтилъ вопрошаемый и поставилъ свой стаканъ:—Скажите, Беннехенъ, много еще дѣлъ на очереди?

— О, да, достаточно! Между прочимъ, имѣется крайне интересный случай.—Помощникъ нагнулся къ окружному судьѣ и заговорилъ съ нимъ, понизивъ голосъ.

— Въ чемъ же дѣло?—полюбопытствовалъ уѣздный начальникъ.

— Процессъ о незаконномъ сожительствѣ, господинъ начальникъ, ни болѣе, ни менѣе!—отвѣчалъ окружной судья, подмигивая маленькими свѣтло-сѣрыми глазками. Самъ онъ былъ низенькій, толстенькій человѣчекъ, съ румяными щеками и въ парикѣ.

— Не можетъ ли господинъ окружной судья сегодня провести это дѣло?—спросилъ помощникъ.—Тогда оно быстрѣе двинется впередъ. Да, кромѣ того, никто не умѣетъ такъ обращаться съ подобными процессами, какъ вы.

— Ахъ, да! По крайней мѣрѣ, забавно будетъ! Мы посмѣемся!—неосмотрительно воскликнулъ старшина.

Уѣздный начальникъ громко откашлялся, погладилъ свои густыя, сѣдыя бакенбарды и надѣлъ золотыя очки. Ничего лишняго нельзя было сказать въ присутствіи крестьянъ. По этому случаю онъ выпилъ стаканъ вина съ мѣщанскимъ старостой.

Пока въ одномъ концѣ стола велся горячій споръ между двумя адвокатами, въ другомъ продолжался разговоръ полушопотомъ.

— Обвиняемые—молодые люди?—спрашивалъ окружной судья.

— Нѣтъ, этого нельзя сказать: онъ — довольно пожилой вдовецъ, она—служанка. Но, видите-ли, дочь...

— Ахъ, вы хотите сказать, въ качествѣ свидѣтельницы...

— Что касается служанки,—вмѣшался адвокатъ Тофте,—то она съ ребенкомъ, насколько я слышалъ, уже съ мѣсяцъ тому назадъ уѣхала въ Америку.

— Да, свидѣтельскій допросъ, это — самая интересная часть процесса! — сказалъ адвокатъ Карсъ и засмѣялся: — я знаю Христину Фатнемо, это одна изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ въ околоткѣ.

— Если это фактъ, что процессъ пойдетъ скорѣе, при веденіи его самимъ окружнымъ судьею... — началъ было уѣздный начальникъ и остановился, какъ будто не слыхалъ послѣднихъ словъ.

— Разумѣется, я съ удовольствіемъ это сдѣлаю, если вы прикажете...—откликнулся окружной судья.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы меня не такъ поняли! Я только хотѣлъ сказать, что въ такую скверную погоду будетъ лучше, если мы поскорѣе вернемся въ городъ...

Окружной судья подмигнулъ своими маленькими глазками, и было рѣшено, что послѣ завтрака чинить правосудіе будетъ онъ. Тогда уѣздный начальникъ чокнулся съ нимъ.

Послѣ гречневой каши поданъ былъ хересъ, вслѣдствіе чего на большинствѣ физіономій заиграло нѣчто въ родѣ вечерней зари. Адвокатъ Карсъ нашелъ, что послѣ злополучнаго приключенія съ кускомъ жаркого, со стороны писца головы было просто безразсудно запихать въ себя три тарелки каши. До конца завтрака всѣ громко смѣялись, болтали и пили, кромѣ двухъ крестьянъ, которые молча ѣли и сдержанно прихлебывали вино.

Но когда шумъ достигъ своего апогея, уѣздный начальникъ постучалъ въ стаканъ и всталъ изъ за стола.

По раскраснѣвшимся физіономіямъ, показавшимся теперь въ окнахъ и дверяхъ, народъ могъ догадаться, что завтракъ конченъ; наружу нельзя было выйти изъ за проклятой погоды.

Послѣ кофе комната снова превратилась въ залу суда, и окружной судья очень торжественно приступилъ къ разбирательству. Сидя на предсѣдательскомъ мѣстѣ, онъ имѣлъ внушительный видъ. Было несомнѣнное достоинство въ очертаніяхъ его красивой головы въ бѣлоснѣжномъ парикѣ, въ проницательныхъ сѣрыхъ глазахъ, которые пронизывали насквозь и подсудимыхъ, и свидѣтелей. Онъ славился своими мѣткими приговорами, но главная сила его заключалась въ остроумныхъ допросахъ Никто не умѣлъ такъ, какъ онъ, вовлекать въ противорѣчія, жонглировать словами, разбрасывать ихъ въ безпорядкѣ и затѣмъ такъ подбирать, что не успѣвалъ человѣкъ опомниться, какъ неожиданно для себя

дѣлалъ нѣчто въ родѣ полупризнанія; такими пріемами судьѣ удавалось, по его собственному выраженію, „вывинчивать изъ людей истину".

Сегодня дѣло пошло необычайно быстро, но все же велось съ достоинствомъ.

Много гражданскихъ дѣлъ было прекращено; всѣ адвокаты понимали, что слѣдуетъ скорѣе перейти къ „cause célèbre", т. е. къ процессу о незаконномъ сожительствѣ; и насколько всѣ были заинтересованы предстоящими свидѣтельскими показаніями, можно было заключить изъ легкаго подталкиванія локтями и многозначительныхъ взглядовъ. По этому случаю прочія дѣла разбирались поверхностно, а больше предлагались изъ за всякихъ пустяковъ отсрочки, при чемъ противная сторона соглашалась безпрекословно. Только тупоумный стряпчій Крузе не желалъ ничего понимать и спокойно продолжалъ требовать занесенія въ протоколъ безконечныхъ подробностей. Адвокатъ Карсъ дергалъ его за фалды, Альфредъ Беннехенъ, который велъ протоколъ, дѣлалъ многозначительныя гримасы, а окружной судья сердился и нетерпѣливо ерзалъ на стулѣ.

Наконецъ, съ Крузе покончили, и на очереди очутился процессъ о незаконномъ сожительствѣ.

Теперь двери въ сѣни и во дворъ были открыты, и толпа сплотилась на улицѣ,—даже отчасти протискалась въ помѣщеніе суда.

Какъ только промокшая публика попала въ тепло, отъ овечьей шерсти повалилъ паръ; воздухъ сгустился и принялъ голубоватый оттѣнокъ; капли заструились по оконнымъ стекламъ. Снаружи, въ проходѣ, въ самой густой толпѣ стоялъ хмурый, молчаливый крестьянинъ; онъ былъ такъ малъ ростомъ, что не могъ ничего видѣть, но напряженно вслушивался въ каждое слово, ровно ничего не понимая.

Какъ только судья выслушалъ имена и фамиліи обвиняемыхъ, то спросилъ:

— Ньэдель?—Это что за варварское имя?

— Это все равно, что Нильсъ,—пояснилъ вѣчно готовый услужить Тофте: — въ горахъ, въ Хальденгофѣ, вмѣсто Нильсъ, говорятъ Ньэдель.

— А, вотъ что! Но мы здѣсь не въ Хальде, а потому будемъ говорить Нильсъ; фамилія?

— Фатнемо.

— Фатнемо?—нетерпѣливо переспросилъ окружной судья.

— Въ дѣлѣ упоминается фамилія Фандмо, — снова вмѣшался Тофте.

— Понятно!.. Что это значитъ? Итакъ, попросту, онъ—

Нильсъ Фандмо. Мѣстное нарѣчіе не полагается вводить въ протоколы! Это сепартизмъ!—При этихъ словахъ, судья строгимъ взоромъ окинулъ толпу и угломъ глазъ взглянулъ на уѣзднаго начальника, который одобрительно кивнулъ ему головой.

Ньэделя подвели къ столу; онъ стоялъ, сгорбившись и опустивъ свою взъерошенную голову внизъ, время отъ времени вытирая себѣ лобъ рукавомъ куртки; ему было душно, и губы его подергивались.

Окружной судья смѣрилъ его глазами съ головы до ногъ и, вѣрный своей методѣ, началъ быстро и во все горло кричать:

— Такъ это ты, старикъ, живешь по-свински? Со служанкой своей путаешься, а? Это ты служишь соблазномъ въ приходѣ? Кто доноситъ на него?

— Помощникъ пастора, Серенъ Беревигъ.

— Слышишь, помощникъ пастора!.. И тебѣ не стыдно? А дѣвушку съ ребенкомъ ты ухитрился сплавить въ Америку, а? Ты видишь, намъ извѣстны всѣ твои пакости! Ты, можетъ статься, думалъ вывернуться? Нѣтъ, старикъ, шалишь! Или ты совсѣмъ отопрешься въ этомъ свинствѣ, чего добраго? Что?

Ньэдель съ трудомъ могъ открыть ротъ, но когда это ему удалось, сказалъ:

— Я ни въ чемъ не отпираюсь.

Этого окружной судья никакъ не ожидалъ: онъ привыкъ ко всякаго рода запирательствамъ и увёрткамъ.

— Вотъ это хорошо, старикъ!—сказалъ судья:—хотя ничему не поможетъ, разумѣется. Дѣло надо основательно разслѣдовать и выяснить, при помощи свидѣтелей. Гдѣ твоя дочь?

— Она уѣхала.

— Уѣхала? И эта тоже? Куда?—вскричалъ судья и широко раскрылъ глаза. У секретаря вывалилось изъ рукъ перо, а адвокаты насторожили уши, какъ охотничьи собаки; даже уѣздный начальникъ, который сидѣлъ за печкой на диванѣ и представлялся, будто читаетъ, отвелъ глаза отъ уложенія о наказаніяхъ.

— Въ Христіанію. Она вчера выѣхала изъ дому,—пояснилъ Ньэдель.

— Это... Гм...—окружной судья почти никогда не ругался въ засѣданіяхъ, но въ запальчивости привсталъ со стула, и отъ злости кровь бросилась ему въ голову. Онъ выбранилъ Ньэделя, насколько это было совмѣстимо съ достоинствомъ судьи, и посулилъ ему такой строгій приговоръ, какой только будетъ въ состояніи придумать.

Ньэдель, при явномъ неодобреніи судебнаго персонала, удалился.

Толпа разступилась передъ нимъ, какъ передъ зачумленнымъ, въ то время какъ онъ неторопливо покидалъ помѣщеніе суда и вышелъ вонъ.

Разочарованіе было полное. Оживленное настроеніе поддерживалось за завтракомъ, благодаря ожиданію лакомаго куска, а теперь всѣ надежды рухнули. Въ душной полутемной комнатѣ стало вдругъ до невѣроятности не уютно, полъ сдѣлался скользкимъ отъ грязныхъ сапогъ, а дождь такъ и хлесталъ въ окна.

Уѣздный начальникъ посмотрѣлъ на часы, всталъ и ушелъ съ однимъ изъ писцовъ въ свою комнату. Слышно было, какъ они тамъ шумѣли и двигали сундукъ.

Окружной судья пришелъ въ неописуемую ярость и давалъ это чувствовать и другу, и недругу. Остальныя дѣла онъ началъ вершить съ головокружительной быстротою, и горе тому, кто пытался задержать его. Вынувъ часы изъ жилетнаго кармана, онъ положилъ ихъ передъ собой на столъ. Только неисправимый адвокатъ Крузе и тутъ продолжалъ диктовать свои протоколы.

Окружной судья зашевелился на стулѣ.

— Я принужденъ замѣтить господину адвокату Крузе, что занесеніе въ протоколъ имѣетъ извѣстные предѣлы.

Крузе спокойно вынулъ часы.

— Я не превысилъ положеннаго срока.

— Это весьма вѣроятно; но люди стараются оказывать извѣстное уваженіе приличіямъ.

— Прежде всего я долженъ заботиться о выгодахъ моихъ кліентовъ!—отпарировалъ Крузе и опять началъ требовать занесеній въ протоколъ.

— Слѣдующее дѣло!—крикнулъ, наконецъ, судья, когда Крузе угомонился.

Изъ прохода протискался хмурый крестьянинъ малаго роста: выкликали его дѣло,—имена показались ему знакомыми.

— Ну-съ,—сердито вскричалъ судья:—кто ходатай по этому дѣлу?

— Адвокатъ Бойезенъ,—былъ отвѣтъ.

— Но Бойезенъ отсутствуетъ... кто его замѣняетъ? Ну-съ!

Карсъ проворно подошелъ къ столу; онъ только что разговаривалъ съ товарищемъ у окна.

— Въ чемъ состоитъ дѣло, Крузе?—шепотомъ освѣдомился онъ.

— Надо сначала заглянуть въ списки!—вслухъ отвѣтилъ Крузе.

— Болванъ!—проворчалъ Карсъ и затѣмъ почтительно обратился къ судьѣ и просилъ занести въ протоколъ, что за истца ходатайствуетъ Бойезенъ, и черезъ посредство Карса проситъ отсрочки до слѣдующаго засѣданія.

— Отсрочки?—удивленно протянулъ судья.

— Для допроса новаго свидѣтеля...—продолжалъ Карсъ.

— Гдѣ живетъ этотъ новый свидѣтель?—злобно освѣдомился судья; онъ прекрасно зналъ, что адвокатъ не имѣетъ о дѣлѣ ни малѣйшаго понятія.

— Въ Нэльдалѣ!—невозмутимо отвѣчалъ Карсъ, сохраняя серьезную физіономію. Звучный голосъ и жесты, полные чувства собственнаго достоинства, чрезвычайно подходили къ торжественному судоговоренію.

Судья глазами одобрилъ ловкаго адвоката, и двое изъ писцовъ подмигнули, но Карсъ, стоя лицомъ къ публикѣ, остался невозмутимымъ и, когда просьба его была уважена (Тофте, повѣренный барышника съ буланой кобылой, не нашелся что возразить),—удалился съ глубокимъ поклономъ что всегда производитъ хорошее впечатлѣніе.

— Слѣдующее дѣло!—крикнулъ судья.

— Больше дѣлъ не имѣется.

— Слава. Тебѣ, Господи!—судья спряталъ часы въ карманъ.—Спросите у уѣзднаго начальника, нельзя ли намъ велѣть запрягать?

Судебныя разбирательства были окончены. Засѣдатели, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившіе за ходомъ дѣлъ, подписали протоколъ, и раньше чѣмъ сѣрая публика толкомъ поняла, въ чемъ дѣло, весь судебный персоналъ снялся съ мѣста, адвокаты разсѣялись во всѣ стороны, а писцы набросились на большія книги протоколовъ, чтобы уложить ихъ.

Хмурый, молчаливый крестьянинъ вмѣстѣ съ волной народа вышелъ во дворъ; онъ ничего не понималъ, пока не нашелся человѣкъ, который ему объяснилъ, что дѣло отложено.

— Отложено?—пробормоталъ онъ, все еще недоумѣвая. Онъ ощупью, въ темнотѣ, тискался между телѣжекъ, пока не нашелъ свою, заползъ въ нее и, громыхая, отправился восвояси.

Большая коляска стояла передъ крыльцомъ суда. Большинство адвокатовъ уже разсѣлось по своимъ экипажамъ, длинной вереницей стоявшимъ за коляской; только Тофте расхаживалъ еще, прощаясь и со смѣхомъ перекидываясь шуточками со своими знакомыми изъ крестьянъ.

Карсъ, у котораго была бойкая лошадь, сидѣлъ и ругался втихомолку, такъ какъ дѣло стало за уѣзднымъ началь-

никомъ. Уѣхать впередъ онъ не дерзалъ: судья этого не долюбливалъ.

Между тѣмъ, послѣдній преспокойно стоялъ въ комнатѣ и болталъ съ женою старосты, наблюдая черезъ окно за шедшими во дворѣ приготовленіями къ отъѣзду. Онъ всегда оказывался первымъ, когда все было готово, но любилъ заставлять себя ждать.

Наконецъ, онъ сѣлъ, коляска тронулась, и маленькіе экипажи послѣдовали за ней.

— Ахъ, да,—сказалъ уѣздный начальникъ, умащиваясь поудобнѣе на заднемъ сидѣньи:—я часто думаю, когда вижу, вотъ какъ сегодня, огромное сборище народа, такое почтительное передъ начальствомъ... Эти современные бунтовщики могутъ кричать, сколько имъ угодно, но имъ никогда не удастся подорвать традиціонное уваженіе къ властямъ! Народъ нашъ слишкомъ религіозенъ, слишкомъ преданъ...

— И слишкомъ тупоуменъ,—дополнилъ окружной судья.

— Да, вы, можетъ быть, правы,—согласился тотъ и откинулся на спинку коляски, чтобы слегка вздремнуть, если это удастся.

Толпа осталась позади, не получивъ отвѣта на большинство вопросовъ. Отъѣздъ состоялся такъ поспѣшно, и всѣ важные господа были такъ угрюмы, что сѣрые просители даже не рискнули къ нимъ обратиться за разъясненіями. Тѣмъ не менѣе, не слышно было ни одного недовольнаго слова, только кое-гдѣ раздавался подъ сурдинку невеселый смѣхъ, да кое-кто покачивалъ головой. И хотя никто ничего не говорилъ, но, быть можетъ, для душевнаго спокойствія уѣзднаго начальника, было лучше, что онъ не могъ знать ихъ мыслей.

Наступилъ вечеръ,—сырой, дождливый вечеръ. Узенькая полоска на западномъ горизонтѣ заалѣла. Передъ крыльцомъ стариннаго дома стояли кухарка и другая прислуга, съ раскраснѣвшимися и усталыми лицами отъ недавнихъ торжественныхъ приготовленій; они дышали свѣжимъ воздухомъ и смотрѣли вслѣдъ удалявшимся экипажамъ.

Народъ разошелся во всѣ стороны, по дорожкамъ и полевымъ тропинкамъ; поодиночкѣ и попарно плелись крестьяне къ своимъ дворамъ, засунувъ руки въ карманы, промокшіе и усталые.

Лоцманскій старшина направился по большой дорогѣ къ дому; онъ ѣхалъ на быстрой лошади и многихъ обгонялъ. Такъ нагналъ онъ Ньэделя, шедшаго пѣшкомъ.

— Садись-ка, подвезу, Ньэдель!

Ньэдель повиновался, и они поѣхали дальше. Нѣсколько минутъ спустя нагнали они телѣжку, тащившуюся шагомъ.

— Эй! Посторонись!—крикнулъ Зеегусъ.

Громоздкая телѣжка неуклюже свернула съ дороги, и смотритель поѣхалъ впереди.

Въ отставшей телѣжкѣ сидѣлъ хмурый, молчаливый мужиченко; онъ не спѣшилъ, и предстоящій длинный путь очевидно не радовалъ его. Старая рыжая кобыла шла или скорѣе пошатывалась въ оглобляхъ; она отъ старости совершенно выцвѣла и обросла длинной, бурой шерстью, на подобіе козы. Глядя на нее, крестьянинъ невольно вспомнилъ о буланкѣ,—и при этой мысли ему жутко стало возвращаться домой. Ни жена, ни дѣти не сомнѣвались, что онъ приведетъ сегодня буланку. Старшій мальчикъ даже предусмотрительно снабдилъ его недоуздкомъ, чтобы удобнѣе вести ее...

Онъ зналъ, что семья съ чердака глядитъ на дорогу, поджидая его возвращенія; конечно, издали видно будетъ, что буланки нѣтъ. Но тогда всѣ вообразятъ, что карманы главы семейства набиты ассигнаціями и шиллингами.

Онъ заглянулъ на дно телѣжки: тамъ лежалъ недоуздокъ. Какъ объяснить домашнимъ, что дѣло отложено? Старая рыжая кобыла смахивала на мокрую кошку... И онъ вспомнилъ, какая нѣжная шерстка была у буланки, какія у нея были гладкія и круглыя бедра...

IV.

Подъѣхавъ ко двору Ньэделя, лоцманскій старшина взошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Домъ былъ пустъ и дверь открыта; по хижинѣ бѣгала кошка и мяукала. Ньэдель, не говоря ни слова, пошарилъ по полкамъ и нашелъ чего поѣсть. Зеегусъ посидѣлъ немного, наблюдая за высокой, неповоротливой фигурой, которая двигалась по комнатѣ, безпомощно занимаясь непривычными мелочами.

— Послушай, Ньэдель,—сказалъ онъ, наконецъ:—я думаю, что ты наймешь себѣ новую служанку?

— Нѣтъ, нѣтъ!—крикнулъ Ньэдель и такъ топнулъ ногой, что полъ задрожалъ.

— Ну, ну, смотри, не сожри меня отъ ярости!—отмахнулся Зеегусъ.

Закусывая, Ньэдель попросилъ Зеегуса написать письмо Христинѣ. Но такъ какъ въ домѣ ничего не было, чѣмъ и на чемъ писать, рѣшено было, что Зеегусъ напишетъ дома у себя и затѣмъ прочитаетъ письмо Ньэделю.

— Но объ чемъ же ей писать?

— Только не о сегодняшнемъ днѣ,—сказалъ Ньэдель.

— Нѣтъ, нѣтъ. Можно бы и сейчасъ, но...

— Пиши, чтобъ она на меня не сердилась, обо мнѣ не безпокоилась. Мнѣ хорошо. Очень хорошо. Такъ напиши. Ни въ чемъ недостатка я не чувствую...

— Самъ справишься со всѣмъ и по ней не скучаешь?..

— Ахъ, да, дай Богъ памяти: что я за нее боюсь, вотъ что напиши! — продолжалъ Ньэдель, раскачивая туловище свое взадъ и впередъ.

— Но вѣдь это огорчитъ ее, что ты за нее боишься?

— Правда твоя... Такъ лучше объ этомъ вовсе не упоминай!..—поспѣшно согласился Ньэдель.—Напиши... Да ты самъ лучше знаешь, что писать, на то ты и въ школу ходилъ. Однимъ словомъ, пиши такъ, чтобы не огорчить и не разстроить Христину. Мнѣ все равно...

— Не лучше ли написать также и твоему брату?

— Это вѣрно, старшина. Соблаговоли черкнуть Андерсу, чтобы онъ приголубилъ ее. Если желаетъ, можетъ и деньжонокъ получить за это.

— Разумѣется, пожелаетъ.

— Андерсъ не промахъ малый!—подтвердилъ Ньэдель.—Онъ еще ребенкомъ попалъ въ чужіе люди. И мать тоже говаривала: „ты у меня, Ньэдель, большой дуракъ, а Андерсъ хитеръ, какъ лисичка!“.

— Но почему же не ему досталась мыза, разъ онъ старшій?

— Онъ самъ пожелалъ уступить ее мнѣ.

— Твой братецъ хорошо зналъ, что дѣлалъ, когда награждалъ тебя этой подлой мызой, а себѣ взялъ капиталъ!—сказалъ смотритель.

— Не надо осуждать Андерса,—возразилъ Ньэдель:—онъ очень способный малый. Я отлично помню, какъ мы съ нимъ собирали тамъ, наверху, въ Хальде, степныя травы для матушки. Андерсъ ужасно проворно набиралъ цѣлый коробъ!

— Но тащилъ этотъ коробъ домой—ты.

— Ну, да, разумѣется, я! Я былъ посильнѣе брата.

— Чѣмъ онъ теперь служитъ, этотъ, вашъ Андерсъ?—спросилъ смотритель.

— Онъ занимаетъ какое-то важное мѣсто. Но я не могу сказать какое.—И Ньэдель началъ рыться въ ящикѣ стола что-бы отыскать старое письмо своего брата

Кто-то тихонько приподнялъ щеколду у кухонной двери, и слышно было, какъ кто то ощупью пробирался черезъ кухню. Благодаря скверной погодѣ, было уже совершенно темно, и только вдали, на сѣверо-западѣ, оставалась узкая свѣтлая полоса, которая немного освѣщала комнату.

Но когда вошелъ Серенъ Беревигъ, Ньэдель задвинулъ ящикъ и сурово спросилъ:

— Ты, должно быть, пришелъ поглядѣть, очистился ли домъ отъ соблазна? Пошарь-ка въ кровати, не осталось ли его тамъ сколько-нибудь!

— Надо жить по правдѣ!—кротко изрекъ Серенъ:—Я хотѣлъ отъ чистаго сердца уговорить тебя, Ньэдель...

— Чего тебѣ отъ меня надо?—перебилъ послѣдній.

Серенъ не рѣшился утверждать, что пришелъ исключительно для увѣщаній,—хотя онъ и числился помощникомъ пастора; онъ предпочелъ на этотъ разъ, вопреки своему обыкновенію, приступить прямо къ цѣли.

— Я поговорилъ немножко съ адвокатомъ Тофте...—началъ онъ.

— Насчетъ дороги къ берегу?

— Да, мы немножко потолковали и объ этомъ. Онъ находитъ, адвокатъ-то, весьма глупымъ, что я лишенъ возможности извлекать пользу изъ прибрежья... Это могло бы... Это могло бы...

— Возбудить соблазнъ, можетъ быть? — иронически подсказалъ смотритель. Онъ стоялъ въ углу у печки и чистилъ свою трубку.

— Нѣтъ, лоцманскій старшина, не то. Онъ нашелъ, что изъ-за канавы можно потягаться.

— У меня есть купчая крѣпость, и она въ порядкѣ,— стоялъ на своемъ Ньэдель.

— Да, да, я знаю, что есть.—Серенъ пошелъ къ двери.— Вотъ и все. Я только хотѣлъ зайти предупредить тебя, что мы собираемся начать...

— Начать?—переспросилъ Зеегусъ.

— Ну, да. Предъявить искъ!

— Процессъ!—вскричалъ Зеегусъ и подошелъ ближе.—Объ этомъ стоитъ подумать, Ньэдель! Я знаю людей, которые изъ за тяжбъ лишались всего имѣнія. Не мало хорошихъ людей адвокатъ Тофте вогналъ въ гробъ!

— Тебѣ бы не слѣдовало такъ отзываться о твоихъ ближнихъ, Зеегусъ! Впрочемъ, адвокатъ полагаетъ, что процессъ продлится долго и потребуетъ много денегъ.

— Ну, будь что будетъ, а я канаву рою! — объявилъ Ньэдель.

— Вотъ ужъ этого тебѣ не придется дѣлать, Ньэдель! Начальство тоже побывало и запретило копать.

— Запретило?

— Да! Тебѣ придется подождать, пока тяжба не кончится въ твою пользу,—пояснилъ Серенъ.

Ньэдель сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, зацѣпилъ за стулъ и растерянно поглядѣлъ на Зеегуса. Но въ концѣ концовъ онъ вернулся къ своему главному доводу:

— У меня есть купчая крѣпость отъ епископа изъ Христіанзанда! — сказалъ онъ рѣшительно и ударилъ одной ладонью по другой.

— Ты могъ бы спросить у епископа, что онъ скажетъ насчетъ побережья съ тростникомъ! — ласково посовѣтовалъ Серенъ и покосился на Ньэделя.

— Да, это правильно, Серенъ, — согласился лоцманскій старшина:—это не трудно сдѣлать!

— Быть можетъ, обратиться къ самому королю было бы еще правильнѣе! — тихонько произнесъ Серенъ, глядя въ окно.

— Положимъ, король повыше епископа!—возразилъ Ньэдель:—но только отвѣтитъ ли онъ на вопросъ?

— Вотъ если мы предоставимъ дѣло на разсмотрѣніе министерства...

— Кого?—переспросилъ Ньэдель.

— Министерства!—не безъ важности повторилъ Серенъ.

— Зеегусъ,—сказалъ Ньэдель: — тамъ служитъ Андерсъ, теперь я припоминаю. Я только запамятовалъ самое слово. Но развѣ оттуда можно добраться до короля?

— Да, — пояснилъ Зеегусъ: — оттуда прямая дорога къ королю.

Ньэдель призадумался. Это предложеніе улыбалось ему больше, чѣмъ тяжба. Кромѣ того, Андерсъ можетъ заняться этимъ дѣломъ. Хорошо бы разомъ положить конецъ всякимъ пререканіямъ: вѣдь, кажется, сомнѣнія не можетъ быть, что законъ будетъ на сторонѣ Ньэделя!

Серенъ сначала сдѣлалъ видъ, что ему ужасно хочется судиться; но затѣмъ какъ будто изъ любезности далъ убѣдить себя. Мало того, онъ взялъ на себя хлопоты по доставкѣ прошенія и обѣщалъ позаботиться объ отмѣнѣ запрещенія.

— Но ты долженъ заплатить адвокату Тофте, Ньэдель!

— Ты затѣялъ тяжбу, Серенъ, а не я!

— Да, но вѣдь канаву-то копаешь ты!

Лоцманскій старшина убѣдилъ ихъ придти къ полюбовному соглашенію и заплатить издержки пополамъ. Съ тѣмъ Серенъ и ушелъ.

Было уже поздно, и Зеегусъ торопился домой.

Проводивъ его, Ньэдель пошелъ въ хлѣвъ. Коровы, шесть штукъ, безпокойно ревѣли: онѣ не получили корму и не были выдоены. Кое какъ Ньэдель раздѣлался съ этой работой, хотя взялся за нее довольно неловко. Животныя не знали его; кромѣ того, самъ онъ былъ такого огромнаго роста, а руки имѣлъ неуклюжія и жесткія; коровы ногами опрокидывали ведро или взбалтывали молоко. Ньэдель ворчалъ и усми-

рялъ ихъ, какъ умѣлъ,—но когда онъ кончилъ, наступила уже ночь.

Наконецъ, на волѣ онъ опять выпрямился (въ хлѣву пришлось все время сидѣть на корточкахъ) и поглядѣлъ вдаль, на море. Воздухъ прояснился; онъ могъ даже разглядѣть свою канаву, въ видѣ темной полосы среди песка. Онъ радовался, что можетъ теперь съ чистой совѣстью снова приняться за канаву. Отвѣтъ отъ короля, разумѣется, не заставитъ себя долго ждать, разъ у берега такъ и снуютъ взадъ и впередъ многочисленные пароходы; что же касается до его правоты, то въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Онъ даже отчасти заранѣе наслаждался разочарованіемъ Серена Беревига и подсчитывалъ, сколько можетъ пройти дней до полученія отвѣта.

Ньэдель розлилъ молоко по горшкамъ, при чемъ пролилъ половину кругомъ.

Потомъ онъ пошелъ наверхъ, сунулъ голову въ комнату Христины и оглядѣлся въ полумракѣ, вдыхая привычный запахъ. Затѣмъ заперъ дверь и сунулъ ключъ въ карманъ. Когда онъ спускался по лѣстницѣ, которая звучно скрипѣла въ опустѣломъ домѣ, онъ случайно припомнилъ слова Серена Беревига, что правые всегда получаютъ удовлетвореніе.

Долго лежалъ онъ и не могъ уснуть. Его головѣ пришлось сегодня слишкомъ много трудиться, а тѣлу слишкомъ мало. Онъ скучалъ по благотворной работѣ для рукъ и ногъ, потягиваясь въ кровати; и вотъ, поневолѣ, онъ началъ припоминать всю слышанную имъ за день болтовню...

Ньэдель, который прежде могъ храпѣть на пари въ самую страшную бурю, съ досадой слышалъ теперь, какъ мяукала кошка, бродившая то по кухнѣ, то у дверей Христины. И это мѣшало ему спать...

V.

Когда большая рѣка наталкивается на выдающійся мысъ, вода огибаетъ выступъ, но дѣлаетъ позади изгибъ и наполняетъ заливъ предъ мысомъ небольшимъ водоворотомъ.

Если кусочекъ дерева несется внизъ вдоль берега рѣки и его затянетъ въ это кольцо, то онъ сначала кругообразно вертится въ заливѣ, затѣмъ доплываетъ до самаго выступа, а потомъ сильное теченіе гонитъ его обратно, и онъ опять кружится до безконечности.

Такое кругообразное вращеніе называется водоворотомъ.

Безчисленные водовороты, которые жизнь образуетъ въ своемъ теченіи, бываютъ иногда такъ малы, что въ нихъ хва-

жаетъ мѣста кружиться только для одного человѣка; временами же они такъ велики, что даютъ помѣщеніе цѣлымъ семействамъ или даже цѣлымъ партіямъ. Да, въ исторіи бывали примѣры такихъ водоворотовъ, которые захватывали и заставляли кружиться цѣлый народъ; потокъ времени гналъ ихъ, но не уносилъ съ собою.

Такъ же и общественная жизнь страны имѣетъ свои водовороты, и въ Норвегіи примѣромъ могутъ служить министерства. Безчисленныя массы медленно вращающихся бумагъ, какъ водоворотъ, кружатся вокругъ глубокой, вѣчно пустой воронки, которая между тѣмъ все поглощаетъ, заставляетъ вертѣться,—а затѣмъ все исчезаетъ и пропадаетъ безъ слѣда.

Каммергеръ Дельфинъ отложилъ перо, налилъ себѣ стаканъ и выпилъ его, кивнувъ самому себѣ въ зеркало. То было уже позднею ночью; онъ сидѣлъ въ бѣломъ галстухѣ и низко вырѣзанномъ жилетѣ; фракъ онъ скинулъ, такъ какъ ему было жарко.

Георгъ Дельфинъ вернулся съ бала и теперь наслаждался дома сигарой въ своей изящной холостой квартирѣ въ Вергеландштрассе. У него была привычка поздно ложиться—въ особенности по возвращеніи изъ гостей, — и если онъ не игралъ на фортепіано, то что-нибудь писалъ.

На утро онъ тогда чувствовалъ себя плохо и употреблялъ много воды какъ внутрь, такъ и снаружи. Когда же онъ затѣмъ выходилъ въ комнату, гдѣ мадамъ Бэррезенъ, его экономка, уже приготовила завтракъ,—онъ былъ по обыкновенію изященъ и свѣжъ, какъ юноша. Положимъ, ему не было еще и сорока лѣтъ,—но временами онъ казался старше, въ особенности, когда началъ терять свои красивые, кудрявые волосы.

Позавтракавъ и прочитавъ газету, директоръ департамента обыкновенно вставалъ и шелъ въ министерство. Но сначала онъ просматривалъ все то, что написалъ ночью. Часто это кончалось тѣмъ, что онъ разрывалъ все написанное на мелкіе клочки и кидалъ въ печку, къ большому неудовольствію аккуратной мадамъ Бэррезенъ.

Стояло тихое, прекрасное, осеннее утро. Дворцовый паркъ красовался во всемъ своемъ блескѣ; желтая и красная листва красовалась въ перемежку съ зеленой. Легкая изморозь предыдущей ночи лежала на травѣ лишь въ видѣ блестящей росы. На зеркальной поверхности пруда облетѣвшіе листья и лебединыя перья напоминали флотилію, ожидающую попутнаго вѣтра. Воздухъ былъ такъ живителенъ, что люди останавливались и вдыхали его полной грудью. Заслоняя глаза отъ солнца, они испытывали тоскливое чувство, когда че-

резъ фіордъ и низкія вершины горъ глядѣли на югъ, откуда солнце, сквозь бѣлую завѣсу тумана, разсыпало свои лучи.

Стоило каммергеру показаться на улицѣ, какъ отовсюду сыпались привѣтствія, потому что весь свѣтъ былъ ему знакомъ. Но и въ оцѣнкѣ привѣтствій у него была большая опытность.

По лошадямъ онъ узнавалъ, кто сидитъ въ экипажѣ, и сообразно съ этимъ кланялся; онъ ни разу не прозѣвалъ пожилой дамы или молодой женщины, сидѣвшей у себя дома и желавшей отвѣтить на поклонъ изъ окна; въ тоже время онъ не упускалъ изъ виду обоихъ сторонъ тротуара и подмѣчалъ, не снимаетъ ли ему кто-нибудь шляпы на углу улицы; ему даже хватало еще времени привѣтствовать проѣзжающихъ мимо, по особой дорожкѣ, всадниковъ.

Благодаря всему этому, онъ занялъ среди столичнаго общества выдающееся положеніе, хотя его, можетъ быть, больше боялись, чѣмъ любили, такъ какъ онъ обладалъ острымъ языкомъ и рѣшительно все зналъ.

Передъ однимъ магазиномъ на Кенигштрассе стоялъ одноконный экипажъ министра Беннехена; Георгъ Дельфинъ только что хотѣлъ что-то спросить у кучера, какъ изъ лавки вышла фрейлейнъ Гильда Беннехенъ.

— Ахъ, милѣйшій господинъ каммергеръ,—сказала она:— поѣдемте со мною домой. Мама послала меня подобрать отдѣлку къ платью, а я навѣрно выбрала что-нибудь не подходящее. Но если вы будете при этомъ присутствовать, она не рѣшится бранить меня.

— Мнѣ очень грустно, фрейлейнъ, но я какъ разъ направляюсь въ министерство. Что скажетъ вашъ уважаемый батюшка, если я опоздаю?

— Ахъ, какіе пустяки! Развѣ я повѣрю, что вы боитесь папы? Ѣдемте!—она указала ему мѣсто рядомъ съ собою, и онъ сѣлъ.

Молодой человѣкъ, переходившій въ это время улицу, подъ руку съ дамой, сказалъ ей:

— Я не удивляюсь, что каммергеръ Дельфинъ не сразу рѣшился ѣхать съ фрейлейнъ Беннехенъ...

— Чего же тутъ удивительнаго, Боже мой! Она такъ страшна!

— Ужасные волосы, отвратительный цвѣтъ лица, громадный ростъ, крошечный носъ, отсутствіе фигуры... Единственно что у нея недурно, такъ это глаза.

— Вы находите, что у нея недурны глаза?—воскликнула дама и подняла глаза къ небу.

— Конечно, имъ далеко до другихъ глазокъ, которые, я знаю...—галантно пояснилъ молодой человѣкъ:—но все же

это единственное, чѣмъ можетъ похвастаться фрейлейнъ Беннехенъ.

— Да, да. У нея глупые, сонливые, собачьи глаза.

— Она и на самомъ дѣлѣ должно быть глупа?

— Какъ гусь! Это всѣмъ извѣстно.

Между тѣмъ, Дельфинъ вернулся съ фрейлейнъ Беннехенъ по той же дорогѣ, по которой пришелъ: министръ жилъ на улицѣ Христіана Августа. Въ прихожей встрѣтили они высокую молодую дѣвушку, которая привѣтствовала дочь министра.

— Кто это?—спросилъ каммергеръ.

— Племянница Мо, по имени Христина. Неправда ли, хорошенькая?

— По моему черезчуръ велика, — отвѣчалъ онъ.

— Альфредъ находитъ ее красавицей. Онъ знавалъ ее тамъ, гдѣ служилъ раньше.

Квартира министра Беннехена была поставлена на аристократическую ногу: все било на то, чтобы импонировать. Двери стояли настежь черезъ цѣлую амфиладу большихъ комнатъ, которыя заканчивались будуаромъ супруги министра, съ пушистыми коврами и тяжелыми портьерами.

Супруга министра Беннехена встрѣтила каммергера съ неподдѣльной радостью: она цѣнила его посѣщенія. Гильда, съ облегченнымъ сердцемъ, убѣдилась, что сдѣлала геніальный маневръ, пригласивъ съ собою каммергера.

На фрау Беннехенъ была свѣтло-сѣрая утренняя блуза, а на головѣ маленькій кружевной чепчикъ. Не смотря на свои пятьдесятъ пять лѣтъ, это была красивая женщина, съ умными, холодными глазами. Въ молодости она считалась красавицей и навсегда сохранила замѣтное пристрастіе къ изящнымъ мужчинамъ.

Въ обществѣ она оживлялась, хотя чисто внѣшнимъ оживленіемъ, и была непринужденно величественна. Смѣхъ ея заражалъ присутствующихъ веселостью, но былъ бы еще прелестнѣе, если бы она не опасалась за свои вставные передніе зубы.

Въ гостиной также находился младшій сынъ министра, Альфредъ, который только что вернулся въ столицу, въ сопровожденіи своего пріятеля, Хіорта.

Секретарь Хіортъ прижался скромно въ уголокъ, — чтобы директоръ департамента не примѣтилъ его здѣсь, въ часъ службы, — но Дельфинъ привѣтливо кивнулъ ему головой.

— Сейчасъ господинъ каммергеръ выскажетъ намъ свое мнѣніе, по поводу одного дѣла!—начала фрау Беннехенъ.— Бѣдному Альфреду такъ не повезло, а папа не желаетъ при-

нять его подъ свое крылышко. Альфредъ говоритъ, что было бы честно и „по-европейски“ (его собственное выраженіе), если бы отецъ помогъ ему двинуться по службѣ. Но вѣдь вамъ извѣстно, какъ щепетиленъ на этотъ счетъ Даніэль! Онъ не хочетъ дать оппозиціи ни малѣйшаго повода къ недовольству или нареканіямъ. А поэтому...

— А по этому онъ хочетъ меня, бѣднаго, насильно водворить въ контрольную палату, — перебилъ ее Альфредъ: — гдѣ я не знаю ни души! А я было радовался, что буду служить вмѣстѣ съ Хіортомъ! Кстати, куда же дѣвался Хіортъ?

Послѣдній, при этихъ словахъ, выступилъ изъ-за пальмы и, въ смущеніи, принялся крутить свой бѣлокурый усъ.

— Это положительно преступленіе относительно Альфреда,—продолжала фрау Беннехенъ:—Даніэль всегда былъ съ нимъ очень суровъ.

Но тутъ ей попала въ руки покупка Гильды, и вскорѣ большой столъ былъ заваленъ матеріями и отдѣлками. Каммергеръ дѣятельно помогалъ хозяйкѣ, и Гильда отдѣлалась благополучно, безъ всякой головомойки.

Молодые пріятели остались вдвоемъ у окна.

— Видалъ ли ты когда нибудь такое дурацкое счастье, Хіортъ? Она здѣсь живетъ, въ этомъ домѣ! Она родственница Мо! Дяди Мо!..

— Всемогущаго Андерса,—добавилъ Хіортъ.

— У васъ такъ его прозвали?—Очень мѣтко.

— Видишь-ли ты, всемогущій Андерсъ—братъ ея отца,—старой свиньи, попавшей подъ судъ за блудное сожительство. Видѣлъ ли ты ее? Я тебя познакомлю...

— Ты зналъ ее ближе, когда она жила у себя дома?

— О да, въ достаточной степени близко! — Подмигнулъ Альфредъ.

— Ого! Ей предстоитъ участь ея отца!

— То есть?—спросилъ Альфредъ.

— Блудное сожительство...—шепнулъ Хіортъ.

Намекъ показался обоимъ до того остроумнымъ, что они принуждены были выйти черезъ столовую на лѣстницу, чтобы нахохотаться вволю.

Когда директоръ департамента вошелъ въ свой кабинетъ, было около часу. На его столѣ лежала груда новыхъ дѣлъ. Мо какъ разъ стоялъ тамъ и перелистывалъ документы въ желтой обложкѣ.

— Что тамъ такое, Мо?

— Да вотъ прошеніе! Тяжба изъ-за полоски морскаго берега, въ Вестландѣ. Внѣ порядка инстанцій...

Андерсъ Мо усвоилъ себѣ не мало юридическихъ терми-

новъ и познаній, и въ сферѣ судебныхъ разбирательствъ чувствовалъ себя свободно.

Но начальникъ бюро его не слушалъ, а занялся двумя, лежавшими тутъ же, письмами.

— Снесите всю кучу Мортенсену и попросите его просмотрѣть, разсортировать...—сказалъ онъ нетерпѣливо.

Но когда Андерсъ Мо подошелъ къ Мортенсену, то этотъ послѣдній оказался еще болѣе занятымъ, чѣмъ директоръ департамента: онъ тайкомъ писалъ передовую статью для своей газеты.

— Суньте все это пока въ „хаосъ"!—приказалъ Андерсу редакторъ, не поднимая головы.

„*Хаосомъ*" называлась самая нижняя полка, у самаго пола, находившаяся подъ спеціальнымъ вѣдѣніемъ Мортенсена.

Андерсъ Мо взялъ кипу дѣлъ и повернулъ ихъ такъ, чтобы документы въ желтой обложкѣ оказались въ самомъ низу; даже желтый край онъ загнулъ внутрь, чтобы его отнюдь не было видно; затѣмъ засунулъ всю кипу поглубже въ „хаосъ", гдѣ уже и безъ того накопилось не мало дѣлъ.

Андерсъ Мо, который свою фамилію Фатнемо сократилъ просто въ Мо, зналъ министра Беннехена еще въ то время, когда тотъ былъ асессоромъ.

Мо, въ тѣ времена, занимался небезвыгодной мелочной торговлей, какъ разъ рядомъ съ домомъ асессора Беннехена. Начавъ съ нѣсколькихъ мелкихъ услугъ семейству асессора, Андерсъ постепенно такъ вошелъ въ милость, что въ концѣ концовъ сдѣлался Беннехену и его женѣ необходимымъ.

Когда асессоръ сдѣлался министромъ, онъ произвелъ Мо въ министерскіе курьеры. Это мѣсто пришлось по немъ, какъ будто было для него создано. Онъ всюду, сверху до низу, проскальзывалъ, словно кошка. Вскорѣ ему довѣрили всѣ закулисные тайники и закоулки,—всѣ министерскія интриги оказались у него въ рукахъ. Вліяніе, которое онъ имѣлъ на самого министра, было просто непостижимо, — и служебный персоналъ дружно рѣшилъ, что онъ самый могущественный человѣкъ въ министерствѣ.

Андерсъ Мо жилъ внизу, въ швейцарской большого дома самого министра. Хотя это было почти подвальное помѣщеніе, но стоило спуститься двѣ—три ступеньки внизъ отъ вестибюля, и комнаты оказывались свѣтлыми и уютными, а сквозь сдѣланныя въ стѣнѣ, высоко отъ пола, окна, врывались цѣлые потоки солнечнаго свѣта.

Съ тѣхъ поръ, какъ явилась Христина, средняя комната была обращена въ спальню для нея. Изъ этого вышло то, что дядѣ Андерсу для того, чтобы попасть въ свою комнату,

приходилось идти черезъ ея помѣщеніе. Понятно, это удобства не представляло, но неприличія въ этомъ никто не находилъ.

Что касается до Христины,—то дядя Андерсъ былъ съ нею такъ привѣтливъ, а большой, красивый городъ заключалъ въ себѣ столько любопытнаго и интереснаго, что она живо поборола тоску по родинѣ. Кромѣ того, она была рада, что находится между чужими людьми, которые ничего не знаютъ о позорѣ, навлеченномъ отцомъ на себя и на нее.

Такіе важные господа, какъ министры, кивали ей головой, когда встрѣчали ее въ воротахъ. Фрейлейнъ Гильда даже раза два остановилась и поговорила съ нею. Чтобы вообще знатная дама разговаривала съ ней, простой деревенской дѣвушкой,— казалось Христинѣ бо́льшимъ, чѣмъ она могла ожидать. На любезности же кандидата она, напротивъ, считала приличнымъ не обращать вниманія. Во-первыхъ, она была увѣрена, что Альфреду извѣстенъ *позоръ* ея отца; кромѣ того, фамильярный тонъ молодого барина, когда онъ останавливался возлѣ нея подъ воротами или даже спускался въ комнаты, пугалъ ее. Докторъ, старшій сынъ министра, нравился ей гораздо больше,—но съ тѣмъ ей пришлось говорить всего два раза.

Христина уже двѣ недѣли жила въ городѣ, когда получила изъ дому письмо:

„Милая Христина! Кошка, все время послѣ твоего отъѣзда, тоскуетъ, и отецъ твой тоже. Только онъ это выражаетъ по-своему, а именно: роетъ, откидываетъ лопатой, и гремитъ, и стучитъ, такъ что теперь по его полямъ ѣздить можно лишь съ опасностью для жизни: столько камней, торфа и навоза летаетъ въ воздухѣ; также и улица превратилась въ капканъ для людей и скота. Владѣлецъ этой части улицы такъ и не нашелся до сихъ поръ: староста указалъ сборщику податей на меня, а сборщикъ, въ свой чередъ, указалъ на меня надсмотрщику за улицами, капитану по чину. Ну, ты можешь себѣ представить, какъ все это вышло полезно. Однако, твой отецъ устроился лучше, чѣмъ я ожидалъ,—онъ четырехъ коровъ продалъ (и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ въ хлѣву и въ молочной былъ безпорядокъ, какъ въ Содомѣ и Гоморѣ, потому что коровы все лягались); но черная корова и та, что куплена у пастора, усмирились и ведутъ себя хорошо и даютъ хорошее молоко. По-моему, онъ даетъ имъ много корму, но онъ меня не слушаетъ и злится. Былъ у насъ вихрь. А на морѣ стоятъ и дождь, и непогода. Я прочелъ въ газетахъ, что черезъ Атлантическій океанъ и каналъ пронесся ужасный циклонъ, и что большое судно изъ Христіаніи, которое шло изъ Квебека или изъ Нью-Іорка,

потеряло весь такелажъ. Такъ ты объ этомъ разузнай и подробно мнѣ опиши. Твой отецъ тебѣ кланяется, равно какъ и нижеподписавшійся.

Съ отмѣннымъ почтеніемъ
Лаурицъ Больдеманъ Зеегусъ".

VI.

Осенью, когда всѣ съѣхались съ дачъ въ городъ, Фалькъ-Ольсены задали большой балъ. Негоціантъ придавалъ этому празднеству огромное значеніе: помимо молодыхъ людей, которые „должны были посвятить свои силы ѣдѣ", онъ пригласилъ и нѣсколькихъ почетныхъ лицъ столицы.

Когда всѣ молодые люди были приглашены, негоціантъ подумалъ, что можно простереть приглашенія немного подальше, въ особенности повыше, — что ему удавалось на маленькихъ вечерахъ и обѣдахъ.

Негоціантъ Фалькъ-Ольсенъ былъ еще почти новичкомъ въ столицѣ; такъ скромно начатая имъ торговля „строевымъ и столярнымъ лѣсомъ" мало по малу приняла весьма внушительные и солидные размѣры; онъ началъ теперь изо всѣхъ силъ стремиться попасть въ высшій свѣтъ.

Въ этомъ отношеніи разсчитывалъ онъ на министра Беннехена. Знакомство вело начало со временъ „асессорства" министра и, казалось, съ годами становилось все интимнѣе. Дамы высшаго свѣта нѣсколько этому удивлялись, такъ какъ Беннехены слыли за страшныхъ гордецовъ. Мужчины объясняли это дѣловыми связями: негоціантъ Фалькъ-Ольсенъ давалъ министру взаймы, и нѣкоторые потихоньку даже поговаривали, что онъ иногда выручалъ Беннехена изъ денежныхъ затрудненій. Въ общемъ надъ тщеславнымъ торговцемъ подтрунивали, потому что его богатство, нажитое личнымъ трудомъ, казалось большинству чѣмъ-то низкимъ, презрѣннымъ; многіе находили роскошь, которою онъ окружилъ себя, неприличной. Георгъ Дельфинъ имѣлъ обыкновеніе говорить:

— Ужасно неудобно! Разговариваешь съ господиномъ негоціантомъ Фалькомъ, а оказывается, просто на просто съ дровяникомъ Ольсеномъ!

Фрау Фалькъ-Ольсенъ не раздѣляла пристрастія мужа къ высшему свѣту; она предпочитала маленькіе дамскіе кружки и „чашки чая". Ея происхожденіе и прошлое покрыты были мракомъ неизвѣстности, хотя (такъ, по крайней, мѣрѣ говорилъ камергеръ) ея родословное дерево было первымъ, которое срубилъ оптовый торговецъ лѣсомъ, когда началъ идти въ гору.

Тѣмъ не менѣе, она терпѣливо и съ тактомъ слѣдовала за мужемъ во всѣхъ его повышеніяхъ, и теперь занимала мѣсто въ элегантной обстановкѣ, не внося особенно рѣзкаго диссонанса.

Дельфинъ имѣлъ привычку втихомолку называть ее „мамъ Ольсенъ"; кромѣ того, остроуміе его изощрялось при описаніи „танцовальныхъ развлеченій въ залѣ Ольсенъ"; но тѣ, кто зналъ эту женщину, единодушно соглашались, что ея доброе, отзывчивое сердце съ избыткомъ искупаетъ маленькія шероховатости въ ущербъ хорошему тону.

Въ довершеніе всего она была красива, что тоже не вредитъ, и имѣла очень привлекательную фигуру, когда, въ дорогомъ, свѣтло-сѣромъ, муаровомъ платьѣ, прошлась по заламъ, дѣлая еще кое-какія распоряженія до прибытія гостей.

Негоціантъ тоже входилъ и выходилъ изъ комнатъ, но былъ въ безпокойномъ и нервномъ состояніи, бранилъ слугъ и посматривалъ на часы.

— Что съ тобой сегодня, муженекъ?—спросила фрау Фалькъ-Ольсенъ:—ты такъ волнуешься, точно ждешь самого короля!..

— Болтай больше, старая!.. Смотри лучше за собой!— перебилъ ее мужъ.

Тѣмъ не менѣе, немного погодя, онъ подошелъ къ ней самъ и, смущеннымъ тономъ, которому старался придать равнодушный оттѣнокъ, сказалъ:

— Сегодня, передъ обѣдомъ, я пригласилъ консула Линда.

— Съ ума ты спятилъ!

— Ну, ну! Развѣ я не такой же человѣкъ, какъ консулъ Линдъ? Кромѣ того, все вышло такъ кстати: встрѣтились мы въ банкѣ...

— Пригласилъ ты также и его дамъ?

— Нѣтъ...—запнулся коммерсантъ.

— Тогда и не жди его. Онъ не будетъ. Ты сдѣлалъ неловкость, Оле Іоганнъ!

— Гм...—пробормоталъ оптовый торговецъ. Онъ давно призналъ, что въ такого рода дѣлахъ жена его оказывалась всегда правой.

Тѣмъ временемъ вошла ихъ старшая дочь, и негоціантъ началъ испускать вопли негодованія; но жена его остановила и сказала:

— Луиза, дитя мое, что это ты такъ странно одѣлась?

Родители принялись осматривать дѣвушку со всѣхъ сторонъ.

На фрейлейнъ Луизѣ было черное шерстяное платье съ высокимъ воротомъ и бѣлымъ крахмальнымъ воротничкомъ; бѣлокурые волосы закручены были на затылкѣ узломъ; большія, неуклюжія, бумажныя перчатки на рукахъ дополняли ея бальный туалетъ.

Сначала она попробовала съ твердостью выдержать осмотръ родителей, но вдругъ не выдержала и залилась слезами.

— Это Гансъ... Это Гансъ сказалъ... велѣлъ... запретилъ иначе являться на балъ!..—бормотала она, рыдая.

— Гансъ!—закричалъ гнѣвно коммерсантъ:—онъ скоро поперекъ горла мнѣ станетъ, этотъ Гансъ! Если онъ не перестанетъ мучить тебя, то, право, тебѣ слѣдуетъ отказать ему!

— Тише, тише, Оле Іоганнъ! Не выходи изъ себя. Дай мнѣ переговорить съ Луизой. Я слышу, что кто-то уже возится въ передней...

Хозяинъ поспѣшно прошелъ по комнатамъ, чтобы встрѣтить первыхъ гостей, между тѣмъ какъ его жена и дочь ушли наверхъ, чтобы заняться туалетомъ.

Первыми явились двое долговязыхъ молодыхъ людей. Въ смущеніи они прятались другъ за друга, пока, наконецъ, не нашли себѣ пристанища въ углу самой отдаленной комнаты, гдѣ и начали идіотски фыркать, не то другъ надъ другомъ, не то безъ всякой причины.

Начинали подъѣзжать экипажи; гости собирались; хозяинъ встрѣчалъ ихъ въ первой комнатѣ. Фрау Фалькъ-Ольсенъ заняла мѣсто въ комнатѣ передъ дамской гостиной.

Младшая дочь Софи и камеристка занялись Луизой и, немного спустя, обѣ сестры вышли вмѣстѣ.

Фрейлейнъ Софи была красивая дѣвушка и любимица отца, у котораго составился планъ выдать ее замужъ въ высшій свѣтъ; онъ неутомимо выискивалъ ей жениховъ. Софи, полушутя, относилась къ этимъ затѣямъ; но когда однажды отецъ предложилъ ей камергера Дельфина, она задумалась и сказала, что подумаетъ, прежде чѣмъ отвѣтить.

Въ этотъ вечеръ на ней было бѣлое платье съ шелковымъ корсажемъ и массой бантиковъ. Дѣвушка была прелестна, когда шепотомъ объясняла матери, сколько хлопотъ претерпѣла съ Луизой.

Луиза же имѣла видъ овцы, ведомой на закланіе. На нее надѣли бѣлое платье и приличныя перчатки; камеристка, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, воткнула ей въ волосы вѣтку ландышей. Тревожнымъ взглядомъ оглядѣла она всѣ углы, разыскивая Ганса, но такъ какъ его нигдѣ не было видно, то она приняла сперва одно, а затѣмъ и другое при-

глашеніе на танцы,—что ей тоже строго запрещалось. Кончилось тѣмъ, что какъ-то незамѣтно для самой себя, она очутилась среди своихъ подругъ и пріятельницъ, и болтала, и смѣялась; протянувъ одному господину свою карточку для записи танцевъ, она крайне удивилась, когда оказалось, что ни одного свободнаго танца у нея не осталось. Ея любимая подруга, Каролина Гіельмъ, увѣряла ее, что никогда еще не видала ее такой интересной; но совѣсть жестоко ее мучила.

Комнаты начали наполняться. Посреди большой залы стояли молодыя дѣвицы и представлялись, будто чрезвычайно оживленно бесѣдуютъ; на самомъ же дѣлѣ весь разговоръ состоялъ изъ восклицаній и пустыхъ, перекрестныхъ вопросовъ, прерываемыхъ дѣланымъ, нервнымъ смѣхомъ; каждая изъ дѣвицъ поглощена была важнымъ и единственно интереснымъ для нея вопросомъ: какъ бы поскорѣе найти кавалеровъ на всѣ танцы.

Мужчины толпились въ дверяхъ, совершая временами набѣги, съ дѣловитымъ видомъ пересѣкали комнаты, раскланивались, приглашали дамъ на танцы, бѣгали взадъ и впередъ, путались въ длинныхъ шлейфахъ и теряли свои карандаши.

Оба друга, — секретарь Хіортъ и кандидатъ Альфредъ Беннехенъ—ухаживали взапуски за фрейлейнъ Софи Фалькъ-Ольсенъ. У нея оказался свободнымъ только одинъ танецъ, и она отдала его Беннехену. Хіортъ изобразилъ на лицѣ отчаяніе и поспѣшилъ пригласить Гильду Беннехенъ, стоявшую поблизости.

У этой послѣдней оставалось еще много свободныхъ танцевъ; хотя она, какъ дочь министра, и была гарантирована отъ черезчуръ частаго сидѣнія на родительской скамейкѣ, но никто не торопился приглашать ее, и никто не скрывалъ, что танцуетъ съ ней по обязанности.

Камергеръ Дельфинъ, котораго Фалькъ-Ольсенъ черезъ Беннехена, привлекъ въ свой кружокъ, танцовалъ вообще рѣдко. Онъ любилъ говорить, что слишкомъ старъ; если же рѣшался иногда, то выбиралъ солидныхъ дамъ.

Теперь, увидавъ недовольную гримасу Хіорта, который пригласилъ Гильду Беннехенъ, онъ вдругъ прошелъ залу и попросилъ дочь министра удѣлить ему какой-нибудь танецъ.

Она вся вспыхнула и недовѣрчиво вскинула на него глаза: онъ способенъ посмѣяться надъ ней! Между тѣмъ, онъ уже взялъ ея карточку и выпросилъ у нея французскую кадриль, послѣ ужина. Отказать было неудобно, хотя и хотѣлось такъ сдѣлать.

Инцидентъ привлекъ вниманіе всей залы. Дамы начали перешептываться, усмѣхаться.

Гильда Беннехенъ почувствовала себя несчастной и, въ своемъ смущеніи, сдѣлалась еще уродливѣе обыкновеннаго. Она пріютилась подъ защиту Луизы, которая, въ припадкѣ раскаянія, жаловалась на свою долю Каролинѣ Гіельмъ.

Двое кавалеровъ, подмѣтившихъ, что камергеръ пригласилъ фрейлейнъ Беннехенъ, нашли это чертовски остроумной шуткой и поспѣшили послѣдовать его примѣру. Противъ обыкновенія у Гильды мигомъ заполнилась вся танцовальная карта; даже самые фешенебельные кавалеры туда попали.

Балъ открылся, какъ водится, полонезомъ, при чемъ въ первой парѣ пошли хозяинъ и жена министра; самъ министръ еще не пожаловалъ.

— Даніель за послѣднее время страшно заваленъ работой,—извинилась за него жена.

Не появлялся также и консулъ Линдъ, такъ что Фалькъ-Ольсенъ былъ не совсѣмъ удовлетворенъ. Но во время полонеза хорошее расположеніе духа почти вернулось къ нему: танецъ удался блистательно.

Камергеръ могъ изощрять свой острый языкъ, какъ хотѣлъ, но лучшаго помѣщенія для танцевъ, чѣмъ „залъ Ольсенъ“, пожалуй, не нашлось бы во всемъ городѣ. И въ то время, какъ длинная вереница нарядныхъ дамъ и кавалеровъ двигалась по залѣ подъ звуки великолѣпной музыки, глаза хозяина блестѣли гордостью.

Среди многочисленныхъ гостей были мужчины въ мундирахъ и орденахъ, коммерсанты, банкиры, профессора, камергеры, иностранные консулы, — цѣлая плеяда громкихъ, знатныхъ титуловъ, которыми хозяинъ положительно наслаждался, мѣрно шествуя съ женой министра и занимая ее разговоромъ.

— Какъ прелестна сегодня ваша Софи! — сказала она любезно.

— Я счастливъ, что слышу это отъ васъ... Хотя, по правдѣ говоря, я и самъ это нахожу. Въ Софи есть что-то благородное!

— Именно это я и хотѣла сказать!—поддакнула фрау Беннехенъ, въ душѣ издѣваясь надъ нимъ.

На грѣхъ, негоціанту вздумалось въ свою очередь отвѣтить комплиментомъ, и онъ восторженно отозвался о Гильдѣ Беннехенъ, которая шла въ хвостѣ полонеза съ какимъ-то замухрышкой младшимъ учителемъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ.

— Ахъ, полноте, пожалуйста!—перебила его фрау Бенне-

хенъ, принужденно смѣясь:—нашей Гильдѣ, къ сожалѣнію, нечего мечтать о красотѣ!

— Помилуйте, сударыня, напротивъ... — запинаясь, произнесъ злополучный хозяинъ.

— Вы черезчуръ любезны! — оборвала его дама и снова принужденно засмѣялась.

Хозяинъ понялъ, что сдѣлалъ безтактность.

Но вотъ показался Альфредъ Беннехенъ, и несчастный нашелъ возможность загладить свой промахъ, на всѣ лады восхваляя молодого человѣка. Онъ имѣлъ счастье убѣдиться, что фрау Беннехенъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ слушаетъ его комплименты, слѣдя за младшимъ сыномъ глазами.

Первый вальсъ прошелъ натянуто и вяло, хотя музыка была прекрасна, и великолѣпная бѣлая съ золотомъ зала сіяла своими тремя громадными люстрами и простѣночными лампочками. Вдоль одной стѣны ютились маленькія ниши и укромные уголки, гдѣ царилъ полусвѣтъ и гдѣ, по словамъ фрау Беннехенъ, ноги могли отдыхать, а сердца другъ другу вѣсть подавать.

Альфредъ танцовалъ съ видомъ каменщика, зарабатывающаго свое ежедневное пропитаніе тяжелой работой. Такъ же и господинъ секретарь Хіортъ. Въ общемъ кавалеры казались угрюмыми, только нѣсколько пожилыхъ, женатыхъ мужчинъ, танцовавшихъ съ самыми юными дѣвицами, повидимому, веселились отъ всей души.

Послѣ каждаго танца кавалеры кидались въ заднія комнаты, гдѣ находились къ ихъ услугамъ пуншъ и вина. Когда начинался слѣдующій танецъ, они сердито откладывали въ сторону свои сигары и наливали себѣ большіе стаканы пунша съ сельтерской водой, или коньяку съ водой, какъ будто готовились выйти на сильный, ночной морозъ. Затѣмъ они, еле волоча ноги, отправлялись въ залъ, внося туда съ собою легкій запахъ табаку и вина.

Балъ шелъ своимъ чередомъ, хотя и нѣсколько принужденно, какъ и всегда въ началѣ.

— Вы еще не разошлись... поддать пару слѣдуетъ!—ворчалъ хозяинъ съ видомъ знатока, приказывая разносить больше пуншу по разнымъ комнатамъ.

Альфредъ Беннехенъ былъ взволнованъ и велъ себя загадочно. На вопросъ, съ кѣмъ онъ танцуетъ слѣдующій танецъ, онъ отвѣчалъ уклончиво. Его пріятель, Хіортъ, все же подмѣтилъ, что на нѣкоторые танцы онъ никого не приглашалъ, точно кого-то поджидалъ.

Свирѣпый Гансъ, наконецъ, явился. Луиза, во время танцевъ, мелькомъ его видѣла. На блѣдномъ лицѣ его она

прочла свой приговоръ и чувствовала себя уничтоженной. Но юный кандидатъ Смитъ, съ которымъ она какъ разъ танцовала, разсказывалъ такія интересныя приключенія изъ своего путешествія пѣшкомъ на Іотунгеймъ, что она поминутно забывала свое удрученіе... И пока она не отыскала глазами своего жениха, совѣсть ея (такъ выразился бы самъ Гансъ) „дремала въ грѣховной увѣренности въ своей безопасности".

Но, когда танецъ кончился, она разыскала Каролину Гіельмъ, приходившуюся ея жениху родственницей, и стала умолять ее, именемъ ихъ дружбы, подойти къ Гансу и разъяснить ему, что ее принудили нарядиться, а также спросить, неужели онъ сердится на нее...

Эту деликатную миссію Каролина взяла на себя съ большою готовностью, такъ какъ вовсе не боялась кузена Ганса. Она нашла его въ библіотекѣ, перебирающимъ книги на полкѣ.

— Добрый вечеръ, Гансъ! Я принесла тебѣ привѣтъ отъ Луизы! Она спрашиваетъ, не протанцуешь ли ты съ нею?— сказала Каролина, присаживаясь, сдѣлавъ предварительно реверансъ.

Гансъ сначала пристально поглядѣлъ на нее маленькими, свѣтло-голубыми глазками, но, видя, что это не произвело на дѣвушку ни малѣйшаго впечатлѣнія, онъ спросилъ:

— Луиза дѣйствительно просила тебя это сказать?

— Ну, да. Почему же ты сомнѣваешься? Ты, можетъ быть, думаешь, что танцовать грѣшно? Клянусь тебѣ, что соборный священникъ сказалъ намъ при конфирмаціи: „танцуйте, не смущаясь, лишь бы сердце ваше было чисто". Ну, а у тебя вѣдь оно чисто, кузенъ Гансъ, не такъ-ли?

— Что съ тобой разговаривать, Каролина! Ты дитя суеты!

— Фу, Гансъ! какъ можешь ты такъ говорить! — обидѣлась Каролина:—понять не могу, какъ могъ ты понравиться такому милому созданію, какъ Луиза! Я бы не вышла за тебя, ни за что на свѣтѣ!

— Я постараюсь освободить Луизу изъ этого грѣховнаго дома.

— Фу, Гансъ, какой ты, право, оселъ!—проговорила неисправимая Каролина и ушла въ залу.

Наконецъ, явился министръ Беннехенъ, — высокій, красивый мужчина, гладко выбритый и румяный. Хозяинъ встрѣтилъ его въ прихожей и началъ съ нимъ носиться. Хотя они и были настолько хороши между собою, что зачастую съ глазу на глазъ негоціантъ обращался съ нимъ запросто, — но на балу, въ полномъ блескѣ своихъ орденовъ и дипломатической важности, министръ внушалъ къ себѣ почтеніе.

Кромѣ того, въ этотъ вечеръ, министръ былъ самымъ важнымъ гостемъ, настоящимъ свѣтиломъ пиршества, и маленькій, юркій Фалькъ-Ольсенъ буквально сіялъ, сопровождая именитаго гостя по заламъ.

Хозяйка дома сердечно привѣтствовала министра; затѣмъ онъ нѣкоторое время оставался среди пожилыхъ дамъ и былъ любезенъ. Послѣ того, во время перерыва между танцами, онъ прошелся по залѣ, поздоровался съ дочерьми хозяина и ушелъ въ кабинетъ Ольсена, гдѣ собрались избранные изъ выдающихся гостей.

Появленіе министра придало балу извѣстный колоритъ. До тѣхъ поръ гости Фалькъ-Ольсеновъ чувствовали себя такъ, точно у нихъ *„не хватало головы“*, — какъ выразился Дельфинъ; хозяинъ и хозяйки такъ мало значили для нихъ, что терялись въ общей кутерьмѣ; о нихъ почти не думали.

Но теперь, въ лицѣ министра, балъ получилъ извѣстную точку опоры: въ качествѣ интимнаго друга дома, онъ представлялъ изъ себя, такъ сказать, гарантію, какъ бы объявлялъ вполнѣ законными вновь испеченные блескъ и роскошь обстановки. Каждый изъ гостей почувствовалъ себя успокоеннымъ, что онъ дѣйствительно находится въ порядочномъ обществѣ и можетъ веселиться безо всякихъ угрызеній совѣсти.

Теперь только танцы повелись съ увлеченіемъ. Присяжные танцоры посмѣивались, усердно работая, а хозяинъ потиралъ руки и забылъ думать о консулѣ Линдѣ.

Какъ только Альфредъ увидѣлъ, что входитъ его отецъ, онъ проскользнулъ въ прихожую, надѣлъ пальто и ушелъ.

VII.

Христина сидѣла дома въ теплой комнатѣ и писала письмо своему отцу или, вѣрнѣе, лоцманскому старшинѣ, такъ какъ Ньэдель не умѣлъ читать писаное.

Дядя Андерсъ проводилъ министра до кареты и ушелъ, какъ и всегда по вечерамъ: у него было такъ много дѣла.

Дѣвушка сидѣла у стола и, задумавшись, пристально глядѣла на лампу, соображая, что бы еще написать, какъ вдругъ въ дверь постучались, и въ комнату вошелъ докторъ Беннехенъ.

— Извините! Мой отецъ поѣхалъ на балъ?—освѣдомился онъ.

— Да, сію минуту,—отвѣтила Христина.

— Жалко! Я было хотѣлъ ѣхать съ нимъ.

Милѣйшій докторъ совралъ: онъ стоялъ на углу улицы, ожидая, пока карета не отъѣдетъ.

Но, хотя онъ очутился у цѣли намѣченной интрижки, однако, не зналъ съ чего начать; вѣроятно, такъ и ушелъ бы, не сказавъ больше ни слова, если бы Христина не промолвила:

— Быть можетъ, карета вернется.

— Да, можетъ статься... Даже навѣрное!.. — обрадовался докторъ.

Оба представились, будто этому вѣрятъ, хотя прекрасно знали, что карета наемная; у министра былъ только одноконный фаэтонъ.

— Не желаете-ли пока присѣсть, подождать?—предложила Христина. Дядя Андерсъ уже настолько отшлифовалъ ее, что она говорила всѣмъ „вы“.

Докторъ поблагодарилъ и затворилъ за собою дверь.

Іоганнъ Беннехенъ напоминалъ отца, но въ немъ положительно не было ничего внушительнаго. Наоборотъ, онъ именно казался такимъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ, то есть, славнымъ, недалекимъ и весьма добродушнымъ малымъ; кромѣ того, онъ прихрамывалъ на лѣвую ногу.

Докторъ началъ болтать съ молодой дѣвушкой, стоя между дверью и столомъ. Онъ привыкъ къ обращенію со всякаго рода людьми, такъ что Христина хорошо его понимала. Между ними скоро завязался оживленный разговоръ о ея родинѣ, начались сравненія между деревней и городомъ и т. п.

Каждый разъ, что онъ говорилъ что-либо смѣшное, она наклоняла голову и смѣялась, при чемъ свѣтъ отъ лампы падалъ на ея роскошные, рыжеватые, вьющіеся волосы, унаслѣдованные ею отъ отца. Повидимому, онъ ей передалъ и свое богатырское сложеніе: плечи ея были широки, грудь высока и могуча, а когда она стояла, выпрямившись во весь ростъ, то была не ниже большинства мужчинъ.

На улицѣ стоялъ вѣтряный, холодный осенній вечеръ. Но въ комнатѣ были разостланы ковры, и въ печкѣ трещалъ привѣтливый огонекъ; все было такъ уютно и чисто.

У доктора подъ пальто былъ вечерній туалетъ. Онъ распахнулся и, въ концѣ концовъ, сѣлъ почти у самаго стола, прислонясь къ стѣнѣ.

Каждый разъ, заслышавъ стукъ колесъ, они говорили: „вотъ карета“! А когда экипажъ проѣзжалъ мимо, прибавляли: „нѣтъ, это не она“.

Вдругъ постучались, дверь отворилась, и Альфредъ, приплясывая, появился въ комнатѣ, восклицая:

— Добрый вечеръ!

Но когда онъ увидѣлъ брата, то сначала сильно смутился, а потомъ злобно разсмѣялся.

— Ай, ай! Tête à tête! Ужъ не больна ли фрейлейнъ Христина?

Христина, принявшая это за шутку, хотѣла было отвѣчать, но положительно испугалась, увидавъ мрачное лицо доктора.

— Я жду карету. Думалъ, вотъ-вотъ она вернется,—сказалъ онъ рѣзко.

— Предлогъ безподобенъ! Любовь дѣлаетъ человѣка изобрѣтательнымъ!—вскричалъ Альфредъ и закатилъ глаза.—Да? Ты ждешь карету? Какъ искусно придумано!

— Прошу не дѣлать такихъ намековъ, Альфредъ.

— Скажите, пожалуйста, онъ меня проситъ! Это не возбраняется: проси! Можетъ быть, и ты мнѣ разрѣшишь попросить тебя дать мнѣ болѣе правдоподобное объясненіе твоего присутствія здѣсь, въ такой часъ?

— А какое тебѣ дѣло до этого?

— Вотъ какъ! Слогъ дѣлается много проще. Я спрашиваю не ради себя. Я не нуждаюсь въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ (дѣло для меня и такъ ясно... яснѣе яснаго...)—онъ поочередно смотрѣлъ на присутствующихъ,—но, я знаю, мамѣ было бы интересно знать, почему ея первенецъ караулитъ домъ, когда всѣ прочіе отсутствуютъ.

— Я ничего не караулю! Берегись, Альфредъ!—вскричалъ Іоганнъ и сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Не станемъ же мы марать эту хижину нашей братской кровью!—сказалъ Альфредъ, злобно скаля зубы и ретируясь за стулъ.

Христина подошла было къ доктору и хотѣла что-то сказать. Онъ-же, весь блѣдный, обратился къ ней со словами:

— Не сердитесь! Прошу у васъ извиненія,—я не виноватъ въ этой выходкѣ. Покойной ночи! Пойдемъ, Альфредъ, намъ пора уходить.

— Намъ?—дерзко переспросилъ Альфредъ и сдѣлалъ видъ, будто хочетъ положить шляпу.

Но докторъ такъ крѣпко ухватилъ его за плечи, что возражать было уже нечего, и не успѣлъ Альфредъ опомниться, какъ очутился внѣ подвальнаго этажа на улицѣ.

Христина стояла и слушала, какъ братья прошли мимо ея оконъ. До нея долетѣло одно слово,—и она страшно поблѣднѣла, а на лѣвомъ вискѣ ея показалось красное пятно; то былъ шрамъ отъ ушиба, полученнаго въ ту ночь, когда лавина убила ея мать и сестеръ.

Братья шли, переругиваясь, до угла улицы, гдѣ разстались, не простившись другъ съ другомъ. Теперь Іоганну уже не хотѣлось идти на балъ, и онъ отправился на свою квартиру: онъ жилъ отдѣльно отъ родителей, такъ какъ

жена министра не желала встрѣчаться на лѣстницѣ съ его паціентами изъ простонародья.

Какъ разъ садились за столъ, когда Альфредъ вернулся на балъ.

— Гдѣ ты пропадалъ?—освѣдомился Хіортъ.

Альфредъ таинственно подмигнулъ,—въ отвѣтъ на что пріятель надавалъ ему толчковъ въ бокъ, сопровождаемыхъ различными шутливыми бранными прозвищами. Затѣмъ они протѣснились къ винному буфету, такъ какъ Хіортъ утверждалъ, будто Альфредъ очень нуждается въ подкрѣпленіи.

Накрыто было въ маленькой залѣ и въ прилегающихъ комнатахъ; сначала занялись ѣдою болѣе солидные мужчины и дамы, затѣмъ танцующія дамы разрѣшили кавалерамъ услужить имъ, но не успѣли онѣ и наполовину утолить свой аппетитъ, какъ любезные молодые люди, сообразуясь съ собственнымъ разсчетомъ, уже начали толпиться у столовъ, какъ густой рой мухъ, перелетая отъ одного стола къ другому, набрасываясь на блюда и тарелки, нюхая, роясь, жуя, хлебая, поглощая,—все это молча, подъ стукъ ножей и вилокъ, дѣйствуя, точно одна сложная машина для уничтоженія съѣстныхъ припасовъ, пущенная въ ходъ.

Юный застѣнчивый студентъ Ганзенъ раздобылъ бутылку хересу; мигомъ протянулись къ нему руки со стаканами,— и простодушный студентъ все наливалъ да наливалъ, пока бутылка не опустѣла,—такъ что его собственный стаканъ остался пустымъ.

Надъ этимъ отъ души похохотали, но не долго: времени терять было некогда.

Фаршированная телячья голова, пирожки въ пикантномъ соусѣ, рыбныя клецки, черепаха, паштеты, сальме изъ дичи съ жаренымъ молодымъ картофелемъ, — все исчезало, какъ по волшебству. Кузенъ Гансъ помѣстился у мясного пуддинга со спаржей и не трогался съ мѣста, не обращая вниманія на толчки въ спину. Рядомъ съ нимъ стоялъ кандидатъ Смитъ, съ аппетитомъ, который онъ, вѣроятно, принесъ съ собой изъ Іотунгейма: онъ ѣлъ мясной рулетъ чайной ложкой и поклялся, что не пойдетъ за вилкой, пока не уничтожитъ послѣдній шампиньонъ соуса.

Хіортъ и Беннехенъ устроились похитрѣе: они заняли постъ у дверей, откуда слуги приносили кушанья, и отважно накидывались на появлявшіяся блюда; съ добычей шли они въ курительную комнату, гдѣ и поѣдали свои порціи, а такъ же роспили пару бутылокъ, спрятанныхъ ими за портьеру

Важные гости нашли себѣ мѣсто въ „собственномъ кабинетѣ“ хозяина, гдѣ имъ и прислуживали отдѣльно. Тамъ, между дамами, проявлялъ свою дѣятельность Дельфинъ; а въ

залѣ прохаживалась парочка молодыхъ дѣвицъ, которыя одинаково презирали и ѣду, и тѣхъ, кто ѣлъ.

Мало по малу дамы покончили съ ужиномъ, и рой черныхъ мухъ заработалъ щупальцами на дамскихъ столахъ, въ маленькомъ залѣ, гдѣ еще двѣ запоздавшія пожилыя дамы разнюхивали, не осталось ли головокъ спаржи или бѣленкихъ кусочковъ цыпленка.

Хозяйка, хотя и знала, что всего было вдоволь, но испытывала тревогу, при видѣ неугомоннаго роя,—и одинъ изъ молодыхъ людей, стоявшій недалеко отъ нея, услыхалъ, какъ она сказала:

— Боже мой! Можно подумать, что вся ѣда проваливается въ бездонную кадку!

Фрау Фалькъ-Ольсенъ употребляла иногда вульгарныя выраженія, въ особенности, когда бывала взволнована. Это былъ родъ лингвистическаго рецидива.

Изъ кабинета хозяина слышались шумъ и говоръ, каждый разъ, какъ лакей пріотворялъ дверь. Хіортъ и Беннехенъ, ужинавшіе въ сосѣдней комнатѣ, схватывали на лету отрывки разговоровъ; повидимому, тамъ шелъ споръ о политикѣ.

— Фалькъ-Ольсенъ всетаки скотъ, какъ его ни обтесывай!—рѣшилъ Беннехенъ между двумя глотками:—совсѣмъ не умѣетъ пригласить кого слѣдуетъ!

— Что ты?—возразилъ Хіортъ:—да сегодня у него весь свѣтъ!

— Болванъ! Простофиля! Въ этомъ-то и есть его ошибка, что онъ сплошь приглашаетъ всякую шушеру! Ты можешь сообразить, какъ непріятно моему отцу сталкиваться со всякими крикунами, которые здѣсь собираются!

— Объ этомъ я, дѣйствительно, не подумалъ!—глубокомысленно произнесъ Хіортъ.

— Третьяго дня я слышалъ, какъ отецъ сказалъ Фалькъ-Ольсену: „если вы не хотите принимать извѣстную партію, то...“

— То что?—съ любопытствомъ спросилъ Хіортъ и нагнулся поближе.

— И болванъ же ты, Іона! Онъ ничего больше не сказалъ. Твое дѣло понять, что это значитъ.

— Ну, да! Разумѣется! Гм... Конечно, чортъ возьми! Такъ министръ и сказалъ?—Хіортъ многозначительно усмѣхнулся и лукаво подмигнулъ пріятелю.

Послѣ ужина оркестръ заигралъ кадриль изъ „Маленькаго герцога“.

Танецъ этотъ прошелъ чрезвычайно оживленно: сходство съ каменщиками испарилось.

Веселая музыка волновала танцующимъ кровь, и безъ того игравшую отъ вина и ѣды. Кандидатъ Смитъ напѣвалъ по-французски припѣвъ изъ оперетки: онъ слышалъ его отъ одного знакомаго, пріѣхавшаго изъ Парижа.

Каролина Гіельмъ, его дама, пристала къ нему не на шутку, желая узнать, что такое онъ поетъ. Но онъ стоялъ на томъ, что припѣвъ не поддается переводу... Каролина-же задорно увѣряла его, что она не изъ очень щепетильныхъ и многое можетъ выслушать. Кончилось тѣмъ, что онъ все продолжалъ напѣвать, до тѣхъ поръ, пока она не объявила ему, что и такъ все поняла.

Французскую кадриль Дельфинъ долженъ былъ танцовать съ Гильдой Беннехенъ; онъ почти уже позабылъ, изъ какихъ разсчетовъ пригласилъ ее, и поэтому въ первой фигурѣ относился къ ней нѣсколько небрежно, болтая больше съ фрау Гіельмъ, сидѣвшей въ дверяхъ, позади танцующихъ паръ. Гильда Беннехенъ тотчасъ же это замѣтила, и ей стало до боли обидно. Цѣлый вечеръ она ждала этого танца, не то съ радостью, не то со страхомъ.

У нихъ въ домѣ камергеръ бывалъ съ нею всегда привѣтливъ, съ оттѣнкомъ снисхожденія, какъ къ ребенку; но вѣдь онъ знавалъ ее еще дѣвочкой, до ея конфирмаціи. Часто она думала, какъ было бы весело танцовать съ нимъ. И вотъ теперь разочаровалась. Приходили ей въ голову всѣ колкія словечки подругъ,—и она пришла къ заключенію, что лучше бы онъ ея не приглашалъ.

Во время третьей фигуры онъ, однако, задалъ ей нѣсколько вопросовъ; отвѣчая, она смотрѣла на него въ упоръ, и глаза ея привлекли его вниманіе. „Вотъ такъ глаза!“ — подумалъ онъ.

Послѣ этого открытія, онъ сталъ разговаривать съ ней оживленнѣе, чтобъ она почаще глядѣла на него вверхъ. Взглядъ карихъ глазъ былъ простодушенъ и ясенъ, и каждый разъ, какъ Дельфинъ говорилъ что-нибудь забавное или остроумное, некрасивое лицо оживлялось и становилось привлекательнымъ.

Когда танецъ кончился, онъ сказалъ:

— Неужели все, милѣйшая фрейлейнъ?.. А мнѣ кажется, мы протанцовали не больше четырехъ фигуръ!

Она подозрительно посмотрѣла на него и затѣмъ со смѣхомъ отвѣчала:

— Это потому, что первыя двѣ фигуры вы протанцовали съ фрау Гіельмъ.

Георгъ Дельфинъ умѣлъ оцѣнить мѣткій отвѣтъ. Онъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на дѣвушку, — но тутъ подоспѣла

другая пара и заговорила съ ними; подошли еще, и образовалась около нихъ группа.

Всетаки камергеръ, покидая свою даму, выпросилъ у нея первую кадриль послѣ ужина на время всѣхъ предстоящихъ въ этомъ сезонѣ баловъ.

Теперь балъ шелъ на всѣхъ парахъ. Танцы велись съ такимъ увлеченіемъ и веселостью, что никто бы не повѣрилъ, что это тѣ-же „каменщики“ перваго вальса. Воодушевленіе достигло высшихъ предѣловъ, когда вскорѣ послѣ полуночи были поданы дессертъ и шампанское.

При этомъ случаѣ министръ всегда держалъ хозяевамъ рѣчь, — краткую дипломатическую рѣчь, безъ всякаго цвѣтистаго набора словъ. Такія умѣренныя рѣчи министръ говорилъ охотно, соразмѣряя подъ тонъ умѣренности и жесты, и улыбки.

Къ дамамъ обратился юный поэтъ, издавшій недавно томъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Пылающія строки“. Тостъ былъ тоже въ стихахъ и удостоился большого одобренія, хотя дамы и нашли, что онъ слишкомъ наводитъ грусть.

Но тутъ неожиданно, къ ужасу своихъ друзей, выступилъ бѣлокурый кандидатъ Смитъ съ блестящимъ описаніемъ Іотунгейма. Навѣки осталось невыясненнымъ, что подвинуло его на этотъ шагъ—вино или любовь,—но одно достовѣрно, что самая рѣчь могла дать поводъ для самыхъ разнообразныхъ догадокъ, такъ какъ въ то время, какъ слушатели находились высоко—высоко въ горахъ (ораторъ даже не поскупился на вычисленіе сотенъ футовъ)—между безднами и глетчерами,—вдругъ упомянуто было про чудные глаза и фигуру эльфа... Нѣкоторые впослѣдствіи утверждали, что намекъ былъ на Каролину Гіельмъ.

Какъ бы то не было, рѣчь длилась бы, вѣроятно, безъ конца (подобно тому, какъ въ сказкѣ говорится, что если она не кончена, то продолжается и до сегодняшняго дня),—если-бъ долговязый, робкій студентъ, Ганзенъ, не взвился внезапно со стула, какъ блѣдная ракета, и не воскликнулъ во всеуслышаніе:

— Да здравствуетъ Іотунгеймъ!

Среди разразившагося хохота тостъ былъ сочтенъ окончившимся, къ великой досадѣ оратора.

Но у студента Ганзена возбужденіе приняло опасное направленіе: когда онъ завладѣлъ бутылкой портвейна, то рѣшилъ, что его ужъ больше не проведутъ, и, усѣвшись за столъ, уставленный цвѣтами, опрокидывалъ въ себя стаканъ за стаканомъ. Но портвейнъ оказался еще злонравнѣе студента Ганзена, который, неумѣренно задравъ голову, запа-

Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей.

Жюль Гэдъ.

Одинъ изъ американскихъ техническихъ журналовъ, говоря о быстротѣ, съ какой современная крупная промышленность преобразуетъ сырой матеріалъ, доставляемый природой, въ окончательно отдѣланный фабрикатъ, не безъ гордости сообщалъ своимъ читателямъ, что технологія нашихъ дней вмѣшивается даже въ естественные процессы и крайне ускоряетъ ихъ. Такъ, напр.,—продолжалъ все тотъ же журналъ, — въ то время, какъ раньше надо было высушивать и дубить мѣсяцами, чуть не годами сырыя кожи прежде, чѣмъ употребить ихъ какъ сапожный товаръ, теперь, благодаря научному примѣненію химическихъ процессовъ, теплоты и электричества, все это требуетъ едва нѣсколькихъ дней. И, можетъ быть, тотъ самый быкъ, который недѣлю тому назадъ носился по необозримымъ пампасамъ Ла-Платы, уже попираетъ, въ видѣ подошвы сапога, асфальтовый тротуаръ какого-нибудь громаднаго города. Пламенный пѣвецъ успѣховъ современной технологіи усматривалъ лишь одну темную точку на свѣтломъ фонѣ индустріальнаго волшебства нашихъ дней: необыкновенно интенсивный процессъ искусственной обработки разрушаетъ органическія клѣтки кожи; а потому теперешняя „электризованная“ подошва изнашивается гораздо быстрѣе, чѣмъ честная патріархальная подошва прежнихъ дней, которая высыхала и дубилась постепенно, согласно законамъ естества. И задача современной технологіи,—заключалъ авторъ исполненной промышленнаго энтузіазма статьи, — состоитъ въ томъ, чтобы устранить этотъ послѣдній недостатокъ чисто технической операціи, пасующей передъ естественнымъ процессомъ по части прочности своихъ продуктовъ...

Эта статья вспоминается мнѣ всякій разъ, когда приходится думать о психологіи различныхъ типовъ политическихъ дѣятелей. Прошу читателя не особенно скандализироваться той ассоціаціей идей, которая соединяетъ у меня представленіе о такой низмен-

ной вещи, какъ подошва, съ представленіемъ о столь важномъ и въ своемъ родѣ единственномъ продуктѣ, какимъ является человѣкъ, и при томъ человѣкъ, болѣе или менѣе сознательно участвующій въ исторической жизни своей страны.

...Si parva licet componere magnis, „если позволено сравнивать малое съ великимъ", по выраженію старика Виргилія, то моя ассоціація идей не покажется столь чудовищной, какъ можно подумать съ перваго взгляда: стоитъ только указать на пунктъ сравненія. Я полагаю именно, что прочность убѣжденій и стойкость поведенія политическихъ дѣятелей зависитъ въ сильной степени, помимо ихъ природнаго характера, еще и отъ того, насколько рано они восприняли основы своего міровоззрѣнія и насколько они сумѣли, съ самаго же начала, окружить себя обстановкой, гармонирующей съ ихъ общими идеями. Какъ „электризованная" кожа быстро оказывается годной для употребленія лишь насчетъ своей прочности, такъ и человѣкъ, сравнительно поздно и сразу ставшій на новую точку зрѣнія, обнаруживаетъ извѣстные изъяны въ своей духовной физіономіи, не смотря на блескъ и красоту своихъ первыхъ дѣйствій на пути въ Дамаскъ. Съ другой стороны, какъ естественные процессы, опредѣляющіе постепенныя измѣненія въ сыромъ матеріалѣ, придаютъ ему, въ концѣ концовъ, особую прочность, такъ и ранняя и неуклонная выработка общаго міровоззрѣнія среди подходящихъ условій кладетъ на человѣка, прошедшаго черезъ такую умственную и нравственную школу, отпечатокъ рѣдкой цѣльности и стойкости. Не нужно лишь, дѣлая это сравненіе, придавать чрезмѣрное значеніе второстепеннымъ взглядамъ, но слѣдуетъ оставаться въ предѣлахъ центральнаго идейнаго пункта: рѣчь идетъ не о всегда возможныхъ измѣненіяхъ частныхъ сторонъ общаго міросозерцанія, но о сути его. И съ этой болѣе широкой точки зрѣнія справедливость сдѣланнаго мною умышленно грубаго уподобленія должна быть признана всякимъ мало-мальски внимательнымъ наблюдателемъ человѣческой души.

Въ прошломъ своемъ этюдѣ, разбирая эффектную и сложную личность Жорэса, я указалъ, какъ сравнительно поздно и гораздо болѣе быстро, чѣмъ то кажется самому главѣ парламентарныхъ соціалистовъ, онъ подвергся воздѣйствію „электризаціи" соціалистическаго міровоззрѣнія. И какъ, кромѣ того, находясь въ неблагопріятной личной обстановкѣ, и подъ давленіемъ запутанныхъ политическихъ обстоятельствъ, онъ, нѣсколько лѣтъ спустя, совершилъ движеніе назадъ, правда, не дойдя до своего начальнаго буржуазно-демократическаго міросозерцанія, но остановившись на полпути: строго эволюціонномъ соціализмѣ и „сотрудничествѣ классовъ". На сей разъ я постараюсь изобразить личность и дѣятельность Гэда, съ самаго пробужденія къ сознательной жизни постоянно находившагося въ предѣлахъ одного общаго

міровоззрѣнія, которое можно характеризовать какъ активное трудовое міровоззрѣніе и которое придаетъ цѣльность его политической дѣятельности, — былъ ли онъ (при самомъ началѣ ея) анархистомъ, или (во все послѣдующее время) марксистомъ. Психологическое различіе этихъ двухъ типовъ мнѣ представляется, такимъ образомъ, прежде всего различіемъ между рано начавшимся, глубокимъ и безпрестаннымъ проникновеніемъ Гэда извѣстными, рѣзко опредѣленными, взглядами и между сравнительно позднимъ и быстрымъ воздѣйствіемъ на Жорэса нѣсколько смутнаго, но могучаго идеала новой жизни, охватившаго временно все существо его огнемъ философскаго и эстетически-нравственнаго энтузіазма, но впослѣдствіи ущербленнаго мѣстами вторженіемъ прежнихъ идейныхъ элементовъ буржуазной среды и воспитанія.

Было бы лишнимъ объяснять подробно, почему у насъ почти нѣтъ данныхъ о чисто личной жизни Гэда. Его біографія до такой степени тѣсно переплетается на каждомъ шагу съ исторіей партіи, получившей отъ него свое имя, что личное существованіе этого фанатика идеи отходитъ совершенно на задній планъ. Вы можете найти нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія біографическаго характера въ безчисленныхъ статьяхъ о немъ друзей и враговъ. Но этотъ разбросанный матеріалъ затерянъ въ литературѣ, исключительно посвященной Гэду, какъ политическому дѣятелю. Съ другой стороны, у этого высокомѣрнаго и авторитарнаго человѣка партіи всегда было развито чувство деликатности и такта, препятствовавшее ему посвящать публику въ подробности личной жизни, которую съ такимъ самодовольствомъ выставляютъ на восхищеніе своихъ поклонниковъ типичныя „знаменитости“ буржуазнаго лагеря. Гэдъ, видимо, хочетъ остаться для публики исключительно представителемъ извѣстнаго теоретическаго и практическаго направленія: такимъ должны обрисовать его, главнымъ образомъ, и мы, касаясь нѣкоторыхъ личныхъ сторонъ его существованія лишь постольку, поскольку это абсолютно необходимо въ біографическомъ этюдѣ.

Жюль Гэдъ родился 11-го ноября 1845 г. въ Парижѣ. Ему, такимъ образомъ, совсѣмъ недавно пошелъ 60-й годъ. Замѣтимъ, что имя, подъ которымъ онъ пріобрѣлъ широкую извѣстность, не есть собственно его легальное имя. Онъ записанъ въ меріи при рожденіи какъ Матьё-Жюль Базиль: Базиль — фамилія его отца. Но у французовъ сильно распространенъ обычай выступать въ общественной жизни подъ полу-псевдонимами и псевдонимами. И въ ранней молодости будущій агитаторъ началъ называть себя Жюлемъ Гэдомъ: Гэдъ была дѣвичья фамилія его матери. Если правильно замѣчаніе людей, изучавшихъ коллективную психологію, что для успѣха на общественномъ поприщѣ важно

даже имя дѣятеля, то Жюль Гэдъ очень удачно выбралъ свое: эти два короткія и жесткія слова, какъ ударъ хлыста, останавливали на себѣ вниманіе толпы и какъ нельзя болѣе подходили къ рѣзкой, угловатой, энергичной фигурѣ человѣка, которому суждено было стать главою партіи.

Отецъ Гэда былъ учителемъ въ небольшомъ пансіонѣ и самъ занимался воспитаніемъ сына, съ юныхъ лѣтъ обнаружившаго блестящія способности и необыкновенную живость темперамента. Занятія отца съ молодымъ Гэдомъ шли, дѣйствительно, такъ успѣшно, что мальчикъ въ 16 лѣтъ уже выдержалъ экзаменъ на баккалавра (нашъ аттестатъ зрѣлости). Отцомъ были заложены въ немъ начала непримиримаго республиканства. А крайне стѣсненныя матеріальныя условія семьи съ самой ранней молодости бросили его въ ряды трудящагося человѣчества, заставивъ его зарабатывать, тотчасъ же по окончаніи гимназическаго курса, кусокъ насущнаго хлѣба. Подобно Рошфору, подобно многимъ другимъ французскимъ знаменитостямъ, онъ нѣкоторое время занималъ мѣсто мелкаго служащаго въ городской администраціи. Но его скоро потянуло къ общественной дѣятельности, и 20-лѣтнимъ юношей онъ берется за перо журналиста, чтобы съ своею обычною страстностью и рѣзкостью вести кампанію противъ Второй имперіи.

Режимъ декабрьской ночи со средины 60-хъ годовъ сталъ клониться къ упадку. Въ воздухѣ слегка запахло весной „либеральной имперіи"; и появились уже кой-какія ласточки, предвѣщавшія ее, въ родѣ сулившаго реформы декрета 19-го января 1867 г. Рабочіе все меньше и меньше поддавались на удочку экономическихъ благодѣяній, которыя, согласно оффиціальнымъ бардамъ имперіи, должны будутъ пролиться на пролетаріатъ изъ цезаристскаго рога изобилія, какъ только трудящіяся массы станутъ заниматься исключительно улучшеніемъ своего матеріальнаго быта подъ эгидой мудраго и добраго монарха и повернутся спиной къ политическимъ агитаторамъ. Французскіе члены интернаціонала, служа въ теченіе трехъ лѣтъ предметомъ заигрыванія со стороны правительства Наполеона III, рѣшительно отказались отъ всякаго императорскаго покровительства, за что рыцари декабрьской ночи возбудили противъ нихъ преслѣдованіе какъ разъ въ любимомъ ими, для совершенія преступленій противъ свободы, мѣсяцѣ декабрѣ (1867 г.) *). Съ другой стороны, общественная реакція уступила мѣсто живому свободолюбивому движенію, придавая тѣмъ болѣе ненавистный характеръ продолжавшейся уже чисто правительственной реакціи. Студенчество въ частности перестало культивировать изящный индифферентизмъ,

*) См. интересную въ общемъ книгу Вейля: Georges Weill, *Histoire du mouvement social en France* (1852—1902); Парижъ, 1905 г., стр. 109 и слѣд.

увлекаться искусствомъ для искусства и соединять безъидейное времяпрепровожденіе золотой молодежи съ самымъ низменнымъ молчалинствомъ. Къ нему уже было бы анахронизмомъ обращаться съ пламенными упреками, которые бросалъ по праву въ лицо студенчеству конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ молодой безвременно умершій студентъ же Жакъ Ришаръ, обнаружившій выдающійся поэтическій талантъ какъ разъ въ своей негодующей „Одѣ къ молодежи":

По закону смѣны поколѣній, дэнди-индифферентисты и поклонники шумной и развратной имперіи уступили во второй половинѣ 60-хъ годовъ мѣсто той идейной и пылкой молодежи, въ которой борцы 1830 и 1848 гг. могли бы дѣйствительно привѣтствовать своихъ дѣтей. Стали раздаваться все чаще и чаще, не смотря на правительственный запретъ, и звуки марсельзы. Между умственными и физическими работниками начали создаваться узы взаимной симпатіи и солидарности. Въ этой-то наэлектризованной приближавшимися бурями атмосферѣ конца имперіи и пробуждался къ сознательной жизни молодой Гэдъ, впитывая въ себя основные элементы того міровоззрѣнія, которому въ общихъ чертахъ онъ останется вѣренъ въ теченіе всей своей жизни, не смотря на измѣненія въ нѣкоторыхъ—если и важныхъ, то все же второстепенныхъ взглядахъ. Гэдъ дебютировалъ, какъ литераторъ, лѣтомъ (22-го іюня) 1868 г. въ «Le Courrier français», газетѣ, издававшейся Верморелемъ и старавшейся подчеркивать вопросы труда и соціализма предпочтительно передъ чисто политическими вопросами, возбуждая недовѣріе въ чисто буржуазной оппозиціи. Кстати сказать, его сотоварищемъ въ этомъ органѣ былъ Ивъ-Гюйо, будущій ренегатъ не только соціализма, но и радикализма, будущій министръ общественныхъ работъ въ кабинетахъ Тирара и Фрейсинэ, ожесточенный врагъ коллективизма и т. п. Такихъ первоначальныхъ товарищей придется, впрочемъ, много растерять Гэду по дорогѣ своего идеала, въ особенности, когда сложится окончательно его міровоззрѣніе.

Въ 1870—1871 гг. мы видимъ Гэда въ Монпеллье редакторомъ газеты „Les Droits de l'Homme", въ которой участвовали, кромѣ того, Баллю, впослѣдствіи радикальный депутатъ Ліона, Фабрегэттъ, ставшій первымъ предсѣдателемъ апелляціоннаго суда въ Тулузѣ, и Жираръ, получившій позже профессорскую каѳедру на юридическомъ факультетѣ университета города Монпеллье. Только что названный Ивъ-Гюйо былъ парижскимъ корреспондентомъ газеты. Всѣ эти сотрудники (кромѣ Жирара, писавшаго подъ псевдонимомъ Жербье) скоро разошлись съ Гэдомъ изъ за революціоннаго характера его статей. По поводу объявленія войны Германіи Гэдъ, дѣйствительно, написалъ страстную статью, приглашая своихъ соотечественниковъ не отвлекаться отъ борьбы съ правительствомъ внѣшней диверсіей, а низвергнуть имперію.

За это онъ былъ приговоренъ судомъ къ 6-мѣсячному заключенію. Замѣна бонапартистскаго режима третьей республикой открыла Гэду двери тюрьмы до окончанія срока. Но жаркая защита имъ парижской коммуны и попытка втянуть населеніе юга въ борьбу противъ версальскаго правительства во имя коммунальной автономіи вызвали серьезныя репрессаліи центральной власти. И за тѣ самыя статьи, которыя послужили Баллю предлогомъ выйти изъ редакціи «Les Droits de l'Homme», Гэдъ былъ осужденъ на 5 лѣтъ тюрьмы.

Онъ рѣшается пробыть весь этотъ срокъ за границей, чтобы получить такимъ образомъ возможность потомъ свободно вернуться во Францію (согласно юридической давности за преступленія этого рода). И вотъ въ 1871 г. Гэдъ появляется въ Швейцаріи, поселяется въ Женевѣ и уходитъ съ головой въ политическую агитацію. Съ одной стороны, онъ печатаетъ искусно составленную „Кровавую книгу деревенщицкой юстиціи, или документы по исторіи республики безъ республиканцевъ“ (*Le livre rouge de la justice rurale. Documents pour servir a l'histoire d'une République sans républicains*), сборникъ цитатъ, извлеченныхъ исключительно изъ реакціонныхъ французскихъ и иностранныхъ газетъ, и, однако, ярко рисующихъ жестокость подавленія, пущеннаго въ ходъ „деревенщицкимъ“ національнымъ собраніемъ. Съ другой стороны, онъ вступаетъ членомъ въ интернаціоналъ и основываетъ одну секцію, примыкающую къ этому обществу. То была эпоха, когда доживавшій свой вѣкъ старый интернаціоналъ раздирался ожесточенной борьбой между бакунистами, стоявшими за автономію и федерацію секцій, и между марксистами, защищавшими начало дисциплины и централизаціи. Гэдъ не сталъ собственно ни на ту, ни на другую сторону, хотя его симпатіи шли въ это время, несомнѣнно, къ анархическому идеалу организаціи. Такъ, въ ноябрѣ 1871 г. онъ участвовалъ въ качествѣ делегата отъ своей секціи на конгрессѣ въ Сонвиллье (Sonvillier—небольшой центръ часового производства въ Бернскомъ кантонѣ), былъ однимъ изъ двухъ секретарей этого конгресса, на которомъ было рѣшено основать такъ называемую юрскую федерацію, и подписалъ, вмѣстѣ съ другими делегатами, „Циркуляръ ко всѣмъ федераціямъ Международнаго Общества рабочихъ“, циркуляръ, заканчивавшійся слѣдующими словами:

„Интернаціоналъ, этотъ зародышъ будущаго человѣческаго общежитія, уже отнынѣ долженъ служить вѣрнымъ отраженіемъ нашихъ принциповъ свободы и федераціи и выбросить изъ своихъ нѣдръ всякій принципъ тяготѣнія къ авторитету и диктатурѣ“ *).

Съ другой стороны, Гэдъ вмѣстѣ со своею секціей высказался

*) Цитировано въ полемической анархистской брошюрѣ: Emile Pouget, *Variations Guesdistes recueillies et annotées*; Парижъ (1897 г.), стр. 7.

за верховную власть интернаціонала, представляемаго общимъ конгрессомъ, т. е., значитъ, допустилъ начало управленія большинствомъ, и лишь упрекалъ генеральный совѣтъ интернаціонала въ томъ, что онъ мѣшаетъ рабочимъ

организоваться въ каждой странѣ свободно и по собственной иниціативѣ (spontanément), согласно ихъ особенностямъ характера и свойственнымъ имъ привычкамъ *).

Нѣсколько лѣтъ спустя, по возвращеніи во Францію, Гэдъ останется по прежнему апостоломъ активнаго міровоззрѣнія труда. Но ироніи судьбы угодно будетъ, оставивъ ему эту революціонность взглядовъ, превратить его къ тому времени въ пламеннаго проповѣдника идей, значительно приближавшихся къ марксистскимъ, а вскорѣ заставить его сойтись съ самимъ Марксомъ, его зятемъ Лангаргомъ, — словомъ, его бывшими врагами и стать однимъ изъ самыхъ главныхъ, если не самымъ главнымъ проповѣдникомъ французскаго марксизма. Какъ совершился въ Гэдѣ этотъ переворотъ? На этотъ счетъ были высказаны два мнѣнія. Одно изъ нихъ утверждаетъ, что Гэдъ лишь по возвращеніи во Францію сталъ марксистомъ подъ вліяніемъ начавшихъ къ тому времени распространяться здѣсь идей автора „Капитала". Другое,—мнѣніе его ближайшихъ учениковъ и поклонниковъ,—это, что Гэдъ ко второй половинѣ 70-хъ годовъ уже самъ додумался до теоріи „историческаго матеріализма", и что изученіе Маркса было въ большинствѣ случаевъ для него лишь подсобнымъ орудіемъ выработки въ деталяхъ уже вполнѣ сложившагося въ общихъ чертахъ міросозерцанія. Насколько мнѣ приходилось слышать отъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ идейной эволюціей Гэда, истина лежитъ, какъ то часто бываетъ, посрединѣ между двумя только что упомянутыми мнѣніями, хотя ближе къ послѣднему, которое нуждается лишь въ извѣстной поправкѣ, чтобы совсѣмъ совпасть съ дѣйствительнымъ ходомъ умственнаго процесса, приведшаго Гэда къ марксизму.

Прежде всего придется сказать, что въ міровоззрѣніи не только Гэда, но и значительнаго числа федералистически настроенныхъ членовъ интернаціонала мысль о преобладающемъ значеніи экономическихъ отношеній въ общественной структурѣ пользовалась большой популярностью. Напомню лишь мотивировку тре-

---

*) См. письмо Гэда отъ 22-го сентября 1872 г. въ извѣстной брошюрѣ Генеральнаго совѣта: *L'alliance de la démocratie socialiste et l'Association internationale des Travailleurs*; Лондонъ—Габмургъ, 1873, стр. 50.—Брошюра эта, третирующая Гэда чуть не какъ шпіона Версальскаго правительства (стр. 51), инспирирована Марксомъ и написана Полемъ Лафаргомъ на основаніи документовъ, собранныхъ отчасти (для Россіи и Швейцаріи) Николаемъ Утинымъ.

бованій, служащую введеніемъ къ уставу самаго общества (основаннаго 28-го сентября 1864 г.).

Принимая во вниманіе:

Что освобожденіе рабочаго класса должно быть завоевано самимъ рабочимъ классомъ.

Что борьба за освобожденіе рабочаго класса не есть борьба за классовыя привелегіи и монополіи, но за равныя права и обязанности и за уничтоженіе всякаго классового господства.

Что экономическое порабощеніе рабочаго собственникомъ орудій труда, т. е. самыхъ источниковъ жизни, лежитъ въ основаніи всѣхъ формъ гнета,—общественной нищеты, умственнаго прозябанія и политической зависимости.

Что экономическое освобожденіе рабочаго класса является поэтому великой цѣлью, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство, и т. д. *).

Съ этой мотивировкой, хотя и носившей сильный отпечатокъ взглядовъ Маркса,—который, какъ извѣстно, былъ самымъ главнымъ изъ основателей интернаціонала,—съ этой мотивировкой были согласны почти всѣ члены общества, не исключая и анархистовъ. У послѣднихъ формулировка экономическаго освобожденія, какъ цѣли, и политическаго движенія, какъ подчиненнаго средства, вела даже къ роковому недоразумѣнію: они совсѣмъ отрицали всякую собственно такъ называемую политическую дѣятельность, если только не разумѣть подъ нею фантастическаго требованія немедленно же разрушить государство. Но, повторяемъ, центральная роль отношеній производства въ человѣческомъ обществѣ признавалась въ это время значительнымъ большинствомъ соціалистовъ. Сами послѣдователи Прудона, слѣдуя своему учителю, считали необходимымъ условіемъ водворенія „анархіи“ „раствореніе правительства въ экономическомъ организмѣ“ **),—процессъ, который, несомнѣнно, предполагаетъ признаніе экономики основнымъ общественнымъ факторомъ.

Съ другой стороны, прудонизмъ не былъ такъ далекъ и отъ теоріи борьбы классовъ, составляющей суть ученія Маркса, какъ это, напр., зачастую приходится слышать отъ крайнихъ марксистовъ, не дающихъ себѣ порою даже труда освѣжить въ памяти сочиненія Прудона. Читайте хотя бы его посмертный трудъ о „политической правоспособности рабочихъ классовъ“, гдѣ авторъ, оцѣнивая знаменитый въ свое время „Манифестъ шестидесяти“ парижскихъ рабочихъ, вполнѣ одобряетъ ихъ тактику выступать на выборахъ отдѣльнымъ классомъ и, по обыкновенію

*) Цитирую по подробному нѣмецкому тексту, приводимому въ статьѣ „Internationale Arbeiter—Association“ словаря: Carl Stegmann und C. Hugo, *Handbuch des Socialismus*; Цюрихъ, 1897, стр. 341.

**) Весь седьмой этюдъ, напр., въ прудоновской „общей идеѣ о революціи въ XIX-мъ вѣкѣ“ занятъ доказательствомъ этой мысли. См. P. J. Proudhon, *Idée générale de la Révolution au XIX-e siècle*; Paris, 1851, стр. 277—333.

страстно и энергично, доказываетъ дѣленіе современнаго общества на два класса. Зло иронизируя насъ затасканной либеральными буржуа фразой „съ 1789 г. у насъ нѣтъ больше классовъ", Прудонъ бросаетъ имъ въ лицо рядъ негодующихъ вопросовъ:

Какъ! значитъ, неправда, что, не смотря на революцію 1789 г. или скорѣе благодаря самому факту этой революціи, французское общество, прежде состоявшее изъ трехъ кастъ, оказалось, послѣ ночи 4 августа, раздѣленнымъ на два класса, одинъ изъ которыхъ живетъ исключительно своимъ трудомъ... а другой живетъ иною вещью, чѣмъ трудъ, даже когда и работаетъ, живетъ доходомъ отъ своей собственности и капиталовъ, арендами, пенсіями, вспособленіями, акціями, окладами, почестями и прибылями? Неправда, что съ точки зрѣнія этого распредѣленія капиталовъ, работъ, привилегій и продуктовъ, среди насъ существуютъ, какъ и прежде, но уже совсѣмъ въ другомъ масштабѣ, двѣ категоріи гражданъ, называющіяся въ просторѣчіи *буржуазіей и чернью, капитализмомъ и наемнымъ трудомъ?* Неправда, что эти двѣ категоріи людей, нѣкогда соединенныя и почти слитыя феодальными узами патроната, въ настоящее время раздѣлены глубокою пропастью и не имѣютъ другихъ отношеній между собою, кромѣ тѣхъ, которыя опредѣляются... статьями гражданскаго кодекса, касающимися *договора о наймѣ труда?* Но, вѣдь вся наша политика, вся наша общественная экономія, наша промышленная организація, наша современная исторія, наконецъ, сама литература покоятся на этомъ неизбѣжномъ различіи, отрицать которое въ состояніи лишь недобросовѣстность и глупое лицемѣріе *).

Не забудемъ, что Прудонъ очень ясно говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ о „сознаніи", о „кооперативномъ сознаніи", которое долженъ выработать и уже вырабатываетъ рабочій классъ, отграничивая себя отъ буржуазіи и противополагаясь ей. Такимъ образомъ, и значеніе экономики, и значеніе классовой борьбы были далеко не чужды, вслѣдъ за Прудономъ, пониманію федералистически и даже прямо анархически настроенныхъ членовъ интернаціонала, въ рядахъ которыхъ Гэдъ игралъ, какъ мы видѣли, немаловажную роль. Для дальнѣйшей эволюціи его взглядовъ въ направленіи къ марксизму нужно было углубленіе и заостреніе двухъ упомянутыхъ элементовъ его міровоззрѣнія. Гэду надо было именно обнажить эти оба главные корня, которыми держалось оно, освободить ихъ отъ прикрывавшей ихъ у Прудона и учениковъ послѣдняго сильной идеалистической растительности, высоко поднимавшейся надъ „экономическимъ организмомъ" въ видѣ понятій о „правѣ", „справедливости" и т. п. нравственныхъ категорій, возбуждавшихъ по большой части желчный смѣхъ Маркса. Гэду приходилось придать классовой борьбѣ пролетаріата противъ буржуазіи (какъ и вообще классовой борьбѣ въ исторіи человѣчества) значеніе основной пружины общественной эволюціи, подчеркивая при томъ исключительную важность экономическаго содержанія этой борьбы. Гэду, наконецъ, надо было

*) P. J. Proudhon, *De la capacité politique des classes ouvrières:* Парижъ, 1865, 2-е изд., стр. 62—63.

порвать съ „мутуалистскими“ предразсудками Прудона, который думалъ рѣшить великій вопросъ современности частными экономическими „договорами“ (contrats) между производителями. Ему надо было, вмѣсто этого, выдвинуть въ видѣ рѣшенія широкую политическую борьбу угнетенныхъ классовъ противъ угнетающихъ, борьбу, ведущую, въ концѣ концовъ, къ захвату политической же власти пролетаріатомъ.

Здѣсь я оставляю въ сторонѣ вопросъ, насколько удачно міровоззрѣніе Маркса отвѣчаетъ на всѣ теоретическія и практическія задачи нашего времени. Объ этомъ я разсчитываю поговорить съ читателемъ въ спеціальныхъ статьяхъ *). На сей же разъ я стараюсь уяснить эволюцію Гэда. И съ этой частной точки зрѣнія мнѣ приходится констатировать, что процессъ упрощенія и обнаженія основныхъ факторовъ общества, въ духѣ теорій Маркса, былъ, повидимому, продѣланъ Гэдомъ до нѣкоторой степени самостоятельно. Ближайшіе ученики и послѣдователи Гэда не разъ говорили, что къ тому времени, когда появилось въ свѣтъ французское, просмотрѣнное и дополненное самимъ Марксомъ изданіе перваго тома „Капитала“ (оно выходило сначала выпусками и было пущено книгой въ концѣ апрѣля 1875 г.), Гэдъ настолько уже близко подошелъ самъ собою въ общихъ чертахъ къ теоріи „историческаго матеріализма“, что чуть не на каждой страницѣ изучаемаго имъ труда восклицалъ: „я думалъ почти такъ же!..“ Съ другой стороны, дальнѣйшее уясненіе новой доктрины и приложеніе ея къ деталямъ произошли, какъ кажется, для Гэда лишь нѣсколькими годами позже и подъ вліяніемъ личнаго знакомства съ Марксомъ и его зятемъ Полемъ Лафаргомъ. Лица, близко изучавшія идейную эволюцію Гэда, отмѣчали въ его статьяхъ и рѣчахъ еще довольно долго нѣкоторыя отступленія отъ взглядовъ Маркса. Такъ, Гэдъ сравнительно поздно сохранялъ еще вѣру въ „желѣзный законъ“ Лассаля. Такъ сравнительно поздно онъ относился еще крайне отрицательно къ кооперативному движенію рабочихъ, въ которомъ самъ Марксъ не видѣлъ, конечно, рѣшенія соціальнаго вопроса, но которое онъ считалъ тѣмъ не менѣе естественнымъ продуктомъ жизни пролетаріата на извѣстной ступени его развитія и подготовительной стадіей для вовлеченія рабочихъ въ сознательную классовую борьбу на политической почвѣ.

Можно было бы, пожалуй, указать еще на одну особенность марксизма Гэда: французскій агитаторъ любитъ давать такую заостренную формулировку взглядамъ своего учителя, что они принимаютъ у него порою видъ крикливаго парадокса. Не Гэдъ ли провозгласилъ, что французская рабочая партія есть исключи-

*) Я надѣюсь въ будущемъ году дать нѣсколько „Соціологическихъ очерковъ“, посвященныхъ отчасти этому вопросу.

тельно „партія брюха“ (le parti du ventre) и что она даже именно и „гордится“ этимъ? *) Не Гэдъ ли свелъ всю исторію человѣчества на question du ventre et du sous-ventre? Но для справедливой оцѣнки главы французскаго марксизма не надо забывать,—говорятъ намъ наиболѣе выдающіеся и самостоятельные ученики Гэда,—что парадоксальность этихъ формулъ есть въ значительной степени умышленная; что это—тотъ пистолетный выстрѣлъ, который вы дѣлаете на воздухъ, чтобы привлечь вниманіе черезчуръ равнодушныхъ прохожихъ. А въ такомъ положеніи именно и находилась въ началѣ своего существованія партія, вскорѣ получившая названіе „гэдистовъ“. Другой вопросъ, не находились ли между послѣдователями Гэда люди, которые принимали въ серьезъ боевой кличъ за цѣлое міровоззрѣніе и, дѣйствительно, укладывали все разнообразіе человѣческой психологіи въ брюшную полость. Марксъ любилъ говорить: „ну, ужъ я-то не марксистъ“. Прудонъ, когда ему разсказывали о нѣкоторыхъ подвигахъ его черезчуръ прямолинейныхъ учениковъ, восклицалъ: „прудонисты, это—дураки“ (les proudhonistes, ce sont des imbéciles!). Позволительно думать, что такія же восклицанія долженъ порою подавлять Гэдъ, который, какъ увѣряютъ его близкіе друзья, умѣетъ различать между соціологическимъ міросозерцаніемъ и политическимъ, по необходимости краткимъ и рѣзкимъ лозунгомъ...

Во всякомъ случаѣ возвращеніе Гэда во Францію, въ августѣ 1876 г., дало выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ главу небольшой пока группѣ лицъ, которыя въ то время работали надъ созданіемъ партіи, получившей скоро названіе „коллективистовъ“, а затѣмъ, послѣ внутреннихъ распрей, расколовъ и выдѣленій, кличку „гэдистовъ“. Какъ ни тѣсно, впрочемъ, связана политическая карьера Гэда съ исторіей этой партіи, въ настоящемъ этюдѣ намъ приходится касаться гораздо больше того, что относится къ самому Гэду, чѣмъ того, что входитъ въ эволюцію партіи, которая была уже, кромѣ того, изображена мною **). Въ то время, какъ французскіе рабочіе, послѣ страшнаго кровопусканія коммуны, становились на путь профессіональнаго и чисто мирнаго движенія (такъ называемаго „барберэттизма“, по имени Барберэ, работавшаго надъ возсозданіемъ синдикатовъ), Гэдъ сейчасъ же по прибытіи во Францію обращается къ родственнымъ ему по революціонному духу студентамъ политическаго кружка, собиравшагося въ кафе Суффло на Сэнъ-Мишельскомъ бульварѣ и включавшаго въ себѣ лишь очень небольшое число сознательныхъ пролетаріевъ. Между этими членами кружка наиболѣе выдавался

*) *Le Citoyen de Paris* (газета); № отъ 22 іюля 1881 г.

**) См. мою книгу „Очерки современной Франціи“; С.-Петербургъ, 1904. 2-е изд., стр. 226 и слѣд. и стр. 575 и слѣд.

Габріэль Девилль (теперешній министерскій соціалистъ и другъ Жорэса). Съ нимъ и съ Полемъ Лафаргомъ, находившимся пока въ изгнаніи въ Лондонѣ, Гэдъ и долженъ былъ образовать вскорѣ „гэдистскую троицу“, какъ называли ихъ враги, или „трехъ мушкетеровъ коллективизма“, какъ любовно величали ихъ первые адепты партіи.

Капризу судьбы угодно было познакомить Гэда съ кружкомъ Суффло при посредствѣ уже знакомаго читателю Ива Гюйо, введшаго, кромѣ того, Гэда въ редакцію газеты „Les Droits de l'Homme“, которая напоминала своимъ названіемъ прежній органъ Гэда и издавалась на деньги знаменитаго шоколадчика, филантропа и радикала, Эмиля Менье. Статьи Гэда, выговорившаго себѣ „независимость“, носили рѣзко соціалистическій и революціонный характеръ и скоро создали ему извѣстность среди малочисленныхъ въ то время крайнихъ элементовъ, между которыми Гэдъ началъ энергичную устную пропаганду и которые онъ скоро преобразовалъ въ ядро будущей партіи. Въ этой пропагандѣ ему помогалъ иностранецъ, а именно одинъ нѣмецъ, который прекрасно зналъ сочиненія Маркса и Лассаля и имя котораго до сихъ поръ не принято разглашать въ революціонныхъ и соціалистическихъ кругахъ Франціи. По запрещеніи „Les Droits de l'Homme“, Гэдъ перешелъ вмѣстѣ съ секретаремъ редакціи, Сигизмундомъ Лакруа, въ вновь основанную газету „Le Radical“, которая была въ свою очередь закрыта реакціоннымъ министерствомъ Фурту, выросшимъ изъ макъ-магоновскаго coup d'Etat 16 мая 1877 г. и не стѣснявшимся законами о печати. Тогда Гэдъ, при сотрудничествѣ Девилля, Эмиля Массара (теперешняго націоналиста и редактора шовинистской „La Patrie“), Жербье (Жирара) и еще одного-двухъ лицъ, рѣшилъ издавать свою, чисто соціалистическую газету „L'Egalité“. Она ставила себѣ задачу быть теоретическимъ и практическимъ органомъ „коллективизма“. Такъ стали къ этому времени называть свое міровоззрѣніе ученики Маркса во Франціи, заимствуя этотъ терминъ у анархистовъ, чтобы замѣнить имъ прежнее названіе „коммунизма“. Тогда какъ анархисты стали предпочитать этотъ послѣдній терминъ для обозначенія своего ученія, оставляя имя „коллективистовъ“ авторитарнымъ коммунистамъ. Впрочемъ, въ это время анархистовъ-коммунистовъ и коллективистовъ сближало еще ихъ революціонное настроеніе; и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обѣ эти фракціи будутъ бороться вмѣстѣ противъ умѣренныхъ синдикалистовъ и защитниковъ частной собственности (мелкой), основанной на трудѣ *).

---

*) Вотъ что разсказываетъ, напр., объ этой эпохѣ одинъ изъ самыхъ видныхъ впослѣдствіи теоретиковъ анархизма: „Здѣсь (въ Парижѣ) начиналось возрожденіе рабочаго движенія, послѣ суроваго подавленія коммуны. Съ итальянцемъ Костой и немногими друзьями-анархистами, которые у

Какъ-бы то ни было, послѣ различныхъ препятствій, недостатка средствъ и т. п., — первый номеръ еженедѣльной газеты Гэда появился 18 ноября 1877 г. въ городѣ Мо (Meaux), въ 45 километрахъ отъ Парижа: печатать внѣ столицы приходилось потому, что, по тогдашнимъ законамъ, отъ издателей періодическихъ органовъ требовался залогъ, равнявшійся 12.000 фр. въ Парижѣ и 4.000 фр. въ провинціи. Въ этомъ первомъ номерѣ „L'Egalite“ Гэдъ съ товарищами гордо развертывалъ знамя французскаго коллективизма, сближая его съ общимъ направленіемъ наиболѣе передовой соціалистической мысли.

Однако, первоначально идеи коллективизма или „научнаго соціализма“, которыя носили слишкомъ абстрактный и математическій характеръ для французской публики, привыкшей къ своему идеалистическому соціализму, распространялись, да и то довольно туго, лишь среди интеллигенціи. Рабочіе по прежнему тянули къ профессіональной и мирной организаціи. И принципіальное отрицаніе частной собственности,—какъ-то еще было замѣтно во времена интернаціонала,—не находило пока значительнаго числа приверженцевъ среди французскаго пролетаріата. Къ половинѣ 1878 г. Гэду удалось, однако, привлечь на свою сторону шесть рабочихъ корпорацій Парижа: механиковъ, столяровъ, портныхъ, сыромятниковъ, слесарей и приказчиковъ (employés de commerce), равно какъ потребительное товарищество L'Egalitaire (корпораціи столяровъ, портныхъ и приказчиковъ были съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 10 лѣтъ, приблизительно до половины 80-хъ годовъ, наиболѣе передовыми элементами революціонно настроенныхъ массъ *).

Первый большой успѣхъ на долю Гэда выпалъ по поводу запрещенія рабочаго конгресса правительствомъ во время всемірной парижской выставки 1878 г. Дѣло было такъ. Два первые рабочіе конгресса Франціи, парижскій (1876 г.) и ліонскій (1878 г.), исходили отъ упомянутыхъ уже выше мирныхъ синдикалистовъ. Но второй изъ этихъ конгрессовъ, продолжавшійся отъ 28-го января по 8-е февраля 1878 г., поручилъ парижскимъ синдикальнымъ палатамъ устроить въ виду открывавшейся выставки интернаціональный рабочій конгрессъ. Этотъ конгрессъ былъ уже объявленъ въ газетахъ и назначенъ на начало сентября, какъ вдругъ коммиссія, которой было поручено организовать его, получила неожиданно (31-го іюля) отъ полицейской

насъ были между парижскими рабочими, а также съ Жюлемъ Гэдомъ и его коллегами, не представлявшими еще въ то время строгихъ соціалъ-демократовъ, мы основали (started) первыя соціалистическія группы" (P. Kropotkine, *Memoirs of a Revolutionist*; Лондонъ, 1899, т. II, стр. 214).

*) Ср. Mermeix, *La France socialiste. Notes d'histoire contemporaine*; Парижъ, 1886, стр. 91 и прим. 1.

префектуры извѣщеніе, что конгрессъ запрещенъ: такъ „республика безъ республиканцевъ“ въ лицѣ кабинета Дюфора понимала свободу мирныхъ синдикалистовъ четвертаго сословія. Коммиссія покорно прекратила свою дѣятельность. Но тогда выступили на сцену пламенный Гэдъ и его товарищи. Они подняли брошенную правительствомъ перчатку и заявили, что теперь уже они, коллективисты, позаботятся объ устройствѣ конгресса, который они и назначили на 5-е сентября въ частномъ помѣщеніи маляра-позитивиста, носившаго довольно курьезное имя Финанса. Конгрессисты нашли двери помѣщенія охраняемыми полиціей, вступили въ столкновеніе съ ней, были арестованы и преданы суду.

Этого только и надо было Гэду. Передъ трибуналомъ 10-ой палаты онъ произнесъ защитительную рѣчь отъ всѣхъ обвиняемыхъ. И эта рѣчь, „представлявшая собою чудо искусства и сверкавшая ослѣпительной ироніей“, — по выраженію одного крайне не любящаго Гэда буржуазнаго автора,—„нашла такой гигантскій откликъ, какого, конечно, не имѣлъ бы самый блестящій конгрессъ“ *). Вотъ какъ резюмируетъ эту рѣчь на основаніи брошюры партіи добросовѣстный историкъ соціальнаго движенія во Франціи, уже цитированный выше Жоржъ Вейль:

Правительство ясно показало, что между буржуа и пролетаріями нѣтъ равенства; запретили единственно лишь рабочій конгрессъ, тогда какъ „всѣ разновидности капиталистической Франціи“ могли свободно собираться на своихъ международныхъ конгрессахъ. Итакъ, мы установили уже одинъ безспорный пунктъ: „мы знаемъ теперь, что равенство, не говорю уже экономическое, не говорю уже политическое, но просто таки гражданское, которое буржуазія не переставала выдавать намъ за самое драгоцѣнное завоеваніе своего 89-года, не переступаетъ границъ имущаго и правящаго класса“. Очевидно, правительству хотѣлось нанести ударъ революціонному соціализму: посмотримъ же, чего онъ требуетъ. Онъ хочетъ рабочаго 89-го года: все, что третье сословіе говорило въ XVIII-мъ столѣтіи, то четвертое сословіе можетъ сказать теперь; нынѣ, какъ и тогда, существуютъ привилегіи между личностями, классами, профессіями. Соціалистовъ обвиняютъ въ томъ, что они подрываютъ семью, собственность, религію. Наоборотъ, они хотятъ освободить семью отъ гнета: не они запираютъ женщину и ребенка на фабрикахъ, не противъ нихъ пришлось издать законъ 1874-го года (ораторъ имѣетъ въ виду „законъ о работахъ на фабрикахъ дѣтей и несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ“ отъ 19-го мая 1874 г. Н. К.). Они хотятъ уничтожить собственность, распространяя ее на всѣхъ, какъ въ 1848 г. была уничтожена привилегированная подача голосовъ, какъ въ 1872 г. на всѣхъ была распространена воинская повинность. Что касается до религіи, то соціалисты, дѣйствительно, отбрасываютъ ее и провозглашаютъ атеизмъ **).

Организаторы конгресса были присуждены къ тюремному заключенію. Но защитительная рѣчь Гэда, превратившаяся въ обви-

*) Léon de Seilhac, *L'évolution du parti syndical en France*; Парижъ, 1899, стр. 11.

**) Georges Weill, l. c., стр. 216—217.

нительный актъ противъ „современнаго феодальнаго общества", читалась въ парижскихъ мастерскихъ. Имя и программа коллективизма впервые становились теперь извѣстными широкимъ кругамъ рабочихъ. Активное соціалистическое міровоззрѣніе изъ чисто интеллигентныхъ сферъ проникало въ пролетаріатъ и здѣсь мало по малу побѣждало мутуалистскіе и кооперативные предразсудки, внушавшіе рабочимъ мысль о возможности рѣшить соціальный вопросъ чисто профессіональнымъ путемъ, помимо политической борьбы. Отнынѣ Гэдъ, воздерживавшійся до сихъ поръ отъ широкой агитаціи въ рабочихъ массахъ, считаетъ пролетаріатъ достаточно заинтересованнымъ въ новой доктринѣ, чтобы вплотную приняться за распространеніе въ немъ своихъ взглядовъ. Собранія, публичныя лекціи, брошюры слѣдуютъ одна за другой. Гэдъ берется за всевозможныя орудія агитаціи и не пренебрегаетъ никакимъ. Къ этому времени относится характерный эпитетъ, „Deus ex machina рабочаго движенія", который счелъ нужнымъ приставить къ имени Гэда одинъ католическій сборникъ.

Уже въ это время Гэдъ высказываетъ тотъ взглядъ на отношеніе рабочаго класса къ республиканской формѣ правленія, который будетъ руководить имъ въ теченіе всей его послѣдующей дѣятельности,—если исключить, конечно, черезчуръ далеко идущее заостреніе его въ моменты борьбы Гэда противъ жорэсистовъ. А именно въ брошюрѣ „Республика и стачки" онъ показываетъ, что республиканскій строй является необходимымъ введеніемъ къ соціальной революціи; но что онъ еще вовсе не влечетъ за собою экономическаго улучшенія массъ. И въ доказательство Гэдъ приводитъ посылку войскъ противъ стачечниковъ:

Откроетъ ли, наконецъ, глаза французскій пролетаріатъ, — патетически спрашиваетъ Гэдъ,—и пойметъ ли онъ, что долженъ разсчитывать только на себя? Начнетъ ли онъ, въ концѣ концовъ, организоваться соотвѣтственно этому въ особую партію (en parti distinct) на почвѣ республики,—это само собою понятно,—но вдали отъ республиканцевъ правящаго класса и противъ нихъ?" *).

Въ той же брошюрѣ Гэдъ дѣлаетъ крайне рѣзкую критику всеобщей подачи голосовъ, по крайней мѣрѣ, какъ она практиковалась рабочимъ классомъ въ то время:

Какими бы выборными властелинами ни являлись рабочіе, они могли путемъ всеобщей подачи голосовъ освободить страну отъ врага, возстановить финансы, кредитъ, границы и т. д. Но они же были безсильны не только укоротить хотя бы на одинъ часъ ту каторжную работу, на которую ихъ осуждаетъ наслѣдственная экспропріація, лишившая ихъ всякаго капитала; безсильны не только увеличить на самую малость отмѣренную имъ въ формѣ заработной платы часть въ общемъ богатствѣ страны, котораго они и лишь они одни являются ежегодными производителями или воспроизводителями; но безсильны удержать, сохранить скудныя средства съ существованію, прі-

*) Jules Guesde, *La République et les grèves*; 1878 (цитировано у Вейля, стр. 221—222).

обрѣтенныя раньше. Какое надо другое болѣе разительное доказательство безплодности, съ рабочей точки зрѣнія, той всеобщей подачи голосовъ, отъ которой большинство пролетаріевъ, еще одураченныхъ—увы!—радикальными софизмами, продолжаетъ упорно ждать своего постепеннаго и мирнаго освобожденія *).

Это какъ бы принципіальное отрицаніе всеобщей подачи голосовъ смягчается, впрочемъ, въ другой брошюрѣ Гэда изъ той же эпохи „Коллективизмъ и революція“. Ибо, провозгласивъ въ ней необходимость отдать силу на служеніе праву, Гэдъ продолжаетъ: „что касается до этой силы, то возможно,—хотя ничто не позволяетъ на это надѣяться,—что то будетъ избирательный бюллетень, какъ возможно, что то будетъ ружье“ **).

Отношеніе къ всеобщей подачѣ голосовъ и вообще „легальности“ будетъ, впрочемъ, тѣмъ пунктомъ практическихъ взглядовъ Гэда, въ которомъ его враги и критики найдутъ наибольшее число „варіацій“; и ниже мы коснемся этихъ колебаній у человѣка, поражающаго въ общемъ своею послѣдовательностью и прямолинейностью. Во всякомъ случаѣ на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ у Гэда преобладало рѣзко отрицательное отношеніе къ всеобщему вотуму. И его прежніе союзники-анархисты, ставшіе впослѣдствіи его неумолимыми врагами, злорадно цитируютъ его статьи, относящіяся къ тому времени и отмѣченныя почти анархическимъ пренебреженіемъ къ всеобщей подачѣ голосовъ. Вотъ, напр., что писалъ пламенный проповѣдникъ коллективизма въ своей газетѣ „L'Egalité“ по поводу открытія на Пэръ-Лашезскомъ кладбищѣ памятника Ледрю-Роллэну, главному „организатору“ всеобщей подачи голосовъ во Франціи:

... Результатъ этого распространенія вотума на всѣхъ, не сопровождавшагося распространеніемъ на всѣхъ собственности, равнялся нулю,—да иначе и быть не могло.

Подъ предлогомъ, что избирательный бюллетень удовлетворялъ и долженъ былъ удовлетворять всему, ружье, право на ружье, было вычеркнуто изъ народнаго арсенала орудій; но какое же улучшеніе извлекла изъ этого бюллетеня трудящаяся масса за тридцать лѣтъ пользованія имъ?

Никакого!..

... Всеобщая подача голосовъ, которая имѣетъ свое законное мѣсто въ обществѣ, основанномъ на строгомъ равенствѣ,—хотя тамъ, гдѣ наука станетъ достояніемъ всѣхъ, скорѣе сама эта наука, чѣмъ простое число голосовъ, будетъ предписывать законы ***), всеобщая подача голосовъ отнюдь не является средствомъ осуществить это общество, которое возникнетъ лишь изъ борьбы.

---

*) Цитировано Пуже (*Variations guesdistes*, стр. 17).

**) *Collectivisme et revolution*; 1897 (цитировано у Вейля, стр. 222).

***) Кстати, какъ близко эта мысль Гэда подходитъ къ взгляду столь нелюбимаго марксистами Огюста Конта, въ 1822 г. писавшаго въ своей „Системѣ положительной политики“: „Въ астрономіи, въ физикѣ, въ химіи, даже въ физіологіи нѣтъ свободы мнѣнія, такъ какъ всякій счелъ бы нелѣпымъ не довѣрять принципамъ, установленнымъ въ этихъ наукахъ компетентными людьми. Если дѣло иначе обстоитъ въ политикѣ, то лишь потому, что старые

И представляя всеобщую подачу голосовъ именно такимъ средствомъ для обездоленныхъ въ современномъ строѣ, заставляя ихъ принимать ее за якорь спасенія, Ледрю-Роллэнъ причинилъ, можетъ быть, этимъ больше зла рабочему классу, чѣмъ даже тѣмъ кровопусканіемъ, которое онъ продѣлывалъ въ іюньскіе дни при помощи пушекъ надъ самыми доблестными членами класса *).

За то мысль Гэда уже съ этихъ поръ сохраняла основныя черты того міровоззрѣнія, которое связано съ именемъ „коллективизма" и суть котораго заключается въ указаніи на невозможность существенно улучшить современный строй отдѣльными мѣрами, не касаясь самыхъ основъ его. Такъ, въ своей брошюрѣ о „Законѣ заработной платы и его послѣдствіяхъ" Гэдъ (правда, очень преувеличивая абсолютное значеніе „желѣзнаго закона") доказываетъ, что такъ какъ при настоящемъ режимѣ всякое повышеніе заработной платы влечетъ за собою, въ концѣ концовъ, повышеніе цѣны продуктовъ, а чисто бюджетныя реформы вызываютъ ростъ налоговъ, то никакое частное улучшеніе строя, основаннаго на наемномъ трудѣ, не можетъ имѣть серьезнаго значенія **). А въ своемъ „Опытѣ соціалистическаго катехизиса" Гэдъ пытается обосновать ученіе коллективизма на психологическомъ анализѣ потребностей и способностей человѣка ***).

Окончательную формулировку взглядовъ Гэда надо, впрочемъ, искать не въ этихъ первыхъ его коллективистическихъ брошюрахъ, которыя составляютъ библіографическую рѣдкость и не были переизданы,—фактъ, показывающій, что самъ авторъ не придавалъ имъ впослѣдствіи особой важности. Гэдъ становится вполнѣ на почву марксизма лишь съ того момента, когда въ промежуткѣ между марсельскимъ (20 — 31-го октября 1879 г.) и гаврскимъ (16 – 22-го ноября 1880 г.) рабочими конгрессами, знаменующими побѣду активнаго политическаго соціализма надъ кооперативнымъ и синдикальнымъ реформизмомъ, онъ вырабатываетъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми близкими товарищами, „программу рабочей партіи". Планъ этой программы служилъ раньше предметомъ оживленной переписки между Гэдомъ и Полемъ Лафаргомъ, тогда жившимъ еще въ Лондонѣ, Полемъ Бруссомъ (прежнимъ товарищемъ Гэда по анархизму), къ тому времени переселившимся изъ Швейцаріи также въ Лондонъ, Бенуа Малономъ, остававшимся въ Швейцаріи и т. д. Для окончательной редакціи программы

принципы рухнули, новые еще не создались, и въ этотъ промежутокъ нѣтъ, собственно говоря, установившихся принциповъ". Цитировано самимъ Контомъ въ его „Курсѣ положительной философіи" (Auguste Comte, *Cour de philosophie positive*; Парижъ, 1869. 3-е изд., т, IV, прим. къ стр. 44—45.

*) *L'Egalité*, № 14 (отъ 2-го марта 1878).— Цитировано у Пуже, l. c., стр. 9—13, passim.

**) *La loi des salaires et ses conséquences*; написано въ 1878 г. и вышло въ свѣтъ въ 1881 г. (см. Вейль, стр. 222).

***) *Essai de catéchisme socialiste*, 1878 (Ibid.).

Гэдъ пріѣхалъ въ маѣ мѣсяцѣ 1880 г. въ Лондонъ; и здѣсь этотъ историческій документъ былъ составленъ коллективнымъ трудомъ пяти человѣкъ: Маркса, Энгельса, Лафарга, Ломбара и Гэда.

Отнынѣ, на почвѣ этой программы, Гэдъ ведетъ еще болѣе энергичную и поистинѣ неустанную пропаганду, въ которой ему особенно помогаютъ Габріэль Девилль и возвратившійся во Францію по амнистіи 10-го іюля 1880 г. Поль Лафаргъ, ставшій главнымъ теоретикомъ французскаго марксизма въ то время, какъ Гэдъ является практическимъ вождемъ и душою партіи. Гэдъ далъ обѣщаніе „заставить французскихъ соціалистовъ проглотить ученіе Маркса по рукоятку" и ревностно старался исполнить это обѣщаніе. Успѣхъ и неудачи агитаціи, равнодушіе и энтузіазмъ пропагандируемыхъ массъ, поддержка друзей и жестокія нападенія враговъ,—словомъ, ни Канны, ни Капуя не въ состояніи побѣдить упругость этого стального темперамента борца. За гаврскимъ конгрессомъ, гдѣ программа „рабочей партіи" одержала побѣду надъ профессіональными требованіями синдикалистовъ, слѣдуетъ реймскій конгрессъ (30-го октября — 6-го ноября 1881 г.), на которомъ, наоборотъ, берутъ верхъ недавно примкнувшіе къ Гэду, но теперь ведущіе ожесточенную борьбу противъ его „диктатуры" умѣренные элементы партіи подъ предводительствомъ Брусса и Молона. И Гэдъ оказывается въ незначительномъ меньшинствѣ, пока на слѣдующемъ, сэнтъ-этьеннскомъ, конгрессѣ (25 — 30-го сентября 1882 г.) не происходитъ, наконецъ, формальнаго раскола партій на „бруссистовъ" и „гэдистовъ", при чемъ цѣлыхъ 82 делегата, принадлежащихъ къ первой фракціи, остаются продолжать засѣданія, тогда какъ Гэдъ съ 23 вѣрными товарищами уходитъ и организуетъ сейчасъ же свой конгрессъ, засѣдавшій въ сосѣднемъ Роаннѣ съ 26-го сентября по 1-е октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гэдъ ведетъ все болѣе и болѣе ожесточенную войну съ анархистами, которые шли еще вмѣстѣ съ коллективистами противъ сторонниковъ мирнаго синдикальнаго движенія на гаврскомъ конгрессѣ, а теперь разорвали съ своими прежними союзниками, упрекая ихъ въ измѣнѣ и переходѣ въ лагерь „государственниковъ". Наконецъ, Гэдъ открылъ настоящую кампанію противъ радикаловъ и энергично совѣтовалъ пролетаріямъ отмежевать себя на политической почвѣ отъ буржуазной демократіи. Полемизируя съ радикальной партіей то въ снова появляющейся послѣ двукратнаго исчезновенія газетѣ „L'Egalité", то въ газетѣ „Le Citoyen", то на публичныхъ собраніяхъ, Гэдъ неумолимо изобличаетъ пустоту и внутреннія противорѣчія соціальной части программы радикаловъ. Онъ заявляетъ, что даже „оппортунистскій гамбеттизмъ", въ лицѣ депутата Мартэна Надо, съ его проектами рабочаго законодательства, идетъ дальше навстрѣчу пролетаріату, чѣмъ радикальная крайняя лѣвая. И противъ тогдашняго вожака послѣдней, Клемансо, Гэдъ ведетъ особенно энергичную кампанію,

вызывая его на публичное состязаніе по вопросу о соціализмѣ, на что вождь радикаловъ, находившійся тогда въ апогеѣ своей популярности и крайне любимый своими избирателями, — лавочниками, ремесленниками и полусознательными рабочими, —счелъ нужнымъ отвѣтить высокомѣрнымъ молчаніемъ. Политическіе дѣятели тогдашней Франціи, вплоть до самыхъ крупныхъ и проницательныхъ, и не подозрѣвали, какъ видите, какую роль въ борьбѣ партій будетъ скоро играть соціализмъ.

Приблизительно въ эту пору, а именно позднею осенью 1882 г., я впервые услышалъ Гэда на публичномъ собраніи, гдѣ онъ какъ разъ полемизировалъ съ радикальными ораторами второстепенной, впрочемъ, величины, и полемизировалъ крайне удачно. А вскорѣ, слѣдующею весною, я встрѣтился съ нимъ уже какъ съ частнымъ лицомъ у Поля Лафарга, куда я пришелъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ П. Л. Лаврова, чтобы получить нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о только что умершемъ (14-го марта 1883) Марксѣ, о которомъ я написалъ для „Дѣла“ статью, погибшую, подобно нѣсколькимъ другимъ, подъ ударами бдительной цензуры. Два мѣсяца спустя, мнѣ опять пришлось видѣть Гэда, и опять вмѣстѣ съ Лафаргомъ, но на сей разъ уже на казенной квартирѣ, въ нынѣ исчезнувшей „Святой Пелагеѣ“ (Sainte Pelagie),— тюрьмѣ, гдѣ „Восточный павильонъ“, получившій съ давнихъ поръ громкое названіе „Павильона Принцевъ“, служилъ мѣстомъ заключенія для лицъ, осужденныхъ за проступки „политическаго“ характера на срокъ не больше одного года. Дѣйствительно, незадолго передъ этимъ (25-го апрѣля 1883 г.) присяжные засѣдатели департамента Аллье признали Гэда и Лафарга виновными въ „непосредственномъ подстрекательствѣ рабочихъ къ совершенію революціи“, и окружный судъ приговорилъ ихъ къ шестимѣсячному заключенію. То былъ чисто тенденціозный процессъ, на которомъ жюри, состоявшее изъ запуганныхъ и заговоренныхъ прокуроромъ мирныхъ буржуа, сочло нужнымъ проявить строгость какъ разъ по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя говорили, что ихъ такъ же мало можно считать за подстрекателей къ „совершенію революціи“,—вытекавшей, молъ, изъ самаго развитія капиталистическаго общества,—какъ буревѣстниковъ, предвѣщающихъ грозу, за „подстрекателей природы къ совершенію бури“.

Осужденные за такія „преступленія“ пользуются, однако, во Франціи привилегированнымъ тюремнымъ режимомъ; и съ утра до вечера посѣтители толпились въ довольно большихъ комнатахъ, которыя гостепріимная администрація предоставила въ „Павильонѣ Принцевъ“ Гэду и Лафаргу. Здѣсь опять я видѣлъ Гэда не на трибунѣ, а въ частномъ разговорѣ, который главнымъ образомъ касался тогдашняго экономическаго и политическаго положенія

Россіи. Я сопровождалъ при этомъ посѣщеніи узниковъ уже упомянутаго мною П. Л. Лаврова, бывшаго хорошимъ знакомымъ Гэда, а особенно Лафарга. И намъ съ авторомъ „Исторіи мысли“ пришлось перевести вслухъ двумъ заключеннымъ довольно большіе куски изъ только что появившейся тогда, кажется, въ „Дѣлѣ“ рецензіи на помѣщенную передъ тѣмъ въ „Отечественныхъ запискахъ“ статью Лафарга о хлѣбной торговлѣ въ Соединенныхъ Штатахъ (я забылъ точное заглавіе этого этюда). Отсюда собесѣдникамъ было вполнѣ естественно перейти на сравненіе между русскими и американскими условіями. Меня поразило въ Гэдѣ умѣнье необыкновенно ясно, хотя и черезчуръ однобоко, ставить вопросы и блестяще развивать свою точку зрѣнія, не забывая въ то же время нападать на оппонента. Знаніями, особенно по вопросу, выходившему изъ обычнаго круга его идей, онъ, видимо, очень уступалъ Лафаргу. Но было крайне интересно наблюдать со стороны, съ какимъ мастерствомъ онъ пользовался тѣми ограниченными свѣдѣніями, которыми онъ располагалъ въ данномъ случаѣ. А ловкость, съ какой онъ билъ противнику челомъ да его же добромъ,—добромъ, пріобрѣтеннымъ, можетъ быть, всего за секунду при самомъ спорѣ,—вызывала у самихъ оппонентовъ невольную улыбку, порою же искренній смѣхъ...

Но я предпочитаю дать прежде всего двѣ-три характеристики Гэда, принадлежащія различнымъ и разносмотрящимъ на вещи людямъ; и уже потомъ нарисовать самому физіономію этого выдающагося вожака партіи, который окончательно установилъ свое міровоззрѣніе въ первой половинѣ 80-хъ годовъ и впослѣдствіи врядъ ли измѣнялъ его даже въ деталяхъ,—за исключеніемъ столь обычнаго всѣмъ людямъ перегибанія палки въ другую сторону подъ вліяніемъ борьбы съ противниками. Портреты Гэда, съ которыми сейчасъ познакомится читатель, относятся именно къ этой первой половинѣ 80-хъ годовъ, когда Гэдъ, можетъ быть, всего рельефнѣе развивалъ и безъ того яркія особенности своего темперамента. Глава рабочей партіи поражаетъ до сихъ поръ своею жизненностью. Но наиболѣе полный расцвѣтъ его индивидуальности, какъ мнѣ кажется, падаетъ именно на 80-ые годы, когда Гэдъ, въ возрастѣ 35 — 45 лѣтъ, извлекалъ поразительное количество „полезной работы“, какъ говорится въ механикѣ, изъ своей замѣчательно упругой физіологической машины.

Вотъ, прежде всего, въ общемъ очень симпатично нарисованный портретъ Гэда, принадлежащій перу одного изъ посѣтителей его агитаціонныхъ публичныхъ лекцій и относящійся 1880 г.:

Гэдъ носитъ длинные темнорусые волосы, длинную бороду того же цвѣта, что придаетъ ему видъ нѣмецкаго студента (я бы поставилъ скорѣе: русскаго. Н. К.); эта физіономія дополняется пэнснэ, которое Гэдъ надѣваетъ на носъ, когда говоритъ... Его ясный и металлическій голосъ звучитъ какъ боевая труба, его краснорѣчіе увлекаетъ васъ; говоря, онъ жестикулируетъ и

наклоняется надъ трибуной, словно желая замагнитизировать свою аудиторію; его рѣчь отличается ясностью, научнымъ складомъ, поэтическимъ и образнымъ языкомъ *).

Вотъ, съ другой стороны, короткая, но восторженная характеристика Гэда, сдѣланная въ одномъ изъ писемъ (отъ 18-го апрѣля 1881 г.) Лафарга, бывшаго тогда особенно близкимъ къ неутомимому политическому борцу:

Вы думали, что наша партія есть уже реальность и обладаетъ сполна всѣми органами, руками и ногами, брюхомъ и головой: на самомъ дѣлѣ у нея есть лишь одна глотка, но за то такая, что стоитъ четырехъ... Я не знаю никого во Франціи, кто равнялся бы Гэду. Больше, чѣмъ Лассаль, онъ—человѣкъ, способный *создать* партію. По уму онъ выше его; и если онъ ниже его по эрудиціи, то, какъ агитаторъ, онъ равенъ ему, а съ точки зрѣнія характера, между ними не можетъ быть и сравненія ни въ личномъ, ни въ общественномъ смыслѣ. Лассаль былъ глубоко испорченный человѣкъ (pourri) **).

Вотъ еще подробный портретъ Гэда въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ, портретъ, не безъ таланта, но и не безъ злости къ оригиналу, набросанный буржуазнымъ репортеромъ, кувыркавшимся изъ стороны въ сторону среди различныхъ партій Франціи:

Это человѣкъ, производящій впечатлѣніе. Его личность не грѣшитъ банальностью. Онъ не внушаетъ симпатіи. На него смотришь съ любопытствомъ, почти съ изумленіемъ. Онъ высокаго роста и чудовищно худъ. Его лицо отличается болѣзненною бѣлизною, которая выдѣляется еще больше, благодаря обрамляющимъ его очень чернымъ волосамъ и бородѣ. Жюль Гэдъ носитъ длинные волосы, это — мода въ его партіи: такая прическа еще увеличиваетъ странный характеръ его физіономіи.

Его глаза живо блестятъ за стеклами пэнснэ, въ глубинѣ рѣзко очерченныхъ надбровныхъ дугъ. Когда Гэдъ говоритъ, и говоритъ даже о безразличныхъ вещахъ, въ движеніяхъ его губъ сквозитъ бѣшенство. Его ротъ исполненъ ярости. И ходитъ-то онъ прямо, какъ палка, порывисто двигая руками и ногами.

Надо видѣть Гэда на трибунѣ. Порою его рѣчь черезчуръ быстра, но сколько страсти онъ влагаетъ въ нее! Очень ясный и издалека слышный голосъ странно скрипитъ. Звукъ его не выходитъ изъ глубины груди и лишенъ низкихъ нотъ; онъ идетъ изъ головы, онъ высокъ и пронзителенъ. И вотъ этотъ-то ораторъ, несмотря на такіе физическіе недостатки, внушаетъ почтеніе своей аудиторіи, онъ цѣликомъ овладѣваетъ ею. Онъ никогда не обращается къ добрымъ чувствамъ собранія. Онъ не трогаетъ. Онъ—строгій діалектикъ, свирѣпый оскорбитель, язвительный человѣкъ, обладающій горькой ироніей. Въ рѣчи Гэда встрѣчаешь поразительные образы, слышишь крики настоящаго пароксизма страсти. Когда послушаешь, какъ Гэдъ обвиняетъ современное общество, то можно прямо подумать, что онъ защищаетъ свое личное дѣло, что, можетъ быть, сегодня же утромъ общество совершило по отношенію къ нему какое-то ужасное преступленіе. Это—человѣкъ ненависти; онъ является какъ бы воплощеніемъ всѣхъ фурій соціальнаго памятозлобія

*) Limusin, въ іюльской книжкѣ журнала „La Revue du mouvement social“ за 1880 г. (цитировано у Вейля, стр. 212).

**) Цитировано у Сейльяка, *Les Congrès* etc, стр. 103.

и соціальной зависти. И всѣ онѣ сразу ревутъ въ немъ. Трудно было бы найти актера, который больше Гэда вошелъ бы въ шкуру представляемаго имъ персонажа.

Мы не хотимъ сказать этимъ сравненіемъ, что Жюль Гэдъ играетъ комедію, что онъ самъ не убѣжденъ. Нѣтъ, припадки его гнѣва ничуть не фальшивы. Онъ ненавидитъ искренно и „отъ всего сердца". Его натура—натура апостола. Онъ проповѣдуетъ вполнѣ искренно. Онъ вѣритъ. Его гордость не позволяетъ ему сомнѣваться въ себѣ.

Доктрину, которой онъ поучаетъ, онъ считаетъ своей собственной. Марксъ формулировалъ ее до него. Но онъ не зналъ еще трудовъ Маркса... а большинство идей, изложенныхъ тамъ, уже было выработано имъ самимъ. Онѣ возникли въ его умѣ „путемъ историческаго изученія трансформаціи обществъ и путемъ наблюденія фактовъ современнаго общества". Жюль Гэдъ долженъ, въ своемъ горделивомъ сознаніи, считать научный соціализмъ своимъ дѣтищемъ. Пусть другіе формулировали это ученіе до него: онъ не зналъ ихъ опредѣленій. Этотъ соціализмъ былъ порожденъ ими; но онъ былъ порожденъ и имъ. И вотъ эту-то свою собственную теорію, эту дочь своего мозга, которую онъ знаетъ лучше, чѣмъ кто бы то ни было во Франціи, по отношенію къ которой онъ является самымъ извѣстнымъ, самымъ авторитетнымъ популяризаторомъ въ нашей странѣ,—эту теорію онъ защищаетъ, этой теоріи онъ поучаетъ со страстностью, не заключающей въ себѣ ничего дѣланнаго. Онъ защищаетъ ее перомъ, какъ и словомъ.

Жюль Гэдъ писатель походитъ на Жюля Гэда оратора. Онъ старается быть очень яснымъ; онъ часто этого и достигаетъ, хотя порою его стиль загроможденъ схоластическими терминами. Но онъ дышетъ могучей рѣзкостью; но онъ часто выковываетъ новыя выраженія, которыя полны энергіи; но онъ владѣетъ ироніею, которая поистинѣ жжетъ. Въ спорѣ онъ обнаруживаетъ великолѣпную философскую недобросовѣстность. Онъ не отвѣчаетъ на возраженія. Онъ идетъ цѣликомъ впередъ, по прямой линіи дедукцій, выводимыхъ имъ изъ основного принципа. Онъ и не долженъ искать того, чтобы убѣдить спорящаго съ нимъ, ибо, внѣ всякаго сомнѣнія, онъ думаетъ, что, подобно ему, всякій непоколебимо останется при своемъ мнѣніи (chacun a son siège fait). Онъ волнуется, дѣйствуетъ, говоритъ, пишетъ для индифферентныхъ пока людей, для публики, „для галлереи". Онъ твердо знаетъ, что прозелиты вербуются лишь между профанами, что сторонниковъ пріобрѣтаешь себѣ только среди индифферентныхъ пока людей, и что настоящихъ противниковъ не обратишь въ свою вѣру.

Всѣ эти качества и недостатки образуютъ, вмѣстѣ взятые, человѣка, отличающагося странной оригинальностью. Подобно всѣмъ тѣмъ, кто обнаруживаетъ оригинальныя особенности, Гэдъ обладаетъ способностью привлекать людей *).

Наконецъ, вотъ въ заключеніе „моментальная фотографія", снятая извѣстнымъ репортеромъ Гюрэ съ Гэда 90-хъ годовъ, когда глава рабочей партіи вошелъ въ палату депутатовъ и насчитывалъ уже 50 лѣтъ отъ роду и четверть вѣка политической борьбы:

...На Орлеанской улицѣ (avenue d'Orléans), въ верхней части монружскаго квартала, маленькая квартира на четвертомъ этажѣ; въ комнаткѣ, служащей вмѣстѣ и спальней, и рабочимъ кабинетомъ, желѣзная кровать, покрытая газетами, брошюрами, документами, умывальный тазъ, величиной съ

---

*) Menneix, *La France socialiste* etc., стр. 60—64.

большую чашку, полки съ нагроможденными какъ попало книгами, узкая конторка, заваленная бумагами, кресло и два стула.

Глава марксистской партіи наружностью напоминаетъ Додэ, но Додэ, сбросившаго съ себя обычное обаяніе; голова учителя музыки, бѣгающаго по урокамъ фортепьянной игры; черные, очень длинные волосы; борода библейскаго пророка, которую хотѣлось бы видѣть совершенно бѣлой. Пэнснэ на длинномъ носу, со шнуркомъ, который все цѣпляется за бороду.

Онъ самъ открылъ мнѣ дверь. Какъ только я назвалъ себя, онъ сейчасъ же вскричалъ, пропуская меня въ комнату:

— А, а! такъ это вы, м. г., вы открыли всемірную выставку буржуазной глупости (Гюрэ „интервьюровалъ“ предъ тѣмъ много выдающихся лицъ изъ буржуазнаго лагеря по „соціальному вопросу“ и печаталъ ихъ отвѣты,— порою не безъ протеста съ ихъ стороны,—въ „Фигаро“. Н. К.).

Я защищаюсь, какъ могу, находя, можетъ быть, лишнимъ спорить о другой формулировкѣ, резюмирующей смыслъ первой части моей работы.

Мы сѣли....

Гэдъ во время разговора нѣсколько разъ поднимался съ своего кресла и дѣлалъ два шага, которые ему только и позволяла сдѣлать его крошечная комната. Онъ улыбался на мои возраженія и отвѣчалъ съ тою удивительною легкостью слова, съ тою ясностью, съ тою математическою точностью, которыя составляютъ все его краснорѣчіе...

...Гэдъ вскочилъ однимъ прыжкомъ съ кресла, пружины котораго затрещали, и, поправляя сбившееся пенснэ, воскликнулъ и т. д. *).

Я позволю теперь собрать въ одно, пересмотрѣть, взаимно провѣрить, ретушировать эти различные портреты Гэда, дополняя ихъ собственными наблюденіями и соображеніями, которыя касаются этого очень выдающагося человѣка и какъ общественнаго дѣятеля, и какъ частное лицо, оставляя, разумѣется, въ сторонѣ все то, что могло бы носить характеръ вторженія въ интимную жизнь.

Что поражаетъ особенно во внѣшнемъ видѣ Гэда тѣхъ, кому приходилось видѣть его въ теченіе болѣе двухъ десятковъ лѣтъ и часто съ значительными промежутками, такъ это его способность мало измѣняться и сохранять ту самую столь типичную и популярную въ извѣстныхъ сферахъ физіономію, съ какой онъ появился передъ публикой, когда впервые остановилъ на себѣ вниманіе друзей и враговъ. Это все та же высокая, сухая фигура, съ длинными руками и ногами, которыя сгибаются немного по-деревянному, словно на слегка заржавѣвшихъ шарнирахъ и угловатости которыхъ плохо скрываются небрежно одѣтымъ, то черезчуръ мѣшковатымъ, то слишкомъ обтянутымъ костюмомъ. Это все тотъ же правильный, обыкновенно блѣдный, въ минуты волненія слегка разгорающійся овалъ лица съ рѣзко очерченными правильными чертами, съ эффектной рамкой черныхъ, лишь въ послѣднее время начавшихъ слегка сѣдѣть волосъ на головѣ и бородѣ. Это все тотъ же живой, блестящій взоръ слегка выпук-

*) Jules Huret, *Enquête sur la question sociale en Europe;* Парижъ, 1897 г., стр. 348, 357—358 и 359.

лыхъ близорукихъ глазъ, которые издали и за стеклами пэнснэ кажутся очень темными, а вблизи неожиданно поражаютъ васъ своимъ глубокимъ синимъ оттѣнкомъ. Это все то же слегка меланхолическое, но прежде всего саркастическое выраженіе лица, искривляющееся гримасой презрѣнія и ненависти при столкновеніи съ врагами. Это все тотъ же рѣзкій, высокій, скрипучій голосъ, переходящій мѣстами въ визгъ, почти свистъ и начинающій странно гнусавить, когда политическая страсть бросаетъ непрорывающимся градомъ колючія, ядовитыя слова въ лицо противника. Это всѣ тѣ же монотонные жесты фанатичнаго оратора, для котораго мысль—все, а внѣшнія украшенія ея, музыка рѣчи и болѣе или менѣе театральныя позы, ничто. Гэдъ ходитъ по трибунѣ быстрыми, угловатыми движеніями ногъ; и такія же быстрыя и угловатыя движенія рукъ, сводящіяся къ двумъ-тремъ обычнымъ тикамъ, подкрѣпляютъ или, лучше сказать, механически сопровождаютъ его аргументацію. То онъ, словно „продольный пильщикъ",—какъ вырвалось однажды у меня при бѣглой характеристикѣ Гэда *)—поднимаетъ и опускаетъ свои руки. То онъ сгибается надъ самымъ обрывомъ трибуны, вытягиваетъ обѣ руки къ публикѣ, быстро-быстро шевелитъ длинными, тонкими пальцами, словно посылая электрическія искры своей нервной энергіи въ толпу слушателей, чтобы передать имъ свою мысль, свою страсть, свое убѣжденіе. То онъ слегка выпрямляется, поправляетъ свое старое, стальное, скачущее на носу пэнснэ, временно какъ бы успокаивается и, сгибая указательный и большой палецъ правой руки въ кольцо, начинаетъ методически отчеканивать свои аргументы, съ тѣмъ, чтобы черезъ минуту уже снова начать ходить по трибунѣ, сгибаться надъ ней и продѣлывать свои магнетическіе „пассы" надъ аудиторіей.

Эта общая неизмѣняемость внѣшней фигуры и манеръ Гэда на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, при подвижности и измѣнчивости его физіономія и торопливости его жестовъ, въ каждый данный моментъ показываетъ рѣдкую силу и упругость нервной системы въ этомъ сравнительно слабомъ организмѣ. Гэдъ,—да проститъ мнѣ читатель это вульгарное, но очень мѣткое русское выраженіе,—„ѣдетъ не на лошади, а на кнутѣ". Нужно, дѣйствительно, ожесточенно подхлестывать себя идеей, чтобы быть въ состояніи продѣлывать въ теченіе столькихъ лѣтъ и такія порою удивительныя „кампаніи" агитатора, какія приходилось вести издавна чахоточному Гэду. Друзья его, смѣясь, говорили неоднократно, что лучшее средство вывести его изъ состоянія лихорадочнаго недомоганія, это—бросить его въ политическую агитацію. И, дѣйствительно, Гэдъ зачастую чувствовалъ себя лучше послѣ

*) „Очерки современной Франціи", стр. 35.

безсонныхъ ночей въ вагонѣ, — онъ ѣздитъ въ третьемъ классѣ за исключеніемъ того времени, когда былъ депутатомъ, имѣющимъ право дарового проѣзда (собственно при извѣстномъ вычетѣ изъ жалованья) въ первомъ классѣ, — чувствовалъ, говорю, лучше послѣ ночи, проведенной на жесткой скамьѣ безъ сна, послѣ продолжительныхъ митинговъ въ низкопробныхъ концертныхъ залахъ грязныхъ рабочихъ центровъ сѣвера, послѣ бурныхъ засѣданій палаты, смѣнявшихся для него участіемъ въ совѣщаніяхъ партійной организаціи. Можно даже сказать, что именно эта неустанная дѣятельность заглушаетъ у него ощущеніе постоянно грызущей его болѣзни и сознаніе, можетъ быть, очень скораго и очень быстраго конца.

Упомяну кстати, что, когда друзья устроили лѣтъ десять—двѣнадцать тому назадъ поѣздку Гэда на югъ для поправки его крайне разстроеннаго здоровья, изъ подъ пера агитатора, перенесеннаго въ необычную обстановку жизни въ одномъ изъ людныхъ курортовъ на лазурномъ побережьѣ Средиземнаго моря, вылилось удачное стихотвореніе: „Къ смерти“, отчасти въ духѣ Лукреція, отчасти подъ вліяніемъ собственнаго болѣзненнаго ощущенія импровизированнаго поэта. Читатель сильно бы, впрочемъ, ошибся, если бы подумалъ, что упомянутые стихи исполнены нытья. Нѣтъ, смыслъ обращенія къ „смерти“ заключается въ матеріалистическомъ признаніи творческой роли великаго обмѣна веществъ, который кладетъ конецъ существованію однѣхъ жизней, чтобы на ихъ развалинахъ и изъ ихъ разсыпающагося матеріала создавать новыя. Авторъ лишь проводитъ разницу между двумя видами смерти: онъ обращается съ негодующими словами къ той смерти, которая поражаетъ молодое существо въ цвѣтѣ силъ, надеждъ и невыполненныхъ плановъ; и онъ призываетъ ту смерть, которая обрываетъ уже наполовину истлѣвшую нить жизни человѣка, много работавшаго, сильно уставшаго въ процессѣ труда и борьбы и неспособнаго больше участвовать въ коллективной дѣятельности общества. Самъ Гэдъ въ этомъ стихотвореніи какъ бы вдвигаетъ себя въ ряды усталыхъ борцовъ, которымъ пора уступить мѣсто свѣжимъ солдатамъ идеи...

Послѣдующая дѣятельность Гэда-агитатора показываетъ, какъ ошибочно было внутреннее ощущеніе Гэда-поэта. Но мы упомянули объ этомъ стихотвореніи отчасти и потому, что оно показываетъ ту сторону личности вожака рабочей партіи, которую немногіе подозрѣваютъ и которая, затушевываясь другими особенностями Гэда, можетъ быть, однако, подмѣчена внимательными наблюдателями ораторскихъ и писательскихъ пріемовъ его. А именно Гэдъ—артистъ, какъ ни страннымъ можетъ показаться такое мнѣніе тѣмъ, кого вводитъ въ заблужденіе преобладающій діалектическій и отвлеченный характеръ рѣчей и статей Гэда. Прежде всего надо замѣтить, что ни тѣ, ни другія не лишены яркихъ и

образныхъ выраженій. Но идейный аскетъ французскаго марксизма, видимо, лишь отъ времени до времени позволяетъ себѣ вставить цвѣтокъ метафоры въ строгую и тугую—тугую ткань своей аргументаціи. На меня его рѣчи и статьи производятъ даже такое впечатлѣніе, какъ если бы онъ старался сдерживать естественное стремленіе къ образному, повидимому, легко дающемуся ему языку. Потому что, когда діалектическая страсть или политическая злоба достигаютъ у Гэда пароксизма, и онъ забываетъ о своей нелюбви къ „фразѣ“ и „сентиментальности“, — непріятно поражающихъ его у большинства прежнихъ французскихъ соціалистовъ,— съ его языка или изъ подъ его пера срываются рельефныя и сильныя метафоры, производящія впечатлѣніе прежде всего своего точностью и, если можно такъ выразиться, плотностью. Это не тѣ обширныя, яркія фрески и декораціи, проникнутыя широкимъ и поэтическимъ вдохновеніемъ, какія мы находимъ въ краснорѣчіи Жорэса; не тѣ могучіе, хотя порою гипертрофированные и не всегда согласованные въ подробностяхъ образы, которые катитъ въ своемъ ритмическомъ теченіи ровно волнующійся періодъ этого оратора. Метафоры Гэда это словно вычеканенные на рукояткѣ шпаги рукою средневѣковаго мастера небольшіе, но крайне выразительные рисунки, блещущіе не красками, а энергіею своихъ контуровъ, рѣзкостью своихъ выпуклостей и вогнутостей. Такія образныя фразы Гэда выливаются по большей части въ формулы, которыя могутъ не нравиться вамъ, могутъ порою приводить васъ въ прямое негодованіе, но которымъ вы не въ состояніи отказать въ силѣ и опредѣленности. Правда, эти формулы превращаются иной разъ въ односторонній парадоксъ, но тѣмъ сильнѣе въ этомъ видѣ онѣ запечатлѣваются въ умѣ друзей и враговъ—гэдовскаго міровоззрѣнія. Не Гэдомъ ли была произнесена фраза: „я принадлежу рабочей партіи не только вплоть до тюрьмы, но вплоть до тюремной стѣны, у которой разстрѣливаютъ инсургентовъ“? Не онъ ли воскликнулъ въ порывѣ пессимизма, обращеннаго къ парламентарной дѣятельности: „предоставимъ геморроидамъ господъ буржуа скамьи палаты депутатовъ“? Не Гэдъ ли бросилъ во время дѣла Дрейфуса жесткую, нетактичную, но энергичную формулу дѣйствій, или лучше бездѣйствія рабочей партіи: „пролетаріатъ не имѣетъ права разсѣивать свое состраданіе на отдѣльныхъ личностяхъ“? А что сказать относительно этой мысли, достойной фигурировать въ собраніи свирѣпыхъ каламбуровъ Шамфора: „буржуазія—поклонница философіи Декарта: я ворую, слѣдовательно, я существую какъ классъ“? или еще вотъ этой: „что такое сбереженіе для рабочихъ? Паекъ въ осажденномъ городѣ, съ тѣмъ, чтобы получить кусокъ хлѣба къ старости, когда выпадутъ всѣ зубы“? Или слѣдующее обращеніе къ рабочимъ понять отношеніе къ нимъ капиталистовъ: „вы и они равны и квиты: они васъ обворовываютъ,

а вы ихъ обмилліониваете (emmilionnez)“. И такихъ колючихъ фразъ, формулъ, трагическихъ каламбуровъ, своеобразныхъ выраженій вы найдете у Гэда, сколько угодно. Не надо только забывать, что этотъ образный характеръ краснорѣчія и писаній Гэда въ сильной степени маскируется общимъ сухимъ и абстрактнымъ пріемомъ аргументаціи, которая вращается обыкновенно въ сферѣ соціальныхъ отвлеченій и допускаетъ лишь умѣренное употребленіе конкретныхъ примѣровъ и метафорическихъ сравненій. Ниже мы приведемъ одинъ-два отрывка изъ рѣчей и статей Гэда, чтобы читатель составилъ себѣ понятіе о манерѣ этого оратора и писателя, отличающагося и въ томъ, и въ другомъ отношеніи, а особенно на трибунѣ рѣдкимъ даромъ слова, удивительной находчивостью полемиста и непоколебимой увѣренностью въ истинности своего ученія.

Каковъ интеллектуальный типъ Гэда и калибръ его ума? Если припомнить, что было раньше сказано нами объ эволюціи Гэда въ сторону марксизма, особенно въ томъ освѣщеніи, какое давалось этому процессу ближайшими друзьями вождя рабочей партіи, то ему можно приписать извѣстную самостоятельность мысли. Во всякомъ случаѣ не надо преувеличивать размѣровъ этой оригинальности. Не надо хотя бы уже потому, что трудно опредѣлить, въ какой степени самъ Гэдъ пришелъ уже до чтенія Маркса къ теоріи „научнаго соціализма“, и не вліяли ли на него элементы марксизма, носившіеся въ то время повсюду въ воздухѣ, совпадавшіе отчасти съ нѣкоторыми частями и міровоззрѣнія прудонистовъ и, можетъ быть, оказавшіе на Гэда свое дѣйствіе изъ вторыхъ рукъ, при посредствѣ его знакомыхъ, уже изучавшихъ „Манифестъ коммунистической партіи“ и „Капиталъ“.

Если нельзя точно установить размѣры самостоятельной мысли Гэда при первой выработкѣ имъ міровоззрѣнія, подходящаго къ марксизму, то можно во всякомъ случаѣ видѣть, что при столкновеніи съ самой теоріей Маркса лицомъ къ лицу, facies ad faciem Гэдъ не обнаружилъ замѣтной оригинальности. Онъ оказался очень выдающимся, очень вѣрнымъ, черезчуръ вѣрнымъ ученикомъ своего учителя, но и только. Видимо, его даже интересовало не столько углубленіе въ самую теорію Маркса, сколько ея приложеніе къ задачамъ политической борьбы. И въ этомъ отношеніи, даже принимая во вниманіе сдѣланныя нами въ началѣ этой статьи оговорки, мы должны признать, что Гэдъ не углублялъ, а упрощалъ, не столько развивалъ, сколько заострялъ принятое имъ міровоззрѣніе. Но при этомъ неоригинальномъ процессѣ мысли, Гэдъ обнаружилъ, однако, рѣдкія качества французскаго типичнаго ума: его „абстрактный“ характеръ, позволяющій съ энергичной и естественной граціей дѣлать рядъ выводовъ изъ общихъ формулъ, и его смѣлую ясность, не останавливающуюся

ни передъ какимъ заключеніемъ, а, наоборотъ, придающую ему наиболѣе понятную и упрощенную форму. Съ этой точки зрѣнія было бы, кстати сказать, интересно прослѣдить, какая разница замѣчается въ различныхъ національныхъ формулировкахъ марксистской доктрины, напр., хотя бы между нѣмецкими, французскими и англійскими учениками Маркса. Я оставляю, однако, этотъ вопросъ въ сторонѣ, ограничиваясь лишь замѣчаніемъ, что французъ Гэдъ такъ же отнесся къ ассимилированному имъ марксизму, какъ онъ отнесся бы, въ качествѣ француза, къ другому міровоззрѣнію, на которомъ бы остановился. Онъ взялъ изъ него рядъ общихъ положеній и съ французской энергіей и талантомъ, усиленными не совсѣмъ французской настойчивостью, популяризировалъ ихъ въ безчисленномъ рядѣ частныхъ приложеній, проявляя извѣстную оригинальность въ промежуточныхъ звеньяхъ дедукціи. Цѣпь этой дедукціи онъ прикрѣплялъ къ теоріи „научнаго соціализма", и оттуда неустанно протягивалъ къ любому, соціальному и политическому явленію, пытаясь дѣлать его плѣнникомъ - рабомъ и послушнымъ служителемъ своей доктрины.

Такимъ абстрактнымъ, яснымъ, строго-логическимъ и дедуктивнымъ умомъ мнѣ представляется умъ Гэда. Его гибкость, обнаруживающаяся въ извѣстныхъ границахъ излюбленнаго міровоззрѣнія, не соединяется, однако, какъ мнѣ кажется, ни съ широтою, ни съ „открытостью", разумѣя подъ этимъ способность войти хотя бы временно въ чужой міръ идей не съ цѣлью полемики, а въ интересахъ знанія. Словно монада Лейбница для другихъ монадъ, міровоззрѣніе Гэда остается непроницаемымъ для другихъ міровоззрѣній и изнутри во внѣ, и извнѣ во внутрь. Глава французскаго марксизма слѣпъ и глухъ на возраженія, которыя могутъ дѣлаться ему противниками: онъ игнорируетъ ихъ, или блестяще полемизируетъ съ ними, въ сущности - то проходя мимо ихъ. Но Гэдъ закрываетъ глаза и уши и тогда, когда дѣло идетъ о проникновеніи въ другое міровоззрѣніе: оно интересуетъ его совсѣмъ не тѣмъ, что въ немъ можетъ заключаться, а лишь какъ внѣшнее препятствіе, которое должно цѣликомъ сбросить съ дороги и которое онъ, дѣйствительно, зачастую сбрасываетъ съ удивительною энергіею и безжалостностью убѣжденія.

Этимъ отчасти объясняется и нежеланіе Гэда обременять свой живой и сильный умъ лишней эрудиціей. Онъ въ извѣстномъ смыслѣ тотъ интеллектуальный типъ, о которомъ Ѳома Аквинатъ выразился: „боюсь человѣка, прочитавшаго въ теченіе всей своей жизни лишь одну книгу" (timeo hominem unius libri). Марксъ и нѣсколько книгъ экономистовъ и соціалистовъ составляютъ основаніе научнаго багажа Гэда. Но врядъ-ли кто во Франціи знаетъ такъ, какъ Гэдъ, ту великую „книгу жизни", которая представляетъ собою политическую и соціальную исторію Франціи, по

крайней мѣрѣ за 40 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ Гэдъ сталъ жить, сознательно участвуя въ судьбахъ родины. Событія, политическіе дѣятели, скандальная хроника буржуазіи и мартирологъ трудящихся массъ, борьба партій и фракцій внутри партій,—все это является для Гэда не чисто печатнымъ матеріаломъ, какъ для большинства его современниковъ, живущихъ интеллектуальною жизнью, а близкимъ, кровнымъ, глубоко реальнымъ драматическимъ представленіемъ, въ которомъ онъ зачастую игралъ роль актера и почти всегда роль внимательнаго и страстнаго зрителя. Его феноменальная и замѣчательно живая и точная память хранитъ слѣды безчисленныхъ впечатлѣній. И имена Бланки, Гамбетты, Бакунина, Маркса, Энгельса, Буланже, Рошфора, Кассаньяка, Дерулэда, Жюля Ферри, Клемансо, Бэрнса, Вилліама Морриса, Дрюмона, Цанарделли, Либкнехта, г-жи Андрэ Лео, Кропоткина, Малато, Льва Мечникова, и сотенъ другихъ великихъ и малыхъ дѣятелей, равно какъ названія такихъ крупныхъ событій и явленій, каковы франко-прусская война, коммуна, coup d'Etat 16-го мая, буланжизмъ, первый парижскій международный конгрессъ, Панама, дѣло Дрейфуса вызываютъ въ немъ опредѣленныя ассоціаціи идей, чувствованій, борьбы, энтузіазма, ненависти, презрѣнія. Вотъ съ этимъ человѣкомъ онъ шелъ рука объ руку противъ имперіи; съ нимъ же онъ ожесточенно боролся во времена буланжизма; съ тѣмъ онъ былъ на ножахъ въ 80-хъ годахъ, и стоялъ въ однихъ рядахъ десять лѣтъ спустя; еще другой былъ его любимымъ ученикомъ, а нынѣ продалъ свой талантъ и идейный жаръ имущимъ и правящимъ классамъ. Передъ его глазами проносятся сцены шумныхъ республиканскихъ собраній конца имперіи, публичныхъ митинговъ начала 80-хъ годовъ, когда анархисты стульями забрасывали ораторовъ коллективизма на трибунѣ; революціоннаго броженія толпы на улицахъ послѣ отставки Грэви; восторженнаго пріема ораторовъ рабочей партіи, пробуждавшимися къ сознательной жизни рудокопами сѣвернаго департамента и ихъ женами и дочерьми съ букетами въ рукахъ; враждебнаго засѣданія палаты депутатовъ, криками прерывавшихъ страстную рѣчь Гэда; трагическихъ столкновеній между братьями - врагами соціалистической партіи,—и еще многихъ, многихъ событій...

Во всѣхъ этихъ крупныхъ и мелкихъ, общественныхъ и личныхъ коллизіяхъ, Гэдъ не только увѣренно оріентируется самъ, но и даетъ иниціативный толчекъ единомышленникамъ, снабжаетъ ихъ теоретическими аргументами и практическими лозунгами,—и все это при небольшомъ запасѣ хорошо прочитанныхъ и продуманныхъ книгъ, и все это помимо научной эрудиціи и изученія вопроса по „источникамъ". Здѣсь будетъ у мѣста, однако, сдѣлать важную поправку: человѣкъ жизни и борьбы, несмотря на отвлеченный характеръ своего мышленія, укладывающагося въ ясныя и зачастую однобокія формулы, Гэдъ образцовый, прямо

несравненный, чтецъ газетнаго матеріала и политическихъ брошюръ на злобы дня. Его пріятели не разъ говорили, что нельзя представить себѣ болѣе оригинальнаго, почти геніальнаго чтенія газетъ, чѣмъ какое практикуется Гэдомъ. Онъ очень внимательно изо дня въ день, цѣлыми годами читаетъ нѣсколько серьезныхъ, хорошо редактируемыхъ, главнымъ образомъ буржуазныхъ, газетъ и быстро просматриваетъ передовыя статьи въ другихъ органахъ періодической прессы. Его ясный умъ, его рѣдкая память, его умѣнье связывать конкретные факты съ основами своего міровоззрѣнія снабжаютъ его ежедневно въ концѣ такого чтенія богатымъ, хорошо подобраннымъ и хорошо уложившимся въ головѣ текущимъ матеріаломъ. Текущая жизнь, разсматриваемая сквозь призму ежедневной печати, является для него какъ бы необходимымъ дополненіемъ къ той „книгѣ жизни", столько страницъ которой связаны у него съ личными опытами и ассоціаціями идей и аффектовъ. И въ тотъ моментъ, когда какая-нибудь злоба дня сильно тревожитъ общественное мнѣніе, вы можете быть увѣрены, что, при помощи ежедневной прессы и текущихъ брошюръ, Гэдъ ознакомленъ съ этимъ вопросомъ гораздо лучше, чѣмъ громадное большинство интеллигентныхъ людей, изучающихъ его по громоздкимъ трудамъ. Что касается до всего прочаго аппарата эрудиціи, Гэдъ рѣшительно отстраняетъ его; и, не крича громогласно о своемъ равнодушіи къ чистой наукѣ, не рекомендуя даже за образецъ своимъ ученикамъ такого отношенія къ человѣческой мысли, самъ Гэдъ довольствуется чтеніемъ газетъ—и самого же Гэда, т. е. упорнымъ служеніемъ своему міровоззрѣнію. Лишь изрѣдка онъ отдыхаетъ на чтеніи беллетристики, предпочитая въ такомъ случаѣ „романы приключеній", какъ называютъ ихъ французы, психологическимъ и идейнымъ романамъ: подобно своему учителю Марксу, онъ любитъ перечитывать автора „Трехъ мушкетеровъ" и „Графа Монтекристо".

Вдумываясь, однако, въ поражающую васъ съ перваго взгляда односторонность ума Гэда, вы поневолѣ задаетесь вопросомъ, точно ли это есть его интеллектуальное качество, и не является ли это скорѣе результатомъ сознательной дисциплины, налагаемой на этотъ умъ характеромъ Гэда. Я думаю, дѣйствительно, что ключъ къ духовной физіономіи надо искать прежде всего въ сферѣ его чувства и воли. У Гэда—натура страстнаго фанатика, натура глубоко вѣрующаго человѣка. Ясный и абстрактный характеръ его мышленія обманываетъ поверхностнаго наблюдателя, который видитъ въ Гэдѣ одну сухую разсудочность. На самомъ дѣлѣ, Гэдъ—типъ идейнаго энтузіаста par excellence: страстная борьба за убѣжденія составляетъ суть его природы. Отсюда его нетерпимость: „великій инквизиторъ коллективизма", „Торквемада въ пэнснэ", „тиранъ", „Далай-Лама",—всѣ эти названія, дававшіяся ему столько разъ его врагами, выражаютъ именно это фа-

натичное отношеніе Гэда къ тому, что онъ считаетъ истиной. Идейный фанатизмъ принимаетъ особенно рѣзкія формы у Гэда еще потому, что онъ представляетъ собою личность съ сильно развитыми, не скажу эгоистическими, но индивидуалистическими инстинктами. Проповѣдникъ строя, основаннаго на гармоніи, онъ въ то же время типичный сынъ современнаго общества, основаннаго на борьбѣ и вырабатывающаго у всѣхъ насъ органы нападенія и защиты. У Гэда эти органы развиты въ высокой степени; только вмѣсто того, чтобы упражнять ихъ въ борьбѣ за матеріальное существованіе, онъ пускаетъ ихъ въ ходъ при отстаиваніи своихъ убѣжденій, т. е. на почвѣ, гдѣ его сильно прокидывающійся индивидуализмъ сливается съ общественной страстью. Гэдъ высокомѣренъ, Гэдъ властолюбивъ, Гэдъ ревниво оберегаетъ свой авторитетъ главы партіи; борьба противъ него является въ его глазахъ „грѣхомъ противъ Духа Свята“. Истина и *онъ*,—это тѣлесная оболочка истины,—сливаются для него самого въ одно цѣлое. Но было бы интересно прослѣдить, не является ли такая психологія общей психологіей вожаковъ партій въ современномъ обществѣ, при чемъ разница замѣчается лишь въ степени напряженности, съ какой проявляется этотъ личный элементъ. Интересно было бы также анализировать то вліяніе, которое ученики оказываютъ на своего признаннаго учителя и которое заставляетъ послѣдняго принимать, если можно такъ выразиться, обязательную интеллектуальную позу и застывать въ іератическомъ выраженіи незыблемости и непогрѣшимости.

Какъ бы то ни было, на службу идейнаго фанатизма Гэдъ отдалъ свою рѣдкую энергію, поражающую у француза не только своею напряженностью, но постоянствомъ: Гэдъ пылаетъ, но далеко не тѣмъ скоро потухающимъ соломеннымъ огнемъ, который воспламеняетъ его соотечественниковъ въ экстренныя минуты и вскорѣ оставляетъ по себѣ лишь кучу пепла. Жаръ Гэда, это—продолжительное пламя горна, дѣйствующее даже на туго плавкія вещества. На службу же идеѣ Гэдъ отдалъ свою личную карьеру и внѣшніе матеріальные успѣхи, имѣющіе такое значеніе для средняго француза. Въ то время, какъ большинство прежнихъ друзей и знакомыхъ Жюля Гэда изъ буржуазіи, всѣ эти Ивы Гюйо, Массары и прочіе „ех-непримиримые“ враги современнаго общества пристроились или къ буржуазному правительству, или къ буржуазной оппозиціи и достигли обезпеченности и мѣщанскаго благополучія, Гэдъ остался прежнимъ Гэдомъ. У него была на рукахъ семья (Гэдъ женился еще въ 70-хъ годахъ), и ему приходилось зарабатывать для своихъ кусокъ хлѣба не легкимъ трудомъ. Но никогда Гэдъ не поступился ни на іоту своими убѣжденіями въ интересахъ личнаго или семейнаго процвѣтанія. Его слово, его перо служили прежде всего „дѣлу“, т. е. партіи, душою которой онъ былъ и отчасти остается и те-

перь, ибо пока не видишь молодыхъ, могущихъ замѣнить его. А когда обстоятельства складывались такъ, что приходилось выбирать между личными выгодами и идеей, онъ безъ всякаго колебанія жертвовалъ своими интересами. Бывали,—и нерѣдко,—такіе періоды въ жизни Гэда, когда его мебель описывалась домохозяиномъ за невзносъ квартирной платы, и когда у главы партіи не было нѣсколькихъ су въ карманѣ, чтобы возвратиться ночью на конкѣ съ публичнаго собранія въ рабочемъ предмѣстьѣ. И, однако, Гэдъ тщательно и цѣлыми годами скрывалъ эти стороны своего личнаго существованія, порою отъ близкихъ друзей, пока, наконецъ, мало-по-малу не стала извѣстна имъ, а черезъ нихъ и публикѣ, жизнь этого солдата идеи, чей фанатизмъ и чья колючая, высокомѣрная, властолюбивая индивидуальность возбуждали ненависть въ противникахъ, но создавали „великому инквизитору коллективизма“ и прочныя симпатіи среди единомышленниковъ

Нарисовавъ этотъ портретъ Гэда, остающійся почти неизмѣннымъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ глава французскаго марксизма окончательно опредѣлился въ политическомъ и общественномъ смыслѣ, т. е. съ начала 80-хъ годовъ, мнѣ остается только дополнить его нѣсколькими фактами послѣдующей біографіи Гэда, возвращаясь къ тому моменту, когда мы оставили его. При этомъ, какъ я уже сказалъ раньше, я буду говорить по возможности о немъ самомъ, а не о партіи, исторія которой не можетъ собственно найти мѣста здѣсь.

Мы остановились на томъ времени, когда Гэдъ откололся отъ умѣреннаго большинства рабочей партіи, которой онъ наклеилъ ярлыкъ „поссибилистовъ“. По обыкновенію неудача не обезкураживаетъ его, какъ успѣхъ придаетъ лишь больше энергіи его дѣятельности. И онъ съ жаромъ бросается въ агитацію рука объ руку съ Лафаргомъ и Девиллемъ, перенося центръ тяжести изъ Парижа, гдѣ преобладали поссибилисты, въ провинцію, гдѣ почва была еще не почата. Къ этому времени относятся первыя гэдистскія организаціи рабочихъ въ центрѣ и на сѣверѣ. Мы уже видѣли, что во время одной изъ такихъ агитаціонныхъ поѣздокъ въ центральную Францію, Гэдъ и Лафаргъ подвергаются судебному преслѣдованію и приговорены къ 6-ти мѣсячному тюремному заключенію, которое и отбываютъ въ Sainte Pèlagie. Пользуясь этимъ вынужденнымъ досугомъ, Гэдъ составляетъ съ Лафаргомъ комментаріи къ программѣ рабочей партіи (выше мы цитировали эту работу) и уже одинъ переиздаетъ отдѣльной брошюрой свои статьи противъ Поля Леруа Больё, появившіяся въ „L'Egalité“ 1881–1882. Характеръ этихъ рѣзкихъ, но остроумныхъ „уроковъ профессору“, пущенныхъ въ отдѣльномъ изданіи подъ заглавіемъ „Коллективизмъ въ Collège de France“ (гдѣ

читалъ политическую экономію Леруа Больё), ярко выступаетъ уже въ слѣдующихъ строкахъ введенія:

Если я переиздаю свои статьи теперь, пользуясь досужимъ временемъ, которымъ наградилъ меня окружной судъ, то дѣлаю это, — надо ли, впрочемъ говорить о томъ?—не съ тѣмъ, чтобы еще разъ справить тріумфъ надъ забытымъ противникомъ, но единственно съ цѣлью установить тотъ фактъ, что противъ нашихъ коллективистическихъ и коммунистическихъ выводовъ легче найти судей и тюремщиковъ, чѣмъ аргументы *).

Въ этой брошюрѣ, которая даже буржуазными врагами считается удачнымъ полемическимъ памфлетомъ, резюмирующимъ на нѣсколькихъ страничкахъ возраженія противъ громоздкой критики Леруа-Больё, Гэдъ разбираетъ, насколько несовмѣстимъ,— какъ то думаетъ этотъ экономистъ. — коллективизмъ съ „справедливостью", съ „полезностью", со „свободою" и съ „семьею". Авторъ-полемистъ стоитъ все время на точкѣ зрѣнія необходимаго развитія человѣчества и,такъ, напр., заканчиваетъ отдѣлъ о семьѣ и самую брошюру:

Свобода и достоинство отношеній между полами, освобожденными отъ экономической и меркантильной стороны; равное мускульное и мозговое развитіе ребенка, всѣхъ дѣтей; широкое и независимое потребленіе,—всѣ эти *desiderata* будутъ осуществлены для всѣхъ мужчинъ и для всѣхъ женщинъ великой человѣческой семьей, которую образуетъ собой общество, примирившееся съ самимъ собой внутри общей собственности и общаго труда. Но эти же требованія совершенно недоступны для того маленькаго общежитія, какимъ является индивидуальная семья.

И не то, чтобы мы,—повторяемъ еще разъ,—должны были поднять нашъ ломъ на это многовѣковое убѣжище нашего рода. Но какъ человѣческій зародышъ, дошедшій до извѣстной степени развитія, отрывается отъ заключающихъ его нѣдръ организма, ставшихъ недостаточными, такъ подобный же разрывъ совершится между развитымъ человѣчествомъ и нѣдрами семьи, не могущей заключать его болѣе въ себѣ, не удушая **).

Очень интересны и характерны для литературныхъ пріемовъ Гэда возбуждавшія въ свое время большой шумъ статьи, которыя онъ печаталъ въ срединѣ 80-хъ годовъ въ газетѣ „Le Cri du Peuple" покойнаго Валлэса и издалъ, вмѣстѣ съ кой какими другими статьями, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ заглавіемъ „Соціализмъ со дня на день". Это рядъ короткихъ и энергичныхъ передовицъ, носящихъ — то забавныя, то свирѣпыя заглавія „Богиня рента", „Да здравствуетъ голодъ!" „Обворованные воры", „Счастливаго пути, господа акціонеры!" „Славно ревешь, оселъ!" и т. д. и отзывающихся съ опредѣленной точки зрѣнія на всѣ вопросы дня. Я сдѣлаю выдержку изъ статьи „Богиня рента", чтобы дать читателю понятіе о манерѣ Гэда-писателя:

... Государственный долгъ — или рента—есть, дѣйствительно, идеалъ класса, который намѣренъ все потреблять, ничего не производя, потому что—

*) Jules Guesde, *Le Collectivisme au Collège de France*; 1883, стр. 1 (цитирую по парижскому изданію 1900 г.).

**) Ibid., стр. 27.

согласно очень вѣрному замѣчанію Карла Маркса—„онъ даетъ непроизводительнымъ деньгамъ значеніе воспроизводящейся цѣнности, не обрекая ихъ, сверхъ того, на рискъ и замѣшательство, нераздѣльные отъ ихъ промышленнаго употребленія или даже частнаго ростовщичества".

Для рантье нѣтъ ни града, ни филоксеры, ни кризиса, ни войны. Его доходъ—и поэтому-то, безъ сомнѣнія, коммиссія по пересмотру налоговъ вычеркнетъ его изъ списка облагаемыхъ доходовъ—паритъ выше всякихъ промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ пертурбацій, которыя не могутъ ни на іоту коснуться его.

Къ своему политическому Седану Франція можетъ прибавить Седанъ экономическій—а рентѣ какое дѣло! Франція могла бы даже исчезнуть совсѣмъ какъ государство — рента не пострадала бы отъ этой національной смерти. Государство-хищникъ—или палачъ—не преминуло бы, какъ это было при хищническомъ присоединеніи Эльзаса-Лотарингіи, взять на себя уплату по процентамъ французскаго государственнаго долга.

Въ недосягаемой сферѣ своихъ купоновъ, рантье царитъ, дѣйствительно, какъ Богъ—единый, истинный Богъ. По крайней мѣрѣ, до того дня, когда—новый тиранъ-пролетаріатъ, бросая свои легіоны на легіоны, возьметъ приступомъ капиталистическое небо и покончитъ со всѣми религіями—включая и въ особенности религію ренты *).

Я прошу читателя обратить вниманіе на характерную черту этого стиля, выражающуюся даже въ своеобразной системѣ препинанія. Фраза Гэда течетъ быстро и ровно, но онъ часто прерываетъ ее короткими вводными предложеніями и словами и всегда заключаетъ ихъ въ два тире — —. Эти тире, которыми испещрены статьи Гэда, останавливаютъ на себѣ взоръ читателя и напоминаютъ ядовитыя паузы въ рѣчахъ Гэда: — — разъ! два! — — разъ! два! словно ударъ кинжала въ противника, и снова неустанная борьба съ нимъ вплотную...

Вѣрный своей тактикѣ неумолимаго отдѣленія пролетаріата отъ буржуазіи, Гэдъ (какъ и Лафаргъ) во время буланжистскаго кризиса ни за что не хотѣлъ вступить даже во временную коалицію съ демократической буржуазіей для защиты республики отъ цезаризма, — какъ то было сдѣлано поссибилистами. Въ союзѣ съ бланкистами, группировавшимися вокругъ Вальяна (часть бланкистовъ перешла, какъ извѣстно, съ „генераломъ" Эдомъ на сторону Буланже), рабочая партія выпустила въ самый разгаръ выборной агитаціи, а именно въ августѣ 1889 г., манифестъ „къ избирателямъ", въ составленіи котораго одну изъ самыхъ дѣятельныхъ ролей игралъ, конечно, Гэдъ.

Въ этомъ манифестѣ, сильно отражающемъ взгляды Гэда (и Лафарга) и лишь отчасти подправленномъ воззрѣніями болѣе чуткаго въ политическомъ смыслѣ Вальяна, надо различать два элемента. Съ одной стороны, это, конечно, желаніе сохранить въ чистотѣ формулу классовой борьбы пролетаріата противъ всей

*) Jules Guesde, *Le Socialisme au jour le jour*; Парижъ, 1899, стр. 11—12.

буржуазіи. Но, съ другой, это скрытое и тѣмъ не менѣе очень реальное опасеніе пойти прямо въ разрѣзъ съ политическимъ настроеніемъ увлеченныхъ буланжизмомъ массъ. Замѣтьте, дѣло шло въ данный моментъ не о какомъ-либо союзѣ, а о временной коалиціи съ буржуазными республиканцами съ опредѣленной цѣлью воспрепятствовать цезаристскому coup d' Etat. Насколько же было тактично одной половиной фразы призывать массы „сохранить во что бы то ни стало республику“, а другой половиной бросать безразлично всѣ фракціи буржуазіи въ одинъ ящикъ съ нечистстами и приглашать „избирателей“ бороться одинаково какъ противъ буланжистовъ, такъ и противъ ихъ противниковъ? Прибавлю, что, говоря о манифестѣ, мы касаемся эпохи,—а именно лѣта и осени 1889 г.,—когда націоналистическое движеніе уже видимо остановилось на одномъ уровнѣ передъ тѣмъ, какъ идти на убыль. Но въ теченіе предшествующихъ лѣтъ и особенно 1888 г., когда буланжизмъ обнаруживалъ поразительную способность распространенія, Гэдъ съ товарищами уклонялся отъ прямой борьбы съ Буланже и, развивая свое обычное соціалистическое міровоззрѣніе, странно умалчивалъ о злобѣ дня, раздиравшей на враждебныя партіи всю Францію. Была ли, однако, эта тактика прямой политической трусостью? Но Геда отнюдь нельзя упрекать въ отсутствіи рѣшительности. Разгадка такой двусмысленной политики заключалась, наоборотъ, въ томъ, что абстрактная прямолинейность его міровоззрѣнія всегда поддерживала въ немъ иллюзію, будто достаточно развивать въ „четвертомъ сословіи“ классовое сознаніе противоположности его экономическихъ интересовъ — интересамъ имущихъ и правящихъ, чтобы сами трудящіяся массы выводили затѣмъ уже отсюда всѣ необходимыя политическія и моральныя послѣдствія. Конечно, въ концѣ концовъ рабочій классъ и долженъ будетъ сдѣлать эти выводы. Но весь вопросъ въ томъ, когда? А между тѣмъ такіе политическіе кризисы, какъ буланжизмъ, требуютъ немедленно политическаго же отвѣта отъ массъ, ибо при неблагопріятномъ исходѣ могутъ разрушить самую почву для открытой борьбы классовъ, замѣнивъ свободныя учрежденія цезаристскими. „Пускай народъ увлекается буланжизмомъ,—такъ можно формулировать тогдашнее настроеніе Гэда, — не будемъ прямо идти противъ этой политической нелѣпости; будемъ, наоборотъ, насыщать его идеями коллективизма и рано или поздно онъ самъ пойметъ пустоту своего мишурнаго идола и тогда самъ завоюетъ себѣ лучшее будущее путемъ сознательной борьбы со всѣмъ современнымъ строемъ“. А въ результатѣ то странное, половинчатое поведеніе Гэда въ эпоху буланжизма, когда лишь союзъ съ бланкистами Вальяна вывелъ французскихъ марксистовъ изъ состоянія политическаго безразличія среди бурь, поднятыхъ „синдикатомъ недовольныхъ“, которые группировались съ разными цѣлями вокругъ „браваго

генерала". Хорошо, что буланжистское движеніе кончилось разгромомъ націоналистовъ: иначе „рабочая партія" несла бы тяжелую историческую отвѣтственность за это невмѣшательство въ борьбу между цезаризмомъ и демократіей. Такимъ образомъ, партійный страхъ передъ „избирателями" не столько въ смыслѣ непосредственнаго результата выборовъ, сколько въ смыслѣ дальнѣйшей судьбы коллективистической пропаганды въ массахъ смутили смѣлое сердце Гэда на рубежѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ.

Я теперь перехожу къ такой полосѣ въ жизни Гэда, когда его увлеченіе результатами этой пропаганды заставило, наоборотъ, его временно стать эволюціонистомъ и даже измѣнить временно же взгляды на всеобщую подачу голосовъ. Я оставляю въ сторонѣ тѣ колебанія Гэда въ отношеніи къ этому принципу въ началѣ его дѣятельности, какъ главы партіи. Анархисты, съ одной стороны, поссибилисты—съ другой не разъ забавлялись, отмѣчая хотя бы тотъ фактъ, что тотъ самый Гэдъ, который „предоставлялъ выборныя мѣста геморроидамъ буржуа", на выборахъ 1881 г. ставилъ свою кандидатуру въ Рубэ, и при томъ ставилъ ее, не смотря на формальное обѣщаніе не дѣлать этого, подписанное имъ вмѣстѣ съ другими сотрудниками ліонской газеты „L' Emancipation sociale". На это можно было бы отвѣтить, что дѣло шло о частной попыткѣ „превратить всеобщую подачу голосовъ изъ орудія дураченья въ орудіе освобожденія пролетаріата", согласно самой программѣ рабочей партіи, составленной при участіи Маркса (см. выше)...

Нѣтъ, мы возьмемъ взгляды Гэда въ періодъ его почти пятилѣтняго пребыванія въ палатѣ депутатовъ 1893—1898 г., куда онъ вошелъ вмѣстѣ съ другими почти пятидесятью соціалистами разныхъ фракцій. Этотъ успѣхъ соціализма на законодательныхъ выборахъ (20-го августа—3-го сентября 1893 г.) вмѣстѣ съ одновременнымъ почти захватомъ коллективистами муниципальныхъ совѣтовъ такихъ большихъ городовъ, какъ Лилль, Рубэ, Марсель, долженъ былъ, конечно, придать ярко оптимистическую окраску взглядамъ Гэда. Онъ даже предложилъ друзьямъ принять участіе въ сенатскихъ выборахъ, дотолѣ возбуждавшихъ презрительную усмѣшку крайнихъ партій, и обѣщалъ—не сбывшееся—торжество соціалистовъ и въ этой кампаніи. Одинъ изъ историковъ рабочаго движенія во Франціи такъ изображаетъ тогдашнее настроеніе Гэда:

Гэдъ былъ въ особенности упоенъ побѣдой; онъ уже вѣрилъ, что находится наканунѣ торжества; приведенный въ состояніе экзальтаціи испытанными имъ преслѣдованіями, лихорадочною работою всей своей жизни, цѣликомъ отданной на пропаганду и, кромѣ того, истощенный болѣзнью и нетерпѣливо ожидавшій момента увидѣть великія дѣла, которыя подготовлялись въ

исторіи, онъ страдалъ недостаткомъ, общимъ всѣмъ апостоламъ, а именно: онъ постоянно надѣялся на окончательный кризисъ. Онъ вѣчно ждалъ революціи. Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ вѣрилъ, что она придетъ въ дыму баррикадъ и среди грохота динамитныхъ взрывовъ; теперь, послѣ избирательныхъ успѣховъ 1893 г., онъ вообразилъ, что ее могло бы начать большинство въ стѣнахъ парламента. Онъ разсуждалъ логично и просто: „въ предшествующей палатѣ насъ не было и дюжины. Теперь насъ цѣлыхъ сорокъ. Пусть только поддержится эта прогрессія, и въ 1897 г. мы будемъ въ числѣ ста шестидесяти *).

Оставляя въ сторонѣ слегка ироническое отношеніе автора этой характеристики къ Гэду, мы можемъ сказать, что въ общемъ розовое настроеніе главы рабочей партіи въ серединѣ 90-хъ годовъ передано у Галэви близко къ дѣйствительности. „Право на ружье“ отступало теперь въ представленіи Гэда передъ избирательнымъ бюллетенемъ. Онъ неоднократно развивалъ предъ враждебно настроенной оппортунистской палатой ту мысль, что рабочій классъ, опираясь на всеобщую подачу голосовъ и совершенно легальнымъ путемъ, осуществитъ великій общественный переворотъ. Онъ подчеркивалъ перспективу этого эволюціоннаго рѣшенія грандіознаго соціальнаго вопроса. Въ рѣчи, произнесенной 22-го ноября 1895 г., Гэдъ торжественно заявлялъ:

Нѣтъ, не при помощи налога, какова бы ни была его форма, пролетаріатъ завладѣетъ зданіемъ капитализма, которое рушится теперь со всѣхъ сторонъ; тотъ ключъ отъ него, который васъ умоляли не давать намъ, въ нашихъ рукахъ, и издавна въ нихъ. Его намъ вручили наши парижскіе братья, тѣ, что въ 1848 г. вырвали, цѣною революціи, всеобщую подачу голосовъ у цензовой буржуазіи. Они дали намъ его, и мы сохранимъ его, и мы не позволимъ ни прямо, ни косвенно снова отобрать его. Да! при помощи политическихъ правъ обездоленныхъ, при помощи политическихъ правъ пролетаріата, по мѣрѣ того, какъ онъ выучится пользоваться имъ, мы проникнемъ во внутрь правительства вашего стараго сгнившаго общества, и скоро мы будемъ въ состояніи во имя закона, который сегодня диктуете вы, а который завтра продиктуемъ мы, преобразовать режимъ анархіи, давящій на всѣхъ и несущій необезпеченность всѣмъ, и замѣнить его режимомъ всеобщаго счастія и всеобщей свободы.

Вотъ нашъ ключъ, и мы не требуемъ другого (*рукоплесканія на крайней лѣвой*).

Я очень хорошо понимаю, что шествіе впередъ пролетаріата, который знаетъ, какой методъ дѣйствія употреблять и какой цѣли достигать, ужасаетъ тѣхъ,—что отчаянно цѣпляются за погибающій строй; я очень хорошо понимаю, что многіе изъ нихъ предпочли бы, чтобы рабочій классъ бросился въ прямую борьбу, какъ бросался нѣкогда во дни инсуррекціи, повертывавшейся противъ него. Такъ нѣтъ-же! довольно кровопусканій! Рабочіе слишкомъ часто сражались и погибали за другихъ, за реформы, проносившіяся надъ ихъ головами. Отнынѣ ихъ кровь принадлежитъ ихъ же классу, принадлежитъ всему человѣчеству, и мы скупимся и мы должны скупиться на эту кровь. Нѣтъ! вы не заставите насъ пасть подъ ружейными выстрѣлами, какъ въ Фурми, не заставите насъ слѣпо разбиться о буржуазное государство,

---

*) Daniel Halévy, *Essais sur le mouvement ouvrier en France*; Парижъ, 1901, стр. 223.

которое во всѣхъ своихъ частяхъ организовано такъ, чтобы раздавить безоружный народъ. Мы не атакуемъ его прямымъ насиліемъ и съ фронта, мы не выйдемъ изъ легальности. Васъ убьетъ сама эта ваша легальность: ея намъ достаточно въ борьбѣ противъ васъ (*рукоплесканія на крайней лѣвой* *).

Три года спустя Гэдъ снова перешелъ на старую точку зрѣнія, которая, впрочемъ, въ сущности не покидала его совсѣмъ и тогда, когда онъ былъ увѣренъ въ быстромъ распространеніи коллективизма среди массъ. Его не оставляла и тогда мысль о томъ, что „буржуазное государство" не дастъ трудящимся массамъ возможности восторжествовать легально. Онъ и тогда ставилъ дилемму (на засѣданіи 20-го ноября 1894 г.) буржуазному большинству, поддерживавшему республиканскій по имени, но реакціонный по духу кабинетъ Шарля Дюпюи:

...Всѣ революціи были навязаны и вынуждены, всѣ онѣ дѣло партій, стоящихъ у власти.

Являетесь-ли вы одною изъ этихъ партій, которыя желаютъ ускорить революцію, заставить насъ произвести ее?

Въ этомъ пунктѣ мы къ вашимъ услугамъ... Мы хоть сейчасъ готовы написать: „здѣсь покоится прахъ" на развалинахъ современнаго порядка или безпорядка; перо и бумага на готовѣ у насъ.

Но если, наоборотъ, вы хотите быть просто-на-просто республиканскимъ правительствомъ, хотя и не раздѣляющимъ нашей точки зрѣнія, но понимающимъ, что у насъ все же есть общая почва, почва уже совершенныхъ реформъ, почва уже провозглашенныхъ правъ, наконецъ, почва свободы, которая существуетъ и должна существовать для всѣхъ, тогда мы могли бы направиться эволюціоннымъ путемъ (évolutivement) къ исходу изъ пустыни и къ мирному вступленію въ обѣтованную землю. Но въ вашихъ рукахъ находятся и война, и миръ. Скажите же, что вы за миръ или скажите, что вы за войну! (*рукоплесканія на различныхъ скамьяхъ крайней лѣвой*) *).

Съ новою энергіею Гэдъ сталъ на прежнюю точку зрѣнія, отметая самую возможность дилеммы и провозглашая рѣзкія формулы 80-хъ годовъ, въ моментъ великаго кризиса, который въ дѣлѣ Дрейфуса разорвалъ Францію на двѣ части, какъ десять лѣтъ назадъ ее разорвалъ на двѣ части кризисъ буланжизма. У всѣхъ на памяти разнообразныя перипетіи этого міроваго дѣла, произведшаго самую удивительную перетасовку партій; и я упомяну лишь нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся Гэда. Въ статьѣ о Жорэсѣ я указалъ читателю, что въ началѣ агитаціи Гэдъ былъ рѣшительно за вмѣшательство соціалистовъ въ борьбу между реакціей и демократіей. Изъ его устъ вырвалась даже въ то время яркая фраза, дѣлающая честь этому властному, но отнюдь не мелко самолюбивому человѣку: „за то я васъ и люблю такъ, Жорэсъ, что у васъ за словомъ слѣдуетъ дѣло". Она была произне-

*) Напечатано въ двухтомномъ сборникѣ парламентарныхъ рѣчей Гэда: Jules Guesde, *Quatre ans de lutte de classe à la Chambre*; Парижъ 1901, т. I, стр. 216—218.

**) Ibid., стр. 127—128.

сена Гэдомъ въ тотъ моментъ, когда, по совѣту его, Жорэсъ интерпеллировалъ министерство Мелина по поводу махинацій генеральнаго штаба. Увы! нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ выборовъ 8-го и 22-го мая 1898 г., на которыхъ соціализмъ не сдѣлалъ почти никакихъ успѣховъ и потерялъ двухъ такихъ вожаковъ, какъ Жорэсъ и Гэдъ, а антисемитская и націоналистская демагогія одержала нѣсколько частныхъ побѣдъ, — послѣ этихъ, говорю, выборовъ Гэдъ рѣшительно сталъ поперекъ агитаціи соціалистовъ, и подъ его преобладающимъ вліяніемъ былъ составленъ манифестъ „рабочей партіи" по дѣлу Дрейфуса, напоминающій или, лучше сказать, крайне усугубляющій тактическую ошибку гэдистовъ во время буланжизма. Въ то время, какъ вся страна была охвачена ожесточенной борьбой между общественнымъ прогрессомъ и общественной реакціей, національный совѣтъ рабочей партіи обращался съ слѣдующимъ воззваніемъ къ „Рабочимъ Франціи":

...Пролетаріямъ нечего дѣлать въ этой битвѣ, которая отнюдь не ихъ и въ которой сталкиваются между собой Буадэффры и Трарьё, Кавеньяки и Ивы Гюйо, Пельё и Галлиффэ. Ихъ дѣло лишь извнѣ отмѣчать удары и повертывать противъ общественнаго порядка—или безпорядка—скандалы военной Панамы, прибавляющіеся къ скандаламъ финансовой Панамы...

...Въ новомъ кризисѣ, который испытываютъ правящіе классы, намъ нечего быть ни эстергазистами, ни дрейфусистами, но мы должны остаться партіей класса, который знаетъ и ведетъ лишь классовую борьбу за освобожденіе труда и человѣчества...

..Рабочіе Франціи, соціалисты, къ орудіямъ же, только къ вашимъ орудіямъ и—пли на все, что не вашъ классъ и не ваше дѣло! *).

Этотъ языкъ военныхъ бюллетеней и приказовъ плохо скрывалъ ту партійную робость, которая снова, какъ десять лѣтъ тому назадъ, овладѣла сердцемъ лично неустрашимаго Гэда. Послѣ временнаго увлеченія успѣхами соціализма въ массахъ и надеждой на быстрое проникновеніе всеобщей подачи голосовъ идеалами рабочей партіи, Гэдъ испытывалъ сильное разочарованіе. Масса, всколыхнутая демагогами шовинизма, не обнаруживала на выборахъ 1898 г. желанія идти съ такой же возрастающей охотой за коллективистами, съ какой двинулись за ними ея непочатые слои въ 1893 г. Очевидно, наступала остановка въ симпатіяхъ трудящагося населенія къ соціалистамъ. И Гэдъ снова сталъ на свою прежнюю точку зрѣнія: будемъ пропагандировать коллективизмъ, и прочая приложатся намъ съ теченіемъ времени; нечего рисковать изъ за какого-то дѣла Дрейфуса организаціей пролетаріата.

Къ сожалѣнію, эти разсчеты оказались невѣрными, и невѣрными потому, что если коллективизмъ не хотѣлъ заняться дѣломъ Дрейфуса, то дѣло Дрейфуса занималось коллективизмомъ. Я хочу этимъ сказать, что скоро во Франціи вся политическая жизнь

*) Манифестъ отъ 24-го іюля 1898 г. въ сборникѣ *Onze ans d'histoire socialiste*, стр. 74—76, passim.

стала вертѣться вокругъ этого явленія, становившагося не только національнымъ, но и интернаціональнымъ. Кто не высказывался такъ или иначе за него, тотъ обрекалъ себя на политическое бездѣйствіе, —состояніе, грозящее самыми серьезными неудобствами всякой живой партіи. Мнѣ нечего напоминать еще разъ о томъ, какъ крупнѣйшая тактическая ошибка Гэда, — къ которой присоединился на сей разъ и Вальянъ, но не ослабляя ее своимъ политическимъ чутьемъ, какъ во времена буланжизма, а еще отягощая,—подготовила почву для тактической же ошибки Жорэса, который, оставаясь въ дѣлѣ Дрейфуса безъ поддержки гэдистовъ и бланкистовъ, пошелъ для союза въ сторону буржуазіи и кончилъ теоріей „сотрудничества классовъ". Отнынѣ дружная работа такихъ выдающихся представителей соціализма, какъ Жорэсъ и Гэдъ, смѣнилась страстной борьбой между ними и ихъ направленіями. Совмѣстная дѣятельность всѣхъ соціалистическихъ фракцій противъ буржуазіи въ періодъ 1893 — 1898 гг. уступила мѣсто междуусобной войнѣ среди соціалистовъ. И лишь въ послѣднее время, цѣною всяческихъ усилій и апелляціи къ интернаціональному соціализму, оба лагеря братьевъ-враговъ пытаются заключить миръ и устранить этимъ мирнымъ договоромъ вредную трату парализующихся борьбою силъ. Надо-ли говорить, что во время этой борьбы уже старѣющійся, уже изломанный обычною болѣзнью Гэдъ всетаки сохранилъ темпераментъ фанатическаго солдата идеи? Еще совсѣмъ недавно, во время знаменитой дуэли на Амстердамскомъ конгрессѣ съ могучимъ противникомъ, онъ производилъ своей страстной, почти истерической импровизаціей-рѣчью противъ Жорэса впечатлѣніе человѣка, для котораго общественная дѣятельность и личное существованіе слились въ одно неразрывное цѣлое...

Было бы, конечно, возможно, анализируя рѣчи Гэда за послѣдніе годы, показать теоретическія и практическія противорѣчія между этой полосой его жизни и непосредственно ей предшествовавшей. Было бы возможно подчеркнуть такія преувеличенія и заостренія его взглядовъ, которыя возбуждаютъ недоразумѣнія даже среди людей, въ общемъ стоящихъ на его точкѣ зрѣнія,—напр., его неловкія фразы, касающіяся буржуазной республики, какъ наиболѣе безжалостной формы классоваго господства. Но все это, съ одной стороны, объясняется психологическимъ закономъ реакціи противъ утвержденій противника, рисующаго, наоборотъ, въ черезчуръ идиллическомъ освѣщеніи буржуазную республику. Съ другой, эти промахи, ошибки и увлеченія не могутъ закрывать отъ взглядовъ безпристрастнаго наблюдателя своеобразную мощь фигуры Гэда, которую можно не любить, позволительно ненавидѣть, но нельзя не уважать. Этотъ теоретическій матеріалистъ обладаетъ душой пламеннаго идеалиста.

Н. Е. Кудринъ.

Изъ Англіи.

I.

„Англійское земледѣліе погибаетъ!“ Такъ констатируютъ одинаково и фритрэдеры, и протекціонисты. „Земледѣліе въ Англіи убито конкурренціей иностранцевъ“—продолжаютъ протекціонисты. Съ каждымъ годомъ потребленіе англійской пшеницы уменьшается, а ввозъ хлѣба изъ-за границы увеличивается. Приведу здѣсь таблицу, показывающую потребленіе въ Англіи пшеницы мѣстной и привозной за пятьдесятъ лѣтъ. Цифры показаны въ тысячахъ бушелей.

Годы.	Потребленіе мѣстной пшеницы.	Потребленіе привозной пшеницы.	Всего.
1853	81774 тысячи буш.	50706 тысячъ буш.	132480
1854	94812 „ „	36364 „ „	131176
1855	122679 „ „	25944 „ „	148623
1856	103637 „ „	42258 „ „	145895
1857	113607 „ „	32701 „ „	146308
1858	128548 „ „	44226 „ „	172774
1859	114069 „ „	40870 „ „	154939
1860	91908 „ „	60696 „ „	152604
1861	81341 „ „	69209 „ „	150550
1862	95824 „ „	95108 „ „	190932
1863	115661 „ „	58638 „ „	174299
1864	132680 „ „	54724 „ „	187407
1865	117577 „ „	49148 „ „	166725
1866	97942 „ „	55981 „ „	153923
1867	79068 „ „	73522 „ „	152590
1868	88420 „ „	68363 „ „	156783
1869	118259 „ „	84217 „ „	202476
1870	99833 „ „	67131 „ „	166964
1871	90495 „ „	81752 „ „	172247
1872	83332 „ „	89588 „ „	172920
1873	79291 „ „	95912 „ „	175203
1874	84198 „ „	92055 „ „	176253
1875	94858 „ „	112572 „ „	207430
1876	72313 „ „	96862 „ „	169175
1877	74257 „ „	118644 „ „	192901
1878	84850 „ „	111708 „ „	196558
1879	75910 „ „	137944 „ „	213854
1880	48610 „ „	128475 „ „	177085
1881	66417 „ „	134486 „ „	200903
1882	67663 „ „	151236 „ „	218899
1883	73663 „ „	160595 „ „	234258
1884	72012 „ „	124920 „ „	196932
1885	74950 „ „	154183 „ „	229133
1886	68200 „ „	124197 „ „	192397
1887	61777 „ „	149395 „ „	211172
1888	69416 „ „	149504 „ „	218920
1889	68730 „ „	146238 „ „	214968
1890	69734 „ „	152758 „ „	222492
1891	69596 „ „	165744 „ „	235340
1892	64567 „ „	176421 „ „	240988
1893	52436 „ „	173319 „ „	225755

Годы.	Потребленіе мѣстной пшеницы.	Потребленіе привозной пшеницы.	Всего.
1894	49441 тысячи буш.	179362 тысячъ буш.	228803
1895	48952 " "	194061 " "	248013
1896	40057 " "	184417 " "	224474
1897	51852 " "	164643 " "	216495
1898	56319 " "	174371 " "	230690
1899	66289 " "	181313 " "	247602
1900	56772 " "	182547 " "	239319
1901	47873 " "	187243 " "	235116
1902	49519 " "	200986 " "	250505
1903	48826 " "	217535 " "	266361 *)

Протекціонисты мирятся еще съ тѣмъ, что часть привознаго хлѣба идетъ изъ британскихъ колоній; но ввозъ изъ-за границы кажется имъ чуть ли не личнымъ оскорбленіемъ. Слѣдующая таблица показываетъ, откуда идетъ хлѣбъ, привозимый въ Англію.

Годы.	Изъ Соедин. Штатовъ. Тоннъ.	Изъ Аргентины. Тоннъ.	Изъ Россіи. Тоннъ.	Изъ Австро-Венгріи. Тоннъ.	Изъ остальныхъ государствъ. Тоннъ.	Изъ британскихъ колон. Тоннъ.
1899	3011000	576000	126000	72000	108000	1032000
1900	2871000	938000	225000	81000	212000	606000
1901	3343000	415000	129000	56000	135000	975000
1902	3248000	227000	331000	48000	270000	1272000
1903	2337000	712000	864000	57000	289000	1578000 **)

Такимъ образомъ, колоніи доставляютъ только около 25% хлѣба, потребляемаго въ Англіи. Иностранныя государства отправляютъ въ Англію въ три раза больше пшеницы, чѣмъ колоніи. И эта цифра растетъ съ каждымъ годомъ. Съ каждымъ годомъ цѣны на пшеницу падаютъ. Въ 1830 г. четверть пшеницы (Quarter, т. е. мѣра въ 480 англійскихъ фунтовъ или 13 пудовъ) стоила въ Англіи 64 ш. 3 пенса, въ 1840 г.—66 ш. 4 пенса, въ 1850 г., послѣ отмѣны хлѣбныхъ налоговъ,—40 ш. 3 пенса, въ 1903 г.—26 ш. 9 пенсовъ.

Въ Англіи акръ пшеницы обходится фермеру въ 7—8 фунтовъ, въ Америкѣ 1 ф.—4 ф. 4 ш. ***). Такимъ образомъ, повидимому, теряется совершенно надежда на возрожденіе земледѣлія въ Англіи.

Рядомъ съ этими фактами нужно сопоставить цыфры, показывающія, сколько людей занято земледѣльческимъ трудомъ въ Англіи. По свѣдѣніямъ, добытымъ всеобщими переписями, такихъ людей въ Англіи и въ Уэльсѣ было:

*) „Daily Mail". Year Book, 1905, p. 278. См. также „Whitaker's Almanach", 1905, p.p. 338—349.

**) По отчетамъ „London Gazette" за 1904 г. См. также „D. M." Year Book, 1905, p. 284.

***) Report issuedby the Foreign Office.

Въ 1851	1904687
„ 1861	1803049
„ 1871	1423854
„ 1881	1199827
„ 1891	1099572
„ 1901	988340

Другими словами, переписи констатирують все болѣе и болѣе усиливающееся бѣгство населенія изъ деревень въ города. Въ деревняхъ остаются только старики, калѣки и слабоумные, у которыхъ нѣтъ никакой надежды на успѣхъ въ городѣ. По отчетамъ, публикуемымъ Board of Trade, видно, что за послѣднія двадцать лѣтъ чаще всего банкротятся фермеры. Земли переходятъ отъ арендаторовъ фермеровъ къ лэндлордамъ, и нивы обращаются въ пастбища, Въ 1866 г. въ Англіи было 11.148,814 акровъ постоянныхъ пастбищъ, а въ 1903 г. — 16.934,495 *). Увеличеніе это — на счетъ нивъ. Въ 1866 г. подъ пшеницей было 3.350,394 акра, а въ 1903 г.—1.497,257 акровъ. Англійскій фермеръ не можетъ держаться больше, не смотря на интенсивность культуры. Средній урожай пшеницы съ акра земли составляетъ:

Во Франціи	20	бушелей
Въ Германіи	18	„
„ Россіи	12	„
„ Австріи	16	„
„ Венгріи	12	„
„ Италіи	12	„
„ Швеціи	20	„
„ Норвегіи	25	„
„ Даніи	25	„
„ Голландіи	23	„
„ Бельгіи	24	„
„ Соедин. Штат.	24	„
„ Австраліи	10	„
„ Англіи	33	бушеля **).

Какъ относятся къ этимъ фактамъ протекціонисты и фритредеры, напрягшіе теперь въ борьбѣ всѣ усилія?

II.

Протекціонисты утверждаютъ, что виновникомъ гибели англійскаго земледѣлія является свободная торговля.

„Въ теченіе шестидесяти лѣтъ мы держимся экономической системы, которая была принята нашими дѣдами и отцами, когда условія въ Англіи были совершенно иныя,—говоритъ вождь протекціонистовъ.—Мы дозволяемъ теперь иностранцамъ привозить къ намъ все, что они производятъ (хотя то же самое мы и сами могли бы производить) и не беремъ съ нихъ ни фартинга по-

*) Agriculture and Tariff Reform, 1904, p. 29.
**) Ib., p. 31—32.

шлинъ. Наши конкуренты ничего не расходуютъ на поддержаніе порядка, который приноситъ имъ такія громадныя выгоды. И въ то же самое время иностранные народы, широко пользующіеся нашей щедростью и великодушіемъ, не впускаютъ безпошлинно къ себѣ ничего изъ того, что мы производимъ. Если наши торговцы пріѣзжаютъ со своими товарами къ нѣмцамъ или къ французамъ, то должны платить пошлины, т. е. обязаны на свой счетъ поддерживать государственный порядокъ" *). Свободная торговля убила земледѣліе, какъ убиваетъ британскую фабричную промышленность,—говорятъ протекціонисты. Правда, вредное вліяніе системы долго не сказывалось, наоборотъ даже, повидимому, Англія благоденствовала. Но все это, по мнѣнію протекціонистовъ, объясняется слѣдующимъ. Въ продолженіе тридцати лѣтъ послѣ введенія свободной торговли земледѣліе за границей не дѣлало никакого прогресса. Поля на „дикомъ западѣ" въ Америкѣ не были еще вспаханы. Ввозъ хлѣба въ Англію изъ-за границы не былъ еще особенно великъ. Иностранцы тогда не имѣли ни достаточнаго капитала, ни искусныхъ работниковъ, ни хорошихъ машинъ,—говоритъ Чэмберленъ.—Но теперь все измѣнилось. Иностранцы добыли деньги, нашли ловкихъ работниковъ и научились дѣлать отличныя машины. Сперва они снабдили собственные внутренніе рынки всѣмъ необходимымъ, а потомъ стали присылать свои фабрикаты къ намъ, въ Англію, причиняя этимъ громадные убытки британскимъ производителямъ и работникамъ". Больше всѣхъ отъ свободной торговли пострадали англійскіе фермеры и сельскіе работники.

Факты не совсѣмъ подтверждаютъ положенія, высказанныя Чэмберленомъ. Во-первыхъ, никогда сельскіе работники въ Англіи не переживали такихъ отчаянныхъ моментовъ, какъ въ началѣ XIX вѣка, въ эпоху расцвѣта протекціонизма. Тогда сельскій работникъ былъ совершенно безправнымъ существомъ, зависѣвшимъ всецѣло отъ фермера, сквайра и попа. Работникъ питался чернымъ хлѣбомъ и картофелемъ, жилъ вмѣстѣ со свиньями. Мясо онъ видѣлъ у себя на столѣ разъ въ недѣлю, чай считалъ роскошью. Теперь въ Англіи черный хлѣбъ неизвѣстенъ, мясо составляетъ значительную часть питанія. Семья сельскаго работника потребляетъ теперь, въ общемъ, 7,2 анг. ф. (т. е. около 8 русскихъ ф.) мяса въ недѣлю. У городскихъ рабочихъ потребленіе мяса больше на 2,1 ф. въ недѣлю. Чай, сахаръ, сыръ, масло и варенье тоже фигурируютъ ежедневно на столѣ „ходжа" (сельскаго работника). Живетъ онъ теперь въ коттэджахъ въ 3 комнаты, одѣвается тепло и чисто. Дѣти его ходятъ въ школу, потому-что власть сквайра и попа исчезла. Если „ходжъ" бѣжитъ теперь изъ деревни въ городъ, то не потому, что въ деревнѣ

*) Speech delivered by Chamberlain, Welbeck, on August 4-th, 1904.

теперь хуже, чѣмъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а потому, что въ городѣ большіе заработки и бо́льшая независимость, чѣмъ въ деревнѣ. „Ходжъ“ получаетъ теперь меньше, чѣмъ его товарищи въ городѣ, но онъ получаетъ больше, чѣмъ сельскіе работники въ странахъ, гдѣ существуетъ протекціонизмъ. Слѣдующая таблица показываетъ заработную плату въ деревнѣ:

Годы	въ Англіи	во Франціи	въ Германіи	въ С. Штат. *).
1850	9 ш. 6 п. въ нед.	9 ш. — въ нед.	8 ш. 6 п. въ нед.	— 16 ш. въ нед.
1870	15 „ — „	12 „ 6 і. „	10 „ 6 „ „	1 ф. — „
1880	17 „ 6 „ „	14 „ — „	12 „ 6 „ „	1 „ 5 „ „

Съ тѣхъ поръ заработная плата сельскихъ работниковъ почти фиксирована. Англійскій „ходжъ“ получаетъ абсолютно больше, чѣмъ нѣмецкій или французскій сельскій работникъ. Кромѣ того, его заработная плата, по причинѣ свободной торговли, имѣетъ большую покупательную способность: въ Англіи хлѣбъ, мясо, чай, сахаръ, платье—дешевле, чѣмъ на континентѣ.

Итакъ, положенія, высказываемыя протекціонистами, не подтверждаются фактами. Возвратимся, однако, къ тому толкованію, которое даетъ Чэмберлэнъ фактамъ, приведеннымъ въ началѣ письма.

„За послѣднія тридцать лѣтъ площадь, занятая пашнями всякаго рода, уменьшилась на три милліона акровъ. Пастбища увеличиваются насчетъ нивъ. Все это, прежде всего, имѣетъ громадное значеніе для сельскаго работника, потому что означаетъ уменьшеніе спроса на его трудъ. Живой инвентарь уменьшился за 30 лѣтъ на два милліона головъ. Капиталъ фермеровъ, по разсчетамъ сэра Роберта Гиффена, уменьшился на 200 мил. ф. ст. Каковъ выводъ изъ всего этого? А тотъ, что въ деревнѣ теперь меньше работы. За 30 лѣтъ число „рукъ“ въ деревнѣ уменьшилось на 600.000... Не было еще пророка столь несчастливаго въ своихъ предсказаніяхъ, какъ Кобдэнъ,—продолжаетъ Чэмберлэнъ въ другомъ мѣстѣ.—Кобдэнъ предвѣщалъ, что отмѣна хлѣбныхъ налоговъ увеличитъ спросъ на трудъ сельскихъ работниковъ. Сбылись ли предсказанія? Половина всѣхъ сельскихъ рабочихъ теперь безъ работы. Кобдэнъ увѣрялъ, что свободная торговля не обратитъ въ пастбище ни одного акра нивы и не уменьшитъ производительность полей даже на бушель. Между тѣмъ, Англія производитъ теперь на шестьдесятъ милліоновъ бушелей меньше, чѣмъ раньше. Кобдэнъ утверждалъ, что доходы фермера не пострадаютъ, и что онъ всегда получитъ хорошую цѣну за свою пшеницу. Кобдэнъ не предвидѣлъ, что цѣнность ея будетъ ниже 45 шил. за четверть. Онъ предсказывалъ, что высокій фрахтъ, достигающій 10 ш. 6 п. за четверть, образуетъ своего рода существенный протекціонизмъ для защиты на англій-

*) Agriculture and Tariff Reform, 1904, p. 45.

скихъ рынкахъ туземнаго хлѣба отъ заграничнаго. Между тѣмъ, съ развитіемъ пароходства доставка четверти хлѣба изъ Аргентины или Соединенныхъ Штатовъ стоитъ не полгинеи, а только нѣсколько пенсовъ. Пшеница стоитъ теперь 26 шил. за четверть. При такихъ цѣнахъ не выгодно сѣять ее" *).

Талантливый ораторъ, который такъ часто и такъ радикально мѣнялъ свои убѣжденія и постоянно дѣлалъ предсказанія, которыя всегда оправдывались... наоборотъ, — очень строгъ къ Кобдэну. Чтобы нанести фритрэдерству рѣшительный ударъ, ораторъ упрекаетъ знаменитаго борца пятидесятыхъ годовъ тѣмъ, чего тотъ никогда не говорилъ.

Кобдэнъ не дѣлалъ предсказаній, которыя ему теперь навязываются протекціонистами. Свободная торговля была принята потому, что ее считали крайне выгодной для британскихъ интеретовъ, а не потому, что Кобдэнъ обѣщалъ что нибудь или предсказывалъ... Ни въ одной изъ рѣчей Кобдэна во время борьбы противъ хлѣбныхъ налоговъ нѣтъ ни одного предсказанія, что сдѣлаютъ другія государства, когда Англія введетъ свободную торговлю. Никогда ни Кобдэнъ, ни Пиль не утверждали во время борьбы, что и другія страны послѣдуютъ примѣру Великобританіи. Правда, въ упоеніи успѣхомъ, въ 1846 г., когда министерство обѣщало отмѣнить хлѣбные налоги, Кобдэнъ замѣтилъ вскользь, что фритрэдерство увлечетъ и другія страны. Но это еще не означаетъ, какъ говорятъ теперь протекціонисты, что *вся борьба* противъ хлѣбныхъ налоговъ основывалась Кобдэномъ на одномъ аргументѣ: на обѣщаніи, что и другія государства, по примѣру Англіи, отмѣнятъ таможенныя пошлины" **).

Теперь протекціонисты стараются убѣдить сельскихъ работниковъ, что они прямо заинтересованы въ возвращеніи къ протекціонизму. Сквайры и попы, которые когда-то такъ донимали „ходжа", воспылали вдругъ необыкновенной нѣжностью и заботливостью къ нему. „Свободную торговлю вводили, не справляясь съ мнѣніемъ и интересами сельскихъ работниковъ, которые тогда не имѣли права голоса... Теперь все измѣнилось: сельскій работникъ можетъ подавать свой голосъ на выборахъ". Ораторъ убѣждаетъ „ходжа" стоять за налогъ на хлѣбъ. Протекціонизмъ означаетъ повышеніе цѣнъ на пшеницу. Это обстоятельство поведетъ къ тому, что фермеры снова найдутъ выгоднымъ для себя пахать и сѣять. А въ такомъ случаѣ будетъ большой спросъ на сельскихъ работниковъ. Разъ будетъ спросъ, то повысится и заработная плата. Выводъ: 1) англійское земледѣліе можетъ быть спасено пошлинами на хлѣбъ, 2) если „ходжъ" желаетъ повышенія заработной платы, мы должны голосовать на выборахъ за доро-

*) *Welbeck speech*, см. *Times*, August 5-th, 1904.

**) Facts versus Fiction, изданія Кобдэновскаго клуба. 1904, p. 15—16.

той хлѣбъ. „Что лучше,—спрашиваютъ протекціонисты,—имѣть ли дешевый хлѣбъ и пустой карманъ, или дорогой хлѣбъ и *много* денегъ въ кошелькѣ, чтобы купить все"?

Исторія Англіи въ началѣ и серединѣ XIX вѣка не свидѣтельствуетъ, однако, о томъ, что дорогой хлѣбъ сопровождается полнымъ кошелькомъ у работниковъ. Вотъ, напр., только что вышедшая книга, составленная изъ воспоминаній старыхъ работниковъ о временахъ протекціонизма. „Соль тогда стоила двадцать одинъ шиллингъ за бушель,—пишетъ восьмидесяти-четырехлѣтній сельскій работникъ Чарльзъ Робинсонъ.—Когда у насъ убивали свинью, то полтуши нужно было отдать за соль, чтобы заготовить впрокъ другую половину... Хлѣбъ тогда стоилъ 1 ш. 3 пенса за ковригу въ четыре фунта. За унцъ чая платили $6^1/_2$ пенсовъ, а за фунтъ сахара—восемь пенсовъ. Да еще то былъ тростниковый сахаръ, мокрый до того, что ковыряли мы его ложечкой". Теперь фунтъ сахара стоитъ $2^1/_2$ пенса, фунтъ чая—1 шил. и пр. Другой старый работникъ Джозефъ Баддингтонъ вспоминаетъ: „Въ шестнадцать лѣтъ я получалъ 2 ш. 6 п. въ недѣлю (1 рубль 20 коп.). Потомъ ушелъ въ другую деревню, за 2 ф. 10 шил. въ годъ. Въ девятнадцать лѣтъ я получалъ въ годъ 4 фунта 15 шил. Въ двадцать четыре года фермеръ предложилъ мнѣ 6 ш. 6 п. въ недѣлю. Въ то время это считалось отличнымъ заработкомъ. Слышалъ я, сквайръ говорилъ недавно, что шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ на 6 ш. 6 п. можно было купить столько же, сколько теперь на 23 шил. Въ 1845 г. четырехфунтовая коврига стоила 1 ш. 4 пенса, скверный сахаръ 9 пенсовъ, коринка—6 пенсовъ. А въ 1899 г., до бурской войны, за хлѣбъ мы платили 3 пенса, за сахаръ 2 п., за коринку для пуддинга—2 п. Такъ что теперь на шесть шиллинговъ можно накупить то, за что мой отецъ платилъ 1 ф. 3 ш. Но въ то время мы, сельскіе работники, мало могли привередничать насчетъ ѣды. Питались мы рѣпой, ячменными лепешками да клецками изъ отрубей. Хорошій бѣлый хлѣбъ, какой ѣдимъ теперь, тогда считался роскошью, какъ ростбифъ. Многіе работники тогда и не знали, что такое свѣжее мясо. Они только изрѣдка ѣли копченое сало да солонину". Работникъ Барнардъ вспоминаетъ: „ѣли мы тогда черный хлѣбъ, да еще такой скверный, что онъ никогда не выпекался, садился въ печи и выходилъ лепешками. Надрѣзанный хлѣбъ черезъ день покрывался плѣсенью, и запахъ отъ него шелъ тяжелый".

„Хлѣбъ и соль стоили дорого,—пишетъ старикъ Геффель,—вѣроятно, потому, что безъ нихъ работникъ не могъ обойтись. Деревенская лавочка торговала плохо, да и то больше на книжку, потому денегъ у насъ было мало. Богатѣлъ только сквайръ. Въ нашей деревнѣ мясникъ убивалъ только одну корову въ недѣлю, причемъ продавалъ полтуши, а другую часть отвозилъ въ городъ. Теперь жителей въ деревнѣ гораздо меньше, а между тѣмъ мяс-

никъ рѣжетъ въ недѣлю двухъ коровъ, да, кромѣ того, еще свиней и овецъ".„—Въ то время „ходжу" жилось такъ плохо,—вспоминаетъ старикъ Джэкобсъ, — что только и слышно было про бунты въ деревняхъ, про поджоги стоговъ и фермъ, про смертныя казни и про ссылки въ Австралію. Помню я, предсѣдатель суда въ Винчестерѣ обратился къ присяжнымъ и просилъ ихъ судить построже, потому что „сельскіе работники всѣ до одного воры и разбойники". Судья этотъ потомъ взывалъ къ помѣщикамъ, убѣждая ихъ соединиться противъ „чумы", т. е. насъ. На фермѣ, гдѣ я работалъ, каждый день говорили, что того или другого товарища увезли въ тюрьму". Не многимъ лучше была тогда доля „ходжа", который уходилъ изъ деревни на фабрику въ городъ. „Моя старшая сестра уходила на ткацкую фабрику очень рано,—вспоминаетъ Джорджъ Олдфилдъ.—Какъ только мнѣ исполнилось девять лѣтъ, опредѣлили на фабрику и меня. Всю жизнь буду я помнить про то время! Вставали мы въ пять часовъ утра и шли на фабрику. Въ восемь дѣлался перерывъ на полчаса, затѣмъ другой такой же—въ 12 часовъ. Потомъ работали до четырехъ и послѣ короткаго перерыва въ нѣсколько минутъ—до $8^1/_2$ ч. Такимъ образомъ мы, девятилѣтнія дѣти, работали $12^1/_2$ часовъ въ сутки за 4 шил. въ недѣлю. На человѣка въ семьѣ приходилось, въ общемъ, по 1 ш. 2 п. въ недѣлю... Спали тогда по нѣскольку человѣкъ въ одной постели" *). Нашего крестьянина или фабричнаго это, конечно, поразить не можетъ. Джорджъ Олдфилдъ съ ужасомъ, напр., отмѣчаетъ, что въ семьѣ одно одѣяло приходилось на два человѣка. Такой фактъ можетъ поразить англійскаго работника, привыкшаго къ удобной постели и къ постельному бѣлью, но не крестьянина, спящаго на полу, безъ простыней, и покрывающагося не одѣялами, а верхнимъ платьемъ. Но нужно стать при оцѣнкѣ этихъ фактовъ на англійскую точку зрѣнія. Слѣдуетъ знать, что Джорджъ Олдфилдъ описываетъ условія жизни ткачей въ Ланкаширѣ. Какъ измѣнились тамъ эти условія за 70 лѣтъ! Теперь семья ланкаширскихъ ткачей зарабатываетъ отъ 3—10 фунтовъ въ недѣлю. Живутъ тамъ работники въ удобныхъ коттэджахъ, въ 4—5 комнатъ. Въ домахъ можно найти піанино, мягкую мебель, ковры, маленькія библіотечки. Протекціонистамъ тамъ трудно убѣдить работниковъ, что свободная торговля—гибельна для нихъ.

*) The Hungry Forties. London. 1904, p.p. 18—274 (изданіе T. Ficher Unwin).

III.

Посмотримъ, что отвѣчаютъ фритрэдеры протекціонистамъ, когда послѣдніе констатируютъ плачевное положеніе земледѣлія въ Англіи.

„Совершенно нелѣпо говорить о гибели земледѣлія, — заявляетъ Кобдэновскій клубъ. — Въ англійской деревнѣ мы различаемъ три элемента: землевладѣльца, арендатора-фермера и сельскаго работника. Землевладѣлецъ (the sleeping partner, по терминологіи Кобдэновскаго клуба) и фермеръ дѣйствительно сильно пострадали въ послѣднія двадцать пять лѣтъ вслѣдствіе паденія цѣнъ на сельскіе продукты. Рента значительно понизилась, хотя, главнымъ образомъ, въ земледѣльческихъ округахъ Англіи, а не тамъ, гдѣ лежатъ пастбища. Нужно помнить однако, что рента сильно повысилась въ 1855—1875 г.г. Врядъ ли гдѣ-нибудь въ Англіи арендная плата на землю пала ниже, чѣмъ была пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Прибыль фермеровъ тоже сильно понизилась въ послѣдніе годы. Значительная часть нивъ обращена въ пастбища. Все это такъ. За то третій элементъ деревни, сельскіе работники особенно выиграли отъ замѣны протекціонизма фритрэдерствомъ. Не только повысилась заработная плата, но понизилась, параллельно съ этимъ, стоимость платья и пищи. Не подлежитъ сомнѣнію, что благосостояніе сельскихъ работниковъ теперь на 50 проц. лучше, чѣмъ 25 лѣтъ тому назадъ, и на 100 проц. лучше, чѣмъ въ 1846 г.

Вѣрно, что число сельскихъ работниковъ уменьшилось. Часто утверждалось, что „ходжа“ гонитъ изъ деревни отсутствіе заработка и затруднительное положеніе фермеровъ. Но въ дѣйствительности мы видимъ нѣчто другое,—продолжаетъ Кобдэновскій клубъ *). Сельскіе работники уходятъ въ городъ потому, что разсчитываютъ на болѣе высокіе заработки на фабрикѣ, на желѣзной дорогѣ, въ полиціи и пр. Исходъ изъ деревни, начавшійся въ періодъ между 1870 и 1880 гг., прежде чѣмъ пали цѣны на хлѣбъ, вызвалъ повышеніе заработной платы на фермахъ. Это обстоятельство усилило затруднительное положеніе фермеровъ. Стоимость производства возросла. Фермеры принуждены были возможно больше экономничать и сокращать число работниковъ. Превращеніе пашенъ въ пастбища въ значительной степени объясняется повышеніемъ стоимости труда и пониженіемъ производительности земли. Но уменьшеніе числа сельскихъ работниковъ нельзя объяснить только сокращеніемъ площади пахотной земли. Значительная экономія въ живомъ трудѣ была вы-

*) *Cobden Club's Reply.* Ruined and threatened trades. 1904, p.p. 58—62.

гадана на фермахъ всякаго рода путемъ введенія сельскохозяйственныхъ машинъ. Побужденіемъ къ соблюденію экономіи явилось повышеніе заработной платы и исходъ изъ деревни въ городъ.

Процессъ превращенія пашенъ въ пастбища сократилъ, конечно, производительность земли. Но очень легко преувеличить вліяніе процесса,—объясняютъ экономисты Кобденовскаго клуба. Мѣрой пониженія является разница между производительностью земли подъ плугомъ и когда она обращена въ лугъ. Нужно помнить, что $^3/_7$ площади Англіи всегда были пастбищемъ. Въ 1871—75 гг. площадь пастбищъ измѣрялась 10.460,000 акровъ, а пашенъ 13 460,000 акровъ. Съ тѣхъ поръ пашни уменьшились на 2.500.000 акровъ. Пятая часть обрабатываемой земли превращена была въ луга. Площадь, занятая раньше пастбищемъ, увеличилась, такимъ образомъ, на 25 проц. Потеря страны отъ этого процесса, — говорятъ кобдэнисты, — измѣряется разницей между цѣнностью продуктовъ, доставляемыхъ этой землей раньше и теперь. При нынѣшнихъ цѣнахъ разница эта не больше, чѣмъ 3—4 ф. ст. на акръ. Хотя потеря эта на первый взглядъ кажется значительной, но она уравновѣшивается громадной выгодой, извлекаемой всѣмъ населеніемъ Англіи изъ паденія цѣнъ на пищевые продукты всякаго рода. Выиграли также фабриканты, имѣющіе теперь возможность покупать дешево сырые продукты для обработки.

Выгода, получаемая страной отъ свободной торговли, на много милліоновъ превышаетъ потери вслѣдствіе уменьшенія производительности земли.

Въ настоящее время вліяніе ренты и рабочаго рынка создало извѣстную систему равновѣсія въ земледѣльческихъ округахъ Англіи. Всюду есть желающіе арендовать фермы. Въ нѣкоторыхъ графствахъ является даже больше желающихъ, чѣмъ свободныхъ фермъ. Это показываетъ, что есть еще способные къ земледѣльческому труду люди, увѣренные, что можно съ выгодой вложить свой капиталъ и трудъ въ деревнѣ. Земля въ Англіи обрабатывается еще. Число лошадей, коровъ и мелкаго скота значительно увеличилось. Я приведу здѣсь нѣсколько цыфръ, показывающихъ живой инвентарь въ Англіи и Ирландіи. Цыфры взяты изъ статьи проф. Джэмса Лонга, помѣщенной въ годичномъ обзорѣ *Manchester Guardian.*

ВЪ АНГЛІИ:

	1904.	1903.
Лошадей	1,560,236	1,537,154
Круп. рог. скота	6,860,352	6,704,618
Овецъ	25.207,174	25,639,797
Свиней	2,861,644	2,686,551

ВЪ ИРЛАНДІИ:

Лошадей	608,811 .	595,746
Муловъ	29,941 .	29,795
Ословъ	244,167 .	243,241
Круп. рог. скота .	4,677,132 .	4,664,112
Овецъ	3,827,884 .	3,944,604
Свиней	1,315,523 .	1,383,516
Козъ	290,318 .	299,120 *)

Въ послѣдніе годы значительно увеличиваются огородничество и садоводство. При наличности этихъ условій,—продолжаютъ кобдэнисты,—хотя можно пожалѣть нѣкоторыхъ фермеровъ, потерпѣвшихъ убытки вслѣдствіе паденія цѣнъ,—приходится только порадоваться улучшенію положенія сельскихъ работниковъ. Совершенно непонятно, какъ можно говорить, будто вообще землеземледѣліе въ Англіи убито.

Совершенно вѣрно,—говорятъ фритрэдеры,—что Кобдэнъ не думалъ, что интересы фермеровъ пострадаютъ отъ введенія свободной торговли. Предположенія его подтвердились въ теченіе тринадцати лѣтъ. Послѣ отмѣны хлѣбныхъ налоговъ цѣнность земли увеличилась параллельно съ возрастаніемъ благосостоянія населенія. Такъ продолжалось до 1878 г., когда цѣны начали падать; процессъ этотъ наблюдается до настоящаго времени. Не одна только Англія страдаетъ теперь отъ земледѣльческаго кризиса. Чувствуется онъ также въ Германіи, Франціи и, въ особенности, въ восточныхъ штатахъ Сѣверной Америки.

Если бы Кобдэнъ предвидѣлъ паденіе цѣнъ на хлѣбъ и пониженіе ренты, взгляды его на свободную торговлю, навѣрное, не измѣнились бы. Онъ часто повторялъ, что высокая рента является главной причиной земледѣльческихъ кризисовъ и отнюдь не можетъ служить показателемъ благосостоянія. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ заявилъ, что понизилъ ренту въ своей вотчинѣ въ Сусексѣ и убѣдилъ помѣщиковъ послѣдовать его примѣру. Если бы Кобдэнъ могъ предвидѣть, что случится черезъ тридцать лѣтъ послѣ отмѣны хлѣбныхъ налоговъ,—продолжаютъ фритрэдеры,—онъ еще съ большею настойчивостью сталъ бы проповѣдывать необходимость земельныхъ реформъ, которыя настоятельно рекомендовалъ тогда. Преобразованія эти должны были ввести въ Англіи мелкое землевладѣніе. Въ такомъ случаѣ, исходъ изъ деревень не принялъ бы массоваго характера, какъ теперь. Во всякомъ случаѣ, — заканчиваютъ кобдэнисты, — система свободной торговли существуетъ въ Англіи шестьдесятъ лѣтъ. Населеніе привыкло имѣть дешевую пищу и платье по недорогой цѣнѣ. Было бы чистымъ безуміемъ мѣнять все это теперь. Искусственное повышеніе цѣнъ неминуемо поведетъ за собою пониженіе заработной платы и ухудшеніе положенія рабочаго класса.

*) „The Year's Agriculture". *The Manchester Guardian,* Saturday, December 31, 1904, p. 43,

Быть можетъ, читатели вспомнятъ любопытное, колоссальное изслѣдованіе Райдера Хаггарда „Rural England“, о которомъ я писалъ въ *Русскомъ Богатствѣ* въ 1902 г. *). Авторъ—протекціонистъ. Онъ думаетъ, что налоги на хлѣбъ помогли бы фермерамъ стать на ноги, но, въ то же время, полагаетъ, что это средство непримѣнимо. „Ходжъ“—смиренъ, но есть одно, что заставило бы его начать бунтовать. И это — дорогой хлѣбъ. Возвращеніе къ протекціонизму создало бы въ Англіи аграрную революцію,—по мнѣнію Райдера Хаггарда. Тѣ явленія, о которыхъ вспоминаетъ одинъ изъ авторовъ цитированной выше книги *The Hungry Forties*, — не только вполнѣ возможны при возвращеніи къ дорогому хлѣбу, но примутъ вѣроятно болѣе организованный и болѣе грозный характеръ.

IV.

Итакъ, серьезные изслѣдователи полагаютъ, что налогъ на хлѣбъ непрактичное средство для возрожденія англійскаго земледѣлія. Протекціонисты предлагаютъ налогъ въ 2—5 шиллинговъ на четверть *иностранной* пшеницы. Врядъ ли англійскіе фермеры выиграли бы что нибудь отъ этого. Ихъ конкурентами на англійскомъ рынкѣ явились бы немедленно канадскіе и австралійскіе фермеры. Теперь, когда они встрѣчаются съ конкурентами изъ Соедин. Штатовъ, Россіи и Аргентины, они посылаютъ шесть милліоновъ четвертей пшеницы. Когда же конкуренты будутъ устранены пошлиной (колоніальные продукты будутъ избавлены отъ нея), Канада и Австралія заполнятъ своею пшеницей англійскій рынокъ. Англійскіе фермеры будутъ сметены.

Конечно, имъ все равно, кто вытѣснитъ ихъ: колоніальные ли конкуренты, или иностранцы. Налогъ на хлѣбъ принесъ бы выгоду только Канадѣ и Австраліи, но не спасъ бы англійскихъ фермеровъ.

Посмотримъ на другіе проекты, предлагаемые для спасенія англійскаго земледѣлія. Многіе изъ нихъ сводятся къ замѣнѣ нынѣшней системы землевладѣнія другой и къ введенію класса мелкихъ фермеровъ-собственниковъ **). Начнемъ съ проектовъ протекціонистовъ.

Въ 1896 г. министерство Розбери назначило коммиссію для изслѣдованія причинъ паденія земледѣлія въ Англіи. Коммиссія собрала богатый матеріалъ и намѣтила рядъ реформъ, изъ которыхъ осуществлена только очень незначительная часть. Къ сожалѣнію, совершенно вѣрно, — читаемъ мы въ оффиціальномъ отчетѣ, — что со времени послѣдняго изслѣдованія положеніе

*) См. очеркъ „Земля“ въ моей книгѣ „Англійскіе этюды“.
**) См. тамъ же.

земледѣлія ухудшилось. Фермеры переживаютъ очень тяжелый кризисъ. Они понесли значительныя потери въ капиталѣ и получаютъ очень небольшіе доходы; правильнѣе было бы сказать,— никакихъ доходовъ. Большая часть фермеровъ разорена, остальные еле-еле сводятъ концы съ концами. Количество сельскихъ работниковъ уменьшается, не смотря на то, что населеніе Англіи быстро возрастаетъ. Тамъ, гдѣ фермеры держатся еще, обусловливается это слѣдующими причинами: уменьшеніемъ ренты, экономіей въ работѣ, паденіемъ цѣнъ на удобренія и на привозный кормъ для скота, а также на всѣ продукты, не производимые на фермѣ. Чтобы снять и вести ферму, требуется теперь меньше капитала, чѣмъ въ былое время высокихъ цѣнъ и значительной ренты. Земельная реформа, проведенная парламентомъ въ 1896 г. (Agricultural Rating Act, о которомъ см. упомянутый очеркъ „Земля"), принесла нѣкоторое облегченіе фермерамъ, но многое еще остается сдѣлать. Образованіе должно быть такъ же общедоступно для сельскаго населенія, какъ и для городского. Фермерамъ необходимо соединиться въ союзы съ цѣлью улучшить качество молочныхъ продуктовъ и чтобы возможно скорѣе и дешевле доставлять эти продукты на рынокъ. Кооперація необходима также для пріобрѣтенія сообща лучшаго удобренія, корма для скота и сѣмянъ. Пониженіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ на сельскіе продукты явится значительнымъ облегченіемъ для земледѣлія *). Мы пришли также къ заключенію, что большую пользу принесъ бы законъ, который обезпечилъ бы

---

*) Нѣсколько фактовъ выяснятъ значеніе этихъ словъ. Перевозка грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ въ Англіи обходится дороже, чѣмъ гдѣ бы то ни было на континентѣ. Доставить тонну угля за сто миль по желѣзной дорогѣ стоитъ въ Америкѣ 1 ш. 8 п., въ Бельгіи — 2 ш. 10 п., въ Германіи— 3 ш. 8 п., Въ Англіи — 7 ш. 6 пенсовъ. Доставить тонну яблокъ изъ Фолькстона въ Лондонъ (сто верстъ съ лишнимъ) стоитъ 1 ф. 14 ш. 1 п.

изъ Калифорніи въ Лондонъ . . . 15 ш. 8 п.

2) Перевозка тонны говядины:
изъ Ливерпуля въ Лондонъ . . . 2 ф. — ш. — п.
„ Аргентины „ „ . . . — 11 „ 5 „

3) Доставка тонны яицъ:
изъ Голуэй (въ Ирландіи) въ Лондонъ . 4 ф. 14 ш. — п.
„ Даніи въ Лондонъ . . . . 1 „ 4 „ — „
„ Россіи въ „ . . . . 1 „ 2 „ — „
„ Нормандіи въ Лондонъ . . . . . . — „ 16 „ 8 „

4) Доставка тонны сливъ, яблокъ или грушъ:
изъ Куинборо въ Лондонъ (65 верстъ) . 1 ф. 5 ш. — п.
„ Флешинга (въ Голландіи) . . . . — „ 12 „ 6 „

5) Доставка тонны желѣзныхъ издѣлій:
изъ Бирмингама въ Лондонъ . . — ф. 10 ш. 9 п.
„ Германіи . . . . — „ 4 „ 9 „

(См. книгу *George J. Wardle*, „Nationalization of Railways", 1904, p. p. 28 и дальше).

права арендатора: фермеръ долженъ получить полное вознагражденіе за сдѣланныя имъ улучшенія. Такой законъ поощрялъ бы фермеровъ вкладывать капиталъ въ арендуемые ими участки.

„Мы полагаемъ,—продолжаетъ коммиссія,—что при соответствующихъ реформахъ земледѣліе можетъ держаться въ Англіи, не смотря на низкія цѣны. Оно въ состояніи приносить прибыль фермерамъ, хотя, быть можетъ, не такую высокую, какъ раньше... Въ нѣкоторыхъ графствахъ, гдѣ почва и положеніе не благопріятны, земледѣліе такъ сильно пострадало, что надежды на возрожденіе его крайне слабы. Если доходы фермера зависятъ только отъ урожая пшеницы, цѣны на которую сильно упали, и если, къ тому же, онъ не можетъ сократить свои расходы по найму рабочихъ,—то, очевидно, долженъ наступить моментъ, когда арендаторъ не будетъ въ состояніи платить ренту и обрабатывать землю. Этотъ именно моментъ наступилъ уже въ юго-восточной части Эссекса. То же случилось бы и во многихъ другихъ мѣстахъ, если бы земледѣльцы и арендаторы не предприняли большихъ жертвъ для предотвращенія катастрофы. Когда средства у этихъ фермеровъ истощатся, то, если пшеница не повысится въ цѣнѣ, большая площадь пахатной земли превратится въ грубыя пастбища, представляющія очень малую цѣнность... Положеніе земледѣлія не можетъ быть улучшено дальнѣйшимъ пониженіемъ ренты, все равно, добровольнымъ или принудительнымъ. Измѣненіе арендныхъ условій тоже не принесетъ радикальнаго облегченія. Въ нѣкоторыхъ графствахъ рента уже такъ низка, что ея не хватаетъ на поддержаніе усадьбы, службъ и дренажа. Дальнѣйшее пониженіе арендной платы было бы прямо не выгодно для фермера. Не подлежитъ сомнѣнію, что во многихъ мѣстахъ мелкіе фермеры могли бы отлично продержаться; но въ тѣхъ графствахъ, гдѣ земледѣліе теперь совершенно убито, по нашему мнѣнію, и мелкіе фермеры ничего не сдѣлали бы. Землевладѣльцы отнюдь не налагаютъ тягостныхъ условій на мелкихъ фермеровъ и не желаютъ ихъ терять *). Законодательство, которое повело бы за собою сокращеніе доходовъ лэндлорда, было бы скорѣе не выгодно для арендатора... Тяжелое положеніе земледѣлія обусловливается, главнымъ образомъ, паденіемъ цѣнъ, которое, въ свою очередь, вызвано соперничествомъ иностранцевъ. Такъ какъ условія эти продолжаютъ существовать, то слѣдуетъ ожидать дальнѣйшаго превращенія пашенъ въ пастбища". Среди подписавшихъ протоколъ мы видимъ имена извѣстнаго статистика сэра Роберта Гиффена, Ултера Лонга, Чэплина и др.

Коммиссія рекомендовала однако нѣкоторыя мѣры: поправки въ актѣ относительно аренды земли, особое министерство земле-

*) Всѣ факты, добытые Лигой для націонализаціи земли, противорѣчатъ этому утвержденію. Землевладѣльцы, наоборотъ, крайне неохотно сдаютъ мелкіе участки и ставятъ при этомъ зачастую невозможныя условія.

дѣлія, улучшеніе школы въ деревнѣ, дешевый и легкій кредитъ для фермеровъ и т. д.

Въ концѣ 1904 г. появился проектъ „Can we grow wheat profitably“ (Можемъ ли мы съ выгодой для себя сѣять пшеницу?), написанный извѣстнымъ въ Англіи хозяиномъ-практикомъ Картью (I. K. Carthew), откровеннымъ защитникомъ налога на хлѣбъ. Авторъ констатируетъ вначалѣ извѣстные уже намъ факты относительно паденія земледѣлія въ Англіи. „Въ то время, какъ производство главнаго продукта питанія сократилось въ такой устрашающей степени,—говоритъ авторъ,—населеніе Великобританіи увеличилось на 10 милл., т. е. на 30 проц. На вопросъ: „чѣмъ объясняется паденіе англійскаго земледѣлія?“ — отвѣтить очень легко: пониженіе цѣнъ на хлѣбъ обусловливается развитіемъ земледѣлія въ сѣверной и южной Америкѣ, въ Австраліи и въ Индіи, а также болѣе легкимъ и быстрымъ сообщеніемъ. И хотя населеніе на земномъ шарѣ увеличивается съ каждымъ годомъ, производительность земли въ различныхъ странахъ возрастаетъ еще быстрѣе. Мы имѣемъ тутъ законъ Мальтуса, но только *на выворотъ*.

„Не нужно удивляться,—продолжаетъ авторъ,—почему англійская пшеница цѣнится на 4—5 шил. дешевле иностранной. Первая содержитъ въ себѣ болѣе влаги, чѣмъ вторая. Мука изъ англійской пшеницы вбираетъ менѣе влаги, даетъ меньшій припекъ, чѣмъ привезенная съ континента, поэтому не такъ выгодна для булочниковъ. Англійская мука содержитъ также меньше клейковины. Хлѣбъ изъ нея хотя вкусенъ и душистъ, выходитъ размѣромъ меньше и не такъ пріятенъ для глаза, какъ хлѣбъ, выпеченный изъ привозной муки“.

Увеличеніе площади пастбищъ идетъ на счетъ сокращенія пашенъ. Фермеры говорятъ, что „трава вытѣсняетъ пшеницу“ (grassed out), выгоняя въ то же время работниковъ изъ деревень. Съ опустѣніемъ деревни,—продолжаетъ Картью,—въ ней становится также меньше работы для слесаря, кузнеца, плотника, каменщика, шорника, колесника и пр. Меньше кліентовъ имѣютъ также булочникъ, мясникъ, продавецъ бакалеи, портной, сапожникъ и др. *). Можетъ ли быть улучшено положеніе деревни?—спрашиваетъ авторъ: существуютъ ли какія нибудь средства, примѣненіе которыхъ вызвало бы обратную тягу изъ города въ деревню? Да,—отвѣчаетъ Картью,—средство есть, хотя нѣсколько дорогое, но за то основательное. Необходимо путемъ высокихъ налоговъ на хлѣбъ такъ искусственно повысить цѣны на пшеницу, чтобы фермерамъ было выгодно культивировать ее. Про-

*) Упомянутая уже книга *The Hungry Forties* констатируетъ обратные факты. Несмотря на тягу въ городъ, деревенскіе лавочники, булочники и мясники, вслѣдствіе улучшенія положенія „ходжа“, торгуютъ теперь бойчѣе, чѣмъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

текціонисты робко говорятъ о налогахъ въ 2 — 4 шил. на четверть. Картью категорически заявляетъ, что такой ничтожный налогъ не дастъ никакихъ результатовъ. „Четыре шиллинга на четверть,—говоритъ авторъ,—составитъ только шесть пенсовъ на бушель. Это подниметъ цѣны на пшеницу *всего только* на 10—15 проц. Каждый фермеръ скажетъ, что это мало. Налогъ въ четыре шиллинга дастъ только фермерамъ возможность дышать свободнѣе, но отнюдь не расширить запашки. Безъ этого же не будетъ ни большаго спроса на трудъ сельскихъ работниковъ, ни необходимости увеличить живой инвентарь. Не вполнѣ достаточенъ также налогъ въ 8 шиллинговъ на четверть, хотя это увеличило-бы производительность земли на 50 проц. Чтобы англійское земледѣліе прочно стало на ноги, — продолжаетъ Картью,—необходимо, чтобы цѣны на пшеницу поднялись до 40 шиллинговъ за четверть. Другими словами, необходимъ налогъ на хлѣбъ въ размѣрѣ двѣнадцати шиллинговъ на четверть. Осуществленіе такой „реформы“ привлекло бы обратно изъ городовъ въ деревню, по разсчету Картью, 350.000 сельскихъ работниковъ, ремесленниковъ и лавочниковъ съ семьями, т. е. около 1.750.000 человѣкъ. Въ городахъ тогда стало бы легче жить, оживились бы многія отрасли промышленности. Правда, такой налогъ обошелся бы потребителямъ въ 18 мил. ф. ст., но за то земледѣліе въ Англіи расцвѣло бы“ *).

Подобныя экономическія фантазіи, не смотря на заманчивость ихъ для нѣкоторыхъ, — имѣютъ одно неудобство: онѣ не выдерживаютъ даже самой снисходительной критики. Въ самомъ дѣлѣ: „оживленіе деревни“, т. е. обогащеніе фермеровъ основывается на откровенномъ грабежѣ всего населенія. Такъ какъ англійскіе работники имѣютъ теперь право голоса и отлично понимаютъ, что такое дорогой хлѣбъ, — то министерство, которое дерзнуло бы выставить на выборахъ программой такую безумную реформу, какая желательна Картью, было бы политически похоронено навсегда. Если бы торійское министерство вздумало ввести такой налогъ, не обратившись предварительно къ странѣ за полномочіями,—оно создало бы рядъ мятежей, какъ въ Бирмингемѣ въ тридцатыхъ годахъ. Налогъ на хлѣбъ убилъ бы много отраслей промышленности, пользующихся мукой, крупой или крахмаломъ, какъ сырымъ продуктомъ. Нагляднымъ примѣромъ является налогъ на сахаръ. Англія присоединилась къ брюссельской конференціи, потому что торійское министерство желало помочь вэстъ-индскимъ сахарозаводчикамъ. Предполагалось, что продуктъ въ Англіи не увеличится отъ маленькаго налога. Въ дѣйствительности оказалось, что сахаръ поднялся на 80 проц. Это обстоятельство отразилось на цѣломъ рядѣ фаб-

*) „Can we grow wheath profitably?“, p.p. 2—28.

рикъ, пользующихся сахаромъ, какъ сырымъ продуктомъ (шоколадныя фабрики, конфектныя, бисквитныя и пр.; заводы, приготовляющія машины и жестянки для упомянутыхъ фабрикъ). Повышеніе цѣнъ на сахаръ вызвало рядъ банкротствъ фабрикантовъ. Десятки тысячъ работниковъ очутились на улицѣ; теперь судьба ихъ—сильно безпокоитъ многихъ въ Англіи.

Проектъ Картью неосуществимъ также вслѣдствіе конкуренціи Канады и Австралазіи. Картью — имперіалистъ, т. е. стоитъ за сліяніе метрополіи съ колоніями въ одинъ экономическій микрокосмосъ. Метрополія должна перерабатывать сырье, доставляемое колоніями, а колонисты явятся покупателями этихъ фабрикатовъ. Чтобы самоуправляющіяся колоніи присоединились къ имперскому цолльферейну, необходимо сдѣлать имъ уступки. Канадскіе и австралійскіе фермеры, конечно, не должны будутъ платить пошлинъ, когда пришлютъ свой хлѣбъ въ Англію. А если такъ, то у англійскихъ фермеровъ явятся страшные конкуренты, которые въ одинъ годъ захватятъ весь внутренній рынокъ. Канадскимъ фермерамъ выгодно теперь культивировать пшеницу, доставлять ее въ Англію и продавать по 26—28 шил. за четверть. Можно представить себѣ, какимъ поощреніемъ для Канады явился бы законъ, въ силу котораго цѣны на пшеницу поднялись бы въ Англіи до 40 шил. Всѣ пустующія еще земли въ Ассинибойѣ и Манитобѣ были бы быстро вспаханы. И въ настоящее время „ходжъ“, любящій землю, переселяется въ Канаду, куда его привлекаютъ высокая заработная плата (25 долларовъ въ мѣсяцъ) и даровая раздача земельныхъ участковъ въ 60 акровъ. Если бы хлѣбные налоги въ Англіи прошли, канадское правительство предложило бы „ходжу“ еще болѣе выгодныя условія. Началась бы усиленная тяга не изъ города въ деревню, а изъ города и деревни за океанъ, въ Канаду. Черезъ два года дѣвственныя преріи колосились бы богатою жатвой, а въ октябрѣ—колоссальные пароходы, нагруженные пшеницей, потянулись бы на востокъ, въ Глазго и въ Ливерпуль. Что станетъ тогда съ англійскими фермерами?

V.

Другой характеръ носитъ проектъ, предложенный проф. Фэйрфэксомъ Колмели—„To Replace the Old Order“ *). Авторъ начинаетъ съ категорическаго заявленія, что „система лэндлордизма отжила совершенно свой вѣкъ“. „Всѣ партіи согласны, что опустѣніе деревни представляетъ серьезную опасность для Англіи — говоритъ онъ дальше... — Чѣмъ привлекательнѣе мы

*) „The independent Review“, December, 1904.

сдѣлаемъ города, тѣмъ болѣе будутъ пустѣть деревни. Съ другой стороны, если условія въ деревнѣ улучшатся, то тяга pro tanto остановится... Разумные люди всѣхъ партій, съ другой стороны, понимаютъ, что протекціонизмъ не можетъ возродить земледѣлія въ Англіи и не въ силахъ сдѣлать его экономическимъ базисомъ Англіи, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Подобное возрожденіе было бы возможно только при искусственномъ повышеніи цѣнъ на хлѣбъ, что принесло бы съ собою хроническій голодъ массъ и промышленную катастрофу въ городахъ... Силой вещей мы доведены до слѣдующаго: или намъ надлежитъ послѣдовать примѣру фритрэдерской Даніи и протекціонистской Фландріи, т. е. замѣнить наши большія фермы—молочными фермами и огородами, основанными на принципахъ мелкаго хозяйства и коопераціи, или оставить все по старому, что поведетъ къ полному опустѣнію деревни".

За послѣдніе годы методъ доставки пищевыхъ продуктовъ въ Англіи совершенно измѣнился, методы земледѣльческіе измѣнились очень мало, и земельная система не измѣнилась совершенно. Система, составлявшая когда-то нашу гордость, — говоритъ *Independent Review*,—теперь превратилась для насъ въ каторгу. Въ области земледѣлія Англіи необходима теперь большая эластичность и большее разнообразіе: нужны разнообразіе въ размѣрахъ фермъ и эластичность въ методахъ агрикультуры. Необходимо также перенесеніе нѣкоторыхъ отраслей промышленности изъ городовъ въ деревни. Настоятельно необходима независимость. Наиболѣе талантливые и энергичные люди ищутъ независимости въ городѣ, потому что не желаютъ оставаться въ деревнѣ, гдѣ морально чувствуется еще вліяніе старинной феодальной системы. Необходимо создать независимое положеніе мелкихъ фермеровъ. Старинныя градаціи на сквайровъ, крупныхъ фермеровъ и зависимыхъ сельскихъ работниковъ—теперь совершенно отжили свой вѣкъ. Система эта въ значительной степени способствовала гибели англійской деревни, такъ какъ вызвала тягу въ городъ... До послѣдняго времени консервативные сквайры не допускали мелкихъ фермеровъ въ свои вотчины. Ренту гораздо легче собирать, когда земля сдана десятку крупныхъ арендаторовъ, чѣмъ когда она разбита на множество мелкихъ участковъ. Государство, по мнѣнію *Independent Review*, должно теперь вмѣшаться и оказать давленіе на помѣщиковъ.

Дважды въ исторіи Англіи государство вмѣшивалось и измѣняло систему землевладѣнія. Въ первый разъ это случилось, когда монастырскія земли, подъ предлогомъ общественной пользы, передали лэндлордамъ; во второй разъ,—когда помѣщикамъ отдали общинныя земли, опять подъ тѣмъ же самымъ предлогомъ. Въ пользу помѣщиковъ, на которыхъ желала опереться королевская власть, ограбили аббатства и общины. Теперь общество,—продол-

жаетъ *Independent Review*, имѣетъ право требовать во имя народнаго блага, чтобы лэндлорды возвратили землю. Если это еще не сдѣлано въ Англіи; если въ городахъ мы видимъ землю, не обложенную налогомъ, то только потому, что лэндлорды все еще имѣютъ преобладающее вліяніе въ парламентѣ *). Дальше журналъ приводитъ не новые мотивы, почему общество вправѣ націонализировать землю. „Собственность земельная отличается отъ всѣхъ другихъ формъ собственности". Во-первыхъ, исторически полная собственность на землю—сравнительно недавняго происхожденія. Эта форма совершенно неизвѣстна въ древней Англіи. Средніе вѣка не знали абсолютной земельной собственности. Тогда признавались только извѣстныя права, строго ограниченныя постановленіями общинъ. Во-вторыхъ, земля абсолютно необходима для всѣхъ другихъ предпріятій, и имѣется она только въ опредѣленномъ количествѣ. „Можно изготовить еще машины, но нельзя изготовить еще землю. Можно выписать изъ Канады хлѣбъ, но нельзя сдѣлать то же самое относительно земли. Англія имѣетъ мало земли, а потому пользоваться ею должны всѣ. Если же вся земля будетъ принадлежать только немногимъ владѣльцамъ, облеченнымъ правомъ не допускать на нее фабрикантовъ, мелкихъ фермеровъ или просто отдыхающихъ людей, то раса неизбѣжно выродится физически и морально. Она неминуемо подпадетъ подъ иго сперва монополистовъ, а потомъ — непріятеля. Все дѣло только во времени" **)

Но какимъ образомъ нанести ударъ монополистамъ, въ рукахъ которыхъ теперь вся земля? Какъ заселить деревню независимыми мелкими фермерами? Профессоръ Фэйрфэксъ Колмели намѣчаетъ аграрную программу для радикальнаго министерства. Въ первую голову идетъ вознагражденіе фермеровъ за всѣ сдѣланныя ими улучшенія на своихъ участкахъ (Tenant Right). „Законодателямъ надлежитъ не только ввести мелкое землевладѣніе и поощрить огородничество, но необходимо также содѣйствовать введенію болѣе прогрессивныхъ пріемовъ на большихъ фермахъ. Большія фермы должны быть раздѣлены на мелкіе участки, но tenant rigth побудитъ всѣхъ фермеровъ дѣлать всевозможныя улучшенія. По дѣйствующему нынѣ закону (Agricultural Holdings Act) вознагражденіе, получаемое фермерами за улучшенія, — до смѣшного недостаточно. Для выясненія, какое вознагражденіе имѣетъ право получить отъ лэндлорда фермеръ, слѣдуетъ ввести особые третейскіе суды, но главнымъ образомъ аграрная реформа радикальнаго министерства должна заключаться въ введеніи мелкихъ хозяйствъ. „Намъ необходима,—говоритъ *Independent Review*,—раса мелкихъ фермеровъ, объединенныхъ въ

*) *Independent Review*, December, 1904, p. p. 320—324.
**) *Ibid.*, p. 324.

кооперативные союзы, снабжающихъ городъ фруктами, овощами и молочными продуктами". Эти мелкіе фермы будутъ существовать рядомъ съ большими фермами. Такимъ образомъ, отчасти разрѣшится вопросъ о сельскихъ работникахъ въ крупныхъ хозяйствахъ: дѣти мелкихъ фермеровъ будутъ искать подобныя занятія по близости. Реформа должна дать всѣмъ сельскимъ работникамъ возможность имѣть клочекъ земли возлѣ своего коттеджа, послѣдствіемъ чего явится большая экономическая независимость „ходжа". Онъ не такъ уже будетъ находиться во власти своего хозяина. Только сознаніе своей независимости и надежда на лучшее будущее могутъ удержать „ходжа" отъ переселенія въ городъ.

Въ послѣдніе годы были сдѣланы очень удачныя попытки ввести въ Англіи подобныя мелкія хозяйства *). Чтобы процессъ шелъ быстрѣе,—говоритъ Фэйрфэксъ Колмели,—необходимо дать городскимъ и сельскимъ совѣтамъ право принудительнаго отчужденія земли. Въ послѣднее время не разъ бывало, что помѣщики наотрѣзъ отказывали совѣтамъ графства, желавшимъ купить землю для мелкихъ хозяйствъ. Въ настоящее время сквайръ имѣетъ еще слишкомъ много вліянія въ сельскихъ совѣтахъ. Когда избиратели—сельскіе работники—пріобрѣтутъ независимость, сельскіе совѣты станутъ болѣе демократичны. Городскіе и сельскіе совѣты должны скупить землю и сдавать ее *въ аренду* мелкими участками. Полное право на землю не желательно, такъ какъ это возродитъ только лэндлордизмъ. Теперь помѣщики не хотятъ сдавать землю небольшими участками. Когда же городскіе и сельскіе совѣты получатъ право принудительнаго отчужденія и когда, такимъ образомъ, лэндлордамъ будетъ грозить опасность совершенно разстаться съ своими вотчинами, — они охотнѣе будутъ вступать въ договоры съ мелкими фермерами. Цѣль аграрной реформы, такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ будетъ достигнута.

Реформа должна коснуться также жилищъ въ деревнѣ. Иные лэндлорды выстроили для сельскихъ работниковъ хорошіе коттэджи и поддерживаютъ ихъ въ порядкѣ. Другіе помѣщики не дѣлаютъ этого — по нежеланію или по отсутствію средствъ. Въ такомъ случаѣ о коттэджахъ для сельскихъ работниковъ должны заботиться сельскіе и графскіе совѣты.

Дальнѣйшимъ пунктомъ новой аграрной программы является демократическое министерство земледѣлія, которое должно служить „мозгомъ обновленной земледѣльческой Англіи". Демократическое министерство имѣло бы въ своемъ распоряженіи для соціальныхъ опытовъ богатый матеріалъ: обширныя коронныя земли.

*) „The Villages of the Future", p. 398 и дальше. Особенно удачны опыты въ Ланкаширѣ. Въ очеркѣ „Земля" („Англійскіе силуэты", стр. 346—377) читатель найдетъ подробности.

Мелкіе фермеры, чтобы удержаться, должны заключать между собою союзы и артели. Безъ коопераціи система мелкихъ хозяйствъ не дастъ никакихъ результатовъ. Союзы эти необходимы, чтобы сообща покупать машины, затѣмъ—для кредита и для успѣшной доставки продуктовъ на рынокъ. Мелкій фермеръ иногда затрачиваетъ на то, чтобы продать на рынокъ овцу, столько же времени, сколько крупный фермеръ — для продажи цѣлаго стада. Уходитъ время, которое можетъ быть затрачено производительно въ полѣ или въ огородѣ. Путемъ участія въ кооперативномъ союзѣ мелкій фермеръ сбережетъ время, обезпечитъ себѣ выгодный рынокъ и удобную доставку туда своихъ продуктовъ. Принципъ взаимопомощи долженъ быть широко примѣненъ въ мелкихъ хозяйствахъ. Коопераціи будутъ дѣйствовать воспитательнымъ образомъ на мелкихъ фермеровъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда выростетъ въ деревнѣ новая раса, привыкшая къ независимости и къ взаимной помощи, будетъ умѣстно сдѣлать слѣдующій шагъ: ввести въ деревнѣ кооперативное владѣніе землей *). Въ настоящее время въ Великобританіи существуетъ цѣлый рядъ кооперативныхъ фермъ. Мы имѣемъ простые союзы мелкихъ фермеровъ для совмѣстной продажи продуктовъ. Успѣшнѣе всего такіе союзы идутъ въ Ирландіи. Кооперативный принципъ на молочныхъ фермахъ примѣненъ тамъ былъ впервые въ 1889 г. Въ 1890 г. тамъ было только одно кооперативное общество мелкихъ фермеровъ, въ 1891—17, а къ концу 1900 г.—412. Въ августѣ 1901 г. всѣхъ обществъ было уже 470. Они объединили 54000 мелкихъ фермеровъ. Въ 1900 г. ирландскія кооперативныя молочныя отправили въ Англію масла на 700.000 ф. ст. „Ростъ этихъ коопераціи объясняется тѣмъ, что сообща можно завести лучшія машины для приготовленія масла. Продуктъ, доставляемый кооперативными ирландскими молочными, такъ хорошъ, что на него громадный спросъ, вслѣдствіе чего участники союза получаютъ отличные барыши“ **).

Затѣмъ мы имѣемъ также кооперативныя земледѣльческія фермы, принадлежащія громаднымъ потребительнымъ обществамъ. Наиболѣе замѣчательны въ этомъ отношеніи двѣ фермы: Кэтерингская и Вуличская, близъ Лондона. Когда-то я подробно описалъ ихъ въ *Русскомъ Богатствѣ*. Я указалъ тогда, почему отдѣльныя земледѣльческія коопераціи въ Англіи терпѣли долго неудачу и почему Кэтерингская ферма, имѣющая обезпеченный рынокъ, такъ прочно стала на ноги. Всѣ успѣшныя англійскія кооперативныя фермы имѣютъ, приблизительно, такое происхожденіе. Возникаетъ потребительное общество. Разростаясь, оно становится производительно-потребительнымъ. Для удовлетворенія сочленовъ

*) Indep. R. XII, 1904, p. 332.
**) Encyclopedia Britannica, „The New volumes“, v. XXVII, p. 230.

является болѣе выгоднымъ самому обществу заняться изготовленіемъ платья, башмаковъ, печеніемъ хлѣба и пр. Въ концѣ-концовъ, когда значительная часть населенія города принимаетъ участіе въ кооперативномъ движеніи, возникаютъ кооперативныя фермы. Такъ было въ Кэтерингѣ, который на $^{9}/_{10}$—кооперативный городъ. Кооператоры имѣютъ мастерскія, въ которыхъ работниками и директорами являются сочлены, лавки, цѣлыя улицы коттэджей, наконецъ, громадную ферму. Мы видимъ тамъ вольный союзъ двухъ колоніальныхъ коопераций, послѣдствіемъ чего явился еще болѣе обширный обезпеченный рынокъ. Въ Кэтерингѣ частные предприниматели вступали года три тому назадъ въ бой съ коопераціями, для разгрома которыхъ лавочники и лэндлорды составили лигу. Многіе фабриканты присоединились къ лигѣ и разсчитали работниковъ, состоявшихъ членами хотя бы потребительнаго общества. Домовладѣльцы отказывали кооператорамъ отъ квартиръ. „Лига“ обратилась за средствами къ лавочникамъ всей Англіи; но на помощь къ кооператорамъ явились остальныя англійскія коопераціи и щедро поддержали деньгами. Разсчитанные рабочіе стали членами производительнаго общества. Для лицъ, которымъ лэндлорды отказали въ квартирѣ, кооперація выстроила цѣлую улицу (Liberty Street, т. е. улицу Свободы). Въ концѣ-концовъ, кооперація побѣдила. Такимъ образомъ, земельная реформа, которую рекомендуетъ *Independent Review*, въ общемъ, испытанное уже въ Англіи средство, которое дало очень хорошіе результаты.

Всѣ намѣченные пункты аграрной программы не могутъ встрѣтить сильнаго сопротивленія въ парламентѣ. Нельзя сказать этого о проектѣ обложенія налогомъ необработанной земли, который предлагаетъ Фэйрфэксъ Колмели. Противъ такого налога возстанетъ вся палата лордовъ. Между тѣмъ, какъ доказываетъ авторъ, такой налогъ абсолютно необходимъ, если имѣть въ виду широкую аграрную реформу. „Незаработанное приращеніе“ (the Unearned increment) составляетъ колоссальную сумму. Въ одномъ Лондонѣ за 30 лѣтъ оно достигло 77 милліоновъ рублей. „Лэндлорды не работаютъ, не рискуютъ и не экономизируютъ: они богатѣютъ во снѣ. Исходя изъ принципа соціальной справедливости,—нужно придти къ заключенію, что лэндлорды не имѣютъ никакого права на „незаработанное приращеніе“ *). Англійскіе экономисты не перестаютъ доказывать, что налогъ на землю всегда существовалъ, покуда лэндлорды не захватили въ свои руки парламенты. Въ своей книгѣ „Шесть вѣковъ труда и заработной платы“ Торольдъ Роджерсъ показываетъ, какимъ образомъ съ теченіемъ времени лэндлорды свалили всѣ государствен-

---

*) *J. S. Mill*, „Principles of Political Economy“. Book v., Chapter II, § 5 (стр. 492 изданія 1865 г.).

ные расходы съ себя на плечи коммонеровъ, хотя получили землю именно на условіяхъ — покрывать государственные расходы. Такимъ образомъ, введеніе земельнаго налога было бы только напоминаніемъ о неисполненномъ обязательствѣ.

„До тѣхъ поръ, покуда необработанная земля не будетъ обложена прогрессивнымъ налогомъ,—говоритъ проф. Фэйрфэксъ Колмели,—лэндлордъ явится всегда врагомъ мелкаго фермера“. Теперь сквайры находятъ болѣе выгоднымъ для себя прогонять фермеровъ съ земли и превращать пашни и луга въ верещаки. „На этихъ верещакахъ разводятъ куропатокъ. Поля потомъ сдаются для охоты англійскимъ и американскимъ милліонерамъ. Налогъ на необработанныя земли покончитъ со всѣмъ этимъ.

„Наступившій вѣкъ ознаменуется колоссальной борьбой между интересами общества и отдѣльныхъ монополистовъ,—говоритъ *Independent Review*.—Одна и та же борьба происходитъ теперь въ Европѣ и въ Америкѣ. Англичане, вмѣсто того, чтобы монтировать противъ себя новыхъ монополистовъ путемъ возвращенія къ покровительственнымъ тарифамъ, должны разгромить монополію лэндлордовъ, которая является первопричиной опустѣнія деревни и возможнаго вырожденія расы... Улучшеніе матеріальнаго положенія „ходжа“ и развитіе его путемъ новыхъ демократическихъ школъ—пробудитъ дремлющее самосознаніе его. Покуда „ходжъ“ не можетъ еще оправиться отъ вѣкового господства надъ нимъ сквайра и попа. Но пусть онъ почувствуетъ свою независимость, и тогда новая жизнь начнется въ опустѣвшей деревнѣ“ *).

Я приводилъ только аграрныя программы практиковъ, т. е. проекты такихъ реформъ, которыя, по мнѣнію составителей, могутъ быть предложены парламенту и приняты въ любой моментъ. Наряду съ этимъ существуютъ въ Англіи проекты радикальные, основанные на полномъ уничтоженіи личнаго права на владѣніе землей. Такіе проэкты тщательно выработаны двумя лигами національзаціи земли: Фабіанскимъ обществомъ и вождемъ независимой рабочей партіи—Кейръ Гарди. Объ этихъ проектахъ—въ другой разъ.

Діонео.

---

*) *Ind.* R. XII, 904, p. 334.

Внѣ закона.

Къ исторіи цензуры въ Россіи.

I.

Русскій писатель „средней руки“ Пименъ Коршуновъ, изображенный Щедринымъ въ разсказѣ „Похороны“, предлагалъ для памятника на своей могилѣ слѣдующую эпитафію: „Литература освѣтила ему жизнь, но она же напоила ядомъ его сердце“. Обстоятельства дѣйствительно сложились такъ, что для честнаго русскаго писателя, не отдѣляющаго собственныхъ интересовъ отъ интересовъ литературы, страстно любящаго ее и въ ней ищущаго свѣточа жизни—та же страстно любимая литература служитъ неизсякаемымъ источникомъ терзаній и не устаетъ на каждомъ шагу отравлять своему поклоннику жизнь, часто обращая ее въ какое то сплошное мученіе. Весьма характернымъ симптомомъ такого взаимоотношенія литературы и работниковъ пера съ внѣшней стороны является то обстоятельство, что „Уставъ о цензурѣ и печати“, опредѣляющій положеніе русской литературы и русскаго писателя, въ „Сводѣ Законовъ“ помѣщается посрединѣ между „Уставомъ о паспортахъ и бѣглыхъ“, съ одной стороны, и „Уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“ съ другой, при чемъ дальше слѣдуютъ не менѣе знаменательные уставы—„о содержащихся подъ стражей“ и „о ссыльныхъ“ (т. XIV). Это близкое и столь выразительное сосѣдство и на положеніе литературы налагаетъ какъ бы свой особый отпечатокъ и служитъ провиденціальнымъ указаніемъ судьбы русскаго писателя, переходящаго въ порядкѣ постепенности всѣ этапы недовѣрія и подозрительности и зачастую оканчивающаго свою тернистую дѣятельность подъ попечительнымъ дѣйствіемъ послѣдняго изъ помѣщенныхъ въ XIV томѣ „Свода“ уставовъ.

Тяжелая доля русскаго писателя—его необезпеченность, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, зависимость отъ крайне измѣнчивыхъ внѣшнихъ вѣяній, даже случайныхъ настроеній, и необходимость къ нимъ приспособляться, прибѣгая къ рабьему эзоповскому языку въ вопросахъ, составляющихъ часто суть жизни—всѣмъ достаточно хорошо извѣстна. Это положеніе—въ нѣкоторомъ родѣ напоминающее пребываніе на вулканѣ, въ каждый данный моментъ готовомъ къ изверженію и грозящемъ гибелью и полнымъ уничтоженіемъ результатовъ тревожной и мучительной работы. Извѣстны всѣмъ также и тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ для русской литературы изъ такого положенія работни-

ковъ пера: случайный выборъ темъ, недоговоренность и вообще неувѣренность тона, оторванность отъ жизни и ея насущнѣйшихъ запросовъ и т. п.

Повторяю, все это является общеизвѣстнымъ фактомъ и, конечно, не удивитъ никого. Но, быть можетъ, весьма многіе изъ читателей придутъ въ крайнее изумленіе, если имъ сказать, что существуетъ у насъ категорія писателей въ полномъ смыслѣ слова отверженныхъ, которые могли бы позавидовать даже положенію на кратерѣ грозящаго изверженіемъ вулкана, — а между тѣмъ такая категорія дѣйствительно существуетъ, однимъ уже фактомъ своего существованія представляя великолѣпную иллюстрацію къ положенію русской печати вообще. Писатели, имѣющіе несчастіе принадлежать къ упомянутой категоріи, не обладаютъ даже той слабой возможностью высказываться на эзоповскомъ языкѣ, какой не лишены русскіе писатели; имъ пресѣчены всѣ пути воздѣйствія на общество, у нихъ чуть ли не въ буквальномъ смыслѣ „урѣзанъ языкъ“, и потому даже горемычная доля русскаго писателя для нихъ представляется завиднымъ положеніемъ, достиженіе котораго означало бы полный переворотъ всѣхъ установившихся въ области ихъ дѣятельности отношеній. Продолжая наше сравненіе, можно сказать, что писатели этой категоріи не чувствуютъ у себя подъ ногами уже рѣшительно никакой почвы, имѣя пребываніе чуть ли не въ воздухѣ. Нужно замѣтить при этомъ, что рѣчь идетъ о литературныхъ представителяхъ не какого-нибудь мелкаго инородческаго племени, осужденнаго, какъ любятъ выражаться иные публицисты, неумолимымъ ходомъ исторіи на вымираніе и исчезновеніе. Это представители многомилліоннаго народа, составляющаго въ общей жизни Россіи весьма крупное слагаемое и имѣющаго всѣ основанія надѣяться на развитіе въ будущемъ. Впрочемъ, выраженіе „литературные представители многомилліоннаго народа“ звучитъ горькой ироніей по отношенію къ людямъ, способнымъ завидовать даже судьбѣ тѣхъ писателей, сердца которыхъ литература держитъ въ состояніи хроническаго отравленія. Трудно и вообразить, до какой степени отчаянія нужно дойти, чтобы рѣшиться на это.

Читатель, знающій въ чемъ дѣло, уже, конечно, догадался о какой литературѣ и какихъ писателяхъ идетъ рѣчь, а читателю, продолжающему изумляться и недоумѣвать, я сейчасъ скажу, что намѣренъ говорить объ украинской литературѣ и ея представителяхъ—украинскихъ писателяхъ. Въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, русская пресса почти не касается украинскаго вопроса; очень рѣдко также удѣляетъ она милостыню своего вниманія и украинской литературѣ. „При современномъ состояніи русской словесности,—писалъ нѣкогда проф. А. А. Котляревскій,—когда каждый вопросъ ея находитъ даровитыхъ и надежныхъ истолкователей, опытный глазъ не можетъ не примѣтить страннаго на стра-

ницахъ ея пробѣла: до сихъ поръ не воздано должное младшей сестрѣ и спутницѣ русской литературы—словесности малороссійской или украинской; изслѣдователи ставили въ тѣни всѣ ея явленія или вовсе не упоминали о нихъ, считая ихъ незначительными случайностями" *). Пробѣлъ, казавшійся извѣстному слависту страннымъ еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, не устраненъ и въ настоящее время, и украинскій вопросъ и теперь находится все въ томъ же положеніи. До сихъ поръ не только „не воздано должное" украинской литературѣ, но даже вопросъ о ней сравнительно рѣдко возбуждается на страницахъ русской періодической печати, подвергаясь лишь систематическому извращенію и травлѣ въ реакціонной части прессы. Тѣ же немногочисленныя замѣтки, которыя отъ времени до времени появляются и въ прогрессивныхъ органахъ, носятъ чисто случайный, отрывочный характеръ, не давая сколько-нибудь полнаго и цѣльнаго представленія о предметѣ. Чѣмъ же объясняется такое дѣйствительно странное явленіе? Почему литература тридцатимилліоннаго народа **), уже сто лѣтъ тому назадъ написавшая на своемъ знамени требованія прогрессивнаго демократизма, достигшая, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, значительныхъ успѣховъ, исчисляющая свои періодическія изданія за границей десятками, обладающая тамъ же солидными научными органами, знакомство съ которыми считается обязательнымъ для ученыхъ изслѣдователей русской исторіи и жизни,—почему эта литература остается неизвѣстной и незамѣтной въ Россіи, гдѣ живетъ главная часть украинскаго народа? Отчего не только такъ называемая широкая публика, но зачастую даже лица, берущіяся ее просвѣщать въ этомъ отношеніи, или совершенно ничего объ украинскомъ вопросѣ не знаютъ, или почерпаютъ свои свѣдѣнія изъ источниковъ крайне сомнительной достовѣрности—въ родѣ реакціонныхъ изданій, пользующихся у насъ, какъ извѣстно, монополіей обсужденія славянскихъ отношеній? Отвѣтъ на поставленные вопросы можетъ быть данъ изложеніемъ судебъ украинской литературы и отношеній къ ней со стороны русскаго общества и правительственныхъ сферъ.

Странная вообще судьба постигла украинскую литературу. Въ началѣ своего существованія, въ теченіе первой половины прошлаго столѣтія, она раздѣляла общую долю русской литературы и, подвергаясь одинаковымъ бичамъ и скорпіонамъ, почти не вызывала спеціальныхъ мѣропріятій. Переживъ періодъ мрачной реакціи 40-хъ и 50-хъ годовъ, она въ началѣ 60-хъ стояла уже на разсвѣтѣ новой жизни; вдали заманчиво рисовались перспек-

*) А. А. Котляревскій. Сочиненія, т. I, стр. 13.

**) Проф. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904, стр. 2. Авторъ насчитываетъ всего 34 милліона украинцевъ, занимающихъ площадь въ 750 тысячъ кв. километровъ.

тивы плодотворной дѣятельности на пользу родного народа. Но вдругъ — какое-то чисто сказочное превращеніе, необъяснимая метаморфоза, цѣлая сѣть недоразумѣній, заподозриваній и прямыхъ доносовъ со стороны спеціалистовъ этого дѣла, затѣмъ взрывъ вулкана, одинъ, другой—и все, казалось, погребено было подъ развалинами... Проходятъ, однако, десятки лѣтъ, развалины понемногу начинаютъ оживляться, покрываться зеленью, но изъ подъ нея всетаки уродливо торчатъ безобразные контуры обломковъ, части которыхъ ежеминутно обрушиваются и при своемъ паденіи уничтожаютъ зеленѣющую жизнь. Представьте положеніе работниковъ, которымъ поручено воздѣлать и привести въ культурное состояніе эти развалины, и вы поймете положеніе украинскаго писателя, поставленнаго не только внѣ закона, но даже внѣ „временныхъ правилъ о печати..."

II.

Появленіе украинскихъ писателей на горизонтѣ русской литературы было встрѣчено представителями послѣдней двоякимъ образомъ. Въ то время, какъ на страницахъ „Вѣстника Европы", редакціи Каченовскаго, украинскія произведенія Артемовскаго-Гулака, Боровиковскаго и др. мирно уживались рядомъ съ произведеніями своихъ русскихъ товарищей и встрѣчались съ сочувственными заявленіями самой редакціи,—въ другой части представителей русской литературы замѣтно было недоумѣніе, временами сопровождаемое невинными насмѣшками, но иногда переходившее и въ прямо таки враждебное отношеніе. Весьма любопытно, что къ этой части, кромѣ людей неглубокой проницательности—въ родѣ Сенковскаго, принадлежали и нѣкоторые лучшіе представители современнаго русскаго общества. Устами Бѣлинскаго оно произнесло суровый приговоръ надъ украинской литературой, находя ее не только излишнимъ, ненужнымъ, но и прямо таки вреднымъ явленіемъ. „Хороша литература, которая только и дышетъ, что простоватостью крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума!" *)—вотъ резюме взглядовъ Бѣлинскаго по данному вопросу, выраженное собственными словами знаменитаго критика.

Причины такого отношенія къ украинской литературѣ представителей русской интеллигенціи отчасти видны изъ сочиненій Бѣлинскаго, отчасти могутъ быть выведены изъ общей позиціи, занятой въ то время нѣкоторыми изъ видныхъ украинскихъ писателей. Многіе тогда, какъ и Бѣлинскій, были ошибочно убѣждены, что на языкѣ простонародья нельзя выразить тѣхъ понятій, которыя господствовали въ кругу просвѣщеннаго общества и

*) Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго, Спб. 1896, т. II, стр. 906.

распространеніе которыхъ въ ихъ чистомъ и цѣльномъ видѣ являлось единственно желательнымъ. Съ этой точки зрѣнія украинская литература, нисходящая до народа языкомъ, тѣмъ самымъ неминуемо должна была понижать и свое идейное содержаніе, непозволительно вульгаризировать его, къ „простоватости“ изложенія присоединяя и „дубоватость“ идей. Съ другой стороны, существовали опасенія, что появленіе особой литературы для украинскаго народа способно подѣйствовать раздражающимъ образомъ на тѣ сферы, которыя пресловутое „единство“ выставляли, какъ оффиціальный догматъ государственной жизни Россіи, и вызвать этимъ экстренныя мѣропріятія противъ литературы вообще. Въ настоящее время, полагаю, нѣтъ надобности говорить о томъ, насколько украинскіе писатели оказались повинными въ пониженіи идейнаго уровня литературы. Вся исторія украинской литературы отмѣчена одной красною нитью—демократическимъ направленіемъ, сочувствіемъ къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“ и вѣрностью великимъ идеаламъ гуманности. Еще болѣе очевиднымъ является непричастность украинскихъ писателей къ появленію экстренныхъ мѣропріятій, которыя всею своею тяжестью упали именно на нихъ. Поэтому, оставляя безъ вниманія два первыхъ пункта обвиненій, перехожу прямо къ третьей причинѣ, вызвавшей враждебное отношеніе къ украинской литературѣ со стороны передовой русской интеллигенціи. Этой причиной, въ которой дѣйствительно нѣкоторая доля вины лежитъ и на украинцахъ, могла быть извѣстная близость нѣкоторыхъ изъ нихъ къ элементамъ, представляемымъ тогда въ русской общественности различными „Маяками“ и „Москвитянинами“. Основываясь больше на личныхъ дружескихъ отношеніяхъ между Погодинымъ и Шевыревымъ, съ одной стороны, и Максимовичемъ или Квиткой съ другой—эта близость служила тѣмъ не менѣе плохой рекомендаціей въ глазахъ русскихъ прогрессистовъ, такъ какъ порождала подозрѣнія и въ духовной, идейной близости и налагала на украинское движеніе реакціонную окраску. Русскіе прогрессисты того времени, замѣчая эту внѣшнюю близость, считали все украинское движеніе реакціоннымъ, а потому не заслуживающимъ ни симпатіи, ни сочувствія, ни тѣмъ болѣе поддержки. Союзъ съ какимъ-нибудь Бурачкомъ (редакторъ „Маяка“) былъ въ самомъ дѣлѣ компрометирующимъ, но теперь съ полною достовѣрностью можно сказать, что онъ покоился всецѣло на недоразумѣніи, на взаимномъ заблужденіи относительно истинной духовной физіономіи каждаго изъ союзниковъ. Вѣдь стоитъ только сравнить уставъ извѣстнаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства съ пропитанными духомъ оффиціальной народности и московской исключительности заявленіями представителей славянофильства, чтобы ясно видѣть, какая глубокая, въ сущности, пропасть раздѣляла союзниковъ. Идеаломъ украинцевъ была вольная семья славянскихъ народностей, свободная федера-

ція славянскихъ государствъ, основанная на самой широкой автономіи отдѣльныхъ народовъ; догматомъ славянофиловъ—сліяніе „славянскихъ ручьевъ“ въ „русскомъ морѣ“, подчиненіе, ассимиляція. Сближающимъ обстоятельствомъ было лишь общее направленіе ихъ дѣятельности—интересъ къ славянству, но дороги не только не совпадали, но были прямо противоположны. Пока это не выяснилось, пока славянофилы въ своихъ симпатіяхъ къ славянскимъ народностямъ не обнаружили рѣзко-московской окраски и не исключили изъ числа достойныхъ своего сочувствія украинской народности, до тѣхъ поръ этотъ, основанный на чисто внѣшнемъ обстоятельствѣ и на идейномъ недоразумѣніи, союзъ могъ существовать. Но иллюзія идейной близости развѣялась, какъ дымъ, какъ только союзники лучше узнали другъ друга и недоразумѣніе разъяснилось. А произошло это очень скоро. Уже въ 50-хъ годахъ молодые украинцы рѣшительно отказываются отъ участія въ Аксаковскомъ „Парусѣ“ и устами Кулиша такъ мотивируютъ свой разрывъ съ недавними союзниками: „Парусъ“ у своему универсалі перелічив усі народности, тільки забув про нашу, бо ми, бач, дуже однакові, близькіі родичі: як наш батько горів, такъ іх грівся! Не годиться мені давати своі вірші під „Парус“ і того ради, що його надуває чоловік, котрий вступився за князя любителя хлости“ *). Эти характерныя слова Кулиша ясно указываютъ на причины разрыва: во-первыхъ, славянофилами обнаружена была уже московская исключительность, не признававшая за украинцами права на національное существованіе, и во-вторыхъ, оскорблено въ послѣднихъ нравственное чувство солидарностью Аксакова съ какимъ то любителемъ тѣлесныхъ наказаній. Роли теперь радикально мѣняются: недавніе союзники, т. е. люди, тяготѣвшіе къ разнаго рода „Маякамъ“, превращаются въ злѣйшихъ враговъ, а подозрительно и враждебно настроенные прежде прогрессисты, убѣдившись, что украинцы вовсе не реакціонеры и что союзъ ихъ съ противоположными общественными элементами былъ однимъ лишь недоразумѣніемъ, начинаютъ относиться къ украинскому движенію съ сочувствіемъ. Добролюбовъ, Чернышевскій, Тургеневъ и др. какъ въ личныхъ, такъ и въ литературныхъ отношеніяхъ къ украинцамъ стоятъ уже на совершенно иной почвѣ, чѣмъ Бѣлинскій.

Эпоха великихъ реформъ, обновившая русское общество и возбудившая сильный подъемъ общественныхъ силъ, не прошла безслѣдно и для украинцевъ. Событія предыдущаго періода—раз-

*) Чалый—Жизнь и произведенія Т. Шевченка, Кіевъ, 1882, стр, 136 Переводъ: „Парусъ“ въ своей программѣ перечислилъ всѣ народности, забытой оказалась только наша, потому что, видите ли, мы слишкомъ близкіе родственники: по пословицѣ—„як наш батько горів, так іх грівся“! Не пристало мнѣ давать свои стихи подъ „Парусъ“ еще и по той причинѣ, что его надуваетъ человѣкъ, защищавшій князя, любителя розги“.

громъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства, арестъ и ссылка Шевченка, Кулиша и другихъ руководителей молодого движенія—отозвались на дѣлѣ весьма плачевно; послѣдствіемъ ихъ былъ первый десятилѣтній антрактъ въ исторіи украинскаго движенія. Періодъ съ 1847 по 1856 г. былъ самымъ безплоднымъ временемъ,—впрочемъ, не для однихъ только украинцевъ. Но 60-е годы принесли облегченіе и для нихъ. Впервые выступаютъ они, какъ партія, имѣющая свою программу и свой органъ печати, какимъ была „Основа"; новая струя обозначается и въ литературѣ, освѣживъ послѣднюю произведеніями, получившими общее признаніе со стороны русскаго общества, на что указываетъ хотя бы фактъ перевода украинскихъ разсказовъ Марка Вовчка на русскій языкъ Тургеневымъ, или восторженный отзывъ о нихъ Добролюбова. Подъ вліяніемъ освободительныхъ и просвѣтительныхъ идей того времени, украинцы особенное вниманіе обратили на просвѣщеніе народа, дѣйствуя рука объ руку, въ одномъ направленіи съ лучшими представителями русскаго общества *). На Украинѣ, въ Кіевѣ, Полтавѣ и другихъ городахъ, открываются первыя въ Россіи воскресныя школы, въ которыхъ преподаваніе велось на родномъ языкѣ; издаются народныя украинскія книги, составляются учебники и т. п. Даже правительство въ то время признавало необходимымъ обращаться къ украинскому народу съ законодательными актами на его родномъ языкѣ. Положеніе 19 февраля было переведено, „съ Высочайшаго соизволенія", Кулишемъ на украинскій языкъ и уже начато печатаніемъ; къ прискорбію, это огромнаго практическаго и принципіальнаго значенія дѣло не было доведено до благополучнаго конца, благодаря какимъ-то недоразумѣніямъ между переводчикомъ и правительст-

*) Въ 1862 г. С.-Петербургскій Комитетъ грамотности возбуждалъ ходатайство о введеніи преподаванія въ народныхъ школахъ на Украинѣ—на украинскомъ же языкѣ. Тотъ же комитетъ издалъ „Списокъ русскихъ и *малороссійскихъ* книгъ, одобренныхъ для народныхъ учителей и школъ и для народнаго чтенія" (1862), и въ этомъ спискѣ число рекомендуемыхъ украинскихъ книгъ равнялось числу русскихъ; впрочемъ, изъ 5-го изданія „Списка", вышедшаго въ 1867 г., когда направленіе Комитета и по данному вопросу, и вообще измѣнилось, украинскія книги уже исключены (эти свѣдѣнія заимствую изъ крайне рѣдкой книги г. Протопопова „Исторія С.-Петербургскаго Комитета грамотности", Спб., 1898, стр. 79—84, 276—283). Съ другой стороны и въ отношеніяхъ къ различнаго рода явленіямъ литературы и жизни также замѣчается солидарность между русскими и украинскими дѣятелями. Припомнимъ одинъ характерный эпизодъ. Когда въ 1858 г. по поводу юдофобскихъ выходокъ петербургской „Иллюстраціи" русскіе писатели выступили съ коллективнымъ протестомъ противъ недостойной печатнаго слова травли евреевъ, то этотъ протестъ былъ поддержанъ и украинскими писателями, напечатавшими въ либеральномъ тогда „Русскомъ Вѣстникѣ" соотвѣтственное заявленіе и съ своей стороны. Протестъ подписанъ Костомаровымъ, Кулишемъ, Маркомъ Вовчкомъ, Номисомъ и Шевченкомъ.

венной коммиссіей, и отъ украинскаго перевода положенія уцѣлѣли только корректурные листы.

Но медовому мѣсяцу украинскаго движенія въ Россіи суждено было имѣть весьма кратковременное существованіе. Уже въ 1862 г. прекращается „Основа“, — исторія ея еще не написана, но есть основанія думать, что на прекращеніе ея имѣли вліяніе и общія неблагопріятныя вѣянія, присутствіе которыхъ уже тогда смутно чувствовалось въ воздухѣ; въ 1863 г. запрещена газета „Черниговскій Листокъ“, приближающаяся по своему направленію и программѣ къ „Основѣ“, при чемъ редакторъ „Ч. Листка“, извѣстный украинскій поэтъ Глѣбовъ, висланъ административнымъ порядкомъ изъ Чернигова. Воскресныя школы начинаютъ быстро таять, возбудивъ подозрѣнія въ неблагонадежности; изданіе на украинскомъ языкѣ учебниковъ и другихъ книгъ для народнаго чтенія затрудняется; многіе украинцы (Чубинскій, Конисскій, Стронинъ и др.) подвергаются ссылкѣ. Не доставало еще вначалѣ только ярлыка, который бы можно было наклеить на украинское движеніе; не было еще слова, которымъ бы формулировались скрытыя пока подозрѣнія и обвиненія, но скоро и это настоящее слово было найдено—„сепаратизмъ“, „польская интрига“. Всемогущій тогда Катковъ, онъ же и изобрѣтатель магическихъ словъ, облачается въ тогу спасителя находящагося въ опасности отечества и грознаго изобличителя „коварной іезуитской интриги“, считая необходимымъ принести даже публичное покаяніе въ томъ, что самъ въ нѣкоторомъ родѣ содѣйствовалъ ей „послабленіемъ“ *). Съ этого именно момента вокругъ украинскаго движенія и начинаетъ накопляться и наростать мало по малу та куча недоразумѣній, та путаница понятій, которая остается нераспутанной и до настоящаго времени. Плодомъ этой путаницы и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма характернымъ образцомъ ея является слѣдующее отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ, извѣстнаго Валуева, которое, въ виду его общественнаго интереса, приводимъ цѣликомъ.

„По Высочайшему повелѣнію. Секретно. Отъ министра внутреннихъ дѣлъ министру народнаго просвѣщенія. 18 іюля 1863 г., № 364.

„Давно уже идутъ споры въ нашей печати о возможности существованія самостоятельной малороссійской литературы. Поводомъ къ этимъ спорамъ служили произведенія нѣкоторыхъ писателей, отличавшихся болѣе или менѣе замѣчательнымъ талантомъ или своею оригинальностью. Въ послѣднее время вопросъ о малороссійской литературѣ получилъ иной характеръ, вслѣдствіе обстоятельствъ чисто политическихъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ интересамъ собственно литературнымъ. Прежнія про-

---

*) Мих. Лемке—Эпоха цензурныхъ реформъ 1859 — 1865 годовъ. Спб., 1904. Стр. 301.

изведенія на малороссійскомъ языкѣ имѣли въ виду лишь образованные классы южной Россіи, нынѣ же приверженцы малороссійской народности обратили свои виды на массу непросвѣщенную, и тѣ изъ нихъ, которые стремятся къ осуществленію своихъ политическихъ замысловъ, принялись, подъ предлогомъ распространенія грамотности и просвѣщенія, за изданіе книгъ для первоначальнаго чтенія, букварей, грамматикъ, географій и т. п. Въ числѣ подобныхъ дѣятелей находилось множество лицъ, о преступныхъ дѣйствіяхъ которыхъ производилось слѣдственное дѣло въ особой коммиссіи.

„Въ С.-Петербургѣ даже собираются пожертвованія для изданія дешевыхъ книгъ на южно-русскомъ нарѣчіи. Многія изъ этихъ книгъ поступили уже на разсмотрѣніе въ с.-петербургскій цензурный комитетъ. Не малое число такихъ же книгъ представляется и въ кіевскій цензурный комитетъ. Сей послѣдній въ особенности затрудняется пропускомъ упомянутыхъ изданій, имѣя въ виду слѣдующія обстоятельства: обученіе во всѣхъ безъ изъятія училищахъ производится на обще-русскомъ языкѣ и употребленіе въ училищахъ малороссійскаго языка нигдѣ не допущено; самый вопросъ о пользѣ и возможности употребленія въ школахъ этого нарѣчія не только не рѣшенъ, но даже возбужденіе этого вопроса принято большинствомъ малороссіянъ съ негодованіемъ, часто высказывающимся въ печати. Они весьма основательно доказываютъ, что никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ, и что нарѣчіе ихъ, употребляемое простонародіемъ, есть тотъ же русскій языкъ, только испорченный вліяніемъ на него Польши; что обще-русскій языкъ также понятенъ для малороссовъ, какъ и для великороссіянъ, и даже гораздо понятнѣе, чѣмъ теперь сочиняемый для нихъ нѣкоторыми малороссами, въ особенности поляками, такъ называемый, украинскій языкъ. Лицъ того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самыхъ малороссовъ упрекаетъ въ сепаратистскихъ замыслахъ, враждебныхъ къ Россіи и гибельныхъ для Малороссіи.

„Явленіе это тѣмъ болѣе прискорбно и заслуживаетъ вниманія, что оно совпадаетъ съ политическими замыслами поляковъ и едва ли не имъ обязано своимъ происхожденіемъ, судя по рукописямъ, поступавшимъ въ цензуру, и по тому, что большая часть малороссійскихъ сочиненій дѣйствительно поступаетъ отъ поляковъ. Наконецъ, и кіевскій генералъ-губернаторъ находитъ опаснымъ и вреднымъ выпускъ въ свѣтъ разсматриваемаго нынѣ духовною цензурою перевода на малороссійскій языкъ Новаго Завѣта.

„Принимая во вниманіе, съ одной стороны, настоящее тревожное положеніе общества, волнуемаго политическими событіями, а съ другой стороны имѣя въ виду, что вопросъ объ обученіи гра-

мотности на мѣстныхъ нарѣчіяхъ не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ, впредь до соглашенія съ министромъ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуроромъ св. синода и шефомъ жандармовъ относительно печатанія книгъ на малороссійскомъ языкѣ, сдѣлать по цензурному вѣдомству распоряженіе, чтобы къ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы; пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, пріостановиться. О распоряженіи этомъ было повергаемо на высочайшее государя императора воззрѣніе и его величеству благоугодно было удостоить оное монаршаго одобренія.

„Сообщая вашему превосходительству о вышеизложенномъ, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, м. г., почтить меня заключеніемъ о пользѣ и необходимости дозволенія къ печатанію книгъ на малороссійскомъ нарѣчіи, предназначенныхъ для обученія простонародья.

„Къ сему неизлишнимъ считаю присовокупить, что по вопросу этому, подлежащему обсужденію въ установленномъ порядкѣ, я нынѣ же вошелъ въ сношеніе съ генералъ-адъютантомъ княземъ Долгоруковымъ и оберъ-прокуроромъ св. синода.

„Не лишнимъ считаю присовокупить, что кіевскій цензурный комитетъ вошелъ ко мнѣ съ представленіемъ, въ которомъ указываетъ на необходимость принятія мѣръ противъ систематическаго наплыва изданій на малороссійскомъ нарѣчіи“ *).

Приведеннымъ распоряженіемъ, за которымъ ясно видна грозная фигура Каткова, вопросъ объ украинскомъ движеніи переносился исключительно на политическую почву. Для большаго впечатлѣнія, но совсѣмъ не кстати, къ нему пристегнута была и пресловутая „польская интрига“,—говорю „не кстати“ потому, что именно польскіе землевладѣльцы на Украинѣ особенно были встревожены новымъ движеніемъ, проницательно усматривая въ немъ „гайдамаччину“, и даже посылали кому слѣдуетъ доносы на „хлопомановъ“ **). Точно такимъ же образомъ, т. е. однимъ взмахомъ канцелярскаго пера разрѣшенъ былъ и научный вопросъ о происхожденіи

*) Цитирую по книгѣ г. Лемке „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ“, стр. 302—304. Послѣдній абзацъ приписанъ собственноручно Валуевымъ послѣ подписи.

**) Въ 1861 г., напр., послѣдовалъ цѣлый рядъ доносовъ и жалобъ польскихъ помѣщиковъ на украинскихъ писателей; были даже предложенія срыть могилу Шевченка подъ Каневомъ, а тѣло его перенести въ другое мѣсто (см. статью г. Билыка „Тревога надъ свѣжей могилой Шевченка“ въ „Кіевской Старинѣ“, 1886 г., апрѣль). Любопытно, что польскіе Катковы въ Галичинѣ приписываютъ возникновеніе украинскаго національнаго движенія „*московской* интригѣ“ и „*московскимъ* рублямъ“!...

и развитіи „такъ называемой“ украинской рѣчи, „сочиняемой въ особенности поляками“... Но не смотря на свою ясную до очевидности внутреннюю несостоятельность, распоряженіе Валуева осталось на долго руководящимъ актомъ въ отношеніяхъ правящихъ сферъ къ украинской литературѣ. Не помогло даже и то обстоятельство, что противъ запретительныхъ мѣръ высказался тогдашній руководитель министерства народнаго просвѣщенія Головнинъ, стоя исключительно на основѣ педагогическихъ и практическихъ соображеній. „*Сущность сочиненія, мысли, изложенныя въономъ*,—писалъ Головнинъ въ своей отвѣтной запискѣ, — и вообще *ученіе, которое оно распространяетъ*, а отнюдь не *языкъ* или *нарѣчіе*, на которомъ написано, составляютъ основаніе къ запрещенію или дозволенію той или другой книги, и стараніе литераторовъ обработать грамматически каждый языкъ или нарѣчіе и для сего писать на немъ и печатать — весьма полезно въ видахъ народнаго просвѣщенія и заслуживаетъ полнаго уваженія. Посему министерство народнаго просвѣщенія обязано поощрять и содѣйствовать подобному старанію“. Повторивъ снова мысль о томъ, что запрещать книги можно лишь за мысли, но не за языкъ и совершенно основательно посовѣтовавъ жаловавшемуся на наплывъ украинскихъ сочиненій кіевскому цензурному комитету просить... объ усиленіи личнаго состава цензоровъ, Головнинъ заключаетъ свое мнѣніе такъ: „требованіе же комитета, чтобы приняты были мѣры противъ систематическаго наплыва изданій на малороссійскомъ языкѣ, я нахожу совершенно неосновательнымъ *).

Тѣмъ не менѣе „совершенно неосновательное“ требованіе было исполнено и это отразилось самымъ плачевнымъ образомъ на молодомъ, еще не успѣвшемъ окрѣпнуть движеніи. Первымъ послѣдствіемъ распоряженія Валуева было воспрещеніе всѣхъ произведеній на украинскомъ языкѣ, не относившихся „къ области изящной литературы“, какъ, напр., готовые учебники по математикѣ, географіи, физикѣ, космографіи и другія научно-популярныя сочиненія. Къ издателямъ и авторамъ ихъ, „разсудку вопреки, на перекоръ стихіямъ“, предъявлено было обвиненіе, что они заботятся о букваряхъ, граматкахъ и географіяхъ лишь для видимости, „подъ предлогомъ распространенія грамотности и просвѣщенія“, а на самомъ дѣлѣ этими невинными заглавіями прикрываютъ самыя злокозненныя цѣли, подготовляя въ грамматической формѣ грозныя средства для потрясенія основъ государственности... Неудивительно, что, благодаря такой проницательности, сумѣвшей усмотрѣть интригу въ букварѣ и математикѣ, число украинскихъ книгъ послѣ 1863 года сразу па-

*) М. Лемке, Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 305. Курсивы принадлежатъ подлиннику.

даетъ до смѣшной по своей ничтожности цифры, при чемъ были годы, какъ, напр., 1866, когда не появилось ни одной украинской книжки *). „Фактически, — говоритъ г. Лемке въ своей книгѣ,— предѣлы, предоставленные Валуевымъ малорусской литературѣ, такъ сузились, что положительно не оставалось мѣста здоровой народной книгѣ“ **). Особенно замѣчательна судьба перевода на украинскій языкъ Новаго Завѣта, о которомъ упоминается и въ отношеніи Валуева. Разсматривавшая переводъ духовная коммиссія аттестовала его, какъ „вѣрный подлиннику и выполненный хорошо“; академики Востоковъ и Срезневскій въ своемъ отзывѣ, Академіи наукъ писали, между прочимъ: „Евангеліе, переведенное на малороссійское нарѣчіе Морачевскимъ, есть въ высшей степени трудъ замѣчательный и полезный. Малороссійское нарѣчіе въ немъ, можно сказать, блистательно выдерживаетъ испытаніе этого рода и уничтожаетъ всякое сомнѣніе, многими питаемое, въ возможности выразить возвышенныя чувства сердца. Нѣтъ сомнѣнія, что переводъ Евангелія Морачевскаго долженъ сдѣлать эпоху въ литературномъ образованіи малороссійскаго нарѣчія“ *). Наконецъ, и министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ съ своей стороны, объяснивъ приведенный въ отношеніи Валуева отрицательный отзывъ кіевскаго генералъ-губернатора „какою-то неопытною канцелярскою ошибкою“, высказывается за разрѣшеніе перевода: „Духовное вѣдомство имѣетъ священную обязанность распространять Новый Завѣтъ между всѣми разноплеменными жителями имперіи на всѣхъ языкахъ, и истиннымъ праздникомъ нашей церкви былъ бы тотъ день, когда мы могли бы сказать, что въ каждомъ домѣ, избѣ, хатѣ и юртѣ находится экземпляръ Евангелія на языкѣ, понятномъ обитателямъ. Министерство народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, всемѣрно старается о распространеніи въ своихъ училищахъ, и черезъ нихъ въ народѣ, книгъ духовнаго содержанія, печатаетъ ихъ въ числѣ десятковъ тысячъ экземпляровъ, и въ ряду этихъ книгъ Новый Завѣтъ на мѣстномъ нарѣчіи долженъ бы занимать первое мѣсто. Посему малороссійскій переводъ Евангелія, исправленный духовною цензурою, составитъ одно изъ прекраснѣйшихъ дѣлъ, которыми ознаменовано нынѣшнее царствованіе, и министерство народнаго просвѣщенія должно желать этому дѣлу скорѣйшаго и полнаго успѣха“ ****). Къ этимъ отзывамъ остается лишь добавить, что аттестованный учеными

*) См. Комарова М. „Бібліографичний покажчик новоі украінськоі літератури“ при альманахѣ „Рада“ (Кіевъ, 1883), стр. 469, и Протопопова „Исторія С.-Петербургскаго Комитета грамотности“, стр. 282.

**) Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 306.

***) Огоновскій проф. Исторія литературы рускои, Львовъ, 1889, ч. II, отд. I, стр. 136.

****) Лемке Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 305—306

академиками, какъ эпохальный, а кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, какъ „опасный и вредный“ — переводъ Морачевскаго до сихъ поръ остается въ рукописи. Мало того, съ 60-хъ годовъ и до послѣдняго времени неоднократно толкались въ двери подлежащихъ вѣдомствъ и другіе переводчики Св. Писанія на украинскій языкъ (Кулишъ, г.г. Лободовскій и Пулюй), но двери эти продолжаютъ оставаться наглухо закрытыми. Такимъ образомъ, при существованіи переводовъ Евангелія на языкахъ всѣхъ народовъ Россіи, распространеніе его на одномъ лишь украинскомъ и въ XX столѣтіи по прежнему считается кому-то опаснымъ и для кого-то вреднымъ, а „одно изъ прекраснѣйшихъ дѣлъ“, по выраженію Головнина, все еще ожидаетъ своего разрѣшенія...

III.

Исключительныя обстоятельства того тревожнаго времени и самый характеръ украинскаго національнаго движенія, находившагося тогда въ первыхъ фазахъ своего развитія, много способствовали тому, что валуевское распоряженіе сопровождалось видимымъ „успѣхомъ“. Не забудемъ, что, съ одной стороны, то былъ моментъ начала глухой реакціи, на время потерявшей было свою силу, но теперь вновь поднимавшей голову,—моментъ, когда съ освободительными и просвѣтительными теченіями весьма удобно было вести борьбу, особенно, если прикрыть ихъ покрываломъ „сепаратизма“, „польской интриги“ или чего-нибудь другого въ томъ же родѣ. Лучшая часть русскаго общества направляла всѣ свои усилія противъ надвигавшейся реакціи; силы шли на эту борьбу и потому фактъ запрещенія какихъ-то тамъ учебниковъ, не смотря на всю его вопіющую несправедливость, казался слишкомъ мелкимъ, имѣющимъ исключительно мѣстное значеніе, не заслуживающимъ серьезнаго вниманія. Съ другой стороны, часть общества, непосредственно заинтересованная въ данномъ вопросѣ и отдававшая себѣ ясный отчетъ во всѣхъ послѣдствіяхъ такой его постановки, была слишкомъ бѣдна количественно, чтобы противопоставить запрещенію широко организованную положительную дѣятельность, даже въ дозволенныхъ предѣлахъ. Собственно говоря, въ началѣ 60-хъ годовъ украинской интеллигенціи еще не существовало; были отдѣльные интеллигенты или, въ лучшемъ случаѣ, небольшіе кружки лицъ, уяснившихъ себѣ все значеніе украинскаго національнаго движенія, но они были безсильны создать широкое общественное мнѣніе по данному вопросу, такъ какъ въ массѣ общество всетаки оставалось довольно равнодушнымъ къ нему и слабо реагировало на совершившійся фактъ. Указанными условіями и объясняется то обстоятельство, что ограничительное распоряженіе 1863 года оставило такой

глубокій слѣдъ въ исторіи украинской общественности, породивъ ту пустую дыру, которая можетъ быть названа вторымъ антрактомъ въ развитіи украинскаго движенія.

Антрактъ продолжался до начала 70-хъ годовъ, которое ознаменовалось постепеннымъ усиленіемъ украинскаго движенія, причемъ центръ его изъ Петербурга, какъ было въ 60-хъ годахъ, переносится на Украину, преимущественно въ Кіевъ. Валуевское распоряженіе, отнявъ средства работать надъ просвѣщеніемъ народа, оставило всетаки нѣкоторую возможность вообще научной работы, которая, не задаваясь непосредственными практическими цѣлями, подводила бы итоги предыдущимъ изысканіямъ въ области украинскаго вопроса и искала бы новыхъ данныхъ для его обоснованія и справедливаго практическаго разрѣшенія. Въ этомъ смыслѣ 70-е годы представляютъ весьма важный моментъ въ исторіи украинскаго движенія. Въ 1872 г. состоялось въ Кіевѣ открытіе Юго-западнаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества, кратковременное существованіе котораго ознаменовалось напряженной и весьма плодотворной дѣятельностью по всестороннему изученію края, населеннаго украинскимъ народомъ. Немного раньше (1869—1870 г.г.) была совершена знаменитая этнографическая экспедиція Чубинскаго, по отзыву историка, составившая „одно изъ замѣчательнѣйшихъ предпріятій, какія только были сдѣланы въ нашей этнографіи“ *). Въ Кіевѣ сосредоточивается рядъ научныхъ силъ, какъ проф. В. Б. Антоновичъ, Драгомановъ, П. И. Житецкій, Кистяковскій, К. И. Михальчукъ, А. А. Русовъ, Чубинскій и мн. др., соединившихъ крупныя ученыя заслуги и широту воззрѣній съ весьма опредѣленнымъ направленіемъ въ области украинскаго національнаго движенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и на арену художественнаго творчества выступаютъ лица, опять таки пріобрѣвшія повсемѣстную почетную извѣстность своими крупными дарованіями; изъ нихъ назовемъ И. С. Левицкаго, Н. В. Лисенка, Панаса Мырного и недавно скончавшагося Старицкаго. Въ области собственно художественнаго творчества эти дѣятели раздвигаютъ и расширяютъ рамки украинской литературы, возвышая ее со степени исключительно простонародной литературы до высшихъ проявленій художественнаго творчества, но свято сохраняя духъ прогрессивнаго демократизма, завѣщанный украинской литературѣ Шевченкомъ. Жизнь расширила даже рамки въ той спеціальной области, которой коснулось ограничительное распоряженіе 1863 г.: популярныя произведенія историческаго, юридическаго и естественно-научнаго содержанія, предназначенныя для народнаго чтенія, просачиваются сквозь щели Валуевскаго распоряженія и выходятъ въ Кіевѣ въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ раньше въ Пе-

*) Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Спб. 1891. Т. III, стр. 349.

тербургѣ. Казалось, что за фактической отмѣной ограниченій украинскій вопросъ будетъ разрѣшенъ дружными усиліями украинскихъ ученыхъ, художниковъ и популяризаторовъ въ единственно возможномъ и желательномъ направленіи; казалось, что плодотворность украинскаго національнаго движенія въ области изученія и удовлетворенія народныхъ нуждъ уже практическимъ путемъ выяснена и доказана, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранена и возможность примѣненія какихъ бы то ни было ограничительныхъ мѣропріятій въ будущемъ. Но надъ головами участниковъ движенія уже скоплялись грозныя тучи, не замедлившія разразиться новымъ ударомъ. Оживленіе украинскаго движенія, хотя бы въ формѣ научной и литературной дѣятельности, вызвало оживленіе и среди другихъ общественныхъ элементовъ, которые характеризуясь своею внутреннею импотенціею, обладаютъ за то громадною внѣшнею силою при отсутствіи правильно обезпеченныхъ формъ общественной жизни и правового порядка. Не чувствуя себя въ силахъ бороться съ ненавистными теченіями открыто, или понеся въ открытой борьбѣ пораженіе, эти элементы всегда прибѣгаютъ, въ качествѣ подсобныхъ способовъ, къ помощи постороннихъ вѣдомствъ, пользуясь доношеніями, инсинуаціями, закулисными вліяніями, нашептываніемъ, кому слѣдуетъ, о неблагонадежности и тому подобными средствами. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Змѣиный шипъ по поводу „украинофильской пропаганды“ все усиливался, сосредоточиваясь, по обыкновенію, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и нѣкоторыхъ спеціальныхъ органахъ, въ родѣ курьезной памяти „Вѣстника Юго-Западной и Западной Россіи“ Говорскаго, пока въ 1876 году не увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Въ этомъ году „временно“ былъ закрытъ Юго западный отдѣлъ р. имп. географическаго общества, уже не возобновившійся, не смотря на многократныя по этому поводу ходатайства; особенно энергичныя лица, прикосновенныя къ отдѣлу, были взяты на замѣчаніе, или принуждены даже совсѣмъ оставить Кіевъ (Чубинскій, напр., долженъ былъ переселиться въ Петербургъ, Драгомановъ—уѣхать за границу). Одновременно произведено было и увѣнчаніе зданія въ намѣченномъ направленіи, воплотившееся въ форму слѣдующаго краткаго, но многозначительнаго документа, пользующагося весьма большой популярностью за границей *), но мало извѣстнаго въ Россіи.

---

*) Недавно онъ возбудилъ, напр., оживленныя пренія въ французскомъ парламентѣ по запросу одного изъ депутатовъ. Въ Вѣнѣ съ прошлаго года издается на нѣмецкомъ языкѣ спеціальный журналъ „Ruthenische Revue“, поставившій своей задачей ознакомленіе западно-европейской публики съ украинскимъ движеніемъ и вызвавшій большой интересъ среди европейскихъ ученыхъ, писателей и политиковъ. Интересная анкета по поводу ограничительнаго распоряженія 1876 г., предпринятая редакціей „Ruthenische Revue“, дала уже цѣлый рядъ, опубликованныхъ въ названномъ журналѣ,

„Государь Императоръ 30 минувшаго мая высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Не допускать ввоза въ предѣлы имперіи безъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малороссійскомъ нарѣчіи.

2. Печатаніе и изданіе въ имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь:

а) историческихъ документовъ и памятниковъ и

б) произведеній изящной словесности,

но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ; въ произведеніяхъ же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи въ главномъ управленіи по дѣламъ печати,—и

3) Воспретить различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ языкѣ, а также печатаніе на таковомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ“ *).

Читатель навѣрное помнитъ Щедринскую шуточную „коммиссію объ искорененіи“, которая, съ Божіей помощью искоренивъ „и то, что служитъ начальству огорченіемъ, и то, что приноситъ ему утѣшеніе“, пришла, въ концѣ концовъ, къ заключенію, что ничто не будетъ надлежащимъ образомъ искоренено, покуда не будетъ искоренена... литература“ („Круглый годъ“). Конечно, говоря вообще, такое заключеніе въ своемъ буквальномъ видѣ есть преувеличеніе, геніальная каррикатура. Но то, что для литературы вообще могло осуществиться лишь въ геніальной фантазіи сатирика, то для украинской литературы свершилось въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, что иное представляетъ собою распоряженіе 1876 года, какъ не попытку полнаго, совершеннаго искорененія украинской литературы, какъ не осужденіе ея на смертную казнь? Поставить литературѣ подобныя рамки—значитъ лишить ее всякаго смысла и значенія, свести къ нулю ея вліяніе, такъ какъ съ прекращеніемъ тѣснаго взаимодѣйствія между литературой и жизнью будутъ обрѣзаны соединяющія ихъ нити, по которымъ совершается обмѣнъ живительныхъ соковъ, питающихъ и поддерживающихъ литературу. Развѣ можетъ существовать — разумѣется, существо-

---

отвѣтовъ, среди которыхъ имѣются цѣнныя мнѣнія Момзена, Бьернстерна-Бьернсона, Чэмберлена (историка), проф. Броунинга, Леруа-Болье и многихъ другихъ извѣстныхъ дѣятелей.

*) Грушевскій, проф. Очеркъ исторіи украинскаго народа, стр. 354.

вать плодотворно, а не влачить лишь жалкое существованіе—литература, осужденная питаться, выражаясь изысканнымъ терминомъ приведеннаго распоряженія, одними произведеніями „изящной словесности“, но лишенная уже права, напр., касаться этихъ произведеній въ критическихъ статьяхъ, такъ какъ послѣднія мудрено, конечно, подвести подъ рубрику „изящной словесности“? Ограничить литературу предѣлами „изящной словесности“—все равно, что предоставить человѣку питаться исключительно пирожнымъ, бланманже и прочими дессертными деликатессами, отнявъ у него кусокъ обыкновеннаго питательнаго хлѣба. Съ изданіемъ подобныхъ ограниченій уже само собою устраняется примѣненіе крайнихъ мѣръ—въ родѣ тѣхъ, какія предлагалъ одинъ изъ членовъ Щедринской коммиссіи: „одну часть произведеній литературы сжечь рукою палача, а другую потопить въ рѣкѣ, литераторовъ же водворить въ уѣздный городъ Мезень“ („Круглый годъ“),—такъ какъ ни сожигать, ни топить, ни водворять уже будетъ, по всей вѣроятности, нечего и некого. Въ дѣятельности почти каждаго изъ украинскихъ писателей мы найдемъ перерывы, свидѣтельствующіе о томъ, что никакая человѣческая энергія не въ состояніи выдержать того положенія, въ которое поставило украинскую литературу распоряженіе 1876 г. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу лишь одинъ примѣръ, заимствованный изъ автобіографіи небезызвѣстнаго украинскаго поэта Щоголева. Упомянувъ о мытарствахъ, испытанныхъ имъ на зарѣ своей литературной дѣятельности и заставившихъ его „сломать“ свое перо, Щоголевъ затѣмъ продолжаетъ: „Старшіе изъ моихъ дѣтей—дочь и сынъ высокаго художественнаго закала и глубокой души—живя лѣтомъ на дачахъ среди простонародья, знали разговорный малорусскій языкъ и стали просить меня *писать для нихъ. Я и писалъ имъ до 1878 года*“. Затѣмъ было не до того: дочь и сынъ Щоголева почти одновременно умираютъ послѣ продолжительной болѣзни, и поэтъ замѣчаетъ: „*писать было не для кого*, и я опять ничего не написалъ въ теченіе почти 4-хъ лѣтъ“ и т. д. *). Приведенная нами „интимная исповѣдь“ незауряднаго поэта съ виду весьма спокойна, но я не знаю словъ съ болѣе страшнымъ для писателя значеніемъ, какъ эти спокойныя, скупыя на подробности замѣчанія. *Писать исключительно для своихъ дѣтей и, когда этихъ единственныхъ читателей не стало, поставить крестъ надъ своею литературною дѣятельностью*—это ли не ужасъ, это ли не трагизмъ для писателя? Не кажется ли, что это лишь сонъ, невозможный ни въ какой дѣйствительности? Но, къ сожалѣнію, подобные случаи не были сномъ и даже не совсѣмъ исключительнымъ явленіемъ; и у сошедшихъ со сцены, и у нынѣ дѣйствующихъ еще украинскихъ писателей найдется много произве-

*) „Кіевская Старина“, 1904 г., кн. X, отд. II, стр. 9.

деній, написанныхъ „для себя“ и по написаніи запрятанныхъ въ ящикъ письменнаго стола, съ слабой надеждой, что они черезъ десятокъ—другой лѣтъ дойдутъ таки до читателя *). Словомъ, самая пылкая фантазія не могла бы придумать большаго, чѣмъ то, что совершается въ дѣйствительности, благодаря распоряженію 1876 г. Факты гоненій на украинскую рѣчь, практикуемыхъ въ особенно широкихъ размѣрахъ нашими школами различныхъ вѣдомствъ, родовъ, видовъ и типовъ, являются настолько обычными, что перестали уже обращать на себя вниманіе, какъ вполнѣ нормальное явленіе. Опять приведу лишь одинъ примѣръ, относящійся ко времени всеобщей переписи 1897 г. Большое сомнѣніе въ переписныхъ листкахъ возбудила тогда графа о родномъ языкѣ и заполнялась она по тому же методу, по какому сочиняетъ статистику волостной писарь въ извѣстной драмѣ г. Карпенка-Караго „Бурлака“. Въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Кіевѣ ученики начали было записывать роднымъ языкомъ украинскій, но бдительное начальство быстро положило конецъ такому неумѣстному обнаруженію своей національности. На возраженія учениковъ, что они говорятъ по-украински, съ дѣтства слышатъ эту рѣчь, впитали ее съ молокомъ матери и потому считаютъ ее для себя родной—послѣдовалъ характерный отвѣтъ: „вы воспитываетесь въ русскомъ учебномъ заведеніи и потому роднымъ языкомъ вашимъ *долженъ быть* русскій“. На ряду съ этимъ, нѣсколькимъ болгарамъ и сербамъ, хотя они воспитывались въ томъ же русскомъ заведеніи, разрѣшено было заполнить графу о родномъ языкѣ сообразно ихъ желанію. Благодаря такой бдительности начальства, понятія не имѣвшаго о цѣляхъ переписи, часто получалось нѣчто въ высокой степени уродливое, когда, напр., изъ двухъ родныхъ братьевъ одинъ записывалъ роднымъ языкомъ украинскій, а другой „долженъ былъ“ записать русскій. Зная практику, можно съ увѣренностью сказать, что приведенный случай принудительнаго заполненія графы о родномъ языкѣ былъ на Украинѣ не исключительнымъ, а типическимъ и что дѣло всецѣло зависѣло отъ личныхъ вкусовъ и взглядовъ лица, завѣдывавшаго даннымъ переписнымъ участкомъ. Но возвращаюсь къ прерванному изложенію дальнѣйшихъ судебъ украинской литературы.

*) Напечатанная въ *1903* г. „Кіевской Стариной“ повѣсть г.г. Мырного и Билыка „Пропаща сыла“ написана, какъ видно изъ редакціонной помѣтки, еще въ *1875* г.; другая повѣсть тѣхъ же авторовъ „За водою“, написанная въ *1883* г., до сихъ поръ не могла быть напечатанной; замѣчательное произведеніе Свидницкаго „Люборацьки“, появившееся въ Кіевѣ въ *1901* г., закончено авторомъ въ *1862* г. и т. д., и т. д. Подробный мартирологъ погибшихъ писателей и ихъ произведеній занялъ бы слишкомъ много мѣста.

IV.

Единственной формой, какую оставило украинской литературѣ распоряженіе 1876 года, и до сихъ поръ остается беллетристическая. Въ этой формѣ должно высказываться все, что занимаетъ, интересуетъ и волнуетъ украинскаго писателя. Не говоря уже о томъ, насколько вообще является узкой въ данномъ случаѣ всякая напередъ опредѣленная, строго указанная форма, было бы большимъ заблужденіемъ полагать, что, по крайней мѣрѣ, беллетристика пользуется относительной свободой и получаетъ право болѣе или менѣе безпрепятственнаго обращенія въ публикѣ. Выше указаны были случаи, изъ которыхъ видно, что даже беллетристическимъ произведеніямъ приходится десятками лѣтъ вылеживаться подъ спудомъ, выжидая благопріятнаго момента, когда, наконецъ, станетъ возможнымъ ихъ появленіе въ печати. Вообще же говоря, при примѣненіи распоряженія 1876 г. на практикѣ, сейчасъ же обозначились двѣ прямо противоположныя тенденціи. Съ одной стороны—цензурное вѣдомство пользовалось распространительнымъ толкованіемъ министерскаго распоряженія, не допуская къ печати книгъ, имъ не воспрещенныхъ, и руководствуясь исключительно личнымъ усмотрѣніемъ; съ другой—жизнь постоянно, хотя и съ трудомъ, съ замѣтными скачками и неровностями, раздвигала указанныя рамки и принуждала цензурное вѣдомство нарушать распоряженіе, допуская различныя исключенія и изъятія. Въ результатѣ, въ отношеніяхъ цензурнаго вѣдомства къ украинскимъ произведеніямъ воцарился полный хаосъ, при которомъ ясное понятіе о правахъ и обязанностяхъ замѣняется ничѣмъ не сдерживаемымъ проявленіемъ личныхъ взглядовъ, вкусовъ и настроеній чиновъ цензурнаго вѣдомства. Сегодня разрѣшается популярная брошюра, воспрещенная по смыслу распоряженія абсолютно,—завтра же зачеркивается невинный разсказъ, подъ который, какъ говорится, иглы не подточишь и который, къ довершенію всего, уже раньше былъ разрѣшаемъ къ печати; сегодня заграничныя изданія пропускаются въ сотняхъ экземпляровъ, а завтра—старательно вычеркивается даже въ научныхъ статьяхъ и указателяхъ всякая ссылка на заграничныя изданія, а галицкихъ русиновъ запрещается именовать иначе, какъ русскими. Что можно, чего нельзя—угадать нѣтъ никакой возможности. Этотъ хаосъ понятій, сопровождающій борьбу между жизнью и буквой распоряженія 1876 г., лучше всякой критики обнаруживаетъ истинную его цѣну; о томъ же свидѣтельствуютъ и положительныя пріобрѣтенія, сдѣланныя украинскимъ движеніемъ прямо вопреки ограниченіямъ.

Первая и наиболѣе основательная брешь была пробита въ

послѣднемъ (третьемъ) пунктѣ знаменитаго распоряженія 1876 г. воспрещавшемъ, какъ извѣстно, „различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ языкѣ, а также печатаніе на таковомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ“. Чѣмъ было вызвано послѣднее запрещеніе, за что постигла такая печальная участь тексты къ нотамъ—рѣшительно непонятно, тѣмъ не менѣе на первыхъ порахъ запрещеніе примѣнялось неукоснительно и приводило къ любопытнѣйшимъ результатамъ. Въ Кіевѣ, напр., для того, чтобы напасть на афишу публичнаго концерта украинскія пѣсни должны были быть переведенными на... французскій языкъ, и пѣвецъ народную пѣсню „дощик, дощик капае дрібненький“ исполнялъ въ такомъ видѣ:

La pluie, la pluie,
Qui tombe doucement...
Je pensais, je pensais,—
C'est un Zaporogue, maman!

Воображаю положеніе пѣвца и слушателей, когда имъ преподнесли съ эстрады всѣмъ извѣстную пѣсенку въ семъ одѣяніи странномъ! И дѣйствительно, по свидѣтельству очевидца, „поднялся сначала неимовѣрный хохотъ, а затѣмъ бурный протестъ и требованіе народнаго текста“ *), послѣ чего, разумѣется, сдѣлалось невозможнымъ исполненіе украинскихъ пѣсенъ даже и въ французскомъ переводѣ. Этотъ, что называется, пересолъ былъ ужъ слишкомъ очевиденъ, и потому невѣдомо за что пострадавшіе тексты къ нотамъ первыми возстановлены въ своемъ несомнѣнномъ правѣ—скромно занимать подобающее мѣсто подъ нотными знаками.

Точно такъ же отмѣнено жизнью и запрещеніе украинскаго театра, хотя подлежащія вѣдомства уступили не безъ колебаній и нѣкоторой борьбы. Разрѣшая украинскіе спектакли, на первыхъ порахъ ставили conditio sine qua non, чтобы въ одинъ вечеръ исполнялось столько же актовъ и на русскомъ языкѣ, сколько ихъ было на украинскомъ. Если шла, скажемъ, пятиактная украинская пьеса, то въ противовѣсъ ей, для обеззараживанія, такъ сказать, украинскіе артисты должны были ставить и пятиактную русскую. Предстояла крайне трудная дилемма: или совершенно отказаться отъ постановки украинскихъ пьесъ, или затягивать спектакли до разсвѣта, чего, очевидно, никакіе актеры и никакая публика не могла бы выдержать. Выходъ изъ такого затруднительнаго положенія былъ найденъ нѣсколько неожиданный, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный. Были придуманы особыя русскія „пьесы“, каждый актъ которыхъ продолжался минутъ пять,— буква распоряженія этимъ удовлетворилась. Затѣмъ пошли еще

*) М. Старицкій „Къ біографіи Н. В. Лисенка“, Кіевская Старина, 1903 г. декабрь, стр. 470.

уступки, и въ настоящее время къ украинскимъ спектаклямъ предъявляется лишь одно требованіе — ставить съ украинской пьесой русскій водевиль; вотъ почему этотъ неизбѣжный придатокъ, извѣстный въ широкой публикѣ подъ спеціальнымъ именемъ „Отче-нашà“, украшаетъ афишу каждаго украинскаго спектакля, часто лишь на афишѣ и оставаясь. Сказанное относится исключительно къ постановкѣ уже разрѣшенныхъ пьесъ, а отнюдь не къ самому разрѣшенію, которое продолжаетъ носить всѣ черты случайности и самаго придирчиваго чтенія между строками...

Этимъ пока и исчерпываются всѣ наиболѣе существенныя уступки въ отношеніи украинской литературы. Въ остальномъ дѣло ограничилось лишь тѣмъ, что иногда—очень рѣдко—допускаются къ печати научно-популярныя произведенія для народа, больше прикладного характера и особенно подъ беллетристическимъ соусомъ (огородничество, наприм., въ беллетристической формѣ!). Кромѣ того, подлежащія вѣдомства смотрѣли иногда сквозь пальцы на ввозъ украинскихъ изданій изъ-за границы, усиливая въ другое время свою бдительность до такой степени, что всякая книжка, хотя бы къ политикѣ и никакого отношенія не имѣющая, хотя бы и съ специфическимъ запахомъ „Московскихъ Вѣдомостей“, останавливалась предъ предѣломъ, его же не прейдеши.

Но если цензурное вѣдомство оказывалось крайне тугимъ на уступки и соглашалось на нихъ весьма неохотно, лишь послѣ долгой борьбы съ требованіями жизни, то въ противоположномъ направленіи, въ сторону еще бóльшихъ ограниченій, оно обнаружило весьма замѣтную податливость. Благодаря этому, распространительное толкованіе распоряженія 1876 г. въ еще болѣе ограничительномъ смыслѣ, всегда находило самое широкое примѣненіе и самую искреннюю готовность. Прежде всего, по буквальному его смыслу переводы на украинскій языкъ беллетристическихъ произведеній *не воспрещены*; между тѣмъ практика почти не знаетъ разрѣшенія переводовъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ, неизвѣстныхъ цензурирующему лицу произведеній, которыя помѣчены неопредѣленнымъ словомъ „переспів“, съ умолчаніемъ при этомъ имени настоящаго автора. Различными украинскими переводчиками въ разное время представлялись въ цензуру переводы произведеній Шекспира, Шиллера, Гете и другихъ классиковъ, и все это признано было вреднымъ и не подлежащимъ разрѣшенію къ печати. Еще недавно изъ III-го тома сочиненій г. Панаса Мырного вырѣзанъ переводъ „Короля Лира“; переводъ „Тартюфа“ также безслѣдно исчезъ изъ собранія произведеній г. Самійленка, равно какъ и переводъ „Слова о полку Игоревѣ“ г. Мырного, кстати сказать—существующій въ нѣсколькихъ изданіяхъ другихъ украинскихъ переводчиковъ. Переводъ извѣстнаго фран-

цузскаго разсказа „Послѣдніе дни Іуды“ первоначально былъ запрещенъ, какъ любезно объяснилъ цензоръ, на томъ основаніи, что „содержитъ въ себѣ догматическія (!) неточности“, и прошелъ лишь значительно позже, безъ обозначенія имени автора, въ Ш-мъ томѣ сочиненій Конисскаго (переводчика), между тѣмъ какъ появленіе его въ русскомъ переводѣ на страницахъ журнала для юношества („Міръ Божій“), повидимому, ничьихъ ревнивыхъ подозрѣній не возбудило. Сборники переводовъ на украинскій языкъ произведеній Пушкина и Гоголя не прошли даже во время юбилейныхъ торжествъ, посвященныхъ памяти этихъ писателей, когда на разные лады цитировалось и комментировалось извѣстное изреченіе Пушкина: „и назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ“ (очевидно, поэтъ не догадался прибавить: кромѣ украинскаго). Число подобныхъ примѣровъ можно бы увеличить почти до безконечности, но и приведенные достаточно ярко характеризуютъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ Шекспиръ, Шиллеръ, Пушкинъ и Гоголь оказались въ числѣ абсолютно неразрѣшаемыхъ авторовъ.

Такое же вполнѣ безпощадное отношеніе замѣчается и въ другой области, опять таки распоряженіемъ 1876 г. не затронутой,—въ области дѣтской литературы. По поводу одного сборника разсказовъ для дѣтей, цензоръ далъ слѣдующій характерный отзывъ: „сборникъ, очевидно, предназначается для дѣтскаго чтенія, но дѣти должны учиться по-русски“,—и этого оказалось достаточнымъ, незыблемое основаніе для запрещенія найдено. Принципъ: „дѣти должны учиться по-русски“ примѣняется до того неукоснительно, что всѣ представлявшіяся въ цензуру хрестоматіи (напр. „Читанка“, „Перший снопок“, „Од льоду до льоду“, „Веселка“ и др.) и даже отдѣльныя стихотворенія и разсказы, разъ предполагалась пригодность ихъ для дѣтскаго чтенія, безусловно воспрещаются. Благодаря лишь особому ходатайству, и то въ видѣ исключенія, разрѣшено было въ 1895 г. новое изданіе весьма популярныхъ „Байок Глібова“, при чемъ исключено всетаки 19 басенъ и между исключенными находились: „Лебедь, Щука і Рак“, „Дві бочки“, „Зозуля і Півень“, „Гава і Лисиця“, „Осел і Соловей“, „Лисиця і Виноград“ и др., знакомство съ которыми по Крылову обязательно для каждаго школьника. Мы не говоримъ уже о школѣ, положеніе которой въ данномъ отношеніи представляется вполнѣ безнадежнымъ, но даже дома украинскія дѣти лишены возможности читать книги, по своему языку наиболѣе приспособленныя къ ихъ пониманію. „Дѣти должны учиться по-русски“—этотъ принципъ какимъ-то проклятіемъ тяготѣетъ надъ отверженными дѣтьми, принужденными жертвовать своимъ развитіемъ и облегченіемъ учебной страды въ честь „невѣдомаго бога“ административной подозрительности. Съ какими трудностями приходится бороться въ дѣлѣ воспитанія украин-

скихъ дѣтей сообразно съ основнымъ требованіемъ всякой разумной педагогіи, показываетъ слѣдующій фактъ. Одно весьма извѣстное въ украинской литературѣ лицо для своей дочери должно было составлять спеціальные учебники, переписывая ихъ печатными буквами. Я видѣлъ эти печатанныя отъ руки книжки. Своимъ невиннымъ видомъ онѣ представляютъ въ сущности такой страшный обвинительный актъ противъ настоящей системы, краснорѣчивѣе котораго трудно что-нибудь и представить. Думаю, что въ свое время эти дѣтскія книжицы, существующія въ единственномъ экземплярѣ, займутъ въ какомъ-нибудь музеѣ весьма видное мѣсто, какъ печальный памятникъ системы, по непонятнымъ соображеніямъ лишающей „единаго отъ малыхъ сихъ" наиболѣе нормальнаго средства развитія и утоленія духовной жажды...

Исключивъ, такимъ образомъ, изъ области дозволеннаго для украинской литературы („произведенія изящной словесности") переводы художественныхъ произведеній, а также всю беллетристику для дѣтскаго возраста, получимъ, что отмежеванныя ей рамки вмѣщаютъ лишь оригинальную беллетристику общаго характера. Но практика, руководящаяся исключительно личнымъ усмотрѣніемъ, на каждомъ шагу сокращаетъ и суживаетъ и безъ того тѣсныя рамки. Беллетристическія произведенія самаго невиннаго характера, вдобавокъ часто уже печатавшіяся раньше съ разрѣшенія той же цензуры, вдругъ оказываются запрещенными при попыткахъ вновь переиздать ихъ. Ни въ какомъ случаѣ невозможно заранѣе опредѣлить, каковы требованія цензуры, чтобы по крайней мѣрѣ избѣгать того, что можетъ вызвать запрещеніе... Не останавливаясь на частныхъ случаяхъ непонятныхъ запрещеній, такъ какъ это отняло бы слишкомъ много времени и мѣста, попытаюсь опредѣлить лишь общія тенденціи, какими руководствуются лица цензурнаго вѣдомства въ отношеніи украинской литературы, насколько, конечно, эти общія тенденціи могутъ быть уловлены по тѣмъ въ высшей степени капризнымъ слѣдамъ, какіе носятъ побывавшія въ цензурѣ рукописи. Безусловно воспрещаются даже легкія намеки на отношенія общественнаго характера, особенно, если данное произведеніе изображаетъ интеллигентную среду, или касается—horribile dictu—отношеній между интеллигенціей и народомъ. До самаго послѣдняго времени такія произведенія или запрещались цѣликомъ, или же вычеркивались слова „пан", „піп" и т. п. О какихъ-либо несправедливостяхъ, притѣсненіяхъ и обидахъ даже совершенно частныхъ лицъ, но на общественной подкладкѣ, объ антагонизмѣ классовъ или иныхъ общественныхъ группъ невозможно говорить даже въ самыхъ мягкихъ и умѣренныхъ выраженіяхъ; тѣмъ болѣе относится къ заповѣдной области всякое обсужденіе національнаго вопроса. Лицамъ цензурнаго вѣдомства, повидимому, представляется, что украинскій языкъ имѣетъ особенноеум, е

лишь одному присущее свойство—напитывать горючимъ матеріаломъ и взрывчатыми веществами самые невинные предметы, разъ на этомъ языкѣ касаются общественныхъ отношеній. Изъ одного, напр., разсказа выброшена цензоромъ невинная жанровая картинка, юмористически изображающая разногласіе священника съ прихожанами по поводу платы за требы,—то, что въ подобныхъ разсказахъ, напр., г. Потапенка встрѣчается на каждомъ шагу. Сатира, бичующая отрицательныя стороны самихъ же украинцевъ, не имѣетъ вовсе права на существованіе, и потому собраніе произведеній извѣстнаго украинскаго поэта-сатирика г. Самійленка возвратилось изъ цензуры въ неузнаваемомъ видѣ. Вездѣ придирчивый глазъ видитъ какіе-то намеки, символы и аллегоріи, доходя въ этомъ отношеніи до геркулесовыхъ столповъ подозрительности, до того, что уничтожаются описанія... весны, такъ какъ и въ нихъ, въ этихъ описаніяхъ, усматривается, вѣроятно, опасная аллегорія. Въ виду указанной наклонности к всему примѣнять символистическое толкованіе, даже извѣстная 22 статья „устава о цензурѣ и печати“ *) звучитъ горькой ироніей и обидной насмѣшкой по отношенію къ украинскимъ произведеніямъ, въ которыхъ сплошь и рядомъ подвергаются гоненію слова, слова, слова. Одно время, напр., въ сильномъ подозрѣніи почему-то находилось и потому особому гоненію подвергалось слово „козакъ“ и я лично помню такіе, напр., случаи изъ этой эпохи козакогонительства. При описаніи одного изъ дѣйствующихъ лицъ авторъ разсказа употребилъ фразу: „у його були довгі вуса,—такі вуса я бачив на малюнках у запорожських козаків“,—эта фраза о длинныхъ запорожскихъ усахъ оказалась зачеркнутой; въ другомъ мѣстѣ уничтожено буквально слѣдующее: „я пішов у хату й почав читати „Сагайдачного“ (заглавіе извѣстнаго романа г. Мордовцева). Часто это изумительное гоненіе на отдѣльныя слова основывается, повидимому, лишь на томъ, что значеніе даннаго слова смутно представляется цензурирующимъ лицомъ. Такъ, напр., въ стихотвореніи Шевченка „До Основяненка“ во всѣхъ изданіяхъ „Кобзаря“ есть между прочимъ четверостишіе:

Чи так, батьку отамане?
Чи правду співаю?
Ех, як би то! Та що й казать,—
Кебети не маю.

Отсутствуютъ подчеркнутыя строки лишь въ кіевскомъ сборникѣ „Викъ“ (изд. 1902 г.), потому что оказалась зачеркнутой

*) „Цензоры долженствуютъ главнѣйше обращать вниманіе свое на духъ и направленіе книгъ, не останавливаясь на частныхъ неисправностяхъ, требующихъ только небольшой перемѣны, и на словахъ или отдѣльныхъ выраженіяхъ, когда самая мысль не предосудительна и не противна правиламъ Устава“.

злосчастная „кебета“, въ переводѣ на русскій языкъ буквально означающая „талантъ“, „способность“. Очевидно, цензору, на этотъ разъ читавшему „Викъ“, данное слово напомнило что-нибудь иное, менѣе невинное, или и совсѣмъ ничего не напомнило, и онъ, изгоняя неизвѣстное слово, руководствовался исключительно излишней осторожностью: а вдругъ эта неизвѣстная „кебета“ означаетъ что-нибудь опасное, въ родѣ того „жупела“ и „металла“, которыхъ такъ боялась купчиха Островскаго?.. Просматривая записную книжку кіевскаго украинскаго книгоиздательства „Викъ“, въ которую для памяти заносились всѣ представляемыя въ цензуру рукописи, я почерпнулъ оттуда весьма поучительныя цифры. За періодъ съ 1895 по 1903 годы книгоиздательствомъ представлено въ цензуру 230 отдѣльныхъ названій рукописей; изъ нихъ появилось въ печати лишь 80, т. е., около $^1/_3$ всего количества. Остальныя или цѣликомъ запрещены, или подверглись такой мучительной операціи съ обильнымъ кровоизліяніемъ, что выпускъ ихъ въ свѣтъ въ разрѣшенномъ видѣ являлся абсурдомъ. Чтобы уяснить себѣ въ достаточной степени значеніе приведенныхъ цифръ, необходимо еще принять во вниманіе и то, что издатели были, разумѣется, освѣдомлены о цензурныхъ порядкахъ и потому сами прилагали старанія къ тому, чтобы рукописи имѣли по возможности благонадежный видъ. И всетаки въ окончательномъ результатѣ ихъ старанія оказались чѣмъ-то въ родѣ попытокъ наполненія бездонной бочки Данаидъ: $^2/_3$ представленнаго матеріала исчезло безслѣдно. Подлинно—удобнѣе велбуду сквозѣ игольныя уши пройти и даже богатому въ царствіе Божіе внити, нежели украинской книгѣ благополучно миновать всѣ лежащія на ея пути преграды! Иныхъ результатовъ, разумѣется, и не могло быть, если встрѣчаются непреодолимыя препятствія къ упоминанію о такихъ невинныхъ предметахъ, какъ усы, хотя бы и длинные, хотя бы и запорожскіе, или если воспрещается приводить заглавіе романа, напечатаннаго, конечно, съ надлежащаго разрѣшенія. Если Бѣлинскому не было пропущено какое-то пустячное выраженіе на счетъ „шапки-мурмолки“, то онъ всетаки могъ утѣшать себя тѣмъ, что прошли его статьи о Пушкинѣ; на долю же украинскаго писателя не остается такого утѣшенія, ибо если изъ рукописей безвозвратно исчезаютъ „довгі вуса“ и тому подобные пустяки, то и статьи, напр., о Котляревскомъ заранѣе слѣдовало считать какъ бы несуществующими даже въ сборникѣ, посвященномъ памяти этого писателя. Въ самомъ дѣлѣ, въ сборникѣ „На вичну память Котляревському“, вышедшемъ недавно въ Кіевѣ, о виновникѣ торжества напоминаютъ лишь три стихотворенія да библіографическій указатель его произведеній, сиротливо ютящійся среди беллетристики; нѣсколько статей о Котляревскомъ, помѣщенныхъ первоначально въ сборникѣ, исчезли въ напрасныхъ

попыткахъ проскользнуть сквозь игольныя уши... Дальше этого, дальше знаменитыхъ „длинныхъ усовъ“, въ данномъ направленіи идти уже, конечно, некуда; большаго не смогла бы сдѣлать и Щедринская коммиссія, предлагавшая, какъ извѣстно, „одну часть произведеній литературы сжечь рукою палача, а другую потопить въ рѣкѣ, литераторовъ же водворить въ уѣздный городъ Мезень“. Остается, быть можетъ, сдѣлать только послѣдній шагъ и, объявивъ государственнымъ преступленіемъ произнесеніе всякаго украинскаго слова, упрятать въ ту же Мезень и тридцать милліоновъ народа, говорящаго этимъ столь опаснымъ по самому существу своему языкомъ, хотя и несущаго при этомъ всѣ возложенныя на него повинности. Впрочемъ, даже такимъ проектомъ поголовнаго переселенія украинцевъ никого не удивишь: документально установлено, напр., что онъ совершенно серьезно обсуждался одно время, по крайней мѣрѣ, относительно украинскаго духовенства, и въ половинѣ 60-хъ гг. шла дѣятельная переписка между различными вѣдомствами по этому поводу. Предполагалось украинское духовенство переселить въ великорусскія губерніи, замѣнивъ его лицами великорусскаго происхожденія. Всякая фантазія меркнетъ предъ этимъ маленькимъ эпизодомъ изъ настоящей дѣйствительности!..

V.

Но и сказаннымъ до сихъ поръ дѣло ограниченія украинской литературы еще не вполнѣ исчерпывается. Среди послѣдствій постановленія 1876 г. первое мѣсто по своей тяжести занимаетъ полное воспрещеніе какихъ бы то ни было періодическихъ органовъ и изданій на украинскомъ языкѣ. Я просилъ бы своихъ русскихъ товарищей отрѣшиться на моментъ отъ дѣйствительности и представить примѣрно такую картину: на всей необъятной шири Россіи, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды, исчезли вдругъ изъ обращенія не только басни Крылова, сочиненія Пушкина и Гоголя, Шекспира и Шиллера, но и всѣ русскія газеты, всѣ журналы, всѣ періодическія изданія... не стало даже „Московскихъ Вѣдомостей“, а изъ „подозрительнаго бельэтажа“, что на Страстномъ, раздаются лишь разухабистые мотивы подъ аккомпаниментъ балалайки. Думаю, что какъ бы ни напрягали свое воображеніе русскіе писатели и читатели, набросанной сейчасъ картины они представить себѣ просто не въ состояніи. Непремѣнно цѣльность и выдержанность картины будетъ нарушена тѣмъ, что въ какомъ-нибудь уголкѣ, хотя бы онъ назывался и Страстнымъ бульваромъ, выткнется газетный листъ, хотя бы и испещренный хорошо извѣстнымъ постнымъ шрифтомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и украшенный соотвѣтствующимъ шрифту заглавіемъ. Безъ пері-

одическихъ изданій, безъ газетъ мы не въ состояніи представить себѣ сколько-нибудь культурнаго общества; даже россійскій обыватель, систематически устраивающій травли на корреспондента и собственноручно его избивающій, продолжаетъ всетаки почитывать свою газету; даже Сквозникъ-Дмухановскій, мечущій громы въ „щелкоперовъ" и „бумагомаракъ", заглядываетъ, по крайней мѣрѣ, въ полицейскія извѣстія; даже Щедринскіе генералы, очутившись внезапно на совершенно необитаемомъ островѣ, услаждали свой досугъ чтеніемъ „Московскихъ Вѣдомостей", откуда и почерпали весьма назидательныя кулинарныя свѣдѣнія, въ родѣ: „взявъ живого налима, предварительно его высѣчь; когда же отъ огорченія печень его увеличится"... и т. д. Словомъ, исчезновеніе періодической печати въ представленіи русскаго, да и всякаго иного, писателя и читателя было бы равносильнымъ, примѣрно, тому, что время вдругъ прекратило свое теченіе, т. е., совершенно невозможнымъ. Но для украинцевъ невозможное оказывается не только возможнымъ, но и составляетъ вполнѣ обыкновенное явленіе. Ни одного періодическаго органа, не смотря на всѣ просьбы и ходатайства, до сихъ поръ не удалось получить; мало того—не разрѣшаются даже слабые намеки на періодическія изданія. Мнѣ опять припоминается случай изъ своей личной практики. Задумавъ издать серію произведеній украинскихъ писателей, я предполагалъ дать ей общее заглавіе „Українська Библіотека", но на разрѣшенныхъ цензурою выпускахъ этой серіи упомянутое общее заглавіе оказалось вычеркнутымъ. Полагая, что такая участь постигла заглавіе изъ-за подвергающагося временами гоненію слова „українська", я уполномочилъ своего знакомаго ходатайствовать о разрѣшеніи замѣнить запрещенное заглавіе другимъ—„Наша Библіотека"; на это послѣдовалъ характерный отвѣтъ: „почему же *наша?* лишь бы не *ваша?*" сопровождаемый также отказомъ. Такъ какъ мы всетаки не догадывались и просили разрѣшенія назвать серію хотя бы просто „Библіотекой", то намъ весьма не двумысленнымъ образомъ дано было понять, что всякое общее заглавіе напоминаетъ о періодическомъ изданіи, а потому... выводъ предполагался яснымъ самъ собою. Въ прошломъ извѣстенъ цѣлый рядъ ходатайствъ о разрѣшеніи періодическихъ органовъ на украинскомъ языкѣ, но въ украинскихъ лѣтописяхъ сохранились лишь имена этихъ неродившихся существъ. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ толковъ о „веснѣ", надежды опять возродились и вновь разными лицами и изъ различныхъ городовъ представлено около десятка подобныхъ же ходатайствъ. Въ газетахъ сообщалось уже, что нѣкоторыя изъ нихъ постигла прежняя участь, т. е., они признаны не подлежащими удовлетворенію; отклонено и ходатайство пишущаго эти строки о разрѣшеніи издавать въ Кіевѣ газету и журналъ „Вік". Къ сожалѣнію, главное управленіе по дѣламъ печати при отказахъ не

считаетъ нужнымъ сообщать объ основаніяхъ, по которымъ данное ходатайство постигаетъ та или иная участь; поэтому мы лишены возможности узнать, что послужило причиной отказа въ каждомъ данномъ случаѣ—личная ли непригодность лица, возбуждавшаго ходатайство, или же продолжающееся принципіально-отрицательное отношеніе къ вопросу о существованіи украинской періодической печати. Послѣднее въ эпоху провозглашеннаго „довѣрія“ къ обществу въ особенности было бы непослѣдовательнымъ и необъяснимымъ, тѣмъ болѣе что такой образъ дѣйствій не находитъ себѣ оправданія даже въ распоряженіи 1876 г. Въ самомъ дѣлѣ, это распоряженіе о періодическихъ органахъ на украинскомъ языкѣ совершенно умалчиваетъ и толковать такое умолчаніе въ отрицательномъ смыслѣ является такимъ же произвольнымъ дѣйствіемъ, какъ воспрещеніе переводовъ и дѣтской литературы. Распоряженіе 1876 г. само по себѣ уже составляетъ изъятіе изъ общаго правила и потому примѣненіе его должно ограничиваться лишь точно указанными случаями, не подвергаясь распространительному толкованію. Такимъ образомъ, если даже стоять на точкѣ зрѣнія упомянутаго распоряженія, нѣтъ основаній для воспрещенія періодическихъ изданій на украинскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ рамкахъ „изящной словесности“; мы не говоримъ уже объ иной точкѣ зрѣнія, предъявляемой самой элементарной справедливостью и логикой дѣйствительной жизни...

Но какъ бы то ни было, періодическихъ органовъ на украинскомъ языкѣ, газетъ и журналовъ, въ Россіи нѣтъ; украинскій народъ и въ этомъ отношеніи имѣетъ privillegium odiosum предъ всѣми прочими обитателями Россіи, такъ какъ съ разрѣшеніемъ періодическихъ изданій литовцамъ *) онъ остался въ настоящее

*) Въ 1863 г. издано было запрещеніе, отмѣненное лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, употреблять въ произведеніяхъ литовской письменности латинскій алфавитъ и правописаніе, замѣнивъ ихъ русскими (Подробнѣе объ этомъ см. въ статьѣ г. Ирпенскаго „Литовскій алфавитъ и малорусская литература“, Южныя Записки, 1904 г. № 35). Любопытно, что даже Н. Милютинъ ожидалъ отъ этой мѣры „плодотворныхъ политическихъ результатовъ“ (см. „Изъ записокъ Никотина“ въ „Русской Старинѣ“ 1903 г. кн. III, стр. 501), но дѣйствительность доказала противное. Считаемъ нелишнимъ здѣсь отмѣтить, что подобное же запрещеніе научнымъ путемъ выработаннаго правописанія тяготѣетъ и надъ украинской литературой: на разрѣшенныхъ рукописяхъ часто красуется надпись: „печатать разрѣшается подъ условіемъ соблюденія правилъ правописанія русскаго языка“, кстати сказать, не передающаго особенностей украинской фонетики и потому вносящаго массу путаницы въ украинскую книгу. Прибавлю къ этому, что Академія наукъ находитъ возможнымъ употреблять въ своихъ изданіяхъ только запрещенное для частныхъ лицъ украинское правописаніе, очевидно по научнымъ соображеніямъ. Въ силу указаннаго запрещенія для ученыхъ людей создалась въ своемъ родѣ монополія—правильно писать по-украински, что недоступно обыкновеннымъ смертнымъ...

время единственнымъ, лишеннымъ права имѣть свою прессу. Если русскому писателю и читателю трудно представить себѣ такое положеніе, въ нѣкоторомъ родѣ напоминающее знаменитое древне-римское aqua et igni interdictio, то послѣдствія его, я думаю, представятся легче. Вполнѣ понятно, что литература, при отсутствіи постоянныхъ органовъ печати, развиваться правильно не можетъ, такъ какъ она окажется лишенной тѣхъ средствъ, которыя соединяютъ ее постоянными, неразрывными нитями съ публикой, съ читателями. Книга, если бы даже ей не ставилось никакихъ преградъ—не то, что журналъ, она не можетъ вполнѣ замѣнить журнала; книга ожидаетъ, пока читатель придетъ къ ней, тогда какъ журналъ, газета сами идутъ къ читателю, находятъ его и постоянными ударами въ одну точку, постояннымъ дѣйствіемъ въ одномъ направленіи служатъ лучшимъ средствомъ распространенія извѣстныхъ идей. Беря въ руки данный журналъ или газету, мы всегда знаемъ приблизительно, что̀ мы тамъ встрѣтимъ, и въ нихъ ищемъ отвѣта на тѣ вопросы, какіе предъявляетъ къ намъ современность. Какъ средство общенія писателя съ читателемъ, литературы съ жизнью, періодическая печать играетъ огромную, незамѣнимую роль. Безъ періодической печати становится совершенно невозможнымъ это живое взаимодѣйствіе литературы и жизни, это тѣсное общеніе писателя съ читателемъ, которое необходимо, какъ вода для рыбы, какъ кислородъ для дыханія — для развитія литературы. Нѣтъ взаимодѣйствія, нѣтъ общенія — нѣтъ и развитія: литература и жизнь будутъ идти не совпадающими путями, а брести порознь, не оказывая другъ на друга замѣтнаго вліянія или низводя его до minimum'а,—при чемъ болѣе страдательной стороной окажется, разумѣется, литература, лишенная питательныхъ соковъ. Народъ, не имѣющій своей печати, несомнѣнно проигрываетъ въ культурномъ отношеніи, отстаетъ въ своемъ развитіи, такъ какъ онъ лишенъ могучаго средства распространенія знаній и вообще культурнаго воздѣйствія... Но, возразятъ, нѣтъ украинской печати — это, можетъ быть, и очень прискорбно, однако есть печать русская, которая вполнѣ замѣняетъ ее и восполняетъ, возстановляя взаимодѣйствіе между культурными теченіями и жизнью. Я не думаю, конечно, отрицать огромнаго значенія русской печати между прочимъ и для украинскаго народа; тѣмъ не менѣе полагаю, что она не можетъ выполнить того, что ей не подъ силу, не можетъ замѣнить вполнѣ печати на языкѣ родномъ для народа, такъ какъ не только по языку, но отчасти и по интересамъ есть и будетъ всегда въ значительной степени чужой ему. Я особенно радъ, что въ подтвержденіе этого положенія могу сослаться на замѣчательныя слова писателя, который долгое время стоялъ „на славномъ посту“ русской литературы и котораго, поэтому, никто не заподозритъ въ умаленіи ея значенія. „Передо мной,—пишетъ

въ одномъ мѣстѣ „Записокъ профана“ незабвенный Н. К. Михайловскій,—лежитъ номеръ сербскаго журнала, на заглавномъ листѣ котораго напечатано: „Отацбина. Кньижевность, наука, друштвени животъ. Свеска за іул. 1875“. Очень вѣроятно, что народъ сербскій этой Отацбины не читаетъ, но, можетъ быть, по крайней мѣрѣ, иногда является въ ней нѣчто и для „свинопаса“ понятное. Замѣните отацбину отечествомъ и этотъ смѣшной на русское ухо дружественный животъ — общественной жизнью, и вы положите непреодолимую преграду для распространенія знаній и просто грамотности въ народѣ. Наука, искусство, просвѣщеніе, цивилизація будутъ идти сами по себѣ, народъ—самъ по себѣ, не оплодотворяя другъ друга“ *). На Украинѣ этотъ экспериментъ сдѣланъ: соотвѣтственные народные термины замѣнены „отечествомъ“, „общественной жизнью“ и послѣдствія получились именно тѣ, о которыхъ говоритъ Н. К. Михайловскій: наука, искусство, просвѣщеніе, цивилизація идутъ сами по себѣ, народъ—самъ по себѣ, не оплодотворяя другъ друга. По наблюденіямъ другого русскаго писателя, Станюковича, украинцы „культурнѣе великороссовъ: нравы у нихъ мягче, отношенія къ женщинѣ лучше, но за то по развитію, такъ сказать, по умственности, куда ниже великороссовъ. Грамотныхъ я встрѣчалъ очень мало, а весь кругозоръ ихъ недалекъ отъ кругозора дикихъ“ **). Конечно, такія послѣдствія вызваны не однимъ только отсутствіемъ печати на родномъ языкѣ. Тутъ дѣйствовали соединенными силами многія условія, среди которыхъ и отсутствіе печати, и школа съ ея „обрусеніемъ“ и другими чуждыми началъ здравой педагогіи тенденціями, и кое-что иное вносило по каплѣ своего меда. Но обсужденіе всѣхъ этихъ условій выходитъ изъ предѣловъ моей задачи, и я говорю пока только о печати.

VI.

Таково положеніе, которое создали для украинской литературы распоряженія 1876 г. Неудивительно, поэтому, что и послѣдствія его также носятъ характеръ исключительности, отразившись на состояніи литературы и положеніи ея работниковъ самымъ плачевнымъ образомъ. Они вызвали среди писателей и читателей всеобщую растерянность, пріостановку въ работѣ и отчаяніе въ будущности своего дѣла, такъ какъ не оставляли, повидимому, никакого выхода и осуждали все движеніе на вѣрную, хотя и медленную, смерть. Выше я приводилъ свидѣтельство одного изъ украинскихъ писателей, что „писать было

*) Н. К. Михайловскій. Сочиненія, Спб., 1897, т. III, стр. 886.

**) Станюковичъ. Картинки современныхъ нравовъ. „Русская Мысль“, 1896, январь, 208.

не для кого", и могъ бы назвать еще десятки именъ писателей, въ дѣятельности которыхъ 1876 годъ положилъ болѣе или менѣе продолжительный перерывъ. На Украинѣ опять воцарился новый антрактъ, повидимому—послѣдній, въ теченіе котораго украинская литература должна была, послѣ нѣкоторой агоніи, прекратить свое существованіе.

Но... опять приходитъ на память одинъ эпизодъ изъ дѣятельности Щедринской коммиссіи по искорененію литературы. Когда коммиссія пришла къ извѣстному читателямъ заключенію о необходимости совершеннаго упраздненія литературы, сатирикъ произнесъ блестящую защитительную рѣчь, звучащую вмѣстѣ съ тѣмъ обвиненіемъ и вызовомъ по адресу людей, рѣшившихся на такое безразсудное дѣло; привести эту рѣчь будетъ весьма умѣстнымъ и въ настоящемъ случаѣ. „Милостивые государи! — сказалъ защитникъ,—вамъ, конечно, небезызвѣстно выраженіе scripta manent. Я же подъ личною за сіе отвѣтственностью присовокупляю: semper manent, in secula seculorum! Да, господа, литература не умретъ! не умретъ во вѣки вѣковъ! А посему, какъ бы намъ съ нашей коммиссіей не осрамиться. Все, что мы видимъ вокругъ насъ, все въ свое время обратится частью въ развалины, частью въ навозъ — одна литература вѣчно останется цѣлою и непоколебленною. Одна литература изъята отъ законовъ тлѣнія, она одна не признаетъ смерти. Не смотря ни на что, она вѣчно будетъ жить и въ памятникахъ прошлаго, и въ памятникахъ настоящаго, и въ памятникахъ, будущаго. Не найдется такого момента въ исторіи человѣчества, про который можно было бы съ увѣренностью сказать: вотъ моментъ, когда литература была упразднена. Не было такихъ моментовъ, нѣтъ и не будетъ" („Круглый годъ"). Не былъ такимъ моментомъ для украинской литературы и 1876 г. и „не смотря ни на что"—она осталась жить, своею испытанною жизнеспособностью представляя прекрасную иллюстрацію къ приведеннымъ словамъ сатирика и лучшее ихъ фактическое подтвержденіе. Ужъ кажется, приняты были всѣ мѣры къ ея прекращенію, ужъ кажется, и примѣнялись онѣ безъ послабленія, сжимая временами тиски до полнаго ихъ соприкосновенія — а она, эта сжимаемая литература, не только не умерла, но возрождаясь каждый разъ, подобно фениксу изъ пепла, даже прогрессировала и развивалась, дѣлая свое дѣло, хотя, конечно, не въ томъ объемѣ и не съ тѣми результатами, какіе были бы возможны и желательны. Проходили годы и десятилѣтія, въ теченіе которыхъ процессъ агоніи долженъ былъ, повидимому, закончиться естественнымъ концомъ, а между тѣмъ мы съ изумленіемъ замѣчаемъ, что ничего подобнаго не случилось и литература продолжаетъ жить и послѣ нанесеннаго ей, казалось, смертельнаго удара. На защиту ея встала сама жизнь, которая въ свое время и вызвала ее изъ небытія, и она съ честью

вышла изъ безпримѣрно тяжелаго испытанія и съ надеждой смотритъ въ будущее. Капля по каплѣ долбитъ эта осужденная на смерть литература камень препятствій, капля по каплѣ просачивается во всѣ пòры народнаго организма, подготовляя и обезпечивая ему національное возрожденіе въ будущемъ. Слова сатирика: „какъ бы намъ съ нашей коммиссіей не осрамиться“— оказались пророческими. Этому были, разумѣется, вполнѣ опредѣленныя причины.

Распоряженія 1876 г., сравнительно съ предшествовавшимъ ему Валуевскимъ распоряженіемъ 1863 г., относятся къ украинской литературѣ съ неизмѣримо большею прямолинейностью и суровостью. Тогда какъ тамъ замѣчаются всетаки нѣкоторыя колебанія и нерѣшительность, да и самыя мѣропріятія предлагаются лишь въ видѣ временной мѣры („пріостановиться“), — здѣсь мы имѣемъ дѣло съ типической повелительной формой, не обнаруживающей уже ни сомнѣній, ни колебаній („воспретить“...). Тѣмъ не менѣе, — я это рѣшительно утверждаю, — последнее по времени и болѣе суровое по существу распоряженіе оказалось, въ сущности, еще менѣе дѣйствительнымъ, нежели предыдущее. Дѣло въ томъ, что распоряженіе 1876 г. упало уже на иную почву, встрѣтило нѣсколько подготовленныя силы и потому первоначальная растерянность недолго продолжалась. Дѣйствительность показала, что строгое и неуклонное, вполнѣ послѣдовательное проведеніе принципа полнаго упраздненія литературы на практикѣ немыслимо. Извѣстно вѣдь, что всякое естественное теченіе, встрѣчая преграды и препятствія на прямомъ пути, направляется въ обходъ, по линіи наименьшаго сопротивленія, ищетъ выходовъ и мало по малу ихъ находитъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Уже нѣсколько лѣтъ спустя по изданіи распоряженія 1876 г., жизнь отмѣнила нѣкоторые его пункты, стоявшіе въ наибольшемъ противорѣчіи съ ея требованіями, а въ періодъ 1881—83 гг. сдѣлала даже нѣкоторый запасъ литературныхъ произведеній, какъ бы предчувствуя, что наступающее за симъ время окажется въ полномъ смыслѣ „временемъ лютымъ“, когда уже не будетъ возможности что-нибудь дѣлать. Такое время дѣйствительно наступило и до конца 90-хъ годовъ стоялъ самый глухой періодъ, когда вся литературная продукція украинской печати въ Россіи выражалась цифрой въ нѣсколько десятковъ тощенькихъ брошюрокъ, не дававшихъ ровно никакого представленія ни о литературныхъ силахъ, ни о дѣйствительномъ ростѣ украинской литературы, ни о направленіяхъ среди украинскихъ писателей. Съ ужасомъ и недоумѣніемъ когда-нибудь впослѣдствіи, когда получатъ извѣстность всѣ факты изъ этого недавняго прошлаго, остановится историкъ украинской общественности предъ этимъ мрачнымъ періодомъ. Но тишь, да гладь, да Божья благодать существовали только наружно; въ дѣйствительности же дви-

женіе обнаружилось тамъ, гдѣ лишь смутно подозрѣвали его возможность авторы распоряженія 1876 г. Выходъ былъ найденъ: украинскіе писатели, силою вещей поставленные внѣ закона, сдѣлали еще шагъ впередъ въ томъ же направленіи, по которому толкало ихъ упомянутое распоряженіе, и совсѣмъ ушли изъ-подъ его дѣйствія, перенесши свою дѣятельность въ родную Галичину.

Этотъ край, заселенный въ значительной части также украинскимъ народомъ, до половины 70-хъ годовъ мало привлекалъ къ себѣ россійскихъ украинцевъ, и потому сношенія съ нимъ до этого времени ограничивались лишь отдѣльными личностями какъ съ той, такъ и другой стороны. Клерикально-бюрократически-буржуазное направленіе, господствовавшее тогда среди галицкой интеллигенціи, ея отсталость во всѣхъ отношеніяхъ и реакціонно-обскурантное отношеніе къ народу представлялись украинцамъ до такой степени непривлекательными, что они ограничивались лишь общими выраженіями симпатіи къ своимъ закордоннымъ братьямъ, благо при этомъ была хоть какая-нибудь возможность работать дома. Но вотъ эта возможность исчезла, и съ этого времени Галичина привлекаетъ общее вниманіе среди украинцевъ: центромъ украинскаго движенія становится Львовъ — здѣсь сосредоточиваются всѣ литературныя силы съ обѣихъ сторонъ Збруча, здѣсь вырабатываются литературныя и иныя традиціи, которыя будутъ сохранены до того, надѣемся, недалекаго времени, когда и въ Россіи сдѣлается возможнымъ украинское печатное слово и свободное обнаруженіе національнаго движенія. Галичина и въ настоящемъ сыграла, по выраженію проф. Грушевскаго, роль резервуара для украинской народности, — ту роль, какая принадлежала ей на зарѣ исторіи, когда этотъ край давалъ пріютъ украинскому населенію, отступавшему подъ натискомъ тюркскихъ кочевниковъ на западъ.

Съ перенесеніемъ дѣятельности украинцевъ въ Галичину и подъ сильнымъ ихъ вліяніемъ, возникаетъ и тамъ національно-демократическое движеніе, неразрывно связанное съ именами Драгоманова, Кониескаго и Франка; это движеніе постепенно усиливается и въ настоящее время охватываетъ большую часть мѣстной интеллигенціи. Появляются научныя, литературныя и др. общества *) и органы печати, питающіеся притокомъ какъ мѣстныхъ силъ, такъ и приливающихъ изъ россійской Украины; во всѣхъ сферахъ культурной жизни ведется дѣятельная работа, свидѣтельствующая о жизнеспособности осужденнаго у насъ на смерть направленія. Я не имѣю въ настоящее время возможности

*) Самое видное мѣсто между обществами безспорно занимаетъ извѣстное Львовское „Наукове Товариство імени Шевченка"; на русскомъ языкѣ наиболѣе полный обзоръ его дѣятельности сдѣланъ проф. Грушевскимъ въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія" за 1904 г. кн. III, стр. 117 — 148.

останавливаться на всѣхъ проявленіяхъ указаннаго движенія въ Галичинѣ и подчеркиваю лишь одну его черту: получая постоянное питаніе изъ русской Украины, Галичина въ свою очередь оказываетъ громадную поддержку и украинцамъ, такъ какъ даетъ возможность найти здѣсь точку приложенія для своихъ силъ, выброшенныхъ за бортъ на родинѣ.

Но если для поддержки существованія литературы исходъ украинцевъ изъ Россіи имѣетъ громадное значеніе, то для развитія какъ литературы вообще, въ ея цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ писателей,—указанное обстоятельство должно считаться не весьма благопріятнымъ. Каждый писатель имѣетъ въ виду извѣстную аудиторію, извѣстный кругъ читателей, къ которымъ онъ обращается со своимъ словомъ; чтобы влiять на эту аудиторію, онъ долженъ избирать, во-первыхъ, интересные для нея предметы и выработать, во-вторыхъ, опредѣленные пріемы, чтобы читатели понимали его, что называется, съ полуслова. Только при этихъ условіяхъ возможна тѣсная связь между писателемъ и читателемъ, обезпечивающая первому болѣе или менѣе глубокое вліяніе на свою аудиторію. Если мы вспомнимъ теперь первый пунктъ распоряженія 1876 г., запрещающій ввозъ въ Россію всѣхъ изданныхъ за границей украинскихъ книгъ, то поймемъ, что именно та аудиторія, на которую ближайшимъ образомъ только и можетъ разсчитывать украинскій писатель и запросы которой ему извѣстны лучше — для него почти не существуетъ; его произведеніямъ суждено обращаться преимущественно среди читателей, выросшихъ въ иной политической и общественной атмосферѣ и потому предъявляющихъ иные запросы къ литературѣ и живущихъ часто обособленными интересами. Разумѣется, при подобныхъ условіяхъ меньше шансовъ на то, что и литература вообще, и отдѣльные писатели въ частности вполнѣ используютъ все свое дарованіе и вліяніе. Многія произведенія, попадая на не совсѣмъ подходящую почву, останутся не вполнѣ понятыми; другія, имѣющія по преимуществу мѣстный интересъ, и совсѣмъ не могутъ появиться; многое должно облекаться въ слишкомъ академическія, далекія отъ жизни формы, избѣгая по возможности конкретныхъ случаевъ, заимствованныхъ изъ мало извѣстной большинству читателей обстановки. Въ результатѣ — нѣкоторыя отрасли литературы, напр., публицистика, не могутъ совершенно развиваться, другія — значительно проигрываютъ и также задерживаются въ своемъ развитіи, а отдѣльные писатели принуждены избѣгать весьма, можетъ быть, для нихъ въ данный моментъ интересныхъ темъ, или придавать имъ не вполнѣ подходящую форму. Эти фатальныя условія—источникъ задержки въ развитіи литературы и гибели, въ цѣломъ или въ части, отдѣльныхъ талантовъ. Легко вообразить, что сталось бы съ самымъ сильнымъ талантомъ при подобныхъ обезпложивающихъ, такъ сказать, усло-

віяхъ. Въ этомъ отношеніи даже положеніе русскаго писателя,— того самого писателя, которому литература напоила сердце ядомъ,—представляетъ громадную разницу. Русскій писатель все-таки можетъ въ большинствѣ случаевъ высказать, хотя бы и эзоповскимъ языкомъ, то, что онъ находитъ нужнымъ и полезнымъ въ данное время,—для украинскаго же эта возможность относится всецѣло къ области сладкихъ, но безплодныхъ мечтаній; русскій писатель имѣетъ свою аудиторію, своихъ читателей, которые иногда съ нетерпѣніемъ ожидаютъ всякаго новаго произведенія любимаго писателя,—для украинскаго же составъ читателей замыкается тѣснымъ кругомъ членовъ собственной семьи (припомните Щоголева!) или же въ лучшемъ случаѣ расплывается до полной потери всякихъ опредѣленныхъ очертаній. А вѣдь писатель не для собственнаго только самоуслажденія „пописываетъ"; онъ имѣетъ жгучую потребность въ томъ, чтобы выстраданныя имъ произведенія читались, и его слово попадало на надлежащую почву. При отсутствіи же этихъ условій, украинскому писателю предстоитъ грозная альтернатива: или уйти съ родного поля и стать работникомъ на сосѣднемъ, или же совершенно забросить перо, истощивъ силы въ безплодныхъ попыткахъ борьбы противъ неумолимаго рожна. И сколько ихъ, этихъ жертвъ своего тяжелаго положенія, имена ихъ же Ты, Господи, самъ вѣси, насчитываетъ украинская литература за все время своего горемычнаго существованія! Сколько погибло талантливыхъ силъ, замолкавшихъ на время особенно обострявшихся цензурныхъ гоненій, или же и совсѣмъ сломившихъ свое перо!.. Разумѣется, болѣе энергичныя натуры выдерживаютъ всѣ испытанія и терпѣливо продолжаютъ идти своимъ тернистымъ путемъ, но во что имъ это обходится и какими жертвами, въ видѣ ненужной потери и растраты силъ, для литературы это сопровождается—легко понять, припомнивъ все до сихъ поръ мною сказанное. Существуетъ, кромѣ того, разница и въ чисто матеріальномъ отношеніи. Русскій писатель, благодаря тому, что трудъ его оплачивается, можетъ быть только писателемъ, всѣ свои силы и время посвящая одной литературѣ,— украинскій же прежде всего долженъ быть учителемъ, врачемъ, чиновникомъ, корректоромъ и т. д., и только остатокъ своихъ силъ и времени можетъ отдавать литературѣ. Исключительное положеніе послѣдней создало такой порядокъ, что литературный трудъ не оплачивается совершенно и ничего, кромѣ непріятностей, треволненій и огорченій, не даетъ украинскому писателю, лишенному, къ сожалѣнію, завидной доли древнихъ—питаться амброзіею и нектаромъ... Я не говорю уже о разницѣ въ душевномъ настроеніи, съ одной стороны—человѣка, сознающаго себя полезнымъ работникомъ, и съ другой — употребляющаго бездну хлопотъ, времени и энергіи на то, чтобы наполнять бездонную бочку цензурныхъ Данаидъ. Вѣдь это одно въ состояніи

остановить всякое развитіе. Говорятъ часто, что украинская литература не даритъ своихъ почитателей замѣчательными произведеніями, — допустимъ, что это такъ, хотя такое мнѣніе и не вполнѣ справедливо. Но я просилъ бы указать литературу, которая при подобныхъ условіяхъ была бы въ состояніи давать замѣчательныя произведенія. Я думаю, что отнюдь не этому слѣдуетъ удивляться, а скорѣе тому, что находятся еще люди, прилагающіе свои силы къ разработкѣ запретной области. Вѣдь если русскому писателю литература и напоила сердце ядомъ, то не забудемъ, что она же всетаки и освѣтила ему жизнь, тогда какъ на долю украинскаго, кромѣ безпримѣснаго яда, не осталось ровно ничего, и тѣмъ большаго удивленія заслуживаютъ эти попытки вырваться изъ сплошь отравленной атмосферы и создать хотя бы проблески свѣта среди непроглядной тьмы...

VII.

Въ заключеніе нельзя не обратиться къ вопросамъ: кому нужно, для кого можетъ быть выгодно и полезно это исключительное положеніе, созданное для украинской литературы? Кто собственно заинтересованъ въ томъ, чтобы украинскій народъ былъ лишенъ самаго элементарнаго человѣческаго права — говорить о себѣ и для себя на своемъ родномъ языкѣ? Разсматривая эти вполнѣ умѣстные, въ виду ихъ важнаго значенія, вопросы, мы, къ глубокому своему изумленію, не можемъ на нихъ отвѣтить положительно.

Говорятъ, напр., что денаціонализація не-государственныхъ народностей полезна государственной, — въ данномъ случаѣ великорусскому народу, въ интересахъ котораго будто бы и совершается приведеніе къ одному знаменателю всѣхъ этихъ финновъ, латышей, литовцевъ, поляковъ, украинцевъ, грузинъ, армянъ и проч., и проч., и проч. Но въ чемъ выражается эта польза, — будетъ ли обитатель, скажемъ, Тульской губерніи, чувствовать себя счастливѣе и меньше ощущать тяготы своего настоящаго существованія, если, допустимъ, кіевляне, полтавцы, тифлисцы или варшавяне станутъ изъясняться точно такъ же, какъ и этотъ тульскій обыватель? Очевидно, послѣднему это обстоятельство не можетъ доставить ровно никакого реальнаго счастья, кромѣ, можетъ быть, чисто платоническаго удовольствія, что вотъ, молъ, наша взяла. Но, можетъ быть, это нужно для всего великорусскаго народа, взятаго въ его цѣломъ? Опять таки народъ этотъ имѣетъ столько реальныхъ нуждъ, столько жгучимъ насущныхъ потребностей, которыя настоятельно ждутъ удовлетворенія, что ему, право, некогда и думать о какой-то своей руссификаторской якобы миссіи, навязываемой ему обитателями всевозможныхъ „подозритель-

ныхъ бельэтажей“. Ссылка на народъ является въ данномъ случаѣ напрасной клеветой на него.

Говорятъ еще, что литературное раздѣленіе можетъ вредно отозваться на развитіи русской литературы, уменьшивъ число ея работниковъ и потребителей. Подобное мнѣніе, конечно, справедливо въ буквальномъ смыслѣ, потому что, если бы Гоголь писалъ по-украински, то русская литература лишилась бы одного изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ дѣятелей, и если бы украинскіе читатели имѣли свою печать, то число потребителей русской несомнѣнно бы нѣсколько понизилось. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что это съ виду справедливое мнѣніе отзывается весьма вульгарнымъ пониманіемъ задачъ литературной дѣятельности и также содержитъ клевету — на этотъ разъ уже на русскую литературу, которая, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, съ негодованіемъ отвергаетъ унизительную роль чужеяднаго растенія. Русская литература имѣетъ достаточно своихъ собственныхъ силъ и слишкомъ широкое поле дѣятельности, чтобы предъявлять претензіи на захватъ чужихъ владѣній. Да и эти „чужія владѣнія“ не были бы, конечно, ограждены китайской стѣной, и лучшія произведенія русской литературы всегда вызывали бы такой же живой интересъ среди украинскихъ читателей, какой вызываютъ и теперь. Пониженіе сказалось бы, такимъ образомъ, только въ отношеніи посредственныхъ и плохихъ произведеній, а объ этомъ едва ли стоитъ особенно жалѣть, такъ какъ не на нихъ клиномъ сошлась русская литература и не въ ихъ распространеніи она заинтересована. Но если бы въ количественномъ отношеніи русская литература даже и проиграла отъ уменьшенія работниковъ и потребителей, то въ качественномъ она несомнѣнно бы выиграла при свободномъ обмѣнѣ достоянія различныхъ литературъ и утилизаціи всѣхъ тѣхъ силъ, которыя въ настоящее время погибаютъ неиспользованными. Да, наконецъ, литература менѣе всего нуждается въ томъ, чтобы привлекать къ ней кого бы то ни было за шиворотъ: есть у нея свои собственныя средства распространенія, которыя гораздо сильнѣе подневольнаго привлеченія.

Говорятъ, далѣе, что ограничительныя мѣры предпринимаются въ интересахъ самихъ же украинцевъ, чтобы отвлечь ихъ отъ пустой, вредной и не имѣющей будущности затѣи, предохранить ихъ силы отъ напрасной траты и направить эти силы на общую работу. Къ этому мнѣнію весьма часто примыкаютъ тѣ „очень совѣстливые и честные“, по словамъ одного изъ одесскихъ публицистовъ, люди, которые „совершенно замалчиваютъ эти (національные) вопросы, лелѣя въ душѣ идеалъ единства, подавленія одной націей другихъ, надѣясь, что эту не особенно пріятную работу совершатъ иные не совсѣмъ чистые люди, и что послѣ ихъ необходимой, но грязной работы, возможно будетъ приступить, на-

конецъ, къ осуществленію идеала человѣческой справедливости" *). Отождествленіе Молоха съ приносимой ему жертвой, какъ въ данномъ случаѣ, кромѣ нѣкоторой чисто-логической несообразности, никакой клеветы, конечно, не составляетъ, но оно содержитъ нѣчто худшее: кощунственное оправданіе всякаго насилія какимъ-нибудь болѣе или менѣе свѣтлымъ идеаломъ. Въ подобныхъ оправданіяхъ во время оно почерпала основанія для своей дѣятельности инквизиція, сквозь пламя священныхъ костровъ проводившая заблудшихъ къ вѣчному спасенію; на нихъ же строили свою противообщественную работу іезуиты, возведшіе въ догматъ извѣстный принципъ: „цѣль оправдываетъ средства", и соперничать съ этими кровавыми дѣятелями исторіи „очень совѣстливымъ и честнымъ" людямъ совершенно не къ лицу. Оправданіе страданій интересомъ самихъ же страдальцевъ или это, въ своемъ родѣ, reservatio mentalis, молчаливое одобреніе по адресу „не совсѣмъ чистыхъ" исполнителей „необходимой, но грязной работы" съ затаенною мыслью воспользоваться ея плодами для свѣтлыхъ идеаловъ справедливости въ будущемъ — въ нравственномъ отношеніи хуже открытаго насилія. Но оно, кромѣ того, столь же несостоятельно на практикѣ. Имѣетъ ли будущность украинская литература, или же она представляетъ пустую и праздную затѣю—этотъ вопросъ для насъ уже рѣшенъ жизнью, такъ что всякая насильственная задержка въ ея развитіи представляется намъ прямымъ ущербомъ для интересовъ украинскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего человѣчества. Но даже съ точки зрѣнія сомнѣвающихся слѣдуетъ предоставить ей полную свободу, такъ какъ только этимъ путемъ скорѣе и рѣшительнѣе будетъ обнаружена ея несостоятельность, тогда какъ при господствѣ ограниченій и полумѣръ данный вопросъ долго еще не получитъ точнаго рѣшенія, и существованіе, допустимъ, „больного человѣка" затянется несомнѣнно на болѣе продолжительное время, чѣмъ при полной свободѣ. Что касается безполезной якобы траты силъ, то я позволю себѣ только одинъ вопросъ: развѣ этой траты теперь не совершается? Развѣ то, о чемъ у насъ все время шла рѣчь, не является одной огромной, сплошной тратой народныхъ силъ, осужденныхъ на вынужденное бездѣйствіе, на искусственное безплодіе? Предупрежденіе проблематической траты силъ путемъ дѣйствительной траты ихъ—это ли разумное рѣшеніе вопроса и не напоминаетъ ли оно поступка того мудреца, который позволилъ улетѣть изъ рукъ синицѣ въ чаяніи благъ отъ свободно парящаго въ небѣ журавля?...

Чаще всего, однако, ограниченія, направленныя противъ отдѣльныхъ національностей, оправдываютъ государственными инте-

*) Изгоевъ — „Хроника внутренней жизни", Южныя Записки, 1904 г., № 40, стр. 29.

ресами: цѣлостью, могуществомъ, безопасностью и тому подобными, дѣйствительно, важными нуждами государства. Переходя къ этому наиболѣе щекотливому обоснованію запретительныхъ мѣропріятій, я прежде всего спросилъ бы, въ чемъ заключаются положительные интересы государства въ отношеніи своихъ гражданъ? Конечно, въ томъ, чтобы эти граждане или обыватели—какъ кому угодно — исправно платили подати, проливали, гдѣ потребуется, свою кровь и вообще исполняли всѣ предписанныя закономъ государственныя повинности; въ этомъ, и только въ этомъ, и заключаются дѣйствительныя, реальныя требованія государства къ своимъ гражданамъ. Мѣшаетъ ли отдѣльность языка и развитіе собственной литературы какой-нибудь народности болѣе или менѣе исправно уплачивать причитающіяся съ нея подати, проливать кровь и т. п.? Нѣтъ, не мѣшаетъ, что, между прочимъ, достаточно убѣдительно доказывается и настоящими событіями на востокѣ, гдѣ всѣ народности несутъ одинаково тяжелыя жертвы. Въ этомъ и вся суть государственныхъ задачъ и интересовъ, такъ какъ сказкамъ о сепаратизмѣ не вѣрятъ, должно быть, даже и тѣ, кто временами къ нимъ прибѣгаетъ съ цѣлью попугать, кого слѣдуетъ, финляндской, польской, украинофильской или еще тамъ какой интригой. Вѣдь отъ добра добра не ищутъ, это—общее правило и всѣмъ людямъ одинаково свойственная черта. Наоборотъ, не менѣе общимъ правиломъ можно считать и обратное положеніе, а именно, что неосновательныя стѣсненія естественныхъ влеченій въ состояніи лишь вызвать поиски того добра, въ которомъ данному лицу отказано: сепаратизмъ питается лишь стѣсненіями, является послѣдствіемъ ихъ, а отнюдь не причиной. Въ неоднократно цитированной мною запискѣ министра Головнина, бывшаго свидѣтелемъ примѣненія ограничительныхъ мѣръ въ 40-хъ годахъ къ Финляндіи, содержится очень любопытное на этотъ счетъ замѣчаніе. „Я былъ тогда, — пишетъ министръ, — свидѣтелемъ негодованія, которое возбудила эта мѣра въ лицахъ, самыхъ преданныхъ правительству, которыя оплакивали оную, какъ политическую ошибку. Враги правительства радовались этому распоряженію, ибо оно приносило большой вредъ самому правительству“ *). Нечего и говорить, что одинаковыя причины всегда и вездѣ производятъ одни и тѣ же послѣдствія.

Но гдѣ же еще можетъ быть искомый Молохъ, которому вѣдь жертвы всетаки приносятся? Неужели только въ жалкомъ и пустомъ тщеславіи по поводу того, что количество говорящихъ русскимъ языкомъ увеличилось на десятокъ, сотню или даже тысячу человѣкъ? Если это такъ, то стóитъ ли ради такихъ пустяч-

---

*) Лемке М.—Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 306.

ныхъ результатовъ практиковать массу стѣсненій и лишать многомилліонное населеніе свободнаго обнаруженія своихъ силъ? Едва ли эта малоцѣнная овчинка стóитъ выдѣлки, не говоря уже о томъ, что плохую услугу оказываютъ русскому языку его неумѣренные поборники, дѣйствуя насиліемъ, и, конечно, великій, по выраженію Тургенева, русскій языкъ въ подобныхъ услугахъ никогда не нуждался и не нуждается.

Итакъ, хотя загадочная картинка съ надписью „гдѣ Молохъ?“ нами въ концѣ концовъ и разгадана, но самого Молоха, при всей реальности приносимыхъ ему жертвъ, въ наличности не оказывается, въ какомъ-нибудь реальномъ воплощеніи онъ не существуетъ, — это не болѣе, какъ фантомъ, созданный разстроеннымъ воображеніемъ нѣкоторыхъ потомковъ Аракчеева. Украинскій народъ сталъ жертвой прискорбной ошибки, фатальнаго недоразумѣнія, которыя длятся, однако, слишкомъ долго, уже въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ поглощая въ значительной степени духовныя силы страны и вызывая все новыя и новыя осложненія. Запретительныя мѣры по отношенію къ украинской литературѣ, какъ и множество другихъ, всецѣло относятся къ числу такихъ, „которыя не принося никакой существенной пользы тѣмъ, ради которыхъ это дѣлается, вмѣстѣ съ тѣмъ наносятъ огромныя лишенія людямъ, къ которымъ онѣ примѣняются“ („Русскія Вѣдомости“, 1904 г., № 271), по глубоко справедливому замѣчанію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, кн. Святополкъ-Мирскаго. Но не принося никому никакой пользы, подобныя мѣры наносятъ неисчислимый вредъ и при томъ не только тѣмъ, къ кому онѣ примѣняются, но и тѣмъ, ради кого это дѣлается, подобно тому какъ рабство въ одинаковой степени развращаетъ и раба, и господина. Добро бы еще, если бы эти никому ненужныя и для всѣхъ вредныя ограничительныя и запретительныя мѣры оказывались въ самомъ дѣлѣ дѣйствительными, а то вѣдь и въ этомъ отношеніи онѣ доказали уже полное свое безсиліе и вовсе не привели къ искорененію украинской литературы. Выводъ отсюда можетъ быть только одинъ: отмѣна исключительнаго положенія, созданнаго распоряженіемъ 1876 г. для украинской литературы, какъ и вообще всѣхъ подобныхъ мѣръ, представляется прямо необходимой въ общихъ интересахъ. Существуетъ въ нѣкоторыхъ сферахъ предразсудокъ, что считаться въ такихъ случаяхъ съ необходимостью и сознавать свои ошибки—значитъ ронять свой престижъ, обнаруживать слабость власти, и этотъ предразсудокъ часто стоитъ на дорогѣ къ хорошимъ цѣлямъ. Нечего и говорить, насколько онъ не основателенъ: сознанная ошибка уже перестаетъ быть ошибкой, такъ какъ за сознаніемъ слѣдуютъ мѣры къ исправленію и устраненію ея печальныхъ послѣдствій. Вѣдь не надо забывать, что scripta manent, semper manent, in secula seculorum, и что на основаніи этихъ не подверженныхъ тлѣнію и уничто-

женію scripta исторія — рано ли, поздно ли—но непремѣнно вынесетъ свой нелицепріятный приговоръ...

Сергѣй Ефремовъ

Брандмейстеръ Осиповъ.

Красавецъ мужчина въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ—ему всего 42 года. Владѣлецъ капитальнаго трехъэтажнаго дома въ Житомирѣ. Привлеченъ къ суду „по соучастію въ поджогахъ съ корыстными цѣлями"—за плату въ нѣсколько сотъ рублей. Когда онъ говоритъ свое „послѣднее слово" присяжнымъ засѣдателямъ, публика замѣтно взволнована. Многіе плачутъ. Но улики несомнѣнны, и судъ выноситъ приговоръ: трехгодичная каторга.

Въ отзывахъ печати, далеко не дружелюбно настроенной къ подсудимому, весьма ясно сквозила сочувственная нотка: Приговоръ мягокъ, преступленія оцѣнены гораздо ниже ихъ дѣйствительной стоимости. Но осужденнаго—жаль. Это несомнѣнно талантливый человѣкъ, прекрасный работникъ, огневая натура. И лишь невыносимыя, проклятыя условія жизни развратили его, сдѣлали преступникомъ и привели къ фатальному концу.

Кто осужденный? Судя по газетнымъ сообщеніямъ, его отецъ въ раннемъ дѣтствѣ былъ отнятъ у семьи „мѣрами полиціи", и на этомъ основаніи крещенъ и названъ „кантонистомъ". По имени воспріемника, ему дали фамилію: „Осиповъ". Сынъ этого Осипова, Илларіонъ, мальчикомъ попалъ въ Кіевъ. Повидимому, у него не было ни родныхъ, ни пристанища, ни, разумѣется, хлѣба. Здѣсь, въ 1880 г., его впервые судили за кражу пальто. Судъ призналъ воровство доказаннымъ. И, такимъ образомъ, 18-лѣтній Илларіонъ Осиповъ, сынъ кантониста по происхожденію и мѣщанинъ по паспорту, превратился въ „извѣстнаго полиціи вора".

Кличка: „извѣстный воръ", т. е. записанный въ участковыхъ книгахъ, весьма часто употребляется полицейскими протоколами. И весьма немногіе знаютъ, въ какія исключительныя, интимныя отношенія къ полиціи ставитъ она человѣка, особенно, если этотъ человѣкъ обладаетъ нѣкоторымъ умомъ и острою наблюдательностью. Съ одной стороны, попавшій въ списки воровъ, хотя бы изъ-за нужды и голода, всецѣло зависитъ отъ полиціи: она вольна допустить его къ честному труду, но вольна и не допускать. Съ другой — прежде чѣмъ сдѣлаться „воромъ", человѣкъ такъ или иначе соприкасался съ „преступной средой", знаетъ ее и можетъ, въ случаѣ надобности, сдѣлать полезныя для сыска указанія.

Въ рефератахъ о гомельскомъ процессѣ упоминался, между прочимъ, нѣкій свидѣтель Мурашко. Собственно въ „погромное дѣло“ онъ не внесъ ничего, особо примѣчательнаго. Но въ показаніяхъ его есть характерная подробность. Онъ, видите ли, „недавно находился подъ судомъ за кражу“, а затѣмъ „по порученію полиціи ходилъ опознавать евреевъ, которые производили „русскій погромъ“, т. е. совершалъ одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ предварительнаго слѣдствія.

Такого же рода свидѣтель выступалъ въ декабрѣ 1904 г. по дѣлу нѣкоего Кривуши. Фамилія этого свидѣтеля — Голлендеръ. Въ 1897 г., если вѣрить его собственнымъ словамъ, онъ отсиживалъ свой срокъ въ тюрьмѣ, а раньше былъ сыщикомъ. Въ настоящее же время онъ—„агентъ кіевскаго сыскного отдѣленія“.

Забѣгая значительно впередъ, приведу аналогичный случай изъ житомирскаго процесса.

Въ Житомирѣ Осиповъ „завѣдывалъ“, между прочимъ „сыскными агентами“. Въ числѣ сыщиковъ былъ какой-то Рейхисъ, „отъявленный воръ и мошенникъ“, „принесшій населенію, какъ выразился Осиповъ, много пользы“. Объ этомъ Рейхисѣ свидѣтель Константиновъ, помощникъ пристава 1 части, показалъ слѣдующее:

— Онъ былъ заподозрѣнъ въ кражѣ и арестованъ. Но вскорѣ я освободилъ его по просьбѣ Осипова. Въ тотъ же день Осиповъ позвалъ меня къ себѣ въ гости. Не зная расположенія комнатъ, я попалъ не въ общую гостиную, а въ какую-то другую комнату. И вдругъ вижу Рейхиса, голаго, растрепаннаго... Я шарахнулся въ сторону и поспѣшилъ выйти. Навстрѣчу шелъ Осиповъ. Онъ сказалъ мнѣ, что пригласилъ Рейхиса для полученія разныхъ свѣдѣній...

Нѣтъ резона удивляться легкости, съ какою совершается переходъ отъ званія: „извѣстный полиціи воръ“ къ должности: „агентъ сыскного отдѣленія“. Рейхисы, по нѣкоторымъ соображеніямъ, незамѣнимы. Имъ нечего терять, они готовы идти, куда угодно, и ни къ чему не обязываютъ, ибо ихъ чрезвычайно удобно возвращать въ „первобытное состояніе“, т. е. въ тюрьму. И только свойственная Осипову осторожность побудила его примѣнить къ новому подчиненному крайнюю мѣру пресѣченія — раздѣть до гола.

Въ началѣ своей карьеры Осиповъ также побывалъ въ шкурѣ Рейхиса. Наказаніе за кражу почему-то миновало его, и почти тотчасъ послѣ суда онъ оказывается писцомъ въ канцеляріи кіевскаго предводителя дворянства. Это—первая загадка въ исторіи Осипова: какъ извѣстно, на службу въ предводительскія канцеляріи люди принимаются лишь послѣ очень тщательныхъ справокъ о прошломъ, а справки даетъ прежде всего полиція... Такихъ загадокъ мы потомъ встрѣтимъ не мало.

Въ качествѣ писца, Осиповъ дѣлаетъ рядъ подлоговъ на почтовыхъ денежныхъ повѣсткахъ. Установлено, что по 6 повѣсткамъ съ подложными подписями ему удалось получить деньги. И въ 1881 г., все еще несовершеннолѣтній, Иларіонъ Осиповъ вновь „предстаетъ предъ зерцаломъ суда“ и приговаривается къ 8-мѣсячному тюремному заключенію. На этотъ разъ, если не ошибаюсь, онъ наказаніе отбылъ.

Затѣмъ мы видимъ Осипова на разныхъ поприщахъ: онъ то числится на службѣ въ кіевской бойнѣ, то состоитъ подъ судомъ за клевету, но связей своихъ съ полицейскими сферами не теряетъ, и, нѣсколько лѣтъ спустя, ему удается получить крупное повышеніе по службѣ: его назначаютъ урядникомъ въ Уманскій уѣздъ. Конечно, въ его служебный формуляръ не вносится ни судимость за кражу, ни тюрьма за подлоги. Въ виду заслугъ, извѣстныхъ, разумѣется, не намъ, а начальству, „все прежнее“ было, такъ сказать, предано забвенію.

II.

Есть остроумная народная басенка, какъ одинъ котъ задумалъ въ монахи поступить.

— Котъ Василій,—спрашивала мышь изъ норки,—ты постригся?

— Постригся, Евлампьюшка, постригся...

— И посхимился?

— И посхимился...

Мышь обрадовалась и выбѣжала изъ норы. Котъ ее сцапалъ.

— Схимникъ Василій,—пищала мышь,—вспомни: тяжкій грѣхъ тебѣ скоромиться...

— Я и не скоромлюсь, — отвѣтилъ котъ. — Я разслѣдую, не ѣла ли ты хозяйскаго сала.

Въ этомъ отвѣтѣ кота, который, не взирая на иноческій санъ, мышку во здравіе скушалъ, весьма тонко подмѣчена бытовая черта, уцѣлѣвшая отъ временъ стародавнихъ по нынѣшній день. Ради иллюстраціи рѣшаюсь еще разъ уклониться въ сторону и напомнить негромкое, но заслуживающее вниманія „судебное дѣло“. Разсматривалось оно 31 октября 1903 г. въ екатеринославскомъ уѣздномъ съѣздѣ.

Мѣщанинъ Стародубцевъ заочно назвалъ полицейскаго пристава с. Запорожья-Каменскаго г. Сытина „хабарникомъ“. Приставъ возбудилъ дѣло по обвиненію въ клеветѣ. Пропутешествовавъ по разнымъ инстанціямъ, дѣло попало въ съѣздъ. Свидѣтели Стародубцева съ рѣдкимъ единодушіемъ показывали, что г. Сытинъ беретъ взятки.

— Когда не было денегъ, — говорилъ, напримѣръ, торговецъ Пастуховъ,—я давалъ Сытину вещами. Такъ: два покрывала, а

черезъ полгода два ковра, черезъ годъ еще два ковра, штуку клеёнки и 8 аршинъ сѣраго кастора на шинель, черный сатинъ на мундиръ и 18 аршинъ шелковаго муару, рыбу изъ Москвы, да еще двѣ ковровыя дорожки,—etc.

Съѣздъ выслушалъ показанія, однако нашелъ, что для него, какъ „судебно-административнаго учрежденія", „голословныя показанія свидѣтелей" убѣдительной силы не имѣютъ. По мнѣнію съѣзда, занесенному въ приговоръ, „доказать лихоимство пристава Сытина Стародубцевъ могъ лишь представленіемъ такого судебнаго приговора, коимъ бы Сытинъ былъ признанъ виновнымъ въ лихоимствѣ, или опредѣленіе начальства по сему предмету".

На этомъ основаніи Стародубцевъ былъ признанъ виновнымъ въ клеветѣ (по 136 ст. уст. о наказ.) и приговоренъ къ высшей мѣрѣ наказанія, т. е. къ трехмѣсячному аресту.

Для человѣка, который не принадлежитъ къ сословію котовъ, живущихъ среди мышей, такое рѣшеніе непонятно. Онъ, пожалуй, изумится даже:

— Зачѣмъ въ такомъ случаѣ съѣздъ затруднялъ себя допросомъ свидѣтелей?

Между тѣмъ, мотивы съѣзда, при всей ихъ юридической необоснованности, не лишены своеобразной логики. Представьте, что приставъ Сытинъ далъ тому же, къ примѣру, Пастухову „въ морду". Это дѣйствіе можетъ быть разсматриваемо или какъ „драка", или какъ общерусская форма внушенія. Пастуховъ, которому больно, естественно склоненъ считать полученную имъ плюху дракой. Но, разумѣется, „судебно-административное учрежденіе" совершенно не можетъ согласиться съ потерпѣвшимъ, ибо установить субъективные признаки, какими различается драка отъ внушенія полномочно лишь начальство Сытина, а не какой-то Пастуховъ, лицо, безусловно, частное.

Точно такъ же и относительно „муаровъ", „сатиновъ", „ковровыхъ дорожекъ" и пр. предметовъ. Безспорно, они могутъ быть взяткой. Но могутъ быть и общепринятой въ Россіи данью почтенія и преданности полицейскому начальству. Обыватель, по невѣжеству своему, пожалуй, скажетъ: „взятка". Но не можетъ же съѣздъ, самъ себя называющій „судебно-административнымъ учрежденіемъ", руководиться самозванной „квалификаціей" какого-нибудь Пастухова или Стародубцева. Различіе между взяткой и данью преданности весьма тонко. Уловить его можетъ лишь начальство, а въ случаяхъ, когда и начальство сомнѣвается, судебная палата.

Эти взгляды „судебно-административныхъ учрежденій" Осиповъ постигъ въ совершенствѣ и слѣдовалъ имъ безукоризненно. Приступая къ исполненію обязанностей урядника, онъ былъ уже окончательно сложившимся человѣкомъ. Его „лексиконъ" состоялъ наполовину изъ словъ, отъ которыхъ, какъ кто-то фигурально

выразился, стыдливо разбѣгались даже собаки. Но Осиповъ употреблялъ эти слова лишь при объясненіяхъ съ „мужичьемъ“, дабы укоренить въ простонародьѣ уваженіе къ власти. Съ „людьми почище“ онъ и разговаривалъ деликатнѣе. Поэтому его считали не „сквернословцемъ“, но человѣкомъ, который умѣетъ энергически объясняться съ обывателями.

Осиповъ не стѣснялся дать „въ морду“. У него даже оказалась своеобразная страсть допрашивать арестованныхъ и „особенно сѣчь“. „Не одна нагайка—передаютъ „Одес. Нов.“—была имъ истрепана о голыя спины подозрѣваемыхъ“. Его еще въ чинѣ урядника постигло „несчастіе“, какъ выразилась та же одесская газета: „онъ кого-то побилъ, а тотъ взялъ и умеръ отъ побоевъ“. Однако, Осиповъ не преступалъ тѣхъ крайнихъ предѣловъ, за которыми урдядницкая расправа начинаетъ приводить въ содроганіе самыхъ закоренѣлыхъ „администраторовъ“. Поэтому трупъ убитаго былъ просто преданъ землѣ, какъ жертва роковой случайности, въ которой никто не виноватъ. Гдѣ пьютъ, тамъ и льютъ; гдѣ внушаютъ, тамъ и до смерти забиваютъ. Противъ этого естественнаго закона вещей ничего не подѣлаешь.

У Осипова сложилась привычка жить широко, съ такимъ комфортомъ, на какой не хватало не только скромнаго жалованья урядника, но и обычной дани обывательскаго почтенія. Словомъ, это былъ такой же урядникъ, какъ и многіе другіе, выдѣлявшійся изъ толпы лишь своею энергіею, распорядительностью, расторопностью, да широтою натуры. Казалось, судьба готовила ему рядъ дальнѣйшихъ повышеній по службѣ и въ заключеніе мирную смерть въ должности исправника или полиціймейстера. Но, на бѣду Осипова въ югозападномъ краѣ сохранились еще, кромѣ „судебно административныхъ учрежденій“, учрежденія просто судебныя.

Случилось такъ, что Осипову подъ руку попали деньги, которыя надо было передать какому-то крестьянину Славиковскому. Осиповъ поступилъ съ ними достаточно ловко, чтобъ дѣло не напоминало откровенную кражу. Но всетаки получилась „незаконная выемка“. „Выемка“, сверхъ чаянія, огласилась, попала въ судъ. А судебныя власти, вмѣсто того, чтобъ прекратить эту „непріятность“, дали ей законный ходъ.

Видимо, возмущенный постороннимъ вмѣшательствомъ, и желая поддержать престижъ администраціи, бывшій кіевскій губернаторъ Томара немедленно далъ Осипову повышеніе по службѣ, т. е. назначилъ „и. д. помощника полицейскаго пристава города Умани“. Губернаторское заступничество настолько окрылило Осипова, что онъ, въ порывѣ усердія, ужъ слишкомъ неосторожно и бурно подвергъ аресту, между прочимъ, мѣщанина Хайкельсона и попалъ подъ судъ по новому „дѣлу о заключеніи подъ стражу безъ всякихъ достойныхъ уваженія причинъ“.

Со стороны судебныхъ властей это вышло еще „нетактичнѣе“: изъ-за какого-то „жида“ подрывалось уваженіе къ правительственному чиновнику. Г. Томара выступилъ вторично и направилъ Осипова съ лестнымъ рекомендательнымъ письмомъ къ волынскому губернатору Трепову. Блестящая аттестація заранѣе обезпечивала радушный пріемъ, и, такимъ образомъ, Осиповъ получилъ новое повышеніе — сдѣлался помощникомъ полицейскаго пристава губернскаго города Житомира.

Здѣсь онъ довольно быстро завязалъ сердечно-дружескія отношенія съ полиціймейстеромъ Насвѣтовымъ. И, какъ игрокъ, которому вскружило голову слѣпое счастье, сталъ играть „во всю“, не стѣсняясь.

Но сначала нѣсколько словъ о Насвѣтовѣ.

III.

По словамъ „Кіевской Газеты“ *), Насвѣтовъ началъ полицейскую службу въ Житомирѣ человѣкомъ весьма скромныхъ достатковъ. Черезъ 15 лѣтъ, въ 1903 г., онъ былъ отстраненъ отъ должности, по распоряженію генералъ-губернатора.

Мнѣ лично, при разговорѣ съ житомирцами, приходилось слышать сравненія между Насвѣтовымъ и бывшимъ радомскимъ полиціймейстеромъ Кириченкомъ, который въ свое время сумѣлъ совмѣстить званіе „начальника полиціи“ съ обязанностями атамана организованной шайки воровъ и въ концѣ концовъ ухитрился таки попасть подъ судъ по обвиненію въ 670 преступленіяхъ.

Думаю, однако, что эти сравненія не выдерживаютъ критики. Начать съ того, что служба Насвѣтова протекала безъ трагическихъ эффектовъ; и оставилъ онъ ее довольно мирно, собственникомъ нѣсколькихъ крупныхъ имѣній, общую стоимость которыхъ сотрудникъ „Южн. Зап.“ опредѣляетъ до 1.000.000 руб. Правда, противъ Насвѣтова, когда онъ былъ полиціймейстеромъ, возбуждались судебныя дѣла „о незаконномъ пріобрѣтеніи имѣній“. Но это не помѣшало ему утвердиться въ правахъ собственности. Приказъ же объ увольненіи его „Кіев. Газета“ ставила въ причинную связь съ „недостачей довольно порядочной суммы денегъ“, по поводу которыхъ прислана была въ Житомиръ изъ Кіева „особая ревизіонная коммиссія“. Куда недостающее дѣлось, пополнено ли, и кѣмъ—это неизвѣстно. Однако Насвѣтовъ безпрепятственно живетъ на покоѣ, мирно пожиная плоды трудовъ своихъ. Значитъ, и съ этой стороны между нимъ и Кириченкомъ очень мало общаго.

Онъ быстро оцѣнилъ способности Осипова и посовѣтовалъ

*) № 232, 1903 г.

ему оставить гласное прохожденіе полицейской службы и сдѣлаться брандмейстеромъ. Совѣтъ этотъ обнаруживаетъ въ Насвѣтовѣ и осторожность, и житейскую сообразительность. Положеніе полицейскаго чиновника, состоящаго подъ судомъ, въ достаточной мѣрѣ шатко. Какъ бы медленно ни шло предварительное слѣдствіе, и какъ бы ни снисходительны были судьи, все же рано или поздно рѣшеніе должно состояться. При самомъ счастливомъ исходѣ дѣло закончится приговоромъ объ отстраненіи отъ должности. И тогда что? Гораздо благоразумнѣе воспользоваться тактикой генерала Дитятина: когда ему на маневрахъ поручили провезти обозъ незамѣтно для „непріятеля", онъ блестяще выполнилъ задачу... за три дня до начала маневровъ.

Въ этомъ смыслѣ должность брандмейстера — сущій кладъ. Съ одной стороны, она якобы полицейская, а съ другой—яко бы не полицейская. Такъ что, если судъ будетъ настаивать: „отрѣшите такого-то полицейскаго чиновника", имѣется полное основаніе отвѣтить:

— Такой-то чиновникъ отрѣшенъ за 3 года до приговора и нынѣ состоитъ брандмейстеромъ.

Впослѣдствіи такъ оно и случилось. Осиповъ, какъ умный человѣкъ, понялъ Насвѣтова и принялъ его предложеніе. Но, разумѣется, его чисто полицейская служба не прекратилась:

— Ко мнѣ,—съ гордостью говорилъ онъ на судѣ, — обращалась и полиція, обращалось и жандармское управленіе, обращался и бывшій прокуроръ. Я по ночамъ не спалъ, велъ политическіе розыски.

Кромѣ завѣдыванія сыскнымъ отдѣломъ и посильныхъ трудовъ по охранному отдѣленію, Осиповъ былъ произведенъ въ базарные старосты и въ старосты извозчиковъ, состоялъ кассиромъ по благотворительному сбору съ театральныхъ билетовъ. Исполнялъ и экстренныя порученія: „за дешевую цѣну покупалъ дичь для важныхъ обѣдовъ", отыскивалъ „спеціалистовъ по стрижкѣ болонокъ", продавалъ лоттерейные билеты (однажды въ два дня выручилъ 500 р.) и вообще оказывалъ помощь благотворительнымъ дамамъ, побуждалъ населеніе къ „торжественнымъ встрѣчамъ высокопоставленныхъ лицъ" *)... Занимался и другими дѣлами, но о нихъ рѣчь впереди.

Какія узы соединяли Насвѣтова съ Осиповымъ, въ подробностяхъ уяснить трудно. „Южн. Зап." глухо упоминаютъ, что „лихорадочная полицейско-коммерческая дѣятельность (Насвѣтова) захватила и Осипова". Т. е., надо догадываться, Осиповъ помогалъ своему начальнику заниматься „скупкою и перепродажею имѣній". Какъ ни облегчены административныя спекуляціи исключительными законами о земельной собственности въ юго-

*) „Южн. Зап.".

западномъ краѣ, какъ ни быстро наиболѣе проворные администраторы становятся здѣсь собственниками обширныхъ помѣстій, но, конечно, расторопный помощникъ, вродѣ Осипова, не можетъ быть лишнимъ. Къ сожалѣнію, печатью слишкомъ мало выяснено, какую именно помощь оказывалъ Осиповъ своему начальнику въ этомъ дѣлѣ.

Нѣсколько опредѣленнѣе указанія „Кiев. Газ.“. Распоряжаясь городскимъ пожарнымъ фуражемъ, Осиповъ „выращивалъ насвѣтовскихъ свиней“ и лошадей. Въ городской пожарной кузницѣ Насвѣтову дѣлались и ремонтировались, по распоряженію Осипова, фаэтоны, брички, бѣгунки... Изъ числа пожарныхъ служителей Осиповъ снабжалъ Насвѣтова поваромъ, кучеромъ, мамкой (?) и нянькой (?), которымъ платилъ жалованье городъ. Но эти услуги — несомнѣнно, мелочь: Насвѣтовъ могъ имѣть ихъ и отъ всякаго другого брандмейстера.

Къ разряду такихъ же мелочей надо отнести „исторію“, разсказанную „Одес. Нов.“. Но она гораздо характернѣе и заслуживаетъ, чтобы на ней остановиться подробно.

IV.

Обнаружился „какой-то недостатокъ какихъ-то общественныхъ денегъ“. „Недостатокъ“ былъ безспоренъ, и канцелярія лишь никакъ не могли сосчитать, сколько именно не хватаетъ. То выходило больше, то меньше. И чѣмъ усерднѣе работали писцы, тѣмъ неопредѣленнѣе становилась сумма.

Не умѣю объяснить, произошло ли это отъ оплошности цензоровъ, или по другой причинѣ, но въ газетахъ появились „намеки“. Возникла „опасность огласки“. Подсчетомъ недостающихъ денегъ надо было торопиться. Нѣкоторымъ лицамъ, а въ томъ числѣ и Насвѣтову, грозила непріятность.

И вотъ тутъ Осипову пришла въ голову блестящая, хотя и не новая мысль. Ее когда-то использовалъ, между прочимъ, попечитель казанскаго учебнаго округа Магницкій. Какъ извѣстно, онъ объявлялъ себя спасателемъ отечества отъ вольномыслія и, ради торжества православія и самодержавія, требовалъ „публично разрушить“ ввѣренный его попеченію казанскій университетъ. И лишь впослѣдствіи, когда Магницкій запутался въ престолонаслѣдственныхъ осложненіяхъ 1825 г., открылось, что спасатель отечества есть мелкій плутъ. Крики о вольнодумствѣ помогали ему незамѣтнѣе красть казенныя деньги.

Магницкій былъ уволенъ высочайшимъ приказомъ безъ прошенія и давнымъ-давно почіетъ въ гробу. Но методъ его живъ и весьма остроумно использованъ Осиповымъ.

Въ минуту, когда дѣло о недостачѣ общественныхъ денегъ

приняло наиболѣе острыя формы, у Осипова вдругъ оказался на лицо оркестръ *балалаечниковъ*: понимаете—„національный великорусскій инструментъ“. Музыканты, правда, изъ пожарныхъ, но одѣты „въ національные великорусскіе костюмы“: на каждомъ—плисовые штаны, кумачевая рубаха и шапка временъ тишайшаго царя Алексѣя Михайловича. Ну, словомъ, „маскарадъ“ почти такой же, какъ и въ капеллѣ „знаменитаго русскаго баяна“ г. Агренева-Славянскаго. Начальству, разумѣется, не надо было объяснять, что осиповскіе балалаечники представляютъ „серьезный обрусительный факторъ для пограничной волынской окраины“. И этотъ „факторъ“ созданъ находчивымъ брандмейстеромъ прямо таки изъ ничего — засчетъ какихъ-то „остатковъ общественныхъ суммъ“, тѣхъ самыхъ, о которыхъ шла безплодная переписка въ канцеляріяхъ.

Сразу стало ясно, что житомирское „дѣло о недостаткахъ“ совершенно аналогично пошехонскому недоразумѣнію по поводу пропавшихъ рукавицъ, которыя за поясомъ. Конечно, оно тотчасъ прекратилось. Осиповъ за его „чисто-русскую иниціативу“ получилъ благодарность, а балалаечники стали предметомъ особыхъ заботъ начальства. Оркестръ, со своимъ основателемъ во главѣ, назначался въ командировки, уѣзжалъ на гастроли въ Бердичевъ. Доктринеры скажутъ, что должность брандмейстера обязывала Осипова безвыѣздно жить въ Житомирѣ, но вѣдь надо же понимать, что, когда предъ нами „широкая и плодотворная задача обрусенія края“, тогда... etc.

Надо ли говорить, что житомирскіе граждане получили наибольшую порцію обрусительной музыки? Оркестръ сдѣлался необходимой принадлежностью „лѣтняго сада“. И начальство, нужно полагать, искренно радовалось, видя, какое высоко-художественное наслажденіе испытываетъ публика по случаю „Камаринскаго мужика“, „Барыни“ и другихъ истинно-русскихъ мотивовъ, исполняемыхъ на истинно русскомъ инструментѣ: „апплодировать—поясняютъ „Одес. Нов.“—было почти обязанностью“.

Балалаечникамъ платилось по 10—15 рублей за вечеръ изъ средствъ „городского общественнаго управленія“. Оно и послѣдовательно: разъ такое высоко-патріотическое предпріятіе возникло на общественныя деньги, поддерживать его надо тоже за счетъ общественный. Для сбора добровольныхъ пожертвованій на оркестръ выставлена была даже кружка. Впрочемъ, изъ нея однажды Осиповъ удосужился вытащить деньги. Куда онѣ дѣлись—неизвѣстно... Во всякомъ случаѣ исторія о балалаечникахъ свидѣтельствуетъ, до какой степени брандмейстеръ былъ разносторонне-полезный Насвѣтову человѣкъ.

V.

Съ своей стороны, и Насвѣтовъ оказывалъ подчиненному многочисленныя услуги. Сначала скажу нѣсколько словъ о „мелочахъ".

Какъ я уже упоминалъ, на Осипова было возложено „взимать благотворительный сборъ съ театральныхъ билетовъ", этимъ онъ воспользовался для разныхъ коммерческихъ дѣлишекъ подъ предлогомъ служенія „богинѣ Мельпоменѣ". Онъ участвовалъ даже въ качествѣ пайщика въ постройкѣ одного изъ частныхъ театровъ. По случаю пріѣзда Шаляпина, самолично сѣлъ въ кассу продавать билеты. „Публика ломилась въ театръ. За билеты платили втрое больше", и всетаки сборъ оказался неполнымъ — „недоставало нѣсколькихъ сотъ рублей" *). Осипову высказали по этому поводу удивленіе.

— Возмутительный городъ!—согласился онъ.—Помилуйте: Шаляпинъ не взялъ полнаго сбора! Только въ Житомирѣ можетъ это случиться...

Въ этомъ остроумномъ отвѣтѣ вопросъ о недостачѣ денегъ въ кассѣ, разумѣется, потонулъ.

Самое взиманіе благотворительнаго сбора дало богатую пищу для анекдотовъ. Между прочимъ, въ моментъ ареста у Осипова, въ печкѣ нашли много пепла отъ свѣже сожженной бумаги. На вопросъ прокурора, откуда этотъ пепелъ, Осиповъ объяснялъ суду:

— Я завѣдывалъ контролемъ билетныхъ корешковъ въ городскомъ театрѣ и въ театрѣ „Аркадія". Послѣ каждаго спектакля я отбиралъ корешки и передавалъ ихъ полиціймейстеру, который просматривалъ ихъ и возвращалъ мнѣ, а я сжигалъ ихъ.

Ну, а разъ Насвѣтовъ котролировалъ Осипова, безъ анекдотовъ обойтись трудно.

За услуги по выкормкѣ свиней и лошадей, полиціймейстеръ не требовалъ, чтобы пожарные находились при обозѣ. Наоборотъ, онъ самъ откомандировалъ ихъ „на разнаго рода работы по благоустройству" Народнаго сада, Житняго базара и др. мѣстъ. Деньги за эти работы получалъ, конечно, Осиповъ, а пожарнымъ за сверхъ-урочныя обязанности милостиво выдавалось „на чай". Когда Насвѣтову жаловались на такія дѣла, онъ „только улыбался добродушно **), словно говоря:

— Какіе пустяки!

Къ разряду „пустяковъ" относится и то, что житомирскіе „базарные торговцы и торговки до сихъ поръ вспоминаютъ съ ужа-

*) „Одес. Нов.".
**) „Кіевск. Газ.".

сомъ“ поставленнаго надъ ними полиціей старосту Осипова. „Пустяки“ и не меньшій ужасъ извозчиковъ, которыхъ Осиповъ, по долгу биржевого старосты, избивалъ немилосердно.

Но вотъ не „пустяки“, даже съ полицейской точки зрѣнія: Житомиръ нѣсколько лѣтъ назадъ былъ посѣщенъ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Посѣтитель осмотрѣлъ, въ числѣ другихъ учрежденій, пожарную команду и пожертвовалъ въ ея пользу 60 рублей. Деньги вручены были Осипову и по этой причинѣ дѣлись неизвѣстно куда. Пожарные пожаловались. Сумма, правда, небольшая, ни въ какое сравненіе съ доходами отъ концерта Шаляпина и другихъ побочныхъ статей идти не можетъ, но источникъ ея обязывалъ полицію „выполнить патріотическій долгъ“ и „принять строжайшія мѣры“.

Насвѣтовъ, „выполняя патріотическій долгъ“, всѣ зависящія отъ него средства употребилъ, чтобы дѣло о великокняжескихъ деньгахъ не попало въ судъ. Имъ, наряду съ прочими жалобами на Осипова, занялась какая-то „особая коммиссія житомирскаго губернскаго правленія“. Въ день разбора, 12 февраля 1902 г., полиціймейстеръ „выступилъ въ качествѣ свидѣтеля“ и „самоотверженно стоялъ за своего подчиненнаго“ *). Роль защитника и свидѣтеля ему блестяще удалась, и сейчасъ мы увидимъ, до какой степени благопріятенъ для Осипова былъ приговоръ „особой коммиссіи“.

Спустя 3 мѣсяца послѣ ея засѣданія, состоялся приговоръ судебной палаты по одному изъ до житомирскихъ дѣлъ. Осиповъ былъ приговоренъ къ отрѣшенію отъ должности, опредѣленіе палаты вошло въ законную силу и было сообщено житомирскому начальству. Начальство „приняло къ свѣдѣнію“ и только. Тогда прокуроръ сталъ требовать исполненія приговора, но, по словамъ свидѣтеля Яновицкаго, нынѣшняго житомирскаго полиціймейстера, „исполненіе долго тормозилось... Объ этомъ хлопотали Насвѣтовъ и губернаторъ“. Наконецъ, вмѣшался старшій предсѣдатель судебной палаты, и пришлось „отрѣшить“, но, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же г. Яновицкій, „по ходатайству губернатора“, Осиповъ былъ немедленно принятъ на службу „по вольному найму“. Онъ остался по прежнему брандмейстеромъ, лекокмейстеромъ, балалайместеромъ, базармейстеромъ и проч., и проч., и проч. Администрація исполнила приговоръ въ точности, но на бумагѣ.

А пока шла переписка между палатой и полиціей, возникло новое „дѣло“—опять по жалобѣ пожарныхъ. Собственно, пожарные многократно пытались жаловаться и въ большинствѣ случаевъ „по поводу мордобитія“. Объ этомъ сообщалось Осипову, Осиповъ немедленно урезонивалъ смутьяна, т. е. прогонялъ со

---

*) „Кіев. Газ.“, № 232, 1903 г.

службы и не платилъ жалованья, чѣмъ, обыкновенно, жалобы и ограничивались. Но на этотъ разъ указывались неурядицы по хозяйственной части. Городская управа рѣшилась „разслѣдовать“ и открыла слѣдующее.

Городъ выдавалъ содержаніе 57 пожарнымъ служителямъ. Въ натурѣ ихъ оказалось 45, включая и тѣхъ, которые приставлены были исключительно для домашнихъ услугъ полиціймейстеру Насвѣтову. Такъ какъ каждому пожарному полагалось въ мѣсяцъ жалованья 12 р., то „безгрѣшный доходъ“ брандмейстера составлялъ ежемѣсячно 144 р., а въ годъ до 1.800 р. Но не всѣ получали полное жаловнаье. Большинству Осиповъ платилъ 7, 8, 9 иногда 11 руб.

„Овесъ покупался щедро, но пожарныя лошади имѣли такое же представленіе о немъ, какъ слѣпой о солнцѣ“ *). За то свиной заводъ Насвѣтова откармливался очень жирно.

Лошадей на бумагѣ покупали каждый годъ. Въ дѣйствительности, всѣ лошади оказались старыя. Въ пожарной кузницѣ изготовлялись экипажи не только Насвѣтову, но и Осипову и др. лицамъ. За чей счетъ покупался матеріалъ для этихъ экипажей,—„выяснить не удалось“. Всѣ извозчичьи лошади, по распоряженію Осипова, подковывались въ той же пожарной кузницѣ. Это должно бы давать доходъ, но таковаго не было.

Не лишена интереса подробность, о которой говорилъ на судѣ, какъ свидѣтель, поставщикъ фуража для пожарныхъ лошадей г. Перминовъ:

— Я,—показывалъ онъ,—обнаружилъ подлогъ со стороны Осипова. Онъ написалъ подложную квитанцію, что я ему долженъ 952 руб. Я привлекъ его къ отвѣтственности..

Но чѣмъ кончилось эго дѣло, г. Перминову не удалось узнать. Оно „не найдено“, хотя, по удостовѣренію суда, „слушалось въ административномъ засѣданіи и было прекращено“. Докладъ о результатахъ разслѣдованія былъ составленъ и „положенъ подъ сукно“. Въ печати о немъ не могло появиться свѣдѣній, потому что Осиповъ былъ „persona gratissima для мѣстной газеты“, какъ выразились „Южн. Записки“. Городской голова и гласные какъ бы не рѣшались касаться столь деликатнаго дѣла. Причины понять не трудно. Во-первыхъ, это было бы безполезно: если старшій предсѣдатель судебной палаты не добился исполненія приговора, то что-же могло сдѣлать „городское общественное управленіе“? А во-вторыхъ, „трогать“ Осипова было вообще не безопасно.

Мы подходимъ къ наиболѣе характерному штриху осиповской эпопеи—къ дѣятельности „по раскрытію преступленій уголовныхъ и политическихъ“.

---

*) „Одес. Нов.“

VI.

Какъ приводились Осиповымъ житомирскіе жители къ отбыванію политической повинности, не выяснено ни судомъ, ни газетами. Судомъ потому, что Осиповъ былъ обвиняемъ лишь въ поджогахъ, которые, по административной терминологіи, не имѣютъ отношенія къ „охраненію государственной безопасности и общественнаго спокойствія". Въ печати же лишь проскользнули глухіе намеки, что кулаки брандмейстера не слишкомъ различали разницу между „мордой" политической и „мордой" уголовной.

Правда, въ Житомирѣ и даже въ Кіевѣ ходитъ много легендъ. Разсказываютъ, напр., что одного жандармскаго офицера Осиповъ, искореняя, по его порученію, крамолу, сумѣлъ лишить разныхъ мелкихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей,—въ общей сложности рублей на 300, при чемъ, по одной версіи, кражу совершилъ самъ Осиповъ, а по другой—его агенты. Но, конечно, на достовѣрность изустныхъ преданій положиться трудно. Основательнѣе предположить, что въ анекдотахъ, передаваемыхъ „на ушко", дѣйствительность сильно прикрашена, если не извращена.

Гораздо болѣе извѣстно, какъ Осиповъ „раскрывалъ уголовныя преступленія". На этой сторонѣ суду поневолѣ пришлось остановиться, такъ какъ Осиповъ, въ качествѣ брандмейстера и по соглашенію съ домовладѣльцами, бралъ на себя лишь общую организацію поджоговъ, поджигали же, по его указаніямъ, полицейскіе сыщики и шпіоны.

Одного сыщика я уже упоминалъ. Это—Рейхисъ, арестованный по подозрѣнію въ кражѣ и освобожденный отъ суда и наказанія лишь потому, что его услуги понадобились Осипову. По словамъ прокурора, этотъ Рейхисъ „даже весьма похожъ" на одного изъ поджигателей.

Другого, Марморштейна, Осиповъ на судѣ характеризировалъ такими словами:

— Отъявленный воръ и мошенникъ, босякъ, шарлатанъ и сутенеръ... Не составлять протокола о немъ за поджогъ я, дѣйствительно, просилъ, потому что Марморштейнъ обѣщалъ отслужить...

Марморштейнъ отзывался объ Осиповѣ по существу такъ же, но въ выраженіяхъ, гораздо болѣе почтительныхъ. Однажды онъ у свидѣтеля Бебчука занялъ рубль, но на слѣдующій день возвратилъ деньги и сказалъ:

— Больше я уже не буду нуждаться. Я буду богатымъ: я буду агентомъ Осипова.

— Я,—разсказывалъ г. Бебчукъ на судѣ,—сталъ убѣждать его

не связываться съ Осиповымъ: попадешь на каторгу, а онъ будетъ въ сторонѣ.

— Осиповъ?!—отвѣтилъ Мармерштейнъ.—Осиповъ сила! Осиповъ все можетъ!..

Слѣдователю же онъ говорилъ, что Осиповъ, поручая поджигать дома, совѣтовалъ „побольше вытягивать денегъ...“ Послѣднее приказаніе Мармерштейнъ выполнялъ въ точности и даже обворовывалъ домовладѣльцевъ прежде, чѣмъ учинить поджогъ.

Были еще названы на судѣ сыщики Гендлеръ и Шендеръ. Но о нихъ извѣстно лишь, что Осиповъ пытался давать имъ изъ тюрьмы письменныя инструкціи, какъ и о чемъ надо показывать на предварительномъ слѣдствіи.

Но, разумѣется, у завѣдывающаго сыскнымъ отдѣломъ было не только четыре помощника. Достаточно упомянуть свидѣтельское показаніе тюремнаго надзирателя Садовскаго:

— Арестанты жаловались, что Осиповъ забиралъ себѣ львиную долю, а имъ не давалъ почти ничего.

Понятнѣе говоря, — назначеніе житомирскихъ агентовъ было не только въ томъ, чтобы поджигать. Вообще сыскная дѣятельность Осипова напоминаетъ исторію о двухъ братьяхъ-цыганахъ: одномъ — благочестивомъ, а другомъ — бродягѣ. Братья были смертельными врагами. Бродяга шатался неизвѣстно гдѣ, а благочестивый усердно молился Богу и обладалъ чудеснымъ даромъ—безошибочно указывать, гдѣ спрятана уворованная лошадь или украденное изъ клѣти добро... Агенты Осипова крали. Они же и находили похищенное. Это на житомирскомъ языкѣ называлось: „раскрывать преступленія“.

Частью уворованное находилось—и за это Осиповъ получалъ отъ начальства признательность; частью исчезало... за то Осиповъ, нисколько не стѣсняясь, торговалъ сапогами, самоварами, перстнями, простыми и драгоцѣнными камнями и другими вещами, „происхожденія неизвѣстнаго“, но по цѣнѣ дешевой.

Отнюдь не слѣдуетъ предполагать, будто въ Житомирѣ только и воровъ было, что сыщики Осипова. Находились, конечно, предприниматели - одиночки, не принадлежавшіе къ организаціи. Такихъ конкуррентовъ Осиповъ любилъ ловить и въ особенности—допрашивать. Нѣтъ надобности подробно говорить о выбитыхъ при этомъ зубахъ, изуродованныхъ членахъ и пролитой крови... Словомъ, тюрьма была полна обиженными или при допросѣ, или при дѣлежѣ добычи. И Осипова, когда ему пришла пора самому „сѣсть въ замокъ“, понадобилось прятать: арестанты съ полною откровенностью заявляли, что они желаютъ убить „лиходѣя“ и въ цѣляхъ добраться до него устроили даже „два серьезныхъ бунта“. Самъ Осиповъ умолялъ присяжныхъ помиловать его, потому что обвиненіе будетъ равносильно смертному приговору:

— Вѣдь арестанты меня убьютъ,—говорилъ онъ.

Характеръ сыскныхъ дѣлъ Осипова не былъ тайной и для внѣтюремныхъ жителей Житомира. Это видно уже изъ показанія г. Бебчука, который предупреждалъ Мармерштейна, что знакомство съ Осиповымъ закончится каторгой. Другой свидѣтель, г. Перминовъ объяснилъ суду:

— Я часто видалъ Осипова среди своры жуликовъ и зналъ, что онъ коноводъ всѣхъ мошенниковъ.

А товары, которые продавалъ Осиповъ, покупали всѣ.

— Я самъ одинъ разъ купилъ, — признался нынѣшній полиціймейстеръ Яновицкій. — И Насвѣтовъ покупалъ. И полковникъ Аршеневскій „примѣрялъ въ театрѣ кольцо", которое продавалъ брандмейстеръ.

Секретарю городской полиціи, г. Златковскому, Осиповъ „раза два показывалъ" свои товары, а Насвѣтовъ, покупавшій эти товары, даже „упрекалъ Осипова и предлагалъ ему лучше заниматься своимъ дѣломъ, чтобы про него *не распространяли разныхъ темныхъ слуховъ*". Значитъ, „слухи" доходили и до полиціймейстера... почему онъ не пожелалъ разслѣдовать ихъ — это загадка. На судѣ прокуроръ предложилъ г. Яновицкому вопросъ:

— И вы находили нормальнымъ, что Осиповъ торговалъ?

— Да, находилъ, — отвѣтилъ г. Яновицкій: — Осиповъ былъ очень дѣятеленъ, времени было много, и онъ наполнялъ досуги...

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ: полиціймейстеръ предлагалъ „заниматься своимъ дѣломъ", котораго, кстати, у Осипова было слишкомъ много, а помощникъ полиціймейстера „находилъ", что Осипову надо хоть чѣмъ-нибудь „наполнить досуги"... Противорѣчіе, однако, легко объяснить.

Нельзя сомнѣваться, что Осиповъ занимался сыскомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самъ онъ, и обвинительный актъ, и „частныя лица", и полицейскіе чины. Такъ, секретарю полиціи Златковскому извѣстно, что „большая часть раскрытій преступленій сдѣлана Осиповымъ", что Насвѣтовъ зналъ сыскныхъ агентовъ, что Осипову было „поручено заниматься сыскомъ", такъ какъ „онъ слылъ энергичнымъ человѣкомъ". Приставу 1 части Куярову тоже „извѣстно", что „Осипову Насвѣтовъ поручалъ раскрытіе преступленій". „Извѣстно" это и помощнику пристава Константинову и т. д. Тѣмъ не менѣе, нынѣшній полиціймейстеръ Яновицкій оффиціально удостовѣрилъ,—и это письменное удостовѣреніе было оглашено судомъ послѣ совершенно ясныхъ свидѣтельскихъ показаній — что, во первыхъ, сыскного отдѣленія въ Житомирѣ не существуетъ, а во вторыхъ, „содѣйствовалъ ли Осиповъ раскрытію преступленій и сдѣлалъ ли онъ какія-нибудь раскрытія,—полицейскому управленію неизвѣстно"...

Секретъ въ томъ, что сыскной отдѣлъ въ Житомирѣ суще-

ствуетъ „негласно“. Это бываетъ: недавно „Приднѣпр. Край“ обнаружилъ въ Бердянскѣ такое же негласное „отдѣленіе по раскрытію преступниковъ“. О немъ „оффиціально“ сдѣлалось извѣстно, лишь когда бывшій главный сыщикъ изнасиловалъ въ участкѣ дѣвушку и, не смотря на всѣ принятыя начальствомъ мѣры, попалъ подъ судъ. Но въ Житомирѣ ни Осиповъ, ни его агенты въ качествѣ сыщиковъ къ суду не привлекались. Значитъ, „негласное“ не могло сдѣлаться „гласнымъ“, и потому полицейское управленіе, нисколько не насилуя своей канцелярской совѣсти, сумѣло удостовѣрить, что ему „ничего неизвѣстно“.

Въ рѣчи прокурора, напечатанной „Волынью“, это удостовѣреніе совершенно игнорировано, какъ черезчуръ ужъ „оффиціальное“. Но г. Яновицкій игнорировать не могъ. Памятуя о своей оффиціальной бумагѣ, онъ поневолѣ забылъ объ исполненіи брандмейстеромъ Осиповымъ такихъ обязанностей, которыя даже отдаленнаго касательства къ пожарному дѣлу не имѣютъ.

Нужно, однако, замѣтить, что „удостовѣреніе“, состряпанное житомирскою полиціей, есть существенно необходимый для нея актъ. Вѣдь если бы она признала сыскное отдѣленіе, то рядъ обнаруженныхъ на судѣ фактовъ обязывалъ администрацію возбудить новыя дѣла, а это могло привести лишь къ новымъ непріятностямъ и осложненіямъ. Значитъ, долгъ службы понуждалъ прибѣгнуть къ такому же тактическому пріему, какой примѣненъ былъ къ послужному списку Осипова: въ этомъ документѣ оказался записаннымъ лишь приговоръ судебной палаты, и ни однимъ словомъ не упоминались подлоги и кражи. Причину понять легко: правда, подлогъ и кража признана судомъ, но они должны быть „оффиціально неизвѣстны“, потому что иначе самое нахожденіе Осипова на гласной полицейской службѣ противорѣчило бы канцелярской этикѣ.

VII.

— Бывало, увижу Осипова возлѣ какого-нибудь дома,—показывалъ свидѣтель Перминовъ,—и ужъ знаю, что завтра здѣсь будетъ пожаръ. Объ этомъ, кромѣ меня, зналъ помощникъ брандмейстера Шпаковскій. Я говорилъ члену городской управы и гласнымъ: „вотъ они, наши защитники, каковы“!... Я говорилъ Осипову: „смотрите, попадетесь“. А онъ мнѣ предлагалъ: „сожгите, говоритъ, свои домики“...

Эта общая характеристика интересно дополнена показаніями свидѣтелей-пожарныхъ:

„Осиповъ часто приказывалъ разрушать постройки во время тушенія пожаровъ. Иногда такія разрушенія производилъ уже по прекращеніи пожара“. Былъ и такой случай: „когда горѣлъ

смоляной заводъ, еврей за угломъ далъ брандмейстеру деньги, и тогда воротили пожарныхъ и стали ломать". „Иногда онъ прекращалъ поливку горѣвшаго зданія, какъ бы съ цѣлью дать ему сильнѣе разгорѣться. А иногда, оставляя въ покоѣ горѣвшее зданіе, приказывалъ поливать сосѣднія постройки". „Часто ломали мебель, картины, зеркала, выбрасывали ихъ изъ оконъ, когда въ комнатѣ не было и слѣда огня". Осиповъ съ большимъ раздраженіемъ говорилъ: „эти сукины сыны, охотники, не дадутъ никогда сгорѣть дому".

Подъ „охотниками" разумѣются дружинники вольно-пожарнаго общества.

„Однажды, когда обозъ мчался на пожаръ, гдѣ впослѣдствіи обнаружены были явные признаки умышленнаго поджога, Осиповъ вдругъ остановилъ всѣхъ и нѣсколько минутъ бранилъ пожарныхъ за то, что они допустили охотника сѣсть на линейку, хотя это всегда разрѣшалось и разрѣшается вольнопожарнымъ". „Бывали случаи, что на пожарахъ заставали бензинъ, керосинъ и послѣ этого горѣвшее зданіе ломали"...

Всего пожаровъ, на которыхъ Осиповъ дѣйствовалъ загадочно, прокуроромъ насчитано 11. Это на основаніи судебнаго слѣдствія; повидимому, полиція знаетъ ихъ больше. Слѣды поджоговъ, болѣе или менѣе явныхъ, обнаруживались весьма нерѣдко. Полицейскіе чины приступали къ разслѣдованію, возгорались дѣла, такъ сказать, и затѣмъ почему-то „гасли", исчезая невѣдомо куда.

На пожарахъ часто присутствовалъ Насвѣтовъ и самъ губернаторъ. Осиповъ всячески старался доказать, что горѣвшіе дома ломались „по приказанію начальства". Относительно губернатора это ему мало удалось, но и прокуроръ согласился, что „въ одномъ случаѣ" поломка производилась, дѣйствительно, по приказанію полиціймейстера. Даже до крайности осторожному г. Яновицкому „одинъ разъ показалось, что напрасно разрушали стѣну".

Только „показалось"!.. „Оффиціально" же ничего не было извѣстно, и Осиповъ, пожалуй, до сихъ поръ служилъ бы по вольному найму, если бы не досадное, но совершенно случайное обстоятельство.

Житомирскій житель и отставной подполковникъ Абрамовичъ выстроилъ себѣ домъ. Подрядчикъ не сумѣлъ потрафить на его вкусъ. Абрамовичъ былъ очень недоволенъ постройкой; собирался продать ее, но покупателей не находилось. Какъ-то на вокзалѣ онъ, встрѣтившись съ Осиповымъ, замѣтилъ:

— Вотъ хорошіе дома горятъ, а моя дрянь не горитъ.

— А вы хотите, чтобъ вашъ домъ сгорѣлъ? — спросилъ Осиповъ.

— Отчего-жъ не хотѣть! — отвѣтилъ Абрамовичъ, но тутъ ему

надо было садиться въ вагонъ. И на этомъ разговоръ прекратился.

Затѣмъ Абрамовичъ съѣздилъ, куда требовалось. Вернулся въ Житомиръ и, спустя нѣкоторое время, снова встрѣтился съ Осиповымъ. Теперь брандмейстеръ заговорилъ первымъ:

— Наступила зима,—сказалъ онъ,—самое удобное время. Пора бы и приступить...

Абрамовичъ, если вѣрить ему, долго не соглашался, но Осиповъ сумѣлъ убѣдить его, что отъ поджога никто, кромѣ страхового общества, не пострадаетъ,—это, во-первыхъ. А во-вторыхъ, отъ Абрамовича ничего не требуется, кромѣ согласія: подожгутъ другіе. За всю „работу" брандмейстеръ назначилъ 25 рублей поджигателю и 500 руб. себѣ. Абрамовичъ торговался и, наконецъ, порѣшили на слѣдующемъ: 200 р. въ моментъ заключенія договора авансомъ, а 300 р. по полученіи страховой преміи.

Тогда Абрамовичъ повысилъ страховку съ 5000 до 8000 руб., и, дѣйствительно, отъ него „ничего больше не потребовалось". Только разъ въ присутствіи Осипова ему послышался въ сосѣдней комнатѣ шорохъ. Онъ хотѣлъ было посмотрѣть, что тамъ такое, но Осиповъ его остановилъ:

— Тамъ приготовляютъ,—объяснилъ онъ.

Въ заранѣе назначенный срокъ, ночью 16 февраля 1903 г. произошелъ пожаръ. Онъ оказался не изъ удачныхъ и былъ скоро потушенъ. Обнаружились явные слѣды поджога, полиція начала „дѣло", но оно, по обыкновенію, „умерло". Абрамовичъ безпрепятственно получилъ „премію", соразмѣрно убыткамъ,—3500 р., однако жаловался и помощнику брандмейстера („жуликъ вашъ Осиповъ"), и самому брандмейстеру.

— Паршиво,—соболѣзновалъ Осиповъ.—Вижу, что паршиво... Ну, ничего. Мы это поправимъ. Изъ Вильны выпишемъ поджигателя: артистъ своего дѣла!..

Неожиданно Абрамовичъ получилъ предложеніе „сочинить" второй поджогъ—отъ „помощника агента второго россійскаго страхового общества Азріеля Гроссмана". Старикъ, больной и не совсѣмъ нормальный психически, Абрамовичъ передалъ объ этомъ брандмейстеру. Осиповъ ничего не имѣлъ „противъ такой комбинаціи":

— Хорошо, дѣйствуйте, а я помогу. Послѣ вы мнѣ заплатите рублей 100—150.

Не лишено интереса, что между нѣкоторыми страховыми агентами и Осиповымъ, повидимому, существовали довольно дружественныя отношенія: агенты Плотницкій и Меерсонъ „представляли его даже къ наградамъ за успѣшное тушеніе пожаровъ". А по словамъ „Одес. Нов.", однажды Осиповъ, встрѣтивъ въ театрѣ сотрудника „Волыни", сказалъ ему:

— Знаете, мнѣ предлагаютъ агентуру по страхованію отъ

огня. Вотъ, если бъ мы съ вами вмѣстѣ стали работать, такъ сказать—печать и брандмейстеръ!.. Вѣдь кучу денегъ нагрели бы.

Абрамовичъ принялъ предложеніе Гросмана, и тотъ прислалъ къ нему въ качествѣ поджигателя... сыщика Мармерштейна. Мармерштейнъ выманивалъ у „кліента“ деньги, потомъ просто обокралъ его. Въ концѣ концовъ Абрамовича совершенно сбили съ толку, и онъ, не шутя, сталъ подозрѣвать, что всѣ эти Мармерштейны, Гросманы, Осиповы — не что иное, какъ „шайка соціалистовъ“. Послѣднему слову отставной подполковникъ русской службы, повидимому, такъ же придавалъ сугубо страшный смыслъ, какъ гомельскій исправникъ слову: „демократы“.

„Отправляю заказнымъ, — между прочимъ, писалъ Абрамовичъ своей „незаконной“ женѣ Еленѣ Трояновской,—а то перехватятъ письмо, если они, дѣйствительно, „соціалисты“.

Однако, „приготовленія“ были закончены. Абрамовичу доложили, что „все готово“, и онъ уѣхалъ на время въ Бердичевъ.

Въ его отсутствіе, часовъ около 11 вечера 5 іюня домъ подожгли. Но... тутъ и произошло то непредвидѣнное обстоятельство, которое погубило Осипова: надо же было случиться, что едва начавшійся въ комнатахъ запертаго и пустого дома пожаръ привлекъ вниманіе вышедшаго въ это время изъ своей квартиры полицейскаго чиновника Куркушевскаго.

Куркушевскій обнаружилъ должную распорядительность: немедленно послалъ за пожарными, выломалъ двери и вбѣжалъ внутрь. Всюду было разбросано сѣно и спички, слышался сильный запахъ керосина. Огонь только что разгорался, и его удалось тотчасъ затушить „домашними средствами“. Куркушевскій сталъ „обезпечивать доказательства поджога“, какъ вдругъ вспыхнулъ чердакъ сразу въ двухъ мѣстахъ. Какъ разъ въ эту минуту прибыли пожарные. Брандмейстеру оставалось лишь немедленно прекратить огонь и „констатировать“, что и на чердакѣ кто-то сдѣлалъ обширныя приготовленія къ поджогу.

Возникло, такимъ образомъ, новое дѣло. Вполнѣ вѣроятно, что оно такъ же прекратилось бы, какъ и прежнія; по крайней мѣрѣ, Насвѣтовъ не очень интересовался имъ и лишь упрекнулъ дружески Осипова:

— Въ результатѣ вашей безтактности (!) является много недовольства.

Досадно было, что мѣстная газета неудавшійся пожаръ описала правильно, но и это бы не бѣда. Бѣда въ томъ, что Абрамовичъ и его жена оказались совершенно неподготовленными къ поджигательскимъ операціямъ. Газетное сообщеніе такъ подѣйствовало на Елену Трояновскую, что она явилась къ судебному слѣдователю и разсказала, по какой причинѣ возникъ первый пожаръ 16 февраля, и по какой — второй. Такъ же поступилъ и

мужъ: онъ немедленно вернулся въ Житомиръ и прямо съ вокзала поѣхалъ къ слѣдователю „съ повинною“, т. е. подтвердилъ и дополнилъ еще неизвѣстное ему показаніе Трояновской... „Шило“ получилось такое, котораго ни въ какомъ „мѣшкѣ“ не спрячешь.

Осторожнѣе другихъ поступилъ Азріель Гросманъ. Пронюхавъ, что „кліентъ опростоволосился“, онъ благоразумно ретировался въ Кишиневъ. Трояновская не замедлила сообщить объ этомъ слѣдователю, тѣмъ не менѣе Гросманъ „скрылся и не разысканъ“. Гдѣ онъ находится—„неизвѣстно“ даже полиціи, и дѣло объ его участіи въ поджогахъ „выдѣлено въ особое производство“.

Но Осиповъ продолжалъ гордо разъѣзжать по городу. Кажется, онъ еще вѣрилъ въ свою „звѣзду“, и какъ знать, быть можетъ, у него на это имѣлись основанія. Въ сущности переговоры о поджогѣ велись очень тонко: они были извѣстны лишь Абрамовичу, но Абрамовичъ — обвиняемый, ему надо выгораживать себя. Могла знать кое-что Трояновская, но она тоже заинтересованное лицо: „сожительница обвиняемаго“. Много зналъ Гросманъ, но онъ „скрылся“. Зналъ Мармерштейнъ и прочіе агенты, но за ихъ скромность можно было ручаться, да и самъ Мармерштейнъ не тревожился и такъ же спокойно обиталъ въ Житомирѣ, какъ и его патронъ. Наконецъ, у Осипова были другія средства устранить свидѣтелей, если бы таковые нашлись. Средства эти оказались дѣйствительными даже тогда, когда Осиповъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ чемъ они заключались—скоро увидимъ.

Впрочемъ, на всякій случай, онъ приказалъ Мармерштейну: „Немедленно сообщи мнѣ, если тебя арестуютъ“, и тѣмъ пока ограничился. Удара ждать было неоткуда. Не могъ же Осиповъ предполагать, что онъ, скромный брандмейстеръ, который служитъ „по вольному найму“, будетъ устраненъ отъ должности телеграфнымъ приказомъ самого генералъ-губернатора. Ибо гдѣ видано, чтобы брандмейстеры назначались или увольнялись по распоряженію высшей въ краѣ власти. А если это и случается, то въ общеизвѣстномъ и разъ навсегда опредѣленномъ порядкѣ: генералъ-губернаторъ запроситъ губернатора, губернаторъ полиціймейстера... Пока этихъ предварительныхъ сношеній не было, значитъ—особо безпокоиться не о чемъ.

Увы! произошло именно полное нарушеніе „разъ навсегда установленнаго порядка“. Совершенно неожиданно, черезъ двѣ недѣли послѣ второго пожара въ домѣ Абрамовича, послѣдовалъ изъ Кіева приказъ отъ устраненіи Осипова, потомъ Насвѣтова. Осиповъ и Мармерштейнъ были заключены подъ стражу,—и мы вступаемъ въ окончательную и сплошную полосу загадокъ.

VIII.

Начать хотя бы съ Мармерштейна. Онъ, повторяю, былъ арестованъ, исправно содержался въ мѣстахъ предварительнаго заключенія, но на судъ полиція не могла его доставить: оказалось, „скрылся и не разысканъ“. Куда, какъ, почему,—„оффиціально неизвѣстно“: обвинительная власть узнала объ исчезновеніи Мармерштейна уже въ судебномъ засѣданіи. Какъ водится, она неукоснительно приняла мѣры, т. е. ходатайствовала, чтобы дѣло о скрывшемся было „выдѣлено въ особое производство“. Конечно, ея ходатайство уважено, дѣло будетъ разсмотрѣно ad calendas graecas: когда Мармерштейнъ отыщется...

Другой сыщикъ, Рейхисъ, также „скрылся и не разысканъ“. Итого исчезнувшихъ—трое, включая сюда и Гросмана. Все, какъ на подборъ, — лица, состоявшія въ интимныхъ отношеніяхъ съ полиціей и, несомнѣнно, имѣвшія что разсказать суду.

Много имѣлъ разсказать суду и помощникъ брандмейстера Шпаковскій. Его оглашенныя на судѣ показанія слѣдователю „Волынь“ резонно назвала тяжкимъ обвинительнымъ актомъ противъ Осипова, но къ разбору Шпаковскій явиться не могъ, по той вполнѣ законной причинѣ, что онъ былъ отравленъ и умеръ. Какъ это случилось, пробовалъ объяснить свидѣтель Перминовъ.

— Я не могу, не могу!—говорилъ онъ, волнуясь и размахивая руками.—Шпаковскій убитъ, отравленъ... Въ саду „Аркадія“ какой-то жуликъ подошелъ къ буфету...

„Тутъ Перминовъ былъ остановленъ предсѣдателемъ, который предложилъ не касаться этого вопроса“ *).

Справедливость требуетъ добавить, что, какова бы ни была смерть Шпаковскаго, она произошла мѣсяцевъ шесть спустя послѣ ареста Осипова. Осиповъ въ это время находился въ тюрьмѣ.

Кое-что можно бы узнать отъ Насвѣтова. Но за день до разбора дѣла въ „Волыни“ появилась замѣтка: „Главный свидѣтель, игравшій въ созданіи тайнъ города Житомира первенствующую роль, вѣроятно, не явится“.

Замѣтка оказалась пророческой: Насвѣтовъ, дѣйствительно, не явился. Судъ его оштрафовалъ на 25 руб., что, впрочемъ, для „владѣльца почти милліоннаго состоянія“ не такъ ужъ больно. Неявка важныхъ свидѣтелей, обыкновенно, служитъ поводомъ отложить дѣло. Между прочимъ, по этой причинѣ тянется нѣсколько лѣтъ и никакъ не можетъ разрѣшиться процессъ бывшаго помощника черкасскаго исправника Солчинскаго, обвиняемаго сразу по 6 статьямъ улож. о наказ. Освѣдомленные люди боятся,

*) „Волынь“.

что Солчинскій и умереть, не дождавшись разбора. Но ему легко ждать: онъ на свободѣ. Осиповъ же безвыходно, съ 23 іюля 1903 г. по 29 октября 1904 г., сидѣлъ въ тюрьмѣ, и съ неудавшагося судебнаго засѣданія могъ быть отправленъ только въ тюрьму. Поэтому трудно допустить, чтобы Насвѣтовъ подвергся штрафу въ интересахъ своего бывшаго подчиненнаго. А почему онъ предпочелъ не явиться, это—повторяю, загадка.

Свидѣтельница Елена Трояновская объясняла, по какой причинѣ она не рѣшалась заблаговременно сообщить начальству о предполагавшихся поджогахъ:

— Я боялась Гросмана и Осипова, такъ какъ меня, навѣрное, убили бы.

Къ разбору дѣла она вовсе было не явилась. Судъ распорядился „доставить ее приводомъ". Доставили, но свидѣтельница на всѣ вопросы отвѣчала двумя словами:

— Ничего не помню...

Стали читать ея показанія на предварительномъ слѣдствіи. Она выслушала.

— Вы припоминаете?—спросилъ предсѣдатель.—Все ли такъ было?

— Кажется,—начала было Трояновская, но тотчасъ же поправилась:—не знаю, не помню...

Наконецъ, ее спрашиваютъ:

— Вы ничего не помните... А скажите, не было ли въ послѣдніе дни такого случая: не приходилъ ли къ вамъ кто нибудь и не уговаривалъ ли измѣнить показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи?..

— Нѣтъ.

— Не было?

— То есть, да... уговаривалъ...

— Что же онъ вамъ говорилъ?

— Не помню...

Вмѣшивается предсѣдатель:

— Кто просилъ васъ измѣнить показанія?

Трояновская молчитъ.

— Кто просилъ васъ не показывать?

— Нѣтъ... никто... не просилъ...

— Да вы первый пожаръ помните?

— Я ужъ говорила, что ничего не помню...

Чувствуется чья-то незримая рука, которая частью парализовала, частью затруднила роль суда. Кому-то, очевидно, кое-что извѣстно объ этихъ внѣсудебныхъ вліяніяхъ... Но что именно? Судебное слѣдствіе опредѣленнаго отвѣта не даетъ. Остаются легенды, но онѣ ужъ слишкомъ во вкусѣ „тайнъ мадридскаго двора". Упомяну лишь одну, для примѣра. За часъ до ареста Осипова

отравилась его жена — говорятъ, стрихниномъ. Что побудило ее на этотъ шагъ, Богъ вѣсть, но легенда добавляетъ:

— Не отравилась, но ей дали стрихнинъ, потому что много знала...

Это чудовищно, нелѣпо, отлично подтверждаетъ старую истину, что чѣмъ безмолвнѣе типографскіе станки, тѣмъ безпощаднѣе работаютъ языки...

Въ тюрьмѣ Осиповъ устроился не совсѣмъ плохо. Сначала его поселили даже въ собственномъ кабинетѣ смотрителя, и притомъ довольно комфортабельно. Потребовалось особое вмѣшательство прокурора, чтобы „съ мѣщаниномъ Осиповымъ“ поступлено было, какъ „съ обыкновеннымъ арестантомъ“, но и послѣ этого онъ имѣлъ возможность посылать свидѣтелямъ письменныя инструкціи. Явилось какое-то таинственное „лицо“, которое „пожелало взять Осипова на поруки съ обезпеченіемъ въ 25.000 р.“. Устанавливались и давали себя чувствовать связи между Осиповымъ и его внѣтюремными друзьями. Въ Житомирѣ не разъ возникали слухи, что „брандмейстеръ выпущенъ“, „брандмейстеръ на свободѣ“...

Но, быть можетъ, ни на чемъ съ такою очевидностью не сказалась тяжесть внѣсудебныхъ вліяній, какъ на результатахъ предварительнаго слѣдствія. Первоначально, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, дѣло задумывалось, сравнительно, широко: возникало обвиненіе „въ соучастіи въ поджогахъ и укрывательствѣ краденаго“ *). Былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ Осипова. „Обнаружились въ значительномъ количествѣ какіе-то футляры отъ колецъ, браслетовъ, цѣпочекъ“... А послѣ 15-мѣсячной слѣдственной работы получилось всего лишь „обвиненіе въ склоненіи другихъ лицъ учинить поджоги дома Абрамовича“.

Но, конечно, даже обвинительный актъ не могъ выдѣлить одно событіе изъ общей массы служебныхъ подвиговъ Осипова: слѣдователю поневолѣ пришлось упомянуть и о другихъ поджогахъ, и о томъ, что дѣла о нихъ не начинались или прекращались, и что Марморштейнъ, будучи сыщикомъ, былъ и поджигатель, и совершалъ кражи и пр. Еще меньше могло выдѣлить единичный фактъ гласное и состязательное судебное слѣдствіе. Чтобъ доказать участіе Осипова въ двухъ лишь поджогахъ, понадобилось коснуться картины житомирскихъ пожаровъ вообще, упомянуть, что „подсудимый“ за 4 года службы на скромное жалованье брандмейстера сумѣлъ построить трехъэтажный домъ; потребовалось характеризовать и сыщиковъ, и отношенія между Осиповымъ и начальствомъ...

— Оставленіе Осипова на свободѣ,—говорилъ, напр., прокуроръ,—представляетъ серьезную опасность для общества, такъ

---

*) См., напр., „Нов. Время“ 24 іюля 1903 г.

какъ надѣяться на защиту со стороны высшаго административнаго начальства общество не имѣетъ никакихъ основаній. Осиповъ обладаетъ способностью гипнотизировать начальство, которое вообще не замѣчаетъ его неправильныхъ дѣйствій...

— Но вѣдь меня,—возразилъ, на это Осиповъ,—не обвиняютъ во многихъ преступленіяхъ, меня обвиняютъ лишь въ одномъ дѣлѣ...

Какой выводъ отсюда сдѣлало житомирское общественное мнѣніе? Единственно возможный: спустя нѣсколько дней послѣ приговора суда, въ „Волыни" появилась слѣдующая замѣтка:

„7 ноября вечеромъ по городу распространились слухи, что Осиповъ выпущенъ изъ тюрьмы и находится въ пивной Каца по Кіевской улицѣ. Прохожіе робко посматривали въ дверь это пивной, но войти туда не рѣшались. Слухъ о томъ, что Осипова въ концѣ концовъ освободятъ, очень прочно держится въ народѣ"..

Другими словами, обыватель убѣжденъ, что и на этотъ разъ „административное начальство" поступитъ вопреки приговору суда. Въ переводѣ на парламентскій языкъ это означаетъ:

— Хоть Осиповъ и осужденъ, но „чиновныя власти" въ Житомирѣ отнюдь не стали пользоваться большимъ довѣріемъ населенія.

Впрочемъ, такъ разсуждаютъ не въ одномъ Житомирѣ. Извѣстный кронштадтскій полиціймейстеръ Шафровъ тоже осужденъ. Однако, потребовалось увѣрять Россію, что онъ на службѣ по вѣдомству Краснаго Креста не состоитъ...

А. Петрищевъ.

Случайныя замѣтки.

Новая «Ковалевщина» въ Костромѣ. Понятное возбужденіе, вызванное въ русскомъ обществѣ „дѣломъ" закаспійскаго генерала, далеко еще не улеглось, какъ уже несутся новыя извѣстія о подвигѣ того же характера, пожалуй, еще болѣе яркомъ. На этотъ разъ мѣстомъ дѣйствія являются уже не „чудные уголки" подвѣдомственной генералу Усаковскому окраинной области, а центръ Россіи, гор. Кострома. Вотъ что пишутъ по этому поводу въ мѣстной подцензурной газетѣ „Костромской Листокъ" *):

„Жизнь нашего города въ послѣдніе дни преподноситъ неожиданные сюрпризы, которые и безъ того уже запуганнаго и загнаннаго обывателя въ конецъ ошеломляютъ и

*) Заимствуемъ изъ „Южнаго Обозрѣнія" отъ 15 дек.

вызываютъ вполнѣ справедливыя нареканія и сѣтованія. „Сюрпризы“, прежде не выходившіе изъ стѣнъ ресторановъ и гостиницъ, завоевываютъ себѣ мѣсто въ общественныхъ собраніяхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ, какъ, напр., театръ, почта и т. п. Мы сообщали уже о происшествіи въ „Московской“ гостиницѣ. Вслѣдъ за этимъ мы получили письмо о подобномъ же случаѣ въ мѣстномъ почтовомъ отдѣленіи и, наконецъ, къ крайнему нашему сожалѣнію, должны отмѣтить возмутительный фактъ, имѣвшій мѣсто 5 декабря въ городскомъ театрѣ, глубоко взволновавшій все общество. Суть дѣла въ слѣдующемъ. Въ одномъ изъ антрактовъ въ городскомъ театрѣ по адресу прогуливавшейся съ юношей молодой дѣвушки однимъ изъ присутствовавшихъ была допущена какая-то пошлость. Вспыхнувшій отъ нанесеннаго дѣвушкѣ оскорбленія, юноша потребовалъ отъ оскорбителя извиненій, но, встрѣтивъ вмѣсто этого издѣвательство, глумленіе и попытку быть выдраннымъ за уши, далъ нахалу пощечину.

„Послѣ этого разыгралась безобразная сцена, когда чрезъ фойе и на лѣстницѣ театра бѣжалъ за юношей съ обнаженнымъ оружіемъ получившій пощечину; послѣднему, однако, не удалось догнать юношу, скрывшагося домой. Фактъ этотъ вызвалъ глубокое волненіе среди присутствующихъ въ театрѣ, при чемъ *нѣкоторые рѣшительно заявляли, что безъ оружія въ карманѣ теперь нельзя никуда показаться*“.

Такимъ образомъ, здѣсь рѣчь идетъ уже не о единичномъ насиліи: тутъ уже терроризированъ цѣлый городъ. Продолженіе этой изумительной исторіи, однако, еще поразительнѣе. Въ той же газетѣ напечатано извѣстіе о томъ, что, послѣ происшествія въ театрѣ, къ одному изъ представителей мѣстнаго общества, подъ предлогомъ дѣловыхъ объясненій, явились въ квартиру четыре офицера и нанесли ему грубое оскорбленіе. „Случай этотъ,— прибавляетъ газета,—стоящій въ связи съ цѣлымъ рядомъ прямыхъ безчинствъ, имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время, какъ въ отношеніи беззащитныхъ стариковъ, такъ и дѣвушекъ изъ почтенныхъ семействъ, глубоко взволновалъ и возмутилъ мѣстное общество“. Другія газеты даютъ болѣе точныя указанія и комментаріи. Оказывается, что „четыре героя“, такъ храбро расправляющіеся со стариками, явились къ отцу того самаго юноши, который заступился за дѣвушку въ театрѣ, съ чудовищнымъ требованіемъ: „прислать сына въ офицерское собраніе для порки (!!) или—драться на дуэли“.

Итакъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ однимъ закаспійскимъ генераломъ, а съ цѣлой группой военныхъ, съ цѣлымъ „офицерскимъ собраніемъ“ (неужели это правда?). Если вскрыть взгляды

которые сказались въ этомъ почти невѣроятномъ инцидентѣ, то получится слѣдующій своеобразный кодексъ поведенія:

1) Всякій офицеръ имѣетъ невозбранное право отпускать по адресу любой дѣвушки разныя „пошлости“ и оскорбительныя замѣчанія, при чемъ никто изъ близкихъ не въ правѣ заступиться за оскорбленную.

2) Если же кто-нибудь за нее заступится, то г. костромской офицеръ имѣетъ право надрать ему уши, а заступникъ не въ правѣ прибѣгнуть къ самообоpонѣ физическими средствами.

3) Если онъ всетаки прибѣгнетъ къ самообоpонѣ, и отпускающій пошлости офицеръ потерпитъ при этомъ уронъ, то послѣдній долженъ обнажить оружіе и убить противника.

4) Если и это не удалось, то уже офицерское собраніе (!) беретъ дѣло въ свои руки, и его посланцы избиваютъ беззащитныхъ стариковъ родственниковъ...

Этотъ силлогизмъ кажется намъ до того поразительнымъ, что мы ждали опроверженія; мы ждали, что въ газетахъ появится разъясненіе въ томъ смыслѣ, что хоть офицерское собраніе тутъ ни при чемъ. Вѣдь единственно разумный и единственно достойный выходъ для людей, понимающихъ, что значитъ слово *честь,*— состоялъ лишь въ немедленномъ очищеніи своей среды отъ проявленій хулиганства. Все послѣдующее въ этомъ безобразномъ происшествіи явилось естественнымъ послѣдствіемъ непристойнаго поведенія офицера, оскорбившаго дѣвушку. Въ этомъ и только въ этомъ, на взглядъ всякаго не ослѣпленнаго человѣка, могло состоять истинное оскорбленіе „корпораціи“. Честь корпораціи не въ кулакѣ и не въ полосѣ желѣза. Эта честь въ томъ, чтобы никто не могъ обвинить члена корпораціи въ безчестномъ поведеніи, роняющемъ достоинство всякаго порядочнаго человѣка. Разъ это можно сказать о данномъ членѣ корпораціи,—она уже оскорблена именно своимъ товарищемъ. И неужели общество офицеровъ въ Костромѣ держится иного взгляда? Неужели оно полагаетъ, что позоръ непристойнаго поведенія искупается успѣшной дракой, а возстановленіе чести корпораціи достигается тѣмъ, что вся она выражаетъ солидарность съ виновникомъ пошлаго скандала и требуетъ у отца выдачи сына на позоръ и истязаніе въ своемъ „собраніи“.

Недавно въ „Руси“ было напечатано письмо генерала Кирѣева по поводу Ковалевскаго дѣла. „Онъ — не нашъ,— пишетъ ген. Кирѣевъ въ этомъ письмѣ, — разъ навсегда—не нашъ!“ *). Хотѣлось бы думать, что этотъ голосъ не останется одинокимъ, что и въ военной средѣ есть умы, не ослѣпленные столь чудовищно извращенными понятіями о сословной чести, и есть сердца,

*) „Русь“. Заимствуемъ изъ „Ниж. Листка“, отъ 21 дек. 1904 г.

способныя биться негодованіемъ на подвиги Ковалевыхъ закаспійскихъ и Ковалевыхъ костромскихъ...

У насъ теперь много говорятъ, много пишутъ, много надѣются и много благодарятъ за обѣщаніе возстановленія „полной силы закона", для всѣхъ доступнаго и для всѣхъ равнаго... Мы ждемъ съ величайшимъ интересомъ, въ какой формѣ и скоро ли почувствуютъ на себѣ эту „силу закона" тѣ господа, которые полагаютъ, что оружіе дано имъ для того, чтобы безнаказанно оскорблять русскихъ дѣвушекъ и избивать въ „отечествѣ" беззащитныхъ стариковъ. Вѣдь иначе — это уже полное разложеніе элементарныхъ гражданскихъ понятій, своего рода — „военная анархія". Вл. Кор.

В. И. Ковалевскій и семейное начало въ дворянскомъ банкѣ.

Имя В. И. Ковалевскаго, бывшаго товарища министра финансовъ, въ послѣднее время довольно часто мелькаетъ въ ежедневной прессѣ, въ связи съ разными мотивами болѣе или менѣе „судебно-юридическаго" свойства. Въ самое послѣднее время, уже въ концѣ декабря, одна изъ саратовскихъ газетъ огласила прошеніе г-на Ковалевскаго, перепечатанное затѣмъ чуть не всѣми русскими газетами. Въ этомъ прошеніи рѣчь идетъ объ „уничтоженіи дара". Вскорѣ послѣ появленія этихъ интересныхъ газетныхъ извѣстій, В. И. Ковалевскій обратился въ „Биржевыя Вѣдомости" съ письмомъ, въ которомъ говоритъ, между прочимъ,—что его „семейныя отношенія, казалось бы, не могутъ быть предметомъ общественнаго интереса" и что „опубликованіе прошенія, до разсмотрѣнія его на судѣ, представляется совершенно необычнымъ".

Намъ кажется, что въ этомъ упрекѣ по адресу печати г-нъ Ковалевскій далеко не вполнѣ правъ. Разумѣется, до семейныхъ отношеній, чьихъ бы то ни было, печати, вообще говоря, дѣла мало, но... судебныя дѣла, хотя бы и на семейной подкладкѣ, по общему правилу становятся достояніемъ гласности. Что касается до „преждевременности" опубликованія, то и это давно уже стало обычаемъ, и не совсѣмъ понятно, что В. И. Ковалевскій видитъ въ этомъ предосудительнаго. Всякая исковая просьба, подаваемая въ современный судъ, тѣмъ самымъ направляется къ оглашенію, такъ какъ не всегда же двери нашего суда закрываются передъ гласностью. Такимъ образомъ, оглашеніе исковаго прошенія до суда не представляетъ, въ сущности, ничего необычнаго, ничего такого, что подающій прошеніе могъ бы считать для себя непредвидѣнной непріятностью или нарушеніемъ своего права.

Разумѣется, сущность дѣла, заинтересовавшаго всю русскую печать, совсѣмъ не въ семейныхъ отношеніяхъ, и мы возьмемъ изъ него лишь тѣ черты, въ которыхъ эти отношенія неразрывно

переплелись съ общественной дѣятельностью бывшаго крупнаго администратора. А именно:

Въ августѣ 1898 года В. И. Ковалевскій пріобрѣлъ крупное имѣніе, при чемъ, изъ какихъ то видовъ, довольно распространенныхъ въ бюрократической средѣ, въ которые мы, однако, входить не намѣрены, — имѣніе было пріобрѣтено на имя брата жены г-на Ковалевскаго, И. Н. Лихутина. Послѣдній, со стороны своей „общественной дѣятельности", представляетъ фигуру тоже довольно яркую, а отчасти даже нѣсколько пеструю. Когда то, еще въ 70-хъ годахъ онъ судился по нечаевскому процессу, но съ тѣхъ поръ искупилъ сторицею „заблужденіе молодости" полезной дѣятельностью по „финансовой части". Дѣятельность эта, хотя и не оффиціальная, была извѣстна многимъ и значительно способствовала процвѣтанію отечественной промышленности въ разныхъ ея отрасляхъ. Теперь онъ явился номинальнымъ владѣльцемъ огромнаго имѣнія („Полоцкое"), которое, какъ объясняетъ г. Ковалевскій, было куплено имъ (Ковалевскимъ) за 685 тыс. рублей, „скопленныхъ отчасти на долгой государственной службѣ, отчасти же благодаря его кредиту"... „При покупкѣ имѣнія на немъ, кромѣ долга нижегородско-самарскому банку, образовался еще долгъ срочный, до 1 февраля 1899 года". Долгъ этотъ былъ погашенъ, благодаря ссудѣ въ 160 тыс. рублей, которыми г. Ковалевскаго любезно снабдилъ извѣстный нефтепромышленникъ Нобель. Этотъ долгъ, при всей любезной готовности подвѣдомственнаго министерству финансовъ Нобеля, разумѣется, не могъ не стѣснять г-на товарища министра финансовъ. И вотъ, „чтобы отдать долгъ и поставить имѣніе въ лучшія финансовыя условія (желаніе тоже вполнѣ понятное), я началъ,—говоритъ В. И. Ковалевскій,—хлопотать о скорѣйшей выдачѣ ссуды подъ имѣніе изъ дворянскаго банка". Тутъ, конечно, есть маленькая неточность: собственно „началъ хлопотать", по крайней мѣрѣ формально, г-нъ Лихутинъ, такъ какъ для банка, какъ и вообще „для свѣта", юридическимъ владѣльцемъ имѣнія былъ только г-нъ Лихутинъ. Къ сожалѣнію, г-ну Лихутину, не смотря на его финансовыя способности, ссуда была разрѣшена только въ суммѣ 377,100 рублей. Этого было достаточно для уплаты щекотливаго долга Нобелю, но мало „для улучшенія финансовыхъ условій имѣнія". Тогда, — лаконически поясняетъ г-нъ Ковалевскій,— „въ моихъ интересахъ и благодаря моимъ заслугамъ на государственной службѣ" ссуда повышена до 633 тысячъ. Кромѣ того, въ виду тѣхъ же заслугъ В. И. Ковалевскаго или, какъ говоритъ онъ самъ въ исковомъ прошеніи, „опять по указаннымъ выше причинамъ — совершеніе и утвержденіе купчей крѣпости (И. Н. Лихутинымъ, замѣтьте!) совершено было безъ взысканія въ казну крѣпостной пошлины"... Этотъ фазисъ — самый, разумѣется, любопытный въ дѣлѣ, и тутъ-то становится особенно ясно

насколько г. Ковалевскій не правъ, полагая, что его „семейныя отношенія“ ни въ какой мѣрѣ не интересны и не прикосновенны для общественной любознательности. Но вѣдь они такъ тѣсно переплелись съ мотивами банковыми, что... очевидно, подлежали точной банковской расцѣнкѣ, и г-нъ Лихутинъ, юридическій владѣлецъ, получаетъ двойную ссуду, благодаря заслугамъ... В. И. Ковалевскаго! Если судъ сумѣетъ вскрыть ту оффиціальную форму, въ которой „заслуги В. И. Ковалевскаго“ явились въ правленіе банка въ качествѣ ходатаевъ для увеличенія ссуды И. Н. Лихутину, то, несомнѣнно, мы получимъ любопытную страничку изъ области не только патріархальныхъ семейныхъ отношеній, но также... патріархально-банковскаго уваженія къ семейнымъ узамъ высокопоставленныхъ лицъ.

Таково это небольшое дѣло, всплывшее на свѣтъ Божій во всей своей наивной непосредственности. Тѣмъ, что г. Ковалевскій съ такой подкупающей откровенностью рисуетъ передъ нами его характерныя особенности, мы опять обязаны чисто семейнымъ обстоятельствамъ. Финансовыя способности г-на Лихутина проявились на этотъ разъ въ нежелательномъ для В. И. Ковалевскаго направленіи. Тогда онъ „перевелъ имѣніе на жену“, а теперь пытается уничтожить судомъ этотъ „даръ“, вслѣдствіе неблагодарности его получившей...

Въ своемъ письмѣ въ „Биржевыя Вѣдомости“ г. Ковалевскій старается ослабить впечатлѣніе имъ же нарисованной картины. По его словамъ,—увеличеніе ссуды и сбавка крѣпостныхъ пошлинъ не представляютъ ничего особеннаго и необычнаго. „Газетами,—пишетъ онъ, — была подчеркнута выдача мнѣ ссуды подъ залогъ имѣнія въ значительно увеличенномъ размѣрѣ по всеподданнѣйшему докладу. Всеподданнѣйшій докладъ относился лишь къ повышенію ссуды на 15% (75% вмѣсто 60 проц. съ оцѣнки)“. Тутъ, однако, является нѣкоторое недоумѣніе. Если И. Н. Лихутину ссуда разрѣшена была только въ 377.100 р., а затѣмъ она была „въ интересахъ и за заслуги В. И. Ковалевскаго“ повышена до 633.600 р., то, по простому ариѳметическому разсчету, повышеніе это составляетъ не 15, а цѣлыхъ 69 процентовъ. Мы, разумѣется, не думаемъ, что В. И. Ковалевскій, опытный финансовый администраторъ, можетъ такъ грубо ошибаться въ разсчетѣ. Вѣрнѣе, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ результатами того парадоксальнаго положенія, въ которомъ г-нъ Ковалевскій очутился передъ задачей суда—съ одной стороны, и передъ лицомъ гласности—съ другой. Для суда нужно доказать фактическую принадлежность имѣнія самому просителю. И тутъ выступаютъ, какъ доказательство, его личныя заслуги, повысившія ссуду до размѣровъ, совершенно не доступныхъ для обыкновеннаго смертнаго И. Н. Лихутина. А передъ лицомъ гласности — вліяніе тѣхъ-же

заслугъ сокращается до размѣровъ, пожалуй, уже возможныхъ и для обыкновеннаго смертнаго.

Какъ бы то ни было, исковое прошеніе г-на Ковалевскаго вскрываетъ передъ нами любопытную черту нашей „финансовой внутренней политики“. Мы узнаемъ, что одной изъ задачъ дворянскаго банка является также „вознагражденіе заслугъ“ высокостоящихъ въ финансовой администраціи лицъ, и что въ своей дѣятельности это учрежденіе снисходитъ до котировки родственныхъ отношеній фактическихъ закладчиковъ имѣній...

Было бы несправедливо „бросать за всю эту аферу упрекъ по адресу одного г-на Ковалевскаго“, — говоритъ одна изъ столичныхъ газетъ („Наша Жизнь“). Это совершенно вѣрно. Уже та безоглядная откровенность, съ какой г-нъ Ковалевскій разсказалъ самъ финансовыя подробности этой операціи,—показываетъ, что въ той средѣ, которая для г-на Ковалевскаго является привычной, подобныя дѣла не считаются чѣмъ-то экстраординарнымъ. Все это, очевидно, „въ порядкѣ вещей“, и становится нѣсколько щекотливымъ лишь съ той минуты, какъ подвергается широкой огласкѣ.

О. Б. А.

Продолженіе дѣла ген. Ковалева и д-ра Забусова. Тѣ изъ нашихъ читателей, которые обратили вниманіе на замѣтку объ этомъ дѣлѣ въ предыдущей книжкѣ „Русск. Богатства“, помнятъ, вѣроятно, и великолѣпный совѣтъ ген. Усаковскаго, начальника Закаспійской области: знакомиться съ „положеніемъ края“ по газетамъ, издающимся въ этой благословенной области. Совѣтъ превосходный! Если бы слѣдовать ему съ надлежащею строгостью, то русская печать и русское общество даже не подозрѣвали бы о „случаѣ“ съ ген. Ковалевымъ и докторомъ Забусовымъ: обѣ газеты, издаваемыя въ подвѣдомственной ген. Усаковскому области, — надо думать, случайно и безъ всякихъ воздѣйствій—даже не заикнулись о дикомъ поступкѣ ген. Ковалева и о происходившемъ въ Тифлисѣ судѣ надъ этимъ генераломъ!

Очень можетъ быть, что и самъ генералъ Ковалевъ, приступая къ своей знаменитой отнынѣ кампаніи противъ безоружнаго доктора, находился подъ вліяніемъ той же аберраціи: ему могло казаться, что и вся Россія есть безгласная пустыня, въ которой его молодецкая команда, а за ней свистъ розогъ и вопли беззащитной жертвы прозвучатъ безъ всякаго отголоска. Если это такъ,—то, по крайней мѣрѣ, на сей разъ разсчетъ оказался ошибоченъ: имя генерала Ковалева пріобрѣло широкую извѣстность не только за предѣлами благодатной „подвѣдомственной области“. но и за предѣлами Россіи. Отнынѣ это имя навѣки внесено въ бытовую исторію нашего отечества.

А пока можно сказать безъ преувеличеній, что все русское бразованное общество слѣдитъ за ковалевскимъ дѣломъ съ не-

остывающимъ интересомъ. Въ газ. „Русь“ появилась, между прочимъ, горячая статья С. Елпатьевскаго („Мы требуемъ суда“), резюмирующая общее настроеніе не однихъ врачей, но всѣхъ, кому дороги интересы человѣческаго достоинства и правосудія... Въ послѣдніе дни стало извѣстно, что судъ все-таки будетъ. По жалобѣ потерпѣвшаго и его повѣреннаго д-ру Забусову возстановленъ срокъ для подачѣ жалобы, и дѣло будетъ вновь разсмотрѣно въ главномъ военномъ судѣ. Когда это произойдетъ, мы, разумѣется, вернемся еще къ этому дѣлу, съ его загадочной дикостью. А пока—всѣхъ интересуетъ вопросъ: какъ могло случиться, что потерпѣвшій не былъ вызванъ въ тифлисскій судъ ни какъ истецъ, ни какъ свидѣтель?

На это отчасти отвѣчаетъ главный прокуроръ военнаго суда ген.-лейт. Н. Н. Масловъ. Въ разговорѣ съ сотрудникомъ газ. „Русь“ онъ объяснилъ обстоятельство, вызвавшее такое волненіе во всемъ русскомъ обществѣ,—простой ошибкой мелкаго чиновника главнаго военнаго суда („и, какъ на грѣхъ, чиновника самаго аккуратнаго и добросовѣстнаго“), который, получивъ исковое прошеніе повѣреннаго д-ра Забусова,—завелъ объ немъ отдѣльное дѣлопроизводство (!!), вмѣсто того, чтобы ввести его въ производившееся уже дѣло. По поводу этой роковой „ошибки“ газеты вспомнили традиціоннаго стрѣлочника, единственнаго виновника всякихъ „крушеній“ (въ данномъ случаѣ настоящаго „крушенія правосудія“). Во всякомъ случаѣ, это объясненіе оставляетъ мѣсто для нѣкоторыхъ вопросовъ: какъ же могли не замѣтить судьи и военный прокуроръ, во время самаго производства, этого отсутствія потерпѣвшаго, который вѣдь является и важнѣйшимъ изъ свидѣтелей? Какъ они не замѣтили того обстоятельства, что въ дѣлѣ остались только г. Ковалевъ и его подчиненные, сами въ значительной степени виновные въ происшедшемъ?

Этотъ вопросъ сотрудникъ „Руси“ предложилъ тоже генералу Маслову. „Видите ли,—отвѣтилъ послѣдній,—г. Забусовъ, разсказавъ подробно объ обстоятельствахъ дѣла, ничего не могъ выяснить о причинахъ и мотивахъ преступленія. Генералъ же Ковалевъ не только не отрицалъ факта своего преступленія, но и въ изложеніи подробностей его совершенно совпадалъ съ показаніемъ потерпѣвшаго. Слѣдовательно, вызовъ послѣдняго на судъ явился бы, какъ я понимаю мотивы мѣстной военно-судебной администраціи, только лишнимъ мученіемъ для него, заставляя его еще разъ переносить публично испытанныя терзанія, не принося никакой пользы процессу“ *)...

Ген. Масловъ оговорился въ началѣ своей бесѣды съ сотрудникомъ „Руси“, что онъ еще недостаточно освѣдомленъ относительно всѣхъ подробностей тифлисскаго суда, и намъ кажется,

*) „Русь“, 19 дек. 1904 г., № 348.

что въ его объясненіи „мотивовъ военно-судебной администраціи“ есть дѣйствительно мѣсто для значительныхъ недоумѣній. Во-первыхъ, далеко нельзя сказать, чтобы „признанія“ ген. Ковалева совпадали съ показаніями потерпѣвшаго: послѣдній рѣшительно настаивалъ на жестокомъ истязаніи, что ген. Ковалевъ и его подчиненные столь же рѣшительно отвергали. Судъ согласился съ показаніями виновныхъ. Но вѣдь еще вопросъ,—получился ли бы тотъ же результатъ, если бы на судѣ были не только истязатели, но и жертва истязанія и ея свидѣтели... Напрасны также были опасенія суда—причинить вызовомъ д-ра Забусова „излишнія мученія“ потерпѣвшему. Явка въ качествѣ свидѣтеля изъ другого судебнаго округа, какъ извѣстно, необязательна, и, значитъ, д-ръ Забусовъ могъ самъ уклониться отъ „излишняго мученія“, если бы нашелъ это нужнымъ. Какъ бы то ни было, является несомнѣннымъ, что докторъ Забусовъ, въ своихъ столкновеніяхъ съ военной средой, пострадалъ дважды: одинъ разъ отъ безпримѣрной жестокости ген. Ковалева, въ другой—отъ не менѣе безпримѣрной деликатности военнаго суда...

Нужно-ли прибавлять, что правосудію не нужно ни того, ни другого, а нужно одно „нелицепріятіе“, и что все русское общество съ нетерпѣніемъ ждетъ разрѣшенія вопроса: возможно ли „возстановленіе силы закона“ въ сословно-военномъ судѣ хотя бы въ столь вопіющемъ случаѣ? **О. Б. А.**

Гомельская судебная драма. Недавно въ газетѣ „Новое Время“ (№ 10830) появилось извѣстіе слѣдующаго содержанія: „Въ субботу, 20 ноября, во всей Россіи судебное вѣдомство, да и все русское общество... чествовало 40-лѣтіе судебной реформы. Было по этому случаю отслужено молебствіе въ залѣ засѣданій разбирающаго гомельское дѣло особаго присутствія кіевской палаты. На молебствіе ни одинъ изъ указанной (ранѣе) группы участвующихъ адвокатовъ не явился. Тотчасъ по окончаніи молебна и открытіи засѣданія они всѣ появились и заняли свои мѣста. Среди участниковъ этой неприличной школьнической демонстраціи находился и г. Зарудный, сынъ Сергѣя Ивановича Заруднаго, одного изъ славнѣйшихъ дѣятелей судебной реформы, непосредственнаго участника въ составленіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года“...

Оказалось, что сообщеніе корреспондента „Новаго Времени“, какъ это, впрочемъ, обычно для корреспондентовъ этой газеты „изъ черты осѣдлости“,—мягко выражаясь,—страдаетъ неточностью: Александръ Сергѣевичъ Зарудный въ это самое время лежалъ тяжко больной въ Полтавѣ. Значитъ, корреспондентъ юдофобской газеты видѣть г. Заруднаго въ судѣ не могъ, не могъ и констатировать его участіе въ „демонстраціи“. Онъ писалъ это a priori. Иначе сказать: корреспондентъ зналъ впередъ,

что, если бы А. С. Зарудный, „сынъ одного изъ славнѣйшихъ дѣятелей судебной реформы“, былъ въ то время въ Гомелѣ, то и онъ отдѣлился бы отъ гомельской магистратуры въ праздновании годовщины.

Недавно г. Танъ, извѣстный писатель, посѣтилъ Гомель и далъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ отчетъ о своихъ впечатлѣніяхъ. „Когда,—пишетъ онъ, — съ моего корреспондентскаго стула, съ лѣвой стороны у окна, поближе къ судейской эстрадѣ, я разсматриваю группу подсудимыхъ, расположенную прямо противъ меня, я вижу ее раздѣленной на двѣ отличныя другъ отъ друга части.

„Части эти—ариѳметически равны. Быть можетъ, ближе къ истинѣ будетъ сказать, что онѣ уравнены для сохраненія ариѳметическаго безпристрастія.

„Нѣсколько человѣкъ посудимыхъ выдѣлены изъ дѣла и временно отпущены судомъ. Теперь и русскихъ, и евреевъ на скамьѣ подсудимыхъ одинаково по 35 человѣкъ. Принципъ ариѳметическаго равенства проводится судомъ и въ другихъ случаяхъ. Напримѣръ, въ послѣдній день засѣданія 11 „наиболѣе важныхъ“ обвиняемыхъ, содержавшихся до того подъ стражей въ теченіе 15-ти мѣсяцевъ, наконецъ, отпущены на временную свободу. Двое русскихъ и въ pendant къ нимъ двое евреевъ освобождены безъ поручительства. Остальные семеро, всѣ евреи, должны были представить по 1,000 рублей залога. Впрочемъ, справедливость требуетъ прибавить, что изъ подсудимыхъ, освобожденныхъ по окончаніи предварительнаго слѣдствія, русскіе должны были представить имущественное поручительство въ 100, 200 р., а евреи—наличный залогъ въ 1,000 р. каждый.

„Евреи-подсудимые сидятъ на лѣвой сторонѣ. Они меньше ростомъ и худощавѣе, „умѣреннаго тѣлосложенія и умѣреннаго питанія“, какъ сказано въ протоколахъ медицинскаго осмотра. Среди нихъ много черноволосыхъ, хотя попадаются также русыя и совсѣмъ бѣлокурыя головы. Значительное большинство совсѣмъ молодые юноши, почти подростки, 22-хъ, 18-ти, даже 16-ти лѣтъ. У нихъ безбородыя лица, блѣдныя, истощенныя наслѣдственнымъ недоѣданіемъ и заключеніемъ въ тюрьмѣ, но глаза ихъ глядятъ открыто и какъ-то особенно независимо. Все это—подмастерья ремесленныхъ мастерскихъ города Гомеля, столяры, кожевники, портные, нѣсколько приказчиковъ, два-три учащихся. Они обвиняются въ томъ, что, выражаясь словами обвинительнаго акта, „приняли участіе въ публичномъ скопищѣ, соединенными силами учинившемъ насилія надъ разными лицами христіанскаго населенія“, прибавлю, въ то время, когда лица христіанскаго населенія занимались разгромомъ еврейскихъ жилищъ и избіеніемъ ихъ обитателей. Эти тщедушные

подростки представляютъ предъ лицомъ суда ту самую „Гомельскую самооборону“, которой приписано столько смѣлыхъ, почти сверхъестественныхъ дѣйствій. Въ ночь съ 1-го на 2-е сентября, непосредственно вслѣдъ за погромомъ, русское населеніе предмѣстій Гомеля, выдѣлившее большинство громилъ, именно отъ нея ожидало ночнаго нападенія и мести. Желѣзнодорожными жандармами былъ принесенъ слухъ, будто въ Лубенскомъ лѣсу, въ 3 верстахъ отъ города, скрыто 7 тысячъ евреевъ демократовъ. Послана была полурота солдатъ, которая сначала встрѣтила толпу громилъ, направлявшихся къ городу, и пропустила ихъ съ миромъ, а потомъ нашла 3—4-хъ евреевъ, скрывавшихся въ болотѣ изъ боязни погрома“...

Такимъ образомъ, въ Гомелѣ создалось странное положеніе: евреи трепетали передъ христіанами, христіане боялись евреевъ. Изъ города были разосланы гонцы въ ближайшія деревни съ извѣстіями о томъ, что евреи собираются бить христіанъ, и деревни двинулись на городъ, въ то самое время, когда евреи на чердакахъ и подвалахъ дрожали за свою жизнь...

Теперь и тѣ, и другіе сидятъ на скамьяхъ въ одной и той же залѣ суда.

„Русскіе подсудимые сидятъ на правой сторонѣ. Они крѣпче тѣломъ, выше ростомъ, свѣтлѣе волосомъ. Большей частью это—тоже молодежь, спокойнаго и безобиднаго вида, хотя два-три лица выдѣляются низкимъ лбомъ и непріятнымъ выраженіемъ. Все это—огородники, каменщики, желѣзнодорожные рабочіе. Есть нѣсколько лохматыхъ, растерзанныхъ фигуръ, два золотаря, одинъ босякъ. Это—грабители и мародеры, которые пришли на погромъ, привлеченные легкой неожиданной наживой. Отношенія между обѣими группами подсудимыхъ вполнѣ дружелюбныя. Въ первые мѣсяцы предварительнаго слѣдствія, когда большинство было заключено въ тюрьмѣ, они были помѣщены въ отдѣльныя камеры, но въ концѣ-концовъ соединились и перемѣшались. Я видѣлъ на судѣ во время перерывовъ, какъ подсудимые, Іосель Хайкинъ и Андрей Яцкевичъ, стояли, обнявшись, въ углу залы и о чемъ то горячо бесѣдовали. У дешеваго буфета въ передней комнатѣ русскій и еврей торопливо пили чай изъ одного стакана, передавая его другъ другу. Необходимость проводить въ судѣ цѣлые недѣли и мѣсяцы лишала ихъ возможности заработать себѣ пропитаніе, и они должны были составлять въ складчину пятачекъ, чтобы заплатить за стаканъ чая. Общая нужда объединила ихъ и, кромѣ того, въ тюрьмѣ и во время суда они имѣли возможность ближе узнать другъ друга“...

Суду предстояла благородная и высокая роль довершить это объединеніе, распространить его далеко за предѣлы судебной залы.... Этого можно было достигнуть, во-первыхъ—выясненіемъ, широкимъ и безпристрастнымъ, тѣхъ предшествовавшихъ условій, которыя поставили въ Гомелѣ одну часть населенія противъ другой и заставили тѣхъ самыхъ людей, которые теперь мирно уживаются въ тюремныхъ камерахъ,—кинуться другъ на друга, какъ звѣри... Судьба подсудимыхъ евреевъ и русскихъ одинаково требовала выясненія этихъ условій и роли тѣхъ „истинныхъ виновниковъ, которые по словамъ и тѣхъ и другихъ,—отсутствуютъ на скамьѣ подсудимыхъ, и только нѣкоторые изъ нихъ являются въ судебную залу въ качествѣ свидѣтелей и потомъ снова уходятъ на свободу“...*) Этого именно добивалась „группа защитниковъ“ и въ томъ числѣ А. С. Зарудный, сынъ одного изъ славнѣйшихъ дѣятелей судебной реформы. Этого, безъ сомнѣнія, добивались бы теперь и сами „славнѣйшіе дѣятели“, имена которыхъ всуе поминаются юдофобской печатью и юдофобствующими дѣятелями суда 40 лѣтъ спустя.

Но гомельскій судъ, со своимъ предсѣдателемъ, г-мъ Котляревскимъ, посмотрѣлъ на дѣло иначе. Вмѣсто того, чтобы безпристрастно добиваться истины, показывая, что для правосудія „нѣсть еллинъ ни іудей“, г-нъ предсѣдатель, гласно, публично, при открытыхъ дверяхъ, употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы „не допустить“ освѣщенія дѣла со всѣхъ сторонъ и чтобы „нѣкоторыя лица“, которыхъ не угодно было затронуть составителю обвинительнаго акта,—остались внѣ предѣловъ судебнаго освѣщенія. Намъ еще придется, вѣроятно, вернуться къ этому знаменитому отнынѣ процессу, и мы не будемъ предвосхищать наиболѣе яркія черты этой „дѣятельности“ г-на предсѣдателя. Здѣсь мы отмѣтимъ только одинъ эпизодъ, закончившійся уходомъ группы защитниковъ.

Давалъ показанія свидѣтель Андрей Шустовъ. Это русскій, политическій заключенный; онъ не громила и не потерпѣвшій отъ погрома, значитъ, „настоящій“ свидѣтель. Какъ извѣстно, и по судебнымъ обычаямъ, и даже по закону первая часть судебнаго допроса формулируется въ общей формѣ: что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу? Свидѣтель говоритъ, что знаетъ, и только когда онъ кончитъ или явно не умѣетъ разсказать связно,—начинается допросъ судомъ и сторонами. На этотъ разъ, однако, едва г. Шустовъ началъ разсказъ съ 29 августа, какъ г-нъ предсѣдатель потребовалъ, чтобы свидѣтель перешелъ прямо къ 1 сентября. Повидимому, связный разсказъ о томъ, что происходило 29 августа, совсѣмъ не входилъ въ разсчеты гомельскаго суда и могъ повредить той „истинѣ“, которую судъ рѣшилъ во что бы

*) Тань. Р. Вѣд.

то ни стало вынести изъ дѣла. И вотъ г-нъ предсѣдатель не только запретилъ (въ прямое нарушеніе ст. 718 уст. уг. судопр.) свидѣтелю говорить, что ему извѣстно по дѣлу „съ 29 августа", но... это почти невѣроятно, но это такъ—выслалъ свидѣтеля изъ залы засѣданій, какъ будто зала этихъ засѣданій была не судъ, а какая-то казарма, въ которой, какъ главная цѣль, преслѣдовалась стилистическая стройность изложенія и дисциплина свидѣтелей...

Но и этого еще оказалось мало. Когда защитникъ Соколовъ сталъ возражать противъ этого распоряженія, при чемъ, какъ показалось г-ну предсѣдателю, сдѣлалъ это слишкомъ повышеннымъ голосомъ, то г. Котляревскій... выслалъ также и защитника...

Послѣ этого товарищи оскорбленнаго Соколова попросили перерыва, и затѣмъ между ними и г-мъ предсѣдателемъ произошелъ слѣдующій діалогъ:

Защ. Винаверъ.—Господинъ предсѣдатель. Я хочу сдѣлать заявленіе отъ имени защиты и гражданскихъ истцовъ. Два слишкомъ мѣсяца мы сидимъ здѣсь, стремясь всѣми силами пролить свѣтъ на сложное и тяжелое дѣло, — отыскать правду.

Предсѣдатель.—Виноватъ, г. повѣренный. Прошу васъ изложить сущность вашего заявленія, вашу петицію.

Винаверъ.—Моя петиція такъ тѣсно связана съ тѣмъ, что я хочу сказать, что я не могу отдѣлить ее; нельзя меня обязать сказать въ одной фразѣ то, что я могу сказать только въ пяти фразахъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ мы стараемся исполнить нашу обязанность—освѣтить дѣло... На нашихъ подзащитныхъ взведено чудовищное обвиненіе, и мы хотѣли доказать, что обвинительный актъ...

Предсѣдатель.—Виноватъ, я не могу допустить критики обвинительнаго акта до преній.

Винаверъ.—Все то время, которое мы провели здѣсь, мы ни разу не обнаруживали неуваженія къ принципамъ суда, мы слишкомъ глубоко вѣримъ въ эти принципы, въ могучую силу закона въ нашемъ стремленіи найти правду. Мы встрѣчали массу стѣсненій, мы пережили незаконныя стѣсненія нашихъ правъ, памятуя, что не въ однѣхъ стѣнахъ этого зала заключено правосудіе Россіи, что существуетъ еще судъ, которому принадлежитъ послѣднее слово въ этомъ дѣлѣ. Но мы натолкнулись на такія стѣсненія, которыя посягаютъ на нашу честь и достоинство. Въ лицѣ присяжнаго повѣреннаго Соколова намъ нанесено оскорбленіе...

Предсѣдатель.—Господинъ повѣренный, я прошу васъ не критиковать состоявшееся постановленіе, такъ какъ,

въ противномъ случаѣ, мнѣ придется напомнить вамъ о мѣрахъ, которыя я вынужденъ буду принять.

Винаверъ.—Вамъ не придется принимать противъ меня мѣры, такъ какъ мы покинемъ залъ. Я утверждаю, что распоряженіемъ вашимъ оскорблено наше человѣческое достоинство, такъ какъ каждый изъ насъ въ положеніи Соколова поступилъ бы такимъ же образомъ. Мы считаемъ невозможнымъ при такихъ условіяхъ продолжать защиту, мы испытываемъ огромную тяжесть отъ необходимости послѣ двухъ мѣсяцевъ труда покинуть дѣло, мы сознаемъ отвѣтственность предъ нашими подзащитными, которыхъ оставляемъ теперь безпомощными. Но есть моменты, когда чувство оскорбленнаго человѣческаго достоинства оказывается сильнѣе даже сознанія отвѣтственности. Мы не можемъ продолжать,—уходимъ. Мы увѣрены, что никто насъ не осудитъ и прежде всего не осудитъ насъ наша совѣсть,— мы уходимъ съ чистой совѣстью изъ той залы, въ которой столько настрадались.

Винаверъ безсильно опускается на мѣсто. Публика потрясена.

За Винаверомъ дѣлаетъ заявленіе *Сліозбергъ* (представитель гражданскаго иска).

„Мы несли всѣ мучительныя трудности, сопряженныя съ участіемъ въ настоящемъ дѣлѣ, не для взысканія денегъ, не для отягченія участи подсудимыхъ христіанъ — мы ихъ считаемъ несчастными,—а для раскрытія истины, въ этомъ мы усматривали священную нашу задачу. Въ томъ же заключается не менѣе святая задача защитниковъ подсудимыхъ-евреевъ. Удаленіе товарища Соколова, съ полнымъ достоинствомъ выполнявшаго эту задачу, мы позволяемъ себѣ считать незаслуженною карою, а опасеніе возможнаго примѣненія ея къ намъ, при такихъ же условіяхъ, лишаетъ насъ увѣренности въ дальнѣйшемъ. Уходя, позволяемъ себѣ высказать увѣренность, что никто, не исключая особаго присутствія, не скажетъ, что мы не стремились раскрыть всю истину, пролить полный свѣтъ на дѣло.

Къ заявленіямъ этимъ присоединяются *Красильщиковъ* и *Марголинъ*. *Куперникъ*, со слезами въ голосѣ, говоритъ:

— Съ грустью и огорченіемъ присоединяюсь я къ сдѣланнымъ заявленіямъ, но прежде, чѣмъ вмѣстѣ со своими товарищами оставить дѣло, надъ которымъ всѣ мы такъ много трудились и страдали, оставить подсудимыхъ безъ защиты, лично отъ себя, какъ старшій среди моихъ товарищей, пережившій всѣ перипетіи въ исторіи суда, я сдѣлаю послѣднюю попытку спасти дорогое намъ дѣло. Я прошу палату подвергнуть пересмотру мѣру, принятую про-

тивъ товарища Соколова. Тогда и защита найдетъ возможнымъ довести до конца свою работу: быть можетъ, мои младшіе товарищи со мной не согласятся, но я считаю долгомъ стараго человѣка и адвоката сдѣлать все, что въ моихъ силахъ, чтобы самому исполнить долгъ и дать возможность другимъ его исполнить. Безъ Соколова мы продолжать дѣла не можемъ. Соколовъ поступилъ совершенно корректно. Тутъ простое недоразумѣніе. Верните Соколова, и тогда всѣ мы будемъ продолжать наше дѣло.

— Мы терпѣли личныя оскорбленія, — говоритъ *Ратнеръ*,—доколѣ было возможно, но сегодня мы столкнулись съ обстоятельствомъ, изъ котораго не видимъ обычнаго законнаго выхода. Въ лицѣ товарища Соколова мы всѣ чувствуемъ себя, какъ люди и адвокаты, тяжко оскорбленными и вынуждены оставить залъ засѣданія...

— Съ точки зрѣнія профессіональной этики, — прибавляетъ *Ганерманъ*, — адвокатъ не можетъ ставить себя въ положеніе, при которомъ къ нему примѣнялись бы мѣры, свидѣтельствующія о его неприличномъ поведеніи на судѣ. Оставаясь въ предѣлахъ корректнаго исполненія своихъ обязанностей, нашъ товарищъ подвергся оскорбительному взысканію... Каждый изъ насъ столь же незаслуженно можетъ оказаться въ томъ же положеніи.

„Палата удаляется на совѣщаніе, и черезъ часъ выноситъ опредѣленіе, коимъ оставляетъ въ силѣ удаленіе Соколова.

„Защитники евреевъ уходятъ. Публика поднимается и, аплодируя, уходитъ вслѣдъ за защитой. Среди подсудимыхъ движеніе. Предсѣдатель дѣлаетъ распоряженіе удалить всю публику“...

А. С. Заруднаго въ это время все еще не было въ Гомелѣ. Но, безъ сомнѣнія, корреспондентъ „Новаго Времени“ могъ бы съ полнымъ основаніемъ и a priori присоединить къ удалившимся его имя, такъ же, какъ и имя его славнаго отца. Полагаемъ, что величавыя тѣни творцовъ судебной реформы, если бы они присутствовали въ этой залѣ, удалились бы изъ нея вмѣстѣ съ „группой адвокатовъ“, такъ какъ, несомнѣнно, что въ ней вѣялъ не духъ судебныхъ уставовъ, а развѣ духъ инквизиціоннаго пристрастія и чуждой правосудію исключительности.

Вл. Кор.

Новыя книги.

„Война и душа народа“. Стихотворенія **Н. В. Борисенка.** Выпускъ І-ый. Москва. 1904 г.

Сборникъ г. Борисенка состоитъ всего только изъ семи стихотвореній. Чтобы воспѣть „войну“ и одновременно разъяснить „душу народа“, это очень немного, конечно. Но за то этого оказалось вполнѣ достаточно, чтобы въ стихотвореніяхъ г. Борисенка опредѣлились и типовыя черты нашихъ пѣвцовъ войны, и индивидуальныя особенности г. Борисенка, какъ одного изъ такихъ пѣвцовъ. Типовыя черты, это — полное пренебреженіе живыми нуждами воспѣваемаго народа, разъ рѣчь идетъ о войнѣ. Нельзя сказать, чтобы г. Борисенко совсѣмъ забылъ о нихъ:

Неправда, горе, нищета
Кругомъ...

говорится въ одномъ изъ его стихотвореній. Но все это сразу исчезаетъ изъ памяти автора, когда ему приходится „воспѣть“ войну.—Не оказывается ни горя, ни нищеты, ни неправды „кругомъ“; оказывается одинъ только „избытокъ силъ“. Русскій народъ представляется поэтическому взору автора чѣмъ то въ родѣ застоявшагося породистаго рысака, котораго можно спасти только своевременной „тратою“ силъ:

Апатія и лѣнь подняли вѣжды,
Мы бури ждемъ въ восторженной надеждѣ:
Избытокъ силъ насъ истомилъ давно...

Для одного изъ своихъ стихотвореній г. Борисенко взялъ своеобразный эпиграфъ: „Истина только одна; правда все то, что согласно съ дѣйствительностью“. Относительно г. Борисенка правильнѣе было бы сказать, что истина все то, что согласно съ даннымъ стихотвореніемъ.

Но это типовыя черты апологетовъ войны вообще: тамъ, гдѣ начинается рѣчь о войнѣ, кончается нормальная логика сужденій и начинается „поэтическое“ вдохновеніе:

Проснешься ты, по волѣ Провидѣнья,
Во всей красѣ твоихъ народныхъ силъ,
Святая Русь, на кличъ войны *завѣтной!*
Уже звучитъ „ура“ грозой отвѣтной
Изъ края въ край...

„Уже звучитъ: ура“—г. Борисенку больше ничего не нужно, чтобы предчувствовать побѣду.

Личныя особенности г. Борисенка, какъ пѣвца, пребывающаго мысленно „въ станѣ русскихъ воиновъ“, слѣдующія. Еще недавно онъ былъ, по его собственному признанію, „безгласнымъ трупомъ“. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, онъ написалъ стихотвореніе на гибель „Петропавловска“, въ которомъ нѣтъ ничего, кромѣ риторики; это сообщаетъ ему оригинальность даже въ ряду остальныхъ баяновъ настоящей войны. Въ-третьихъ, г. Борисенко живетъ въ Москвѣ, въ домѣ, около котораго происходитъ „остановка трамвая“, о чемъ г. Борисенко сдѣлалъ соотвѣтствующую ремарку на обложкѣ своего сборника, въ интересахъ своихъ будущихъ посѣтителей.

Н. Н. Вильде. Катастрофа и др. Москва. 1904.

Въ разсказѣ „Романъ Софьи Михайловны“ героиня нѣсколько разъ слышитъ, какъ „бродячіе неаполитанцы“ поютъ „Addio, bello Napoli“. Авторъ, очевидно, не дослышалъ: Napoli—женскаго рода, и въ популярной пѣснѣ поютъ: „addio, la bella Napoli“. Разсказъ „Вьюга“ начинается словами: „Это называется матъ, сударь мой!—сказалъ Максимъ Аркадьичъ, взявъ конемъ короля у Ивана Дмитрича“. Авторъ, очевидно, не знаетъ, что короля въ шахматахъ не берутъ: „on ne prend le roi, même aux échecs“... Въ разсказахъ „Padrona“ и „Романъ Софьи Михайловны“ дѣйствуютъ два старыхъ итальянскихъ графа; живутъ они въ разныхъ мѣстахъ, одинъ имѣетъ домикъ на курортѣ, другой въ глухомъ городкѣ; оба бѣдны, но одинъ побѣднѣе. Одна черточка удивляетъ своимъ случайнымъ сходствомъ: оба графа почему-то ходятъ въ голубой венгеркѣ. Вѣроятно, авторъ случайно видѣлъ какого-то итальянскаго графа въ голубой венгеркѣ—и ужъ не утерпѣлъ, обобщилъ венгерку и обоихъ графовъ нарядилъ въ нее.

Это микроскопическія мелочи, но онѣ характерны; онѣ выдаютъ одну господствующую черту разсказовъ г. Вильде; эта черта — сочинительство. По первому впечатлѣнію, эти разсказы живы, литературны, занимательны. Читаешь—и все время хочется знать: что будетъ дальше. Для газетнаго фельетона лучшаго не выдумаешь: немножко приключеній, немножко психологіи, немножко романтики, немножко сентиментальности—и газетный читатель съ удовольствіемъ отдыхаетъ на этомъ беллетристическомъ интермеццо отъ тягостныхъ впечатлѣній верхней половины газетнаго листа. Но когда эти самые разсказы собраны въ книжку, и ихъ перечитываешь одинъ за другимъ, ихъ интересъ падаетъ. Ихъ психологія банальна и условна, ихъ сентиментальность отдаетъ прозой, ихъ выдумка шита бѣлыми нитками и выдаетъ себя. Разсказъ „Вьюга“: въ бурную зимнюю ночь, когда въ старомъ помѣщичьемъ домѣ два избитыхъ жизнью пріятеля, хозяинъ и докторъ, отпѣваютъ въ дружескомъ разговорѣ свое прошлое и настоящее, къ нимъ стучится съ просьбой пустить переждать

вьюгу изящная молодая женщина. И хозяинъ — „старый Донъ-Жуанъ“, оставшись вдвоемъ съ своей неожиданной гостьей, вдругъ разсказываетъ ей печальную исторію своей единственной любви, изъ которой видно, что онъ совсѣмъ не Донъ-Жуанъ, а, наоборотъ—неудачникъ, любившій только разъ въ жизни и покинутый въ этой любви. Разсказъ „Padrona“: красивая хозяйка трактирчика въ маленькомъ итальянскомъ городкѣ сдѣлалась предметомъ исканій двухъ друзей-офицеровъ; всѣ страдали бы, но ловкая padrona удовлетворяетъ обоихъ, пока ея любовныя комбинаціи не открылись, и друзья не уступили свои мѣста новой парѣ поручиковъ. Разсказъ „Катастрофа“: во время свадебной поѣздки молодыхъ супруговъ на пароходѣ пожаръ, во время котораго героиню спасаетъ—не влюбленный мужъ, совмѣстившій съ животной любовью животное себялюбіе, но случайный знакомый морской докторъ. Послѣ этого она разошлась съ мужемъ и лишь ради ребенка остается его номинальной женой; докторъ влюбился въ нее, въ доктора влюбилась ея сестра. И когда она, уставъ отъ одиночества, тоже чувствуетъ отвѣтное влеченіе къ доктору, оказывается, что онъ умеръ. И такъ далѣе. Возможно все это? — да, конечно: чего на свѣтѣ не бываетъ. Но дѣло вѣдь не въ этой абстрактной возможности, при которой всетаки нѣтъ убѣдительности, нѣтъ впечатлѣнія жизни. Авторъ бойкій и неглупый разсказчикъ, но чтобы быть художникомъ, ему недостаетъ главнаго: онъ ни на мгновеніе не внушаетъ вѣры въ то, что разсказываетъ о дѣйствительномъ, о быломъ. Преобладающимъ остается впечатлѣніе: да, это живо разсказано, но это не пережито, этого не было, это выдумано.

Генрикъ Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. Москва. 1904. Томы III и VII.

Новое изданіе Ибсена, предпринятое г. Скирмунтомъ, выходитъ въ переводѣ гг. Ганзенъ. Каждая пьеса сопровождается отдѣльной сводно-критической статьей и литературными комментаріями. Это составляетъ особую цѣнность новаго изданія Ибсена.— Русскіе читатели всѣ, конечно, знаютъ по наслышкѣ о знаменитомъ норвежскомъ писателѣ, но въ дѣйствительности знакомыхъ съ нимъ далеко не такъ много. Это отчасти понятно.

Помимо нерѣдкихъ экскурсій въ область таинственнаго и неяснаго, существенной помѣхой для читателя Ибсена является недостаточное разграниченіе реальнаго и символическаго элементовъ въ его пьесахъ. Оговоримся, что мы отнюдь не противъ всякаго символизма въ принципѣ, хотя и считаемъ, что *при одинаковыхъ условіяхъ* реализмъ и конкретное изображеніе цѣннѣе символическаго уже въ силу простой экономіи въ трудѣ, который нужно затратить для уразумѣнія писателя. При господствѣ символовъ всякое произведеніе представляетъ въ большей или мень-

шей степени алгебраическую задачу, которую надо не только разрѣшить, но и предварительно—разгадать необходимый путь рѣшенія. Съ этой точки зрѣнія символизмъ намъ представляется излишнимъ въ случаяхъ, когда его можно избѣжать,—какъ, напр., въ „Дикой уткѣ", безъ всякаго ущерба для цѣнности драмы... Но за то, конечно, символическое произведеніе, какъ всякая абстракція и всякое отвлеченіе, рѣшаетъ не частный случай въ частныхъ условіяхъ, а выясняетъ цѣлую категорію однородныхъ явленій внѣ условій частнаго характера. Таково, напр., освѣщеніе вопроса о всякой реформаторской дѣятельности, которое дано Ибсеномъ въ „Строителѣ Сольнесѣ"... Наконецъ, въ „Женщинѣ съ моря" введеніемъ фигуры „Неизвѣстнаго", символизирующаго въ жизни человѣка роль того, что кажется безвозвратно утраченнымъ и невозможнымъ, Ибсенъ сумѣлъ придать живую конкретность соотвѣтственнымъ душевнымъ движеніямъ,—далъ читателю возможность вложить свою руку въ душевныя раны Эллиды. И потому, какъ ни колетъ глазъ фигура „Неизвѣстнаго" (особенно—на сценѣ), мы всетаки должны признать ее художественно-законной и необходимой, пока кто-нибудь другой не сумѣетъ нарисовать душевную драму „Женщины съ моря" съ такой же яркостью, какъ это сдѣлалъ Ибсенъ, но оставаясь въ рамкахъ чистаго реализма.

Недостатокъ Ибсена, какъ было уже замѣчено, въ недостаточно рѣзкомъ разграниченіи области реальнаго и символическаго въ его пьесахъ: читатель не всегда знаетъ, съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло въ данный моментъ—съ символомъ или съ реальнымъ фактомъ („Строитель Сольнесъ"). Иногда цѣлыя фигуры оставляютъ читателя въ такомъ недоумѣніи; такова, напр., фигура старухи-крысоловки въ „Маленькомъ Эйольфѣ", заманивающей ребенка-калѣку въ море. Читатель до самаго конца не знаетъ, имѣетъ ли онъ дѣло съ реальномъ явленіемъ (гипнозъ), или съ символизаціей (влеченіе къ невозможному).

Все это очень усложняетъ положеніе читателя,—особенно, русскаго, привыкшаго къ кристальной ясности у крупныхъ художниковъ нашего слова. Но читатель вполнѣ вознаграждается за всѣ трудности, которыя онъ преодолѣлъ при чтеніи Ибсена. Не только художественной красотою отдѣльныхъ подробностей и цѣлыхъ пьесъ, въ родѣ „Бранда", но и общей всему творчеству Ибсена глубиной содержанія. Въ рѣчи, сказанной имъ норвежскимъ студентамъ, Ибсенъ замѣтилъ, что на поэтахъ лежитъ „та же обязанность", какъ и на всѣхъ: „уяснить себѣ и другимъ случайные и вѣчные вопросы", характеризующіе переживаемое время... Это и составляетъ „задачу жизни" Ибсена. Всю жизнь онъ занятъ то постановкой вопросовъ, то рѣшеніемъ ихъ: гдѣ же источникъ необходимой человѣку „гармоніи между собой и міромъ" и въ частности—съ окружающей его коллективною жизнью?... Роясь полвѣка въ человѣческой душѣ, онъ ищетъ все одного и того же:

чего не хватаетъ современному человѣку, чтобы не чувствовать себя искалѣченнымъ; что мѣшаетъ ему „стать самимъ собой"; что мѣшаетъ мечтѣ Бранда:

...изъ обрывковъ душъ,
Обломковъ жалкихъ духа—возсоздать
Вновь нѣчто цѣльное...

чтобы Творецъ „могъ узнать" въ современномъ человѣкѣ „вѣнецъ своего творенія". — Въ этомъ стремленіи къ цѣльности и гармоніи съ самимъ собой и міромъ—высшее человѣческое благо, но на пути его — и огромная сложность современной жизни, и неустранимыя противорѣчія въ велѣніяхъ собственной души *).

Новый переводъ Ибсена, два тома котораго лежатъ передъ нами, долженъ, несомнѣнно, расширить кругъ читателей, обязанныхъ Ибсену художественнымъ и интеллектуальнымъ—если такъ можно выразиться—наслажденіемъ... Сводно-критическія статьи и литературные комментаріи, о которыхъ выше упоминалось, предпосланная переводчиками каждой отдѣльной пьесѣ, помогутъ читателю безъ особаго труда разобраться, что важно въ данной пьесѣ и мимо чего можно пройти, какъ мимо досадной помѣхи,—сосредоточившись лишь на томъ, что по справедливости сдѣлало Ибсена „властителемъ думъ", — міровымъ соперникомъ нашего Л. Н. Толстого. Нельзя не пожалѣть, между прочимъ, что гг. переводчики для своихъ литературныхъ сводокъ не воспользовались ничѣмъ, что появлялось объ Ибсенѣ на русскомъ языкѣ: для русскихъ читателей это представляло бы не только существенный интересъ, но и существенную выгоду, позволяя обратиться при желаніи къ первоисточнику.

„Брандъ" и „Комедія любви", которыя въ прежнемъ изданіи Юровскаго были даны въ прозаическомъ переводѣ, нынѣ переведены гг. Ганзенъ въ стихотворной формѣ; обѣ пьесы выиграли, не смотря на нѣкоторую тяжеловатость стиха... Впрочемъ, къ спеціальной оцѣнкѣ перевода гг. Ганзенъ мы еще вернемся, по мѣрѣ выхода слѣдующихъ томовъ „полнаго собранія сочиненій Ибсена".

К. Скальковскій. За годъ. Спб. 1905 г.

Всякій разъ, послѣ появленія новой статьи г. Скальковскаго, страницы газеты, которую онъ украшаетъ своими произведеніями, въ теченіе нѣсколькихъ дней пестрятъ опроверженіями, поправками, возраженіями. Иногда съ нимъ спорятъ — есть еще такіе, которые берутъ его въ серьезъ,—но чаще его просто поправляютъ: онъ пишетъ воспоминанія, и его подержанная память измѣняетъ ему; не можетъ же онъ знать, какая изъ выдумокъ, имъ

*) Подробнѣе объ этомъ—см. статью: „Задача жизни у Ибсена", помѣщенную въ этой же книгѣ „Русскаго Богатства".

сообщаемыхъ, будетъ опровергнута — надо ужъ писать все, тамъ разберутъ... И онъ пишетъ, печатаетъ и даже собираетъ свои статьи въ книги, потому—сообщилъ онъ недавно,—что газетная бумага недостаточно прочна; а онъ разсчитываетъ пройти въ потомство.

Пусть проходитъ. Давая новымъ гласнымъ шутовскія характеристики, онъ находитъ возможнымъ опредѣлить К. К. Арсеньева слѣдующимъ образомъ: „Почетный академикъ, котораго твореній никто, однако, не видалъ даже на полкахъ книжныхъ магазиновъ". Охотно вѣримъ, что г. Скальковскому незнакома литературная дѣятельность К. К. Арсеньева: его невѣжество равно его развязности. Охотно вѣримъ, что его книги расходятся быстрѣе, чѣмъ книги К. К. Арсеньева: это мѣра нашей культурности. Но представимъ себѣ, что произведенія г. Скальковскаго, предусмотрительно перенесенныя авторомъ на прочную бумагу, въ самомъ дѣлѣ, пройдутъ вѣковъ завистливую даль и попадутъ въ руки далекому потомку: какое представленіе онъ вынесетъ объ авторѣ? Книга называется „За годъ" — и въ ней собраны статьи за тотъ страшный годъ, когда родина автора переживала одну изъ тягостнѣйшихъ эпохъ своей исторіи, когда кровь его согражданъ лилась рѣками. Что интересовало въ это время автора, на что онъ находилъ возможнымъ обращать свое просвѣщенное вниманіе?

„Какая прелесть — восклицаетъ онъ о г-жѣ Преображенской—ея новыя варіаціи въ „Пахитѣ" по выразительности, граціи и законченности... Конецъ варіаціи изображаетъ родъ маленькаго чрезвычайно граціознаго канканчика на носкахъ. Говорятъ, что балерина сочинила его сама, видѣвъ ранѣе во снѣ! Шаловливые, однако, сны у г-жи Преображенской". Они, конечно, не болѣе шаловливы, чѣмъ порханія нашего популярнаго „homme d'état de chez Maxime", какъ великолѣпно прозвалъ его остроумный фельетонистъ. Кому, какъ не ему, судить о граціозности канканчиковъ. Но надо бы избрать для этого болѣе подходящій моментъ. Иначе можно превзойти Гримо-де-ла-Реньера, который—по словамъ г. Скальковскаго — описывая французскую революцію, говоритъ о террорѣ: „грустное время, когда на рынкѣ нельзя было найти ни одного порядочнаго тюрбо".

Конечно, фигура г. Скальковскаго сложилась достаточно давно, чтобы русскій читатель могъ въ ней найти какую-либо новую черточку. Но всетаки—какая устойчивость духовныхъ интересовъ. Вотъ поистинѣ сохранившійся старецъ. На склонѣ лѣтъ онъ, какъ и слѣдуетъ, охотно, хотя не всегда кстати, обращается къ воспоминаніямъ. Остановившись въ Вѣнѣ „не для одного созерцанія роскошныхъ формъ, которыя, страннымъ образомъ, сочетаются у вѣнокъ съ тонкими и изящными attaches", онъ вспоминаетъ, что жилъ здѣсь во время всемірной выставки съ по-

койнымъ Н. К. Михайловскимъ. Что значитъ „жилъ съ Н. К. Михайловскимъ“—въ одномъ городѣ или въ одномъ отелѣ — не видно. Во всякомъ случаѣ въ эти памятные г. Скальковскому дни Н. К. Михайловскій, очевидно, имѣлъ случай хорошо изучить своего знакомаго: не прошло и года, какъ онъ въ „Литературныхъ замѣткахъ“ 1874 г. остановился съ должнымъ вниманіемъ на обликѣ г. Скальковскаго. Онъ отмѣчалъ его „Путевыя впечатлѣнія“, гдѣ „въ каждой страницѣ звучитъ до комизма назойливая нота: о, я бѣдовый, я фолишонъ! я знаю цѣну „нервическаго дрожанія бедеръ“, знаю, что значитъ пропорціональность частей женскаго тѣла и т. д.“. Онъ спрашивалъ: „почему г. Скальковскій, не довольствуясь своей міровой славой въ качествѣ автора „Суэзскаго канала“, также стремится казаться фолишономъ? Откуда это возрожденіе старыхъ грѣховъ съ приправою серьезности и дѣловитости? Думаю, что соотвѣтственный соціально-психологическій анализъ далъ бы въ результатѣ: отсутствіе всякаго присутствія“. Какъ видитъ читатель, такъ было тридцать лѣтъ назадъ, такъ оно и теперь. До сихъ поръ впечатлѣнія, выносимыя изъ всякаго произведенія г. Скальковскаго, въ конечномъ итогѣ укладываются въ заключительное восклицаніе Н. К. Михайловскаго: „Читатель, я хотѣлъ васъ свести въ балаганъ. Но мы попали въ своего рода собачью пещеру, въ которой долго оставаться нельзя,—задохнешься“.

Бруно Эмиль Кенигъ. Черные кабинеты въ Западной Европѣ. Пер. съ нѣм. Я. М. Шабазъ. Изд. М. Н. Прокоповича. Москва. 1905.

Исторія есть великая утѣшительница. Какъ извѣстно, не такъ давно московскій почтамтъ, уличенный въ массовомъ уничтоженіи частныхъ писемъ, выяснилъ, что проходящія чрезъ него письма читаются не всѣ, а только подозрительныя. Если мы обратимся къ исторіи, то увидимъ, что это большой успѣхъ: въ восьмидесятыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія предшественникъ нынѣшняго московскаго почтъ-директора Пестель въ донесеніи генералъ-губернатору говорилъ: „совершенно удостовѣрить могу, что ничего замѣчанія достойнаго чрезъ ввѣренный моей дирекціи почтамтъ безъ уваженія пройти не можетъ“. Въ этомъ достойномъ безсмертія афоризмѣ лучше всего, конечно, случайное словечко „уваженіе“. Оно даетъ намъ возможность, пользуясь словаремъ московскаго почтъ-директора, сказать, что и нынѣ частная корреспонденція пользуется надлежащимъ „уваженіемъ“.

Исторію этого „уваженія“ европейскихъ правительствъ къ тайнѣ довѣряемыхъ имъ писемъ попытался изобразить нѣмецкій почтовый чиновникъ Кенигъ. Его книга знакома нашимъ читателямъ; вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ ея второго изданія на страницахъ нашего журнала („Русское Богатство“ 1892 г., августъ) было

дано ея изложеніе, сжатое, но въ извѣстной части болѣе полное, чѣмъ то, что теперь представлено русской читающей публикѣ въ качествѣ перевода. Эти пробѣлы перевода, необъясненные и необъяснимые, тѣмъ болѣе удивительны, что въ пропущенныхъ главахъ заключается если не самая забавная, то несомнѣнно самая поучительная часть книги Кенига, менѣе анекдотическая и болѣе близкая къ современности. Дѣло въ томъ, что создать настоящую исторію изъ тѣхъ обрывковъ разнородныхъ и полудостовѣрныхъ свѣдѣній, которыми располагалъ авторъ, ему не удалось. Но на ряду съ разрозненными разсказами о почтовыхъ застѣнкахъ добраго стараго времени, о техникѣ тайнаго распечатыванія чужихъ писемъ и пріемахъ почтоваго шпіонства, на ряду съ анекдотами о прежнихъ европейскихъ Шпекиныхъ—подчасъ весьма высокопоставленныхъ—авторъ привелъ также сухо-дѣловые, но весьма любопытные стенографическіе отчеты о преніяхъ по интересующему насъ предмету въ германскомъ рейхстагѣ начала семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Именно этихъ главъ—ими занята значительная часть подлинника—мы не находимъ въ русскомъ переводѣ. Между тѣмъ, если книга Кенига издана у насъ не для сообщенія случайныхъ свѣдѣній, а съ воспитательными цѣлями, то именно въ этихъ пропущенныхъ главахъ сосредоточены наиболѣе вѣскіе удары противъ почтоваго шпіонства. Какъ было сказано, эти пренія въ молодомъ германскомъ рейхстагѣ показали съ полной очевидностью, какъ различны воззрѣнія на реальныя—не абстрактно теоретическія—права личности у обывателя, съ трудомъ добивающагося осуществленія правъ, въ теоріи давно безспорныхъ, и у представителей власти, даже изъ весьма либеральныхъ. Но эти пренія показали также, какіе успѣхи достигнуты въ охранѣ этихъ правъ, какъ высоко стоитъ идея неприкосновенности частнаго письма въ правосознаніи современнаго культурнаго человѣка, какъ энергично вступаются за охрану этого права личности даже представители тѣхъ партій, въ политикѣ которыхъ когда-то почтовое шпіонство занимало видное мѣсто.

Указаніемъ на этотъ досадный пробѣлъ мы не хотимъ сказать, что все остальное въ книгѣ Кенига лишено интереса. Наоборотъ, даже ея анекдоты поучительны. Но поучительнѣе ея историческихъ предположеній и курьезовъ—духъ, ее проникающій. Припомнимъ, что Кенигъ—только простой, слегка будирующій и незначительный нѣмецкій почтовый чиновникъ. И однако—какъ глубоко проникнута его нехитрая книжка сознаніемъ своихъ правъ, самоуваженіемъ, убѣжденіемъ, что посягательство на малѣйшее проявленіе моей личности есть посягательство на самую личность. Вотъ лучшій плодъ той культуры, блага которой такъ энергично отстаивали великіе предшественники маленькаго Кенига.

Надо, однако, напомнить о томъ его союзникѣ, который явился,—правда, подъ вліяніемъ той же культуры, но со стороны. „То чего не могли достигнуть ни юристы, ни различныя конституціи,—разсказываетъ авторъ,—было достигнуто, благодаря огромному почтовому обмѣну, разросшемуся въ милліоны разъ; именно это обстоятельство и ограничило дѣятельность „черныхъ кабинетовъ“.

Такимъ образомъ, если „уваженіе“ московскаго почтамта перешло отъ всей корреспонденціи, проходящей чрезъ это полезное учрежденіе, къ письмамъ немногихъ избранниковъ, то въ этомъ тоже виноватъ обыватель,—но ужъ виноватъ не своимъ качествомъ, а только количествомъ. Правда, мы не такъ безпокоимъ начальство, какъ нѣкоторые варвары; у насъ въ 1897 году число почтовыхъ отправленій дошло всего до пяти на человѣка (въ Японіи—12, въ 1903 году—17); но всетаки вѣдь и у насъ за годъ проходитъ черезъ почту до трехъ четвертей милліарда почтовыхъ отправленій: какъ справиться съ этой необъятной массой неуловимыхъ письменныхъ разговоровъ, изъ коихъ въ каждомъ, быть можетъ, таится злоумышленіе...

Главные дѣятели и предшественники судебной реформы. Подъ редакціей К. К. Арсеньева. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1904 г.

По условіямъ нынѣшняго момента нашей общественной жизни, въ дни воспоминанія о минувшемъ сорокалѣтіи судебной реформы общее вниманіе было менѣе всего сосредоточено на заслуженныхъ дѣятеляхъ этого великаго законодательнаго акта. Думали и говорили не столько о прошломъ, сколько о будущемъ. Если и вспоминали прошлое, то останавливались не на первыхъ свѣтлыхъ его страницахъ, а на печальной исторіи послѣдней четверти вѣка, преобразовавшей реформу, чтобы поставить на ея мѣсто судебный строй, недалекій отъ дореформеннаго. Незачѣмъ жалѣть объ этомъ мимолетномъ невниманіи къ дѣятелямъ прошлаго; оно есть лучшій даръ вниманія къ дѣлу ихъ жизни; мы забыли на время о нихъ, потому что слишкомъ поглощены были борьбой за живое осуществленіе ихъ завѣтовъ. Но въ этой борьбѣ память о нихъ есть лучшее знамя,—и оттого нельзя безъ глубокаго сочувствія отмѣтить красивое и содержательное изданіе, только что вышедшее въ свѣтъ подъ редакціей и съ предисловіемъ К. К. Арсеньева. Книга даетъ тринадцать отдѣльныхъ очерковъ, посвященныхъ характеристикѣ какъ непосредственныхъ участниковъ судебной реформы, авторовъ этого законодательнаго акта и практическихъ работниковъ, наполнившихъ живымъ содержаніемъ его прогрессивныя нормы, такъ и писателей, обличеніями „неправды черной“ подготовившихъ въ общественномъ сознаніи мысль о неизбѣжности преобразованія.

Съ фигурами шести ближайшихъ дѣятелей реформы—Зарудняго, Ровинскаго, Стояновскаго, Буцковскаго, Замятнина, Ковалевскаго—познакомилъ читателей А. Ѳ. Кони, всегда заботившійся объ увѣковѣченіи и популяризаціи этихъ именъ въ нашемъ „лѣнивомъ и не любопытномъ" обществѣ. Н. В. Давыдовъ въ очеркѣ, посвященномъ императору Александру II, какъ участнику въ судебной реформѣ, указываетъ на уваженіе самого иниціатора этого замѣчательнаго законодательнаго акта къ его основнымъ началамъ. Онъ напоминаетъ разсказъ одного изъ первыхъ дѣятелей новаго суда П. Н. Обнинскаго о томъ, какъ въ 1876 году во время слѣдствія по знаменитому Струсберговскому дѣлу, наслѣдникомъ было доложено государю относившееся къ этому процессу ходатайство, а государь отвѣтилъ: „это дѣло суда и не намъ съ тобой въ него вмѣшиваться". Къ сожалѣнію, въ статьѣ о защитникѣ не разсказана съ должной подробностью исторія отставки этого перваго министра юстиціи при реформированномъ судѣ... Этотъ судъ былъ въ слишкомъ живомъ противорѣчіи съ общей обстановкой, чтобы произвести коренное преобразованіе въ правосознаніи и остаться неприкосновеннымъ. Но свидѣтелями глубокаго переворота, вызваннаго имъ въ рядѣ правовыхъ отношеній, могутъ служить произведенія писателей, характеристикѣ которыхъ посвящены четыре заключительные очерка: Капниста, Гоголя, Ив. Аксакова, Салтыкова. Кратко, но содержательно и выразительно предисловіе редактора, по убѣжденію котораго, „привести къ желанной цѣли новый пересмотръ судебныхъ уставовъ можетъ только при обстановкѣ, напоминающей время ихъ составленія—только какъ часть цѣлаго цикла преобразованій, продолжающихъ и завершающихъ великія реформы императора Александра II".

Д-ръ Хмѣлевскій.—Патологическій элементъ въ личности и творчествѣ Фридриха Ничше. Кіевъ, 1904.

Вѣроятно, нѣтъ другого современнаго писателя, который представлялъ бы такой интересъ для психіатра, какъ Фридрихъ Ничше. И это прежде всего потому, что патологическій элементъ личности Ничше развился не послѣ того, когда основные пункты его міровоззрѣнія были уже выработаны (какъ это случилось, напримѣръ, съ Огюстомъ Контомъ), а, наоборотъ, вполнѣ современъ выработкѣ этого міровоззрѣнія, ибо почти вся литературная дѣятельность Ничше совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда онъ несомнѣнно былъ боленъ. Поэтому для психологовъ и психіатровъ возникаетъ трудная, но интересная задача: анализировать ученіе Ничше и опредѣлить, какіе элементы являются въ данномъ случаѣ интегральною частью его особаго, оригинальнаго міровоззрѣнія, особой исключительной точки зрѣнія, съ которой Ничше разсматриваетъ міровыя явленія, и какіе элементы являются слу-

чайными, наносными продуктами болѣзненнаго состоянія мыслителя. Такъ, напримѣръ, такой популярный и характерный пунктъ ученія Ничше, какъ концепція „сверхъ-человѣка“, вполнѣ гармонируя со всѣмъ остальнымъ ученіемъ Ничше, въ то же время, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ и элементы, объясняемые лишь маніакальнымъ возбужденіемъ философа.

Къ сожалѣнію, однако, психіатрія въ настоящее время еще не достигла такого совершенства, при которомъ она могла бы съ полнымъ успѣхомъ выполнить подобную тонкую работу. А сверхъ того, случай Ничше представляетъ еще нѣсколько особенныхъ затрудненій. Во первыхъ, нельзя съ точностью сказать, былъ ли Ничше по своей организаціи „дегенерантомъ высшаго порядка“; во-вторыхъ, не вполнѣ можно опредѣлить значеніе тѣхъ болѣзненныхъ явленій (какъ, напр., продолжительныхъ и тяжелыхъ мигреней), которыя наблюдались у Ничше до возникновенія его главной болѣзни; наконецъ, въ-третьихъ, самая та болѣзнь, которая довела Ничше до слабоумія и смерти, т. е. прогрессивный параличъ представляетъ въ клиническомъ отношеніи много неясностей. Существуетъ даже мнѣніе, что самое теченіе этой болѣзни въ послѣднее время начало видоизмѣняться. „Прогрессивный параличъ, говоритъ нашъ авторъ (стр. 33), какъ болѣзнь, повидимому, въ послѣднее время подвергся эволюціи. Классическая картина прогрессивнаго паралича съ маніакальнымъ состояніемъ, съ нелѣпымъ бредомъ величія, частыми перемѣнами настроенія—встрѣчаются все рѣже и рѣже“. А случай Ничше былъ, къ тому же, случаемъ *атипическаго* прогрессивнаго паралича: онъ представлялъ много своеобразностей. Даже самая продолжительность его болѣзни, равная, по Мебіусу, 19 годамъ, является необычною, ибо средняя продолжительность прогрессивнаго паралича равна 3—4 годамъ.

Такимъ образомъ, предъ нашимъ авторомъ была весьма трудная задача. Какъ онъ съ нею справился? Нашъ авторъ, вполнѣ компетентный врачъ, далъ толковую исторію болѣзни Ничше. Но вѣдь задача была не клиническая: предстояло дать не исторію болѣзни Ничше, а анализъ его произведеній, т. е. нужно было открыть, какіе элементы ученія Ничше (и насколько) являются продуктомъ его болѣзненнаго состоянія. Для этого нужно было такое глубокое проникновеніе въ творчество Ничше, котораго нашъ авторъ не обнаружилъ. Онъ ограничился нѣсколькими мелкими замѣчаніями въ родѣ, напримѣръ, того, что, отмѣтивши фактъ злоупотребленія Ничше хлораломъ, прибавилъ: „Возможно, что „чувство ненависти“ (къ людямъ), о которомъ говоритъ Ничше, относится къ индивидуальному дѣйствію хлорала“ (стр. 22). Затѣмъ авторъ, анализируя труды Ничше, приходитъ, напр., къ тому выводу, что книга „Такъ говоритъ Заратустра“ написана „въ

состояніи маніакальной экзальтаціи“ (стр. 26), а книга „Къ генеалогіи морали“ написана „въ періодъ ремиссіи“ (стр. 28).

Мы не ставимъ въ упрекъ автору, что онъ не сдѣлалъ того, чего онъ, очевидно, и не могъ сдѣлать, что онъ не далъ глубокаго анализа творчества Ницше. Мы имѣли въ виду лишь одно— указать читателямъ „Р. Б.“, что они могутъ найти въ брошюрѣ д-ра Хмѣлевскаго: они могутъ найти тамъ лишь толковое изложеніе исторіи болѣзни Ницше и освѣщеніе не столько *нѣкоторыхъ* идей философа, сколько его манеры излагать эти идеи, ничего больше они тамъ не найдутъ.

Гаральдъ Геффдингъ. Философскія проблемы. Пер. съ нѣмецкаго. Г. А. Котляра. М. 1904.

Новое сочиненіе извѣстнаго датскаго философа должно быть причислено къ типу тѣхъ „введеній въ философію“, которыя въ послѣднее время стали особенно часто появляться.

Авторъ дѣлаетъ общій обзоръ поля философскаго изслѣдованія. Онъ признаетъ существованіе четырехъ основныхъ философскихъ проблемъ: „1) проблема природы явленій сознанія (психологическая проблема); 2) проблема правильности познанія (логическая проблема); 3) проблема природы бытія (космологическая проблема), и 4) проблема оцѣнки (этически-религіозная проблема)“. Затѣмъ авторъ задаетъ вопросъ: „можно ли эти четыре проблемы свести къ одной основной проблемѣ“, и отвѣчаетъ: „что это возможно, доказываетъ, мнѣ кажется, то значеніе, которое имѣетъ при обсужденіи каждой изъ нихъ вопросъ объ отношеніи между непрерывностью и прерывностью явленій. Въ этомъ отношеніи выражается глубочайшій интересъ, какъ личности, такъ и науки. Какъ въ той, такъ и въ другой области наиболѣе характернымъ является... стремленіе къ связи и единству, а съ этой точки зрѣнія все прерывное являтся препятствіемъ, устранить которое необходимо. Съ другой же стороны, именно прерывность (различіе времени, степени, мѣста, качества, индивидуальности) есть то, что и въ области науки и въ области личной жизни вноситъ новое содержаніе, освобождаетъ скрытыя силы и ставитъ великія задачи» (стр. 5).

Характерною особенностью разсматриваемаго нами изслѣдованія является то обстоятельство, что авторъ не стремится дать намъ цѣльную, гладкую, законченную систему. Онъ говоритъ: „Идеалъ былъ бы достигнутъ, если бы удалось доказать полную гармонію всего нашего опыта, непрерывное цѣлое, около котораго объединились бы, согласно собственнымъ своимъ законамъ, всѣ спеціальныя эмпирическія области. Но... такое законченное міровоззрѣніе невозможно и въ извѣстномъ смыслѣ содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Ни одна изъ спеціальныхъ эмпи-

рическихъ областей не есть нѣчто законченное; непрерывно возникаютъ какъ новый опытъ, такъ и новыя загадки; наше стремящееся къ обобщеніямъ мышленіе каждый разъ наталкивается на новыя задачи. Такъ какъ наше познаніе совершается всегда черезъ сопоставленіе и сравненіе, то всякій цѣльный образъ, чтобы стать предметомъ законченнаго познанія, долженъ былъ бы быть сопоставленъ съ чѣмъ-нибудь отличнымъ отъ него: только тогда онъ могъ бы достичь полной опредѣленности; но если бы было что-либо, отъ него отличное, то онъ не былъ бы *цѣльнымъ* образомъ" (стр. 68—9).

Поэтому, при изслѣдованіи всѣхъ своихъ проблемъ, авторъ наталкивается на антиноміи, „ирраціональное отношеніе", которое и считается имъ символическимъ выраженіемъ дѣйствительности. Онъ говоритъ: „Тотъ фактъ, что познаніе не можетъ быть законченнымъ, можетъ стоять въ связи съ тѣмъ, что бытіе само не закончено, не готово, а такъ же находится въ состояніи непрерывнаго возникновенія, какъ отдѣльная личность и познаніе. Оно, быть можетъ, скрываетъ въ себѣ также одновременныя дисгармоніи, которыя и дѣлаютъ невозможнымъ для него образовать гармоническое цѣлое" (стр. 69).

Вопросъ о классификаціи всегда имѣетъ двойственное значеніе. Если классификацію разсматривать просто, какъ лишь методологическій пріемъ, тогда она имѣетъ второстепенное значеніе, и каждый изслѣдователь можетъ создавать классификаціи ad hoc, сообразуясь съ удобствомъ изслѣдованія. Но если придавать классификаціи болѣе строгое значеніе, если разсматривать ее, какъ орудіе познанія сущности классифицируемыхъ явленій, тогда о свободѣ созданія системы классификаціи не можетъ быть и рѣчи. Придавая классификаціи это послѣднее, болѣе строгое значеніе мы думаемъ, что сдѣланное нашимъ авторомъ распредѣленіе проблемъ не вполнѣ удачно. Существуютъ лишь двѣ основныя проблемы: проблема бытія и проблема познанія. Выставлять въ первую линію проблему сознанія значитъ дѣлать нѣкоторый предварительный заемъ изъ обѣихъ этихъ основныхъ проблемъ. Выставлять же въ первую линію проблему оцѣнки нельзя потому, что предварительно надлежитъ рѣшить вопросъ о томъ, что такое тѣ нормы, на основаніи которыхъ мы дѣлаемъ оцѣнку. Извѣстно, что однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ современной философіи является вопросъ объ отношеніи между „существующимъ" и „должнымъ": вопросъ объ автономіи нормъ. Кто не признаетъ за нормами того исключительнаго значенія, которое придаютъ имъ, напримѣръ, кантіанцы, тотъ и будетъ разсматривать проблему оцѣнки, какъ вторичную проблему. Но, во всякомъ случаѣ, каково бы ни было мнѣніе изслѣдователя, очевидно, что поднимать вопросъ объ автономіи нормъ можно лишь послѣ уясненія вопросовъ о бытіи и познаніи.

Какъ мы видимъ, нашъ авторъ устанавливаетъ единство четырехъ проблемъ, вводя вопросъ объ отношеніи между непрерывностью и прерывностью. Этимъ онъ косвенно даетъ перевѣсъ проблемы познанія надъ проблемой бытія. Конечно, начинать нужно съ проблемы познанія уже потому одному, что философія есть видъ познанія; однако, если не смотрѣть на вопросъ о познаніи, какъ на самодовлѣющій, замкнутый въ себѣ вопросъ, то сейчасъ же возникаетъ вопросъ о познаніи, какъ одномъ изъ проявленій бытія, и, такимъ образомъ, вопросъ о бытіи выступаетъ на первый планъ. Тутъ снова становится яснымъ неудобство выдѣленія вопроса о сознаніи, какъ основного, независимаго вопроса.

Климатологія въ связи съ климатотерапіей и гигіеной. А. Класовскаго, заслуженнаго профессора Новороссійскаго университета. Одесса 1904.

Брошюра нашего извѣстнаго метеоролога, проф. Класовскаго, затрагиваетъ весьма интересный и мало изученный вопросъ. Человѣческій организмъ погруженъ въ среду атмосферныхъ явленій, явленій свѣтовыхъ, тепловыхъ, электрическихъ, явленій измѣнчивой влажности воздуха и его давленія. Всѣ эти явленія, несомнѣнно, играютъ весьма значительную роль въ вопросѣ о нормальномъ отправленіи нашего организма, но, къ сожалѣнію, мы должны признать, что въ настоящее время медицина еще очень мало можетъ пользоваться указаніями метеорологіи.

Иногда мы даже не знаемъ, въ чемъ, собственно, слѣдуетъ искать причину извѣстныхъ гигіеническихъ явленій. Такъ, напр., южный берегъ Крыма извѣстенъ своимъ цѣлебнымъ вліяніемъ на рахитъ (англійская болѣзнь): онъ и излѣчиваетъ, и предупреждаетъ рахитъ. Казалось бы, это легко объяснить свѣтомъ и тепломъ, присущими климату южнаго берега. Однако, дѣло объясняется не такъ просто. „Если-бы, говоритъ докторъ Бѣлокуръ, одной инсоляціи было достаточно для уничтоженія рахита, то въ Бухарѣ мы бы никогда не наблюдали этой болѣзни. Между тѣмъ, съ достовѣрностью извѣстно, что рахитъ въ Бухарѣ распространенъ эпидемически“ (цитата по Класовскому, стр. 5).

Дѣлались попытки опредѣлить связь между колебаніями климатическихъ условій данной мѣстности и развитіемъ въ ней болѣзней. Но, конечно, это слишкомъ сложный вопросъ, чтобы рѣшить его единичными наблюденіями. Докторъ Ассманнъ сдѣлалъ болѣе широкую попытку: онъ пытался „прослѣдить ходъ распространенія инфлюэнцы 1899-го года и господствовавшихъ, въ соотвѣтствующій періодъ, метеорологическихъ условій“ (стр. 7).

Однако, для достиженія прочныхъ результатовъ нужна совмѣстная работа очень многихъ лицъ. Поэтому большое значеніе можетъ имѣть приложенный къ брошюрѣ проф. Класовскаго

„проектъ програмы климатическихъ изслѣдованій для цѣлей климатологіи и бальнеологіи".

Пользуясь указаніями такого компетентнаго человѣка, какъ проф. Класовскій, множество образованныхъ лицъ можетъ заняться собираніемъ данныхъ, которыя, послѣ соотвѣтствующей обработки, могутъ послужить основой для прочныхъ выводовъ.

С. А. Котляревскій. Ламеннэ и новѣйшій католицизмъ. М. 1904.

Книга г. Котляревскаго представляетъ не только историко-литературный, но и большой современный интересъ. Возрожденіе воинствующаго католицизма въ XIX в., его почти сказочный расцвѣтъ въ эпоху, когда именно, казалось бы, его пѣснь окончательно спѣта, — фактъ не только высоко интересный по своей исторической загадочности, но и огромнаго политическаго значенія,—фактъ, съ каковымъ тѣсно связаны будущія судьбы Европы. Достаточно вспомнить современную протестантскую Германію, гдѣ, не смотря на свое численное меньшинство, католики представляютъ самую сильную партію въ рейхстагѣ; Бельгію, гдѣ всѣ усилія прогрессивныхъ партій разбиваются о могучую коалицію католиковъ, фактически управляющихъ страной и упорно отказывающихъ народу въ самой насущной избирательной реформѣ; наконецъ, Францію, которая на нашихъ глазахъ едва спаслась отъ всеобщаго заговора католическаго status in statu и вынуждена была прибѣгнуть къ мѣрамъ, скорѣе напоминающимъ политику конвента, чѣмъ увѣренной въ своей мощи республики...

Двѣ основныя черты особенно характерны для новѣйшаго католицизма. Первая — безповоротное торжество самаго крайняго ультрамонтанства, которое, воскресивъ теократическіе идеалы средневѣковья, поставивъ папство въ положеніе единаго и непогрѣшимаго повелителя церкви и уничтоживъ послѣдніе слѣды церковной самостоятельности отдѣльныхъ странъ, придало необыкновенную силу и единство и безъ того уже достаточно совершенной организаціи универсальной церкви. Другая—примиреніе и тактическій союзъ со свободой и новыми политическими учрежденіями Западной Европы. Римская церковь жаждала воспитывать юношество, захватить въ свои руки печать, организацію массъ, наконецъ, управленіе обществомъ: все это могла дать свобода, надлежащимъ образомъ использованная. Такимъ-то образомъ во многихъ католическихъ странахъ рядомъ съ лозунгомъ „католицизмъ" на ультрамонтанскомъ флагѣ явилось и священное слово „свобода". Въ настоящую минуту, когда мы пишемъ эти строки, католическая Бельгія шумно ликуетъ по поводу 25-ти лѣтія провозглашенія свободы преподаванія, а во Франціи клерикалы во имя свободы протестуютъ противъ закрытія конгрегацій... И, дѣйстви-

тельно, свободѣ, какъ солнцу, которое одинако свѣтитъ надъ праведными и грѣшными, католицизмъ въ XIX в. больше всего обязанъ своими грандіозными завоеваніями. Правда, при первомъ удобномъ случаѣ клерикалы готовы продать свободу первому, кто обѣщаетъ больше выгодъ, какъ это случилось съ католической партіей въ Франціи въ президентство Бонапарта, или воспользоваться ею для разрушенія того самаго строя, которому они всѣмъ обязаны, какъ это мы видимъ въ современной Франціи, но какъ тактическимъ оружіемъ, когда это нужно, ихъ церковь умѣетъ пользоваться свободой съ необыкновеннымъ совершенствомъ.

Каждое новое крупное теченіе обыкновенно имѣетъ своего пророка-энтузіаста, съ именемъ котораго оно связано, какъ бы далеко оно впослѣдствіи ни уклонилось отъ первоначальныхъ идей своего вдохновителя... По странной ироніи исторіи, пророкомъ новаго курса католицизма въ XIX в. суждено было стать никому иному, какъ Ламеннэ. Этотъ человѣкъ, который въ зрѣломъ возрастѣ пришелъ къ убѣжденію, что католицизмъ кореннымъ образомъ противорѣчитъ идеаламъ человѣчества, что католицизмъ и свобода непримиримы, авторъ Paroles d'un croyant, потрясавшій Европу своей пламенной проповѣдью свободы и соціальной справедливости,—этотъ человѣкъ былъ провозвѣстникомъ тѣхъ самыхъ принциповъ, которые легли въ основаніе догмы и политики обновленнаго католицизма. Это онъ со свойственнымъ ему одному пламеннымъ краснорѣчіемъ и прямолинейной логикой воскресилъ идеалы Григорія VII, провозгласилъ католицизмъ единой истиной рода человѣческаго и папу его непогрѣшимымъ главой, которому одному принадлежитъ верховное управленіе міромъ. Это онъ, послѣ недолгаго увлеченія идеей абсолютной католической монархіи, руководимой церковью, имѣлъ мужество перейти на другую сторону и на знамени церкви рядомъ со словомъ „католицизмъ" поставить слово „свобода",—лозунгъ, который въ періодъ его принадлежности къ церкви лежалъ въ основаніи всей его публицистической и общественной дѣятельности. Подъ этимъ лозунгомъ онъ объединилъ фалангу даровитыхъ и энергичныхъ людей, создавшихъ могущественную клерикальную партію, которая шагъ за шагомъ отвоевала для церкви школу, конгрегацію, политическую силу,—все, о чемъ могло только мечтать ультрамонтанство.

Но самъ Ламеннэ палъ жертвой своего мятежнаго энтузіазма. Католицизмъ, прибѣгая подъ сѣнь свободы, признавалъ право на нее исключительной своей монополіей. Ламеннэ требовалъ ее для всѣхъ, для всѣхъ мнѣній, для всѣхъ вѣрованій. Церковь отвергла его, но сумѣла по своему использовать его великій публицистическій талантъ. Его апологія католицизма — до сихъ поръ краеугольный камень ея догмы. Его лозунгъ „свобода"—главнѣйшій тактическій пріемъ, ея могущественное оружіе тамъ, гдѣ она гонима или борется за преобладаніе. Его призывъ къ активной со-

ціальной дѣятельности вывелъ ее на путь организаціи массъ подъ флагомъ католическаго соціализма...

Личность Ламеннэ поэтому тѣснѣйшимъ образомъ связана съ судьбой новѣйшаго католицизма. Съ этой точки зрѣнія авторъ разбираемой монографіи трактуетъ своего героя.

„Жизнь Ламеннэ для него прежде всего важна, какъ страница изъ исторіи великой религіозной и общественной организаціи—католической церкви... Она интересна для него прежде всего тѣмъ, что пережитый имъ индивидуальный процессъ отражаетъ эволюцію новѣйшаго католицизма и освѣщаетъ загадочное на первый взглядъ противорѣчіе—торжество въ церкви теократіи и борьба за свободу, консервативный обликъ и движеніе въ сторону соціалистическихъ программъ и идеаловъ".

Уже за одинъ выборъ темы подобнаго рода можно быть благодарнымъ г. Котляревскому. Ни личность Ламеннэ, ни эволюціи католической церкви въ XIX ст. не были у насъ предметомъ изслѣдованія, хотя на европейскихъ языкахъ имѣется не мало превосходныхъ монографій объ этихъ предметахъ. Нужно отдать справедливость автору: онъ внесъ въ свой трудъ и много эрудиціи, и научную добросовѣстность, и любовь къ своей темѣ, и, наконецъ, сумѣлъ сдѣлать свою книгу интересной для широкаго круга читателей. Въ предѣлахъ его спеціальной задачи, г. Котляревскому удалось не только дать достаточно детальную и широко освѣщенную на фонѣ эпохи біографію и характеристику литературной и общественной карьеры Ламеннэ, но и въ значительной мѣрѣ выяснить эволюцію современнаго католицизма, пониманіе которой столь важно именно въ настоящее время. За всѣмъ тѣмъ во многихъ отношеніяхъ разсматриваемый трудъ автора одинаково не удовлетворитъ ни спеціалиста, ни обыкновеннаго читателя. Прежде всего по отношенію къ Ламеннэ. Въ такой сложной личности, какъ этотъ послѣдній, нельзя отдѣлять мыслителя и дѣятеля отъ его оригинальной психической индивидуальности, являющейся главнымъ ключемъ къ пониманію его духовнаго облика и эволюціи. Мы не говоримъ тутъ спеціально о такъ называемой душевной драмѣ Ламеннэ,—хотя и ее обходить въ большой монографіи объ отдѣльномъ писателѣ не совсѣмъ бы слѣдовало,—а о тѣхъ коренныхъ особенностяхъ его душевнаго склада, которыя создали то, что насъ больше всего поражаетъ въ этой яркой, столь сложной и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣльной фигурѣ великаго энтузіаста. Революціонный темпераментъ Ламеннэ, одинаково остававшагося вѣрнымъ себѣ и тогда, когда онъ пламенно отстаивалъ божественный авторитетъ папы, и когда онъ столь же пламенно отрекся отъ него во имя разума и соціальной справедливости, остался совершенно внѣ анализа автора. Онъ считаетъ психическую загадку Ламеннэ вполнѣ рѣшенной уже Сентъ-Бевомъ, видѣвшимъ сущность психологіи его въ „единствѣ воли и разума, запечатлѣннаго вѣрой". Къ этой ничего не объясняющей формулѣ авторъ считаетъ

только необходимымъ подыскать „историческую“ основу, которую онъ счастливо находитъ, если отбросить риторику его фразы, не больше и не меньше, какъ... въ католицизмѣ. Но католицизмъ и даже „единство воли и разума, запечатлѣннаго вѣрой“ были не у одного только Ламеннэ, они были и у Монталамбера, и у Лаламордера, да и у цѣлой массы католическихъ единомышленниковъ Ламеннэ. Въ чемъ же тогда психическая индивидуальность именно этого послѣдняго, толкнувшая его одного по совершенно особому пути? Въ одномъ только мѣстѣ авторъ пытается самостоятельно искать психическую основу эволюціи Ламеннэ и находитъ ее въ томъ, что сначала наивный, мало знакомый съ дѣйствительностью романтикъ католицизма, Ламеннэ, въ концѣ концовъ, постепенно позналъ глубокую пропасть, отдѣляющую идеалы церкви отъ печальной дѣйствительности, и прозрѣлъ; остальное, молъ, все понятно. Но если дѣло такъ просто, почему опять таки прозрѣлъ только Ламеннэ, а не Монталамберъ, Лакордеръ и мн. другіе люди тоже недюжинные, видѣвшіе и знавшіе то же, что и Ламеннэ, и, однако, въ рѣшительный моментъ предавшіе своего учителя при всемъ ихъ „единствѣ разума и воли“.

Что касается другого героя книги, коллективнаго католицизма, то г. Котляревскій противъ него погрѣшилъ еще болѣе.

Эволюція католицизма въ XIX в. стоитъ у него какъ бы совершенно изолированной отъ прошлыхъ судебъ римской церкви. Совершенно справедливо указавъ на тѣсную связь между эволюціей церкви и соціальнымъ и умственнымъ переворотомъ, произведеннымъ французской революціей, авторъ совершенно упустилъ изъ виду еще болѣе тѣсную связь современнаго католицизма съ той великой реакціей, которую испытала церковь послѣ другой великой революціи, чисто духовной, революціи—реформаціи. Развѣ энтузіазмъ ультрамонтанства, эта удивительная политика приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ дѣятельности, эта страстная борьба за овладѣніе умами путемъ школы, печати, конгрегацій, комплотовъ и интригъ и, наконецъ, это упорное стремленіе къ политическому господству,—развѣ всѣ эти черты не прямое продолженіе политики, усвоенной римской церковью послѣ реформаціи?

Если бы авторъ вспомнилъ объ этомъ, онъ, быть можетъ, совершенно иначе взглянулъ бы на эволюцію новѣйшаго католицизма. Онъ понялъ бы, во 1-хъ, что вся практика „новаго“ курса церкви съ его либерализмомъ и соціализмомъ сводится къ старой испытанной методѣ приспособленія въ борьбѣ за самосохраненіе и ни къ чему болѣе, и, во 2-хъ, — и это самое важное, — что за нынѣшнимъ духовнымъ подъемомъ церкви можетъ послѣдовать такая же, если не болѣе сильная волна мертваго упадка, какая постигла ее въ XVIII в., потому что и раціонализмъ, или тотъ „псевдо-позитивизмъ“, надъ которымъ иронизируетъ авторъ, еще

не совсѣмъ приказалъ долго жить и можетъ еще современемъ сказать кое-что въ свое оправданіе. Не лишнее было бы такъ же хоть мимоходомъ остановиться на „динамикѣ“ либерально-соціальныхъ тенденцій римской церкви, самое поучительное проявленіе которой такъ легко было прослѣдить на исторіи послѣднихъ десятилѣтій во Франціи, Бельгіи и Германіи: для пониманія проблемъ католицизма это очень важно.

Правильному воззрѣнію автора на роль и будущее католицизма мѣшаетъ какой-то странный не то „идеализмъ“ sui generis, не то романтизмъ, лишающій его въ рѣшительную минуту необходимаго мужества и сводящаго его съ пути ученаго на тропу риторизма и безнадежныхъ противорѣчій.

Онъ считаетъ, напримѣръ, католицизмъ по самой природѣ своей *неизмѣннымъ*; онъ полагаетъ, что „идея прогресса для него недопустима“ и что въ этомъ заключается „величайшій антагонизмъ между нимъ и современнымъ обществомъ“, а вслѣдъ за этими категорическими утвержденіями онъ цитируетъ прогрессивную программу американскихъ католиковъ, которая коренным образомъ противорѣчитъ догмату „неизмѣнности“. Г. Котляревскій выходъ изъ этого противорѣчія находитъ въ томъ, что это уже „почти“ не католицизмъ, а американизмъ, какъ будто дѣло въ названіи, а не въ самомъ фактѣ возможности глубокихъ измѣненій въ основѣ католицизма.

Вынужденный признать, что развитіе свободы кореннымъ образомъ неблагопріятно для католицизма, авторъ грустно задумывается надъ старой дилеммой между вырожденіемъ католическихъ народовъ и гибелью католицизма и въ видѣ исхода изъ нея, спрашиваетъ: „возможно ли для католицизма порвать окончательно съ прошлымъ, сохранивъ лишь вѣчный религіозный порывъ (?), увидѣть въ свободѣ не средство, а цѣль“ и т. д. Подобный вопросъ показываетъ, что такую возможность авторъ допускаетъ. Какъ же примирить это съ его же утвержденіемъ о „вѣчной неизмѣнности“?

Еще болѣе странно отношеніе автора къ вопросу о католическомъ соціализмѣ. Ставя вопросъ о томъ, являются ли соціальные эксперименты католической церкви ея заслугой, или лишь результатомъ простой необходимости, авторъ сначала не считаетъ для себя возможнымъ дать категорическій отвѣтъ. Но это не мѣшаетъ ему сейчасъ же, вслѣдъ за этимъ дать такой глубокомысленный и ясный отвѣтъ: съ одной стороны, соціальная политика являлась необходимостью для церкви, но съ другой — „по пути соціальнаго благосостоянія цѣли католической церкви на нѣкоторомъ протяженіи—короткомъ или далекомъ это другой вопросъ—шли параллельно интересамъ трудящихся массъ“ (довольно ясно и опредѣленно?). Впрочемъ, черезъ нѣсколько строкъ авторъ поправляется и выражается съ большей опредѣленностью: „осущест-

вленіе духовнаго правленія католической церкви заключало бы въ себѣ и измѣненіе самыхъ тяжелыхъ соціальныхъ условій современной жизни, правда, съ потерей того, что западно-европейскія общества считаютъ своими неотчужденными культурными благами".

Интересно, на чемъ основываетъ ученый авторъ это утвержденіе? Не на примѣрѣ ли папской области, миссіонерскихъ колоній въ Парагваѣ или на исторіи Испаніи?

Два слова еще по поводу предисловія, по меньшей мѣрѣ, претенціознаго. Въ одномъ мѣстѣ авторъ съ апломбомъ третируетъ философскія попытки выясненія вопроса объ отношеніи личности къ обществу. Въ другомъ тонко инсинуируетъ по адресу покойныхъ экономическихъ матеріалистовъ. Въ-третьемъ, онъ гордо отрекается отъ „мнимопозитивистовъ, для которыхъ религіозная жизнь общества является предметомъ, недостойнымъ вниманія, и торжественно заявляетъ, что онъ, авторъ, не отказывается отъ мыслей и чаяній о будущей (?) религіозной жизни Россіи..." Между тѣмъ, не смотря на всѣ претензіи автора, его собственный трудъ, ни въ методологическомъ, ни въ идейномъ отношеніи не представляетъ собою ничего оригинальнаго.

Основная его идея—вліяніе Ламеннэ на новый курсъ католицизма—впервые высказанная Ренаномъ, давно уже стала общимъ мѣстомъ...

Сборникъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ въ школѣ и дома. — Труды коммиссіи по устройству чтеній для учащихся педагогическаго общества, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1904.

Домашнее и школьное чтеніе учащихся, какъ извѣстно, подвержено очень строгому контролю. Главная задача контроля состоитъ въ томъ, чтобы черезъ книгу въ среду учащихся не проникло „вредное направленіе". Что такое „вредное направленіе", опредѣлить не совсѣмъ легко. Вреднымъ признается, напр., употребленіе учащимися тетрадокъ съ изображеніемъ Льва Толстого. Вреднымъ признано съ прошлаго года пользованіе Евангеліемъ въ церковно-приходскихъ школахъ, и, вмѣсто него, тамъ читаютъ псалтырь. Вреднымъ оказывается и изображеніе казни Пугачева на свѣтовыхъ картинахъ. Вообще, „вреднаго" въ книгахъ и въ картинахъ такъ много, что единственнымъ вполнѣ надежнымъ средствомъ противъ этого зла было бы примѣненіе давно рекомендованной Фамусовымъ мѣры: „забрать всѣ книги бы, да сжечь", прибавивъ къ нимъ заодно ужъ всякія прозрачныя и непрозрачныя картины. Но сей идеалъ недостижимъ. „Сжечь гимназію и упразднить науки", какъ то сдѣлалъ во время оно глуповскій градоначальникъ Архистратигъ Стратилатовичъ Перехватъ-Залихватскій, въ наше время уже нельзя, и поневолѣ приходится прибѣгать къ полумѣрамъ: изъять изъ школы Евангеліе, запретить

обществу грамотности издать для народа „Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ“, которую, однако, не воспрещено издавать всякому желающему, отбирать отъ подписчиковъ по деревнямъ газету („Вятскую“), въ которой цензоръ не все дозволяетъ перепечатывать даже изъ „Правительственнаго Вѣстника“, не дать хода учрежденію просвѣтительнаго общества, проектъ устава котораго подписанъ извѣстнѣйшими академиками, сенаторами, писателями и т. д., и т. д. Вообще средствъ для постепеннаго „упраздненія наукъ“ болѣе, чѣмъ много. Въ числѣ ихъ не послѣднее мѣсто, если не по эффектности, то по вѣрности дѣйствія, занимаетъ ограниченіе чтенія учащихся спеціальнымъ каталогомъ разрѣшенныхъ для такого чтенія книгъ. Не входя въ оцѣнку достоинствъ этого каталога, можно сказать одно, что цѣли своей онъ достигаетъ отлично: учащіеся не пользуются школьными библіотеками, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ само школьное начальство. Само собой разумѣется, что такой фактъ меньше всего говоритъ о томъ, чтобы у учащихся совсѣмъ не было потребности въ чтеніи. Потребность эта существуетъ, убить ее нельзя никакими циркулярами, но потребность эта не удовлетворяется той наличностью книгъ, которыя рекомендуются пресловутыми каталогами.

Лежащій передъ нами „Сборникъ“ педагогическаго Общества, имѣетъ, видимо, цѣлью дать въ руки учащимся въ средней школѣ такую книгу, которая, удовлетворяя ихъ любознанательности и способствуя обогащенію ихъ знаній, не могла бы въ то-же время возбудить по отношенію къ себѣ подозрѣнія о „вредномъ направленіи“. Если такое предположеніе вѣрно, то цѣль эта „Сборникомъ“ вполнѣ достигается. Содержаніе сборника очень разнообразно. Здѣсь помѣщены біографіи и характеристики Глинки (Грузинскій), Жуковскаго (Бѣльскій), Рембранда (Романовъ), первопечатника Ивана Өедорова (Кизеветтеръ), нѣмецкихъ гуманистовъ и обскурантовъ XVI вѣка (Моравскій), статьи о землетрясеніяхъ (Павловъ), о горѣніи (Реформатскій) и о растеніяхъ скалъ и песковъ (Барковъ). Какъ видно изъ этого перечня, статьи, помѣщенныя въ „Сборникѣ“, касаются преимущественно такихъ темъ, о которыхъ въ нашей средней школѣ (въ гимназіяхъ въ особенности) учащимся приходится слышать очень мало, межъ тѣмъ какъ знакомство съ ними является почти обязательнымъ для всякаго образованнаго человѣка. Самое изложеніе статей вполнѣ доступно для пониманія учащихся, читаются онѣ легко, а масса умѣло подобранныхъ и довольно хорошо исполненныхъ иллюстрацій значительно способствуетъ оживленію текста. При самомъ придирчивомъ отношеніи трудно найти въ какой-либо статьѣ какой-нибудь элементъ „вреднаго направленія, почему надо надѣяться, что ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не закроетъ передъ этой книгой дверей своего „дозволительнаго“ каталога. Ручаться, однако, за это нельзя...

Извѣстны примѣры, когда и дозволенныя и одобренныя книги впослѣдствіи признавались подлежащими исключенію. Такъ, напр., сказка въ стихахъ Можаровскаго „Лиса Патрикѣевна“ цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ допускалась къ чтенію не только „про себя“, но даже вслухъ, была одобрена въ четырехъ изданіяхъ, а какъ вышло пятое изданіе, напечатанное безъ перемѣнъ съ предыдущихъ, тутъ и случился съ ней грѣхъ: открыли въ ней, наконецъ, „вредное направленіе“ и велѣли изъять изъ всѣхъ городскихъ и сельскихъ училищъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Вл. Гиляровскій. Забытая тетрадь. Изд. 3-е. М. 1901. Ц. 1 р.

Стихотворенія ***Е. К. Кристи.*** Одесса. 1905 г. Ц. 1 р.

Зеленый сборникъ стиховъ и прозы. Книгоизд. „Щелканово“. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

А. Ѳ. Радченко. На распутьи. Стихотворенія. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Полное собраніе сочиненій ***С. Г. Фруга.*** Т. III—VI. Изд. журн. „Еврейская жизнь“. Спб. 1904.

А. Крандіевская. То было раннею весной. Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Ц. 1 р.

Ея же. Ничтожные. Изд. С. Скирмунта. М. Ц. 1 р.

Ганя Хмуровъ. Романъ. ***Г. Т. Мурова.*** Томскъ. 1904.

Муравей. Повѣсть. Т. II. Казань. 1903. Ц. 1 р.

Н. Н. Вильде. Катастрофа. Романъ. М. 1904. Ц. 1 р.

В. Сѣрошевскій. Собраніе сочиненій. Т. I. Изд. 2-е Глаголева. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Станиславъ Пшибышевскій. Сыны земли. Ром. въ 3-хъ частяхъ. Единственный, разрѣшенный авторомъ переводъ Е. Троповскаго. Книгоизд. „Скорпіонъ“. М. 1905. Ц. 50 к.

Генрихъ Ибсенъ. Полное собр. сочиненій. Переводъ А. и П. Ганзенъ. Т. III. Изд. С. Скирмунта. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Торъ Гедбергъ. Гергардъ Гримъ. Драматич. поэма. Перев. А. Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Ц. 50 к.

Гольгеръ Драхманъ. Тысяча одна ночь. Драма-сказка. Перев. А. Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Ц. 50 к.

А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. Изд. 3-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.

К. Н. Боженко. На войну. Изд. „Донской Рѣчи“. 1904. Ц. 5 к.

Э. Золя. Штурмъ мельницы. Изд. Л. А. Мукосѣева. Н.-Новгородъ. 1904. Ц. 10 к.

Н. Бернардъ. За маму, за папу. Спб. 1903. Ц. 30 к.

І. Единорогъ. Дьячки Софоній и Сасоній. М. 1905. Ц. 25 к.

Евгенія де-Турже-Туржанская. Сапожникъ. Очеркъ. М. 1905. Ц. 7 к.

Изданія Н. Глаголева: ***Вацлавъ Сѣрошевскій.*** Кули. Ц. 8 к. — ***Его же.*** Боксеръ. Ц. 4 к. — ***Его же.*** Чукчи. Ц. 7 к.—***Танъ.*** Землепроходъ. Ц. 8 к. Спб. 1904.

Н. Бернардъ. Разсказы и воспоминанія. Изд. 2-е. Спб 1904. Ц. 1 р.

Елизавета Дьяконова. Дневникъ русской женщины. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Дневникъ ***Елизаветы Дьяконовой*** на высшихъ женскихъ курсахъ. М. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

А. М. Ѳедоровъ. На востокѣ. Очерки. Спб. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

Черезъ Алай и Памиръ. Очерки пу-

тешествій. ***Б. Тагѣева-Рустамъ-Бекъ***. Изд. „Дѣтскаго Чтенія". М. 1905. Ц. 15 к.

Арнольдъ Аріель. Долой женщинъ (Записки моего друга). М. 1905. Ц. 1 р.

Сборникъ „Родника". Въ пользу сиротъ воиновъ, павшихъ въ русско-япон. войнѣ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики XIX в. Т. II. Вып. 4. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

I. Шерръ. Иллюстрированная всеобщая исторія литературы. Пер. подъ ред. П. Вейнберга. Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Т. I—II. Ц. 6 р.

В. О. Саводникъ. Къ вопросу о Пушкинскомъ словарѣ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Баронъ ***Н. В. Дривенъ***. Матеріалы къ исторіи русскаго театра. Изд. Бахрушина. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Бѣловерскій. Записки учителя. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1905. Ц. 75 к.

А. П. Фаресовъ. Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Ал. Шумахеръ. Императоръ Александръ II. Историческій очеркъ. Изд. 4-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Историч. очеркъ. Изд. 2-е. Книгоизд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р. 60 к.

Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. ***Александры Ефименко***. Т. I. Спб. Ц. 2 р.

Е Щепкина. Чтенія по русской исторіи въ XVIII в. Вып. I. Государственный строй. Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

Очерки по исторіи Германіи въ XIX в. Т. I. Происхожденіе современной Германіи. Пер. съ нѣмецкаго ***В. Базарова*** и ***И. Степанова***. Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Ц. 2 р.

Иллюстриров. библіотека „Нивы":

Всеобщая исторія. Соч. проф. ***О. Iегера*** въ 4-хъ томахъ. Спб. 1905. Вып. I. Ц. 1 р.

Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ. Статьи ***Вл. Розенберга*** и ***В. Якушкина***. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1905. Ц. 1 р.

А. А. Пановъ. Сахалинъ, какъ колонія. Очерки колонизаціи и современнаго положенія Сахалина. М. 1905. Ц. 1 р.

Книгоиздательство Т-ва «Просвѣщеніе»: Жизнь природы. Картины физическихъ и химическихъ явленій. Соч. д-ра ***Вильгельма Мейера***. Пер. съ нѣмецкаго А. Р. Кулишера, подъ ред. проф. Н. А. Гезехуса. Вып 1—4. Спб. Ц. 50 к. за выпускъ. ***Его же***. Земля и жизнь. Сравнительное землевѣдѣніе. Соч. проф. ***Ф. Ратцеля***. Т. I. Вып. 11—13. Спб. 1905. Ц. 50 к. за выпускъ.

Изданія подвижного музея учебныхъ пособій: ***А. Бремъ***. Тундра, ея растительный и животный міръ. Пер. съ нѣмецкаго Е. Елачича. Спб. 1905 г. Ц. 15 к. ***Е.***

Елачичъ. Какъ животныя защищаются отъ своихъ враговъ. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Ив. Вл. Богословскій. Вопросы жизни. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

А. Пороховщиковъ. Міровая задача нашихъ дней. Спб. 1904. Ц. 10 к.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Пер. съ нѣмецкаго Н. Н. Полилова. Изд. ***Д. Е. Жуковскаго***. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Образовательная библіотека. — ***Гаральдъ Геффдингъ***. Философскія проблемы. Переводъ съ нѣмецкаго Ѳ. Капелюша. Издательство О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Проблемы женщины. ***Георга Гродденъ***. Пер. В. Л-ва, Спб.

Карлъ Родбертусъ Ягецовъ. Сочиненія. Вып. I. Къ освѣщенію соціальнаго вопроса. Пер. съ нѣмецкаго пр. М. Н. Соболева. Изд. Н. Глаголева. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. II т. Пер. съ нѣмецкаго. Изд. Д. С. Горшкова. М. 1905. Ц. 2 р.

С. М. Житковъ. Формула денежнаго обращенія. Спб. 1905.

Образовательная библіотека. ***П. Лафаргъ***. Американскіе тресты. Пер. И. М. Биллика. Книгоизд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Ог. де-Виннъ. Среди фламандскихъ рабочихъ. Пер. съ французскаго З. Кочетковой. Изд. ред. „Образованіе". Спб. 1904. Ц. 50 к.

I. Долгихъ. Экономическое значеніе и будущее мелкаго хозяйства. Рига. 1905. Ц. 1 р. 50 к.—***Его же***. Работа коровъ въ ея историч. развитіи и экономическомъ значеніи. Рига. 1904. Ц. 1 р.

К. П. Янковскій. Правила и порядки государств. сберегательныхъ кассъ. Варшава. 1905. Ц. 50 к.

Промышленность. Пер. съ нѣмец-

каго Е. Н. Каменецкой. Изд. 2-е. М. И. Водовозовой. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Г. И. Ланинъ. Хозяйственно-экономическіе очерки и наблюденія. Вып. I и II. Астрахань. 1904. Ц. по 75 к.

Н. Н. Авиновъ. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. „Изд. „Саратовской Земской недѣли". 1904. Ц. 50 к.

Денежный отчетъ комитета по оказанію помощи пострадавшему отъ безпорядковъ еврейскому населенію г. Кишинева. Кишиневъ, 1904.

Промышленность и техника. Книгоиздат. Т-ва „Просвѣщеніе". Т. VIII. Спб. Ц. вып. 50 к.

Е. И. Аренсъ. Русскій флотъ. Историч. очеркъ. Спб. 1904. Ц. 20 к.

Баронъ Ф. М. Коссинскій. Состояніе русскаго флота въ 1904 г. Спб. 1904. Ц. 10 к.

Къ вопросу организаціи корпуса флотскихъ офицеровъ. Севастополь. 1904.

Подводныя лодки, ихъ устройство и исторія. Состав. ***Н. И. Адамовичъ.*** Изд. Базлова. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.

Конкретная метода преподаванія нумераціи на ариѳметической машинкѣ. ***I. З. Араратянъ.*** Баку. 1903. Ц. 15 к.

Педагогическій ручной трудъ. Составилъ ***И. К. Карелль.*** Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

В. О. Крижъ. Первая грамота. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 1905. Ц. 30 к.

Е. А. Чебышева - Дмитріева. Вопросы начальной школы и педагогическіе очерки. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Труды подкоммиссіи по вопросу о введеніи преподаванія статистики въ курсъ среднихъ учебн. заведеній. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Педагогическая мысль. Изданіе коллегіи Павла Галагана. Подъ ред. проф. Сикорскаго и пр.-доц. Гливенко. Вып. II. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р.

А. Е. Флеровъ. Указатель книгъ для дѣтскаго чтенія. Изд. кн. маг. К. И. Тихомирова. М. Ц. 1 р. 50 к.

В. Корнаковъ. Краткій практическій курсъ геометрическаго черченія и землемѣрія. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Начала геометріи. Сост. ***Дм. Ройтманъ.*** Спб. 1905. Ц. 40 к.

В. О. Крижъ. О классномъ чтеніи въ сельской школѣ. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 1904. Ц. 10 к.

К. А. Литвиненко. Систематическій сводъ правилъ русскаго правописанія. М. 1904. Ц. 60 к.

I. З. Араратянъ. Для учителей и родителей конкретная метода преподаванія курса ариѳметики. Баку. 1904. Ц. 40 к.

Н. Н. Авиновъ. Опытъ программы систематическаго чтенія. М. 1905. Ц. 20 к.

Т. Дубенецъ. Программы предметовъ, преподаваемыхъ въ одноклассныхъ и двухклассныхъ народныхъ училищахъ. Кіевъ. 1905. Ц. 25 к.

И. И. Мещерскій. Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ. Изд. 6-е. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Курсъ гигіены для среднихъ учебныхъ заведеній. Составили врачи ***А. А. Черевкова*** и ***В. Д. Черевковъ.*** Спб. 1905. Ц. 1 р.

Современная клиника. Д-ръ ***Д. М. Успенскій.*** Т. III. Основы органотерапіи. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Популярная гигіена зубовъ. ***Г. И. Чилинкинъ.*** М. 1904. Ц. 60 к.

Отчеты санитарныхъ врачей С.-Петербургскаго Губерн. Земства за 1903 г. Спб. 1904.

Г. П. Задера. Медицинскіе дѣятели въ произведеніяхъ А. П. Чехова. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 50 к.

А. И. Ефимовъ. Сифилисъ въ русской деревнѣ. Казань. 1902.

Руфь Брэ. Право на материнство. Пер. съ нѣм. Н. Коршъ. М. 1905. Ц. 40 к.

Водолѣченіе. Составилъ ***М. Копытчукъ.*** Полтава. 1904. Ц. 10 к.

Отчетъ о дѣятельности педагогическаго общества. Годъ VI. М. 1904.

Нашата конституція. Общедоступно изтълкувана отъ Ив. Ст. Визиревъ. Пловдивъ. 1904. Ц. 1.30 л.

Dott. Giovanni Bergamasco. Biologia delle mesembryanthemaceae. Napoli. 1904.

Хроника внутренней жизни.

9 января въ Петербургѣ.

I.

Бываютъ дни и бываютъ событія, въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается значеніе самыхъ глубокихъ сторонъ данной исторической минуты. Разгадать ихъ,—значитъ найти вѣрное направленіе для самыхъ, быть можетъ, опредѣляющихъ шаговъ ближайшаго будущаго. Не разгадать, отвѣтить слишкомъ спѣшно и неправильно,—значитъ дать ошибочный отвѣтъ на роковую загадку сфинкса. А вѣдь такой отвѣтъ, если вѣрить мудрости древнихъ,—значитъ возможность гибели.

Таково, по нашему глубокому убѣжденію, значеніе январьскихъ событій въ Петербургѣ.

22 января мы узнали изъ газетъ, что кн. Святополкъ-Мирскій оставилъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Газеты всѣхъ оттѣнковъ провожаютъ его болѣе или менѣе сочувственными напутствіями. Русскій человѣкъ со вздохомъ вспоминаетъ первые дни „эпохи довѣрія“... И кажется, что это было уже такъ давно... Тогда же телеграфъ разнесъ по всей Россіи извѣстіе о томъ, что Н. В. Муравьевъ оставляетъ постъ министра юстиціи. Никакихъ словъ довѣрія русское общество отъ Н. В. Муравьева никогда не слыхало, и никакихъ вздоховъ за нимъ на новое мѣсто служенія, въ далекій Римъ, вѣроятно, не понесется... Но все же и эта перемѣна въ другое время вызвала бы много волненія и поставила бы много вопросовъ... Куда должна направиться наша юстиція, исходившая 40 лѣтъ назадъ отъ идеи законности, для всѣхъ обязательной и для всѣхъ равной, и теперь, послѣ сорокалѣтняго странствованія въ пустыняхъ бюрократическихъ извращеній, вынужденная начать „новый исходъ“ изъ гомельскихъ и кишиневскихъ сессій, изъ закрытыхъ помѣщеній павловскихъ и иныхъ сектантскихъ дѣлъ—по направленію... опять все къ тому же желанному равенству всѣхъ и „къ охраненію силы закона“... Наконецъ, въ газетахъ появляются отчеты о засѣданіяхъ и намѣреніяхъ комитета министровъ по осуществленію идей, изложенныхъ въ указѣ 12 декабря... Правда, языкъ этихъ сообщеній далеко нельзя назвать удобопонятнымъ, а его опредѣленія легко уловимыми.. Но все же въ другое время они вызвали бы самые оживленные комментаріи, среди которыхъ, по старой привычкѣ россійской прессы и общества „къ надеждамъ славы и добра“,—было бы очень много фиміамовъ и восторговъ...

Теперь все это проходитъ какъ-то незамѣтно и глухо, безъ привычныхъ отголосковъ... Ни отставка кн. Св.-Мирскаго, завершающая программу „довѣрія“, не вызываетъ естественныхъ огорченій, ни отъѣздъ Н. В. Муравьева, ни даже гласныя сообщенія комитета министровъ—не окрыляютъ надеждъ... И это потому, что это вдругъ стало въ глазахъ общества незначительнымъ и неважнымъ...

Въ одномъ разсказѣ нашего геніальнаго писателя, Л. Н. Толстого, („Казаки“) есть образъ, очень идущій къ нашему теперешнему настроенію. Герой его ѣдетъ степными дорогами на почтовыхъ по направленію къ Кавказу. Гдѣ-то вдали его ждутъ кавказскія горы, о которыхъ онъ, житель равнинъ, слышалъ такъ много шаблонныхъ отзывовъ, что ему, скептику, начинаетъ казаться, что никакихъ, въ сущности, горъ, способныхъ вызывать такія впечатлѣнія, совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ... Всюду та же ровная степь, томительная и скучная, съ однообразнымъ и бѣднымъ просторомъ и съ туманною мглою... А если появятся неровности, то... только для подтвержденія старой истины, что ничего въ сущности рѣзко отступающаго отъ этой плоской равнины и быть не можетъ...

Читатель помнитъ, навѣрное, то ощущеніе рѣзкаго нервнаго подъема, можно сказать, пожалуй—удара по нервамъ, который пришлось пережить толстовскому герою, когда, проснувшись на утро, онъ увидѣлъ, что дорога его, еще бѣгущая по степи, уже упирается вдали въ необычно изломанныя очертанія горныхъ громадъ... И дальше все время его впечатлѣнія уже разстилаются у ихъ подножія. Онъ продолжаетъ вспоминать свое прошлое, столицу, знакомыхъ, а въ душѣ все стоитъ одинъ припѣвъ... „А горы!“... Читатель помнитъ, вѣроятно, и впечатлѣніе этого припѣва, шероховатаго, рѣзкаго, не укладывающагося ни въ какой ритмъ остальныхъ ощущеній, которымъ Толстой выразилъ смущенное состояніе духа своего равниннаго жителя... „А горы!“.

Передо мной все время, всѣ эти дни и въ ту минуту, когда я пишу эти строки,—стоитъ неотвязно этотъ образъ геніальнаго художника... И мнѣ кажется, что теперь всѣ впечатлѣнія отъ нашего „общественнаго дня“ такъ же разстилаются у подножія чего-то необычнаго, большого, мрачнаго, встающаго туманной громадой угрюмыхъ диссонансовъ надъ равнинами нашей жизни... И надъ всѣмъ, — надъ отставками и перемѣнами министровъ, надъ извѣстіями съ театра войны, надъ „предначертаніями“ комитета министровъ высится этотъ угрюмый фонъ, залегая въ душѣ неотвязнымъ припѣвомъ... „А девятое января 1905 года“...

Да, это девятое января поднялось надъ однообразіемъ нашей „равнинной исторіи“, надъ ея буераками и оврагами, надъ холмиками „довѣрья“ и извилинами бюрократической реакціи—какъ первый крутой изломъ нашего горизонта, за которымъ, быть мо-

жетъ, въ загадочномъ туманѣ уже рисуются другіе—и выше, и обрывистѣе, и круче...

И невольно взглядъ приковывается къ этому явленію съ естественнымъ желаніемъ—разглядѣть, опредѣлить очертанія, найти перевалы и дороги...

II.

Но разглядѣть нелегко...

Такъ ужъ сложились традиціи и привычки нашей жизни, что, какъ только въ ней появляется что-нибудь значительное, что-нибудь съ необычайнымъ и, быть можетъ, угрожающимъ значеніемъ,—то первымъ и самымъ насущнымъ лозунгомъ дня провозглашается молчаніе, вмѣсто свободнаго обсужденія, освѣщенія и критики. Теперь мы всѣ уже видимъ и даже въ „предначертаніяхъ" комитета министровъ встрѣчаемъ авторитетное признаніе,—что „осуществленіе полной силы закона", *для всѣхъ равнаго*, есть насущнѣйшая потребность страны, и его отсутствіе является одной изъ причинъ нашихъ теперешнихъ бѣдствій. Но когда, въ видѣ института земскихъ начальниковъ, въ нашу злополучную жизнь вводилось начало прямо противоположное, начало яко бы отеческой власти одного сословія надъ другимъ, лишившее многомилліонное крестьянское населеніе всякихъ гарантій правосудія,—то первое, что было признано необходимымъ,—это ограниченіе права печати обсуждать и подвергать критикѣ новое учрежденіе... И такъ во всемъ,—начиная съ частнаго злоупотребленія того или другого высокопоставленнаго лица до общаго явленія, какъ „усиленная охрана", отмѣняющая даже наличную силу существовавшихъ еще признаковъ законности.

Тоже и по отношенію къ „рабочему вопросу", который вообще признавался выдумкой либеральной печати, пока онъ не всталъ передъ обществомъ во всемъ своемъ великомъ и трудномъ значеніи. То же, въ частности, и по отношенію къ событіямъ 9 января.

Прошло около двухъ недѣль, и мы не имѣемъ еще ни полной картины рокового событія, ни его размѣровъ. Пока у насъ есть лишь оффиціальное сообщеніе первыхъ дней, — уже по своей спѣшности страдающее неполнотой, односторонностью и, конечно, неизбѣжнымъ пристрастіемъ,—и нѣсколько отрывочныхъ дополненій того же происхожденія... Однако, при всѣхъ этихъ свойствахъ, даже и этихъ оффиціально-сухихъ сообщеній достаточно, чтобы рисуемое ими событіе поднялось мрачною тѣнью надъ всѣми другими злобами нашего и безъ того далеко не безъоблачнаго дня...

Изъ этого сообщенія мы узнаемъ прежде всего, что „въ Петербургѣ, въ началѣ 1904 года, по ходатайству нѣсколькихъ ра-

бочихъ фабрикъ и заводовъ былъ утвержденъ уставъ „С.-Петербургскаго Общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ“, имѣвшаго цѣлью удовлетвореніе ихъ духовныхъ и умственныхъ интересовъ и *отвлеченіе рабочихъ отъ преступной пропаганды*“.

Въ послѣдней фразѣ курсивъ принадлежитъ намъ, и мы позволимъ себѣ остановиться на ея значеніи. Итакъ, фабричное общество было основано, кромѣ обычныхъ органическихъ потребностей рабочей среды,—еще съ спеціально-политической цѣлью; другими словами, органическія потребности рабочей среды и естественное стремленіе къ ихъ удовлетворенію,—отдавались подъ особое воздѣйствіе бюрократически-полицейскаго начала и должны были служить также и полицейскимъ цѣлямъ. Этотъ опытъ уже не первый: изъ многихъ другихъ правительственныхъ сообщеній, появлявшихся въ разное время, мы знаемъ о такой же попыткѣ въ Москвѣ и другихъ городахъ. Особенно ярко послѣдствія такого сочетанія проявились, какъ всѣмъ извѣстно, два года назадъ въ Одессѣ, и въ газетахъ, среди арестованныхъ за „безпорядки“ лицъ, значились имена людей, до тѣхъ поръ несомнѣнно пользовавшихся поощреніемъ и покровительствомъ оффиціальныхъ сферъ. Въ этомъ, очевидно, есть нѣчто знаменательное, на что въ то время не было обращено достаточнаго вниманія. Пресса пыталась отмѣтить эту черту и ея значеніе, чреватое многими неожиданностями для обѣихъ сторонъ, но, разумѣется, не она виновата въ скудости и неполнотѣ этого освѣщенія...

Теперь эту любопытную черту мы встрѣчаемъ въ самомъ началѣ оффиціальнаго сообщенія. При этомъ мы вспоминаемъ невольно, какъ еще недавно „Московскія Вѣдомости“, а за ними „Свѣтъ“ и „Гражданинъ“ радостно оповѣщали о возникновеніи благонамѣренныхъ рабочихъ организацій, иниціаторы которыхъ встрѣчали радушный пріемъ въ тѣхъ самыхъ сферахъ, которыя незадолго отрицали самое существованіе рабочаго вопроса и возлагали всѣ упованія на добровольное патріархально-отеческое попеченіе гг. фабрикантовъ. Мы помнимъ также, что одинъ изъ московскихъ рабочихъ представителей этого столь своеобразно начинавшагося „истинно-русскаго“ рабочаго движенія—окрылился до такой степени, что со столбцовъ газеты извѣстнаго „московскаго патріота“ г-на Грингмунта сталъ преподавать заблудшему въ либерализмѣ русскому обществу уроки благонамѣренности и патріотизма.

Но рабочая среда—не кружокъ этихъ „иниціаторовъ“, которые по недоразумѣнію говорили отъ ея имени и давали радужныя обѣщанія, и „рабочій вопросъ“—не мелкая служебная подробность той или другой полицейской политики. Для рабочей среды, въ первыя минуты, быть можетъ, искренно увлеченной заманчивыми перспективами, это—не игра и не праздничная феерія, а самый насущный жизненный вопросъ, къ рѣшенію котораго она стремится съ суровой правдивостью и понятнымъ нетерпѣніемъ. И

вотъ, всякій разъ, когда дѣло отъ эффектныхъ демонстрацій и гарунъ-аль-рашидовскихъ частностей переходитъ къ общимъ наболѣвшимъ вопросамъ рабочей жизни,—тотчасъ же вскрывается внутренній разладъ не естественнаго союза: рабочая масса требуетъ исполненія обѣщаній и замѣтнаго *реальнаго* измѣненія условій своего существованія. Въ этомъ ея главная и единственная цѣль. Но цѣль „союзной" администраціи совсѣмъ другая. Центръ тяжести „общаго дѣла" она видитъ лишь въ эффектныхъ оказательствахъ массовой покорности и довѣрчиваго „упованія"... И когда эти оказательства даны, если можно даже съ примѣсью нѣкоторыхъ угрозъ по адресу „либеральной части общества",—то административный союзникъ склоненъ считать свою задачу исполненной... Бѣда лишь въ томъ, что въ его распоряженіи нѣтъ второй формулы, которая могла бы уничтожить разъ вызванныя надежды... И очень скоро феерія переходитъ въ трагедію, и, вмѣсто громовъ бутафорскихъ, надъ сценой начинають раздаваться раскаты настоящей грозы...

III.

Обращаемся къ дальнѣйшему изложенію событій.

Итакъ, одною изъ цѣлей общества являлась „борьба съ крамолой". Повидимому, дѣло начиналось при хорошихъ предзнаменованіяхъ, такъ какъ во главѣ новой организаціи стало духовное лицо, священникъ о. Георгій Гапонъ съ самыми лучшими рекомендаціями.

Мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на этой замѣчательной личности, которая теперь выставляется одними, какъ настоящее исчадіе ада, въ другихъ, быть можетъ, вызываетъ мистическое удивленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что и то, и другое далеко отъ истины. Священникъ Гапонъ является лишь однимъ изъ тѣхъ „провиденціальныхъ людей", которые порой въ бурные періоды какъ-то вдругъ обнаруживаются на поверхности общественной жизни. Все ихъ значеніе въ томъ, что и ихъ личныя добродѣтели, и ихъ недостатки, вообще всѣ стороны ихъ личности совпадаютъ по тону съ господствующимъ настроеніемъ среды, усиливая это настроеніе, какъ резонаторы усиливаютъ звуки...

Газеты даютъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія. Уроженецъ Полтавской губерніи, мѣстечка Бѣлики, Кобелякскаго уѣзда, о. Георгій Гапонъ родился въ простой семьѣ украинскаго казака. Поступивъ въ полтавскую семинарію, окончилъ въ ней курсъ не безъ нѣкоторыхъ отклоненій. Страстная, импульсивная натура и склонность къ шероховатой несдержанной правдивости создавали ему много затрудненій, и онъ былъ исключенъ. Но затѣмъ, повидимому, онъ пережилъ столь же порывистые приступы смире-

нія, которые привлекли къ нему благосклонное покровительство покойнаго полтавскаго епископа Илларіона. Онъ былъ опять принятъ въ семинарію, гдѣ, благодаря незауряднымъ способностямъ, блестяще окончилъ курсъ. Вѣроятно, въ періодъ увольненія, Георгій Гапонъ для заработка участвовалъ въ статистическихъ работахъ земскаго бюро, но это было недолго и, кажется, прочной связи съ такъ называемой „интеллигентной средой“ у этого своеобразнаго человѣка не завязалось. Затѣмъ, благодаря протекціи епископа Иларіона, по окончаніи семинаріи и послѣ женитьбы, о. Гапонъ получилъ мѣсто въ кладбищенской церкви. Смерть любимой жены вызвала новый поворотъ въ его жизни. Онъ рѣшилъ сначала поступить въ монахи, но потомъ опредѣлился въ духовную академію.

Здѣсь, въ столицѣ, онъ опять обратилъ на себя вниманіе въ высшихъ духовныхъ сферахъ, получилъ мѣсто священника въ пересыльной тюрьмѣ и, наконецъ, былъ избранъ и утвержденъ предсѣдателемъ новаго общества рабочихъ, съ его двойственной задачей и со всѣми вскрывшимися впослѣдствіи противорѣчіями разнородныхъ стремленій его „учредителей“...

Нѣтъ ничего легче, какъ окрашивать человѣка какимъ-нибудь однимъ, простымъ и слишкомъ опредѣленнымъ цвѣтомъ, и мы слишкомъ часто прибѣгаемъ къ такимъ одноцвѣтнымъ квалификаціямъ, какъ „злодѣй, лицемѣръ и крамольникъ“. Но, какъ на примѣрѣ внѣшней войны, мы видимъ, что апріорныя патріотическія квалификаціи противника оказались совершенно негодными къ употребленію и къ руководству, такъ и въ осложненіяхъ внутреннихъ полезнѣе искать истину, чѣмъ успокаиваться на лубочныхъ шаблонахъ. Несомнѣнно, что фигура священника Гапона, метавшагося въ страстныхъ порывахъ между семинарскими мятежами и покаяніями, изъ статистики переходившая къ алтарю и отъ алтаря на площадь,—представляетъ психологію необыкновенно сложную и не укладывающуюся въ простыя клички.

И именно двойственный характеръ того „рабочаго движенія“, о которомъ мы говорили выше, является наиболѣе подходящей атмосферой для расцвѣта подобныхъ натуръ: здѣсь является просторъ одновременно и для гуманныхъ стремленій, удовлетворяющихъ порывамъ неуравновѣшанной филантропіи бывшаго семинарскаго строптивца, и для его смиренія, ведущаго „къ благополучію массъ“ путями, предначертанными свѣтскимъ начальствомъ съ благословенія начальства духовнаго. Повидимому, здѣсь находятъ примиреніе всѣ стороны неустойчивой натуры, и вдобавокъ она начинаетъ еще дышать атмосферой какихъ-то таинственныхъ стремленій того великаго цѣлаго, которое носитъ названіе человѣческой толпы и живетъ особенною коллективною жизнью.

Нѣтъ необходимости непремѣнно отрицать искренность первоначальныхъ намѣреній, чтобы понять конечныя противорѣчія,

залогъ которыхъ лежалъ уже въ нѣдрахъ самой организаціи... Эти противорѣчія вскрылись, и бурная натура довершила остальное. Св. Гапонъ сталъ отголоскомъ широкаго массового движенія, увлекающій массу и самъ ею увлеченный...

IV.

„По мѣрѣ своего распространенія,—говоритъ далѣе оффиціальное сообщеніе,—на всѣ фабричные раіоны Петербурга,—общество стало заниматься обсужденіемъ существовавшаго на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ отношенія между рабочими и хозяевами, а затѣмъ, въ декабрѣ минувшаго года, побудило рабочихъ Путиловскаго завода вмѣшаться въ вопросъ объ увольненіи съ завода четверыхъ рабочихъ...“ Изъ этого краткаго изложенія мы не можемъ, разумѣется, судить о всей дѣятельности общества и о томъ предварительномъ броженіи въ его средѣ, которое привело къ началу стачекъ. Мы видимъ только, что общество рабочихъ приступаетъ къ обсужденію вопросовъ рабочей жизни, то есть именно тѣхъ вопросовъ, для которыхъ оно и основано. Долгая, трудная и обширная практика такихъ обществъ за границей показываетъ, съ какими сложными запутанностями приходится имѣть дѣло рабочимъ организаціямъ и какія учрежденія способны поставить эти вопросы на нейтральную почву, на которой ведется подсчетъ взаимно перепутавшихся интересовъ. При этомъ бываютъ случаи, когда уступаютъ рабочіе, и бываетъ, наоборотъ, что уступаютъ фабриканты. И въ процессѣ этой закономѣрной борьбы въ разныхъ областяхъ жизни, медленно и трудно, но все же рабочій вопросъ подвигается къ рѣшенію, и страсти до извѣстной степени разряжаются нормально. Роль государства, помимо, конечно, общей политики, въ случаяхъ этихъ частныхъ столкновеній противоположныхъ интересовъ, сводится на то, чтобы дать имъ закономѣрныя формы и поддерживать процессъ въ извѣстномъ, законномъ, такъ сказать, руслѣ... Наша практика, по общимъ причинамъ и по общимъ свойствамъ нашего уклада,—особенно бѣдна такими формами, которыя создавали бы нейтральную почву для разумныхъ соглашеній подъ авторитетной эгидой прочной законности, обязательная сила которой простиралась бы одинаково надъ данными общественными группами. По самымъ свойствамъ нашей жизни, массы, во-первыхъ, слишкомъ ясно чувствуютъ, что „сила закона“ фактически и на всякомъ шагу давитъ на чашки вѣсовъ въ пользу ихъ болѣе сильныхъ противниковъ. А съ другой стороны, практика новѣйшей „рабочей политики“, получившей начало въ зубатовскихъ организаціяхъ Москвы, слишкомъ неосторожно и легкомысленно обнадеживала массы, что въ одинъ прекрасный день безконтрольное и несвязанное законами административное

усмотрѣніе можетъ перейти на ихъ сторону, и тогда внезапными благодѣтельными приказами начальства соціальный вопросъ, такъ трудно поддающійся даже усовершенствованнымъ формамъ европейскаго строя, — будетъ разрѣшенъ легко, просто, внезапно и безповоротно нашей „патріархальной“ бюрократіей... Но, разумѣется, съ другой стороны, и фабрикантамъ, въ совершенномъ согласіи съ существующимъ значительно обветшалымъ законодательствомъ,—даются обѣщанія, что интересы „священной собственности“ и капитала останутся неприкосновенны и получатъ твердую, строгую и полную охрану...

И вотъ, надъ взволнованной и безъ того поверхностью русской жизни вздымаются эти волны противоположныхъ надеждъ и противоположныхъ стремленій... И въ то время, какъ и тѣ, и другія одинаково ждутъ своего *полнаго* разрѣшенія отъ всесильной бюрократіи,—послѣдняя видитъ, что единственная ея собственная цѣль, которую одну только она ищетъ въ этомъ столкновеніи огромныхъ и все болѣе обостряющихся интересовъ,—то есть массовыя оказательства благонамѣренной покорности и упованія, что эта цѣль безнадежно исчезаетъ... И надъ ареной недавняго единенія водворяется не феерія, а трагедія...

IV.

„Требованія рабочихъ,—говоритъ оффиціальное сообщеніе,—постепенно возрастали...“. Правда, это возрастаніе было все еще довольно скромно: помимо требованія о возвращеніи ихъ товарищей, они предъявили еще требованія объ измѣненіи порядка назначенія расцѣнки работъ и увольненія рабочихъ. „Мѣры увѣщанія со стороны фабричной инспекціи оказались безуспѣшными, и къ стачкѣ, подъ вліяніемъ агитаціи, присоединились поголовно рабочіе нѣкоторыхъ другихъ заводовъ Петербурга; затѣмъ стачка стала быстро распространяться, охвативъ почти всѣ фабрично заводскія предпріятія столицы, при чемъ, по мѣрѣ распространенія стачки, возрастали и требованія рабочихъ“...

Все это совершенно понятно и, можно сказать, даже совершенно обычно въ такомъ явленіи, какъ рабочая стачка, которая всегда предъявляетъ требованія сокращенія рабочаго дня и регулированія расцѣнокъ... Нѣтъ на свѣтѣ ни одного рабочаго общества, открываемаго хотя бы и на законнѣйшихъ основаніяхъ, которое не ставило бы себѣ этихъ цѣлей. Между тѣмъ, уже въ этомъ изложеніи оффиціальнаго документа читатель чувствуетъ, что настроеніе его какъ бы уже измѣнилось и, разъ выступили тѣ или другія „требованія рабочихъ“, то все остальное уже разсматривается, какъ преступленіе. Здѣсь сказалось опять гибельно, къ сожалѣнію, привычное у насъ настроеніе. Мы готовы плато-

нически примириться со всѣмъ, что составляетъ принадлежность развитой гражданственной жизни. Свобода печати?.. у насъ есть много приверженцевъ свободы печати даже въ высшихъ сферахъ, и князь Мещерскій приводилъ недавно восторженные отзывы объ этомъ прекрасномъ предметѣ нѣсколькихъ покойныхъ министровъ. Мы не сомнѣваемся, что эти отзывы были совершенно искренни, но опасаемся, что „освобожденная печать" рисовалась при этомъ въ умахъ говорившихъ въ видѣ кроткой овечки, которая, уже изъ благодарности за свое освобожденіе отъ цѣпей, будетъ слѣдовать за освободителями на шелковой ленточкѣ и по временамъ кротко и благодарно лизать освободившую ихъ руку, издавая лишь ласкающее слухъ мелодическое блеяніе...

Разумѣется, безжалостная дѣйствительность всегда разрушаетъ эти прекраснодушныя мечтанія. Печать, только почувствовавъ первые признаки облегченнаго режима, по самому *органическому* свойству гласности — немедленно стремится стать *независимымъ* факторомъ общественной жизни, и нерѣдко благодушному освободителю ея приходится встрѣтить первому все неудобство рѣзкаго, хотя и оздоровляющаго вѣянія... И совершенно такъ же широкая рабочая организація, кѣмъ бы и съ какими бы цѣлями она ни была основана,—немедленно и неизбѣжно становится орудіемъ для выраженія *настоящихъ жизненныхъ* нуждъ среды и считается только съ ними; а если отъ нея ждали другого и если ей самой подавались надежды, не вытекавшія изъ жизненныхъ соотношеній и свойствъ дѣйствующихъ въ обществѣ силъ, то совершенно понятно, что для обѣихъ сторонъ наступаетъ разочарованіе. Администрація не находитъ покорной массы, готовой покорно ограничиться однимъ упованіемъ на свѣтлое будущее, рабочая масса страстно требуетъ дѣйствительнаго удовлетворенія своихъ наболѣвшихъ требованій...

На этой почвѣ двухъ разностороннихъ разочарованій и разыгрываются дальнѣйшія событія. „Требованія рабочихъ, — говоритъ правительственное сообщеніе,—въ письменномъ изложеніи, составленномъ въ большинствѣ случаевъ Гапономъ, были распространяемы среди рабочихъ. Первоначально они касались мѣстныхъ для отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ вопросовъ, затѣмъ перешли къ вопросамъ общимъ: о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, объ участіи рабочихъ организацій въ разрѣшеніи спора между рабочими и хозяевами. Хозяева охваченныхъ стачкой промышленныхъ заведеній, собравшись на совѣщаніе, признали, что удовлетвореніе нѣкоторыхъ домогательствъ рабочихъ должно повлечь за собой полное паденіе русской промышленности" (!), другія требованія могли бы быть удовлетворены только при помощи законодательства, которое распространило бы ихъ на всѣ конкуррирующія отрасли производства равномѣрно, наконецъ, третьи „могли бы быть частью удовлетворены въ мѣрѣ посильной для

каждаго отдѣльнаго предпріятія", но фабриканты отказались „вести объ нихъ переговоры съ организаціей стачечниковъ во всей совокупности".

Сначала стачка не сопровождалась нарушеніемъ порядка. Но затѣмъ, по словамъ оффиціальнаго сообщенія, „къ агитаціи, которое вело Общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, присоединились подстрекательства подпольныхъ революціонныхъ кружковъ, а съ 8 января и само вышеупомянутое общество, со священникомъ Гапономъ во главѣ, перешло къ пропагандѣ явно революціонной. Въ этотъ день священникомъ Гапономъ была составлена и распространена петиція отъ рабочихъ на Высочайшее имя, въ которой уже, на ряду съ пожеланіемъ объ измѣненіи условій труда, *были изложены дерзкія требованія политическаго свойства*".

Такъ, самымъ ходомъ вещей, назрѣвали элементы петербургскихъ событій. Весь экспериментъ логически былъ законченъ. На сцену выступили „факты". Когда-нибудь, быть можетъ даже въ скоромъ времени,—исторія дастъ намъ трагическія черты того настроенія, въ которомъ находился Петербургъ наканунѣ 9-го января, когда всѣмъ было извѣстно, что массы рабочихъ готовятся назавтра представить свою петицію... Къ явленіямъ подобнаго рода уже давно привычны общества, живущія развитою гражданскою жизнью, и тамъ есть формы, въ которыя могло бы отлиться это петиціонное движеніе, безъ экстреннаго нарушенія порядка и безъ трагическихъ событій. Но наша жизнь, только мечтающая о „единеніи власти съ народомъ" и о формахъ этого единенія, была застигнута врасплохъ огромнымъ, небывалымъ движеніемъ, охватившимъ сотни тысячъ рабочаго населенія... И весь взволнованный предстоящей драмой Петербургъ сознавалъ, что наша суровая „практика" не выдвинетъ ничего, кромѣ привычныхъ „воздѣйствій"...

Дальше мы будемъ точно слѣдовать оффиціальному изложенію событія, въ надеждѣ, что и оно дастъ читателю, особенно русскому читателю, привычному къ условностямъ оффиціальнаго стиля,—достаточно яркую картину петербургской трагедіи.

„Фанатическая пропаганда,—говоритъ все то же правительственное сообщеніе, — которую въ забвеніи святости своего сана велъ священникъ Гапонъ, и преступная агитація злоумышленныхъ лицъ возбудили рабочихъ настолько, что они 9-го января огромными толпами стали направляться къ центру города. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между ними и войсками вслѣдствіе упорнаго сопротивленія толпы подчиниться требованію разойтись, а иногда даже нападенія на войска, произошли кровопролитныя столкновенія. Войска вынуждены были произвести залпы: на Шлиссельбургскомъ трактѣ, у Нарвскихъ воротъ, у Троицкаго моста, по 4-й линіи, на Маломъ проспектѣ Васильев-

скаго острова, у Александровскаго сада, на углу Невскаго проспекта, на улицѣ Гоголя, у Полицейскаго моста и на Казанской площади. На 4-й линіи Васильевскаго острова толпа устроила изъ проволокъ и досокъ три баррикады, прикрѣпила красный флагъ; изъ оконъ сосѣднихъ домовъ въ войска были брошены камни и произведены выстрѣлы; у городовыхъ толпа отнимала шашки и вооружалась ими, разграбила оружейную фабрику Шаффа, похитивъ около 100 стальныхъ клинковъ, которые, однако, были большею частью отобраны. Въ 1-мъ и во 2-мъ участкахъ Васильевской части толпой были порваны телефонные провода, опрокинуты телефонные столбы; на зданіе 2-го полицейскаго участка Васильевской части произведено нападеніе, и помѣщеніе участка разбито. Вечеромъ на Большомъ и Маломъ проспектахъ Петербургской стороны разграблено 5 лавокъ. Общее количество потерпѣвшихъ отъ выстрѣловъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ больницами и пріемными покоями, къ 8-ми часамъ вечера, составляетъ убитыхъ 76 человѣкъ, въ томъ числѣ околоточный надзиратель, раненыхъ 233 человѣка, въ томъ числѣ тяжело раненъ помощникъ пристава и легко ранены рядовой жандармскаго дивизіона и городовой. На 10-е января къ охранѣ города приняты мѣры, которыя были приняты 9-го числа"...

V.

Такъ заканчивается это первоначальное сообщеніе о событіи, еще небываломъ въ новѣйшей русской исторія по характеру и по размѣрамъ. Всякій, для кого названія петербургскихъ площадей и улицъ не простой отвлеченный терминъ, представитъ себѣ это кольцо, въ которое стягивались огромныя и безоружныя рабочія массы, направлявшіяся отъ окраинъ къ центру. Не трудно также представить въ воображеніи это море людей, двигавшихся нерѣдко съ женщинами и дѣтьми... Мѣстами впереди несли иконы и хоругви. И въ заключеніе по всему этому кольцу въ разныхъ мѣстахъ вспыхнули огни ружейныхъ залповъ, и мостовая обагрилась родною кровью...

Мы не станемъ воспроизводить подробностей ужасающей картины. Она, можетъ быть, скоро будетъ возстановлена „нелицепріятной исторіей"... Не станемъ также устанавливать ея истинные размѣры. Для этого нѣтъ еще полныхъ свѣдѣній, хотя въ оффиціальныхъ „Вѣдомостяхъ С.-Петербургскаго Градоначальства" уже появились именные списки убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, тоже еще не полные, но уже значительно превысившіе первоначальныя цифры... *). Все это можетъ расширить размѣры, но не

*) См. „Новое Вр." отъ 22 января. По иностраннымъ свѣдѣніямъ, даже съ соотвѣтствующими поправками, число убитыхъ простирается отъ 500 до 1000 человѣкъ.

измѣнить характеръ самой картины... По весьма понятнымъ причинамъ мы воздерживаемся также отъ оцѣнки всего происшедшаго...

Бѣдствіе огромное, тяжкое, непоправимое. Мрачнымъ призракомъ, грознымъ предзнаменованіемъ оно стало на рубежѣ, который долженъ былъ обозначить переломъ застоявшейся русской жизни, начало ея новой эры... Такъ мало прожито съ тѣхъ поръ, когда начались много обѣщавшіе разговоры о единеніи и довѣріи, и такъ много пережито до этихъ выстрѣловъ и кавалерійскихъ атакъ на улицахъ столицы...

Вся русская жизнь представляется намъ какъ бы остановившейся въ раздуміи и ужасѣ, точно сказочный богатырь, передъ которымъ на распутьи всталъ внезапно грозный призракъ. Куда идти дальше?.. И идти ли?.. И можно ли вѣрить въ будущее и можно ли повторять недавнія еще радостныя формулы?..

Неужели все это можетъ стать опять вопросомъ?

Трагедія нашей жизни за послѣднія десятилѣтія состоитъ въ безсиліи всѣхъ попытокъ разорвать волшебный кругъ бюрократической реакціи. Когда въ устающемъ обществѣ водворяется наружное спокойствіе, то его безнадежное молчаніе принимается за признакъ благоденствія и довольства. И тогда мы слышимъ, что никакія реформы не нужны, потому что все обстоитъ благополучно... И даже именно потому все благополучно, что никакихъ „реформъ" на горизонтѣ не видно. А когда же наружное благополучіе переходитъ въ признаки недовольства и тревоги, то первыя же попытки реформъ немедленно прекращаются, потому что онѣ признаются несвоевременными. Не нужно—потому, что еще все спокойно... Нельзя, потому что уже начинается броженіе,—такова философія нашей новѣйшей исторіи, такова альфа и омега бюрократическаго творчества...

А между тѣмъ — жизнь не ждетъ... Въ ея глубинахъ назрѣваютъ не находящія исхода потребности... Давно уже изъ боязни живой работы у насъ прекращены не только попытки аграрныхъ реформъ, но даже статистика, — необходимая подготовительная стадія всякой серьезной работы. Мы то слышали убаюкивающія сказки о „патріархальности" русскаго капитализма, устраняющаго необходимость коренныхъ реформъ фабричнаго законодательства, то видѣли попытки запречь молодое рабочее движеніе въ полицейскую колесницу. И все время мы встрѣчали боязнь передъ развивающимся сознаніемъ народныхъ массъ и передъ естественнымъ ихъ стремленіемъ къ организаціи для правомѣрнаго отстаиванія своихъ интересовъ... Между тѣмъ какъ это ростущее сознаніе является лучшимъ залогомъ спокойнаго общественнаго развитія и общественнаго здоровья, если только отнестись къ нему правдиво и искренно...

И вотъ, наша жизнь стала похожа на гигантскій котелъ, въ

которомъ закипаетъ сдавленная живая сила, требующая законнаго исхода. Но—лишь только мы пытаемся открыть предохранительный клапанъ, какъ рѣзкій шумъ вырывающагося пара пугаетъ нашихъ машинистовъ, они торопятся опять закрыть и даже замазать всѣ щели... И когда послѣ этого наступаетъ тишина, лишь изрѣдка нарушаемая глухими внутренними толчками, то это принимается за признаки благополучія и безопасности...

И вотъ... еще одинъ опытъ... И неужели клапаны опять будутъ закрыты?

Жизнь не ждетъ. Передъ русскимъ обществомъ и передъ русскимъ народомъ все явственнѣе встаетъ загадка его существованія, и возврата уже нѣтъ и быть не можетъ.

Это ясно, и что касается русскаго общества, то оно сознало это безповоротно!

Вл. Короленко.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На сооруженіе памятника на могилѣ **Николая Константиновича Михайловскаго** поступило:

От Л. М. Рейнгольдъ, изъ С.-Петербурга—3 р.

Итого . . . 3 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 2.665 р. 04 к.

На стипендію имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ NN—1 р., отъ друга и товарища Д. И. Мочальскаго, изъ Москвы—10 р.

Итого . . . 11 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 884 р. 65 к.

Въ капиталъ имени **Николая Константиновича Михайловскаго** при „Литературномъ Фондѣ":

Отъ Тараниковой, изъ Одессы—3 р.

Итого . . . 3 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 193 р. 48 к.

На устройство народной школы имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ „Упрямца", изъ Екатеринослава—2 р., отъ А. Митяншевой, изъ Шадринска—5 р., отъ Е. Долинской, изъ Нальчика—1 р., отъ политическихъ администр.-ссыльныхъ Евгенія и Екатерины Поповыхъ, изъ Среднеколымска—6 р. 50 к., отъ политическаго администр.-ссыльнаго Игоря Будиловича, изъ Среднеколымска—1 р., отъ политическаго администр.-ссыльнаго Вартана Гарагулянца, изъ Среднеколымска—50 к., отъ Г. А. Ротинянца, изъ Тифлиса—2 р., отъ А. М. Сухомлиной, изъ Одессы—3 р.

Итого . . . 21 р. — к.
А всего съ прежде поступившими 262 р. — к.

На изданіе сборника, посвященнаго памяти **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ В. Буйницкаго, изъ Екатеринбурга—1 р. 50 к., отъ доктора М. А. Щеглова, изъ Тулы—2 руб., отъ А. С. Типольтъ, изъ Тулы—1 р., NN, изъ Тулы—2 р.

Итого . . . 6 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 10 р. — к.

На изданіе *безплатнаго* сборника для публичныхъ библіотекъ и народныхъ школъ, посвященнаго „вѣчной памяти великаго заступника народнаго **Николая Константиновича Михайловскаго**":

Отъ І. И. Годлевскаго, изъ Челябинска—1 р., А. М. Сухомлиной, изъ Одессы—3 р.

Итого . . . 4 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 5 р. — к.

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ.:

Отъ Г. А. Ротинянца, изъ Тифлиса—2 р.

Итого . . . 2 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 3.554 р. 76 к. *)

*) Изъ этой суммы 3.509 р. 26 к. 20 февраля 1904 г. за № 6201 переведены черезъ Государственный Банкъ въ Новгородскую губернскую земскую управу.

На сооруженіе **памятника на могилѣ Гл. И. Успенскаго:**

Отъ А. Томской, изъ С.-Петербурга—5 р., отъ В. Я. Е. изъ С.-Петербурга—10 р.

Итого . . . 15 р. — к.

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти Н. А. Некрасова:

Отъ священника І. Егорова, изъ Обдорска—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 413 р. 35 к.

На изданіе сборника въ память 25-лѣтія со дня смерти „великаго пѣвца народа-раба", **Н. А. Некрасова:**

Отъ І. И. Годлевскаго, изъ Челябинска—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

На учрежденіе высшей народной школы имени гр. **Л. Н. Толстого:**

Отъ К. В. Овчинникова, изъ Тифлиса—1 р., отъ г. Бушуева, изъ Усть-Гарышской прист.—1 р. 50 к.

Итого . . . 2 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 160 р. — к.

Черноморское Побережье,

ежедневная общественная, экономическая и литературная газета, издается въ г. *Новороссійскѣ*.

Какъ и въ предыдущіе годы, „Черноморское Побережье“ будетъ стремиться ко всестороннему освѣщенію жизни того района, имя котораго оно носитъ.

На всѣхъ пунктахъ побережья (Анапѣ, Геленджикѣ, Джанхотѣ, Архипоосиповкѣ, Береговой, Веселой, Туапсе, Сочи, Хостѣ, Адлерѣ, Гаграхъ, Сухумѣ, Гудаутахъ, Поти и др.) и въ Кубанской области (Екатеринодарѣ, Майкопѣ, Армавирѣ и во всѣхъ станицахъ) имѣются постоянные спеціальные корреспонденты.

Цѣна: на годъ—7 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. За границу: на годъ 14 р., на 6 мѣс. 8 руб., на 3 мѣс. 5 р., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

Редакторъ-издатель *Ф. С. Леонтовичъ*.

Ежедневная газета (кромѣ дней послѣ праздничныхъ)

Асхабадъ,

вѣстникъ литературы, политики, торговли, промышленности и мѣстной общественной жизни.

Цѣна: на годъ 7 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к., за границу 12 р.

Подписка принимается въ г. *Асхабадѣ*, въ конторѣ редакціи газеты „Асхабадъ“.

Единственная въ Ковенской губерніи ежедневная политическая, общественная и литературная газета

Ковенскій Телеграфъ

(второй годъ изданія).

Цѣна: на годъ 6 р., 1/2 года 3 р., 3 мѣс. 1 р. 80 коп., 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ: *г. Ковна*, Николаевскій пр., д. Левинсона.

Редакторъ-издатель *Ю. Блюменталь*.

Полтавскій Вѣстникъ,

ежедневная общественно-литературная газета.

Цѣна: на годъ 6 р., на 1/2 года 4 р. 10 к., на 3 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 85 к.

Подписка принимается въ г. *Полтавѣ*, въ конторѣ „Полтавскаго Вѣстника“, Кобелякская ул. Плата за объявленія: на 4-й страницѣ 10 коп. за строку петита, на 1-й страницѣ—20 коп,

Полтавщина,

ежедневная литературно-политическая, экономическая и общественная газета.

Основная задача газеты—содѣйствовать развитію культурной и экономической жизни Полтавской губерніи путемъ выясненія ея духовныхъ запросовъ и матеріальныхъ нуждъ.

Особое вниманіе газета будетъ удѣлять дѣятельности земства и городского самоуправленія, а также работѣ учрежденій, возникшихъ на почвѣ общественной самодѣятельности, такъ какъ самое широкое развитіе этой дѣятельности газета считаетъ необходимымъ условіемъ для культурнаго роста населенія и правового самосознанія личности.

Въ области экономическихъ вопросовъ и явленій первое мѣсто будетъ отведено выясненію условій правильнаго развитія труда и въ частности положенія сельскаго хозяйства, какъ основного промысла губерніи, на успѣхахъ котораго зиждется благополучіе главной массы населенія.

Уясненіе и защита національныхъ особенностей Полтавской губерніи, по скольку послѣднія не противорѣчатъ правильно понимаемымъ началамъ государственности, будутъ являться одной изъ основныхъ задачъ газеты, такъ какъ духовное развитіе и культурное преуспѣяніе народа мыслимы только при свободномъ проявленіи его національныхъ чертъ и особенностей.

Цѣна: на годъ 6 р., 6 мѣс. 3 р. 50 к., 3 м. 2 р., 1 м. 75 к.

Адресъ: *г. Полтава*, Александровская ул., д. Фишберга.

Редакторъ-издатель *В. Я. Головня.*

Царицынскій Вѣстникъ

(Восьмой годъ изданія).

Газета „Царицынскій Вѣстникъ“, какъ въ 1904 году, будетъ выходить ежедневно, кромѣ послѣвоскресныхъ о послѣпраздничныхъ дней, по той же программѣ.

Цѣна: на годъ 6 р., $^1/_2$ года 4 р., 3 мѣс. 2 р. 70 к., 1 мѣсяцъ 1 р.

Адресъ: *Царицынъ*, въ редакцію „Царицынскаго Вѣстника“, Астраханская ул., д. Жигмановскаго.

Редакторы: *Е. Д. Жигмановскій*, *Е. Г. Жигмановская.*

Приволжскій Край,

вечерняя газета, издающаяся въ *Саратовѣ*.

Цѣна: на годъ 5 р., 6 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 1 р. 75 к., 1 мѣс. 60 коп.

Объявленія впереди текста 15 коп.; послѣ текста—15 к.

Редакторъ-Издатель: ***Вл. Г. Короленко.***

Дозв. ценз. Спб., 28 января 1905 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.

ווי צוויי [2] וואָכען, פאר יעדען איבריגען
טאָג וועט מען מוזען באצאהלען איין [1]
סענט. ביכער מוזען געהאלטען ווערען
ריין.

